

Путешествие по святым местам русским.

Часть 1

Андрей Николаевич Муравьев

[Часть 2](#) * [Часть 3](#) * [Часть 4](#)

[Предисловие к первому изданию](#)

[Предисловие к пятому изданию](#)

Предисловие к первому изданию

Краткое сие описание некоторых обителей русских может отчасти служить продолжением моему путешествию ко Святым местам, потому что в Палестине возникло во мне желание посетить их. Помню, как смутили меня иноки Иерусалимские, когда, во время заключения в храме Св. гроба, они начали спрашивать у меня о Троицкой Лавре, и я должен был им признаться, что хотя родился в Москве, но никогда не видел сей родственной святыни, близкой сердцу каждого русского и знаменитой по всем странам. Тогда же дал я обещание сходить в Лавру по возвращении в отечество, и я уже имел случай дважды ее посетить.

Равным образом и Новый Иерусалим, который я видел прежде, нежели был на Востоке, получил для меня там новую занимательность. Посреди храма Воскресения мне утешительно было рассказывать братии палестинской, что и у нас в России есть подобие их великой святыни, и как поверял я мысленно в древнем Иерусалиме здания нового, так пожелал я и по моем возвращении опять на него взглянуть, при свежих еще впечатлениях древнего, чтобы утешить сердце священным сходством обоих.

Монастырь Валаама, хотя и не составляет одного целого с описанием Лавры и Нового Иерусалима, но присоединен к ним как первый мой опыт о знаменитых обителях русских. – Если время и обстоятельства позволят, я буду стараться описывать самые любопытные из них по мере посещения и, предлагая сии начатки, испрашиваю снисхождения читателей.

Петербург.

1835.

Предисловие к пятому изданию

После многих лет и странствий по Святым местам нашего отечества, которые были своевременно мною описаны, решился я собрать все, что писал и печатал по сему предмету, чтобы составить одно целое из нескольких отдельных книг и статей. Едва ли придется мне впоследствии присоединить еще что-либо к нынешнему изданию, ибо всему есть свое время; с годами остывает любопытство и любовь к путешествиям и человек, уже на склоне жизненной своей дороги, ищет себе заботливым взором одно лишь место успокоения.

Много, однако, любопытного случилось мне видеть, в продолжение сих разнообразных странствий, и встречаться с такими лицами, имена коих долго их переживут. Случилось присутствовать при основании нескольких замечательных обителей, которые в свое время будут иметь значение историческое, как то: Бородинская, на самом поле битвы, Херсонская у развалин Севастополя, Святогорская в Украине и Гефсиманский скит, близ Лавры Сергиевой. Может быть, потомкам нашим любопытно будет узнать о смиренном начале обителей, впоследствии славных, и слышать заветные речи их основателей и те тайные побуждения сердца, которые их одушевляли.

Но при разборе моих разновременных описаний, на расстоянии стольких лет, какое тяжкое чувство овладело моим сердцем, когда я вспомнил, что нет уже тех именитых подвижников, с коими имел я утешение беседовать при посещении их обителей. Где святители Божии Филарет Киевский и Григорий? – Где кроткий Иннокентий Ростовский? – Где пустынные старцы Сарова и Оптиной, Исаия, Моисей и Макарий? – Где добрый труженик Арсений Святогорский, и занимательная игуменья Мария, и ревностная графиня Анна, готовая всем жертвовать для Церкви? и столько других, которые один за другим канули в вечность? – Горит еще один отрадный светильник на своем высоком свещнике, имя коего часто встречается в моих описаниях, и мы еще до времени радуемся его тихому свету; но широко скошено кругом поле рукою неумолимой смерти!

Не одни воспоминания церковные собраны в книге моих путешествий; тут же и память некоторых из славных подвигов последней войны, на двух крайних пределах необъятного отечества нашего: Севастополе, где разбились все морские силы Европы об один неодолимый оплот доблести русской, и на пустынном острове Соловецком, где несколько иноков защищали свои древние стены против морского набега англичан. В описании же Бородинской обители целый отрывок исполинской битвы рассказан одним из ее великих деятелей, Ермоловым, который и сам уже сошел с своего земного поприща. – Сюда присоединено также и светлое торжество Пасхи в Кремле, и воспоминание священного коронования. – На три части разделены мои путешествия: в первой Москва и ее окрестности, во второй Новгород и Киев, в третьей поволжские города, Украина и Крым. Но при описании отечественной святыни желал я возбудить в моих читателях и благоговейные мысли: о чествовании святых мощей и икон, о призвании святых и поминовении усопших, о иночестве и посте, и о православном иконописании и зодчестве наших храмов, для того чтобы самое зрелище священных предметов утверждало в нас любовь к родному православию, которым всегда держалась и тверда будет земля Русская.

Петербург.

1863.

I. Троицкая лавра

Летняя ночь осенила лавру и сквозь прозрачный сумрак, еще в большем величии, возвышались древние соборы и башни. Две из них, как два белые исполина, стояли по краям южной ограды, над которою устроена длинная галерея от Архиерейских покоев: – я ходил по ней уединенно, и наслаждался картиною ночи. Все засыпало в лавре после долгого всенощного бдения: еще, быть может, иные старцы стояли на молитве в кельях, но тайною оставалась их молитва. Мало по малу утихала окрестность, так что и слабейший слышался шорох, и воздух наполнялся странными звуками, которые доступны слуху только в совершенной тишине ночи. Свежесть ее росистых испарений растворялась ароматным запахом сена, скошенного кругом ограды. С одной стороны высокий Архиерейский терем и готическая трапеза Св. Сергия, где пред его иконою теплилась одинокая лампада, закрывали от меня прочие здания лавры: но в тесном их промежутке, легко стремилась к небу величественная колокольня в златом венце своем, и две золотые главы Троицкого собора, над мощами святых двух Игуменов, сияли в ясном небе, как их невечерняя слава.

Молодой месяц, в колыбели облаков, выглядывал из-за остроконечной крыши древней Водяной башни и кротко озарял предо мною окрестность. Сад монастырский, у самой подошвы высокой стены, обсаженный аллеями лип и окруженный прудом Келарским и Московскою дорогою: за ними, на крутом берегу речки Кончуры и на летописных высотах Волкуши, пять церквей Троицкого посада, с их слободами, а еще далее обширные поля и рощи, рассеянные по оврагам, – такой пространный обзор развивался с высокой террасы.

Кое-где между дерев еще мелькали огни в домах посадских, постепенно угасая; иногда нечаянно отзывался вдали человеческий голос и казался близким посреди всеобщего безмолвия, или внезапный лай чутких собак обличал невидимое присутствие мимоидущих запоздалых богомольцев.

Иногда топот копыт и стук колес глухо будил гул на соседнем мосту, и встревоженный сторож сонною рукою начинал стучать в свою доску: или был слышен пронзительный крик ворона в башне и шум его крыл, бьющих об железную крышу. Изредка заливался вдали почтовый колокольчик по Московской дороге и звонко приближался к лавре, которая от времени до времени отвечала ему гармоническою октавою своего часового колокола, – и потом все опять замолкало.

Это только впечатления внешние; но кто выразит все тайные чувства, волнующие грудь посреди подобной древности, подобной святыни? – они прирастают к сердцу и не идут с языка! Часто немеет он и для выражения одного великого подвига; а здесь пять славных веков подавляют душу грузом своих событий: здесь представляются воображению две таинственные лестницы: одна, по бесчисленным ступеням деяний, глубоко низводит на дно священной старины Русской: другая молитвенно возводит к небу, рядом чудесных подвигов Св. Сергия, уже в ангельском его сане заступника своей родины, – и, в созерцании обеих, смущается мысль, блуждая в дольних, теряясь в горних! Сочувствие сих двух миров: бывшего, где все уже обратилось в призрак, и вечного, где все живет не нашею жизнью, проникает невольным трепетом душу в столь торжественные минуты, и кладет на уста молитву, сию связь и язык всех времен и миров.

Так протекла для меня часть ночи: на следующее утро до литургии пошел я, по обычаю, воздать ежедневное поклонение угоднику, как действительному и доныне Игумену своей лавры, и желая сохранить в памяти внешнюю и внутреннюю красоту храма, с благоговейным вниманием осматривал его заветную святыню, краеугольный камень царства Московского и всея Руси. У самого входа, на правой стороне, почивает в своей малой придельной церкви, основатель собора, преподобный Никон, ученик и преемник Сергия, смиренно стерегущий покой своего наставника, соблюдая и по смерти небесную заповедь: «нести ученик болий учителя.»

По левую сторону входа, пристроена к южной стене собора каменная палатка, на место бывшей убогой кельи Св. Сергия,

где удостоила его своим явлением Божия Матерь. Внутри палатки три каменные гроба: один Иоасафа Скрипицы на, из Игумена лавры возведенного в Митрополиты Всероссийские и потом, по смутам бояр в малолетство грозного Иоанна, сосланного в свою прежнюю обитель: другой Св. Серапиона, избранного также отселе в Архиепископы Новгороду, ибо лавра не переставала дарить своих иноков престолом святительским, и потом отлученного от епархии при Василии Иоанновиче, за взаимные огорчения с Св. Иосифом Волоколамским, прекратившиеся еще в здешней жизни; третий гроб славнейшего из Архимандритов лавры, Св. Дионисия, который вместе с Келарем Авраамием спас отечество от Поляков. – Невольно ищешь и Кедаревой гробницы, но она утаена к пустыне Соловецкой: там был пострижен Авраамий, туда возвратился он на свое обещание, исполненный дней и деяний.

Кругом все стены кельи исписаны пустынными подвигами Св. Сергия: вот таинственный муж дает неопытному отроку дар изучать письма: вот он уже избрал себе дикое уединение и делится пищей с лесными зверями: здесь собравшаяся братия умоляет его быть их наставником и, в чудном явлении бесчисленных птиц, предвидит он грядущее число их; далее Св. Митрополит Алексей хочет возложить на него святительский крест свой, но смиренно уклоняется Сергей: на что ему выпренный сан, когда внутренний пламень его веры изливается наружно при совершении бескровной жертвы и ему сослужит Ангел? Там начертан и его гражданский подвиг: он благословляет Донского Князя на битву с Мамаем, и к ногам старца падают два инок воина, которых посылает умереть за отечество, как бы в предзнаменование грядущих воинских подвигов лавры для спасения родного края. И вот напоследок венец его житейского поприща, уже не просто начертанный, но весь украшенный золотом и камнями, сообразно важности самого события: – утешительное явление Божией Матери и двух Апостолов Петра и Иоанна Сергию, незадолго до кончины, и келейнику его Михею. Сим запечатлелась живая летопись его храмины.

У самых дверей собора духовная стража и молебнов пение: от утра и до вечера стоит на ступенях у раки гробовой иеромонах, в толпе притекающих к угоднику; сквозь них только можно открыть себе тесный путь к раке. Кто же эти присные Св. Сергия? – поклонники от всех концов России: одни, богатые, благами земли, другие только своею верою и странническим посохом, с которым обошли великие пространства, питаюсь именем Христовым, чтобы его прославить в лице его служителя: иные привлеклись просить исцелений, хотя и не все телесных. Много тайных душевных болезней слагается в раку Преподобного, много и сокрушений сердечных, которые боятся доверять миру сильные мира. Он же, как чадолюбивый отец, постигая духовные и житейские нужды детей своих, подает свойственные им утешения, привыкший еще при жизни рассуждать, что на потребу князей земли, и что ее убогим оратаям. Отрадно прикоснуться устами к целебным мощам двигателя Царей и народов, который благоволил облечься, поверх своей ангельской схимы, в их великолепные покровы и возлечь в пышную раку, уготованную их усердием, как бы на торжественную колесницу, с которой отражает врагов России. Он поднял над нею кипарисовый щит свой, гробовую доску, и под сим щитом укрывалась не одна только лавра, но и вся надежда царства. И мог ли святой Митрополит Алексей, от праведной жизни переходя в вечность, не предвидеть в Сергии истинного преемника митрополии Русской, когда поручал ее старцу? И мог ли смиренный Сергей духовно отказать ему в послушании, проводши в оном всю иноческую жизнь? На небесах довершил он сей подвиг послушания, приняв горе предложенное ему долу, и с тех пор не преставал радеть о пастве, дивно обличая свое святительство. Время общественных бедствий есть его время: когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергей!

Благочестивый Царь Феодор Иоаннович устроил ему серебряную раку, начатую отцом его, и столь же богатым балдахинном украсила ее Императрица Анна. На двух гробовых древних досках написаны в окладах два образа Преподобного: один тем же Царем Феодором, висящий на противоположной

северной стене; другой поменьше, у самых мощей, над южными дверями алтаря. Он сопутствовал во всех походах Государям Алексею Михайловичу и Петру Великому и был носим пред рядами ополчений в отечественную войну 1812 года. От сих южных дверей и до северных весь первый ярус высокого иконостаса облит золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Врата царские, и балдахин над престолом, и позади его семи ветвистый подсвечник, на подобие Соломонова, и все паникадила, и обширный хорос под куполом, вылиты из серебра. Ковчег изображающий Тайную вечерю в горнице Сионской, Евангелие, сосуды, и прочая священная утварь цены необычайной, но свыше всякой цены самые чудотворные иконы, памятные своими исцелениями и усердием Царей, их украшавших. – По правую сторону царских врат местный праздник Св. Троицы, в трех истинно Ангельских лицах, древнего Греческого письма. Цари Борис Годунов и Михаил Феодорович великолепно его убрали: на трех венцах огромнейшие изумруды, и на среднем камне еще искусно вырезан тот же образ Св. Троицы. Рядом икона Христа Спасителя на престоле, и другая местная, по левую руку царских врат, Одигитрии Смоленской, в золотых окладах, пожертвованы Царем Алексием, равно как и богатая икона Сергия и Никона у северных дверей. Иоанн Грозный, щедрый даяниями церкви, поставил также близ Одигитрии свою икону Пресвятой Троицы, мало уступающую благолепием первой: с другой же стороны южных дверей, исцеленный боярин Мягких поревновал Царям в украшении образа Христова. В таком чрезвычайном великолепии представляется малый храм сей сооруженный весь из белого камня преподобным Никоном, помощью Князя Георгия Дмитриевича, сына Донского, на место убогой деревянной церкви Св. Сергия, после разорения оной Татарским Князем Эдигеем. Оно было единственным и только спустя 25 лет по основании обители, которая с тех пор, как злато искушенное огнем, все более и более процветала.

На тесном пространстве одного собора сколько стеклось великих имен, подобно крупному жемчугу, унизывающему покровы Святого! Что же если бы можно было развить, от него и

до нас, всю летописную хартию лавры и прочитать, в двух ее столбцах, с одной стороны святые подвиги ее отшельников, от нас утаенные, а с другой ее бессмертные события, ибо она стала на распутий всего великого и славного!

Давно ли поселился Сергей в лесах Радонежских, и он уже сделался прибежищем Князей и Святителей, поборником отчизны, рассадником иночества! Не только подвигает он на брань Димитрия, не только дает ему своих иноков, но даже пред самую битвою, провидя его смущение, посылает к нему гонца с одобрительною грамотою, и в час битвы уже рассказывает братии своей о победе, и наконец в торжестве встречает Донского победителя: – и на престоле княжеском нельзя принять более участия в делах земли своей. Скоро Сергей становится отцом многих обителей, основанных его учениками по просьбе Князей, на местах им самим избранных. Еще и прежде ознаменовал он краткое свое уединение на Кержаче малым скитом, и дал в Москву Митрополиту Алексию инока своего Андроника, для основания Андрониева монастыря. Теперь признательный Димитрий хочет учредить две пустыни на память Мамаева побоища, и Сергей дает ему Савву для сооружения храма Божией Матери на реке Дубнах, и сам избирает Князю красное место у слияния Оки и Москвы, где ныне Коломна, для монастыря Голутвинского. Впоследствии и преподобный Савва созидает себе обитель на Сторожах, по зову Звенигородского Князя. Храбрый сподвижник Донского, Князь Владимир молит также Сергия дать ему Игумена во вновь воздвигаемый им Высоцкий монастырь в удельном Серпухове, и Сергей дает ему Афанасия. Отселе будет выходцем Св. Пафнутий, Игумен Боровский, в свою чреду прославленный учеником своим, Св. Иосифом Волоколамским. Такая духовная отрасль постепенно происходит от Св. Сергия, каждому поколению даруя великого мужа. Но всех роскошнее пустила ветви Симонова обитель, основанная племянником его Феодором, впоследствии Архиепископом Ростовским. Старец сам приходил, по любви к нему, избрать пустынное место на живописных берегах Москвы реки, в виду рождающейся столицы, и первым знаменитейшим питомцем Симонова

является Св. Кирилл Белоозерский, просветитель северного края, даже до океана, ибо и Савватий Соловецкий был постриженник Белого озера. Кто назовет все бесчисленные монастыри и пустыни, приявшие начало от иноков Троицкой лавры, которая монашескою сетью окинула весь север России, сроднившийся духовно во едином Авве, подобно как на юге Антоний и Феодосий сделались отцами пустынножителей! Не более 30 лет по преставлении Св. Сергия уже являются мощи его и начинается ряд его чудес, доселе непрерываемый.

Между тем лавра становится поприщем летописных событий. В ней отзываются все сильные перевороты и смятения княжения Московского, которого сделалась она главной святынею. Горестна посреди мирных стен ее картина последней удельной брани, раздиравшей Россию междоусобием Темного и Шемяки. Великий Князь Василий, доверясь мнимой тишине, которая на время водворилась между ним и единокровными Князьями Галицкими, посетил обитель Преподобного. Но Князь Косой и Шемяка воспользовались его отсутствием и захватили в Кремле его семейство; сообщник их Князь Иоанн Можайский с дружиною проникнул в ограду монастырскую. Великий Князь ищет убежища в церкви; пономарь, впустив его, запирает двери. Иоанн подъехал на коне к церкви и спрашивал, где Великий Князь? Услышав его голос, Василий громко закричал: «брат любезный, помилуй, не лишай меня святого места, никогда не выйду отсюда, здесь постригусь, здесь умру!» Взяв от гроба Сергиева икону Богоматери, он немедленно отпер южные двери церковные, встретил Иоанна и сказал ему: «брат и друг мой, животворящим крестом и сею иконою в сей церкви, над сим гробом Преподобного, клялись мы в любви и верности взаимной, а что теперь делается надо мною, не понимаю.» Иоанн отвечивал: «Государь, если хотим тебе зла, да будет и нам зло; ныне желаем единственно добра Христианству и поступаем так с намерением устрашить Махмета и слуг его, пришедших с тобою, чтобы они уменьшили твой окуп.» Великий Князь поставил икону на место, пал ниц пред ракой Св. Сергия и начал молиться громогласно с таким жаром, с таким умилением, что самые злодеи его не могли от слез удержаться;

а Князь Иоанн, кивнув головою пред образами, вышел из церкви и тихо сказал боярину Шемякину: «возьми его.» Василий встал и спросил, где брат мой Иоанн? «Ты пленник Великого Князя Дмитрия Юрьевича,» отвечал боярин, схватив его за руки. «Да будет воля Божия!» сказал Василий. – Чрез четыре дня его ослепили в Москве.

Так трогательно описал сие жестокое приключение незабвенный Карамзин. Много лета спустя, уже при Василии Ивановиче, внуке Темного, последнее мщение совершилось над последним из рода Шемяки, который был невинно заключен в темницу и по странному стечению обстоятельств, как бы на память пленения Василиева в лавре, пострадал с ним и Игумен лавры Порфирий, дерзнувший вступить за невинного.

Но и сей внук Темного Василий вымолен у Чудотворца. Супруга Иоанна III, Царевна София, долго и тщетно желая даровать наследника престолу, в котором оживилось бы племя Греческих Царей и право на империю Восточную, с теплою верою пошла молиться угоднику, и вот не доходя обители, на Клементьевском поле, встречает она светлого старца, подобного образом Св. Сергию, который внезапно бросил ей в лоно младенца. Объятая ужасом она упала, и принесенная в обитель поверила предзнаменованию, пролив благодарные слезы над ракой Святого. Чрез год, над той же ракой крещен был обетованный сын Василий, рожденный в самый день Благовещения. В свою чреду, бездетный Василий, частыми посещениями, притекал к угоднику и на конце дней своих был утешен рождением Иоанна, от самой колыбели посвященного Сергию. К нему в раку был положен младенцем сей грозный покоритель трех царств, и как бы отдан на руки Преподобному, коего обитель он столь великолепно украсил в течение долгого своего царствования. У его же раки совершенно было крещение Иоанна тремя великими старцами: Св. Даниилом Игуменом Переяславля, который, основав там обитель, прославился чудесами, и престарелым Вассияном затворником Волоколамским, и самим Игуменом лавры Иоасафом, который, впоследствии вступив на престол митрополии Российской был

низвергнут: ибо и лавра страдала в бедственные дни отечества, в лице своих иноков.

К молитвам Сергия прибегал Иоанн идущий ратью против Казани, на сию последнюю важнейшую в недрах России борьбу Исламизма против Христианства: и как некогда благословение Святого сопровождало Донскому Князю на Мамаево побоище, так осенило оно и Царя Иоанна. Когда же пала пред ним сия крепкая твердыня Татарская, он освятил ее обителью во имя Сергия, на память его деятельного участия. Но еще и прежде, когда для ее покорения строился на берегах Волги городок Свияжский, имя Сергия прославилось в новой области. Пленные Черемисы объявили воеводам Московским, что часто слышали они пение и звон на безлюдном месте и видели некоего светлого старца, неприступного стрелам их, измеряющего место граду: а старец сей был тот же Сергей, поборник отечества, который впоследствии, во время осады, являлся на стенах Казани. И в Свияжске был ему поставлен монастырь. Возвратясь из похода Иоанн, в самую блестящую минуту своей жизни, с супругою Анастасиею, сам торжественно заложил в лавре церковь сошествия Св. Духа, и не за долго до страшного перелома, последовавшего в жизни и характере Царя, он опять посетил лавру, на пути в Кириллов монастырь и Песношу, где произошло столь пагубное для него свидание с бывшим Епископом Коломенским Вассияном. Здесь, как бы предвидя злобный совет Вассияна: «не иметь советников мудрее себя,» здесь знаменитый старец Максим Грек, избавленный Иоанном от долголетнего невинного заточения, удерживал его от дальнейшего странствия и даже угрожал ему смертью Царевича, которая скоро и случилась, но тщетны были его моления.

Троицкая лавра имела счастье успокоить в стенах своих сего ученого мужа, пострадавшего за любовь к истине и просвещению. Вызванный отцом Грозного из Афонской горы, исполненный всею ученостью своего века, которую усовершенствовал многими путешествиями по Европе, он долго трудился в России над переводом и исправлением церковных книг, и был в великой милости при дворе Великокняжеском; но

по несчастию возбудил зависть и негодование Митрополита Даниила: и когда, как ревнитель православия, он противился неправильному расторжению брака Василия с Соломониею за ее неплодие, Даниил, воспользовавшись гневом Государя, обвинил в ереси Максима и сослал его в Тверской Отрочь-монастырь; двенадцать лет невинный страдалец не мог даже выходить из кельи в церковь и приобщаться Св. тайн. Гонение облегчилось несколько после падения Даниила; но не смотря на убедительные письма Максима и грамоты Патриархов Восточных к Василию, никогда не хотели выпустить его из заключения, ибо, по словам летописи, он слишком многое видел на Руси. – Труды его, столь полезные для пашей Церкви, оценены были вполне славным Архимандритом Дионисием, который первый стал употреблять в служении его книги, хотя и возбуждал тем неудовольствие в братии, и даже сам пострадал за свою ревность к исправлению книг. Вероятно, он же воздвиг часовню над уединенным гробом странника, которую возобновил Митрополит Платон, соревнуя Дионисию в уважении к исповеднику истины.

Скоро после свидания с Максимом и Вассияном, грозный державный чернец поселился по соседству лавры, создав себе обитель опричников в слободе Александровской, и как бы соревнуя житию монашескому среди ужасов казни, страшными грамотами и посланиями карал окрестные монастыри, упрекая их в неустройстве. Но и между сих упреков невольно проявляется его глубокое уважение к лавре; так в послании своем к Игумену Кирилловской обители, осуждая его за пострижение Шереметева, которого отец будто-бы искажил самую лавру, Иоанн пишет: «а дотолѣ у Троицы было крепко житие и мы се видихом, и при нашем приезде подчивают множество, а сами чувственно пребывают. А в едино время мы своими очами видели в наш приезд: Князь Иван Кубенский был у нас дворецкий, да у нас кушанье отошло приезжее, а всенощное благовестят; и он похотел тут поести да испити, за жажду а не за прохлад: и старец Симон Шубин, и иные с ним не от больших, а большие давно отошли по кельям: и они ему о том как бы шутками молвили: Князь Иван су поздно, уже

благовестят; да сей сидячи с поставца ест, а они с другого конца собирают: да хватился хлебнуть испити, ано ни капельки не осталось, все отнесено на погреб: этаково было у Троицы крепко, да то мирянину, а не чернецу. А и слышах от многих, яко и таковы старцы во святом том месте обреталися: в приезды бояр наших и вельмож наших их нодчиваху, а сами же никако же ни к чему не касахуся, аще и вельможи их нуждаху не в подобное время, но еще и в подобное время, и тогда мало касахуся. В древняя же времена в том святом месте сего дивнейше слышах: некогда, пришедшу святому Пафнутию, чудотворцу живоначальной Троице поклонитися и чудотворцову Сергиеву гробу, и ту сущей братии, беседы ради духовной, беседовавшим им и оному отойти хотящу, они же ради духовные любви и за врага провожаху преподобного, и тако воспомянувшие завет преподобного Сергия, яко за врата не исходити, и вкупе и преподобного Пафнутия подвигоша на молитву, и о сем молиствоваше и тако разыдошася. И се ради духовные любви, тако святии отеческия заповеди не презираху, а не телесные ради страсти. Такова бысть крепость во святом месте древле! А ныне, грех ради наших, хуже и Песноши, как до тудова Песношь бывала! А вся та слабость от начала учинилася от Василия от Шереметева.... он у Троицы постническое житие своим злокозньством испроверже, а сын его Иона тщится погубити последнее светило, равно солнцем сияющее, и душам совершенное пристанище спасения в Кирилове монастыре, в самой пустыни, постническое житие искоренити... И отцу де еще слово, что неволею от беды постригся, а Иону ведь Шереметева не кто в затылок бил, почто так безчинствует? а будет такие чины пригоже у вас, то вы ведаете. Бог свидетель, монастырского ради безчиния говорил; а что на Шереметевых гнев держати? ин ведь есть его братья в миру, и мне есть над кем опалы своя положить; а над чернецом что опалитися или поругатися?»

Протекло грозное время последних дней Иоанна, и нашествие Крымского Хана, выжегшего посады Московские, не коснулось обители Сергия. Настало кроткое царствование Феодора, в котором соединились все благословения рода

Рюрикова, ибо в лине его сие поколение прощалось с Россией», осыпая ее последними благодеяниями на вечную память. И лавра испытала щедроты Царя: он окончил величественные здания, начатые в ней Иоанном, и собор Успенский: при нем достигла она высшей степени своего благоденствия и возбудила удивление Патриарха Вселенского Иеремии, когда он, поставив Иова первым Патриархом России, посетил обитель. Там Архимандрит и Келарь поднесли ему богатые дары, по словам летописи: «образ Спасов чеканен с пеленою, который чуднее из старых, образ Сергиево виденье обложен серебром, венцы с чеканью, кубок серебрен в гривен семь, чару или братину серебрену рублев в 20, сорок соболей и 200 рублев денег.» Таковы были первые поминки Сергия Патриарху Цареградскому, как бы в возблагодарение за тот крест, который послан ему при основании обители, от Патриарха Филофея.

Спустя тридцать лет, другой подобный гость посетил лавру. Феофан Иерусалимский: но в течение сего времени, чрез какие тяжкие испытания ей должно было пройти, посреди кровавых смут. Самозванцев, и нашествия Поляков и осады Литовской! – Здесь является лавра во всем блеске своей народной славы, она сияет как драгоценнейший камень в венце Московском, ибо из нее истекает спасение и воздвигаются воеводы.

Царь Борис уже лежал в ограде лавры, перенесенный туда из Москвы со всем своим родом, по воле Царя Шуйского; а близ Василия воцарился в Тушине новый призрак Димитриев, которыми долго мучилась Россия за кровь неповинную Царевича, когда по совету Самозванца с Польскими союзниками, Гетман Литовский Сапега и Пан Лисовский пришли осадить лавру, чтобы преградить Царю Василию сообщение с его северными и восточными областями. Но Архимандрит Иоасаф и воеводы, Князь Долгорукой и Голохвастов, словом и делом укрепились против их льстивых речей и смелых нападений, и помощью Преподобного 16 месяцев отсиживались от тяжелой осады, доколе приближение победоносного Князя Михаила Шуйского заставило удалиться Литовцев. Ответная грамота воевод и Архимандрита разительна своею силою:

«Да весть ваше темное державство, гордии начальницы, Сапега и Лисовский, и прочая ваша дружина: вскую нас прельщаете Христово стадо, православных Христиан? Богоборцы, мерзость запустения, да весте, яко и десяти лет Христианское отроча в Троицком-Сергиевом монастыре посмеется вашему безумному совету, а о них же есте к нам писасте, мы сия приемше оплевахом. Кая бо польза человеку возлюбити тьму паче света и преложити лжу на истину, и честь на безчестие, и свободу на горькую работу? Какоже вечную оставити нам святую истинную свою православную Христианскую веру, Греческого закона, и покоритися новым Христианским законам, отпадшим от Христианския веры, иже проклята быша от четырех Вселенских Патриарх? Или кое приобретение и почесть еже оставити нам своего православного Государя Царя и покоритися ложному врагу, и вам Латыне иноверным, и быти нам яко Жидом или горше сих? Они бо Жидове не познавше Господа своего распята; нам же знающим своего православного Государя, под их ясе царскою Христианскою властью от прародителей наших родихомся в винограде истинного пастыря Христа, како повелеваете нам оставити Христианского Царя, и ложною ласкою и тщетною лестью и суетным богатством прельстити нас хотите! Но ни всего мира богатства не хотим противу своего крестного целования.»

Те, из сердца коих излились подобные речи, не могли быть побеждены. Но сие первое тяжкое искушение, служило только началом исполинских трудов, какие подняла лавра за отечество. Уже ее сокровища были истощены тремя займами в 65,000 рублей, Царей Годунова, Лжедмитрия и Шуйского; последний потребовал еще новых пособий, – отдали сосуды и утварь, когда долгая осада сделала необходимою поправку обрушенных местами стен. В сих крайних обстоятельствах скончался защитник лавры Архимандрит Иоасаф. Не много дней оставалось Царю Василию до насильственного пострижения и плена Польского, не много и Патриарху Гермогену исповедовать имя Христово на престоле святительском до его мученической смерти, когда обоим пришла благая мысль избрать Старицкого

Архимандрита Дионисия настоятелем лавры и тем спасти отечество; ибо когда более не существовало ни Царя, ни Патриарха, когда, так сказать, не было самой Москвы, полтора года томившейся под игом Польским, – тогда лавра сделалась сердцем всея Руси. Дионисий один заменил все власти и, как видимый покров Св. Сергия, осенил всю землю Русскую и собрал ее к развалинам столицы. Надобно слышать красноречивый рассказ того времени, (в житии Архимандрита Дионисия), проникающий ужасом и жалостью душу, чтобы вполне постигнуть его характер.

«Тогда по разорении царствующего града и многих градов, всеми путями быша беглецы к дому живоначальные Троицы, и не бе числа слез кровных; вси бо мучены и изломаны прошаху отцов духовных, а инии мнозии испечены быша, а с иных власы с глав содраны, а у иных ремение из хребтов вырезывано, у иных на крест руки и ноги обсечены, а у иных чрева прожжены камением разженным: паче же изреши не возможно, каковыми различными смертями томили бяху. И вся обитель пресвятыя Троицы преисполнена бысть различными смертями скончавающихся от глада и наготы, и от лютыя срамоты, о ней же нельзя и глаголати, паче же от ран неисповедимых помираху. И не токмо в монастыре мертвецы лежаху, но и в слободах, в Служней, и в Клементьеве, и в деревнях, и по путех и повсюду, страшно бе зрети наготы жен и девиц, и не возможно бысть ни исповедати при смерти, ни святых тайн Христовых подати. Дионисий ясе виде сие, келаря и казначея и братию всю со слезами многими начат молити, дабы во время таковыя беды всем всячески спострадали во всяких нуждах. Келарь же и иные братия со слугами единогласно вси отвещаху сице: кто, государь Архимандрит, в таковой беде с разумом сберется? никому не возможно стало промысли, кроме единого Бога. Паки глагола Дионисий сице всем со слезами и рыданием: се, государи мои, разумеете: во истину искус от Господа Бога бысть нам. От осады большой нас Господь Бог избавил, за молитвами Владычицы нашей Богородицы и великих чудотворцев Сергия и Никона; а ныне за леность нашу и за скупость может нас и без осады смирить и оскорбить. Келарь же и все братия и слуги

смятошася о рыдании его, и начата просити совета от него о недоумении своем. Дионисий же начат молити их сице: дом пресвятыя Троицы и великих чудотворцев не запустеет, сице станем молити и у Господа Бога просити, да разум нам подаст; токмо положите то, кто что смыслит промышляти, или сбирати на потребу бедным, или служити кто может, и кому что по силе своей дати. И бысть совет его всем любезен, и первее слуги, и простая чадь крестьяне советоваша, и Архимандриту с братиею сказали тако: аще вы государи, будете из монастырской казны после осадных людей умерших или живых, и вкладчиков, которые что в святую обитель душ своих ради подали, давать бедным на корм, одежду, на лечбу и работникам, кто имется стряпать и служить и лечить, собирать и погребать: то мы за головы свои и за животы не стоим. И бысть той совет радостен всем людям: и в монастыре и во округе монастыря всем людям бедным живущим и умирающим всяк промысл изыде. И первее, по благословению Архимандрита Дионисия, начата строити казною монастырскою дома для всех людей, и больным людям обретошася врачеве, и целяху многих.

Каков же в премудрости словесней бысть, того никто же не помыслит о нем, ни во уме никто не примет: каково попечение име, не токмо о святей обители своей, в ней же пребывание, но и о великом царствующем граде Москве велик подвиг имея, о избавлении града всегда моляшеся, и всяка ночь день ему баше. Ибо в то время, егда во осаде Москва была полтора года, он непрестанно в церкви Божией и в келье, с великим плачем стояще в молитвах, и по многих молениях той опочиваше. Ему же быша писцы борзые, и в келлии от божественных писаний собираху учительные словеса, и писаша послания многая в смутные города ко священным чинам и к воеводам, и к простым людям о братолюбии и соединении мира, указующе: которые царства и властительства, за какие грехи и неправды, погибли, и которые государства возвысились Богом, за какие правды и за какие добрые дела, и что за соблюдение оных Господь Бог, благий человеколюбец, миловал и помощник был бедным и отчаянным и худым и не могущим стоять против супостатов. И писывал такие грамоты и на Рязань и на Север и в Ярославль, и

в Нижний Новгород, Князю Димитрию Михайловичу Пожарскому и к Козьме Минину, и в Понизовские города, и ко Князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому, и к Заруцкому под Москву, и в Казань к строителю Амфилохию. И в тех грамотах болезнования Дионисиева о всем государстве Московском безчисленно много.»

Около сего времени возвратился из-под Смоленска знаменитый Келарь Авраамий Палицын, два раза уже прокормивший Москву при Шуйском монастырскими хлебами: он был посылам, вместе с Митрополитом Филаретом и Князем Голицыным, для испрошения Королевича Владислава на престол Российский и тайно оставил посольство, не видя успеха от честолубия Сигизмунда. Когда же услышал в лавре, о разорении Москвы воеводою Польским Гонсевским и о заточении Гермогена, он и Дионисий немедленно послали 250 своих слуг и стрельцов, под предводительством Князя Тюменского, для защиты столицы, и сей благой пример подействовал на всю окрестность. Они же отправили в Переяславль грамоту к воеводам Волынскому и Волконскому, моля о скорой помощи; во все соседние и дальние пределы помчались гонцы их, и вот, по их слезному зову, поднялись воеводы Переяславские и от Калуги Князь Трубецкой, и от Коломны Ляпунов, и Заруцкой от Тулы и от Владимира Просовецкой. Они обступили предместья Московския, стесняя врагов в голодный, убийственный круг. Новые грамоты, к Владыке Казанскому Ефрему и в понизовые земли и на поморие, подвигли к Москве новых защитников. Келарь Авраамий, со святою водою, был отпущен Архимандритом в стан ратных, для подкрепления их духа. Скоро возникли между вождами распри и мятежные казаки убили Ляпунова, а между тем с свежими войсками подступил Гетман Ходкевич: – тогда неусыпный Дионисий, отправив нужные запасы и снаряды к осаждающим, разослал еще гонцов в Ярославль и Владимир и Нижний, где вспыхнула искра чистого самоотвержения в сердце Минина, и пролилось от нее пламя по всему народу и наконец сосредоточилась сила, долженствовавшая освободить отечество, под руководством воскресшего с одра болезни Князя

Пожарского. Но и здесь одни только непрестанные моления Дионисия и Авраамия могли заставить Князя пренебречь всею опасностью, какая угрожала ему в стане от смут и заговоров соотечественников, и двинуться сперва из Ярославля, а потом из-под лавры для довершения великого дела. С тех пор Келарь, ходивший на встречу ему в Ярославль, был уже безотлучно при войсках, лицом не менее действующим Князя и Минина, а вместе и летописцем. Его красноречивое перо передало потомству современные подвиги, подобно как его сладкие речи восстанавливали мир и тишину посреди враждующего стана. Он даровал победу воинству Пожарского, в продолжении жестокой битвы с Гетманом на Девичьем поле, убедив Казаков, удалившихся в свои окопы, принять участие в кровавой сече. «От вас началось дело доброе; вы стали первые за истинную, православную веру, приняв многие раны, терпя холод и наготу: прославившие храбростью и мужеством своим во многих государствах, ныне ли хотите в одно мгновение все погубить!» Так говорил старец и они умилились и, приняв от него ясаком имя Св. Сергия, бросились чрез Москву реку и с кликами: «Сергиев! Сергиев!» разбили и прогнали Литву.

Еще длилась осада: Поляки засели в Кремле и Китае; возникли новые возмущения между Казаками; жалуясь на нищету свою и богатства вождей, они хотели умертвить их и разбежаться: что же Архимандрит и Келарь? – последние сокровища лавры посылают они в таборы: ризы и стихари сажные жемчугом, с слезным молением не покидать отечества, – и тронулись Казаки; они взошли в разум и в страх Божий и, возвратив обители ее пожертвования, поклялись переносить все лишения.

Скоро Преподобный явился во сне Греческому Архиепископу Арсению, заключенному в Кремле, и утешил его вестью о избавлении. Приступом был взят Китай, сдался Кремль: с торжественным пением вступил Дионисий и весь освященный собор в храм Успения, и восплакал при виде запустения святыни. Оба, и Архимандрит и Келарь, были при избрании Михаила, совершившемся на Троицком подворье. Авраамий возвестил его народу с лобного места и сам, в числе

послов почетных, ходил приглашать на царство. Он умолял юношу променять тишину обители Ипатиевской на бурный престол, колеблемый всеми ужасами войны и внутренних смутений. Когда же по многом плаче умолен был юный Царь, то на пути своем к столице усердно припадал к раке Преподобного, и Дионисий благословил Михаила на спасенное царство.

Но сим благим избранием и мирным воцарением не кончились смуты воинские для лавры. Королевич Владислав, оскорбленный лишением Московского престола, подступил к Москве и отрядил полковника Чаплинского разорять окрестности Троицкие. На Клементьевском поле слуги монастырские убили врага, и еще более разгневанный Владислав сам пришел взыскать смерть вождя своего на обители. Отважный Келарь Авраамий приказал выжечь вокруг все ее посады и тем заставил отступить Королевича, которому еще памятна была первая осада. Начались переговоры, сперва с лаврою, потом с Москвою, и наконец под стенами Св. Сергия заключен был Деулинский мир, на время успокоивший государство.

Торжество мира было торжеством лавры: она одна устояла в пятнадцатилетнюю бурю; ее каждая развалина казалась ранюю целого отечества; ее каждый инок был витязь; в ней одной стеклись все главнейшие воспоминания долгой войны, и ни единою изменою не запятналась ее слава. Неувядаемые богатства заменили временные. Где еще можно было найти другого Дионисия, другого Авраамия, и подобную братию? – Им подивиться пришел сам Патриарх Иерусалимский Феофан, посланный Вселенскими Патриархами для поддержания на Руси православия. Нельзя без сердечного умиления читать повесть сего трогательного посещения (в том же житии Дионисия):

«Слышав о обители преславной Троицы, как во время разорения Московского Государства и самого царствующего града, то малое место спасено было от Польских и Литовских народов, удивился Патриарх и хотел видеть с желанием сердечным, не место, но дивного хранителя места, великого Сергия Чудотворца. – Когда же пришел в его обитель,

Архимандрит Дионисий сотворил ему честь, подобающую Царскому Величеству, и вышел в сретение вне монастыря, во множестве чина священного, в ризах блистающих жемчугом и драгоценными камнями, с кадилами фимиама и со св. иконами; братия же вся со свечами в руках, а мирские священники и простые люди далеко встретили в поле, с женами и детьми, Патриарха, припадая к ногам его со слезами и теснясь друг за другом, потому что все желали принять от него благословение. Пришествие Патриарха исполнило весь монастырь людьми, жаждавшими его видеть. Прослезился Феофан, и во время пения вечернего, ничего ни с кем не говорил, а только плакал. После вечерни молил его Дионисий благословить трапезу, и едва преклонился на милость, сотворив по обычаю моления о Царе, и отце его Патриархе, и матери инокине, и о всем синклите: Грекам же с ним пришедшим велел петь многолетие. Сперва коснели братия Синайской горы с своим Архимандритом, потом же и Троицкий клир. Тогда благословил трапезу, но сам ничего не вкушал, готовясь ко всеобщему бдению, и ночь всю препроводил в славословии; на утро же пришел в храм служить святую литургию, но прежде отпев молебен, со многими слезами, окроплял святою водою образ живоначальные Троицы и Пресвятой Богородицы, и приступив к мощам чудотворца, велел Архимандриту открыть святое лицо Сергия, чтобы отереть губою; ужас объял его и затрепетало в нем сердце, когда узрел нетление Святого и осязал руки его и ноги; он стал к образу Св. Троицы и велел толмачу толковать речи свои в слух всех людей: «О великий Сергей чудотворец, слава святого жития твоего достигла и до востока солнечного, и благодарение содетелю всех Христу Богу, что и на конец века дошедшим людям, верующим в Него, дает упование не отпадать от правые веры, ради молитв Пресвятые Своя Матери, и вас ради, со всеми святыми подвизавшихся в благочестии.» Сказав сие, совершил сам литургию, и столь умирительно было его служение, что и всех сущих с ним побудил изливать источники слез, и весь народ внутри и вне церкви одержим был великим ужасом.

По совершении литургии, молил его Дионисий сотворить успокоение себе и всем пришедшим с ним из Иерусалима, и на трапезе воздана была ему почесть, как Царям Московским, когда приходят на поклонение в праздники. Святейший же Феофан, сидя за обильною трапезою с братией, ничего не вкушал, и был неутешим от плача, хотя торжество обеда совершалось с пением ликов. Жалостно стало Дионисию с братией, что труд их подвига бесполезен, ибо думали, что Святейший Феофан имеет на них некий гнев, и, в тихости посоветовав между собою, сами облились слезами: но Патриарх, духом уразумев их беседу, сказал Дионисию и всей братии:

«Что смущаетесь? не скорбите о слезах моих; ибо радостью веселится о вас сердце мое: не ищу я чего либо вашего, но вас самих, по глаголу Апостола: вы бо радость моя и венец, ибо здравых вас обрел. Прежде слышали все Церкви Восточные скорбь вашу и труд, какие подъяли за Христа от гонящих вас, ради правой веры, и мне не безызвестно было о всех вам приключившихся бедах. Ныне же очи мои видели все, за что вы страдали и не напрасно, ибо многим сие послужило во спасение. Я же пришел от Иерусалима даже до вас, моля Господа, чтобы труд мой не был тщетен, и вот мы уже приобрели во Христе. Подобно же как мы были общниками скорби вашей, как сделались и начальниками вашей радости. Плакали с плачущими и радуемся с радующимися. Ныне же еще нечто прошу у вас видеть, да возвеселюсь по желанию моему.»

Дионисий с братией, падши на землю, воскликнул: «о глава честная свыше всех человеков на земле, мы все и все наше в руках твоих: скажи нам, чего желаешь?» Святейший же Феофан отвечал: «слышал я, что во время беды ратной, некоторые иноки обители вашей дерзнули возложить на себя броню и принять оружие в руки и ратовать крепко; дайте, мне их видеть?»

Услышав о том Дионисий усомнился, помышляя что будет? – и в братии разнеслось о том слово; иноки же, дельцы того подвига, сказали Дионисию; «яви нас, отче, Владыке нашему,

буди все по воле его,» и явлены были святительству его. Внезапно пред лицом его стали более двадцати человек, между коими первый был Афанасий Ощерин, весьма старый годами и уже весь пожелтелый от седины. Патриарху возвестили все его подвиги и, мало посмотрев на него, спросил Святейший Феофан: «о старче старый, на войну ты ли исходил и начальствовал воинством мученическим?» – «Ей, Владыко святой, отвечал Афанасий, я вынужден был слезами кровными». – «Возлюбленный брат, спросил опять Патриарх, что тебе свойственнее? – иночество ли в уединенной молитве, или подвиг пред всеми людьми?» – Афанасий же поклонився, сказал: «всякая вещь и дело, Владыко святой, в свое время познается. У вас, святых отцов, от Господа Бога власть вязать и решить, а не у всех; я же, что творю и творил, – все только ради послушания,» и, обнажив седую голову, продолжал: «вот подпись Латинян на челе моем от их оружия, еще же и в лядвиях моих шесть памятей свинцовых обретаются; а в кельи, сидя на молитве, как можно было, из доброй воли, найти таких будильников для воздыхания и стенания? Все же сие было не нашим произволом, но повелением пославших нас на службу Божию.» – Так говорили и другие иноки. – Святейший Феофан, дотол сидевший, не прикасаясь брашна, встал от трапезы и благословил Афанасия, целуя его с любовью, и прочих кровоточцев с похвальными словами отпустил. Сам же отошел на покой и на другой день после литургии принесли ему богатые дары, из коих нечто сохранив себе, иное отдал в дом Пресвятыя Троицы, или на милостыню.

Потом велел Патриарх петь конечный молебен Пресвятой Троице и, знаменовавшись у Св. икон, подошел ко гробу великого чудотворца, снял с себя клобук и отер им колени Сергия и ноги до подошвы, и подложил под плесны его со многими слезами, припав молитвенно ко гробу. А Дионисию велел стоять без клобука с преклоненною главою, и взяв свой клобук из-под ног чудотворца, поцеловал и дал целовать Архимандриту, возложив руку на его главу. Архидиакон возгласил: «вонзаем» а Архимандрит Синайской горы трижды: «Кирие елейсон,» Патриарх же, возложив клобук свой на Дионисия с молитвою,

благословил и целовал в уста с сими словами: «во имя Отца и Сына и Святого Духа, дал я тебе благословение, сын мой, и знаменовал тебя в великой России, среди братии твоей, да будешь первый в старейшинстве по благословию нашему, также и кто по тебе будет, да носит в сем святом месте благословение наше, величаясь и хвалясь нашим смирением и радостно всех извещая: сие нам дано знамение, что и Патриархи Восточные, поклонники суть сему святому месту и честь свою пред Св. Троицею оставили, сняв с главы своей память по себе, и положили под ноги великому стражу и блюстителю богоносному Сергию чудотворцу.» Потом велел петь на обоих клиросах: «спаси Христе Боже, отца нашего Архимандрита Дионисия,» и обратясь к братии сказал: «запишите себе все сие, что совершил над Архимандритом, и если впредь кто из братии нашей придет сюда на поклонение, пусть ведомо будет изволение наше грядущим родам, чтобы и вы не забывали наше смирение и любовь, и памятовали к своим молитвам.» Сказал и опять прослезился, братия же и народ весь поклонились ему до земли.

Можно полагать, что оба сии великие мужа, и Дионисий и Авраамий, в одно время сошли с своего высокого поприща. Первый по 23-х летнем правлении преставился со славою посреди плача всего государства, Сам Патриарх Филарет, за год до своей смерти, воздал ему последний долг. А Келарь еще заживо погребся в пустыне Соловецкой, и там долго таилась память его от любви соотечественников.

Во времена более мирные для государства, но весьма смутные для Церкви, после низложения Патриарха Никона, Троицкая лавра даровала ей утешителя и главу в лице своего Архимандрита Иоасафа, чудесно исцеленного Св. Сергием, который кротко пас вверенное ему стадо. Таким образом Провидению угодно было, чтобы один из десяти Псрвосвятителей наших был произведен на престол Патриарший от дивной раки Преподобного, и честию своего сана еще бы украсил его обитель.

При его втором преемнике Иоакиме, в юные дни Петра, обуреваемые ужасами бунтов стрелецких, два раза открывались

гостеприимные объятия лавры для спасения надежды отечества. Два раза молодой Царь, чудесно спасенный от убийц, оградился крепкими стенами от ярости мятежников, и в сей неодолимой твердыне разрушил их замыслы. Казнию Хованских окончилось первое восстание, второе – заключением властолюбивой Царевны Софии. Сюда в лавру посылала она и Патриарха и сестер умолять разгневанного брата, но тщетно: сюда наконец устремилась сама с позднею мольбою: – она не была допущена, ее ожидала грустная келья в монастыре Девичьем, и отселе возвратился Петр с торжеством в свою столицу, встреченный на пути длинным рядом стрельцов, которые добровольно лежали на плахах, моля о пощаде.

Чудно отзывался России ровно чрез два столетия 1612 год: Франция заступила место Польши, но также сгорела Москва, и воеводы обступили развалины столицы, и из Нижнего поднялось ополчение; отряды неприятельские устремились к Владимиру до Богородска и заняли Дмитров. Что же помешало им овладеть лаврою, в столь близком расстоянии от Москвы, и расхитить ее богатства, известные в Европе? Тщетно герой Бородинской битвы, Князь Багратион, изнемогая от смертельной раны в обители Троицкой и припадая к раке Преподобного, умолял братию спасти сокровище мощей его и богатства лавры от хищности наступающего врага. Сняли только балдахины от раки и престола, но Митрополит Платон не велел прикасаться к святыне и нарушать веру в защиту Угодника. На праздник Покрова Богоматери, с крестным ходом, были обнесены иконы кругом обители, и в тот же день, отряд неприятельский, направленный на лавру, получил повеление возвратиться с половины дороги.

Самая язва, которою дважды страдала столица, миновала лавру, как некая страшная туча. На паперти Троицкого собора хранится надпись на камне, свидетельствующая, что в 1770 году ограждена была обитель святым Угодником от заразы, хотя со всех сторон стекались к нему на поклонение недужные. Даже и зараженные получали исцеление в ограде монастырской; во все время не погиб из них ни один, несмотря на тесноту. Сие чудесное явление повторилось в глазах наших, когда

свирепствовала холера в столице и во всех окрестностях. Так недремлющими блюстителями стоят, во вратах своего пристанища, Сергей и Никон, отгребая от него все бурные житейские волны.

Из собора посетил я наместника лавры, Архимандрита Антония. Мы и прежде уже знали друг друга, при настоящем же свидании я возобновил приятное для меня знакомство, «Ласковый прием ваш, сказал я ему, делает меня докучливым. Отпустите со мною кого либо из монашествующей братии по стенам, чтобы я мог слышать рассказ об осаде Литовской на самом месте великих подвигов.»

«Пока еще не начался благовест, отвечал Наместник, я сам готов служить спутником, по мере слабых моих познаний. Мне приятно удовлетворить любопытству, которое основано на славе св. Сергия.»

Я поблагодарил Архимандрита за такую снисходительность. – «Не выходя еще из келий, позвольте мне уже сделать первый вопрос: кто занимал в старые годы покои ваши, странно устроенные, частью в башне, частью на городской стене? Не сами ли Архимандриты или Келари?»

«Нет, местопребывание Архимандритов лавры не изменилось: и теперь живут там Митрополиты, в качестве настоятелей. Мои же кельи не очень давно устроены, а древнее жилище Келарей было подле святых ворот. Там жила Паницы, но теперь все давно уже перестроено.»

– «Слышали ль вы, что наконец отысканы следы его в Соловецкой обители?»

«Слышал и утешался вместе с братией; отечеству и особенно лавре тяжело было не ведать, где кончил житие свое сей великий подвижник.»

«Извините, сказал я, что говоря о нем, примешаю нечто житейское. Мне кажется, нигде лучше не изображен характер Авраамия, как в одной из наших светских книг. В ней старец, благословляя юношу на брань за отечество, говорить ему трогательные слова: «Всевышний да простит сие согрешение старцу, что он любит свою земную родину почти также, как

должны бы мы все любить одно небесное отечество наше!» Хотя это вымысел, но прекрасный.

«У нас есть собственное его описание осады, отвечал Наместник: там излилась в сладкой речи вся пламенная душа Авраамия. «От великих малая избрах, говорит он, яко от лучины морския горсть воды ночерпох, да ионе мало напою жаждущия души божественного слова.» И точно вся Русская земля приходит черпать из его сказания утешительную веру в покровительство святого Угодника и наслаждаться чудесным зрелищем лавры, одной непоколебимой посреди треволнения целого царства. Он написал сие неоцененное сокровище, по просьбе братии обители, как сам объясняет, и, по свидетельству очевидцев, на память грядущим родам, и да незабвенна будут чудеса великих святых Сергия и Никона.»

«Со мною есть его книга,» сказал я.

«Тем лучше, продолжал он: и так взглянем из моих окоп на западную окрестность лавры. Отселе и с Московской, то есть южной стороны, были самые сильные нападения. Сей малый пруд, который теперь под стенами, тогда еще не существовал; недавно наполнен водою малый овраг, служивший рвом для крепости. На краю его, прямо против моих келий, стоял пивной двор, обнесенный крепким тыном, который также не могли взять Поляки, во все время продолжительной осады, хотя несколько раз покушались зажечь. Он имел сообщение с лаврою через тайник, служащий теперь выходом к бане; из сего острога производились частые вылазки на Красную гору. Начиная от пруда Келарского, близ Московской дороги, и до того косого оврага, что изгибается с правой стороны к чаще леса, возвышенность занята была станом Гетмана Сапеги. Он окопал все пространство рвом и валом, и поставил здесь большую часть своих туров, которые однако же были сожжены в счастливую вылазку, после первых шести недель осады, и с тех пор не возобновлялись. А всех туров было девять, первые на Московской дороге, последние же на глиняном овраге, против конюшенной башни, так что вся юго-западная и часть северной ограды были охвачены ими. Но пойдем на стены, я укажу самые башни.»

Мы вышли на высокую западную ограду и широким крытым путем пошли к северо-западной угольной бойнице. С правой стороны открывалась нам вся внутренность лавры, с левой бесчисленные зубцы ограды прерывали на каждом шагу дальние виды окрестности, которая мгновенно мелькала в тесных промежутках.

«Башня сия, сказал Архимандрит, называемая Плотничною у Авраамия, известна нам под именем Оружейной, ибо в ней до времен Императрицы Елисаветы хранилось оружие и все снаряды лавры. Теперь поворотим на северную ограду; с Каличьей башни мы лучше увидим окрестность.» Когда же мы взошли на устроенную вокруг нее площадку: «я не могу объяснить, продолжал Архимандрит, почему дано ей название Каличьей, но вот рядом с нею Звонковая, так прозванная однако не от набата, а от звонка семинарского; высокая же башня над святыми воротами, служившая в древности колокольною, с которой давали весть защитникам лавры о нападениях неприятеля, разобрана по ветхости в 1826 году. Если менее было приступов к северной ограде, то с сей стороны пролилось много крови, для добытия дров осажденным. Служители лавры покрыли себя бессмертною славою, в частых стычках с неприятелем, по окрестным лесам и оврагам. За сею рощею видна также, не отселе, но с колокольни, по Углицкой дороге, церковь Деулинская, воздвигнутая во имя св. Сергия Царем Михаилом и Патриархом, отцом его, на память мира, заключенного с Польшею под стенами лавры. Так и кровавый бой за отчизну и желанный мир по стольким смятениям, все здесь, все у той же обители, которая одна сосредоточила в себе судьбы всей России и как Ангел хранитель стала на ее распутии, с мечем и масличною ветвью.»

Мы спустились с башни, я шел рядом с Архимандритом и безмолствовал. Минувшее казалось мне настоящим; мне казалось, сам именитый защитник лавры, Архимандрит Иоасаф, который был душою осажденных и успел только дожить до их освобождения, чтобы тем довертит свой земной подвиг, сам шествовал по стенам своей обители, указывая мне места

знакомых событий. Так странно и сладко было слышать, из уст иноческих, воинственный рассказ сей, одушевленный тою же любовью к отечеству, какая совершила самые подвиги. Воображая пред собою древнего блюстителя лавры, я мысленно искал около него добрых иноков, в броне сверх рясы, пожелтевших сединами, как Афанасий Ощерин, и как он, подвижных на брань слезами кровными, и ждал вестового набата.

Архимандрит нарушил мои мечты, обратив опять внимание к настоящему. «Весь северо-восточный угол нашей лавры занят, как можно отсюда видеть, духовной академией, которая отчасти помещена в царских чертогах Петра Великого, устроенных на месте древних Царя Иоанна. Здесь жили державные богомольцы, когда пешие приходили поклониться Угоднику; здесь спасался и юный Петр от мятежей стрельцовых. Вот угольная Красная башня, с которой по преданиям тешился он, стреляя уток на красном пруде за ее бастионами, и от того утка была поставлена на верху башенного шпица, когда отделяли ее при Елисавете Петровне. От сей башни и до круглой Пятницкой, на другом углу ограды, выкопан был во время осады глубокий ров и укреплен валом, но его уничтожили недавно, для удобнейшего въезда.»

Между тем мы по восточной стене приблизились к церкви Рождества Предтечи над святыми воротами. Церковь над входом в обитель, во имя ее основателя, есть необходимая принадлежность всех монастырей наших, самые убогие имеют хотя часовни с иконою святого и это отпечаток характера Русского. Отшельники, полагавшие в дебрях и лесах начало своим пустыням, ради совершенного безмолвия, однажды прославленные чудесами по своему преставлении, сами как будто оставляют свое любимое уединение, чтобы смиренно став во вратах обители, по примеру древних праотцов, гостеприимно сзывать мимоидущих на духовную трапезу, и хотя невольным крестом заставить осениться путника, если даже он и не хочет войти в обитель.

«Церковь сия, сказал Антоний, стоит на месте древней св. Сергия, воздвигнутой отцом Грозного при начатии ограды. Когда

же, при Царях Петре и Иоанне, сооружен был великолепный готический храм Угоднику, служащий нам трапезою, и освящен в присутствии Царей последним Патриархом, тогда дозволено было Строгоновым строение Предтечевой церкви; но и она сгорела, а новая освящена уже при Императрице Екатерине, в первый год ее царствования.»

По мере того, как мы подвигались по ограде, ширина ее стен, крепость и высота башен и самое ее пространство приводили меня все в большее удивление и внушили невольный вопрос: «конечно царственная рука воздвигла подобные твердыни, ибо, несмотря на богатство лавры, трудно ей было одной совершить их.»

«Иоанн Грозный был помощником, отвечал Наместник, ему обязана обитель лучшими своими зданиями. И этот обширный летний собор Успения Богоматери сооружен им на подобие Успенского в Москве, единственного образца тогдашнего зодчества, и та малая церковь Сошествия Св. Духа, впоследствии украшенная Патриархом Никоном, воздвигнута Царем сим на память взятия Казани, и освящена при нем и Царице Анастасии. Вот первая царственная Романова на духовном торжестве у Троицы. Многие льготы даны были Царем во время Казанского похода и после, для построения сей ограды, которая на 464 саженьях, с своими восемью башнями, как венец царства Русского, вмещает в себе много святого и близкого Русскому сердцу. Когда же пострадала она сильно от осады Литовской, то снова поддержал ее признательный Царь Михаил Федорович и ветхости все им исправлены. Впоследствии украшены некоторые ее башни и святые врата Митрополитом Платоном; его имя незабвенно лавре: все, что только есть в ней великолепного, обновлено или устроено его усердием, начиная от позлащенной им крыши Троицкого собора и до братских келий, которые видишь кругом всей ограды, и все это в то время, когда лавра лишилась 100 тысяч своих крестьян.»

– «А прочие церкви и здания какого времени?» «Не очень давние, отвечал Архимандрит; малая шестиугольная церковь, на память явления Божией Матери св. Сергию, где покоятся

мощи ученика его Михея, у высокого крыльца трапезной церкви, основана повелением Императрицы Анны, и наша величественная колокольня есть также памятник ее усердия. Часовые над святым колодцем, обретенным при Царе Алексие Михайловиче под папертью Успенского собора, должно быть при нем и устроена; а храм Одигитрии Смоленской, что в углу близ Каличьей башни, сооружен на месте старых палат монастырских, Графом Разумовским и освящен в присутствии Императрицы Елисаветы. Замечательно, что почти все церкви лавры освящались и обновлялись пред лицом царским. Не забыты у нас и пустынные отшельники Соловецкие, Савватий и Зосима: в больничных кельях устроена во имя их малая церковь. Сергей и Никон приняли к себе пустынножителей Ледовитого океана, как бы в некое небурное пристанище от бурь морского отока.»

Беседуя таким образом, мы неприметно достигли юго-восточной круглой башни, внутри коей каменный глубокий колодезь некогда заключал на дне своем государственных преступников.

«Вот та круглая башня, сказал Архимандрит, против которой наипаче были обращены усилия неприятелей. По ней стрелял из своей огромной пищали пан Лисовский, стоявший табором в противолежащей Терентьевской роще, что ныне слобода за речкою, и под нее веден был долгое время тайный подкоп от подольного монастыря (теперь обращенного в приходскую церковь). Осажденные много смущались слухами о сем подкопе, не зная, где он, доколе удачная вылазка не открыла им его устья. Однако же отселе не так свободно видна окрестность, как с террасы Архиерейских келий.»

Мы ускорили шаги и спустились со стен, подле Водяной башни, у малых ворот, чрез которые совершались крестные ходы на Иордан, а во время осады частые вылазки на огород монастырский; потом мы поднялись на террасу. Ударили в колокол к обедни.

«Поспешим, сказал Антоний: окинь беглым взором Московскую окрестность. Вот мелькает внизу между дерев Пятницкий монастырь и кладезь св. Сергия: вот за рекою место

Терентьевской рощи и табора Лисовского; вот, по дороге к Александрову, служилые слободы и мельницы, отколе часто бывали нападения, а там вдали едва, едва белеет из-за рощи Вифания, которую мы посетим после вечерни. Теперь посмотри в другую сторону: – вот Клементиевская слобода и поле, и дорога к Хотькову монастырю и в Дмитров, куда бежали Сапега и Лисовский, испуганные победами Князя Шуйского: вот наконец и гора Волкуша. Но отдохнем на этом имени; довольно о битвах. Здесь преемник знаменитого защитника лавры Иоасафа, еще более знаменитый Архимандрит Дионисий, спаситель отечества, вместе с Келарем Авраамием и всем освященным собором, с крестами и хоругвями, провожали и благословляли в поход под Москву Князя Пожарского и Минина с ополчением Низовым. Какая торжественная минута! – Отселе, внезапным чудом, обратившийся ветер подул попутно воинству, и под управлением таких кормчих спасся от бури потопления ковчег всея Руси: кормило же вверил им св. Сергей. – По истине вспомнишь слова Пророка: «Всевышний поставил пределы языков по числу Ангелов Божиих.» Воззрим духовным оком на какие таинственные области разделена вся Россия: у каждого града свой предстатель: здесь молится Сергей, в Ростове Димитрий и Даниил в Переяславле, в Москве же целый лик угодников, но и Сергей отселе блюдет Москву, процветшую в одно время с его лаврою. – А мы, недостойные, тихо проговорил тронутый Антоний, беспечно живем здесь, равнодушно попираем следы его земного жительства, где каждый шаг был орошен потом постнических трудов и его молебными слезами!...» Голос Архимандрита внезапно затих, а колокол громче и громче звал на молитву.

После обедни, Наместник предложил мне осмотреть ризницу, богатейшую во всей России. Мы взошли в сие священное хранилище даяний, истинно царских, расположенных в трех палатах. Кругом по всем стенам огромные шкафы были наполнены великолепными утварями и облачениями; глаза разбегались от несметного числа камней и жемчуга, коим в особенности богата лавра. В хронологическом порядке висели ризы, пелены и плащаницы, начиная от времен Донского, как

драгоценная летопись, писанная усердием Князей: имя каждого украшало его богатый вклад, и не было ни одного опущения в длинном ряде властительских имен: – столь твердое упование возлагали все они на св. Сергия. В последней палате хранились драгоценные сосуды, митры, кресты, харатейные евангелия отдаленных веков, в золотых деках, и наконец все, чем только могли пожертвовать церкви пышность и усердие, соединенные вместе. Архимандрит увидел мое изумление и сказал:

«Ты читаешь царственные имена вкладчиков, ты дивишься богатству их приношений; знаю, что многие дни может провести испытующий археолог среди сих сокровищ, и не выходя из ризницы написать целую летопись. И я бы мог, указывая тебе в течении нескольких часов на драгоценности наши, постепенно говорить: вот евангелие Симеона Гордого, XII века, вот другое в великолепном окладе Царя Михаила Феодоровича, в коем виден дар сердца, слову Божию подобающий; вот крест, присланный Патриархом Филофеем Сергию; вот яшмовая чаша Темного, вот тяжелые сосуды Годунова, носящие, как и все древние дары, отпечаток богатства натурального, не поддельного утонченным искусством, а сильного и величественного по внутреннему своему достоинству; но не с сей исторической точки зрения желал бы я тебе представить сии сокровища. – Нет, другую, более красноречивую летопись сердца хотелось бы мне раскрыть пред тобою: те тайные чувства, которые возбуждали державных жертвовать Сергию, и отличительный отпечаток каждого их характера в самом разнообразии даров: чувством ли благодарности были они подвигнуты за исцеления, или победы, или радости семейные, или ради памяти усопших, или только из простодушного послушания к словам Св. Писания, чтобы не с тщими руками приходить пред Господа! Сюда излились и терзания совести Годунова вкладами, богатейшими против всех прочих, здесь и поминовения грозного Иоанна по своим бесчисленным жертвам!... Посмотри, чрез сколько веков, хранятся они здесь безмолвными обличителями тайных потрясений души, зеркалом минувшего потомству! – Все Князья Русские были данниками св. Сергия, избавившего их от работы Татарския! Довольно ли

насытил ты взоры сим беспримерным великолепием! – теперь взгляни же на первейшее сокровище лавры, затмевающее все прочие: этот посох, эта крашенинная риза, эти деревянные сосуды – Сергиевы!»

Он умолк, и по истине затмилась вся слава сокровищ пред сим убожеством Сергия; она затмилась в глазах моих слезами, невольно оросившими его нищую утварь.

«Теперь ты все видел, сказал Наместник, удалимся, время отдохнуть. Но если еще жаждет душа твоя высоких дум, великих воспоминаний, иди под своды трапезной церкви, на гробы подвижников земли Русской; там отдыхает от бедствий житейских великий и несчастный защитник Смоленска боярин Михаил Шеин; там посреди знаменитых родов княжеских лежит и славный освобождением Москвы Князь Димитрий Трубецкой и другие, коих имена да будут вписаны в книгу жизни! У нас в лавре есть где предаться глубоким размышлениям о суете временной: иди беседовать с усопшими; мы свидимся пред вечером в Вифании.»

Я пошел скитаться меж гробов по каменным скрижалям смерти и читал роковое умир! на конце всех славных деяний. Отверсты были врата летнего Успенского собора, напоминающего Московский! И внутри его стояли четыре гроба: один весьма недавний Архиепископа Августина, другой, гораздо древнее, Епископа Вологодского Иосифа, который, будучи еще Архимандритом лавры, отдал Никону, низложенному на суде Патриаршем, свою шубу, когда, в жестокие, морозы отправили его в заточение на Бело озеро.

В двух остальных гробах царственная мать и дочь, жертвы властолюбия Годунова, монастырским заключением заплатившие за один только призрак имени царского. Тут погребена Мария Владимировна, племянница Иоанна Грозного, выданная им за Магнуса, единственного Короля Ливонского, никогда не царствовавшего, постриженная неволею за сей невольный брак, и с нею рядом дочь ее Королевна, рано умершая, как полагают, ради возможности царствовать. У северных же врат собора, под каменною тесною палаткой, лежит и сам Годунов со всем своим родом, как бы на страже

дел своих до страшного их рассуждения: на сих вратах, как бы нарочно, им самим написан был, при Царе Феодоре. Ангел страшного суда со скрижалями. Временщик, цареубийца, Царь, благодетель церкви и народа, гонитель всех близких престолу, пораженный со всем своим родом призраком пораженного им отрока, дважды вырытый из могилы и трижды погребенный, как бы для страшной памяти одного убийства! – сколько ужаса под сводами сей малой палатки, вместе с невинностью Феодора и Ксении, и бедствиями их кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока! О, да примет ее Ангел суда на свои страшные весы, да свесит с Димитриевой – и скажет разрешительное: «довольно!»

Когда освежился воздух знойного дня, Наместник пригласил меня ехать в Вифанию, за три версты от лавры, в самой цветущей ее окрестности. Веселая дорога пролегла по зеленым полям и рощам и по крутому берегу оврагов. В таком сельском, очаровательном уединении стоит вечерний приют Митрополита. Платона, где довершил он, не оставляя своей паствы, последние годы жизни, памятной в летописях нашей Церкви. При входе в святые врата, Наместник показал мне скамью, где любил сидеть престарелый Святитель, в простой одежде, и когда спрашивали у него любопытствующие посетители: «где бы можно им было видеть Митрополита»? он отговаривался незнанием и отсылал их в монастырь.

Все носит в Вифании отпечаток его оригинального ума, начиная с самого имени обители, напоминающей Никонов Иерусалим. Внутреннее устройство церкви еще замечательнее. На месте иконостаса представляется каменная гора, покрытая мхом, с крутою тропинкой на ее вершину. Это, Фавор, и на нем стоит малый алтарь Преображения; внизу, как бы в Лазаревой пещере, другой малый престол, самая Вифания, и подле, в темном вертепе, гроб основателя Платона. Конечно, соединением сих двух церквей, хотел он выразить то дивное преображение, совершающееся с нами, когда в прославленном теле восстанем мы из гроба, куда отпускаемся с плачем: «сеется тленное, воскресает нетленное, сеется презренное, воскресает славное, сеется неможное, воскресает сильное!» и с

таким упованием заснул он в своей Вифании, во ожидании Фавора.

Наместник прочел литию за упокой усопшего и трогательное завещание его, поставленное в раме над гробницею, в коем смиренно прощаясь с паствою, предаёт себя Господу с живым благодарением за все несказанные Его щедроты, наипаче же за то, что даровал ему быть Христианином и даже служителем Церкви. Нельзя равнодушно читать сего завещания; не зная Платона, кажется видишь его пред собою и соединяешься с ним молитвою. В той же гробовой келье стоит дубовая рака св. Сергия, в которой почивал он тридцать лет под землею, совершенно уцелевшая, хотя была найдена вместе со святыми мощами, окруженною водой, по сырости места. Митрополит Платон сам пожелал покоиться в виду сего утешительного свидетельства о нетлении праведных. Верх церкви исписан пророческими предзнаменованиями искупления; в алтаре Фаворском на углу плащаницы изображен сам молящийся Платон, на коленях пред таинственным погребением Спасителя. Замечательна икона, стоящая на престоле; она была комнатною Людовика XVI и привезена в Россию во время революции. Мог ли ожидать несчастный Король, что его домашняя святыня будет украшать Вифанию?

Сельский двух-ярусный дом Платона достоин также внимания. Комнаты весьма тесны; в одной малая церковь, невольно заставляющая подумать о Никоновом ските в Воскресенске, ибо сходство душевное, казалось, сближало взаимно мысли обоих Иерархов. В сей церкви почти нет иконостаса, а только одна низкая перегородка с двумя малыми иконами, писанными на стекле, и царские сквозные врата: на одной половине написано: «закон Моисеем дан бысть» – а на другой: «благодать же и истина Иисус Христом.» Мысль глубокая – одним стихом Евангелиста изобразить оба завета!

С балкона открывается очаровательный вид. Густая роща, насажденная самим Владыкою, спускается по оврагу к обширному пруду, и над зеленью ее деревьев открывается как бы второй ярус картины – противоположный берег оврага, также украшенный рощами и светлыми полянами. Вдали над чащею

подымалось уединенно иссохшее дерево. Я указал его Наместнику и сказал: «если бы оно существовало в таком виде при Митрополите Платоне, быть может, он назвал бы его иссохшею смоковницею, на память притчи Христовой, ибо Спаситель иссушил ее на пути из Вифании.»

По правую сторону, за изгибом пруда, который далее обращается в речку, видна была величественная лавра, горящая вечерним солнцем. Все ее остроконечные башни и золотые купола и над ними легкая колокольня, сливаясь в одну великолепную массу, давали ей вид Восточной короны, поставленной на землю: подобно тем златым венцам, которые слагают с себя таинственные старцы Апокалипсиса, пред престолом Живущего во веки, когда небеса поют Его славу.

Отселе любовался своею лаврою Митрополит Платон. Как замечательно лице его в иерархии нашей! После Стефана Яворского, местоблюстителя патриаршего престола при Петре Великом, не было подобного. Начавший при дворе свое духовное поприще, как наставник Цесаревича, он твердо стоюю прошел трудную стезю святительства, был надежною опорою Российской Церкви, пользуясь даже Европейскою известностью, и кончил в уединении дни свои, сокращенные бедствием отечества и столицы, но еще имел утешение услышать о изгнании неприятеля. Необыкновенное движение умел он давать всему, что только его окружало, оставляя всюду отпечаток великой души своей и положил прочное основание образованию духовенства. Многие из Святителей наших воспитаны были при нем келейно, и некоторые, как Михаил Новгородский и другие, еще живущие, были убеждены вступить в монашество Платоном, угадавшим их высокие дарования. Его память и доселе еще священна ученикам его, которые, гордясь сим названием, часто говорят: «после Платона Платона не будет.»

Вечером возвратились мы из Вифании водою. Наместник управлял лодкой, два послушника гребли; круто извивалась Кончура между кустов и тростника, но кормчий еще не забыл своей приволжской жизни и непогод родной реки, по волнам которой водил он чолн свой, доколе не избрал себе пристани в

лесах Саровских. Когда изгибы берегов не требовали его внимания, он рассказывал мне о духовных старцах Сарова и других отшельниках неведомых миру, которые спасались в дремучих лесах Брянских, и изгнанные оттоле разбойниками, удалились в безлюдные дебри Сибири. И у нас есть своя Фиваида, вне монастырских оград; ее описание могло бы составить назидательный Патерик; но кто возьмет на себя столь высокий труд. – В такой приятной беседе причалили мы к зеленому утесу: далее нельзя было плыть по мелководно; уже не далеко оставалось до лавры.

II. Ростов

На рассвете другого дня поехал я далее в Ростов. Мне благоприятствовала погода, и красное утро придавало особенную прелесть зеленеющим полям и рощам гористой дороги, усеянной богатыми селами до Переяславля. С поклонной горы, где поставлен усердием предков каменный крест, открылся Переяславль Залеский во всей древней благочестивой красе своей, на берегу тихого, длинного озера, горящий в небе золотом крестов многих обителей и церквей. Неожиданно и вместе очаровательно было зрелище сего города; – так приятно прислонился он к мирным водам, издали совокупляясь всеми своими храмами в один Божий дом; так беспечно летели к нему белые паруса рыбаков по спящей пучине, как бы в безбурный притон, созданный только для упокоения их смиренных лодок и бесстрастных душ. Так мне показалось издали с горы, у подножия поклонного креста» и так могут всегда представляться предметы, если смотреть на них с подобной ясе точки.

Я не мог оставаться в Переяславле, поспешая на ночь в Ростов, и только посетил, при въезде и выезде города, два монастыря: женский Феодоровский, основанный Иоанном Грозным на память рождения Царевича Феодора, и мужеский Никитский, весьма древний, но украшенный зданиями также во времена Иоанна. Там поклонился я мощам Св. Никиты, столпника Переяславского XII века, и посетил уединенный тесный столп его, где, сложив с себя боярство, усмирять он суровый нрав под тяжестью вериг, послуживших орудием его мученической смерти, ибо ими был он умерщвлен от руки nocturnal хищников.

После мрачных Владимирских лесов, открылись мне благословенные пределы Ярославля. Смеющаяся равнина, оживленная резвыми изгибами реки, испещренная бесчисленными селами, развила предо мною свой бесконечный обзор; повсюду белелись церкви как белые шатры, поставленные для стражи сей чудной равнины. На краю ее

румяное озеро Неро скопляло в себе лучи вечернего солнца, вознося над блеском вод своих белый, многобашенный Ростов, венец всей картины и желанную цель моего странствия. С закатом солнца я его достиг.

Я поспешил прямо в Яковлевский монастырь, к Святителю Димитрию. Подходя к собору вспомнил, что мне поручено было поклониться гробу добродетельного старца Амфилохия, 40 лет молитвенно простоявшего у возглавия мощей угодника Ростовского, и не знал, где найти его могилу. Уже смеркалось, соборная трапеза была отперта, там хотел я дожидаться открытия самой церкви. Любопытство привлекло меня к высокой мраморной гробнице, украшенной знаками схимническими, – и я прочел имя Амфилохия! О, с каким внутренним утешением простерся я пред сим памятником великого старца, многие годы светившего своими добродетелями не только пределам Ростовским, но и столице! На нем почивало видимое благословение Святителя, которое обильно передавал усердным к его памяти. Чувствительна для обители потеря Амфилохия, отбывшего свою стражу!

Отперли собор, отперли и тяжкую серебряную крышу раки, с украшениями архиерейскими, пожертвованную благочестием Елисаветы для хранения мощей Святителя, и присланную Екатериною в год ее воцарения. Открылся святой угодник, ревнитель православия, ревнитель просвещения, почивший по многих трудах, над самым тем местом, которое смиренно избрал себе для смертного отдыха, не в великолепном соборе митрополии Ростовской, вместе с своими предшественниками, но в уединенной обители св. Иакова, основанной сим Епископом, по несправедливом изгнании, и освященной его мощами. Здесь хотел возлечь Димитрий, и прославился и прославил место. Я прикоснулся устами к обнаженному челу его, некогда вмещавшему столько благих помыслов для пользы церкви и отчизны, которое долго сияло для них ярким светильником и ныне точит исцеления болящим. Со мною вместе тихо приложилась одна недужная; для нас только отперли церковь, за нами ее опять заперли.

Тогда же посетил я Архимандрита Иннокентия, достойного племянника Амфилохия. – Дряхлый старец, удрученный болезнями, с трудом мог подняться с своих кресел, чтобы приветствовать во мне прежнего своего знакомого.

«Я видел из окна, как вы с недоумением ходили по монастырю,» радушно сказал он, и хотел уже послать монаха, чтобы он вас проводил в собор, ибо я всегда так делаю с новыми пришельцами, еще незнающими обители. Хожу и действую я весьма криво, милостивый государь, но по крайней мере сижу прямо: против меня угодник и к нему указываю я всем дорогу.»

– «Где же найти лучшего указателя, отвечала» я, вы уже так давно на страже у Святителя. –

«Да, кротко отвечал он, благодаря угодника, вся жизнь моя обтекла кругом сего озера, или лучше сказать, я только перевезся с одного берега на другой. Когда вы взойдете завтра на ограду, или на ту башню, которую я себе приготовил для покоя, вы увидите за озером высокую колокольню села Поречья, где я долго был приходским священником. Там и дед мой и прадед имели счастье быть посвященными от руки самого Святителя, и я сам, не смотря на все грехи мои, достиг приюта только милостью угодника.»

– «И так я здесь как бы в его семействе, сказал я, тронутый живою любовью Архимандрита к св. Димитрию. Вы сроднились с ним и чрез рукоположение ваших дедов, и сорока летнею, постоянною стражею при его мощах, вашего дяди старца Амфилохия, и вашею собственною приверженностью к угоднику.»

«Желаю духовного родства сего себе и вам,» отвечал Архимандрит, и благословил меня провести ночь на соседнем подворье.

Рано утром я уже нашел почтенного старца сидящим опять в своих креслах, посреди богомольцев, которые один за другим приходили принять его благословение. Каждого принимал он ласково, спрашивая имя, и наделяя образком, отпускал с назидательным словом. Я подивился его терпению при таком болезненном состоянии. «Государь мой, сказал мне

простодушно Иннокентий, больше труда было сим усердным людям придти к угоднику, нежели мне принять их. Да и у чего же я поставлен, если не буду благословлять их во имя Святителя?»

В числе посетителей находился раненный офицер и с ним доктор. Сей последний, видя страдания Архимандрита, советовал ему многие средства для облегчения болезни. Иннокентий вниманием своим платил ему за его участие и наконец сказал: «Милостивый государь, вот уже многие годы, как я страдаю; знаете ли, какой единственный пластырь обрел я против всех моих болезней? – терпение, государь мой, одно только терпение! По сколько его приложишь к своим ранам, по столько и почувствуешь облегчения. Поверьте, что другого нет для моих недугов. Жизнь человеческая как лампада: когда сосуд благоустроен, хороша светильня и чисто масло, тогда ясно горит и лампада; но когда все в ней приходит в ветхость, скудеет елей и задувает ветер, – а ветер наши собственные страсти, – тогда время ей погаснуть, и она гаснет сама собою.»

При этом простом, но красноречивом сравнении невольно взглянул я на лампаду, висевшую пред иконами, которые занимали весь передний угол тесной комнаты и два соседних окна, а две противоположные стены были убраны множеством портретов духовных особ.

«В каком благочестивом обществе провождаете вы все дни ваши,» сказал я Архимандриту.

«Извольте посмотреть, государь мой, смиренно отвечал он, вот на правую сторону от меня святые угодники, прославившие своею жизнью Господа, а вот на лево благочестивые мужи, шедшие по следам их: но поскольку они еще не удостоились прославления свыше, то чтобы не смешать горнего с дольным, между ними утвердися здесь пропасть велика, – я сам с моими немощами и грехами.»

И когда я не находил слов отвечать ему, он тотчас продолжал:

«Время идти к обедни; прошу вас заглянуть также и в новый собор, который Господь сподобил меня окончить, истинно пособием угодника, ибо у меня не было ни денег, ни средств, и

все неожиданно явилось. Посмотрите на живопись: самый художник, покойный академик Медведев, был для меня даром Божиим, по его благочестию. Верите ли, государь мой, что он не иначе приступил к письму, как причастившись Св. тайн, и прямо из церкви взялся за кисть, не вкушая никакой пищи, пока не начертал лика Господня на сводах алтаря, и так всегда без пищи и с молитвою начинал он писать образ Спасителя или Божией Матери. Редкое благочестие! за то Господь увенчал полным успехом его труды, и вы верно полюбуетесь живописью. Прошу вас в церковь.»

И точно стенное писание было превосходно, соединением древнего и нового вкуса, чего я нигде не встречал. Особенно замечательны два свода: над алтарем и над самою церковью, как по отделке так и по глубокому смыслу. На первом изображены все Силы небесные, в девяти Иерархиях, светлым венцем обтекающие Св. Троицу, воссевшую прямо над престолом. На втором начертана кругом Божией Матери вся торжествующая Церковь Христова, с ликами угодников всякого звания: святителей, царей, воинов, убогих, для утверждения членов воинствующей Церкви, приходящих молиться в храм сей. На стенах благоговейно поражает взоры тяжкое несение креста на Голгофу, и молитва св. Димитрия пред знамением явленного ему креста, и его проповедь к отступникам истинной веры и торжество открытия его мощей, и наконец самое начало сей обители, основанной в XII веке. Св. Епископ Иаков, изгнанный клеветою народною, в знак своей невинности, переплывает Неро озеро на мантии архиерейской, которая безбурно приносит его к сему пристанищу.

После обедни благосклонный Архимандрит дал мне своего наместника Флавиана, чтобы посетить знаменитый древностью собор Ростовский и другие обители сего некогда славного города. В соборе ожидал меня почтенный протоиерей Тихвинский и с большим радушием показал мне все достойное внимания. Я поражен был величием собора.

Начало его еще относится ко временам св. Князя Владимира, но тогда была устроена только деревянная церковь во имя Успения Божией Матери, после пожара коей и падения

другой каменной, воздвигнутой на ее месте, заложен был нынешний собор в 1213 году; он украшен святым Князем Константином Всеволодовичем Ростовским, и довершен уже в бедственные времена ига Татарского в 1262 году. Самое расстояние лет между началом и окончанием храма свидетельствует, чрез какие бедствия прошла Россия в течение сего полувека. Но несмотря на сии бедствия, отпечаток величия рода Долгоруких остался на священном памятнике, и благочестие сына великого Всеволода вполне удовлетворилось. До сих пор храм сей, по своему зодчеству и по обширности, один из лучших нашего отечества, не уступая красою Владимирскому, который послужил ему образцом и почитался совершенством своего времени. (В нем до 14 сажен длины и до 23 высоты, с куполом). В XIII веке св. Епископ Игнатий устлал пол его красным мрамором: последующие Архиереи постепенно его украшали, в особенности же Митрополит Иона, стенным писанием; еще недавно был поновлен иконостас и представляется в должном благолепии. Но сокровища сего собора не в злате и мраморе. Четыре великие столпа поддерживают его славу: мощи четырех его Святителей – основание Ростовской Церкви. В малом приделе внутри алтаря покоится св. Леонтий, третий Епископ Ростова и его просветитель, ибо до него сменявшиеся Архиереи не могли удержаться посреди язычников: святые мощи его, долго лежавшие поверх земли, теперь почивают под спудом, после разорения Литовского, но та же благодать исцелений истекает от его гроба. С той же стороны, но вне алтаря, открыто лежит преемник его св. Исаия, в долгое правление паствою Ростовскою утвердивший в ней корень Христианства. – По левую же сторону храма и недалеко от местной великолепной иконы Божией Матери, чудесно написанной в XI веке св. Алипием инокописцем Печерским, почивает в богатой раке св. Епископ Игнатий, один из всех угодников Российских, которого нетление просияло даже прежде предания земле: ибо чудеса, явившиеся при самом отпевании, побудили клир и народ тогда же поставить его святые мощи для поклонения на то место, где

и до ныне они обретаются. Племянник св. Сергия, св. Архиепископ Феодор – четвертая опора Ростовской Церкви.

Рядом с ним лежат, вдоль по стене кругом собора, знаменитые его преемники Митрополиты: Варлаам, первый возведенный в сан сей первым Патриархом Иовом; Иона, предрекший ему о судьбе Отрепьева; Кирилл, управлявший Церковью при Лжедимитрии, прежде и после Филарета Никитича, и встречавший на царство Михаила; другой Варлаам, бывший при его венчании; Иона, посвященный Никоном, в течении 40 лет, после всех внутренних смятений России, устроивший свою митрополию до самого цветущего состояния, и наконец Иоасаф, поставленный последним Патриархом.

Но славнее всех сих почивших в соборе Митрополитов является отсутствующий прахом, но всегда внутри его пребывающий своею памятью, великий Филарет Никитич Романов. Заточенный, постриженный поневоле Годуновым, он вызван был Лжедимитрием в Митрополиты Ростовские, как бы для того, чтобы тем указать, как премудрый Промысл иногда и чрез нечистые орудия устрояет благо людей: так рукою расстриги возвел он Филарета на высшую степень иерархии и даровал в нем России залог ее грядущего благоденствия. – Подвиг Филарета в соборе Ростовском обличил в нем достойного родоначальника нового племени Царей. Предлагаю здесь красноречивый рассказ соборной летописи Ростова.

«Егда Литовских полков Гетман, зовомый Саиега, прииде под монастырь святыя живоначальныя Троицы Сергия чудотворца, тогда града Переяславля Залесного людие всяких чинов, забывше крестное целование, измениша Государю своему благоверному Царю и Великому Князю Василию Ивановичу Московскому, и присташа к сопротивным, и соединившись с Литовскими людьми, поидоша ко граду Ростову, ведуще бо его не крепка суца. И абие вестно бысть в Ростове, яко Переяславцы с Литвою идут ратию на град, и приидоша вси людие Ростовстии с градоначальники к преосвященному Митрополиту Филарету и молиша его, да благословит им бежати в Ярославль град; он же увещеваше и утверждаше их стояти крепко за православную веру и за Государя своего, ему же

крест целоваша, и глаголаше к ним: «аще одолены от супостат наших и избиены будем, то венцы мученические от Бога приимем.» Людие же молиша его, да и сам с ними в Ярославль пойдет; а Святитель Божий, яко адамант тверд и столб непоколебимый, мужественным великодушием стоя, рече: «аще ми будет и многия муки претерпети, дому пречистые Богородицы и Ростовских чудотворцев не остануся.» То слышаше от него людие, овии бежаша в Ярославль, а друзии яко овцы при пастыре своем, при Архиепископу Божию оставаша. Уведав же Святитель приближающиеся супостаты, поиде в соборную пречистые Богородицы церковь и облечеша в святительския одеяния, и людие мнози в церковь стекошася; готовяся же Святитель, яко агнец к заколению, причастися пречистых и животворящих таинств тела и крове Христовы, такожде же и овцы словесные, пастырь добрый, тою безсмертною пищею напита; повеле бо протопопу и иереем, вся сущия в церкви люди исповедати и причастити божественных тайн, и возложися на Бога глаголя: «се аз и дети, яже дал ми еси Боже.» Тем временем приидоша Переяславцы и Литва во град, и начата избивати людей, елицех обретоша во граде, не убежавших к Ярославлю; таже идоша к церкви; Митрополит же повеле утвердити двери, и начаша тыи к дверям приступати, и биюще сокрушати дверь и добывати церкве. Митрополит же к дверям пришед, нача говорити Переяславцом, увещевая от божественного писания, чтобы помнили свою православную веру, и от Литовских людей отстали бы, и чтобы обратились к своему Государю, ему же крест целоваша. А Переяславцы, яко волцы возопиша велиим гласом, и начата жесточае в двери бити, и восбивше двери, начата сеци люди, и изсекоша множество неповинного народа. А Митрополита с места его жива взята, и святительская с него содраша облачения, и одеяша его в худые одежды и отослаша в село Тушино, еже близ Москвы.» (Он был освобожден войсками Князя Михаила Шуйского близ Осинова монастыря).

Подле самого собора каменная обширная ограда, в виде кремля, с зубцами и бойницами и с пятью на стенах ее церквами, окружает митрополию Ростовскую, великолепно

построенную Митрополитом Ионою, во время его долгого правления, и пришедшую в совершенный упадок с перенесением кафедры архиерейской в Ярославль. Главные врата ее, обращенные к собору, особенно замечательны своим готическим зданием; над ними церковь воскресения, ныне запечатанная, как и все прочие расписана стенным письмом. Не уступает ей и другая, Одигитрии, близ ограды, воздвигнутая Митрополитом Иосифом Лазаревичем, преемником Ионы, и третья Иоанна Богослова на западной стене. Вход в четвертую церковь, бывшую монастырем св. Григория Богослова, где постригся св. Стефан Пермский, закладен из опасения ее ветхости.

Я пробирался все далее, по зубчатым переходам стен, в обширную трапезную палату, где некогда пировал Петр Великий, поддерживаемую одним столбом посредине, на подобие Московской грановитой, и достиг наконец, на юго-восточном углу ограды, до провалившейся террасы, между самым жилищем Архиереев и их домовою каменною церковью всемилостивого Спаса. – Опустение сих величественных зданий, которые еще не успели совершенно развалиться, производило на меня грустное впечатление: но еще более стеснилось сердце, когда я с опасением пройдя по террасе, заглянул сквозь окно в самую келью, где по преданиям жил и преставился Святитель Димитрий. Взойти в нее было уже невозможно; она угловая во втором ярусе и обращена к церкви Спаса: остаток хоров над дверями показывает, что ее хотели обратить в церковь: и где бы можно приличнее устроить оную, как не на том месте, на котором святая душа коленопреклоненного угодника, с последнею молитвою, тихо отлетела ко Господу!

Осмотрев собор и древнюю митрополию, я посетил и прочие монастыри Ростова: Богоявленский святого Авраамия, где почивают мощи сего первого просветителя Ростова, современника св. Князя Владимира, и где показывают крестообразный жезл, которым он смело сокрушил каменного идола Велеса, и тем положил начало Христианству в Ростове. Почти рядом с ним, также на берегу озера Нера, обитель Петра

и Павла воздвигнута при св. Епископе Игнатие, Ордынским Царевичем Петром, по явлении ему двух верховных Апостолов, и там обретаются под спудом его мощи. Царевич сей, племянник Хана Берки, еще в юности своей последовал за Ростовским Епископом Кириллом, чудесно исцелившим ханского сына в Орде, и приняв Христианство, основался в Ростове, где долго впоследствии пребывал его род: он преставился иноком. В описании жития его любопытно предание о тяжбах Князей Ростовских с его сыном и внуком, за земли уступленные Царевичу. Орда всегда мешалась в сии тяжбы и Ханы признавали его потомство, хотя христианское, своим единокровным, а правнук св. Петра Игнатий, при наступлении Хана Ахмыла на Ростов, когда бежали Князья его, спас город, принудив Епископа Прохора идти торжественно на встречу Татар и объявив себя родственником Хана и владыкою Ростова.

За четыре версты от города заезжал я на родину св. Сергия в малый монастырь святыя Троицы, построенный на том месте, где жили его праведные родители и где он имел таинственное видение мужа, научившего его грамоте. – Там, проведя более часа в приятной беседе с бывшим Епископом Оренбургским Августином, возвратился к вечеру в Яковлевский монастырь и начал собираться в обратный путь к лавре.

Когда все уже было готово, почтенный Архимандрит послал наместника еще однажды отслужить для меня молебен над мощами Святителя Димитрия: потом благословил меня иконою и, напутствовав благими советами, просто вытекавшими из его смиренного сердца, спросил наконец:

«Кажется я все сказал, что же еще нам остается?»

«Мне остается только, отвечал я, просить вашего последнего благословения и молитв» – и мое сердце стеснилось при сих словах.

«И так помолимся! сказал Иннокентий, не знаю, свидимся ли еще, я уже весьма ветх.» И он стал молиться с такою теплою верою, с таким сердечным умилением, что мои прощальные слова обратились в слезы, и я уже молча оставил старца и его обитель.

На разсвете проехал я Переяславль Залеский и мимоходом зашел в церковь чудотворца Николая, где покоится св. Князь Андрей Переяславский. Он изображен на своей гробнице, со свитком в руках, и в оном надпись: «се аз Андрей, един от Смоленских Князей.» Как просто и как трогательно! такова была и вся жизнь его. Он уединился еще отроком из Смоленска к св. Даниилу в Переяславль, скончался в неизвестности и по смерти найден был с сим свитком в руках: тогда только признали его княжеский род. Я поклонился также и мощам святого Игумена Даниила Переяславского, который устроил две обители в сем городе: древнюю Горийскую, ныне упраздненную, но бывшую некогда кафедрою архиерейскою, о чем свидетельствуют ее великолепный собор и начатое пышное здание Гефсимании, и другую во имя Св. Троицы, где он сам почивает в богатой раке, так высоко, что нетленное тело его кажется лежит не в гробу, но на одре. Сей благочестивый Игумен был в большем уважении у Великого Князя Василия, крестил его сына Грозного и участвовал в его советах, как светильник своего времени.

Около вечерни я уже был опять в лавре, и там провел еще один утешительный день, посреди молитв и воспоминаний, наслаждаясь столько же настоящим сей славной обители, сколько и великим прошедшим. Поздно вечером собирался я ее оставить и пришел принять благословение Архимандрита. «Мы простимся в церкви, сказал он, ты верно желаешь прежде отъезда поклониться Преподобному.»

Наместник велел отпереть собор; мы взошли одни во мрак его: слабо светила нам лампада пред св. мощами, гробовой монах открыл раку. Антоний стал у главы и начал молебен св. Сергию, с акафистом, в котором, как видно, излились все чувства души глубоко проникнутой благодеяниями угодника своему отечеству. Как прост и выразителен сей привет Сергию: «земный Ангеле и небесный человече!» Как радуется сердце при каждом тихом возгласе гробового старца: «радуйся Сергие, великий чудотворче!»

Когда окончилась служба, и мы сошли со ступеней на средину темного собора, Антоний взял меня за руку и, после кратких назидательных увещаний, сказал простосердечно:

«полюби святого Сергия, он был Русский в душе: сердце его лежало ко всему отечественному, и он не только наш, но и целой России: полюби его искренно и он тебя полюбит!»

Я был глубоко тронут и молчал. Мы вышли из храма и услышали за собою звук замков, ибо все, кроме нас, уже отошли на покой, и мимо нас побрел в свою келью гробовой старец.

«Мне все еще не хочется с тобою проститься, радушно говорил мне Наместник, мы поклонились преподобному Игумену лавры, пойдем же кругом собора поклониться еще и святым ученикам его.

Но прежде, продолжал он, подойдя к отверстому окну кельи св. Сергия, внутри коей ярко сияла при свете лампы, в золоте и драгих камнях, большая икона явления Божией Матери, прежде помолись пречистой Деве на месте ее схождения, да направит стопы твои по заповедям Господним.»

«Заглянем и к преподобному Никону, проговорил тихо Антоний, взойдя на крытую паперть пред его церковью: «преподобне отче Никоне, моли Бога о нас!» Сквозь железную решетку окна видна была в таинственном мраке вся внутренность малой церкви. Только, из под богатых завес гробового балдахина, проливался свет невидимой лампы, как будто сам угодник освещал собою гроб свой. Молча прошли мы еще несколько шагов, ибо для таких минут не созданы слова, и приблизились к церкви у готической трапезы: и она светила изнутри гробовою лампадою. «Вот и ученик Сергиев отдыхает по многих трудах в своей кельи, сказал Антоний, моли Бога о нас преподобне отче Михее! Зайдем теперь и к Максиму Греку.»

Мы подошли к его часовне близ Сошествiенскаго собора. Архимандрит долго и пристально смотрел на гробницу великаго мужа Церкви, столь много для нее потрудившагося и пострадавшаго, потом, обратясь ко мне, возвысил голос:

«Желаю тебе, хотя некую часть того духа благодати, коим был исполнен сей великий подвижник в трудах своих ко благу Церкви!»

– «Ах, пожелайте, отвечал я, и помолитесь, чтобы тот же дух терпения дан мне был в скорбях, какой укреплял Максима,

если паче чаяния и меня ожидают испытания.»

От сей часовни пошли мы к святым вратам, по роскошной аллее вековых лип, осеребренных луною, которой лучи, пробиваясь сквозь густую тень их, как бы крупными каплями, падали на землю. Бил одиннадцатый час, когда приблизились мы ко вратам ограды. Покамест сонный сторож отпирал тяжелый замок: «вот мы нашли себе верную стражу, сказал Наместник, указывая на образ Неопалимой Купины над вратами, во время Московских пожаров мы вверили ей охранение обители от огня, и благодарение Господу – все уцелело!»

Внимая ему, я еще раз обратился к монастырю. Мрачно подымался пред нами высокий собор Успения; только часть его крыши освещена была месяцем, который перекашивался по золотой главе, ярко охватив крест; – мы любовались благоговейно.

«Основан грозным Иоанном!» тихо проговорил я сам себе: – «освящен кротким Феодором» – столь же тихо договорил Антоний, как бы некий антифон. «На вратах его изображен Ангел страшного суда, со скрижалю, где вписывает деяния наши.» – «Подле сих врат, опять отвечал мне Антоний, погребено все семейство Годуновых.» – «Какие имена, какие воспоминания! воскликнул я, о святая лавра, как трудно с тобою расставаться!»

Я уже переступил за врата, Архимандрит еще держал меня за руку. – «Чувствуешь ли, что здесь за оградой совсем другой воздух? вся свежесть, весь аромат ночи остались внутри стен, а здесь все дышит житейским. Теперь прости, я стою на том пороге, где для меня должен кончаться мир; – и благословив сказал: святой Сергей, да будет присно с тобою.»

III. Новый Иерусалим

Чрез несколько дней по возвращении из лавры, оставил я Москву, желая посетить еще однажды Новый Иерусалим, столь близкий моему сердцу с тех пор, как поклонился древнему образцу его. Не доезжая Воскресенска, пошел я пешком к обители, прямо чрез поле, чтобы более себе напомнить уединенное странствие по пустыням Палестинским; но я потерял настоящее направление ко храму, который был заслонен рощею, и, только издали увидев часовню Элеонскую, мог опять выйти на дорогу.

Патриарх Никон дал имя Элеона сей часовне и воздвиг ее на том месте, отколе обозревал он с Царем Алексием, во дни их духовной приязни, избранное ими поприще для обители, и здесь Царь назвал ее Новым Иерусалимом, как о том свидетельствует надпись на кресте внутри часовни: «Благоволением благочестивого Царя Алексия Михайловича и святейшего Никона Патриарха в знамение их общей любви и совета, к начинанию святыя обители и наименованию, еже есть Новый Иерусалим.» – И чрез тридцать лет, тот-же Никон, в течении сего времени низведенный с Патриаршего престола, заточенный 15 лет на Белом озере, наконец скончавшийся на возвратном пути из своей темницы, был принесен уже мертвым для погребения в созданную им обитель. Близ сего же креста поставил тело его кроткий Царь Феодор, как бы для примирения обоих великих усопших: державного отца и Святителя, памятью их любви взаимной, которую некогда засвидетельствовали у подножия Элсонского креста.

Отселе, на расстоянии полуверсты до святых ворот, насажена чрез малую лощину узкая березовая аллея; с правой стороны близко подступила к стенам Нового Иерусалима крутоберегая излучистая Истра, названная Иорданом по воле Патриарха. Исполненный сладких впечатлений, тихо приближался я к обители, в прохладной тени дерев, и с утешительным чувством переступил за священные врата, на коих изображено вербное торжество Спасителя. Хотя не от

Элеона, а от Рамлы, и не вербными вратами, взошел я за пять лет пред тем во св. град, но и сии врата мне были знакомы; я бы хотел по словам духовной песни: «обыдите людие Сиона и обымите его» – обойти и обнять его со всех сторон.

Из под высокой арки святых ворот открывается самый великолепный вид на здания собора, с восточной их стороны: – это чудная гора малых куполов и глав, своенравными уступами восходящая до двух главных куполов храма, и вся сия гора, на разных высотах, усеяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхождение наше. Но хотя зрелище сие великолепно и вполне достойно громкого названия Нового Иерусалима, оно совершенно отлично от образца своего. Правда, и там есть два купола над собором и полукупол над алтарем, и глава, выходящая из земли над церковью обретения: но все без крестов, и все кругом застроены террасами и плоскими крышами соседних монастырей Авраама и Аббисинцев и древнею Патриархией, так что приметны только два купола над собором; все же здание является в виде огромной полуразрушенной твердыни, которой террасы сперва разбили люди, а потом время. А здесь напротив, все еще ново и свежо: четыре малые часовни, едва подымаясь поверх земли, окружают большой купол подземной церкви обретения; еще выше две легкие главы, по обеим сторонам соборного алтаря, знаменуют многочисленные приделы внутренней галереи, и еще две главы над Голгофою и Гефсиманиею, с южной и северной стороны храма, довершают стройную красоту здания, правильного в частях своих, когда в Иерусалиме самая местность не позволяла соблюдать симметрии.

Но несмотря на сие несходство, отрадно отдыхают взоры на пышном, игривом зодчестве сего храма. Забывшись можно подумать, что таким был некогда и священный его подлинник, когда по манию Царицы Елены возник он, во всем величии Римского зодчества и могущества, из груды камней и земли, покрывавших утесы Голгофы и св. Гроба.

Однако же с южной стороны собора, площадка между колокольнею и церковью св. Елены, может удовлетворить ищущих желанного сходства обоих Иерусалимов. Те же двойные

врата пред вами, заключенные корыстью Арабов в древнем, хотя есть отличия в украшениях над ними и нет здесь мраморных столбов и изваяний; та же высота стены соборной, то же число окон во втором ярусе, и я даже узнал окно моей келлии над церковью Елены. Самая церковь сия, посвященная здесь памяти Марии Египетской, прилеплена ко храму подобно как в Иерусалиме, и столь же тесна, но там она служила сперва наружным восходом на Голгофу, и на открытом крыльце ее совершается доныне умовение ног, а здесь крыльцо закрыто и тем нарушено сходство. Положение же и зодчество колокольни совершенно Иерусалимские, хотя там она до половины обрушена землетрясением.

Утешенный столь отрадным для меня зрелищем, я стоял на знакомой площадке, на коей в Иерусалиме не раз ожидал отверстия святых ворот, и радуясь совершенному моему одиночеству, вполне предавался воспоминаниям Палестины. Но меня заметили, и подошедший монах спросил: «чего я желаю?»

– «Поклониться святому Гробу» был мой ответ.

«Как ваше честное имя?» опять спросил меня монах, потому что мое посещение, во время полуденного отдыха братии, показалось ему странным.

«Разве нужны имена поклонников? отвечал я: они выходят из памяти вместе с мимоидущими, если не остаются в молитвах.»

«Простите мою нескромность, возразил он, но в нашем уединении приятно иногда услышать знакомое имя и встретить прежнего знакомого в посетителе. Покамест отопрут для вас церковь, не угодно ли вам пройти к отцу Архимандриту?»

Я последовал за ним в прекрасные кельи настоятеля Архимандрита Аполлоса, который весьма ласково меня встретил. «Позвольте мне поклониться св. Гробу, сказал я, и посетить святыне места Нового Иерусалима.» –

«Кому же свойственнее желать сего, если не посетителю древнего,» отвечал с улыбкой Архимандрит. – Когда же я изъяснил некоторое удивление: «не таитесь, продолжал он, вы мне знакомы, и я давно ожидал вас в свою обитель, чтобы нам

вместе сравнить оба Иерусалима. Вы были в древнем, я живу в Новом; мы можем сообщить друг другу несколько любопытных сведений, которые нельзя найти в описаниях.»

– «И так приступим немедленно к сему сравнению, сказал я; столь же усердно его желаю. Любопытно для каждого Русского узнать, в чем именно сходствует сие родное для нас святилище с Палестинским.»

«Мы начнем, не выходя из сего здания, с нашей зимней церкви Вифлеема, говорил мне Архимандрит, проходя через три обширные палаты, которые служили некогда трапезами Царям и боярам, и были устроены Царевною Софиею, вместе с Вифлеемскою церковью: вот храм Рождества.»

– «Пройдемте мимо, сказал я, здесь нет и тени сходства с великолепным храмом Палестины, украшенным рядами мраморных столбов. Можно сравнить с ним Казанский собор в Петербурге, по внутреннему крестообразному расположению и красоте колонн, а не вашу зимнюю, весьма обыкновенную церковь.» –

«Сойдемте в нижний ярус, продолжал Архимандрит, может быть, вы там более будете удовлетворены,» – и мы сошли по широкой лестнице в правильную галерею, по сторонам которой находились малые приделы.

«Вот пещера Рождества и место яслей, но здесь не было устроено церкви, вероятно по тесноте: а быть может и она предполагалась, ибо некоторые из предназначенных здесь приделов довершены уже мною. Вот престолы на память обрезания Господня, бегства во Египет, поклонения волхвов и избияния младенцев.»

– «Пойдемте далее, опять повторил я, слышу названия Вифлеемския, но не узнаю самых мест: притом же церкви в память обрезания Господня не существует нигде во всей Палестине, а малый грот, где укрывалась Божия Мать с предвечным Младенцем и отколе бежала с Ним в Египет, по преданиям Вифлеемским, находится вне храма на краю селения. Хотя же приделы Рождества, яслей, волхвов и избияния младенцев, точно обретаются в подземельи Палестинском, но здесь нет главного, самого подземелья.

Темные излучистые переходы и подземные церкви Печерской лавры в Киеве могут дать понятие о вертепах Вифлеема, а не здешний нижний ярус вашего правильного зимнего собора.» –

«Весьма трудно угодить очевидцам, проговорил настоятель, и обратясь ко мне: наш Вифлеем вам не понравился: по крайней мере я надеюсь, что самый храм Воскресения напомнит вам вполне Палестину, ибо он точно сделан по образцу, который принес оттоле старец Арсений Суханов, посланный Патриархом Иосифом в 1649 году на Восток, для сравнения богослужения нашего с Греческим. Никон, вступив на престол патриарший, когда еще Арсений был в Иерусалиме, велел ему снять точную модель с храма, которая доселе хранится в нашей ризнице. Мы взойдем южными воротами от колокольни, ибо вы сами знаете, что все прочие закладены в Иерусалиме.»

Врата отворились, мы вступили в храм: – радостно затрепетало сердце, что то родное повеяло мне из под величественных сводов, из длинных галерей: так некогда вступал я и в святилище Палестины, и оно также показалось мне родственным, ибо я был уже прежде в Воскресенске. Есть невыразимое чувство родства, которое сближает нас не с одними людьми, но и с неодушевленными предметами. Послышится ли прежде слышанный звук, повеет ли знакомым запахом воздух, повторится ли глазам прежний очерк, – и звук и запах и очерк – все родное, и радуется им сердце как бы своим.

«Что скажете?» спросил Архимандрит.

– Я в Палестине!

«А этот храм?»

– «Храм св. Гроба, но в том виде, каков он был до разделения его между различными исповеданиями, и до пожара. Здесь, при самом входе, я вижу насквозь собор во всю широту его до северных врат; так было некогда и в Иерусалимском, но теперь перегородки отделяют главный Греческий собор от окружающей его галереи и, при самом входе в южный притвор Голгофы, неприязненная стена возбраняет взорам погрузиться во глубину святилища. Вот направо и самая Голгофа у вас в том положении, как она существовала до

пожара; из сего притвора нет двойного широкого крыльца на ее вершину, которое приделано в Иерусалиме, дабы крестные ходы Греков и Латин не мешали друг другу. Но где же и как спускаете вы с Голгофы плащаницу в великий пяток?»

«Как спускали Иосиф и Никодим божественное тело Спасителя с самого креста, отвечал мне Архимандрит. Я становлюсь с частью братии на высоте Голгофы у самых перил и оттоле спускаю на холстах плащаницу, которую принимает внизу наместник с другими сослужащими.»

– «Но я здесь не вижу в притворе пред Голгофою того камня, на коем совершилось в Иерусалиме миропомазание тела Господа. От чего не лежит и у вас подобный же камень, когда вы во всем подражаете местности и обрядам Св. земли?»

«Признаюсь вам, отвечал Архпмаидрит, что у пас издавна хранится сей камень меры Иерусалимской, предназначенный для сего места, и я не знаю сам, от чего он доселе не положен.»

– «В таком случае прошу вас убедительно положить его здесь, чтобы не нарушать священного сходства: ибо плащаница, лежащая у правого столба около входа, вовсе не напоминает камня миропомазания, который представляется взорам каждого из входящих в храм Иерусалимский.? –

Минуя собор, мы прошли налево в ротонду св. Гроба, и хотя я и прежде видел сие великолепное его вместилище, однако же был поражен новым изумлением, при виде легкого, глубокого купола, с его семьюдесятью пятью окнами, расположенными в три яруса, кругом трех раззолоченных хоров. Сии три резные венца остроконечного купола давали ему подобие огромной тиары, осеняющей священный памятник, который стоит в ограде шестнадцати пилястров, поддерживающих арки верхней галереи. Самый Гроб Господень, как церковь в церкви, с золотыми столбами и главою, довершал своею стройною красотою полноту чудного зрелища не для одних только взоров, но и для сердца, ибо я опять, казалось, стоял в Иерусалиме.

«И так, вы теперь довольны?» сказал мне Архимандрит. – «Ах! я опять в Палестине и припадаю к св. Гробу!»

Я пришел в придел Ангела, я проникнул в самый утес св. Гроба, я опять простерся пред каменною плитою, на коей должно было лежать божественное тело, я готов был повторить те же молитвы, как в Иерусалиме, и мысленно повторил их: ибо все, что окружало, переносило меня к дивному образцу сего места, и полумрак гробового покоя, слабо освещаемого одною лампадой, вместо бесчисленных лампад Иерусалимских, давал мне свободу дополнять воображением внутреннее убожество вертепа. О как отрадно находить, посреди пустыни житейской, такое близкое к истине повторение желанных предметов!

Когда я поднялся с помоста. Архимандрит уже стоял за мною и смотрел на меня с чувством участия и любопытства. Безмолвно вышли мы опять в придел Ангела, сквозь низменное отверстие утеса. Он указал мне камень, который в него вдвигался, отваленный Ангелом. Наконец я спросил его: – «Были здесь Архиепископ горы Фавора Иерофей, присланный за милостынею от Патриарха Иерусалимского?»

– «Был и плакал, при виде сего гроба» отвечал Архимандрит.

«О как понятно мне сие чувство! продолжал я; размеры те же здесь, как и в Иерусалиме, и гробового покоя и каменной плиты, где лежало пречистое тело, и придела Ангела: но здесь, стены украшены простым письмом, а там богатым мрамором, и весьма жаль, что вся сия часовня, великолепно вызолоченная снаружи, внутри столь убога, когда подлинник ее устлан одинаковым мрамором извне и внутри. Там камень гроба служит жертвенником, а отваленный камень престолом посреди придела Ангела: здесь же божественные тайны не совершаются над подобием Христова гроба. Но низкая дверь, ведущая из придела в самый утес, здесь того же размера, как была она до последнего пожара в Иерусалиме; ныне же ее там просекли выше, и нарушили древность святыни.

Так говоря, мы вышли из часовни и опять осенил нас великолепный шатер купола. «Шатер сей, сказал мне Архимандрит, в начале был каменный, но он обвалился от тяжести в 1723 году, в самый день Вознесения Господня, и

пребывал в развалинах до 1749 года; тогда Императрица Елисавета велела, по совету лучших архитекторов, устроить шатер деревянный.»

– «И тем самым, прервал я, умножилось сходство с древним подлинником. Странное дело: – в Иерусалиме, прежний кедровый конический купол заменен, после пожара 1807 года, каменным круглым, а у вас на оборот, прежде был каменный, а потом деревянный: но за то он вдвое выше. Иерусалимского, в коем не более 15 сажен. И пиластры, которые поддерживают здесь арки верхней галереи, теперь сходны с Иерусалимскими: но прежде там стояли кругом ротонды великолепные мраморные столбы Елены. И так пожар, нарушив подобие в иных предметах, умножил оное в других.» –

«Взгляните, продолжал Архимандрит, от дверей гроба, сквозь Царскую арку, на иконостас главного собора Воскресения, и скажите, как будет собор сей против Иерусалимского?»

– «Сколько могу себе представить, отвечал я, кажется он здесь короче. Много ли считаете вы сажен, от часовни гроба до иконостаса и до горнего места?» –

«12 до алтаря и еще 8 до горнего.»

– «В Иерусалиме же всего 18 до горнего места, и из них только 4 занимает алтарь, а потому самый собор длиннее и соразмернее с прочими частями храма: но за то ваша ротонда и часовня св. Гроба, снаружи, несколько больше своего подлинника.» –

«У нас 11 сажен в ротонде и 6 наружной длины часовни.»

– «А там только 9 сажен в первой, и 4 в часовне, и эта разность в размере приметна. К тому же Царская арка, отделяющая ротонду от собора, у вас сделана поуже, чрез что, как будто стеснился самый храм, а верхняя галерея, разделяющая на два яруса арку, не существует в Иерусалиме. Но хотя ваш высокий иконостас весьма величествен, там он устроен иначе: вершина его в виде треугольника и не столь высока, ибо на ней повешены била, вместо колоколов, а сверху есть галерея. Оттоле, во время моего заключения в храме,

часто беседовал я, чрез слуховое окно крыши, с иноками стоявшими на террасе.»

«У нас нет хода над иконостасом, сказал мне Архимандрит, но мы можем взойти на галерею Царской арки, и я уверен, что вы останетесь довольны видом всей церкви, который вам оттоле откроется.»

Мы поднялись на хоры с южной их стороны, по той лестнице, которая в Иерусалиме ведет на Армянскую половину, где устроены две их церкви, и миновав малый придел благоверной Княгини Ольги, взошли на Царскую арку. Чудное зрелище меня поразило: во все стороны, и вверх и вниз, разбегались взоры по далеким хорам и извивистым галереям, и под крутые арки сводов, и во глубину куполов, и на дно пространных соборов, – и повсюду взор опирался в какую либо роскошную церковь, в золотой или мраморный иконостас; везде сияла какая либо святыня, как бы зеркальное отражение двух главных святилищ, соборного алтаря и св. Гроба, стоящих друг против друга и, подобно двум светилам, раздробляющих лучи свои на бесчисленные вокруг планеты.

Но сколь ни увлекательно было в сей арке зрелище собора, невольно обращались взоры к св. Гробу, и там, как в некоем море, тонули они в глубокой ротонде и терялись, как в небе, в ее воздушном куполе. И посреди сего моря и неба, глубоких, высоких впечатлений, отрадно являлся очам как малый остров посреди пучины или светлое облако в эфире, – самый священный Гроб! – Неподвижно стоял я, и смотрел, и не имел слов; Архимандрит дал мне несколько времени наслаждаться зрением, потом сказал:

«Истинно достоин удивления храм сей и всякий, кто только его видел, восхищается. Не говоря уже о красоте зодчества и о священном подобии, нельзя не изумляться обширности и вместе стройности всех частей. Можно в одно время совершать обедню на нескольких престолах и одна литургия не воспрепятствует другой, ибо голоса не будут сливаться. Здесь, со времени основания храма, каждая царственная десница устроила придел в честь тезоименитого Святого; но всех великолепнее придел во имя благоверного Князя Александра,

который вы видите подле сей царской арки, в симметрии с приделом св. Ольги. Государь Император устроил его в память рождения своего Наследника.»

– «Но скажите, спросил я наконец, неужели Патриарх Никон довершил сам строение сего храма? Он так долго был в заточении.» –

Патриарх Никон, отвечал Архимандрит, построил сперва на сем месте, в 1656 году, малую деревянную церковь во имя Воскресения Христова, потом, получив модель из Иерусалима, он приступил к созиданию сего храма и воздвиг его почти по самые своды, в течении девяти лет вольного своего заключения в сей обители, когда оставил жезл свой в Московском соборе и перестал заниматься делами патриаршими. Он прожил все сие время в пустынном столпе на берегу Истры, его Иордана, и заботился ревностью о строении храма, делая сам кирпичи инося их как простой каменщик. Когда же по суду Восточных Патриархов, был он совсем отчужден от патриаршеского служения и сослан на Бело озеро, остановилась и работа храма; в таком положении оставался он 13 лет, доколе Царь Феодор Алексеевич, по любви своей к заточенному Никону, повелел продолжать строение. Благочестивая Царевна Татьяна Михайловна много пожертвовала денег и утварей для довершения обители: но здание было окончено только в 1685 году, уже при двух Царях Иоанне и Петре, и храм освящен в их присутствии Патриархом Иоакимом. По разрушении же каменного шатра над св. Гробом и после бывшего пожара, церковь сия опять пребыла в запустении 26 лет, доколе благочестивая Императрица Елисавета Петровна, тронутая величием обители, не повелела возобновить ее со всевозможным великолепием, назначив архитектором знаменитого графа Растрели. Архимандрит Амвросий, впоследствии Архиепископ Московский, убиенный мученически во время чумы, был ревностным исполнителем воли Монаршей, и он, после Патриарха Никона, может почитаться вторым создателем Нового Иерусалима.»

«Я покажу вам на хорах портреты обоих,» продолжал Архимандрит, и вывел меня в ту же галерею, из которой мы

взошли на арку. Там, около придела св. Павла исповедника, остановился я пред большою картиною Никона Патриарха. Во весь рост написан Святитель, на амвоне и в полном облачении; около него стоят разноплеменные ученики его, братья новой обители: Архимандрит Герман, иеромонахи Леонид и Савва и архидиакон Евфимий, иподиаконы Иосиф и Герман и монахи Илиодор и Серафим, с надписью имени над главою каждого. Лица их уже начали тускнеть и стираться от времени и сырости, помрачивших всю картину, писанную с натуры: но еще резко отделяется величественная фигура Никона. Всею грудью и мышцами подымается он над главами его окружающих, и необыкновенный рост его возвышен еще важною осанкой; темно-русые, почти черные волосы, падают из-под богатой митры на широкие плеча, и густая темная борода осеняет грудь; строгое, отчасти суровое выражение, в правильных, больших чертах лица его, исполненного мужественной красоты; на устах нет приветливой улыбки, но сильная душа Никона напечатлелась в огненных черных глазах и, чрез слишком полтора столетия по его смерти, они будто еще говорят и проницают душу; – внешний Никон вполне отражал в себе внутреннего.

Долго смотрел я на картину; мне казалось, живой Патриарх властительно стоит предо мною, и я припоминал себе многие резкие черты его неодолимого характера, собранные в красноречивом описании жития учеником его Шушериным: как обитал он отшельником в дикой Соловецкой пустыни, как в сане Митрополита усмирил, с опасностью жизни, народный мятеж, и как уже на патриаршем престоле был другом Царя Алексия. Далее представился мне суд над ним Восточных Патриархов, и горькое низложение, и еще горшее заточение на Белом озере, не преломившие твердости его нрава, впрочем конечно не без благой цели допущенные Провидением, которое иногда из сильных натуральных характеров крепкими ударами судеб вырабатывает благодатную чистоту Христианского терпения.

– «У вас ли, спросил я Архимандрита, черный клобук его с жемчужными Херувимами, который сняли с него Восточные

Патриархи, когда он отрекался сложить его сам с главы своей, как знамение иночества?» –

«В ризнице хранится он, отвечал Архимандрит, вместе с прочею его домашнею утварью, весьма простою в сравнении с великолепием его церковной утвари, в которой он любил чрезвычайную пышность, а его тяжкие вериги вы увидите на его гробе. Но прежде я поведу вас к гробам Иосифа и Никодима и попрошу продолжать сравнение обоих Иерусалимов. Мы не будем останавливаться у приделов, которые не существуют в древнем, дабы не сделать замешательства, ибо здесь их считается до тридцати.»

Спустясь с хоров, мы достигли западной оконечности храма, позади часовни св. Гроба, и там в галерее, на том же месте как в Иерусалиме, которое принадлежит Сириянам, Архимандрит показал мне две могилы двух благочестивых погребателей Христовых. Потом он привел меня, тою же круглою галереей, к колодцу, принадлежащему в Иерусалиме Латинам, ибо там их малый монастырь пристроен к северной стороне храма, а главная церковь на самом том месте, где северные врата в Воскресенске; малый же их придел Марии Магдалины, в память явления ей Спасителя, устроен и здесь благочестием Императрицы Марии Феодоровны. Оттоле прошли мы в церковь Успения, называемую Гефсиманиею, и я увидел темницу Христову.

«Не только сей церкви, сказал я настоятелю, но и северного притвора, который у вас устроен для симметрии с южным Голгофским, нет в Иерусалиме, и такие прибавления нарушают сходство; здесь, как видно, основатели не только хотели соблюсти правильность зодчества, но желали еще совокупить в одном храме воспоминания многих святых мест, рассеянных в Иерусалиме и по всей Палестине. То что вы называете темницею Христовою, по моему замечанию, есть тесная пещера, посвященная Патинами памяти слез Богоматери, ибо подле они показывают в Иерусалиме два отверстия в помосте, служившие будто бы колодами для ног Спасителя, – предание совершенно произвольное; но хотя самая темница у вас на том же месте, где и там, однако же вход в нее должен быть из

галереи, а не из Гефсиманского притвора, которого, как я уже сказал, там нет. Теперь пойдёмте по галерее кругом соборного алтаря.»

«Вот придел Лонгина Сотника,» сказал мне Архимандрит.

– «Он есть и в Иерусалиме, продолжал я, и принадлежит Грекам.» –

«Вот придел Андрея Критского, устроенный на том месте, где в Палестинском храме закладены восточные врата.»

– «Вы сами сознаетесь, что его нет в Св. земле: как, жаль, что такими неуместными прибавлениями беспрестанно нарушается подобие. На хорах дело иное, но здесь казалось бы, все должно быть верным.» –

«Вот придел Разделения риз, прямо против середины главного алтаря, и несколько далее придел Тернового венца в память поругания Спасителя. Между ними спускается лестница в подземную церковь Обретения креста.»

– «Я опять узнаю местность Иерусалимскую, и Армянский престол Разделения риз, и Греческий Тернового венца, хотя оба, как и Лонгинов, там без иконостасов, и служба совершается на открытых престолах.» –

Мы спустились к честному кресту по тридцати трем ступеням, как и в Иерусалиме, в подземелье Царицы Елены, поддерживаемое четырьмя тяжелыми столбами. Я увидел опять церковь св. Елены и в алтаре оной окно, пробитое в камне, у которого сидела Царица, когда отрывали честный крест; но с левой стороны сей церкви придел Утоления печали заменил Иерусалимский, благоразумного разбойника. Еще одиннадцать ступеней низводят к приделу Епископа Кириака, и к колодцу, где обретен был самый крест. В Палестине, на месте сего кладезя, стоит Греческий престол честного креста, на месте же придела св. Кириака, Латинский, также в честь креста Господня.

«Вот мы прошли весь храм от одного края и до другого: скажите мне теперь, обратился я к Архимандриту, сколько считаете вы в оном длины и ширины?»

– «Длина его от стены и до стены, отвечал он, «50 сажен, а ширина 20; но, без подземной церкви Обретения, внутренней долготы будет только 36 сажен.»

«И так Воскресенский храм пятью саженьями длиннее Иерусалимского, а широта его та же; внутренняя же долгота Палестинского святилища, от гробов Иосифа и Никодима до придела Разделения риз, с небольшим 32 сажени, следовательно и здесь он уступает четырьмя саженьями Воскресенскому. – Но возвратимся в собор; мы еще не были в главном алтаре его и на Голгофе.»

Мы поднялись опять в галерею, и Архимандрит указал мне, подле придела Терцового венца, келью Патриаршую, которая может быть принадлежала некогда Святителю в Иерусалиме, но теперь обращена там в поварню заключенного храма. Рядом с нею неправильно означает место жертвоприношения Исаака, ибо оно снаружи примыкает к Голгофе и находится в отдельном монастыре Авраама, не имеющем никакого сообщения с храмом. Еще страннее перенесена сюда Самарийская темница Иоанна Предтечи, отстоящая на три дня пути от Иерусалима; здесь она помещена под жалостным путем на Голгофу, который теперь уже уничтожен в древнем храме. Любопытно, что верхние его ступени каменные, а нижние деревянные; ибо когда обсекли прямым уступом утес Голгофы, часть ступеней должно было доделать вне скалы, и их срубили из дерева. Против сего жалостного пути мы взошли из галереи в боковые южные двери соборного алтаря.

Обширность его и, вместо восточной стены, пять легких арок на столбах, чрез которые можно видеть, как прежде бывало в Иерусалиме, заднюю галерею с приделом Разделения риз, и горнее место на десяти ступенях, с престолами пяти Вселенских Патриархов, и хоры о семи ярусах на внутренней стене иконостаса, в память седми Вселенских Соборов, – все давало чрезвычайное величие алтарю сему, достойному подобного святилища. Архимандрит объяснил мне, что на сих хорах становились певчие Патриаршие и, по мере возвышающейся торжественности святой литургии, восходили все выше и выше, и стояли наконец на крайней высоте, как Ангелы на небесах, во время совершения самого таинства: – какая глубокая мысль!

«В Новом Иерусалиме, говорил Архимандрит, есть некоторые отличия в самых обрядах при Богослужении, перенесенные отчасти с Востока. Малые и великие выходы во время литургии совершаются здесь, не из северных дверей алтаря в собор, но из боковых в галерею, и шествие продолжается вдоль нее к ротонде св. Гроба, а оттоле чрез весь собор к царским вратам, которые священосец отворяет снаружи, когда уже все духовенство стоит пред ними. Но в страстную седмицу священные обряды становятся у нас еще торжественнее, и они совершенно напоминают обряды древнего Иерусалима, Двенадцать евангелий о страстях Господних читаются на Голгофе пред самым крестом, равно как и часы великого пятка, и у подножия сего же креста полагается плащаница, для которой готовят два одра, один на Голгофе, а другой внизу у камня миропомазания. В установленный час, мы опускаем плащаницу, на холстах, с вершины священной горы и, в память повития, положив у камня на одре, несем на оном около всего алтаря по галерее в собор Воскресения, где остается она до утра великой субботы. Тогда же после пения: слава в вышних Богу, мы опять поднимаем плащаницу, вместе с одром, и снова несем к камню повития, где читается трогательное Евангелие: «по сих же моли Пилата Иосиф, иже от Аримафеи сый ученик Иисусов, потаен же страха ради Иудейска, да возмет тело Иисусово.» Оттоле шествие продолжается вновь кругом алтаря соборного, и кругом всей ротонды св. Гроба, с тремя литиями, позади горнего места пред Разделением риз, у северных врат храма, и позади часовни Гроба, и после троекратного вокруг нее обхождения, я, вместе с одним священником, сняв с одра плащаницу, вношу ее во Гроб и полагаю на камне, где должноствовало лежать Божественное тело, а у самых дверей Гроба читается Евангелие, оканчивающееся сими словами: «они же шедше утвердиша гроб знаменавше камень с кустодиею.» –

«На литургии, другой не менее трогательный обряд умиляет сердце: во время пения вечерней песни: «свете тихий,» духовенство исходит из соборного алтаря и, обойдя всю ротонду, становится пред часовнею Гроба, и когда церковь

благоговейно внемлет стихи сии: «пришедше на запад солнца, видевшие свет вечерний,» мы опять выносим из св. Гроба плащаницу и, взошедши в алтарь, расстилаем ее на престоле. Накануне Вознесения, в праздник отдания Пасхи, снова повторяется вся утренняя церемония великой субботы, с тою только разницею, что плащаницу не оставляют во св. Гробе, но тотчас же подняв с камня, несут жалостным путем на Голгофу, в церковь страстен: Господних, где всегда она пребывает на престоле.

«Возжжение святого огня в великую субботу, которого вы были свидетелем в Иерусалиме, воспоминается у нас торжественною церемониею в самый день Пасхи. Подобно как и в Палестине, весь духовный собор в полном облачении, без светильников, исходит из алтаря с песнью: «воскресение твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси» и, обошедши однажды галерею и трижды часовню Гроба, останавливается пред нею. Я один вхожу с диаконом во святилище Гроба, и там возжегши приготовленные свечи, огнем от лампы, подаю их из самого вертепа диакону с приветствием: Христос воскрес! а он передает их чрез окно, из преддверия Ангела, по обряду Св. земли, духовенству, и тогда взошед во св. Гроб для поклонения, оно начинает в преддверии самую утреню. При пении же канона Пасхи: «да воскреснет Бог,» мы снова исходим к народу, и утренняя оканчивается в соборном алтаре, как и в древнем Иерусалиме, которому новый не уступает подражанием великих обрядов. Для большего же подобия, во всякое время, дозволено петь утреню Пасхи пред св. Гробом, для приходящих богомольцев.»

Беседуя таким образом, мы взошли на Голгофу, но не жалостным путем, а особенным восходом из алтаря. «Вы видите, продолжал Архимандрит, у нас нет престола на самом месте распятия, а только водружен кипарисовый крест, на краю обесеченного утеса, близ рассеянной, напоминающей ужас самых камней, и вот подле драгоценная икона Божией Матери, присланная с Афона Патриарху: она поставлена здесь на том месте, где стояла при кресте пречистая Дева. Страшное же воспоминание искупительной жертвы совершается у нас на

другой половине Голгофы, в приделе страстей Господних, по описанию принадлежащем в Иерусалиме Патидам; а у наружного крыльца на Голгофу, вместо их церкви во имя св. Елены, которая отделена от храма, здесь устроен придел Марии Египетской, в память ее моления пред иконою Владычицы. Замечательны железная узорчатая дверь, ведущая снизу в сей придел, и другая подобная на Голгофе: они обе присланы из-за моря.»

О как живо напомнила мне сия Воскресенская Голгофа Голгофу Палестины, как утешительно повторились опять моему сердцу священные ночи страстной седмицы, проведенные на сем искупительном утесе, который одолел врата ада!... Молча стоял я и припоминал себе каждое мгновение, каждое место молитвы; я смотрел на высокий кипарисовый крест и не сожалел, что не было пред ним престола, как в Иерусалиме! Иконостас алтаря закрыл бы неправильный уступ утеса, где водружен был самый крест, и расселину Голгофы, и отверстия в камне, где стояли кресты двух разбойников, посреди коих мерилом праведным был крест Господень, когда один из них низводился в ад тяготою хуления, а другой облегчался от грехов познанием Бога. В Иерусалиме же на открытом престоле совершается страшная жертва, как бы в обличение дерзающих без трепета предстоять ей на дрогнувшей Голгофе.

«Ваша Голгофа, сказал я Архимандриту, есть драгоценный снимок с древнего образца ее, каков он был до пожара. Самая неправильность косого уступа скалы ручается за верность подражания; но там, та же рука, которая дерзнула возвысить низменные двери св. Гроба, коснулась и священного утеса Голгофы и обсекла его в виде прямой ступени. Нет там более и жалостного пути, уничтоженного по распрям разноплеменных, а здесь вы ежегодно воспоминаете на святых его ступенях тяжкое несение креста. Теперь, в свою очередь, ваша Голгофа могла бы служить образцом Иерусалимской! – Но скажите, кто изображен на этой потускневшей картине, которая висит на среднем столбе, поддерживающем своды Голгофской церкви?»

– «Здесь четыре лица, отвечал Архимандрит: два стоящих в одежде царской, – равноапостольные Царь Константин и мать

его святая Елена, основатели Иерусалимского храма; у ног их, преклоненные на коленях, также в облачениях царственных, – благочестивые зиждители Нового Иерусалима, Царь Алексей Михайлович и супруга его Мария Ильинична.» –

«Как прилично и выразительно, прервал я; эта картина в своем роде тоже, что и надпись: Петру первому Екатерина вторая.»

– «Теперь пойдем под Голгофу поклониться праху самого строителя Патриарха Никона, сказал Архимандрит, и мы сошли жалостным путем в южный притвор, а оттоле в темную церковь Предтечи под Голгофою. Невольно остановился я в тесных дверях ее и взглянул по сторонам: но не было здесь у входа царственной стражи, гробов Готфрида и Баддуина! Грустно вспомнил я, что нет их более и в Иерусалиме: – и там одни лишь места истребленных гробниц! Мрачно было в церкви Предтечи, будто в недрах земли: направо от входа теплилась в углу лампада пред иконою пречистой Девы, едва освещая каменный гроб, и на нем тяжкие вериги.

«Отец Архимандрит, прочтите литию над сим гробом,» сказал я, и он произнес:

«Еще молимся о упокоении души усопшего раба Божия, святейшего Патриарха Никона, и о еже простится ему всякому прегрешению вольному же и невольному.» По возглашении вечной памяти, Архимандрит говорил мне:

«Сия икона была келейною Патриарха и всюду ему сопутствовала, вот и другая медная, складная, которую носил на груди: она столь же тяжела как и самые вериги, но хотя их едва может поднять рука ваша, Патриарх Никон не снимал их с себя ни в течении девяти лет, проведенных здесь на столпе своем в самовольном изгнании, ни во время пятнадцатилетнего заточения на Белом озере. Так ревностно любил он труды постнические, к коим приучил себя еще в Анзерском ските, на диких островах Соловецких. Видели-ль вы здесь его пустынный столп или скит в долине, на берегу Истры?»

– «Прежде я посещал его и дивился странному устройству келий и тесноте двух-ярусной церкви, Благовещения и

верховных Апостол, где едва может помещаться один служащий.» –

«Там однако же помещался девять лет Никон, по примеру древних столпников, и будучи еще во всем величии высокого сана, служил ежедневно литургию как простой пресвитер. С вершины уединенного столпа своего, Патриарх, по любви ко всему, что только могло переносить его мысленно во Святую землю, дал окрестности названия Палестинския. Истра текла для него Иорданом; малый проток, изрытый им недалеко от пустыни, был назван Кедроном, ибо он протекал близ Нового Иерусалима. Село Скудельничье и Назарет, и Рама и Уриина роща, явились вокруг его обители, и священные горы: Элеон и Фавор и Эрмон, повторились именами на соседних высотах. Здесь же, под Голгофою, избрал он сам себе успокоение на том месте, где погребен в Иерусалиме священник Бога вышнего Мельхиседек, и здесь, с трогательною любовью к усопшему, упокоил его благочестивый Царь Феодор Алексеевич.»

Я продолжал речь Архимандрита: «если трогательно погребение Патриарха кротким Царем Феодором, еще умильнее кончина Никона, на возвратном пути его из заточения. В самый тот день, когда пришло в Кириллов монастырь милостивое разрешение Царя и Патриарха: возвратить узника в его Воскресенскую обитель, он еще заранее, по тайному предчувствию, собрался в путь и, к общему изумлению, велел собираться своей келейной братии: скоро указ Царский разрешил недоумение. С трудом посадили в сани изнуренного болезнями старца, чтобы влечь по земле до струга на реке Шексне, по которой спустились в Волгу; здесь приветствовали его посланные от братии Воскресенского монастыря. Никон велел плыть Волгою вниз к Ярославлю и, причалив у Толгского монастыря, приобщился запасных даров, ибо начинал крайне изнемогать. Игумен с братией вышли к нему на сретение, и с ними вместе, сосланный на покаяние враг Никона, бывший Архимандритом Сергей, который во время суда содержал его под стражею и осыпал поруганиями. Сему Сергию, заснувшему в трапезе, в час приплыва Патриарха, виделся сон: сам Никон ему явился, говоря: «брате Сергие,

востани, сотворим прошение!» и внезапно постучался в двери монастырский сторож с вестью, что шествует Волгою Патриарх и братия уже потекла на встречу. Вслед за нею устремился раскаявшийся Сергей и, увидев умирающего, со слезами пал к его ногам и испросил себе прощение. Патриарху уже наступала смерть, когда опять тронулся струг по водам. Граждане Ярославские, слыша о его пришествии, стеклись к реке и, видя старца на одре смертном, с плачем к нему припадали, целуя руки и одежды и прося благословения; одни влекли вдоль берега струг, другие же, бросаясь в воду, им помогали; так причаляли к обители всемилостивого Спаса, – и здесь ожидала встреча: Архимандрит и воевода.

Изнемогающий страдалец уже ничего не мог говорить, а только давал всем руку. Тогда духовник его и диак Царский велели перевести струг на другой берег, чтобы избавиться от толпы народной. Ударили в колокол к вечерни, – Никон стал кончаться. Озираясь, будто кто пришел к нему, сам он оправил себе волосы и браду и одежды, как бы готовясь в дальнейший путь: духовник с братией прочитали отходные молитвы. Патриарх же, распростершись на одре и сложив крестообразно руки, вздохнув, – отошел с миром. Между тем благочестивый Царь Феодор, не зная о его преставлении, послал на встречу карету свою со множеством коней: когда же узнал, прослезился и спросил: «что завещал о своей духовной Никон?» – Услышав же, что усопший избрал его, как крестного сына, своим душеприказчиком и во всем на него положился, кроткий Царь с умилением сказал: «если так святейший Никон Патриарх возложил на меня всю надежду, воля Господня да будет, и я его в забвении не положу!» – Он велел везти тело его в Новый Иерусалим.....

Я остановился, Архимандрит молчал. «Вы так снисходительны, сказал я, что слушаете меня со вниманием, как будто я рассказываю что либо для вас новое.»

– «И точно для меня совершенно ново, отвечал он, слышать повествование, о кончине Патриарха над самою его гробницею.» –

«И близ нее мы расстанемся, возразил я; мне уже время продолжать путь свой к Волоколамску, а радушный прием ваш навсегда останется в моей памяти.» – Мы расстались.

Из-под арки святых ворот, опять окинул я прощальным взором величественный храм Воскресения: потом, переступив за ограду Нового Иерусалима, грустно пошел к Элеону, повторяя в мыслях стихи псалма:

«На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона.... Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвенна буди десница моя. Прильпни язык мой к гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего.» –

IV. Иосифов монастырь

Как серебристый водомет, высоко лентящийся над зеленью сада, так издали мелькнула мне, над чащею леса, белая колокольня Иосифова, и выше и выше росла к небу, по мере приближения к монастырю. Когда же расступившаяся роща внезапно открыла, на берегу обширного пруда, древнюю многобашенную обитель с двумя пятиглавыми соборами, тогда еще в большем величии поднялась, над всею массою тяжелых зданий, легкая воздушная колокольня: восемь прозрачных ярусов, постепенно стесняясь к вершине под круглую главу, давали ей вид огромного скипетра, увенчанного яблоком державы. И вот тихо заколебалась она в воздухе, потрясенном густыми звуками ее колоколов, и гармонический звон разлился по всей окрестности, пробуждая отголосок дальних церквей.

«Покамест продолжится благовест, сказал я моему спутнику, мы еще успеем взойти на колокольню и обозреть оттоле знакомую окрестность.»

Обширная равнина развилась пред нами с ее вершины; на ней, как на узорчатой хартии землемера, указывали мы друг другу села и рощи, часто посещаемые нами; какое-то странное детское чувство овладело сердцем: нам весело было, одним взглядом и мгновеньем обнять много разновременных воспоминаний и, как бы вчужде, поверять издали собственные впечатления. Прежде всего остановился взор на густой сосновой роще и на трех обширных прудах, облегающих стены обители. Лесной мрак и ясность вод резко спорили между собою, но и лес и воды оживлены были толпами народа, которые пестрели между дерев и на берегу, ожидая крестного хода для водосвящения в первый день Августа.

Богатая слобода Покровская, по Елинской дороге, с многими деревнями, бывшими некогда волостью св. Иосифа, и древний Буйгород на пути к Волоколамску, удел его Князей, и за рощею соседняя усадьба Давыдова, составляли ближнюю окрестность обители, но взоры наши стремились далее на самый горизонт. Там, как бледный призрак, отовсюду видимый,

высоко подымалась белая церковь Латошина, на рубеже Москвы и Твери, древнее родовое село Князей Мещерских, и влево от него выглядывал из бесконечных аллей маиорат Чернышевых, роскошный зданиями Ярополец.

«За щитом Чернышевых не видать твоего живописного Яропольца, говорил я спутнику, но кажется он довольно памятен нам и заочно. Жаль, что те же аллеи заслонили от нас Федоровское и Колпь Шаховских, одну из приятнейших прогулок наших; но за то вот видно на высоте Суворово, где мы привыкли встречать друг друга на пути к Ботову, и вот самое Ботово в своей веселой долине, куда так часто стремимся из Яропольца в семейный круг брата. Мне приятно собрать пред тобою, как бы в одну точку, все сии места, чтобы память их сильнее врезалась в твое сердце, когда в скором времени рассеется все радушное общество, ныне их оживляющее, и мы сами отлучимся далеко. Не всегда случается в жизни, так отрадно и свободно, смотреть на окружающие предметы, и в каждом находить себе утешение. О как часто человек пожелал бы лучше укрыться от своего настоящего! Но благовест кончился, сойдем в церковь.»

Прямо с колокольни спустились мы под низменные своды темной церкви св. Иосифа Волоколамского, бывшей некогда общею усыпальницею братии. Отпечаток первобытного назначения остался ей и поныне. Она представляется обширною гробницею, поддержанною шестью тяжелыми столбами, и весь помост был некогда усеян каменными крышами гробов: но Митрополит Платон велел сравнять их, кроме четырех. По правую руку в приделе Св. Троицы, покоится под спудом знаменитый основатель обители св. Игумен Иосиф: гробница его с балдахином богато украшены серебром.

«Гроб великого мужа, благословение целому краю, сказал я. Нам же живущим в пределах, где подвизался сей великий угодник, должно более других знать его заслуги, ибо он был светильником своего времени. Село Язвище близ Волока – его родина и отчина: Возмищский монастырь, которого одинокую церковь показывал я тебе на одной из высот города, место его пострижения; но он созрел в совершенствах иноческой жизни в

Боровске, под назиданием великого Игумена Пафнутия, которого сделался преемником. Помня однако же обещание старца, что сам он будет основателем новой обители, Иосиф уединился в густые леса своих отечественных пределов и здесь избрал себе жилище. Скоро собрались к нему отшельники и брат Великого Князя Иоанна III, Князь Борис Волоколамский, славившийся своим благочестием, дал ему земли и средства воздвигнуть церковь во имя Успения и оградить монастырь. – Посмотри, вот за несколько шагов от нас каменный гроб Князя Бориса».

– «Но чей же другой, совершенно подобный, стоит с ним рядом?» –

«Это гроб его сына Князя Феодора, который гнал св. Иосифа. Как все уравнивает и умиряет смерть! Тот же монастырь великодушию принял обоих, и теперь нельзя отличить гонителя от благодетеля. Но тяжел был этот Князь Феодор Иосифу: десять лет расхищал он его достояние и оскорблял иноков; тщетно умолял Игумен: наконец, чтобы не предать обитель запустению, прибегнул под покровительство Великого Князя Василия Иоанновича, который отписал к себе монастырь. С другой стороны, Князь Феодор обратился с жалобой к Архиепископу Новгорода Серапиону, в епархии которого находился Волоколамск, и Владыка, поверив клеветам, отлучил Иосифа. В свою чреду был призван Серапион оправдаться пред Собором в Москве, и там лишен кафедры Митрополитом Симоном, который разрешил Иосифа от несправедливого запрещения: тогда уже Новгород покорялся Москве и его Владыке. Свято окончил Серапион дни свои в уединении Троицкой обители, но еще до кончины примирился с Игуменом, и их духовный союз послужил к обращению самого Князя Феодора,

«Иосиф, самый образованный муж своего века, смелый духом и словом, гремел обличениями на Московском Соборе против новой ереси, жидовствующих Новгородцев и оставил по себе многие писания, которые хранятся в здешнем храме над алтарем в библиотеке, замечательной своими рукописями. Он преставился в преклонных летах в 1516 году. Ученики

наследовали его славу и даже были нелюбимы за свое просвещение и ревность: им присвоено было имя Иосифлян. Один ученик Гурий, первый возведен был в Архиепископы покоренной Казани и там прославился чудесами по смерти. – Другой Даниил долго правил Церковью, в сане Митрополита Московского, но был свергнут с престола и заточен здесь в малолетство Иоанна Грозного; там в углу стоит его каменный гроб. Но память его помрачена гонениями на Максима Грека, сего образованного и кроткого Святогорца, который был вызван из Афона для исправления книг церковных и заточен Василием Иоанновичем за то, что не соглашался на развод его с Соломонию.

«И другого знаменитого затворника видела в стенах своих сия древняя обитель, хотя только на несколько дней. Сюда был привезен развенчанный, силою постриженный, Царь-инок Василий Иоаннович Шуйский, и здесь ожидало его новое, еще тягчайшее поругание. Здесь Царь был выдан своими подданными Гетману Жолкевскому, покоровшему его столицу, и отселе увлечен к Смоленску, вместе с двумя братьями, для торжества Сигизмунду, которого однако же посрамил он величием духа при тяжком свидании.

«Еще одно воспоминание того же смутного времени, но более отрадное, осталось Иосифовой обители. Под стенами ее была одержана воеводою Валуевым победа над сообщником Тушинского Лжедмитрия, Князем Рожинским, который овладел уже монастырем, и здесь утешены были сердца Русские освобождением из плена Митрополита Ростовского Филарета Никитича, которого захватили Литовцы посреди его паствы. В память сего отечественного подвига оставлены монастырю пушки, отнятые на побоище у Литвы, и ты услышишь их торжественные выстрелы во время водоосвящения на прудах. – Но уже началось пение и совершается литургия; взойдем в собор.»

Торжественно было служение Архимандрита Гавриила с братией в величественном храме Успения, воздвигнутом св. Иосифом, помощью Князей Бориса и сына его Иоанна, в Византийском вкусе того времени. Шесть четверогранных

столбов, из коих два в алтаре закрыты высоким вызолоченным иконостасом, поддерживают круглые арки, на коих лежит высокий купол, и широкая паперть окружает с двух сторон церковь, от запада и юга, по обычаю старинных церквей. Весь собор был наполнен народом; по окончании литургии начался крестный ход на воды. Спустившись с высокого крыльца, потянулся он мимо каменного теплого собора Богоявления и трапезы братской ко святым вратам, над коими воздвигнута церковь во имя Апостолов Петра и Павла; потом, поворотив вдоль ограды около узорочной Германовой башни, так названной в память погребенного под нею Архимандрита, направился вдоль восточной стены на один из обширных прудов, облегающих обитель. Звону колоколов отозвались выстрелы орудий при погружении креста, как бы на память освобождения Филарета и победы над Литвой, в тот самый день, когда Церковь торжественным ходом празднует двоякую победу Императора Византийского Мануила над Сарацинами и Князя Андрея Боголюбского над Болгарами, и выносит знамение креста, даровавшего успех обоим Государям.

Окончился ход, народ рассыпался по роще, опустела обитель: мой спутник звал меня домой.

«Мы еще не посетили одной могилы, сказал я, пойдем опять в ограду за алтарь большего Успенского собора.»

– «Что значит, спросил он меня, этот бронзовый крест на мраморной плите, как бы надломленный и составленный из виноградных лоз, связанных длинными волосами? – На каком языке сия незнакомая надпись?»

«Буквы Грузинские, отвечал я, а подобным крестом, связанным из виноградных лоз собственными волосами, обратила некогда св. Нина всю Грузию к Христианству. Она пришла из Иерусалима в IV веке и, поселясь в виноградниках царских в Тифлисе, крестом исцеляла болящих, доколе Царь, тронутый ее чудесами, не оставил мрак язычества со всем своим народом.»

– «Ты говоришь мне о св. Нине, как бы желая отклонить вопрос о той, которая покоится здесь под сенью, вероятно родственною св. Нины.»

«Ты угадал, пришлица благословенной страны ее отдыхает здесь, так далеко от своей отчизны. Казалось, она только для того переступила родственный ей Кавказ, чтобы здесь поблекнуть во цвете лет! – Но, умирая на чужбине, она просила не забывать об ней в молитвах... друг мой, помолись и ты за упокой усопшей сестры!»

1835 г.

Воспоминания о посещении Святыни московской Государем наследником

Благоприятный случай доставил мне утешение, на обратном пути из Воронежа, следовать близко, за торжественным поездом Его Высочества, – можно сказать брачным, ибо, по выражению Жуковского, это было как бы всенародное обручение Государя Наследника с Россией. Невеста достойна Жениха и оба в полном цвете и силе. Отрадно было слышать по всей дороге единодушные благословения Царственному юноше, видеть восторг, который еще живо выражался в речах, во взорах каждого; движение нравственное, произведенное сим путешествием, невыразимо; общая жизнь пробудилась внезапно по необъятному государству, и все черпали ее в том же источнике любви к единому предмету.

В окрестностях Калуги встретился со мною В. А. Жуковский и предложил ехать в Новый Иерусалим, чтобы сравнить для Великого Князя древний, знакомый мне храм Св. Гроба с Воскресенским его подобием. Когда же продолжал я сопровождать Его Высочеству в лавру и по обителям Московским, то сие благоговейное странствование произвело на меня столь глубокое впечатление, что я пожелал мысленно вновь пережить, для себя и для других, высокие минуты, в которые как бы опять повторилось святое минувшее наших летописей, на тех же славных местах, – и ныне излагаю то, что видел и слышал.

1837 г.

Московские монастыри. I. Чудов

Иван Великий потрясал воздух гулом колоколов, и понятен был радостный говор многоязычной семьи его. Он шумно беседовал с столицею; как исполин, через Кремлевские стены, передавал он во все концы ее клики народные, гремевшие у его подошвы, и был в глубоком небе отголоском земли Русской, которая приветствовала своего Наследника, вступавшего в святыню храмов уже совершеннолетним.

В Чудове монастыре у дверей, ведущих из малого дворца в ту самую церковь Благовещения, где за девятнадцать лет пред тем принял святое крещение Царственный младенец, сидел в мантии Митрополит Московский, окруженный своим клиром; он ожидал опять светлого гостя, которого уже приветствовал красноречивым словом в Успенском соборе. Скоро представилось очам трогательное зрелище: – посреди восточного великолепия наших церковных обрядов шествовал Великий Князь, сам без всякой пышности, кроме той, какую щедро излила на него природа, и казался одним из тех небесных юношей, которые тайно участвуют в божественной службе. В соседнем приделе св. Митрополита Алексия скрылось торжественное шествие, но из-за таинственной завесы, отделявшей мощи Святителя от возобновляемой церкви Благовещения, внезапно раздалось тихое пение: – пели тропарь Алексию, великому заступнику земли Русской, державшему кормило не только Церкви, но и царства, который щитом веры отражал Орду и умирал Князей, руководя юного Дмитрия до славного имени Донского.

II. Донской и Данилов

С Донской обители началось обозрение. Митрополит Филарет, встретив Великого Князя, повел с духовным торжеством в соборный храм Донския Богоматери. Там, пред ее чудотворною иконою, рассказал он о избавлении столицы от Хана Крымского Казы Гирея: как прибегал к покрову Владычицы благочестивый Царь Феодор Иоаннович; как обносили по стенам икону Ее, бывшую некогда с Донским на Куликовом поле, и поставили в церкви Преподобного Сергия, посреди стана ратных, на том месте, где сооружен впоследствии теплый собор, и как внезапно бежали полчища неверных. Потом обратил он внимание Государя Наследника на красоту большого собора, воздвигнутого уже в позднейшие времена Итальянским зодчим по воле Царевны Марии Алексеевны: ввел и во внутренность величественного алтаря и указал позади иконостаса хоры, с коих буйная чернь Московская совлекла несчастного Архиепископа Амвросия за то, что во время морового поветрия укрыл икону от стечения народного. В теплом соборе Великий Князь видел гроб страдальца и, осмотрев прочие церкви, поспешил в Данилов соседний монастырь поклониться нетленным останкам святого сына Невского. Даниил Александрович, первый Князь Московский, почивает в схиме на месте своего подвига в созданной им первоначально обители, окруженный вековою славой некогда убогого удела, возросшего в огромнейшее царство. Посещением Александрийского дворца с его очаровательным Нескучным садом и двух больниц, Князя Голицына и Городской, окончилась сия первая поездка, начатая благочестием, заключенная делами милосердия.

III. Симонов, Крутицы и Новоспасский

Симонов, Крутицы и Новоспасский монастырь были предметом второй. Митрополит выехал на встречу Великому Князю, которого ожидали из села Коломенского, любимого пребывания дома Романовых. Тихое, гармоническое пение иноков Симоновских раздалось в древней их соборной церкви Успения, основанной сыном Донского. Готическая трапеза св. Сергия, место молитвы набожного Царя Феодора Алексеевича, где устроил он для себя кельи на время постов, привлекла внимание Цесаревича. Он взошел и на его узорочный терем, насладиться оттоле великолепношей картиною: – Москва, его наследие, лежала вся пред очами, за излучистым течением реки, за веселою зеленью прибрежных лугов: белый, многоглавый Кремль горел золотом крестов своих, как обширный венец, обвивающий древнее чело столицы, которая вся стремилась к небу своими бесчисленными церквами и колокольнями и, в лучах яркого солнца, казалась более селением горним, нежели земным.

С вершины терема указал Митрополит древнюю церковь Рождества Богоматери, на месте первоначальной обители устроенную с благословения св. Сергия, племянником его Феодором, вероятно на память Донской битвы, которая случилась в сей праздник. Там почивают неразлучно два духовные витязя страшного побоища Мамаева, оба данные Сергием в сподвижники Донскому, иноки Пересвет и Осляба. Первый из них начал сечу единоборством с Ордынским исполином и запечатлел кровью начало освобождения своей родины. Недалеко от церкви малый пруд под синею дерев ископан по преданию трудами самого преподобного Сергия. Долго восхищался Цесаревич красотою видов и славою воспоминаний.

Другие воспоминания ожидали его в Крутицах, древней упраздненной епархии Митрополитов Сарских и Подонских. Сперва посетил он двухъярусный собор, нижняя церковь коего во имя Петра и Павла освящена еще при первом Князе Данииле

Московском; верхняя же Успенская служила сборным местом для защитников отечества 1612 года, когда в виду пылающей столицы клялись они своими душами отстоять Русь и выгнать лютых чужеземцев. Сей древний Архиерейский дом, куда переведены были Иоанном III Епископы Сарая, ослабевшей столицы Ханов, сделался кафедрою Наместников Патриарших, Митрополитов Крутицких. Когда же после Патриаршества образовалась отдельная епархия Московская, а место Крутицкой заступили сперва Севская, потом Калужская, тогда опустел и старинный дом Митрополитов: но все церкви сохранялись до нашествия Французов. Движимый ревностью к священной старине, Великий Князь не уклонился посетить упраздненную домовую церковь Архиереев, во имя Воскресения Христова, с приделом Николая Чудотворца, где иссечены были на стенах имена почивающих тут Святителей, и тогда же изъявил желание видеть ее возобновленною.

Малое пространство отделяет от Крутиц монастырь Новоспасский: толпа народа шумными кликами приветствовала потомка Романовых пред воротами обители, которую предки их избрали себе для вечного покоя. Следуя за крестным ходом, Великий Князь вступил на соборную паперть и над его главою, развилось родословное древо Князей Русских, начертанное вдоль всего свода. Мысль богатая: святые Владимир и Ольга поливают в купели насажденное древо, из корня коего роскошно вырастает Ярослав великий со всем своим потомством. Медленно подвигался Цесаревич, под синею своих предков, внутрь храма, как бы достигая на конце сей длинной родословной цепи, того светлого звена, которое ему было предназначено.

В теплом соборе Покрова Богоматери, пред чудотворною иконою Спаса Хлыновского, принесенною из Вятки, Митрополит рассказал еще недавнее чудо, случившееся во время Московского пожара, когда пламя не перешло за черту шествия сей иконы поперек пепелища. Он указал на ризу ее, только до половины похищенную Французами, в знамение того, что Провидение за грехи наши, попустив святотатство, удержало самих святотатцев. Великий Князь, внимая речам

Преосвященного Филарета, напомнил сам, что и в Успенском соборе повторилось тоже чудо над серебряною ракой Святителя Ионы, коего мощи остались неприкосновенными посреди общего разорения.

Холодный Спасский собор сего замечательного монастыря, основанного Иоанном III в год избавления от Татар, возобновлялся при посещении Государя Наследника: с любопытством рассматривал он на стенах алтаря портреты десяти Патриархов наших, в особенности же портрет родоначальника Святейшего Филарета, и взошел в ризницу, хранящую благочестивые дары его предков. Три монастыря, которые постепенно посетил он в течении одного утра, хронологически ознаменовали свержение ига Монгольского: – Симонов побоище Мамаю, Крутицы упадок Орды, Новоспасский совершенное освобождение.

Сходя с паперти соборной, Его Высочество увидел, на основании столбов ее, изображения Омира, Орфея, Платона и других поэтов и философов Греции, и пожелал знать причину странного их появления у входа в Христианскую святыню. «Отцы наши, отвечал Митрополит, хотели тем выразить, что никогда языческая мудрость не восходила выше нижних ступеней Христианского храма.» Под мрачными сводами собора открылось умильное зрелище: Архимандрит обители, в полном облачении, со свечю в руке, водил юного Романова по гробницам его предков, расположенных в том родословном порядке, в каком отходил к покою именитый дом сей, постепенно принимавший название от деда, по обычаю того времени, сперва Захарьиных, потом Юрьевых, наконец Романовых, доколе не утвердился царственно на этом славном имени. Великая инокиня Марфа, посестрия, т. е. бывшая супруга Патриарха Филарета, с малолетними детьми своими заключает к Новоспасском родовую усыпальницу Романовых, которая в одном ее семействе разделась на три храма: она с младенцами, по древней памяти боярства, осталась в обители, Патриарх Филарет святительски опочил в Успенском соборе, а сын его начал новую царственную скрижаль в Архангельском соборе.

Хотя я описываю только посещение обитателей, не могу однако же умолчать о празднике, данном Его Высочеству Князем Сергием Михайловичем Голицыным в Подмосковном селе его Влахернском. Не стану говорить о радушном угощении хозяина, в котором сохранился образец родовых вельмож наших: пышность торжества соответствовала высокому назначению; но видеть Москву, почти опустевшую для сего праздника, более десяти тысяч экипажей, теснящихся по дороге на расстоянии восьми верст, и толпы народа, наполняющие весь обширный сад, и в темноте вечера слышать одно необъятное ура, вытекающее из всех его клумб, – вот что было по истине трогательно. Русский боярин давал пир Русскому Наследнику, а незванная Москва собралась в гости к доброму хозяину и сделала частное его веселие общенародным.

IV. Новый Иерусалим

30 июля определено было для посещения обители Воскресенской, и дорога к ней пролегла мимо села Тушина, где так долго держался второй Лжедмитрий, устрашая столицу именем Тушинского вора: немного далее лежит другое историческое село Чернево, Никонов Назарет, где Патриарх вынужден был отдать посох святого Петра, взятый им из собора Успенского в последний таинственный приход свой, и где в скором времени услышал он третий зов на суд Вселенских Патриархов. Братия основанной им обители торжественно приняла, во святых вратах Элеонских, высокого Посетителя, идущего в их Иерусалим.

Уединенно стоял я в пещере святого Гроба, когда Великий Князь, отслушав многолетие посреди храма Воскресения, взошел на коленях, сквозь низкое отверстие во внутренность вертепа. С благоговением простерся он пред подобием той гробницы, которая, по выражению Шатобриана, одна только из всех гробниц, никого не отдаст из недр своих в последний день. – Бездна божественных воспоминаний, необычайность самого вертепа поразили Царственного поклонника. Видя его простертого на молитве пред священным гробом, помыслил я о державных богомольцах Запада и Востока, приходивших в течение стольких веков разрешать свои обеты в святилище Иерусалимском, и весь исполнился минувшего. На гробовой плите лежала перламутровая раковина с изображением Рождества Спасителя и поклонения Пастырей и Волхвов; – я предложил пришедшему, подобно им, на поклонение Христу Богу взять с подобия Христова ложа сию икону, принесенную от самого гроба Господня, как память и благословение Святой земли.

Его Высочеству угодно было, по выходе из пещеры, отдохнуть несколько в калиях настоятельских, чтобы тем временем дать разойтись народу из храма. Пользуясь сим кратким отдыхом, показал я Цесаревичу планы обоих Иерусалимов, почти совершенно сходные между собою, и

сказал несколько слов о начальном устройении обители Патриархом Никоном. Речь зашла о Востоке, Царьграде, и св. Софии; Жуковскому хотелось, чтобы Его Высочество слышал одно предание, под названием Цареградская обедня: как в самый час завоевания Константинополя, Патриарх совершал литургию соборно в храме Софийском, как заключился алтарь пред толпою неверных, ворвавшихся в святилище, и как продолжается доныне сия таинственная служба до заветного дня освобождения. Предания престолярные о пришествии Северных людей для избавления Царьграда и Святого града так вкоренены на Востоке, что ими объясняют там всегдашнее заключение златых ворот Константиновых и вербных Спасителя, которые даже закладены камнем.

Прошедши бегло собор Вифлеема и его исподние церкви, только именем напоминающие Палестинские, Его Высочеству угодно было идти сперва в Никонов скит, чтобы ознакомиться там с оригинальным характером человека, которому пришло на мысль создать в своем отечестве свой Иерусалим. Мы спустились из Западных ворот обители, по каменному крыльцу, в долину на берег Истры: малая густая роща осеняла живописную покатость. Иосафатовою зовется долина, потому что вдоль ее ископан Никоном Кедронский поток, для большего подобия, хотя самая местность не похожа здесь на Иерусалимскую: Кедрон должен протекать, с запада, а не с востока, и гористое положение Воскресенской обители более напоминает с сей стороны храм Соломонов на высотах Мории, нежели храм Св. Гроба, находящийся внутри города.

Скит Никона стоит уединенно посреди долины. Там, по подобию древних скитников Сирии, искал он безмолвия во время строения храма и провел восемь лет в своенравном заключении, которое сделало столько вреда ему лично и самой Церкви, прежде заточения его на Белом озере. Сперва взошел Великий Князь в подземную часть странного столпа, где были кельи послушников, кухня, кладовая, все на пространстве не более трех квадратных сажен: узкая высокая лестница, по коей весьма трудно было подыматься и еще труднее спускаться, привела в три жилые кельи самого Патриарха, того же размера;

еще выше находилась его молельня и церковь Богоявления, где он ежедневно совершал литургию, как простой пресвитер. Великий Князь удивлялся тесноте церкви и келий, тем более, что Никон, судя по описаниям и портретам, был очень высокого роста; тут же и самая трапеза, бывшая вместе письменною кельей, с его современным портретом и дубовым столом, на коем он занимался. Я рассказал видение, которое имел на этом месте Никон, своеручно им изложенное в письме к Царю Алексею Михайловичу: оно хранится в Патриаршей библиотеке.

После долгого бдения и поста, Патриарх впал в тонкое дремание, и ему мечталось быть в Успенском соборе. Вот он в сонме усопших Святителей, которые все стоят вокруг стен, каждый у своего гроба, в светлой одежде; один же благолепный старец ходит около с хартиєю в руках, и отбирает у всех руки. Изумленный Никон спросил его: что творит собор сей? и услышал в ответ: избираем паки святейшего Никона на престол Патриарший. – Ты же подписался ли? дерзнул опять спросить его Никон, и старец развернул пред ним хартию, а на ней подпись: смиренный Иона Митрополит: – это был сам чудотворец. В ужасе приступил Патриарх к своему месту, – на нем стоит другой святой муж, Петр Митрополит; – Никон проснулся.

Для памяти посещения, Его Высочеству угодно было начертать на стене имя свое под портретом Никона. Еще выше теснейшая церковь верховных Апостолов и короткое каменное ложе Патриарха в его летнем тереме обратили внимание Великого Князя. С вершины пустынного столпа я стал называть ему живописную окрестность именами Палестинскими, какие дал им чудный отшельник: Фавор и Эрмон, Рама и Элеон и село Скудельничье обозначили вокруг священный горизонт, и своенравная воля Никона как будто вдвинула в пределы нашего отечества целый участок земли обетованной.

Возвратясь в храм Воскресения, мы взошли опять в гробовую пещеру. Великий Князь, услышав, что в Иерусалиме стены ее обложены мрамором и что тридцать шесть лампад, даяния по большей части царственные, горят над Св. Гробом,

изъявил желание украсить мрамором священную храмину и обещал от себя лампаду.

Оттоле поднялись на хоры: с царской арки восхищался Государь Наследник стройною красотою зодчества, при разнообразии частей храма. Трогательные минуты ожидали нас в соседнем приделе св. Александра Невского, устроенном по усердию Государя Императора, в год рождения своего первенца. Жуковский снял со стены рескрипт на имя Архиепископа Августина, и подал Великому Князю, который прочел в слух радостную весть о своем рождении и чувства благодарности Августейшего родителя Богу, сохранившему мать и младенца; – а сей младенец уже стоял пред нами величественным юношею; он нежно обнял своего доброго наставника и, написав на обороте рескрипта имя свое, обещал также лампаду к иконе Невского.

Многочисленные церкви на хорах, библиотека с некоторыми древними рукописями, из коих немногие однако же восходят далее времен Никона, портрет его, писанный во весь рост в кругу учеников, попеременно привлекали взоры Его Высочества, и он сожалел, что время и сырость истребляют краски сего портрета. Открыли ризницу, наполненную по большей части воспоминаниями одного Патриарха, его утварью домовую и служебную: модели Иерусалимского и Вифлеемского соборов в особенности были любопытны. Там же хранятся панagia и сосуды, пожертвованные Государем Императором при сооружении придела Невского. Таким образом, память о своем благословенном рождении повсюду сопутствовала Цесаревичу, посреди возвышенных воспоминаний о новой жизни, даруемой нам чрез воскресение Христово.

Когда спустились с хоров, я продолжал сравнивать Его Высочеству оба Иерусалима и постепенно указывал гробы Иосифа и Никодима, место где явился Спаситель Магдалине, обращенное в церковь благочестием Императрицы Марии, Гефсиманию с темницею и приделы: Лонгина сотника, Разделения риз и Тернового венца. Мы сошли и в подземную церковь Царицы Елены. Государь Наследник сел на ее каменное место у того окна, отколе смотрела она в Иерусалиме,

как отрывали залог искупления, и я мысленно пожелал ему той радости, какую чувствовала Елена, когда обрела честный Крест. У колодца обретения, на самой оконечности храма, Цесаревич еще однажды желал знать, все ли это подземелье подобно Иерусалимскому? и услышал, что все так, исключая колодца, которого там нет.

Величественно представился взорам алтарь главного Воскресенского храма с пятью Патриаршими местами и семьюрусными хорами, на память Вселенских Соборов. Я объяснил, по древнему чиноположению, места занимаемые Восточною Иерархией, во время общих совещаний или богослужения: кафедра Константинопольского Патриарха, как старшего Архиерея, на середине; по сторонам ее стоят: направо кафедра Александрийского, налево Антиохийского, а места Иерусалимского и Московского, как младших, по краям. Великому Князю понравилась глубокая мысль древле совершавшегося обряда, когда постепенно восходили певчие на вершину хоров алтаря, по мере возрастающей важности литургии, и сам он, как бы подражая сему таинственному восходу, Голгофою заключил обозрение храма, поднявшись на нее из алтаря скорбным путем Спасителя.

Там, с чувствами благочестивого любопытства, Государь Наследник раскрашивал о священной местности Голгофы: таков ли скорбный путь на нее в Иерусалиме? и как обсечена там скала? и где самое место водружения Креста? и каким образом спускают здесь и там плащаницу с Голгофы, подражая снятию со Креста божественного Тела? – В сих живых вопросах сияла чистая, пламенная любовь к Искупителю, и утешительно было удовлетворять им, беседовать о событиях Голгофы с тем, кто глубоко проникнут ее воспоминаниями. Еще умильнее было видеть Великого Князя, приникшего челом к самому отверстию камня, где некогда водружен в Иерусалиме залог нашего спасения: подобие сего великого креста осенило здесь, во всю высоту свою, смиренно припавшего к его подножию.

Наконец мы сошли с Голгофы в то подземелье, где, по преданиям Палестинским, выпала из расселины глава искупленного Адама, где воздвигнут алтарь Предтечи,

последнего Пророка о грядущем Христе, и где гробница Мелхиседека, бывшего образом Христовым. В Палестине два царственные витязя лежат на страже сего подземного храма, освобожденного ими, Готфрид и Балдуин; а здесь избрал себе вечный приют основатель Никон. Его железные вериги зазвенели над гробом в Царственной руке, которая хотела их взвесить.

Соборная молитва пред дверьми Св. Гроба опять привлекла к нему все мысли и чувства. Великому Князю угодно было слышать воскресные гимны торжественного молебна, которые совершаются таким образом только в обоих Иерусалимах; – запели канон Пасхи, как на светлой утрени, и отрадно раздавалось под сводами храма, в виду упраздненного гроба: «Христос воскрес!»

V. Саввин монастырь

За двадцать верст от Нового Иерусалима, обитель св. Саввы Звенигородского приняла Государя Наследника в свою древнюю ограду. Ученик и собеседник св. Сергия, Савва пришел уединиться на живописных высотах Москвы реки, и сын Донского Юрий упросил его основать обитель на Сторожевской горе, где стояла стража от набегов. Иноки заменили воинов, и с тех пор место сие было предметом набожных странствий Великих Князей Московских. Царь Алексей Михайлович избрал его своим любимым летним приютом и, устроив палаты, часто отдыхал там от соколиной охоты, которой благоприятствовала окрестность. В стенах той же обители искала безопасности, при начале Стрелецких бунтов, Царевна София с малолетними братьями, и памятником ее усердия осталась величественная трапеза теплого Преображенского собора.

Великий Князь, поклонясь мощам пустынного основателя, который почивает в соборе Рождества Божией Матери, созданном по подобию Троицкой лавры, взошел отдохнуть в жилище своего предка и полюбопытствовал видеть его домашнюю утварь: двое ветхих кресел стояли в приемной зале, а дубовая кровать Царя в одном из отдаленных покоев. С балкона любовался Великий Князь живописным течением Москвы реки, по глубокой цветущей долине, оживленной селами и стадами, осененной рощами на прибрежных высотах. Местоположение Саввина монастыря одно из самых привлекательных. Отцы пустынные, удаляясь от сожительства людей для созерцания Бога, всегда избирали себе очаровательное уединение, чтобы душа их самою красотой природы, естественно была расположена к прославлению Творца.

Посещением Петровского села Князя Голицына, и Архангельского Князя Юсупова окончилась сия замечательная поездка. Прелестная дорога довольно долго пролегла берегом Москвы реки, и всякий раз, как мы встречались с нею, она нас дарила одним из своих очаровательных видов.

VI. Грановитая палата

1-го августа, в праздник Всемилоственного Спаса и на память двойной победы Царя Греческого Мануила и В. Князя Андрея Боголюбского, совершался по обычаю крестный ход на воду из Успенского собора. Государь Наследник шествовал за Митрополитом; до пятисот духовных лиц, все в белых одеждах стояли по сторонам широкого спуска и под сводами Тайницких ворот до берега реки; бесчисленный народ унизывал собою древние стены и башни Кремля, и зеленая покатошь горы казалась испещренным цветником; самый Иордан, устроенный на реке, пошатнулся от множества причаливших к нему лодок; таково было усердие к святыне и к Царственной особе, разделявшей сие народное моление, и воздух дрогнул от рева колоколов, вторивших, при погружении креста, церковной песни о спасении людей и даровании побед Императору.

Возвратившись с крестным ходом до палат Кремлевских, Государь Наследник поднялся по ступеням Красного крыльца, под сенью щитов, которые держали стрегущие львы Иоанна III-го, и взошел в Грановитую палату сего Государя. Она горела багрянцем тканей на стенах, своды ее поддерживал один столб посредине, обставленный кубками, блюдами и сосудами минувших пиршеств сего чертога; в красном углу стояло древнее царское место дома Рюрика и дома Романовых: – столько воспоминаний ввел с собою Великий Князь в уединенную палату, что на одно мгновение она, казалось, вся исполнилась минувшего, и впечатление еще усилилось, когда, при нечаянном появлении Цесаревича у окна, внезапно откликнулась вся площадь Кремлевская необъятным гласом народа на легкое склонение его главы.

VII. Троицкая лавра

Следующий день был весь посвящен Троицкой лавре. Во Святых вратах ее, чрез которые со времен Донского, в течение более четырех веков, все Князья и Княгини наши, удельные и великие, Цари и Царицы, Императоры и Императрицы, один за другим, приходили поклониться своему заступнику Сергию, – в сих вратах сидел Митрополит Московский, в великолепнейшем облачении, усыпанном жемчугом по багрянцу, в митре горящей каменьями: такое пышное достояние оставил убогий Сергей своему наместнику, вместе со своею крашенинною ризою. Вокруг Митрополита стояли четыре Архимандрита и весь духовный собор лавры, в богатейших ризах, с кадилами и свечами, и вся братия в мантиях тянулась за ними долгим рядом по густой аллее развесистых лип. Звон колокола возвестил, что Наследник стольких Царей идет, в свою очередь, воздать долг благодарности св. Угоднику.

Вняв приветственной речи Митрополита, он вступил в священную ограду, где некогда Димитрий искал ободрения к Донской битве и укрывался внук его Темный, где супруга Иоанна III, Греческая Царевна София, испросила наследника себе и России, где крещен был Грозный и положен при рождении в раку Сергия, и молился у нее на пути в Казань и из Казани, где спаслась Россия во время Самозванцев, где юный Михаил, руководимый Архимандритом Дионисием и Келарем Палицыным, благословен на царство, и где скрылся от мятежей Стрелецких внук его Петр. По следам их шел Цесаревич припасть к чудотворной раке благодетеля земли Русской, который, соорудив свою обитель, как некий щит для охранения еще юной тогда столицы, сам возлег на вечную стражу. Божественная литургия, со всевозможным торжеством, совершилась в Троицком соборе, и еще одни царственные молитвы потекли в сие давнее их хранилище.

Кельи Митрополита, где прежде всегда останавливались державные богомольцы, были приготовлены для Его Высочества, которому понравилось их готическое убранство;

между многими портретами Царей особенно показался замечателен портрет Грозного. В обители Саввинской он изображен в благолепном возрасте мужества; здесь же с мрачным выражением времен Опричины: борода редкая, седая, глаза яростные, все черты напряжены страстью; судя по живописи, можно полагать портрет почти современным. Великий Князь смотрел на него с большим вниманием, покамест Жуковский поверял на лице Иоанна незабвенные строки Карамзина о ужасном виде Царя, возвратившегося из Александровской слободы.

После краткого отдыха, Митрополит предложил идти осматривать святыню и древность. С бывшей кельи Преподобного, ныне обращенной в каменную палатку при соборе, началось сие летописное обозрение, где на каждом шагу встречалось или святое имя, или славное событие. Пред богатою иконою явления Божией Матери Сергию объяснил Митрополит сие утешительное видение на том самом месте, где оно происходило. Он указал на священные гробницы Митрополита всея России Иоасафа и Архиепископа Новгородского Серапиона. и, подведя Государя Наследника гробу великого мужа церкви, Архимандрита Дионисия, помянул подвиги за веру и отечество сего первого избирателя Романовых. Признательное сердце их потомка не могло забыть в такую минуту и славного Келаря, сподвижника Дионисиева: «где же Авраамий?» спросил он с участием, как будто о живом, и казалось сей бессмертный готов был отозваться на голос юного Романова, как отзывался некогда юному Михаилу, когда умолил его на царство. Митрополит, в звании Архимандрита лавры, тихо отвечал за своего Келаря: «погребен в Соловецком на своем обещании.»

Посреди Троицкого собора, великолепии раки и иконостаса, и внутреннее убранство алтаря поразили удивлением взоры. Даяния Грозного и Годунова, Царей Михаила, Алексия, Феодора, сияли золотом и камнями на древних иконах св. Троицы, Спасителя и Богоматери, и массою металла изумляли две серебряные сени, над ракою и над престолом, и висящий на своде хорос. Все это вручено Сергию и им сохранено сквозь

ряд столетий, коих частные бедствия не дерзнули коснуться его лавры.

С книгою Авраамиева сказания в руках, Митрополит рассказывал Великому Князю: как, во время осады Литовской, влетело ядро в окно алтарное и, пробив иконостас, ударило в образ Архангела Михаила, отразилось в левый столп, от него в подсвечник пред образом св. Троицы, и пало без вреда на помост, поливаемый слезами осажденного народа, и как в ту же минуту другое ядро, пробив южные железные ворота, где на веки оставило славную язву, поразило в иконостасе образ чудотворца Николая и за ним исчезло. Он указал и самый образ, поставленный в трапезе соборной: поверх плеча Святителя есть круглое отверстие. Казалось Чудотворец и Архангел поборали сами защитникам лавры, ибо в сей роковой час Архимандрит Иоасаф, стоя на своем месте в церкви, впал в некое забвение и увидел пред собою светлого Архангела, обещающего ему поражение врагов, не пощадивших его иконы. С таким духовным подкреплением можно было полтора года отражать осаду и выйти победителями из смут междуцарствия.

Открылась богатейшая ризница; всю ее отдавал некогда Авраамий войску Донскому, чтобы только спасти пылающую столицу, и не приняли Казаки великодушной жертвы; и так это цена искупленной их кровью Москвы! Множество и разнообразие предметов, самое усердие державных вкладчиков было невольною причиною беглого их обзора. Имена великие сыпались мимолетом, как осыпаются драгоценные камни с одежды царской, небрежно подбираемые потому, что есть чем заменить их: но посреди сих сокровищ исторических, убогие ризы Сергия и Никона надолго остановили внимание, ибо уже некому надевать их. Чтение трогательного завещания Митрополита Платона заключило осмотр ризницы, и если оно еще недавнее, то весьма древен самый обычай у Митрополитов Московских оставлять по себе надгробные завещания, по примеру Киприана, преемника св. Алексия.

От гробниц преподобных Никона, ученика Сергиева, и его келейника Михея, Митрополит возвел Великого Князя на высокую паперть готической трапезной церкви во имя Святого: и

оттоле дал окинуть взорами все разнородные зодчества храмов, столпившихся в одно сие избранное место. Самая трапеза украшена в игривом готическом вкусе времен Алексея Михайловича: напротив ее величественно подымается Итальянская колокольня Императрицы Анны; подле два собора, малый Сошественский и большой Успенский, оба строения Грозного, во вкусе Византийском, но первый выражает поспешность признательного сердца за взятие Казани, второй – медленное величие Царя, который хочет соорудить нечто достойное своей славы: наконец, в углу обители, как краеугольный камень ее, стоит собор Троицкий, в совершенной простоте времен Донского, когда еще не строили больших храмов.

Внутренность трапезной церкви напоминает готические залы средних веков и оживляется поныне гостеприимными пиршествами, какие дает Сергей своим поклонникам; в торжественные дни собираются здесь в мантиях Митрополит и вся братия за длинными столами, на коих опять являются кубки и чаши минувших столетий, и, во время громкого чтения из жития преподобного Сергия, разносят по звуку колокола яства и пития; по окончании же трапезы Митрополит дает всем вкушать от просфоры, принесенной в честь Богоматери, и меда из золотого кубка, по древнему обычаю обителей.

В нижнем ярусе сего здания посетил Великий Князь странноприимную палату, где ежедневно питаются все приходящие убогие и странники и на сей раз был сам их питателем, оставив щедрую милостыню; рядом находилась больница, где врачевством телесным и духовным занимается Наместник лавры Архимандрит Антоний.

Потом Митрополит направил путь сквозь Сошественский собор Грозного, мимо гроба великого труженика Максима Грека (столько пострадавшего за любовь свою к просвещению), в холодный Успенский собор, построенный по образцу Московского. Там стояли два гроба Королевы и Королевы Ливонской, и Жуковский остановил мысль Великого Князя над мечтательным титулом их небывалого Королевства; услышав же, что Годунов, со всем своим родом, лежит подле собора,

поспешил вести туда Его Высочество. Митрополит уже стоял около гробницы, и, коснувшись посохом каменной ее крыши, произнес только: «вот Годунов!» – «Здесь Годунов!» повторили тихо и громко все окружавшие и умолкли; – одно его имя выразило все! Страшно рассуждать над таким усопшим, чтобы не предупредить суда Божия или не увлечься земною славой.

Академия, с ее обширными залами, времен Петровых, и библиотекою, где хранятся некоторые древние рукописи, заняли Его Высочество пред поездкою в Вифанию, а в сей обители привлекла внимание странная гора Фаворская, внутри церкви Преображения. Он взошел по тропинке, усеянной цветами, на ее вершину, и в алтаре осматривал с участием домашнюю икону несчастного Людовика XVI. Под Фавором, в самой Вифании, покоится основатель Платон; в той же нижней церкви Великий Князь с умилением приложился к дубовой раке, в которой обретены были мощи преподобного Сергия, и Архимандрит, отрезав кусок древа от раки, поднес Его Высочеству для сделания креста. Потом, от места вечного покоя Платонова, Цесаревич перешел в последнее сгона земле жилище, в сельский Вифанский домик, и с любопытством наблюдал оригинальные идеи сего замечательного пастыря, проглядывавшие во всех предметах, коими он окружал себя.

По возвращении в лавру обеденный стол был уже изготовлен в кельях Митрополита. Государь Наследник никак не согласился сесть на высокие кресла, для него поставленные, и принудил Преосвященного Филарета занять их в качестве хозяина. Подле Великого Князя сел Наместник Антоний, напротив Ректор Академии Архимандрит Филарет; эта трапеза в готической кельи напоминала прежние времена лавры.

После обеда Жуковский вывел меня на террасу архиерейского дома и просил описать ему исторически прекрасную окрестность, но вошедший к нам Митрополит прервал рассказ мой. «В вашем описании Троицкой лавры, сказал он, неверно указано то, что на месте должно быть пояснено из сказания самого Палицына об осаде, и надобно с вами поспорить, чтобы не ввести в заблуждение Василия Андреевича.»

Я просил Преосвященного исправить мои погрешности, и он продолжал: «башня, что подле нас, которую вы называете Водяною, известна более под именем Соляной, от хранившейся в ней соли, хотя впрочем и первое название может быть справедливо от соседних Водяных ворот. Но настоящая Водяная башня должна быть между Красною и Святыми вратами; она так слыла от водопроводных труб, которые сообщали чрез нее воду из внешнего Белого пруда, что теперь за гостиницей, в малый пруд внутри ограды, недавно засыпанный; он находился против Келарских келий и назывался Писаревским, вместе с окружавшим его садом. А кельи сии стояли там, где теперь живут студенты Академии, вдоль восточной ограды. Следы водопровода приметны в том, что весь грунт сделался сыр, когда засыпали пруд, без сомнения от не совсем зарытых водяных труб.»

Я молчал, как ученик, застигнутый в минуту проступка, и думал только как бы вывести других из своей погрешности.

«Но главная ваша ошибка, продолжал Митрополит, на Красной горе; вы полагаете ее с запада, когда напротив она с востока, и самая площадь пред св. вратами доныне так называется. Я должен коснуться дела, которое не моего суда, но судите о моих замечаниях вы, знающие. Окиньте военным взором окрестность и скажите, могли ли быть сильнейшие приступы с той стороны, где овраг и ручей? Западная сторона лавры почти совсем неприступна, а если Лисовский и стоял на южных высотах, то потому что здесь шла дорога в Москву, от коей он хотел отрезать лавру, и может быть потому, что с сей стороны удобнее было действовать артиллериею на внутренность лавры, чрез ограду стоящую в полугоре, и даже почти под горою.

Но где же был стан Гетмана Сапеги? – спросил я.

«Вероятно также за речкою Кончурою, на юго-восток от лавры, чрез что оба стана могли быть в связи: и Терентьевская роща могла прикрывать переход войска чрез овраг на Красную гору, где поставлены были туры: там ровная и высокая местность давала удобство приступам, потому что только узкий, камнем обложенный ров, теперь засыпанный для прочности

стен, отделял осаждающих от самой огады. Из Терептьевской роши, под склоном Красной горы, можно было неприметно для осаждающих вести подкоп под угловую юговосточную башню, называемую Круглою или Пятницкою; недавно найден под нею тайный выход. Осажденные так боялись подкопа, что на том месте, где теперь стоит монастырское здание, они насыпали поперек угла огады высокий вал, за коим думали укрыться, если взорвут башню. Еще недавно я велел уничтожить крытый ход, простиравшийся во всю длину южной огады, потому что свод его, осыпаясь, угрожал теперь основанию соседней трапезной церкви, которая во время осады еще не существовала; тут хранились снаряды и приготавлиались вылазки, а внешние стены, кроме восточной, были окружены прудами, как теперь западная огада.»

Мы остались весьма довольны сим объяснением, которое так живо представляло нам знаменитую осаду, и кто лучше мог разгадать Аврамия, как не сам Настоятель лавры, с младенчества исполненный ее воспоминаниями.

Тогда Митрополит повел Государя Наследника по стенам, от Соляной башни вдоль южной огады и далее кругом всей обители, рассказывая подвиги славной осады на месте самых событий. Мы следовали за ними, внимая, где можно, отрывкам рассказа. Народ, укрываясь в башнях до прихода Великого Князя, выходил к нему на встречу, или шумною толпою бежал сзади по широкой огаде; но большая часть его наполняла монастырь, и, подняв глаза и руки к стенам, двигалась около по мере шествия Цесаревича. Величественно было это медленное шествие вокруг лавры, по стенам Грозного, которые вновь укреплены признательным Михаилом, за бедствие долгой осады. Конечно на пути из Ипатиевской обители, он также обходил их с Дионисием и Авраимом, и также слушал о кровавых приступах и великодушной защите. Много воспоминаний сего незабвенного времени ожило вновь на расстоянии двух веков: даже некоторые явления, из первых дней царства Романовых, как будто повторились пред нашими глазами в лице их потомка. Навсегда памятно будет сердцу это путешествие в лавру.

Около келий Наместника Великий Князь спустился с зубчатых твердынь, чтобы приступить еще однажды к другой основной твердыне земли Русской, к раке преподобного Сергия. После обозрения всех отечественных заслуг его, сам, припадая с признательного мольбою к святым мощам, Великий Князь, казалось, благодарил от лица всей России ее великого заступника. Митрополит осенил юную главу иконою явления Божией Матери Сергию, клики народа раздались в южных, вратах при выходе Цесаревича, и густой звон колоколов исполнил древнюю обитель.

День спустя и старый Кремль возрадовался радостью народною. Уже не один Государь Наследник, но и Августейшая мать его и Царственная сестра, в полном цвете не только юного возраста, но и той величественной красоты, которая есть исключительная принадлежность нашего Императорского дома, вступали торжественно в святыню соборов; – все близкое сердцу России стекалось опять к ее сердцу!

VIII. Собор Успенский

Накануне своего отъезда Его Высочеству угодно было посетить еще однажды собор Успенский, и потом Патриаршую ризницу и дворец Теремный с его церквами, чтобы насытить душу их священной древностью и с такими впечатлениями оставить родную столицу. Рано утром в Воскресенье, до обедни, Митрополит ожидал в храме Великого Князя; он ввел его на середину, и сперва, в безмолвном созерцании, дал окинуть свободным оком всю Византийскую массу величественного здания, все благолепие украшений церковных, тогда начал говорить:

«Прежде всего я скажу Вашему Высочеству, что этот собор, как первопрестольный в России, заключает в себе и полную идею Вселенской Церкви: она является на иконостасе, выражена в куполах и на стенах и в алтаре. Взгляните на верхний ярус иконостаса: Вы увидите мысль первоначальной Церкви до закона Моисеева: но вместе и связь ее с новозаветною: – ряд Праотцев и Патриархов, Адам, Сиф, Энох, Ной и Авраам, Исаак, Иаков и прочие, стоят по обеим сторонам иконы Господа Саваофа, Который из лона Своего рождает Предвечное Слово. – Ярусом ниже изображена Церковь ветхозаветная, от Моисея до Христа, Коего была предзнаменованьем, и потому на середине икона Знамения Божией Матери, проявляющей в лоне Своем Предвечного Младенца, ибо тогда еще не рожден был на земле, а только предсказывали о Нем Пророки, написанные здесь по сторонам, с хартиями своих пророчеств в руке; таким образом предвечное и временное рождение Бога Слова изображены глубокой таинственно. Еще ниже двенадцать главных праздников, почерпнутые из жизни Христовой и Богоматери: – это повесть Евангельская в лицах, исполнение ожидания Праотцев и видений пророческих. В четвертом ярусе картина собственно Церкви Христианской, и оттого Спаситель написан посредине сидящим на престоле, в образе вечного Архиерея, Ходатая о грехах наших; по сторонам же стоят пречистая Его Мать и

Предтеча, как два образца совершенства человеческого и ближайшие заступники наши: одна «честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим.» другой, по словам самого Господа: «большой из всех рожденных женами.» Их молитвенное положение называется обыкновенно Деисусом, от Греческого слова деисис (молитва), и подле Них расположены все Апостолы, начиная с двух верховных, как проповедники учения Христова и строители Его Церкви. Так все постепенное ее развитие начертано от верху и донизу, на внутренней стене храма, которая заменила таинственную завесу Соломонова, раздранную в час искупления.»

«Взгляните над нами, в большом куполе и во всех главах, изображена отчасти та же мысль: – там Господь Вседержитель окружен сперва небесными Силами, потом Праотцами, Патриархами, потом Пророками и Апостолами, наконец лики Мучеников и Исповедников покрывают столбы храма, в знамение, что кровью Мучеников утвердилась Церковь, и оттого доселе кладет Она мощи их в основание Своих престолов. Кругом все стены исписаны деяниями Святых, или притчами Евангельскими в лицах. Немногие знали грамоту, когда начал строиться храм сей, а всех надобно было учить Закону Божию: посему издавна принята была в церквах стенная живопись вместо мертвых букв, чтобы всякий молящийся Христианин мог сам прочесть сию живую повесть. Всех же лиц в целом соборе слишком две тысячи; отцы наши хотели, чтобы вся торжествующая на небесах Церковь призидала на молитву воинствующей на земле. Когда же откроются Царские двери, которые выражают, иконою Благовещения и Евангелистов, радостную весть о нашем спасении, то и на стенах алтаря представятся лики Святителей, там где приносили они бескровную жертву, и сия самая жертва изображена в таинственных видах. Такова священная полнота соборного храма.»

Митрополит остановился на минуту, чтобы собраться мыслию и словом, и потом опять продолжал:

«Как сии четыре столпа подпирают своды церковные, так и Церковь Российская имеет свои четыре живые столпа: Петра,

Алексия, Иону и Филиппа, которые здесь положены краеугольными камнями собору, кроме однако же Алексия: он заменен двумя своими преемниками Кннрияном и Фотием. В северной части алтаря Вы поклонитесь мощам Петра Чудотворца, который перенес из Киева и Владимира престол Митрополии в Москву и чрез то сделал ее столицей; он же предсказал и грядущую славу ее Государей, и потому каждый их великий подвиг есть как бы торжественный «аминь» на слова Святителя. С ним рядом преемник его Феогност. Грек родом, поддерживавший достоинство и нрава Церкви в России и в Орде, где едва не пострадал за них. Великий Митрополит Алексий, управлявший княжением в младенчество Донского, один из лучших мужей государственных и Пастырей, каких имели отечество и Церковь, избрал себе местом вечного покоя Чудов монастырь, свое строение. Позади нас, в юго-западном углу собора почивают два Митрополита, знаменитые строгою жизнью и глубоким учением, Киприян и Фотий, первый же еще и правительственною мудростью, ибо он умел содержать в союзе церковном Русь и Литву, после него распавшиеся. В противоположной стороне чудотворец Иона, блюститель отечества в смутные времена Темного, а у южных врат собора св. Филипп Митрополит, не убоявшийся в этом самом храме обличать Грозного.»

Его Высочество спросил тогда о начальном основании собора; Митрополит отвечивал:

«Иоанн Калита заложил здесь каменную церковь по просьбе Петра Митрополита, который хотел, чтобы в престольной Москве, был храм во имя Успения Божией Матери, подобно как в двух древних столицах Киеве и Владимире, праздновавших день сей, и сам заложил себе гробницу в стене новой церкви. Когда же стала приходить она в ветхость, при Митрополите Филиппе I, Великий Князь Иоанн III приступил к строению другого собора на место ветхого, но неопытность зодчих была причиною падения его сводов. Мудрый Государь выписал нарочно из Италии искусного художника Аристотеля, который соединил вкус Византийский с Готическим и, применяясь к знаменитому Владимирскому собору

Боголюбского, соорудил Успенский в таком виде, в каком существует доныне. Но воздвигаемый в большем размере, он включил в своем объеме три малые отдельные церкви, которые заменены придельными: древнейшая Димитрия Солунского, где погребен брат Калиты, Георгий Московский; другая на память поклонения вериг Апостола Петра, ныне во имя верховных Апостолов, в северной части алтаря, где гроб самого Петра Митрополита; третья, основанная Святителем Ионою, ради избавления от нашествия Татарского, в похвалу Богоматери, устроена теперь в одной из глав соборных над ризницею. Иоанном сооружены и два другие собора, Архангельский и Благовещенский, на площади Кремлевской: все три стоят как три венца: в Успенском приемлют Цари священное миропомазание и венец Мономахов, в Благовещенском ожидал их радостный венец брачный, в Архангельском иной венец смерти, который для некоторых обратился в сияние небесного венца.»

Государь Наследник спросил еще: «кто первый венчался на царство в этом соборе?»

«Если следовать порядку летописному, отвечал Митрополит, то должно упомянуть о Василии Темном. ибо до него все Великие Князья поставлялись во Владимире: впрочем этого нельзя называть еще венчанием, а только возведением на царство и не по чину церковному. Посол Ханский посадил Темного на древнее Великокняжеское место, которое стоит у южных врат собора и слывет Мономаховым, ибо на дереве его довольно грубо вырезаны подвиги ратные сего Государя. Но память Темного не должна смущать посреди настоящего величия; напротив она придает ему только больший блеск. Нам осталось здесь и другое, более светлое воспоминание о том же Князе Василии; он остановил предателя Митрополита Исидора, дерзнувшего возгласить с амвона союз Флорентинский и покорность Риму, и спас православие; может быть, и древний собор Успенский не устоял и заменен новым, чтобы совершенно очистился от измены лжепастыря, коей был невольным свидетелем. Здесь же рукою деда Иоанна III венчан отрок Димитрий, заключенный йотом происками Великой Княгини

Софии; но первое настоящее венчание царское было Иоанна IV, во дни его славы и благоденствия России, когда вместе с венцем Мономаха он принял и титул Царя; Митрополит Макарий совершал над ним торжественное венчание, которое послужило образцом для всех последующих, но с присовокуплением священного миропомазания; впервые принял оное благочестивый сын Иоанна Феодор и, должно предполагать, что сие важнейшее действие опущено отцом его по неведению: ибо самый чин венчания был уже позже к нему прислан от Цареградского Патриарха Иоасафа, вместе с замечательною благословенною грамотою, которою признавал его Царем, соборно, со всею Восточною Церковью, как родственника древних Императоров Греческих.»

«Теперь обратите внимание на нижний ряд местных икон, великолепно украшенных как предметы ближайшего чествования; мы подойдем к каждой из них, ибо каждая, кроме святыни, имеет еще занимательность историческую, а все вместе они выражают мысль единодержавия, образовавшегося из системы уделов; все почти перенесены из удельных княжений, по мере их покорения и слияния в одно целое. Глубока была мысль – соединить в общем святилище местную святыню городов; народы, расставаясь со своим заветным сокровищем, невольно привязывались к месту его будущего хранения: сердце их как бы отходило туда за иконою, и родовое к ней усердие служило лучшим залогом верности. Так из Владимира, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался священный сей иконостас.»

Его Высочество приблизился вместе с Преосвященным Филаретом к иконостасу, и Митрополит, указывая на образ Пречистые Девы, сказал:

«Вот чудотворная, славная икона Владимирския Божия Матери, писанная св. Евангелистом Лукою, принесенная из Царьграда Князю Андрею Боголюбскому. Под сению позлащенного кивота, нельзя различить ее высокого письма, но я часто утешаюсь оным во время крестных ходов, особенно если солнце озаряет священный лик. Когда Тамерлан двинулся на Россию и уже дошел до Ельца, и, сын Донского, Великий

Князь Василий готовился к защите, – тогда Митрополит Киприян послал во Владимир за иконою Владычицы и со всею столицею прибегнул к ее покрову. На том месте, где ее встретили, воздвигнут монастырь Сретенский, и в день ее прихода обратился вспять Тамерлан: с тех пор Церковь празднует крестным ходом 26 августа.»

«26 августа! повторил быстро Великий Князь, это день Бородинского сражения какое стечение воспоминаний!»

Я заметил Его Высочеству, что в тот же самый день и Тохтамыш разорил Москву, после Мамаева побоища, и что вообще месяцы август и сентябрь особенно памятливы подобными событиями для столицы: – Поляки 1610 года и Французы 1812 вошли в нее в сентябре.

С благоговением приложился Цесаревич к чудотворной иконе и пожелал знать, как спасена она от нашествия Французов?

«В том же Владимирском соборе, отколе некогда пришла спасти Москву, нашла она опять себе пристанище, отвечал Митрополит. Когда увозили из Кремля священную утварь соборов и Патриаршую ризницу, здесь нельзя было ни до чего коснуться, ибо народ беспрестанно толпился около сих священных залогов: ночью, за несколько часов только до вступления неприятеля, Преосвященный Августин послал тайно взять иконы Иверскую и Владимирскую, и с ними выехал из столицы; прочие же все иконы утратили свои богатые оклады и украшены вновь усердием граждан.»

Тогда Митрополит указал по правую сторону царских дверей местный образ Спасителя, присланный из Царьграда Императором Мануилом в Новгород и взятый Иоанном Грозным из Софийского собора, на память совершенного покорения сей древней независимой области. Подле икона Успения Божией Матери, писанная святым Петром Митрополитом, и другая Благовещения, взятая также Иоанном из великого Устюга, где славилась чудесами: к ней прибегая, преподобный Прокопий Устюжский отклонил от своего города страшную тучу, и не остыло доселе усердие Устюжан к древней своей иконе; после 1812 года они обложили ее опять богатою ризою. Образ

Псковской Божией Матери, прежде бывший над южными дверями, теперь в алтаре, но подле сих дверей замечательна икона св. Димитрия Селунского, Ангела Донского Князя, писанная на гробовой доске Великомученика.

«Теперь мы перейдем на левую сторону иконостаса, сказал Митрополит: вот подле Владимирской другая Греческая икона Спасителя; несколько далее есть еще ей подобная, принесенная из Владимира Великим Князем Василием Иоанновичем, при Митрополите Варлааме, который написал своего Ангела св. Варлаама Хутынского у ног Христовых. Тот же Государь поставил здесь икону Богоматери Смоленския Одигитрии, взятую им из покоренного Смоленска, но граждане испросили ее обратно и в память ее торжественного провожания основан монастырь Новодевичий.»

Вслед за Митрополитом Великий Князь взошел в придельную церковь Петра и Павла, смежную с большим алтарем, и поклонился мощам Чудотворца Петра. Над гробом его преемника Феогноста, Преосвященный Филарет показал изваянную из камня икону Великомученика Георгия, которая по преданиям перенесена из Рима; судя по латинской надписи, она посвящена Константину Великому, и, может быть, под видом Георгия, поражающего змия, и спасаемой им Царевны, хотели изобразить избавление Церкви от гонений, равноапостольным Царем. Еще три иконы Божией Матери привлекли внимание Цесаревича: Влахернская, слепленная из воскомастики, которую получил с Востока Царь Алексей Михайлович; другая местная в приделе, – на ней изображена Пречистая Дева с ликами Российских угодников, и подпись ее показывает, что она была украшена чиновниками царскими, за спасение от бед, вероятно, от мятежей Стрелецких: наконец третья икона над жертвенником большого алтаря, называемая Петровскою, писала св. Петром Митрополитом и вынесена некогда из загоревшегося собора Святителем Филиппом первым.

Тогда Митрополит ввел Государя Наследника во внутренность алтаря и остановился с ним за престолом, под сенью трех больших крестов, слывущих Корсунскими, по преданию, которое говорит, что св. Владимир перенес их из

покоренной Корсуни в Киев, оттоле же перешли они во Владимир и Москву. На престоле стоял золотой ковчег, изображающий гору Синайскую, великолепный дар Князя Таврического, слитый им из золота Валахского: Преосвященный Филарет вынул из подножия ковчега акты о наследии престола и вручил их Его Высочеству. – Это была одна из самых торжественных минут; посреди общего безмолвия, громко читал Великий Князь отречение покойного Цесаревича и трогательный манифест Императора Александра, коим, применяя к настоящему случаю порядок престолонаследия, свидетельствует свои отеческие заботы о России, и все сие происходило в святилище того храма, где Цари наши приемлют пред лицом Божиим обширнейшее в мире наследие – Россию.

Богатая ризница Успенского собора, которая была вся спасена от неприятеля, ожидала посещения Великого Князя. Там между драгоценными пеленами, блюдами Годунова, дарохранительницами Грозного, великолепным Евангелием Царицы Натальи Кирилловны, всех ближе были родственному сердцу Его Высочества сосуды Императрицы Марии Феодоровны, подножия коих она сама точила из слоновой кости.

Я сказал Великому Князю, что в ризнице хранится сокровище, подобное святой ампуле Реймса, – яшмовый сосуд, из коего помазывают миром при венчании на царство. По древним преданиям он принадлежал еще Кесарю Августу, перешел из Рима в Византию, и оттоле прислан Императором Алексием Комнином Владимиру Мономаху вместе со святыми бармами и царским венцом. Великий Князь пожелал видеть сосуд сей и принял его из рук восьмидесятилетнего старца, отца Иакова, Протопресвитера Успенского Собора. Так древнее величие Рима соединилось с настоящим, не уступающим ему величием России.

Из ризницы не восходили мы выше в придельную церковь Похвалы Божией Матери, что в куполе, где заключались Епископы наши, для выбора Патриархов: но южными дверями алтаря вышли опять в собор к мощам Святителя Филиппа. Великий Князь воздал ему благоговейное поклонение; память

его великодушной твердости тронула всех в виду его гроба; Жуковский, полагая, что Святитель остановил Грозного в дверях храма, спросил меня: в которых? но я указал на то Патриаршее место, где стоял Филипп, устремив взоры на икону Эммануилова Спаса, и повторил его замечательные слова. Тогда, увидев на этом месте посох Петра Чудотворца, вспомнил слышанное в обители Нового Иерусалима, о Патриархе Никоне: как, пришедши ночью в собор Успенский, взял он сей посох и послал к Царю письмо о своем видении.

А между тем Великий Князь приблизился к гробам Патриаршим: от Мономахова престола у южных врат и до западных, место их покая. Митрополит подвел сперва Его Высочество ко гробу первопрестольника Иова и помянул его торжественное избрание Царем Феодором и горькое низложение Лжедмитрием, бедствия отечества, которых он был свидетель, и твердость, с какою отвергал самозванца; потом Преосвященный указал издали на гроб его преемника, великодушного Гермогена, мученика за веру и царство, и подошел с Цесаревичем к священной гробнице его предка Патриарха Филарета. С умилением склонился на нее юный Романов, глубокое молчание водворилось в храме: – это была безмолвная беседа родоначальника с цветущим потомком, тайное благословение Первосвятителя и отца Царей сыну Царя.

У ног святых Митрополитов Киприяна и Фотия, и возле медного шатра сооруженного им для ризы Господней, возлег Филарет Никитич и первый обновил, своим прахом, усыпальницу Патриаршую в Успенском соборе: два его предместника, Иов и Гермоген, сперва погребены были, один в Старице, другой в Чудове. Царь Алексей Михайлович, вняв совету Никона, собирателя великих мужей, перенес их в собор и даже послал в монастырь Соловецкий за мощами св. Филиппа: таким образом нарушился летописный порядок гробниц: Филарет, будучи третьим, занял старшее место и подле него кроткий его преемник Иоасаф; а первопрестольник Иов лег уже после них, и у ног его испросил себе место Патриарх Иосиф, когда сам, предчувствуя свою близкую кончину, погребал здесь перенесенные из Старицы мощи Иова. А вдоль западной стены,

от гроба Гермогенова, не прерывается могильный порядок, и по годам расположены четыре преемника Никона: Иоасаф II, Питирим, Иоаким, бодрый пастырь во время смут стрелецких, и наконец последний Адриан, заключивший собою ряд великих Иерархов.

Под сенью медного, искусно изваянного шатра Филаретова, рассказывал Митрополит Великому Князю: как принесена была в дар Царю Михаилу Феодоровичу и Патриарху, отцу его, честная риза Господня, которую Шах-Аббас Персидский взял из Мцхетского собора в завоеванной им Грузии, и что ныне часть ее хранится в алтаре вместе со святым гвоздем и иными святыми мощами, часть же в Петербургском придворном соборе. Его Высочество вспомнил, что, при крещении каждого Императорского младенца, полагают ему в крест малую частицу от ризы Господней: так простирается благословение Патриаршее на все его потомство.

Когда вышли из шатра, я произнес имя Гермогена и указал на стоящий подле гроб его; при этом славном имени с живым участием остановился Цесаревич: гроб сей один оставлен поверх помоста, когда все прочие опущены в землю; так поставил его Патриарх Никон, и не должен был укрываться столь великий страдалец в недрах спасенной им земли: ему есть место в сердце каждого Русского.

С чувством глубокого благоговения простерся Великий Князь пред чудотворными мощами Святителя Ионы и долго смотрел на его нетленную руку; он еще прежде слышал, что некое страшное видение ужаснуло святотатных врагов у сей целебной раки и что после них Чудотворец обретен был с поднятою, как бы грозящею рукою, а его богатая серебряная рака и самый при ней подсвечник остались неприкосновенными. Отрадно было слышать сие священное предание, над гробом Святителя, из самых уст Великого Князя и видеть, как близка его сердцу отечественная святыня. – Чудное поистине событие! не уже ли, в самом деле, Французы не могли распознать металла раки, когда отдирали и медные листы со стен собора, и самый крест Ивана Великого им показался золотым? Преосвященный Августин, несколько дней спустя после удаления неприятеля,

ночью, в сопровождении немногих высших сановников, вошел в Успенский собор с робостью, опасаясь взрыва. «Да воскреснет Бог и расточатся врази его,» произнес он в западных дверях храма, и первая открылась его взорам, посреди общего запустения, – уцелевшая рака с почившим в ней Святителем, а вокруг нее широко очищенный помост; остальная же часть храма исполнена поруганием: горны стояли около стен для плавки металла, количество коего даже было написано мелом на царском месте, 325 пудов серебра и 18 золота; вместо огромного серебряного паникадила в 113 пудов, пожертвованного боярином Морозовым, спускались со свода огромные весы; ободранные иконы были рассеяны по полу, и между ними расставлены, как бы в посмеяние, трофеи рыцарские из оружейной палаты, панцири, щиты и шлемы; похищены богатые раки Митрополитов Петра и Филиппа, и, по чудному Промыслу, мощи первого с тех пор открыты, мощи же св. Филиппа положены были на обнаженной доске престола. – И посреди сих ужасов святотатства серебряная рака и даже подсвечник святого Ионы остались невредимы! – Мимо его, как бы вчужде, протекла страшная буря, бушевавшая по всему собору, и не дерзнула нарушить вечного покоя Святителя. Как объяснить столь дивное событие, если не воздвигшеюся рукою Чудотворца? – «Да воскреснет Бог и расточатся врази его!» воскликнул еще раз пораженный сим явлением Августин и, со слезами восторга, вместе со всеми окружавшими припал к чудотворным мощам.

Митрополит указал тут же Его Высочеству хоругви Спасской церкви, данные сим замечательным Пастырем, вместо знамен, одному из полков славного ополчения 1812 года, и обратил внимание на большую икону Тихвинския Божия Матери, которую в другие смутные времена отечества, после Самозванцев, полномочные Русские отдавали Шведским, в залог верности, при заключении Столбовского мира. Так, от мощей Святителя Ионы, мимо четырех гробниц Митрополитов Геронтия и Симона, свидетелей славных дней Иоанна III, и Афанасия, бывшего духовником Грозному, и венчавшего его Макария, Великий Князь

вышел в северные врата из Успенского собора, исполненный его минувшим и сам обещаю столько будущего России.

IX. Патриаршая ризница

Напротив Успенского собора находится древняя Патриархия, ныне Синодальное здание, с церковью двенадцати Апостолов и приделом Нерукотворенного образа. – Здесь встретил Его Высочество Архиепископ горы Фавора, Иерофей, присланный за милостынею от Патриарха Иерусалимского. В обширной Крестовой палате, где совершается варение св. мира, рассказывал Митрополит, как в древние годы соединялись в ней Соборы церковные и Патриархи наши принимали Первосвященителей Греческих; здесь же, после произвольного удаления Никонова, Вселенские Патриархи призывали его на суд. Далее взошел Цесаревич в присутственную залу Московской Синодальной конторы, где на время коронаций заседает и Святейший Синод. По выходе из Крестовой палаты, мы поднялись, узкою витой лестницею, в Патриаршую ризницу и библиотеку, которые заключались в двух тесных покоях, – бывшей трапезе Патриарха Никона и его домово́й церкви, во имя Апостола Филиппа, где еще видно против алтаря каменное Патриаршее место; прочие же смежные его кельи занимает теперь ризничий, блюститель сей сокровищницы.

Исчислить все, что в ней находится, не возможно в кратких словах: одна библиотека, кроме книг и хартий, собранных из монастырей Никоном, включает в себе и то богатство рукописей Греческих, которое привезла из Византии и Италии Царевна Греческая София. Несчастный страдалец, инок Максим Грек, вызванный нарочно для их разбора, с горы Афонской, сыном Софии, Великим Князем Василием, воскликнул при виде сего хранилища: «что нигде в Европе он не видал подобного!» и хотя теперь уже многого нет, но еще остались некоторые драгоценные письма первых веков Христианства, коим недавно удивлялся ученый профессор Маттей, составлявший каталог.

При входе в ризницу представились самые дорогие предметы: саккос св. Петра Митрополита, омофор, так называемый шестого Вселенского собора, а по преданиям

принадлежавший, еще во времена первого, Николаю Чудотворцу; клобук первого Патриарха Всероссийского Иова, другой белый клобук Никона, древней формы в виде скуфии, с жемчужным деисусом на челе и таким же изображением трех Святителей Московских и трех Вселенских на воскрылиях, и с яхонтовым крестом, воздвигнутым на вершине. От сего первого шкафа, кругом всей палаты, развешаны саккосы и омофоры всех Митрополитов, начиная с Феогноста, и всех Патриархов, кончая Адрианом; но нет меж ними великолепнее Никоновых, какие дарил ему Царь Алексей Михайлович; от тяжести драгих камней и жемчуга один весит более иуда; такая же пышность заметна в его митрах, посохах, панагиях; напротив того большая простота в его домашней одежде, которая необыкновенна только своею длиною и показывает большой рост Святителя: оригинальна его белая пуховая шляпа, одна только забытая в ризнице во время нашествия неприятеля; Французы сняли с нее обветшалый галун, вероятно однако же не на память Патриарха.

Преосвященный Филарет показал Великому Князю, самый любопытный из всех саккосов, принесенный Фотием Митрополитом из Царьграда; до 70.000 жемчужных зерен унижают сие облачение, на коем вышиты лики Императора Иоанна Палеолога и супруги его Анны, сестры Великого Князя Василия Димитриевича, самого Василия, Фотия и Патриарха Нила: вокруг саккоса вышит также золотом весь символ веры, по-гречески, и он послужил Патриарху Никону образцом для исправления Русского; этот один саккос может уже дать понятие о прочих сокровищах.

На середине другой палаты, т. е. самой церкви Апостола Филиппа, которой все стены уставлены книгами библиотеки, возвышалась пирамида серебряных блюд, чаш, кубков, сосудов, вся домашняя утварь Патриархов, составленная из даяний Царских: с четырех сторон сей пирамиды стояли двенадцать больших серебряных сосудов, вклад Императора Павла, наполненных святым миром (оно отселе рассылается во все епархии); а на самом престоле стоял драгоценный алавастр, в коем, при таинственном освящении нового мира, всегда

хранятся остатки прежнего, дабы никогда не иссяк священный его источник. Предание говорит, что алавастр сей есть тот самый, коего миро излила Магдалина на ноги Иисусовы, и хотя нет вероятности исторической в этом предании, подобно как нет ее и в другом, о Кесаревой чаше, служащей для миропомазания, но оба вместе показывают, какую глубокую мысль искони присоединяла Церковь к священному миропомазанию Царей наших: – высший идеал величия древнего мира, всегда олицетворяемый в средние века Августом Римским, и благодать, текущую от самых ног Спасителя, вместе с слезами умиления Мироносицы.

Драгоценные древние кресты, с частицами святых мощей, принесенные из Греции, панагия чудотворца Петра, перстень Святителя Алексия, подаренный ему Ханом Чапибеком за исцеление супруги Тайдулы, панагия и посох Иова, часы и посохи Филарета и вещи прочих Патриархов, портрет Адриана и другой неизвестный, который может быть Филаретов, или, как предполагают, одного из Восточных Патриархов, судивших Никона, все сие, вместе с древними хартиями, постепенно привлекало взоры Его Высочества; но от такого множества предметов и воспоминаний, стесненных в малой храмине, все наконец без различия сливалось в памяти в одно необъятное целое, которое подавляло самое внимание.

В кельях Никоновых простился Великий Князь с Митрополитом и благодарил его за любопытное указание святыни Московской в течение многих дней; Преосвященный Филарет, в свою очередь, излил чувства глубокой благодарности за то милостивое обращение, каким почтил его Великий Князь, и здесь они расстались. – Оставалось еще осмотреть Его Высочеству Теремные церкви и собор Спаса на бору.

Х. Теремные церкви

Начали с часовни Печерской, которая устроена позади церкви Положения ризы Богоматери во Влахернах, и Великий Князь поднялся по высокой лестнице, чтобы приложиться к чудотворной иконе: она находится в углублении бывшего церковного окна и, по давнему преданию, никто не должен проходить мимо, не воздав ей должного поклонения. Четыре Московские Святителя, Петр, Алексей, Иона и Филипп, изображены по сторонам Богоматери, а подле них Антоний и Феодосий Печерские; лики угодников объясняют летопись иконы, коей священный подлинник хранится в самой церкви. Как домовая Митрополитов Киевских и всея Руси, икона Печерская странствовала с ними из Киева во Владимир и потом в Москву, где утвердился престол их. Когда двор Петра чудотворца, бывший у Боровицких ворот при церкви Предтечи, перенесен ближе к собору Успенскому и, в память избавления Москвы от Татар, сооружена Митрополитом Ионою домовая церковь Положения ризы Владычицы, некогда также спасшей Царьград от нашествия, тогда и священная икона перешла в новое жилище Святителей: а два ее древние Киевские блюстителя, Игумены Антоний и Феодосий, смиренно уступили места свои подле Богоматери двум новым прославленным Митрополитам, Петру и Алексию. Когда же Царский терем заступил место келий Митрополичьих и пристроился к самой их церкви, тогда умножилось усердие Великих Князей к иконе Печерской, написанной над западными вратами храма, лицом к терему, ибо она сделалась уже ближайшею его хранительницею, и два других Святителя, вновь причтенные к лику Святых, Иона и Филипп, стали еще между двумя первыми Митрополитами и двумя Киевскими отшельниками.

Великому Князю понравилось древнее зодчество церкви Положения риз, тесной, но высокой: на стенах ее изображен в липах весь акафист Божией Матери, Которой некогда воспели победную песнь избавленные граждане Константинополя, когда от погружения ее ризы возмутились волны и рассыпались суда

вражия. Пред старинным иконостасом стоят, по обещанию Патриарха Иосифа, четыре большие местные свечи, как свидетельствует надпись: древние царские врата вставлены были в высокое окно, на западной стене, позади самой иконы, что в часовне. В таком уважении всегда был сей образ Печерской Богоматери, что и в Успенском соборе написан он на горнем месте; ибо Митрополиты, оставив сперва колыбель нашего Христианства, Киев, и потом утратив его совершенно, не хотели однако же отказаться от драгоценного для них титула Киевских и всея Руси.

При выходе из северных дверей церкви Положения риз в теремные сени есть крутое крыльцо, спускающееся прямо к западным вратам Успенского собора. Здесь всегда ходили Царицы и Царевны на молитву, и самые Цари во дни неторжественные, ибо это было женское отделение дворца, и первая церковь, которая встречается в темном переходе, называлась, по описи времен Царя Феодора, церковью Великомученицы Екатерины, что у Царицы Натальи Кирилловны на сенях; она переименована была ее супругом в память ее семейной радости. Однажды на соколиной охоте, близ Москвы, увидел он во сне св. Екатерину, которая возвестила ему рождение дочери: изумленный Государь, возвращаясь в столицу, встречен был вестью о счастливом разрешении Царицы и, исполненный благодарности, основал на месте явления женскую Екатерининскую пустынь, а в теремах велел переименовать бывшую церковь преподобные Евдокии в честь Великомученицы; но чтобы сохранить и престол Ангелу своей матери, Царицы Евдокии Стрешневой, устроил оп придел, вероятно, в обширной трапезе, ныне закладенной, где также был и другой, святого Онуфрия, на память дня ее рождения.

Екатерининская церковь называлась и венчальною, потому что в ней совершались браки Царевен и Великих Княжон, которые не венчались в соборах; древние иконы святых Евдокии и Екатерины стоят в ней местными и доныне. Сюда прибежал ночью, из Успенского собора, испуганный блюститель Патриаршего престола, Митрополит Иона Ростовский, к Царю Алексею Михайловичу с вестью, что во время утрени Патриарх

Никон, с братиею Воскресенской обители, торжественно вступил в храм и стал на свое место с посохом Петра Чудотворца: сюда же собрал Государь для совета духовенство и бояр своих, которые не дали ему видеть Патриарха; он только принял письмо его, где излагал свое видение Никон.

Шесть различных Сивилл написаны на клиросах сей церкви, – любимое украшение времен Алексея Михайловича, по той мысли, что Сивиллы, хотя и в язычестве, прорицали о Христе; для лучшего слуха вделаны в стенах кувшины; в алтаре же открывается правое окно, прямо к Печерской часовне, чрез которое Цари наши молились на чудотворную икону Богоматери. Великий Князь не ожидал, чтобы часовня сия была так близко и. услышав, что в теремах находится до семи церквей, дивился странному их расположению в здании, где многочисленные приделы, часовни, палаты, сени и переходы, составляют один священный лабиринт, которому нигде нет подобного.

Следуя далее по темному переходу, отделяющему церковь и трапезу св. Екатерины от золотой Царицыной палаты, мы вышли в открытые сени, ведущие в большую церковь Рождества Богоматери. Она сооружена на место другой, гораздо древнейшей, которую основала супруга Донского св. Евдокия, в память победы над Мамаем, одержанной в праздник Рождества Богоматери, и сия первоначальная церковь недавно открыта под сводами новой. Два придела находились в верхней, как и в Екатерининской, во имя Марии Магдалины, Ангела Царицы Марии Ильиничны, первой супруги Алексея Михайловича, и во имя Никиты Столпника, вероятно, на память дня ее рождении. Здесь, позади правого клироса, стояло ее царское место, с весьма древнею иконою Иерусалимския Божия Матери, которую потом взяли в собор Успенский: остались еще две замечательные иконы, Тихвинския и Феодоровския Богоматери; последняя была в большом уважении у всего дома Романовых, ибо ее священным подлинником, находящимся в Ипатьевском монастыре, умолен был на царство юный Михаил Феодорович: но богатый оклад, пожертвованный Царевною Мариною Алексеевною, как еще о том свидетельствует подпись,

похищен неприятелем. В обширной трапезе стояла изразцовая печь с лежанкою, где по преданию садились Царицы наши, во время шестинедельного срока после родов, и сквозь отверстие окно в церковь могли слушать божественную службу.

Оттоле мы перешли, сквозь терема, на противолежащую широкую площадку, с которой спускается открытое крыльцо к Спасу на бору, а вверх идет такая же крутая лестница к Спасу золотой решетки: она была прежде совершенно прямою, но закруглена при построении нового дворца. С сей площадки величественно подымается четырьмя ярусами все оригинальное здание узорочных теремов, в прихотливом вкусе старины собственно Русской, без примеси иноземной. Пестрое для глаз, давно отвыкших от подобного зодчества и еще более от таких украшений, оно мило и близко сердцу, потому что сейчас отзывается чем-то родным и, увидя его, с первой минуты невольно скажешь: это наше! В нижнем ярусе обитали Царицы, от Грановитой палаты до самой церкви Рождества: над ними в тесных низких покоях, по обычаю того времени, жили их дочери Царевны. Третий и четвертый ярусы надстроены Царем Михаилом Феодоровичем для сыновей своих Иоанна и Алексея, как о том свидетельствует надпись: но, после ранней кончины брата, обитал там один Алексей Михайлович; вверху одна летняя светлица с вышкою, для прохлады в полуденный зной; а в жилом ярусе, разбитом на многие покои, еще и доселе отличается наружными изваяниями любимое красное окно Царя, подле которого стоят его древние кресла. Все эти покои, долго бывшие в совершенном запустении, отделаны теперь внутри с чрезвычайным великолепием, во вкусе частью Московском, отчасти Византийском, с иконною живописью по золоту на стенах, с резьбою на помосте и цветных окнах, и с пышною утварью того века.

С площадки любовался Великий Князь красотою теремной архитектуры и обратил внимание на гербы всех Российских княжеств, изваянные и выкрашенные вдоль узорочного фронтона. Над входом в сени Грановитой палаты сохранились три углубления для икон: Спасителя, Богоматери и Предтечи, составляющих обычный деисус; под ними два крылатые

грифона, баснословные стражи недоступных сокровищ, по обеим сторонам Византийского двуглавого орла; – это державная мысль Иоанна III, усвоившего себе герб Империи. Он поставил и по другую сторону сеней Грановитых, с Красного крыльца, – погонь, герб Литовский, также между грифонами: ибо, выдав дочь свою Елену за Великого Князя Александра, простер мысль и на Литву, от коей отторг несколько уделов. На малой теремной башне, у золотой решетки, заметил Великий Князь два стенные образа: один Успения Богоматери, другой Софии Премудрости Божией, оба на память престольных соборов, Киева, Новгорода, Владимира и Москвы, празднующих Успению и св. Софии; но здесь образ Софийский списан с Новгородского, а не с Киевского. Премудрость Божия изображена в виде крылатого огненного Ангела на престоле, ибо Пророк Исаия называет Христа Ангелом великого Совета, и, чтобы удалить всякое сомнение о значении Ангела, сам Спаситель изображается над престолом; по сторонам же, как ближайšie орудия Промысла Божия о мире, предстоят Богоматерь, в Коей воплотилась сия Премудрость, и Предтеча, первый ее благовестник и представитель обоих заветов Бога с человеками. В Киеве та же икона, св. Софии написана в образе Богоматери, с проявляющимся в лоне ее Предвечным Младенцем, стоящей в храме между семью столбами, а по сторонам Ее, на семи ступенях, семь Пророков и сверх надпись: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь».

По высокому крыльцу золотой решетки, уставленному древними львами Иоанновыми, поднялся Великий Князь в придворный собор Спасский, где Царь Алексей Михайлович принимал челобитные из рук Никона, бывшего еще Архимандритом Новоспасским, и, не выходя из церкви, давал решение. Одиннадцать золотых глав венчают собор сей, с тремя при нем церквами; замечательны его древние местные иконы: Лонгина сотника, к которой с усердием притекал Василий Темный и оставил ее в наследие своему роду, Феодора Стратилата, Ангела двух наших Царей, и важнейшая Нерукотворенного образа, принесенная по преданию из Греции Царевною Софиею. Не она ли, быть может, соорудила и собор

Спасский за золотой решеткою, над великолепным дворцом своего супруга, на память нерукотворенного Спаса, Который перенесен был из Эдессы еще в не разоренную ее родину Константинополь? – смежная придельная церковь Предтечи, во имя Ангела Великого Князя Иоанна, способствует сей догадке.

Над нею находится тесная Распятская церковь, любимая Царя Алексея Михайловича, где он избрал себе уединенное место для молитвы пред большим распятием и окружил себя изображениями страшного суда; все иконы вышиты руками дочерей его Царевен, письмо же их Итальянское, а не Греческое. Малая дверь ведет из сей церкви на хоры, расписанные картинами Страстей Господних: но сии хоры принадлежат уже другой смежной церкви Словущего Воскресения, которая празднует обновление Иерусалимского храма. Не было ли это малым подобием или воспоминанием Нового Иерусалима? ибо и здесь церковь Распятия, подобно Голгофе, находится в верхнем ярусе церкви Воскресения, а самый праздник обновления знаменует, может быть, общий подвиг Царя и Патриарха при созидании обители, по образцу святого Гроба. Сивиллы изображены на вратах церкви; большое паникадило, внутри которого были часы, висит на своде, и древняя икона Полоцкия Божия Матери, взятая Царем Алексеем Михайловичем из завоеванного им Полоцка, поставлена местною в иконостасе: богатое украшение ее похищено Французами.

С открытой паперти, окружающей церковь Воскресения, осматривал Его Высочество то место, отколе, как говорят, бросился отчаянный Лжедмитрий, чтобы спастись от погони, на Царе-Борисов старый двор; должно однако же предполагать, что сие падение совершилось из нижнего яруса, хотя в том же месте. Но древний дом Годунова, где он так пышно жил царедворцем, и где так бедственно погибло его семейство, уже не существует, равно как и старый Патриарший дом и Троицкое подворье, где Архимандрит Дионисий с Келарем Авраамием приступили к избранию Михаила: местность их заняла новая оружейная палата.

Мы спустились от золотой решетки в нижний ярус теремов, в золотую палату Цариц, которая называлась также и Патриаршею: ибо в ней принимали они Первосвященителей, на краю своих покоев. Палата сия украшена была Царем Алексеем Михайловичем и оттого написаны в ней Ангелы его дочерей, и потом вторично обновлена в коронацию Императора Павла. На сводах ее изображено: видение победоносного креста Царем Константином, подобно как и в Грановитых сенях, и обретение животворящего Креста Еленою: крещение и подвиги Великой Княгини Ольги; победа великомученика Димитрия Солунского над Батыем, в память явления на Донской битве; весь синаксарий в лицах первой недели великого поста, о восстановлении святых икон, и легенда о Царице Динаре, дочери Иверского Царя Александра Мелеха, воевавшей с Персами. Место царское должно по обычаю искать в правом красном углу, под деисусом и другими иконами. В сей золотой палате Царь Казанский, Шиг-Алей, на коленях, умолял о прощении за свою измену гордую мать Иоанна Грозного, Елену; здесь же Патриарх Константинопольский Иеремия, поставив первого нашего Патриарха Иова, осенил благословением супругу Феодора Царицу Ирину, а, спутник Патриарший, Архиепископ Элласонский Арсений описал великолепие палаты. Своды ее были покрыты золотом и мусиею, окна украшены богатыми завесами, пол устлан коврами с изображением ловлей, серебряная утварь и раззолоченные ваяния зверей и птиц украшали храмину; на своде висел металлический лев и держал кольцом свитого змия, с которого спускались драгоценные подсвечники; пышность царского чертога поразила пришельцев Византийских.

Из золотой палаты малая дверь ведет в темный переход к Екатерининской церкви; вероятно, не было иного выхода во внутренние покои, совершенно отделенные от приемных на половине Цариц: а знаменитые царские палаты: золотая, серебряная, подписная, ответная, панихидная, столовая и другие, разобраны были за ветхостью в царствование Елисаветы Петровны. Теперь на их месте новый дворец; осталась одна Грановитая палата и пред нею сени, где у самого

входа изображено, не без цели, видение Иисусом Навином Архангела Михаила, который говорит ему: «иззуй сапог свой, ибо место сие свято;» так священно должно быть для каждого жилище Царей.

Великий Князь посетил и древнюю церковь Рождества Богоматери, нечаянно открытую под теремами, когда проломали их каменный помост для устройства нового крыльца. Она складена вся из белого камня, но свод над алтарем обрушился еще в 1480 году и доделан кирпичем: не это ли было причиною упразднения церкви, когда воздвигал Иоанн III свой теремный дворец, ибо уже более двух сот лет молчат об ней летописи, и со всех сторон она застроена, как в каменном гробу. Неизвестно также, где придел Воскресения Лазаря, сооруженный тою же св. Евдокиєю; зодчество церкви напоминает Троицкий собор в лавре: три длинные окна в полукружии горнего места, два столба по середине, и в одном из них углубление для царского места, а на верху еще виден Ангел страшного суда, с надписью: «Ангел Господень трубит на землю». Позади столба другое каменное место иссечено в стене, и в противоположном углу складен малый затвор, где с трудом может поместиться один молящийся; после Спаса на бору это, вероятно, древнейшая церковь.

XI. Спас на бору

И в храм Спаса вступил Государь Наследник. Еще первый Князь Московский, Даниил Александрович основал здесь, в густом бору, деревянную церковь Преображения на' том месте, где была хижина отшельника Вуколы, как бы в знамение грядущего преобразования дикого бора в великолепную столицу. Сын его, Иоанн Калита заложил каменную церковь и перевел к ней, с Москвы реки, первоначальную обитель отца своего: но Великий Князь Иоанн III, уже исполненный величием царским и желая расширить свои палаты, в самый год свержения ига Татарского, перенес обитель Спасову на новое место, и с тех пор оставался здесь один собор. Иоанн Грозный пристроил к нему придел трех исповедников: Гурия, Салмона и Авива, после разорения Новгородского, ибо такой же находится в Софийском соборе. Были и еще четыре придела у Спаса: Великомученика Мины, трех Святителей, Архангела Михаила и Спиридона Тримифунского, но они упразднены. Весьма древни местные иконы сего собора: с образом Преображения едва ли не закладывалась самая Москва; а прочие иконы, Сретения Богоматери и Симеона Богоприимца, перенесены из бывшего Сретенского собора, который воздвиг Иоанн Грозный на сених у своих детей. Он был сломан в исходе минувшего столетия с прочею частью теремов, простиравшихся от церкви Предтечи, что у Боровицких ворот, кругом всех соборов до Николы Голстунского.

Его Высочество с благоговением поклонился здесь великому просветителю Перми, первому ее Епископу Стефану, и в кратких словах я помянул его Христианские подвиги: как, с юных лет проникнутый духом Апостольским, сложил он грамоту для языка Пермского и один погрузился в дикие леса, чтобы извлечь из мрака язычества народ, который приобрел он не только Церкви, но и государству. У гроба столь знаменитого Пастыря, в первоначальном соборе столицы, окончил Великий Князь благочестивое обозрение ее памятников. Проникая все глубже в священную древность, он достиг наконец до

основания, положенного ей Князем Даниилом, сыном того святого Невского, который есть его собственный Ангел, и по дивному Промыслу блюдет новую столицу России.

В день своего отъезда Его Высочество вышел уже в дорожном платье, чтобы еще однажды помолиться в Чудове монастыре, над ракою Святителя Алексия и, поднявшись от святых мощей, вспомнил с сердечным умилением, что Императрица Мария Феодоровна положила его при крещении в раку к Чудотворцу. Утешительно было слышать из самых уст Цесаревича о таком духовном его сближении с великим Святителем, который издавна привык быть добрым пестуном Великих Князей наших, но только двух, отечески, принял в свою спасительную раку; – первый из них был великий младенец Петр.

1837.

I. Кремль

Отрадно стоять на высотах Кремля в час всенощной, когда на зов златоглавого великана, внезапно и со всех сторон, откликаются его бесчисленные дети и ходит гул в дрогнувшем эфире, серебристый, многоглагольный, слитый не из одних звуков, но из чувств и мыслей и слов, которые, однако же, не опускаются до земли: язык неба плавает в небе, обтекая столицу своим медным гимном. Это священные кимвалы полчищ ангельских, стражей Русской земли, вечно бодрствующих над богохранимым градом для отгнания лукавых князей тьмы. А между тем под сенью благовествующего неба сладко упокоевается земля, как бы на лоне у матери, и светел вечерний лик белокаменной Москвы, и синих вод ее и зеленых садов, в последний час угасающего дня, который будто нехотя расстаётся с нею, убирая, как невесту, своенравными цветами, – где только можно медлят запоздалые лучи его, то догорая золотом на сонме куполов и крестов, то девственным румянцем на стенах храмов, то воздвигая белые призраки башен из массы зданий. Но эти призраки, подымаясь как бы из тьмы времен, гласят о славном минувшем; это громадная летопись нашего царства, каменные грани, которые ставили предки на рубеже веков, ознаменованных великими деяниями, чтобы при виде их потомки укреплялись молитвою на новые подвиги. Прямо против Кремля церковь Черниговских чудотворцев, где долго покоились святые мощи князя Михаила и боярина Феодора, кровью запечатлевших веру во Христа пред диким Батыем; далее, позади величественных храмов Пятницы, «Всех скорбящих» и Климента, Папы Римского, главу коего принес св. Владимир из покоренной Корсуни, яснеют вдали древние башни Симонова, память первой победы над татарами. Сергей, молитвенно двинувший рать Донского на Мамая, указал и место для обители благодарному князю. Левее одиноко восстает величая колокольня Новоспасская и с нею воспоминание другого конечного торжества над монголами – это бегство последнего хана Ахмата и падение Золотой Орды, два века

тяготевшей над Россиею, и величие Иоанна, собирателя Руси, соорудившего обитель в лето свержения ига. И третья славная обитель виднеется правее Симонова из толпы церквей, Донская именем и отголоском первой победы. Сергей и витязь, сокрушитель Мамай, опять действуют чрез два столетия, уже под стенами Москвы.

Икона, сопутствовавшая доблестному князю Донскому в час решительной битвы, и самый образ святого пустынножителя оградили здесь стан ратный последнего из дома Рюрикова и, как некогда с полей Куликовских Мамай, так бежал с Воробьевских высот Девлет-Гирей Крымский, оттоле пожиравший взорами Москву. Такою славою побед увенчан горизонт ее! – От подошвы сих живописных гор, ныне осененных мирною рощей, скромно течет Москва-река, как римский Тибр, свидетель стольких браней, вся упоенная вражьей кровью; но зарева и битвы будто забыты ею, их унесла с собою мимотекущая волна; она же весело кропит зеленые берега свои, усеянные нивами и садами, и синей лентой вьется между ними, доколе мало-помалу не втекает в пышную ограду храмов и палат. Тогда, ударяя звонкой струей в каменные арки моста, как бы в струны гуслей, плещет она и под седую стену Кремля, который любит смотреться в ее зеркале со всеми своими куполами и бойницами; полная его златоверхою славою, она опять ударяет волнами в другие арки, журча свою тихую песнь, и, как резвое дитя, скользит сквозь них от величавого надзора древней матери-столицы, опять в привольное лоно своих рощ и полей, к стадам, пасущимся на зеленых лугах Симонова.

Вот засыпает Кремль, и Москва у ног его; но вокруг ходит по небу луна, как бы на страже его святыни, и бодрствуют при свете лампад лики святых у входа в каждый храм. Отрадно для взоров и сердца такое слияние света небесного с земным, и там, куда не достигает широкий луч месяца, заслоненный громадою соборов или уступом высокого терема, там яркой звездой горит во мраке богатый венчик над иконой, и озаренное им лицо Пречистой Девы приветливо улыбается с Божественным Младенцем мимоходящему поклоннику. Все тихо и будто мертво, если только может быть мертво в Кремле, где

живы и сами усопшие, спящие в раках, как бы на ложах ночных. Под южной стеною не плеснет ни одна струя Москвы-реки, не слышно и позднего гула на двух ее мостах, опоясавших Кремль, – лишь изредка легкий ветер зашевелит звеньями крестовых цепей на соборных главах, и Спасская башня, одна ведущая речь за всех зубчатых сестер своих, начнет считать боем часов мимотекущее время, как считает свои сокровища богатый, или подымается внезапно от Ивана Великого протяжный оклик часовых, чтобы, отозвавшись во всех вратах и бойницах, опять оставить седой Кремль его ночному безмолвию, его безмятежной святыне, где от избытка небесного земное кажется излишним.

1840.

II. Благовещенский собор

Ночь: заключены соборы Кремля; из одной только открытой паперти, как из глубокого жерла, льется отрадное мерцание невидимой лампы, которая невольно манит запоздавшего из внешнего мрака в гостеприимную сень святилища. – Он всходит по звонким ступеням; шаги его говорят под отзывными длинными сводами, и рядом с ним идет его тень, мгновенно теряясь в узких окнах и застилая собою древние лики, вдоль по стене. Что дальше, то яснее углубляющаяся паперть, доколе на крутом ее повороте внезапный блеск огромного паникадила яркой струей не ударит из-под самых сводов по лоснящимся камням, как искрометная волна водопада, мгновенно ринувшаяся с утеса. От лика Спасова, одеянного светом как ризою, повсюду льются широкие лучи, и вот загораются окрест горние изображения Св. Троицы в виде трех Ангелов-путников, посетивших древнего патриарха, и вся книга земного родства сына Давидова, сына Авраамова, с ликами семидесяти апостолов, проповедавших слово его по вселенной. – Такое обилие света истекает от чудотворной иконы Того, кто Сам был свет миру.

Но в какое святилище служит преддверием сия таинственная паперть, полусветлая, полумрачная, где так ясно все горнее, а темен вход? – Это храм Благовещения, третий именитый собор кремлевский, прислоненный к палатам царским, как домашняя сокровищница молитвы блюстителей земли Русской. Из Грановитой палаты, по летописным ступеням Красного крыльца, истертого стопами великих мужей, мимо медных львов Иоанна, грызущих щиты свои, открывалось при плесках народных шествие царей наших, когда спускались они в собор Благовещенский для брачных торжеств, которые сулили светлую надежду России и прочностью ее грановитому престолу. Радостен был для нее и рассвет каждого царственного младенца, просвещаемого водою крещения, в стенах того же святилища, иногда уже на вечере дней державного отца, который, передав его залогом грядущего

счастья своему народу, сам отходил к спящим предкам, в соседний собор Архангельский. Остановимся и мы на ступенях Красного крыльца, и оттоле в утреннем свете окинем благоговейным взором златоглавый храм, который весь исполнен глубокою молитвенною мыслию.

Четыре легких купола, окружающие главный, не служат только украшением, обычным для соборов, в знамение четырех Евангелий, на коих утверждена Церковь: нет, в каждом из сих куполов есть малый горний храм, так что в один молитвенный час из одного святилища пять Божественных литургий могут возносить Бескровную Жертву. Кроме одного только придела во имя Св. Александра Невского, посвященного некогда памяти Великого Василия, который был ангелом обновителю собора, прочие три относятся к основной мысли храма и дополняют великое торжество Благовещения меньшими празднествами: в честь Архангела Гавриила, вестника небесного мира, и в честь Богоматери, Которая послужила храмом для Воплощенного; наконец последний придел, Входа Спасителя в Иерусалим, напоминает нам, что чрез его торжественное вшествие в земной Сион открылись для нас врата небесного.

На северной стене собора, против Красного крыльца, изображено Благовещение, не в том, однако, виде, в каком мы привыкли видеть сию икону. Не в убогой храмине является благовестник-Ангел молящейся Деве, но сидящей с водоносом у кладезя Галилейского; ибо местное предание гласит, что когда смиренная Мария, подобно прочим девам Израиля, выходила каждый день к истоку водному, однажды явился ей Ангел на истоке с благодатною вестью; самый колодезь доныне показывают внутри убогой церкви, принадлежащей православным в Назарете. – Вероятно, один из Патриархов Иерусалимских, посетив отечество наше, принес с собою и сие предание, которое изобразили на том храме, куда обыкновенно слагались священные приношения восточных иерархов: святые мощи и кресты, доныне составляющие лучшее сокровище Благовещенского собора. Там, в числе неоцененных даров Востока, хранятся еще крест царя Константина и другой, присланный императором Комнином Мономаху, и два

рукописных Евангелия, исхода XI века, и сосуды четырнадцатого, принадлежавшие Новгородскому владыке Моисею с прочею драгоценною утварью.

Над входом в паперть есть другое изображение Пречистой Девы, составленное из олицетворенных песней Ее акафиста. Она представлена как одушевленный храм Господа, все содержащего в деснице Своей, Который, как не – порочный агнец, пасется на лоне Марии, приемля песнь Ангелов, поклонение пастырей и дары волхвов, вопиющих: «Радуйся, Агнца и Пастыря Мать, селение Бога и Слова, заря таинственного дне». Вся левая сторона паперти исписана страшным треволнением пророка Ионы, поглощенного тридневно в персях китовых, ибо он также был таинственным образом воплощения и погребения Христова. При воззрении на сию бурю морскую в преддверии мирного храма невольно исторгается из уст тихая песнь канона Богоматери: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей, к тихому пристанищу Твоему притек вопию Ти: возведи от тли живот мой, многомилостиве».

Три благоверных князя встречают молитвенников почти на первых ступенях: святой князь Даниил, основатель княжения Московского и всей грядущей его славы, которого нетленные мощи положены в твердую основу первопрестольному граду, и правнук Даниила, Донской, сокрушитель Мамая, выступивший против неверных с иконою Богоматери, которая хранится в соборе, и обновитель храма, сын великого Иоанна Василий; все трое изображены на стенах преддверия.

Ряд мудрецов языческих и ветхозаветных прозорливцев начертан также на столпах и в простенках сей глубокомысленной паперти с хартиями своих изречений в руках, дабы видела христианская Церковь, что не только Ветхий Завет раскрывал тайну о воплощении Мессии, но что и посреди народов языческих просиявал иногда отблеск сего не вечного света, в мужах, которые, не ведая закона, творили законное по природе. Разум человеческий, не ослепляемый мудрованием плотским, восходил иногда и до созерцания Божественных истин, потому что, говорит апостол Павел, «Сам Бог явил нам

все, что о нем знать можно, и невидимое Его, присносущная сила и Божество от самого сотворения мира видимы чрез рассматривание тварей, так чтобы не познавшим и не чтущим Бога быть безответными»¹. Сие глубокое слово апостола хотели выразить в лицах благочестивые строители храма, поместив в его преддверии двенадцать философов и с ними шесть пророков Израиля, возводящих постепенно своими видениями до книги родства Иисуса Христа, начертанной на сводах. Кто же сии избранники ветхого мира и завета, поставленные, однако, не в летописном порядке, у которых время стерло в руках некоторые изречения их хартий?

Первый – Аристотель, основа схоластики средних веков, указывающий в свитке своем на первоначальное сознание троичности Божества: «Первое Бог, потом же Слово, и Дух с ними един». – Подле него Сивилла, благословляющая Господа Бога Израилева, «яко посетил и сотворил». Великий труженик Анахарсис, много скитавшийся по вселенной, постиг, «что уныние есть пагуба человекам и всяческим, яже суть в них». – Менандр, один из поэтов Греции, проклинает всякого не любящего Бога: «Иже бо не любит Создателя своего, да будет проклят». – Жизнеописатель великих мужей, Плутарх, внушает нравственность языческому миру: «Бога бойся первое, родителям повинуйся, иереи хвали, старцы честно почитай». – Вот и Анаксагор, один из глубоких мыслителей образованной Греции, предостерегает, что «беду приемлет всяк выше испытуй о Бозе, яже не подобает». – Стоик Зинов говорит по горькому опыту, что «юность ниже добра, ниже зла». – Историк Фукидид и великий астроном Птоломей не оканчивают речей своих, которые для нас утрачены. – Но вот и таинственный Трисмегист, источник всей мудрости египетской, возвещает, что «не созданные естества и божественные рождения не имеют ни начала, ни конца». – Сократ, запечатлевший смертью свою нравственную проповедь, твердо исповедует, как бы пред Ареопагом, что «доброго мужа никакое зло не постигнет, что душа наша бессмертна, по смерти же будет добрым награда, а злым наказание»; и невольное сознание исторгается из уст

славнейшего из учеников его, Платона: «Должно надеяться, что Сам Бог ниспошлет небесного учителя и наставника людям».

Пророки наводят светильник Духа Божия на сие пробуждение человеческого разума и движут пред собою веки к познанию Богочеловека. Даниил, верно предсказавший чрез семьдесят таинственных седмин самый год Искупительной Жертвы, предвидел также в образе златоглавого истукана с серебряными персями, медным чревом и полужелезными, полускудельными ногами четыре земных царства, над обломками коих вознесется одно небесное и обнимет весь мир, хотя, по-видимому, оно возникнет от не приметного начала: «Аз видех гору несекому, от неяже отсечется камень, без рук, и истни глину, железо, медь, серебро и злато». Еще прежде него вызывает Исаия, более евангелист, нежели пророк, как бы очевидный свидетель воплощения за восемь веков до Христа: «Се Дева приимет во чреве и родит Сына, и нарекут Ему имя Еммануил». И пророк Иоиль видит благодатное явление Духа: «Излию Духа моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и в те дни всяк, иже призовет имя Господне, спасется». Иона, образ погребенного, вопиет посреди своих треволнений: «Жив Господь, жива душа твоя, аще отстанет от беззаконий». И отец царственного Давида, Иессей, из свитка пророка Исаии, свидетельствует о себе и о грядущем Мессии: «Жезл из корени Иессеева, и цвет от корня его взыдет, и почиет на нем Дух Божий»; а Соломон, создавший храм истинному Богу, постиг, кого знаменует храм сей: «Премудрость созда себе дом и сотвори столпов седмь».

Символические изображения продолжаются и при входе в самое святилище с некоторою примесью мудрований позднейших. Налево от западной двери начертана на стенах олицетворенная земля в образе жены, держащей на лоне своем кошницу, из которой исходят Адам и Ева; вокруг них все существующее на земле, в воздухе и под водами, а подле – адское мучение врага, искусившего человеческий род. По правую сторону дверей изображение Небесного Царства, привратником коего один из апостолов со знаменательными ключами, а пред вратами сидят три древних патриарха, Авраам,

Исаак и Иаков, держащие на лоне своем души в образе младенцев. В арках над сими картинами земли, ада и рая таинственные видения Апокалипсиса: с одной стороны Вавилон, великая мать мерзостей земных, в образе жены на звере багряном, облеченная порфирию, со златою чашей в руках, полною всяких скверн, сама упоенная кровью святых, свидетелей Христовых; подле семь ангелов с трубами, стоящие посреди безмолвия неба; еще один ангел вознес в златой кадильнице молитвы святых с дымом фимиама и потом поверг на землю кадильницу, и сделались гласы и громы, молнии и землетрясения.

А на противоположной стороне: светлое облако, на котором сидит подобный Сыну человеческому, в золотом венце, с острым серпом в руках, ибо уже созрела на земле жатва; он бросил серп, и пожата была земля, и вот сквозь отверстие неба скачет конь белый; сидящий на нем верен и истинен: очи его как пламя и много диадим на главе; он облечен в ризу, багряную от крови, и на челе его написано имя, которое никто не знал, кроме него самого, доколе не открыл миру: имя сие – Слово Божие, а за ним потекли воинства небесные, облеченные в виссон белый и чистый. – Так пророчества ветхозаветного мира при переходе из паперти в храм сменяются откровениями последних дней новозаветного мира о вечной славе Церкви торжествующей, после всех ее земных искушений.

Тесен внутри, но благолепен малый храм, исписанный золотом по стенам, устланный яшмою вместо мрамора. Отрадно в нем для сердца, особенно когда с открытием царских врат расширяется святилище зрелищем алтаря, исполненного ликами апостолов и святителей; они представляют собою полноту Вселенской Церкви, похваляющей Пречистую Деву пред горним престолом Господа Сил.

На четырех столпах возносится легкий купол; два из них, посредине церкви, украшены также знаменательными иконами, как и сама паперть, своды и стены. Образ Страстной Божией Матери на правом столпе обнесен ликами архангелов и праведных жен, мучениц и пророчиц, равноапостольных княгинь и цариц, из коих некоторые были ангелами наших. К сему же

столпу прислонено со стороны иконостаса царское место, с иконою Живоначалъ – ной Троицы, под богатым навесом, по сторонам коей стоят княжеские мученики Борис и Глеб. Это дар Годунова, особенно пышно в своих даяниях Церкви, который как будто искал воздать небу за похищенное им на земле.

На левом столпе расположены по красному бархату драгоценные кресты образа и панагии, которые носили цари наши во дни торжественных выходов, и под ними начертана в кратких словах вся летопись собора: «Во славу святыя, животворящая, единосущная и нераздельная Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, в честь и память преблаженныя Девы Марии, святая соборная, честнаго Ея Благовещения церковь, создана бысть у сеней двора Государева, повелением благовернаго Великаго Князя Московскаго и всея России, Василия Димитриевича, в лето Р.Х. 1397, и по его же повелению, в 1403 году, украшена бысть иконным писанием; но по усердию и воле благовернаго В. К. Московскаго и всея России, Иоанна Васильевича, та первозданная церковь, в 1472 году, разобрана и на месте ее воздвигнут сей, в настоящем виде собор, который со всеми бывшими и ныне существующими при нем придельными храмами освящен Геронтием Митрополитом Московским и всея России, Августа в 8 день, лета 1477: иконописью же по стенам украшен при Великом Князе Василие Ивановиче в 1508 году. Она иконопись возобновлена, при благочестивом Государе Царе и Великом Князе Петре Алексеевиче, в 1697 году; потом же повелением Екатерины II, в 1770 году, и опять императором Александром I, в 1801 году, внешнее сего собора благолепие возобновлено, и выстлан в паперти пол камнем, повелением императора Павла I, в 1799 и в 1800».

Верх благолепия соборного – роскошный иконостас; пять местных икон по правую сторону царских врат и четыре по левую, замечательны своими символами или достоинством историческим. Образ библейского Шестоднева, на коем представлено сотворение мира видимого и человека в состоянии невинности, стоит подле лика Искупителя, который окружен изображениями евангельскими Его жизни и страданий

для возвращения падшего человечества к первобытной невинности. Прилично и выражение благодарного сердца, Пречистой Матери Господней, в олицетворенных песнях акафиста на полях Ее иконы. Есть и другое изображение молитвы, или деисис (от греческого слова «деисус» – молитва), на котором представлены Пречистая Дева и Предтеча, молящиеся Господу Иисусу, а вокруг них лики всех святых молитвенников. Оно стоит подле Тихвинской иконы, восходящей до времен Иоанна III.

Но два главные образа, Спаса и Божией Матери, сосредоточивают в себе всю древность и всю святыню храма и, как два благодатные ока, приветливо смотрят на входящих в святилище. Одна икона изображает Великого Архиеерея, Господа Иисуса Христа, сидящего на Престоле славы, и подпись свидетельствует о давних годах ее и о тех священных лицах, которым принадлежала: «В лето миробытия 6845, от Р.Х. 1337, сия чудотворная икона Спасителя написана, при державе Великого Князя Иоанна Даниловича Калиты, многогрешным Михаилом, поднесена бысть святому Владыце Моисею, от святого Петра Митрополита Московского, в лето 1325, из Архимандритов Юрьева монастыря, в Великом Новграде».

Другая икона, Донской Божией Матери, храмовая собора, с изображением Ее успения на задней стороне и с осмнадцатью ликами праматерей ветхозаветных, начиная от Еввы, над которыми так высоко вознеслась Пречистая Дева, Мать воплощенного Сына Божия. Рука врагов, похитившая драгоценную ее ризу в 1812 году, не коснулась златокованого обруча, который показался им медным. Славное имя Донской присвоено ей в память Куликовской битвы, на которое последовала за мужественным Дмитрием; ибо князья наши всегда почитали заступницею своею Божию Матерь, и Ей празднуют все первопрестольные со – боры столиц, под именем ли Святой Софии или Премудрости Божией, для которой послужила Она домом, или тех местных явлений, какими прославила видимый покров Свой. Даже поясом Богоматери слывет в преданиях народных река Ока, так часто заслонявшая Москву стальной своей струей от набегов варварских. Сию

Донскую икону поднял, по примеру воинственного предка, последний из рода его, царь Феодор, когда с высоты своего кремлевского терема увидел стан ордынский на соседних горах Воробьевских. Он отпустил с молебным пением древнюю заступницу на крайний вал столицы; а сам, отходя к покою на вечере того дня, с ангельскою улыбкою сказал боярам, изумленным его спокойствием: «Грешно бояться, завтра не будет врага». Утром, пробудившись от мирного сна, взошел он опять на свой терем посмотреть стан ордынский, но его уже не было; слышались только клики ратных, славящих победу, и Владычица с торжеством возвратилась в древнее свое жилище; а воинский шатер на месте подвига процвел во имя ее мирною обителию Донскою.

III. Архангельский собор

Погрузимся в сумрак Архангельского собора, где от избытка мертвых тесно живым: что шаг, то могила, и какие могилы? – вместившие в себе едва вместимых целым царством! каменные скрижали смерти, на которых вписалась многовековая летопись! Здесь истинно сердце Русской земли, и здесь упокоились все ее междоусобия, по мере того как собирались сюда кости ее князей. Сколько вражды улеглось в той же могиле, где одна гробовая доска служит гранью мира между сокрушителями бойниц! Но вместе и сколько славы, как бы живые струи подземного ключа, кипит, готово пробиться из-под каменных остроконечных крыш, на коих иссечено упокоительное слово: «преставися», уравнивающее исполинов с землей и между собою! – И не одна только летопись имен и годов представляется испытующему взору в мертвой тишине собора; нет, много здесь и для сердца и для ума! Входящий с холодным неверием, с одним любопытством любителя древности, может выйти отсюда с теплою верою, будучи поражен ужасом минувшего и грядущего, если только вникнет сам в себя, а потом в святыню храма и гробов, и прочтет на них не руку времени, но перст Божий! – Взяв летопись, как свеч, пусть посветит себе во мрак смерти и созерцает неиспытанные судьбы Божии, совершившиеся над ликом усопших. – Тогда увидит, как тайный Промысл будто бы случайно безотчетною рукою минувших поколений положил рядом убийцу с убиенным, жертву на место, избранное мучителем, и, широко расселив благословенные семейства вокруг преставившихся отцов, втеснил по несколько честолубцев в один узкий гроб подле тех, у кого домогались похитить престол.

Отраднo и для сердца прочесть на краю гробов или на пышных покровах последние молитвы, какие исторгались из уст, уже проникнутых чаянием вечности, или с какими отпускали в вечность проникнутые горем разлуки. – Здесь можно изучить и характер усопших, и дух времени, а иногда и случаи смерти, по мере того как выпадало глубокое слово современников на

драгоценную для них могилу, подобно как осыпается иногда крупный жемчуг с богато унизанного покрыва.

Но прежде нежели приступим к торжественному сонму умерших, окинем мыслию и взором самый собор, куда стеклись для покоя столько сильных земли. Какая высокая, истинно христианская мысль запала в душу великого князя Иоанна Калиты – соорудить храм во имя архангелов для погребения будущего славного потомства! Он хотел, чтобы и по смерти земная оболочка великих душ отдыхала под сенью тех ангелов-хранителей, которым поручен будет каждый из сынов его на все течение жизни, и потому памятью и ликами ангелов исполнен весь погребальный собор; как бы едиными устами отовсюду гласит он умилительную песнь, коею Церковь призывает помощь небесных сил: «Архистратиги божественной славы, ангелов начальники и человеков наставники, полезное нам просите и велию милость». Вся западная стена объята страшною картиною последнего суда, с ликами архангелов, сзывающих от концов земли весь человеческий род; а вдоль южной и северной стены начертаны бывшие князи и судии земли, как бы восставшие уже по звуку трубному, каждый над своим гробом, с отблеском не вечернего света вокруг чела и с ликом своего ангела-хранителя над главою, который ходатайствует и за пределами гроба, доколе не решится участь вверенной души на страшном и нелицеприятном Судилище.

Калита основал собор в 1333 году, на месте убогой деревянной церкви отца своего Даниила, а славный Иоанн, собиратель Русской земли, в 1505 году сломал ветхий и основал новый обширный храм, чтобы не было в нем тесно его предкам и потомкам, для которых устраивал царство на столь широких размерах, распустив над ним крыла византийского имперского орла. Благочестивый сын его, Василий, довершил и освятил начатое великим отцом и, как радушный хозяин, властительно распорядив почетные места для каждого из славных предков, сам улегся иноком в летописном порядке царственных гробов.

На величественном иконостасе представляется взорам древний храмовый образ архангела Михаила, подле

Спасителя, – оба в богатых окладах; далее, за южной дверью, иконы Предтечи и святителя Николая, над гробами обновителей собора, а на южной стене самый облик царственного инока Варлаама при иконе его бывшего ангела, великого Василия. По левую сторону царских врат образ Божией Матери, прозванный «Благодатное небо», по преданию, подарен Витовтом, гордым князем Литвы, дочери своей Софии, когда выходила она за сына Донского; другая икона, Благовещения, поставлена в честь архангела Гавриила, чтобы и радостный вестник примирения неба с землею стоял наряду с архистратигом небесных сил в соборе бесплотных. За северную дверью опять образ великого архиепископа Кесарии, ибо много Василиев отдыхают в соборе под сенью его молитв, а другая икона, Феодора Стратилата, – ради двух спящих царей Феодоров. И горькая инокиня Марфа, бывшая некогда царицею, веря хранению архангелов нетленные мощи своего блаженного отрока Димитрия, поставила в виду их, на северной стене, икону Тихвинския Божия Матери, на память долгого своего заточения в пределах тихвинских, у пустынных вод Белого озера. – Таковы местные иконы святилища.

Приступим теперь к лику усопших; но с кого начать? с которого конца развить сию хартию смерти, погребальным свитком обвившую все столпы и стены? – Прежде всего припадем к священной раке юного царевича и посреди такого сонмища мертвых насладимся утешительною мыслию грядущего воскресения земной оболочки нашей в прославленном образе, которого начатком и свидетельством служит нетление святых, угодивших Богу. Открыта рака, и в ней под богатым покровом почивает Димитрий; хранители ангелы не будят дитя до последнего утра; но вот на гробовой доске отразился как в зеркале чистый лик его, в том возрасте, в каком заснул на земле: из серебра вычеканены княжеская одежда и то ожерелье, которое дерзнул схватить убийца, занесший нож на свято – го, а вокруг юного чела сияют два венца, земной царевича и небесный мученика. В долгом ряду князей, прежде него усопших, как будто для него нарочно оставлено было самое почетное место, в сердце собора, у правого столпа, пред

иконостасом; но это место указано – Годуновым! Борис, как родоначальник нового племени царей, первый отклонился от смиренного их порядка вдоль стены, чтобы выступить на самую средину храма, и чрез шесть недель он выкинут был призраком убиенного, Лжедмитрием, сквозь пролом соборной стены, как недостойный пройти чрез освященные врата; а на праздное место Бориса царь Шуйский, солгавший России о кончине невинного отрока, принужден был своими руками поставить его раку пред лицом всего царства. – Не перст ли Божий в событиях, столь, по-видимому, странных?

А где же сам Шуйский? – Вот он, в западном углу собора, смиренно приник подле трех безымянных гробов, быть может его братьев, вырытый из польского плена, из-под чуждого столба на распутии, который двадцать семь лет гласил о его горькой участи, и поставленный царем Михаилом под сень погребальную храма. Наискось от раки царевича гроб Шуйского, как вечный свидетель тому, кого однажды убого погребал он в углицком соборе, чтобы с такою славой внести потом в Архангельский! Достоин внимания, что в бедственную эпоху 1812 года, когда пылала московская святыня, усердие престарелого пресвитера Вознесенской обители спасло мощи царевича от неистовства французов. Ночью перенес он раку из запустевшего собора на верх иконостаса своей монастырской церкви и, умирая, прежде изгнания врагов, открыл сию тайну брату своему причетнику, который возвестил о том архиепископу Августину, и святые мощи возвратились древнему их жилищу.

Но кто так смиренно улегся в ногах царевича, как бы припав к его целебной раке? – Мы узнаем тебя, благочестивый царь Алексей, еще при жизни избравший сие место упокоения, ибо душа твоя, исполненная любви, прилепилась к блаженному царевичу и от него ожидала себе родственной встречи в небесных сенях. Ты любил беседовать не только со святыми отшельниками, заживо умершими миру, но и с ликом отживших, в пламенных к ним молитвах и даже в умиленных посланиях. Так испросил ты прощение грозному прадеду у священномученика Филиппа, когда, посылая за его нетленными

мощами в оток Соловецкий, трогательно писал к нему чрез Патриарха Никона как бы к живому; никто достойнее тебя не мог занять место у ног блаженного отрока.

Одна только могила рано утраченного сына Алексия отделяет гроб мудрого законодателя от гроба кроткого его родителя, столь близкого сердцу России. Как некая благовонная масть, исцеляющая всякую язву, приложился юный Михаил к глубоким ранам бедствующего отечества и заживил их в течение долгого царствования. Лицо его просияло как солнце в час блаженной кончины, говорит предание, ибо на нем отразилась тишина умиренной им державы. Царственно прислонился он к правому почетному столпу, первенец своего рода, как столп и основание грядущего славного дома, и вокруг столпа обвилась юная леторосль царевичей, детей его, внуков и правнуков. Здесь два его сына, Иоанн и Василий, для которых выстроил узорочный терем на своих палатах, и два внука, Симеон и Димитрий, едва расцветшие сыны царя Алексия, и два правнука, Илия и Александр, отпрыски царей Феодора и Петра. – Как младенцы, играя заснувшие на лоне утешенного ими деда, который молча сидит, не смея нарушить их невинный покой, так собрались дети и внучата к тихому Михаилу.

Два изображения, во весь рост, царей Михаила и Алексия висят на противоположном столпе, свидетельствуя в виду могил о земном величии отживших. Какая поистине противоположность! В венце и бармах Мономаховых стоят они, облеченные царскою одеждою, с крестом и скиптром и державой, которая на минуту сжалась в руках Михаила, чтобы еще пышнее разрастись в деснице Алексия и обнять собою запад, полдень и восток. Куда же обращен лик державных? – На мирное свое жилище за пределами временного, где Царство Небесное сменило для них земное! – Это была мысль благочестивого царя Алексия; он поставил изображение родителя против его гробницы, смиренно начертав на ней: «В лето 7133, Июля в 12-й день, на память преподобного отца нашего Михаила Малеина, с субботы на воскресенье, в 3-м часу ночи, преставися благоверный и Христолюбивый Великий Государь, Царь и Великий Князь, Михаил Феодорович всея

Руси». Он же осенил ее богатым жемчужным покровом, «во украшение и надежду будущего упования», ибо великолепные сии покровы знаменовали прославленное тело будущего века, в котором воспрянут мертвые; и в свою чреду благочестивый сын Феодор поставил такое же царское изображение против гроба отца и положил столь же пышный покров на «преставившегося, Божиим праведным изволением, раба Божия, благоверного и Христолюбивого Государя, Царя и Великого Князя Алексия Михайловича, (уже не просто всей Руси но) всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, и многих государств и земель, Восточных и Западных и Северных, отчича и дедича, наследника, Государя и обладателя».

Сам Феодор, сей кратковременный владыка, оставивший по себе долгую память, истребитель местничества, любитель просвещения, для которого вызывал ученых мужей из Киева, Царьграда и Запада, восприял ту же почесть от руки присных и братски улегся с болезненным Иоанном, своим преемником, отдельно от других, под сенью левого столпа, ибо уже не было более места подле отца и деда.

Между сонмом князей и царей есть и один император, внук великого Петра, ему соименный, похищенный раннею смертью из-под брачного и царского венца. Горько опуская в могилу свою цветущую надежду, современники не могли красноречивее выразить своего плача, как плачем пророка Иеремии, когда одиноко воссел он на развалинах Иерусалимских, во дни пленения Вавилонского, и пролил душу свою пред Богом Израиля. Его плачевную песнь иссекли на гробе юного императора, вместе с описанием краткой жизни и горькой утраты: «Благочестивейший и самодержавнейший Государь Петр II, Император Всероссийский, рожден лета 1715-го сентября в 12-й день, прародительское владение приемши, венчаный и помазанный в лето 1728, Февраля 25-го дня, великих благ чаянием подданных вкратце обнадежив, изволением Божиим, к вечному Царству преставися, лета 1730 января 19-го дня. – Рассыпая радость сердец наших, обратися в плач лик наш, спаде венец с главы нашея; горе нам яко согрешихом». – К левому столпу прислонен гроб

императорский, напротив раки блаженного царевича, как бы для того, чтобы сильнее выразить, какого сокровища лишилась тогда Россия, не предвидевшая еще своей грядущей славы и продолжения благословенного корня.

Еще другие святые мощи недавно вверены хранению собора, когда упразднена была церковь Черниговских чудотворцев над Тайницкими воротами Кремля. Два славных мученика времен татарских, князь Черниговский Михаил и верный его боярин Феодор, вместе пострадавшие, вместе покоятся под спудом, у второго столпа, и нигде приличнее не могло быть обретено место упокоения, как в сонме родственных князей, которые одушевлялись подвигом их на новые подвиги против неверных. Благоверный князь не хотел преклонить выи пред идолами Батыя и пал под мечом ханским, а верный боярин, возбуждавший его к мученичеству, запечатлел кровью твердое слово. Оба изображены над ракою, почившими после трудов, как и отрок Димитрий, и сими тремя мучениками хвалится усыпальница князей русских.

Опять странная противоположность, если только можно отнести к случаю то, что устроено тайным Промыслом к назиданию верующих! Чей гроб приник к столпу напротив раки пострадавших за веру в Золотой Орде, которая два века тяготела над Русью? – Это гробы царя и царевича Казанских, державы, собранной из остатков Орды и рассыпавшейся под тяжелою стопою Иоанна! – гроб царевича Петра, сына Ибраимова, сына Мамотякова, царя Казанского, и гроб сына славной Сумбеки, защищавшей царство свое против Грозного, которая привезена была с пленным отроком из падшей Казани. Как утешительно читать на гробовой доске бывшего врага христиан новое христианское его имя, еще отзывающееся татарским корнем: «В лето 7074-е, Июня в 11-й день, на память Св. Апостол Варфоломея и Варнавы, преставися Царь Казанский, Александр Сафагиреевич, сын Царя Казанского». Не муками и не кострами, как некогда князей черниговских, тверских и рязанских, терзаемых в Орде за веру предков, но кротким светом евангельской истины призывала Святая Русь закоснелых врагов своих из тьмы язычества в благодатное

царство Христово и, забыв древние обиды, гостеприимно открывала им объятия храмов, усыпальницу князей: так, вера во Христа сливала воедино иноплеменные их роды, издавна обгаренные взаимною кровью.

Не много гробов прислонилось к северной стене собора, будто бы негостеприимная дышала холодом на искавших к ней приютиться; но, подобно как бывает в теплице, отстранился от нее замогильный, княжеский цвет земли Русской, чтобы пышными побегами распуснуться вдоль западной и южной стены и обвить их своим погребальным плющом. Все четыре могилы удельные: вот у самого иконостаса, под Тихвинскою иконою царицы-инокини, опочил в 1464 году внук Храброго Владимира, сподвижника Донского, князь Василий Ярославич Боровский, которого благочестие выразилось надгробною надписью: «Покой, Спасе наш, с праведными рабы Своя, в селех избранных Ти: аще бо и согрешиша вси, но не отступиша от Тебе». – Как много смирения и веры в сей молитве!

От северных врат первый положен вдоль стены, сын Темного, князь Андрей Углицкий, названный Большим, для отличия от меньшего соименного брата, но сам затемненный славою старшего, Иоанна, собирателя Руси. Подле лежит другой князь, Андрей, сын Владимира Храброго, и наконец удельный князь Дмитровский, Юрий, малоизвестный сын великого Иоанна, упирающийся в безымянные гробы братьев Шуйского (если только это его братья), которые своими немymi памятниками отделяют искупленного пленника от лика соплеменных ему властителей. На Шуйском, как на утесе, обрывается северный ряд гробов, и одиночеством его могилы выражено одинокое его явление на престоле Рюрика, окончившееся невольным пострижением. Никто из Романовых не хотел возлечь подле; цари и царевицы отклонились от его соседства к блаженному отроку, ибо юноша Михаил не путем Шуйского восшел из мирной обители Ипатиевской на Грановитый престол.

Начиная от западных врат и до угла собора двенадцать удельных гробниц теснятся вдоль стены, одна подле другой; число мертвых превышает здесь число могил. Третий сын

Калиты, Андрей, положен в самом углу, как родоначальник старшего племени удельных князей, и подле храбрый сын его Владимир, друг Дмитрия, боец всех его битв, с которым разделил громкое имя Донского в память Куликовской победы, одержанной его последним натиском на Орду. Смиритель Мамаю, Ольгерда, Олега Рязанского и всех недругов Дмитрия, сам он довольствовался Серпуховским своим уделом, и первый из князей русских имел великодушие отречься от древнего права, по коему старший в роде наследовал престол великокняжеский. – Оттоле благой пример Владимира сделался основным законом для княжества Московского, которое укрепилось упадком уделов.

Не так поступили с внуком Дмитрия, своим племянником и братом, спящие подле Храброго Владимира князя Галича, отец и сын, Юрий и Косой. Мал, оскорбителен казался Юрию удел его после смерти брата, великого князя Василия, и вместе с детьми своими, Косым и Шемякою, возбудил он двадцатисемилетнее междоусобие в земле Русской. Казалось, честолюбивый отец искал себе престола только для того, чтобы по ступеням его быстро сойти в могилу и туда же увлечь за собою старшего сына, ослепленного сперва блеском венца, а потом рукою соперника. Вопреки порядку архангельских гробниц, одна могила заключила обоих, которым тесно было родовое их княжение, и даже третий сын Юрия, Дмитрий, красный телом и душою, опущен в тот же гроб, – так поспешила земля Русская последним для них приютом!

Но если согрешили против нее князя Галича, Юрий, Косой и Шемяка, то один Красный мог загладить тяжкие вины своего семейства чистою молитвенною жизнью. Во цвете лет преставился он, как тихий ангел, и необычайная его кончина изумила современников. Чувствуя приближение смерти, он приобщился Св. Таин и при чтении канона на исход души испустил последнее дыхание; спрятали тело к погребению, но в полночь, сбросив с себя покрывало, громко возгласил мертвец евангельские слова: «Петр же позна Его, яко Господь есть». Оцепенев от ужаса, диакон, читавший над ним Псалтирь, едва мог разбудить спящих окрест; мертвец же повторял одно и то

же, как будто пред ним совершалось утешительное свидание воскресшего Господа с учениками на озере Тивериадском; он не глядел глазами, но тело у него было как у живого. Красный запел церковную песнь: «Господа пойте дела и превозносите Его во вся веки» – и пел до самой утрени; тогда принесли ему запасные Дары: он проглянул, из глубины сердца произнес: «Радуйся, утроба Божественного воплощения», приобщился и с воскресенья до среды был жив, пел священные песни, читал наизусть Святое Писание, не понимал, что ему говорили, но узнавал людей, хотя и отвечал без порядка; в среду умолк он, а в четверг скончался странный мертвец во время литургии. Тело его привезено из Углича в собор Архангельский и оказалось нетленным при погребении. – Так записала сие дивное событие современная летопись.

Два младших, миролюбивые сыны Донского, Андрей и Петр, просторно отдыхают, каждый в своей могиле, рядом с семьею тревожного брата Юрия, и подле них старший брат Темного, Иоанн, раннею смертью избавленный от смут междоусобия. Сын великого Иоанна, Симеон, князь Калужский, и трое детей Темного: Юрий Дмитриовский, Борис, князь Волоколамский, друг и покровитель преподобного Иосифа, основавшего славную обитель в его пределах, и младший, Андрей, вместе с двумя сыновьями Владимира Храброго, Иоанном и Ярославом, заключают у западных врат гробовую летопись. На последней могиле начертана сбоку для всего ряда усопших краткая молитва, которая невольно поражает взоры каждого, входящего в храм: «Помяни, Господи, яко благ, рабы Своя».

Иной порядок гробов начинается вдоль южной стены, хотя их тоже число двенадцать: по три в ряд, один за другим лежат усопшие, выровненные рукою смерти, до самого иконостаса, занимая почти все пространство собора позади столпов, и в этой тесноте мертвых только три удельных между державными.

Сын Донского, великий князь Василий, начинает у самой стены первый могильный ряд; Василий, мудро управивший кормило княжества Московского после воинственного отца посреди крамол суздальских, тверских и рязанских, между

грозою Орды и Литвы. Подле него сын и внук великого Иоанна, с ним княжившие, хотя и не наследовавшие его державы. Рано похитила смерть юного князя Иоанна, подававшего много надежд мудрому отцу и России, а Димитрий... ах! бедный отрок, венчанный и развенчанный! – не напрасно написали на твоей могиле свидетели твоего краткого величия и долгой неволи печальную истину, почерпнутую из горького опыта жизни: «Кая житейская пища пребывает печали непричастна! кая ли слава стоит на земли?»

Что, казалось, славнее было участи внука Иоаннова, для которого могущественный дед возобновил царское венчание, давно уже и однажды только совершившееся в России, над Мономахом? Не его ли диадимою, не его ли бармами и крестом своеручно украсил он невинного отрока, как жертву, провозгласив его великим князем и соправителем, чтобы упрочить престол в старшем роде умершего любимого сына? – И чрез немного дней не тою же ли властною, суровою рукою низвергнул его с высоты величия в душную темницу, удовлетворяя честолюбию хитрой супруги, царевны греческой, которая искала престола сыну своему Василию? – Предание говорит, что при последнем издыхании почувствовал Иоанн свою неправду, призвал из темницы юного Димитрия и сказал ему: «Милый внук, прости меня; я согрешил пред Богом и пред тобою, будь свободен». Димитрий со слезами упал на колена подле смертного одра деда, и умер Иоанн; но едва вышел отрок из ложницы усопшего, его опять отвели в темницу, отколе более не выходил, ибо уже, до ранней его кончины, не было кому из державных раскаяваться на смертном одре. – «Кая житейская пища пребывает печали непричастна? кая ли слава стоит на земли?»

Вот и славный витязь Донской, во втором ряду могил, между одноименным ему князем Углицким Димитрием, сыном великого Иоанна, и кротким отцом своим, великим князем Иоанном, которого гроб прислонен к стене соборной. Какое обилие благодати духовной изливалось тогда на Русскую землю посреди видимых бедствий! Не это ли было цветущее время ее угодников? – Под сенью твоего святительского омофора, о

владыко Алексей, возрос малолетний Димитрий из бесприютного сироты, обуреваемого на шатких престолах Владимира и Москвы, в мужа силы, в державного князя князей русских! И твоим благословением, твоими крепкими молитвами, о преподобный Сергей, сделался он мужем победы, когда с двумя твоими иноками-воинами устремился из лесов Радонежских, от дикого твоего приюта, на Куликовское поле, стяжать себе имя Донского и кликнуть в лице Орды славный клич предков: «С нами Бог и никто же на ны!» – Как огромный курган, память его славной битвы на берегах Непрядвы, так мысленно вырастает могила Димитрия из среды окружающих ее гробов, когда, увлекаясь минувшим, стремимся духом вслед за великим воителем из мертвой тишины собора на поприще его ратных подвигов.

Основатель собора, основатель княжества Московского, которое укрепил кафедрою чудотворца Петра митрополита, Иоанн Калита прилично положен у южных врат собора, как бы на страже дел своих и потомства; он открывает собою не только ряд гробов, где вместе с ним великий князь Симеон Гордый, сын его, и брат Грозного Юрий, но и всю царственную усыпальницу долгого своего племени, тридцати трех князей и царей. – Из его могучего корня разрослось сие многоветвистое древо, собравшее всю Россию под широкую тень свою: от него, как из обильного родника, потекли, расплескались по лицу земли Русской, сии княжеские волны, то тихие и светлые, то шумные и бурные, по мере того как отражались в них черные тучи, ходившие по небосклону отчизны; и волны росли, росли, доколе не исполнили собою все древнее русло предков, до – коле не слились с океанами северным и восточным.

«Мертвых и живых Боже, умертвивый смерть и жизнь восстанием Твоим всем подаяй, Христе, упокой рабы Своя, их же преставил еси! – Иже глубинами мудрости, человеколюбно вся строя, и еже на пользу всем подавая, единае Содетелю, упокой, Господи, души усопших!» Кто с чувством умиления, из глубины сердца, не произнесет сих двух молитв, начертанных сбоку на удельных гробницах Юрия и Иоанна, заслонивших великокняжеские Гордого и Донского? Кого не поразит глубокая

мудрость устроившего все на пользу России, рядом великих мужей ей данных? – Они же, совершив свой подвиг, сами смиренно просят себе только молитвы, влагая ее в уста мимоходящих.

Напротив Калиты, у самого иконостаса, Темный, – слепец, но не от рождения, а от руки братьев, исчерпавший до дна последнюю чашу междоусобий и как бы всосавший в себя всю их отраву из болезненной Руси, чтобы оставить великому сыну здоровое тело государства. Чего не испытал в течение двадцатисемилетней борьбы с присными, пришедший наконец искать здесь, между мертвыми, того покоя, в котором отказывали ему живые? – И плен в Орде, и душную темницу, и трижды свержение с престола, все бедствия извне и все крамолы внутри, о которых напоследок только слышал, когда, отторгнутому от раки преподобного Сергия, бесчеловечно исторг очи брат Шемяка. – Но Господь, умудряющий слепцов, умудрил и сего Темного владыку обличить лжепастыря Исидора и тем спасти Православие, когда дерзнул он в соборе Успенском провозгласить унию. Как чудотворец Петр идет в летописях об руку с Калитою и митрополит Алексий осеняет Донского, так и кроткое лицо святителя Ионы неразлучно с памятью Темного Василия, его избравшего ко благу Церкви.

Но вот и великий собиратель Руси, подле отца, – остановимся пред исполином, которого разгадало только потомство, когда с изумлением увидело пред собою огромное целое, сдвинутое им из обломков. Одна Москва росла в Иоанне, окрест же нее все рассыпалось, все падало в его руки. Он слышал и последний дикий вопль беснующейся Орды, после двух тяжких для нас веков замолкший навеки, и последний вечерний звон вольного Новгорода, и тщетный ропот присных ростовских князей, и покорное слово Рязани и Твери, и ратное падение западных княжений! А сам, как неутомимый древодел, с утра входящий в чащу леса и там трудящийся до поздней ночи, не внемля вою непогоды сквозь шум падающих окрест деревьев, доколе не исполнит урока его огромная секира, – Иоанн мощною рукою рубил вековые уделы в основание огромного своего дома; он прорубил в нем широкие окна для

света и высокие врата на все победные пути, чтобы было где разгуляться его могучей Руси по приволью вселенной. Не довольно быстр казался ему бег московского всадника – он вдвинул его в сердце византийского орла и помчался на крыльях орлих.

Скромный довершитель великих предначертаний родителя, Василий, покоритель Пскова и Смоленска, возлег рядом с отцом, не дерзнувший, однако, венчаться диадимом Мономаха после горькой участи юного Дмитрия; не князем, но иноком вселился он в мирное жилище предков, вопреки бояр, хотевших удержать на нем мантию княжескую. «Добр сосуд серебряный, но лучше золотой», – сказал им митрополит Даниил и постриг умирающего. Иноки внесли его в собор и положили подле державного отца, и с ним, в одной могиле, упокоил Грозный старшего сына своего, младенца Дмитрия, которого рождение утешило победителя Казани, а ранняя смерть ознаменовала страшный переворот его жизни.

Гроб Василия последний, у самой двери алтаря, – но вот уже не стало гробов в соборе и мертвые истощились, а еще нет Грозного и его сынов! – куда же укрылся ты, страшный владыка? – Царь Иоанн, инок Иона, – каким именем звать тебя? на какое отзовешься? где твоя мирная обитель? – От зова ли страшной трубы, от зрелища ли последнего Суда, которое так мирно созерцают предки твои и потомки, спящие в том же соборе, уклонился ты один в недоступный покой, чтобы там, в могильной тишине, под щитом церковной молитвы, примириться с собою и со своими делами, прежде нежели возгласит труба? – Есть темный, тесный придел, во имя Предтечи, царского ангела, ныне упраздненный и обращенный в гробовую храмину: там улегся державный с двумя сынами; одна только стена внешнего иконостаса отделяет его от гробов прадеда, деда и отца, который сторожит вход в сию исключительную усыпальницу первого царя всея Руси.

Сколько ужасов и сколько славы смешано в одной могиле, под венцом и схимой! – Три сокрушенных царства и сломанный меч великого магистра, а за ними мрачная причина и бледное лицо мученика Филиппа! Полжизни ангела света, полжизни

ангела мрака! – отступим с молитвою; нужна она иноку Ионе, бывшему царю! Но вот, на первом шагу, одно из самых страшных дел его – им убиенный сын и царевич, за душу коего потекло столько милостыни в Афон и на Синай. Это был последний гневный порыв Грозного, – какое страшное исцеление! Кто бы угадал в почивших рядом под кровными именами сына и отца – убиенного и того, кто убил!

Вот и последний царь дома Рюрикова, Феодор, заключает собою могильную летопись собора. Как яркое солнце, закатился он в лучах славы, и от его тихого, ясного вечера до светлого утра Романовых бурно легла на Россию ночь самозванцев. Безымянная, но, конечно, державная рука, быть может, нежной супруги Ирины, облекла пышным покровом гробницу Феодора и жемчугом, как слезами, изобразила на нем все смирение усопшего и всю суету временного: «Наг изыдох на плач сей, младенец сый, наг и отыду паки: что труждаюся и смущаюся всуе, ведая тое жития сего действо? Како шествуем вси, равным образом, от тьмы на свет, от света же во тьму лютую? от чрева матерня с плачем в мир, от мира печального с плачем горестным? зачало и конец плач! Какая потреба суетным света сего? – сон, сень, мечта, вся суета человеческая, елико не пребывают по смерти; не пребывают богатство, ни красота житейская, низшествует слава сего жития, яко сон, яко сень и яко прах преходит. Господи! Преставльшагося от нас раба Своего, благоверного Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича, всея России Самодержца, со всеми Святыми в Царствии Твоем упокой».

Есть еще одна гробница, но уже не внутри собора, а в приделе, извне пристроенном к большому алтарю, без подписи она, хотя и княжеская, и славнее многих других, однако не великого и не удельного князя: оттого и не почтена соборною сенью. Но если нет надписи на безымянной, громко записана она в сердцах русских и в панихидной книге, где в кратких словах целая летопись. «В приделе Иоанна Предтечи опочивает Царя и Великого Князя Василия Ивановича всея России племянник, Князь Михаил Васильевич Шуйский-Скопин. По Государеву указу, а по своему храброму разуму, Божию

помощию, над враги Польскими, Литовскими людьми и Русскими изменниками, которые хотели разорить государство Московское и веру Христианскую поспрати, явно показал преславную победу, и прииде к Москве, Божиим же судом, преставися в лето 7118 (1610) Апреля в 23 день, на память великомученика Георгия, в последний час дни».

Поистине это был последний час дня, остававшегося Шуйским, когда поблек сей лучший цвет их семейства отравой коварной невестки, и царь Василий не умел сохранить себе великого стратига, который один только мог спасти Русскую землю. Вся она горько плакала, опуская в могилу вместе с воинственным юношей свою надежду, и вскоре после, по словам древней летописи, слышан был замогильный плач внутри собора; ибо заботившиеся так долго о судьбах Отчизны не оставались и по смерти чуждыми ее болезням.

«В четвертое лето царства Царя Василия, октября в 20-й день, с четвертка на пятницу, в полунощи, в церкви Архистратига Михаила, честного его собора, идеже ле- жаху тела Великих Князей и всех благочестивых Царей Русские земли, слышаху гласи плачевнии, шум аки пения, сопротивно соборные беседы, и потом бысть псаломского священнословия глас, поющих отшедшим душам в вечные благодати 118-й псалом, со аллилуиями, и по сем с плачем скончася глас; слышавше же чреды тоя стражие поведаша людем, рекоша же тогда мнози от народа: яко царство Василия Царя вскоре с плачем скончатися имать».

Собор Архангельский, Иосафатова юдоль России, мирен, тих да будет царственный сон твой до последнего утра, когда по лицу всея земли кости сухие услышат слово Господне и вместе с глаголом Божиим будет глас и землетрясение, станут совокупляться кости, кость к кости, каждая к своему составу, и опять напрягутся на них жилы, и обрастет плоть, и прострется сверху кожа, и от четырех ветров дохнет дух жизни на мертвых, и оживут, и станут на ногах своих, – собор многий, великий!.. Дотоле – тих да будет царственный сон твой, о Иосафатова юдоль России!

IV. Вознесенский монастырь

Есть обитель инокинь у Спасских ворот Кремля. Как робкие ласточки, которые весеннею порою вьют себе мирные гнезда в преддверии домов, а иногда лепятся к башням и бойницам, не подозревая их ратного назначения, – так и смиренные отшельницы, протекши житейское поприще, устроили себе приют под навесом зубчатых твердынь, подле железных врат, отразивших столько приступов. Вдова витязя Донского указала им отважное место и сама легла на нем, чтобы укрепить своих преемниц на многие подвиги, подобно как ратные вожди водружают хоругвь свою там, где наиболее кипит сеча, чтобы удержаться за собою поле битвы. И какое поле, какая битва? – Снаружи, из-за стен седого Кремля монголы, крымцы, литва метали камни и стрелы в обитель молящихся дев и вдовиц; а внутри, в тиши келейной, брань их была уже «не с плотию и кровию, – по выражению апостола, – но с тьмою века сего, с духами злобы», и блажен могущий сказать вместе с ним на конце своего поприща: «Течение я совершил, подвигом добрым подвизался, и ныне ожидает меня венец правды, приготовленный возлюбившим пришествие Христово» (2 Тим, 4, 7–8).

При самом входе в Кремль представляется готическое здание Екатерининской церкви, которая получила нынешний благолепный вид свой уже после нашествия последнего неприятеля. – Благословенный, уважая память почивших в обители, обновил пострадавшие здания. Есть и другие церкви в ограде монастырской, хотя и не столь великолепные: одна, примыкающая к самой стене Кремля во имя преподобного Михаила Малеина, с приделом Св. Феодора, сооружена усердием первого царя из дома Романовых и его матери, великой инокини Марфы, которая провела остальные годы труженической жизни в стенах Вознесенской обители, но завещала прах свой в Новоспасскую, где искони погребался род Романовых. В сей церкви хранится древнее изваяние великомученика Георгия, стоявшее некогда на вратах Кремля,

как герб княжества Московского. Другая церковь, во имя Афанасия и Кирилла, Патриархов Александрийских, перенесена была в сию обитель по уничтожении стоявшего в ее соседстве подворья Белозерского, где живали Патриархи Восточные и уморен был голодом великий Гермоген; но она упразднена после французов, равно как и еще две монастырские церкви, во имя великомученика Георгия и Казанския Божия Матери; последнюю заменил придел на хорах Екатерининской церкви.

Главное святилище обители есть древний собор Вознесения, усыпальница цариц и княгинь московских, который заложен был в год кончины основательницы, супруги Донского (1407), и обновлен Петром Великим в 1721 году. Храм сей есть как бы дополнение Архангельского собора, и в нем продолжается царственная летопись усопших; но уже это не гробы сильных воителей и владык, возбуждавших страх или изумление, а только замогильный отголосок их домашнего быта, пристанище тихих жен, которые разделяли их семейные радости или горе и нередко возбуждали их на высокие подвиги – так иногда громкие звуки торжественной песни, переходя в более нежные тона, дополняют ими гармонию целого.

Зодчество храма напоминает собою здания, современные Троицкому собору Лавры. Богатыми окладами украшены почти все местные образа высокого иконостаса; драгоценный кивот с частицами святых мощей, устроенный усердием благочестивой царицы Ирины, висит на древней храмовой иконе Вознесения, коей венцы унизаны жемчугом и камнями. Почти у самого входа, близ южных дверей, почивает в заключенной раке под богатым покровом сама основательница обители, некогда великая княгиня Евдокия, а потом смиренная инокиня Евфросиния. Ее земная слава, как супруги витязя Донского, увенчалась небесною славою христианских добродетелей, и тропарь, в честь ее воспеваемый, краткими словами выражает подвиг святой жизни:

«Княжения и царского чертога отлучилася и чад твоих, Бога ради, оставила еси, блаженная Евдокие; правостию умною, душу твою привязала еси в любовь Христову, тленных и красных и временных забытием; притекла еси во обитель,

тобою основанную, и с восприятием иноческого образа, преименовавшись Евфросиния, ангельски пожив, в трудах и постех подвизалась добре и к блаженному концу достигла еси; тем же молим тя, моли Христа Бога спастися душам нашим».

Дочь князя Суздальского, который долго домогался великого княжества, брачным союзом с Дмитрием навсегда утвердила за Москвою старейшинство между князьями русскими и вместе со святым Алексием одушевляла его на великие подвиги. Семнадцатью годами пережила она славного супруга и упрочила память Мамаевой битвы строением храмов во имя Рождества Богоматери, ибо в сей день сокрушены были татары мечом Донского. Годы не стерли свежести с лица Евдокии, некогда славившейся красотой, но сама она старалась укрыть широкою одеждою тело свое, изнуренное постами. Когда же некоторые из домашних, видя мнимую ее дородность, стали подозревать ее образ жизни, благочестивая княгиня принуждена была показать им свою власяницу и тяжкие вериги; все ужаснулись при виде ее истощения. Она не хотела окончить жизни среди почестей княжеских и, отринув моление детей своих, постриглась в устроенной ею обители, не выходя из стен Кремля, основанного славным супругом. Многие исцеления ознаменовали святую ее кончину перед глазами сына, великого князя Василия, и митрополита Киприяна, который погребал Евдокию и освятил заложенную ею церковь.

С тех пор все великие княгини российские, дотоле погребавшиеся в древней церкви Спаса на Бору, и за ними царицы и царевны, искали себе места упокоения возле священных останков преподобной родоначальницы, а некоторые еще до смерти осенили себя схимою, чтобы, подобно ей, разрешиться от временного прежде вступления в вечность. В ногах Евдокии, у южных дверей, погребены две царицы, не в летописном порядке. Одна, невольная инокиня, постриженная ради честолубия мужа, странно положена по соседству вольной инокини, оставившей славу мира посреди плача любящей семьи. Это несчастная Мария из древнего рода князей Ростовских, в инокинях Елена, супруга царя Шуйского, дорого заплатившего за кратковременный венец. Чужие уста

произносили монашеские обеты за нее и за супруга при насильственном их пострижении, и тщетными признал сии обеты Патриарх Гермоген; но великий исповедник сам уморен был в темнице, царь Василий скончался в польском плену, а невольная инокиня-царица слишком много видела горя в царстве, потрясенном крамолами, и не хотела более оставить мирные стены обители. Благодетельный Михаил воздал ей почести царственного погребения, подобно как и ее супругу. Рядом с Мариею другая царица, из роду Грушецких, Агафия, первая супруга Феодора Алексеевича, который мало царствовал, но оставил по себе долгую память.

Еще две великие княгини инокини лежат вдоль южной стены, в головах св. инокини Евфросинии: это гордая мать и кроткая супруга Темного; одна дочь сурового Витовта, врага Донского, другая из семьи присного ему Владимира Храброго, обе испытавшие все бедствия междоусобий, и бесчестное изгнание и тяжкое заключение. Сама литвинянка, София была первою виною разрыва между сыном своим, великим князем, и детьми дяди его Юрия, Косым и Шемякою, когда на пиршестве брачном своеручно сорвала богатый пояс с Косого; пояс сей дан был некогда князем Суздальским Константином дочери, обрученной Донскому, и неправильно достался в младший род. Дорого заплатила София, бедствиями целой жизни, за сей мгновенный порыв литовского сердца, в котором еще не утихла кровь Гедимина, Ольгерда и Витовта. А кроткая ее невестка, Мария, принуждена была для выкупа заточенного супруга отдать единственное сокровище, детей своих, великого младенца Иоанна и брата его, которых принял от нее на свой омофор святой Иона и сдержал слово, заставив Шемяку освободить узника Темного. Обе утомленные труженицы променяли бесцветную жизнь свою на темную схиму, за которою открывалось им более светлое царство.

Рядом с супругою Темного, уже вдоль западной стены, две жены великого Иоанна: Мария, княжна Тверская, принесшая ему сильное княжество, которое утвердило прочность Московского престола, и дочь Палеологов, греческая царевна София. Остановимся на громком имени, которого женская слава

достойна была Иоанновой! Какими дальними путями вело ее Провидение из разоренного Царьграда чрез ветхий Рим в Москву, вторую Византию и новый Рим, по словам летописцев, чтобы передать ей залоги первой! Гордый первосвященник дал у себя пристанище бежавшему отцу ее, деспоту морейскому Фоме, и сосватал ее великому князю Московскому, чтобы подавить Западом Восток и затмить униєю Православие; но Русь восторжествовала над стихиями западного мира, и София сделалась опорой не только Церкви Православной, но и возрастающего царства. Она познакомила Иоанна с величием царским и укрепила в нем мысль самодержавия, сновидением изгнала из Кремля баскаков ханских, и, как сон, рассеялась Золотая орда Ахмата пред утреннею славою возникающей Руси. Как темные лики византийского высокого письма невольно поражают нас в древних храмах недоступным величием взора и строгою правильностию в чертах, так и византийское лицо царственной Софии в чрезвычайном величии является посреди княжеского сонма, идущего пред нею и за нею. Но ах! память отрока Димитрия, развенчанного ею внука Иоаннова, и память матери его, несчастной княжны Волошской Елены, которой даже прах не внесен в общую усыпальницу, бросает тень на сияющее царским блеском лице Софии.

Нет здесь и другой ее невестки, кроткой Соломонии из рода Сабуровых, которая заплатила за невольное свое неплодие насильственным пострижением в обители Суздальской; но вторая супруга Василия, Елена Глинская, рядом с дочерью Палеологов. Честолюбивая мать грозного Иоанна явила пример жены-правительницы в земле Русской, и недостойный ее любимец наполнил палаты смутами бояр. Стена Китайская осталась памятником ее краткого правления, но пострадало царство от неопытной руки, которая хотела держать кормило, не имея доблестей царских, подобно дочери Палеологов.

Рядом с матерью Грозного четыре его супруги, одна подле другой, из коих только одна оставила по себе благую память, – это тихая Анастасия, первая Романова, первая царица, спутница лучших дней Иоанновых, которая была ангелом-хранителем его и России и заранее отозвана в Небесную

отчизну, чтобы не видеть бедствия земной. Кроткая жена не узнала бы супруга в жестоком опричнике! – она, с такою радостью встретившая победителя Казани с перворожденным своим младенцем, могла ли бы перенести горькую участь второго сына своего? – Бывают светлые явления ангельских лиц, которыми иногда Провидение укрепляет людей и страну, готовящихся на трудный подвиг; таким явлением была тихая Анастасия. Ею улыбнулось небо на Русскую землю; но сей нежный цветок, который, казалось, на минуту только для нее распустился, бросил, однако, спасительные семена будущего величия в ее недра, когда после бурной зимы самозванцев пышно разрослось из него благословенное древо Романовых.

Подле двух цариц, Марии, княжны Черкасской, крутым своим нравом довершившей порчу Иоанна, и третьей его супруги Марфы из дома Собакиных, последняя Марфа, в инокинях Мария, из роду Нагих, заключает собою могильный ряд супруг Грозного. – Какое горькое лицо в летописях русских сия Мария, едва удостоенная титла царского по неправильному браку и потом исключенная из поминовений, сосланная в Углич со своим невинным младенцем, чтобы там быть свидетельницею его заклания, и наконец заключенная в дальней обители Белозерской! – так провела она первую половину своей царственной жизни! – Какова же была вторая, с одним лишь призраком величия, в стенах обители? – оклеветан ее невинный отрок, а мнимый сын вызывает к себе мнимую мать; она принуждена лгать Лжедмитрию пред лицом всей России и честить у себя гордую польку суетными увеселениями, каких никогда не видали в стенах своих православные обители, и потом, к довершению позора, на площади должна сама она обличить свою ложь над трупом Самозванца! – Тогда только утешилось сердце матери, когда могла она облить слезами раскаяния нетленные останки истинного своего сына в соборе Архангельском и исповедать его пред лицом Патриарха и народа истинным Димитрием, своим и всея Руси.

Царевною Феодосиею, малолетнею дочерью Феодора и Ирины, оканчивается у западных врат храма первый ряд гробниц. Сколько радости семейной и милостыни

Востоку принесло рождение сей царевны и сколько слез родителям и всему царству ее ранняя кончина! Ибо с нею уже угасала всякая надежда на будущую царственную отрасль. Скоро последовал за нею отец, последний царь из дома Рюрикова, а нежная его супруга Ирина приняла ангельский образ под именем Александры. – Особенною прелестью сияет в истории нашей прекрасное лице Ирины, – сестра правителя Годунова, одаренная всеми совершенствами природы, душевными и телесными, с образованием выше своего века, она достойно является на ступенях престола, если не по доблестям царским, то по добродетелям женщины. Как трогателен и вместе благоразумен был привет ее Патриарху Вселенскому, когда пришел он учреждать патриаршество в России! Как чувствовала она, что для ее блага недостает только наследника! Сокрушаясь о своем неплодии, подобно ветхозаветным праведным женам, как умоляла она Патриарха, когда вручала ему драгоценный потир, вымолить ей сына для царства Московского! Когда же скончался Феодор, какое опять трогательное явление! – Осиротевшие Ирина и Россия, друг против друга: одна, испуганная бременем царства, стремится в неизвестную келью, осеняется схимою, как щитом; другая, испуганная своим безначалием, продолжает благоговеть в инокине к царице, на ее ангельское имя Александры вершит все дела свои, и дума боярская ее молитвою правит огромным царством, расширенным двумя Иоаннами в две части света, доколе наконец смиренная сестра не выдала честолубивого брата в цари оставленному ею царству. Сама же Александра-Ирина не хочет более знать палат кремлевских; для нее даже слишком пышна обитель Вознесенская, она ищет более глубокого уединения в Новодевичьей, и только прах ее переносится в царственную усыпальницу. Там ей назначено почетное место подле дочери Витовта, против дочери Палеологов, и она продолжает собою второй ряд гробниц, вдоль западной стены, начатый с одной стороны великою княгинею Литовскою, а с другой – малолетнею дочерью Грозного. Ряд сей дополнился потом одним младенцем несчастного Шуйского, царевною Анною, и четырьмя дочерьми

царя Михаила – Пелагиею, Марфою, Софиею и Евдокиею, и одною дочерью царя Алексия, Феодорою, которую поместил скорбный отец между гробом царицы Ирины и гробом великой княгини Софии.

Один только ряд гробниц тянется вдоль той же стены по левую сторону западных врат, и в этом ряде одна лишь царица, Мария Владимировна из рода Долгоруких, первая супруга царя Михаила, погребена с царевнами дома Романовых; между ее гробницею и западными вратами положены две малолетние дочери царя Иоанна Алексиевича, Мария и Феодосия, а по другую сторону царицы – три отрасли многочисленной семьи Алексия Михайловича: Анна, Евдокия и Екатерина. Подле них, в самом углу, старица Иулиания, мать первой царицы дома Романовых Анастасии, и сноха Грозного царевна Параскева, из рода Соловых.

Три гроба стоят вдоль северной стены собора: царевны Анны Михайловны, сестры царя Алексия, в инокинях Анфисы, у самого иконостаса; нам сохранилось еще надгробное слово Патриарха Иоакима на день ее погребения. Подле северных врат гроб другой царевны, Татьяны Михайловны, которая славилась особенною мудростью и образованием между всеми дочерьми Михаила, обогащала церкви своими рукодельями и писанными ею Евангелиями и содействовала Патриарху Никону в созидании Нового Иерусалима; ибо она была искренно привязана к сему именитому мужу Церкви и даже ревностно ходатайствовала пред царем и Патриархом о его освобождении из Белозерской обители.

В Новоспасском погребена другая, не менее знаменитая сестра ее, царевна Ирина, в юных годах помолвленная отцем за королевича датского Вольдемара и оставшаяся навсегда в тереме девичьем по его несогласию принять православие. Подле царевны Татьяны ранняя могила великой княжны Натальи Алексеевны, сестры императора Петра II, которую столь горько оплакивал нежно любивший ее брат. Но что весьма замечательно, нет здесь гроба его бабки, царицы Евдокии из рода Лопухиных, первой супруги Петра Великого, которая провела всю свою жизнь в тяжком заточении под неизвестным

именем инокини Елены и насладились только кратким отдыхом в обители Вознесенской во дни правления своего внука. Она имела несчастье пережить его и лишилась почестей царственного погребения; бедствующая инокиня Елена за год до своей кончины переведена была в обитель Новодевичью и там скончалась.

Но где же другая невольная инокиня, постриженная тою же мощною рукою Петра, который сам трепетал некогда ее родственной руки? Где гроб Сусанны, если только можно узнать под сим убогим именем гордую царевну, которая писалась некогда вместе с братьями своими Великою Государынею всея Великия, Малыя и Белыя России, Самодержицею? – Между многочисленным семейством царя Алексея, которое все поместилось в одной усыпальнице Вознесенской, не нашлось места для правительницы целого царства; земное величие изменило ей еще на земле; она там, откуда с таким торжеством перенесли вольную инокиню Ирину, заживо отрекшуюся от царства, когда у ног ее была вся Россия! Туда невольно сошла с престола честолубивая София по скользкому пути боярской крови, пролитой стрельцами у Красного крыльца, и так крепко затворились за нею ворота обители, что даже мертвая Сусанна не могла найти обратного выхода, чтобы успокоить свои останки между гробами предков и семьи.

Три гробницы стоят с правой стороны на ступенях иконостаса, который заслоняет малый придел Богоматери,

Радости всех скорбящих, устроенный императрицею Анною для погребения меньшей сестры своей, царевны Параскевы: это гробницы матери и двух супруг царя Алексея. Не ожидала смиренная Евдокия, из бедной, хотя и дворянской фамилии Стрешневых, достигнуть столь блестящей участи, когда последовала за своими подругами, именитыми дочерьми боярскими, ко двору. – Туда вызваны были все красавицы московские для выбора из них невесты царской. Предание говорит, что при въезде в Троицкие ворота Кремля особенным блеском просияла для молящейся Евдокии икона Знамения Божией Матери над воротами и что ее подруги приняли такое явление за счастливое предзнаменование, а будущая царица

питала с тех пор особенное уважение к сей иконе и украсила ее богатою ризою. Тогда еще, в патриархальной простоте нравов, был обычай избирать невесту царя из сонма спящих дев, упокоенных в его тереме, чтобы судить о внутреннем состоянии их духа в сонном безмолвии, по тихому выражению лица и праведному покою под крылами ангела-хранителя. Сама великая инокиня Марфа, мать юного царя Михаила, вместе с ним ходила по терему спящих дев и указала ему ангельское лицо Евдокии, которое вполне выражало ее душевную красоту, и во все течение своего долгого супружества не раскаялся Михаил в благословенном выборе матери.

Мудрый Алексей был плодом сего брака, и вот подле Евдокии первая его супруга Мария, из роду Милославских, мать всего многочисленного семейства царского, кроме Петра. Другой, почившей рядом с нею, предоставлена была слава быть матерью исполина. Наталья Кирилловна Нарышкина достойно оканчивает собою гробовую летопись Вознесенской обители. Как львица, рождающая одного только льва, она принесла России одного лишь младенца, но этот младенец был Петр! Какую страшную годину испытаний пережила она в семилетнее правление Софии, когда по Красному крыльцу текла перед ее глазами кровь братьев и отца, и сам воспитатель ее был сброшен на копья, и казалось, на одном лишь волосе висела жизнь ее отрока, хранимого Провидением! – Палаты кремлевские и Лавра Троицкая были свидетелями ее материнского ужаса, но под сенью преподобного Сергия уцелел царственный сын ее, которого мощная рука должна была вдвинуть новую громадную стихию в сердце смятенной Европы и охватить всю полночь исполинским царством, ограждаемым волнами океанов и песками пустынь!

Таковы усопшие сей славной обители! Царственно успокоились они в мирных стенах ее, как бы в преддверии вечности, и многие схимницы-царицы воспрянут между ними в настоящем ангельском образе иного вечного Царства, по зову трубы архангельской, которая разбудит в соседнем соборе и царей, их отцов и супругов. Скрижали отечественные, вписавшие столько державных имен Вознесенской обители на

своих пергаменных листах, сохранили сказания и о чудном явлении, какого сподобилась безымянная схимница той же обители, конечно, более известная небу, нежели земле, ибо она видела то, что недоступно смертному взору: тайные силы, содействующие падению и спасению градов, которые как бы случайно совершаются пред нами, потому что мы видим в них одни только земные события. Это было во дни великого князя Василия, сына великого Иоанна, в страшную годину испытаний, когда Махмет-Гирей Крымский с безбожными полчищами обступил Москву и трепетала столица, ожидая неминуемой гибели.

Была некая инокиня, слепая глазами, говорит летопись, которая провела многие годы добродетельно в обители Христова Вознесения, где великие княгини российские постригались и полагались. Случилось, что, когда во время нашествия врагов все люди прилежали к молитве, и сия инокиня прилежно возносила молитвы к Богу об избавлении от належащей скорби, и вот слышит она как бы шум великий и вихрь страшный и звон, будто площадных колоколов. И так, по Божественному мановению будучи восхищена духом, обрелась как бы вне ограды, и отверзлись вместе очи ее, мысленные и чувственные, и она увидела видение великое и дивное, не так, как во сне, но как бы наяву: вот идет из града во Фроловские врата бесчисленный световидный собор святолепных мужей в священных одеждах, многие митрополиты и епископы, между коими можно было распознать великих чудотворцев, Петра, Алексия, Иону и Ростовского епископа Леонтия и иных многих, с иереями и диаконами, несущими чудотворные иконы; они несли и самый образ Пречистой Богоматери Владимирския, также честные кресты и Евангелие, с кадилами и свечами, лампадами, рипидами и хоругвями, все по чину, как подобает благолепно совершаться крестному ходу; за ними же следовало бесчисленное множество народа всякого возраста и пола.

И вот от великого торго Ильинского навстречу им устремился великий в преподобных Сергей чудотворец, а с другой стороны приспел преподобный Варлаам, Хутынский чудотворец. Оба они, любовно согласившись между собою,

припали к ногам великих оных святителей и молили их со слезами, умильно говоря: «О святые пастыри словесного стада Христовых овец! Для чего исходите из града сего, и куда уклоняетесь, и кому оставляете паству вашу в настоящее время варварского нашествия?»

Световидные же святители так же со слезами отвечали: «Много молили мы Всемилоственного Бога и Пречистую Богородицу об избавлении от подлежащая скорби; Бог же не только повелел нам выйти из града сего, но и вынести с собою чудотворный образ Пречистыя Своея Матери, ибо люди сии презрели страх Божий и о заповедях Его не радели, и посему попустил Бог придти варварскому народу доселе, да накажутся ныне и чрез покаяние возвратятся к Богу». Но два преподобных, Сергей и Варлаам, еще прилежнее стали молить их и с плачем говорили: «Вы, о святые святители, и в жизни сей будучи, некогда душу свою полагали за паству вашу; ныне ли, в сей настоящей скорби, хотите оставить людей, которых видите сами сетующими и обращающимися на покаяние? Не презрите молитвы, не оставляйте Богом врученной вам паствы; ибо вот время, в которое можете помочь им; если усугубите еще о них прилежные ваши молитвы к Пречистой Богородице, то она умолит с вами Сына Своего, Христа Бога нашего, и праведный гнев Его на милость обратит».

Многое иное в тот час говорили преподобные со святителями, и каждый из них называл друг друга по имени, и вот все вместе, единодушно, подвиглися на молитву, сотворили литию и согласно пели молебные каноны, на которых читали и Евангелие по чину и со слезами взывали: «Господи, помилуй» – и произнесли молитву Пречистыя Богородицы пред Ее образом, и совершили отпуст с осенением крестом и каждением, благословляя крестообразно на все страны: тогда опять весь собор возвратился во град с чудотворным образом Богоматери и со всею святынею. Все сие видела преподобная инокия и внезапно очутилась опять в своей кельи, и потом прожила еще два лета, видя свет Божий очами своими, дотоле омраченными.

Посему и на Спасских воротах Кремля, которые прежде назывались Фроловскими, представлены преподобные Сергей и

Варлаам в молитвенном положении пред Богоматерью, и, быть может, сие чудное предание было началом благочестивого обычая проходить с непокрытою головою сквозь Спасские врата, как бы вслед за собором древних святителей, которые возвратились в спасенный град по молитве преподобных.

1840

I. Праздник Св. Сергия в его лавре

Еще одно утешительное посещение лавры Сергиевой сохранилось в памяти моей, по тем сладостным и высоким впечатлениям, которые оно во мне оставило. Под крылом Преподобного обрел я мир душевный, и орудием мира был Настоятель его лавры. Скажу, что видел и чувствовал. Это было уже седьмое мое странствие в обитель, столь близкую сердцу каждого Русского! – Я прибыл накануне осеннего праздника, в самую минуту, когда ударяли в колокол к торжественному молебну. Церковь была открыта: я поспешил сперва ко гробу преподобного Никона, а оттоле к мощам его великого учителя Сергия. Гробовой монах служил молебны богомольцам; приветливо взглянул он на меня, как бы сочувствуя тому, что тревожило мое сердце, и с радушною улыбкою сказал только: «молитесь больше»! Я спустился в келью Преподобного к иконе явления Божией Матери и поклонился гробам Дионисия, Серапиона, Иосифа: – там старец, блюститель кельи, зажигал уже светильники. Тогда взошел я в покои Митрополита. Владыка принял меня с обычным благоволением и пригласил остаться после праздника на освящение обновленной церкви преподобного Михея. Он спешил к молебну, и я за ним последовал в собор Троицкий.

О, какое особенное чувство возбуждает в душе этот чудный молебен! Мне привелось стоять в южных дверях, подле самой раки, пред которою Митрополит, окруженный своим клиром, читал акафист Преподобному. Прямо в лице, живого и по смерти, Сергия, высказывал он во всеуслышание всю его жизнь, все его подвиги, ранние и поздние, в сей временной и в той непреходящей жизни, которых свидетелями были «Тавра и Россия, а ему вторили дики, как бы отголоском всей земли Русской, испытавшей его дивную помощь в бедах своих: «радуйся Сергие, великий чудотворце». Из собора взошел я в ризницу, где опять с благоговением целовал убогую ризу и сосуды Преподобного, лучшее сокровище посреди несметных драгоценностей «Тавры, ибо от сей ветхой ризы потекли все ее

богатства, из сего деревянного потира воссиял некогда небесный огонь Сергию, совершавшему в нем бескровную жертву, в своей дремучей пустыне!

Когда между молебном и всенощною опять посетил я Владыку, «знаете ли, сказал он мне, как важен слышанный вами акафист? Он составлен был после осады Троицкой и послужил основанием другим акафистам, в честь святых угодников, ибо и у нас прежде, как в Церкви Греческой, существовало только два, Господу Иисусу и Богоматери. Но так как акафист в честь ее был составлен ради избавления Царьграда от нашествия врагов, то и святому Сергию, как избранному воеводе, освободившему лавру свою от долгой осады, долгом почли составить такую же победную службу».

Трезвонили ко всенощной. Четыре Архимандрита, и вся братия пришли, со славою, сопровождать своего Настоятеля в собор, и точно со славою совершилось сие всенощное бдение на память великого заступника России. Великолепно было зрелище собора, ярко освещенного паникадилами, от которых горел весь первый ярус иконостаса, как одна золотая стена, с сияющими на ней драгоценными камнями. Более матовым, как бы лунным светом сияли серебряные массы балдахина и раки, и когда открылись царские врата, во мраке алтаря необычайно освещен был серебряный престол и таинственный подсвечник позади его с семью разноцветными радужными огнями на каждом яблоке его ветвей. Опять, как на акафисте, умирительно было видеть, посреди нахлынувшего к амвону народа, как Митрополит, сидя пред царскими вратами, читал вслух, после первой кафизмы, житие преподобного Сергия по смерти его, т. е. те чудные дела, которыми прославил он лавру свою и спас отечество, начиная от первых исцелений, бывших над гробом его, и до нашествия Галлов и с ними двадцати языков. Не могли они дойти от пылающей столицы до безоружной лавры! Только на пятнадцать верст не допустил до себя врагов Сергей, чтобы показать, как сила Божия в немощи совершается, и указал предел сему бурному потоку. Когда еще недавно свирепствовала холера в столице, и она не проникла с

бесчисленными богомольцами в отверстие врата лавры! Таково чудное покровительство святому месту.

Величественно было обратное шествие из собора, после всенощной, Митрополита, окруженного клиром, уже за час до полночи, при свете лампад и трикирий, при гуле всех колоколов лавры, гремевших во мраке, как бы из глубины неба. На другой день пришел я к ранней обедне в малую церковь преподобного Никона; что-то совершенно родное веяло мне из святилищ сей чудной лавры, которая сделалась достоянием общим каждого сына Церкви и отечества по своим великим воспоминаниям, ибо судьба ее слилась с судьбою России. Митрополит совершал позднюю литургию в Троицком соборе, и я имел утешение видеть близко его служение из той части алтаря, которая в древних храмах именуется диаконикон. Как жаль, что при сооружении новых церквей оставлено сие необходимое тройное разделение алтаря, охраняющее должное приличие священнодействия, ибо тогда непрестанное приношение просфор к жертвеннику и необходимые приготовления для божественной службы совершаются вне главного алтаря.

Только в древних алтарях можно постигнуть также назидательное значение горнего места, почти незаметного в новых. Что может быть величественнее сидения Архиерея на горнем престоле, под сенью рипид, как верховного учителя посреди собрания пресвитеров, сидящих по обеим сторонам вдоль стены, не выше однако его подножия, ибо они только ученики; в отдалении же стоят диаконы, как простые служители, не имеющие права сидения. Здесь представляется торжественная картина первенствующей Церкви и земной образ небесной Иерархии, виденной Иоанном в его Апокалипсисе.

Красноречивое слово Митрополита о подражании Святым, которые служат нам своим примером, для постепенного восхода к Богу по ступеням их добродетелей, заключило божественную литургию. Гостеприимная трапеза св. Сергия, никогда не оскудевающая, ожидала нас в обширной церкви, посвященной его имени. Только в сей древней лавре можно видеть что либо подобное; Митрополит и братия, при бесчисленном стечении безмолвствующего народа, садятся в

мантиях за трапезу, уставленную кубками и стопами древних Царей; каждый сосуд есть драгоценность историческая, каждый обряд есть отголосок минувшего. По звуку колокола садятся и встают, по звуку колокола приносят яства и питья, и вдруг посреди трапезы все встают, на память того, как некогда преподобный Сергей, провидев духом великого Апостола Перми, Епископа Стефана, проходившего за 9 верст от его обители, встал и поклонился ему заочно, как бы в лице. Чтение деяний преподобного исполняет все время трапезы, по окончании ее возносится так называемая часть Панагии, в память того, как Апостолы, собранные на Сионе по успении Богоматери, оставили для Нее обычное место за своей трапезой и воспоминали молитвенным возношением хлеба о Той, Которая и по успении не оставила мира. Все подходят к налою и, вкусив немного хлеба, пьют мед из чаши, которую подает им сам Владыка.

На следующий день, на праздник Иоанна Богослова, слушал я опять раннюю литургию в алтаре малой Никоновой церкви, как бы у ног самого ученика преподобного Сергия, и потом в его кельи, между гробами Архимандрита Дионисия, Митрополита Иоасафа и Архиепископа Серапиона, молебен, совершаемый каждую субботу в честь явления Божией Матери Преподобному на самом месте сего явления. Наместник, Архимандрит Антоний, умилительно читал канон Пречистой Деве и молитву к Ней, выражающую все потребности болезненной души; он же совершал и позднюю литургию в соборе Троицком, который всегда исполнен призывающими помощь преподобного близ его св. мощей.

Мне казалось, что я живу в древние времена Лавры и Церкви: так чуждо было суетного все меня окружавшее и отзывалось давно минувшим. – Невольно сделаешься Христианином и Русским в стенах сей древней обители, в беседе таких людей, которые не часто являются вместе на горизонте церковном и на таких местах. – Сладостно можно забыться между ними, и я действительно забывался, когда смотрел в готической зале Владычных покоев, то на страшное лицо седого Иоанна, то на приятные лики Романовых, то на

потускневший портрет преподобного Дионисия, спасителя России в 1612 году. – Одни только кресла Митрополита Платона напоминали свидетеля 1812 года, пережившего нашествие Галлов.

В крестовой церкви Петра и Павла была всенощная, накануне освящения церкви преподобного Михея, ученика Сергиева, и остаток вечера я насладился еще тихою беседою Митрополита. В три часа ночи поднялся к утрени в собор; в первый раз мне случилось так рано молиться, в тишине утренней, при мощах Преподобного. Все эти впечатления имели для меня нечто особенное, утешительное, равно как и ранняя обедня при гробе преподобного Никона. Вскоре начался торжественный благовест к освящению. Тесна была церковь Михея, устроенная во дни Императрицы Елисаветы, над гробом преподобного, на память явления Божией Матери, которого был он свидетель вместе с преподобным Сергием. Палатка, раскинутая пред ее входом, наполнилась народом. От множества служащих едва можно было мирянам стоять в церкви; во все окна глядели те, которые не могли взойти; столь велико было общее усердие. День был солнечный. Особенно торжественным представлялось шествие за св. мощами, при веянии древних хоругвий, при звуке колоколов, из церкви Михея в собор Троицкий, мимо гроба преподобного Никона, и ход около самой церкви, возле гробниц древних защитников лавры, бояр и князей, почивших под сводами Сергиевской трапезы, к которой примыкает сей малый храм. Когда Митрополит остановился со св. мощами пред дверьми его, глубокое молчание воцарилось. «Возьмите врата князи ваши и внидет Царь славы», возгласил он, и хор отвечивал из глубины церкви: «кто есть сей Царь славы»? – и опять водворилось молчание, которое на минуту прервалось только гармоническою октавою колокольных часов. – Тогда, по тайной молитве, подняв дискос со св. мощами над главою, громко произнес Владыка: «Господь сил, той есть Царь славы», и со славою вошел в отверстые врата храма. Началась божественная служба.

Но когда, по ее окончании, Митрополит вошел на амвон для проповеди, вся церковь исполнилась плача, и мне

представилось умилительное зрелище, какого доселе еще свидетелем не был и едва ли опять буду. – Сквозь слезы и рыдания едва можно было расслышать слова Владыки, прерываемые также рыданиями, и тихий голос его казался отголоском тех времен, о коих он вещал. «Прости мне великая лавра Сергиева, говорил он, если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела Святых, обиталища святыни, свидетелей праотеческого и современного благочестия: люблю чип твоих богослужений, и ныне с непосредственным благословением преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпы и стены, не поколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия; знаю, что и лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же и тем же богата сокровищем, т. е. Божиею благодатию, которая обитала в преподобном Сергие, в его пустыни, и еще обитает в нем, в его мощах и в его лавре; – но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом лаврою! – Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятые Троицы! – Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению; но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их досязает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной! Отворите мне дверь тесной храмины, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитвы и воздыхании преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором отпечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных. Дайте мне облобызать прах ее сеней, который истерт ногами Святых, и чрез который однажды переступили стопы Царицы небесной! Укажите мне еще другие сени другой кельи, которые в один день своими руками построил преподобный Сергий и, в награду за труд дня и за голод нескольких дней, получил укруп согнивающего хлеба! – Посмотрел бы я, как, позже других насажденный в сей пустыни, преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности

быть преемником преподобного Сергия! Послушал бы молчания Исаакиева, которое без сомнения поучительнее моего слова! Взглянул бы на благоразумного Архимандрита. Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте! – Ведь это все здесь: только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровища в великолепном ковчеге! Откройте мне ковчег, покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать все благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирения, мудрования. – Или я это мечтаю, подлинно мечтаю, потому что созерцать недостойн! Но мне лучше хотя мечтать таким образом, нежели Любомудрствовать противным образом».

Так говорил красноречивый вития; мы его только слышали, но не видели пред собою, ибо у всех были закрыты лица от слез, и когда он, исчислив все воспоминания, внезапно возвысил голос и воскликнул: «братия, ведь это все здесь!» невольная дрожь пробежала по всему телу, и страшно было открыть глаза, потому что точно казалось, что все сказанное пред нами, и Сергей тут со всем своим ликом, живой, среди нас мертвых, или еще не бывших! Назидательные поучения инокам о том, в чем состоит истинное иночество, последовали за сею блестящею картиною минувшего, и едва мы отдохнули от плача, когда опять разбились наши сердца, внимая прощальным речам, какие исторглись из болезненной души Пастыря Церкви, жаждущего себе пустыни.

«Мне же, который не долго беседую с пустынею и о пустыни, и потом долго пребываю в молве и попечении града и дел человеческих, кто даст ми криле, яко голубине, и полещу и почию? Могу ли сказать себе или когда наконец возмогу сказать: «се удалихся бегая и водворихся в пустыни?» Когда обдегчуся от бремени чужих, чтобы обратить все попечение к облегчению собственного, да не како иным проповедуя, сам исключим буду! – О, дающий иному криле, яко голубине, дабы лететь и безвозвратно почить в пустыни, а иному глас кокоша, чтобы созывать твоих птенцов под твои криле? Собирай сам и храни

всех нас под крилами твоя благодати, и стогнами ли селений, тропинками ли пустыни, приведи наконец всех в тот вечно безопасный град, из которого не нужно будет убегать ни в какую пустыню. Аминь!»

Проповедь сия есть лучшая, какая когда либо исторгалась из обильного любовию сердца Владыки Московского, и я испросил ее в рукописи, его почерком, чтобы навсегда сохранить у себя столь драгоценное сокровище. После обеда, бывшего в покоях Митрополита, я просил Наместника вместе со мною посетить Вифанию. Мы взошли опять в ее символическую церковь, изображающую внизу пещеру Лазареву, а вверху гору Фаворскую, покрытую зеленью, во время пения вечерних стихир на память преподобного Харитония, отца пустынножителей Палестинских. Мы подходили ко гробу преосвященного Митрополита Платона, устроенному как бы в пещере. Наместник прочел краткую литию о усопшем и сказал: «не могу себе представить здесь мертвым Платона: я не знал его лично, но все им так наполнено в Вифании, что он мне всегда представляется, как бы живой». Умилительно было слышать о таком духовном сближении великого Пастыря церкви с блюстителем последнего приюта, им избранного на земле. Антоний повел меня и в его домовую церковь и в келью, где все в том же виде, как было при нем, и кажется будто ждут, что сейчас возвратится хозяин.

Наместник показал мне в алтаре на престоле перламутровый тройной крест, который прислан был Патриархом Иерусалимским, и сказал, что вделает в иконостас Вифанский тот камень, который я принес из настоящей Вифании, из самой пещеры, где воскрес Лазарь: а я испросил себе в благословение крест, вырезанный из раки преподобного Сергия, в которой он был обретен после 30 лет погребения: она хранится в Вифании близ гроба Платонова. Мы пошли назад в лавру тою же тропинкою, по которой, семь лет тому назад вместе с ним гуляли вдоль берега живописного пруда, по оврагам прекрасной Вифанской рощи, и беседовали о Владыке. – Не знаю, почему мне казалось, что в последний раз имел я утешение видеть лавру Сергиеву в том духовном благолепии, в

каком ее видел с таким ярким светилом уже на вечере. (Благодарение Богу, что не сбылись мои мрачные предчувствия!) – Расставаясь, я просил Наместника отслужить мне в совершенном уединении молебен преподобному Сергию, и он обещал исполнить мое желание.

Остаток вечера провел я опять в утешительной беседе Владыки, который хотел быть приветливым хозяином в своей обители и отечески обо мне заботился. Беседа его была разнообразна до чрезвычайности и с одинаковою свободою переходила от одного предмета к другому, но на всяком она сияла особенным светом, ибо вся растворена была христианскою любовью. Уже весьма было поздно, когда Наместник прислал звать меня в собор: прощаясь с Владыкою, я благодарил его, от избытка сердца, за все оказанные мне милости и гостеприимство, какое обрел под его мирным кровом. «Вы были под кровом преподобного Сергия», отвечал он, с кроткою улыбкою, и благословил меня.

Тихо и мрачно было в соборе Троицком; горели только несколько лампад пред иконами св. Троицы и Божией Матери и пред ракою Преподобного. Во главе его стоял Наместник Антоний, у ног гробовой монах Авель. В безмолвии храма чуть слышен был тихий молебен недремлющему заступнику своей земной родины. Я опять внимал, в совершенном уединении, тем же сладким молитвам, какие недавно ему возглашались всею Церковью, в день его торжества. Что-то особенно святое веет от его раки, и Русское чувство невольно пробуждается в Русской душе, ибо никто, как Сергей, не принял столь живого участия в делах России, непрестанными знаменами своего дивного покрова! Воспоминая над его ракою все наше славное минувшее, невольно воскликнешь с нынешним блюстителем его Лавры: «братия, ведь это все здесь!»

1842.

II. Скит Гефсиманский

Когда пришедшие на поклонение св. мест Иерусалимских, напав душою своею великою святынею гроба Господня, пожелают видеть и место величайшего из чудес Христовых, – упраздненный гроб четверодневного мертвеца Лазаря: они исходят из стен св. града к востоку, путем горы Масличной. Но прежде, нежели достигнуть Вифании, спускаются в глубокое русло потока Кедрского, среди мертвого безмолвия долины Иосафатовой; направо лежит путь к селению Лазаря, вдоль потока, еще несколько осененного остатками тех масличных рощей, которые некогда покрывали всю гору и оставили ей свое имя; – налево, при самом подъеме горы, в виду священного вертограда, где молился Господь, с кровавым потом и слезами, в ночь, когда был предан учеником своим, – вертеп Гефсиманский. – Там упраздненная гробница Матери воскресшего Сына, Который также положил трехдневный предел для ее гробового покоя: ибо погребавшие Ее с плачем Апостолы, на третий день ее успения уже не обрели девственного ее тела; – Она была взята Ангелами на небо, волею Сына и Бога.

Так в Палестине. – Нечто подобное, местностью и близкими сердцу именами, видим мы и в отечестве нашем, под сенью священной лавры, столько раз его ограждавшей от временных бед. – Усердный Богомолец, в храме Живоначальные Троицы, сложив бремя сердечных забот, у раки великого заступника земли Русской, и освежась духовно общением молитвы Сергиевой, идет также к Вифании и Фавору, восточными воротами; оставив за собою зубчатые твердыни лавры, напоминающие древние бойницы Иерусалимские, он должен также спуститься на дно живописной долины, прежде нежели достигнуть осененных рощей высот Вифанских. Но какая новая Гефсимания представляется влево по ту сторону обильных вод, на самом подъеме сего роскошного сада Элеоиа, на которому лежит путь в Вифанию?

Одни только убогие врата на краю рощи и дороги обличают существование пустынного скита, углубившегося в чащу деревьев на уединенный берег мирного пруда. Там, где некогда было место отдохновения и развлечений, а может быть, и глубоких дум юных питомцев Вифанских, будущих пастырей Церкви, – теперь пустынный скит, и неумолкаемый псалтырь, неусыпное бдение живых за усопших. Посреди обширного двора, примыкающего к прудам и с трех сторон обнесенного оградой, возвышается деревянная церковь, и к ней примыкают кельи настоятеля скитского, простые, убогие, как и все устройство сего уединенного места; несколько деревянных келий раскинуто внутри ограды, длинная аллея берез, остаток прежнего сада, пресекает пустоту обширного двора: – это путь, более никуда не ведущий, ибо здесь кончается всякая земная стезя для отшельников, мысли их обращены к иной отчизне, к которой ведет дорога чрез Сион и Иерусалим, непрестанно исторгающиеся из уст их словами псалмов, неумолкающих в церкви. Одна только литургия субботняя и воскресная прерывает чтение псалтыря, попеременно совершаемого двенадцатью братьями, но обычаю прочих скитов нашего отечества. – В прочие дни недели утренняя, часы, вечерня и правила монашеские совершаются в нарочно устроенной для сего храмине под самою церковью, также по древнему чину церковному, дабы не каждый отдельно в своей кельи, но все вкупе соединялись на молитву.

Замечательна своею простотою церковь скита, не вновь сооруженная, но только перенесенная на новое место из соседнего села, где оказалась излишнею. Руки преподобных ее основали, и здесь возвратилась она к своему первобытному назначению, ибо, после разорения Литовского, святой Архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын, освободители своего отечества, воздвигли ее на место сгоревшей церкви в селе Подсосеньи, для женской обители, которая впоследствии была упразднена и присоединена к Хотьковской. Чрезвычайное благоговение поражает всякого входящего во внутренность церкви из крытой паперти, ее окружающей, по образцу древних храмов: престол ее и

жертвенник и весь иконостас устроены из кипариса, и вся она обложена внутри по стенам кедром, певком и кипарисом, ибо из сих древ сооружено было, по местным преданиям Иерусалимским и по слову пророческому, честное древо креста Господня. Нет никакого убранства или металла в церкви; все ее украшения резные деревянные, и самые паникадила и подсвечники частью из дерева, частью из железа и глины, с соблюдением всей строгости скитской. Царские и северные двери, с некоторыми иконами, уцелели еще от древней церкви. Достоинно внимания, что Евангелисту Иоанну дан символом крылатый лев Марка, а Марку его орел, но особенно замечательна северная дверь. На ней изображена вся повесть нашего падения: искушение праотцев наших змием, в образе жены, и их изгнание из рая, и потом, после изгнания, Ангел, вручающий Адаму заступ для земледелия, а на верху праведные Авраам, Исаак и Иаков, держащие в доне своем души младенческие. В утешительную противоположность сей двери, напоминающей нам горькое изгнание, изображено на южной первое радостное возвращение в утраченный Эдем благоразумного разбойника, вооруженного древом креста.

Подле сей двери в ряду местных икон написан преподобный Сергей, окруженный сотрудниками постнической его жизни и начальниками обителей, которые произрастила его Лавра, как тенистое древо, насажденное при водах. Здесь целый собор иноков и Святителей, живая летопись посмертных подвигов Сергия. Здесь, кроме ближайших учеников, означенных в его житии, Симон брат его и племянник Феодор, Епископ Ростова, и Михей, свидетель чудного посещения Богоматери, описатель жития его, Епифаний и первый преемник, Никон, Максим Грек, страдалец за правду, и два других изгнанника, лишенные кафедр, Архиепископ Серапион и Митрополит Иоасаф, защитник лавры, Архимандрит Дионисий, и основатели обителей: Савва Звенигородский, Андроник, Афанасий Чухломский, Сергей и Павел Обнорские, Роман, уединившийся на Киржаче, и Мефодий на Песноше, и в Серпухове Афанасий и Стефан Махрищский, доселе соблюдавший в своей обители подчинение лавре, как послушное чадо матери,

и много еще иных, записанных светлою строкою в книге жизни и на скрижалях нашего отечества. Здесь они, с Сергием и Никоном, представлены водружающими крест Господень, или придержавшимися его, а на противоположной стороне соответствует им лик всех Святых, торжествуемых православною Церковью, дабы все они имели участие в молитвах сего нового дома молитвы. Лики Сергия, Никона и святых, почивших под сенью их обители: Михея, Максима, Дионисия, Серапиона и Иосафа, изображены еще и со входа на кипарисовых стенах трапезы; а большое изображение первого основателя храма сего, Архимандрита Дионисия, списанное с подлинного его портрета в Лавре, блюдет северные врата церкви, против которых устроено одно лишь малое оконце в кельи настоятельские.

В правом участке алтаря, который выдается тремя полукружиями, по подобию древних каменных храмов, устроен был малый придел, во имя нерукотворенного образа Спасова, знаменитым келарем Авраамием Палицыным: но придел сей упразднен ныне но тесноте, главный же престол теперь, как и прежде, празднует Успению Богоматери, ибо от самого начала церковь Греческая и Российская любили учреждать свои соборные храмы в городах и обителях на память чудного Собора Апостолов, соединившихся внезапно на Сионе для воздания погребального долга Матери проповеданного ими Бога. – Однако же не самому дню Успения будет праздновать церковь скитская, дабы не отвлечь благоговейных поклонников от храмового праздника лавры, но на третий день Успения совершаемо будет торжественное воспоминание взятия на небо Божия Матери, когда не обрели Ее в гробе Апостолы, хотевшие утешить одного из своего лика Фому, опоздавшего к ее погребению. Только в день сего праздника допускаемы будут в скит посетительницы, ибо женскому полу возбранен вход в сие место подвига отшельнического.

Трогательно было и освящение сей новой Гефсимании. – Оно совершилось в день преподобного Харитония, первого отшельника Палестинского, и на память блаженных родителей преподобного Сергия, Кирилла и Марии, ровно через три года

от того дня, когда сам освящавший, с своим Наместником, избрали пустынное место безмолвному пристанищу молитвы. Для сего освящения собрано было все древнее из священной лавры, дабы благословение Сергиево, Никоново и Дионисиево, видимо перешло на новое их селение, в вещах непосредственно к ним близких, чрез самую утварь, которую освятили своим употреблением. — Опять явились в священнодействии обрадованным взорам убога риза Сергиева, в которой однажды знаменитый Святитель, Митрополит Платон, встречал державных посетителей лавры, будучи облечен, посреди великолепия своего клира, во все убожество Сергия! И тот убогий посох, которым чудодейственно упас он всю землю Русскую, после блаженной своей кончины, отказавшись при жизни от пастырского жезла Митрополита Алексия, был опять в руках преемника обоих: древнейший крест и древнейшая панагия, или складни из деревянных, серебром обложенных икон, осеняли грудь его, а главу скромная митра первого Архимандрита лавры Елевферия, которую носил и преподобный Дионисий, когда молился о спасении своей родины и сам защищал ее словом и делом. Воздвизальный крест с частью чудотворного жезла Моисеева, евангелие преподобного Никона и убогие деревянные сосуды, в коих преподобный Сергий совершал божественную службу, освятили собою новый престол древней церкви Дионисиевой: до такой степени сблизилось между собою бывшее с настоящим, давно минувшее с недавним, что в этом смешении разновременных воспоминаний отрадно забывалось сердце и окрыленная ими душа свободно опускалась и подымалась вниз и вверх, по дивной лестнице времен и событий, как бы уже за пределами времени, подражая восходу и нисхождению Ангелов, виденных древле Патриархом Иаковом в Вефиле. Сам Святитель, облаченный в одежды Сергиевы, казалось, был проникнут духом его молитвы, от прикосновения риз его: и когда, с воздетыми к небу руками, предстоял страшному престолу Царя Христа в час совершения Его бескровной жертвы, он представлялся восхищенным взорам, как бы один из древних восставший на молитву. И вот, по совершении божественной службы, в сладостной речи и в

горьком потоке слез излилась сотрясенная чрез меру душа его, устами и очами пролагая путь избытку чувств своих, которые с тою же силою откликнулись в сердцах всех окружавших его кафедру:

«Ты воскрес ущедриши Сиона: яко время ущедрити его, яко прииде время; яко благоволиша рабн твои каменение его, и персть его уицедрят.»

Что это за камни Сиона, о которых благоволят рабы Господни? – что за персть, которая им любезна? – Это камни и персть разрушенного Иерусалима, и особенно разрушенного древнего святого храма Иерусалимского. Пророк смотрит на сии развалины во времена пленения Вавилонского: смотрит в то же время на душевные расположения народа Иудейского: и на сем воззрении основывает надежду нового благоволения Божия к Иерусалиму и храму

Но уместно ли говорю я о судьбе столь великого храма, когда думаю о судьбе столь малого храма, как сей, в котором теперь мы находимся? – Тот и другой суть храмы Единого истинного Бога; потому естественно предполагать некое в судьбе их единство, хотя и при разности многих обстоятельств. Притом и малый храм Христианских таинств и Христианской истины не слишком мал пред великим храмом сеней и гаданий

По что далее будет с сим обновленным храмом и с новыми окрест его смиренными жилищами? – Ты веси, Господи! Будет то, чему повелит быть Твое вседетельное Слово, которое нарицает не сущая, яко сущая, воссозидает разрушенное, восставляет падшее, возвышает смиренное, воскрешает умершее, спасает погибшее. Будет то, что испросят молитвы святых и преподобных отец наших, Сергия, Никона, Михея, Иоасафа, Серапиона, Максима, Дионисия и прочих сподвижников их и сообитателей в земной и в небесных обителях. Будет то, чему не воспрепятствуют быть наши грехи, наши немощи, наше недостойнство...

«Прииди благословенная любовь к безмолвию, Иллина, Иоаннова, Антониева, Сергиева! Скрывайся от молвы, но не скрывайся от ищущих путей твоих и следов твоих, – твоих правил и твоих примеров. Являйся иногда и неимущим,

способным принять тебя. Ты устраняешь человека от видения других, и тем удобнее даешь ему увидеть самого себя: а сподобившись увидети себе, по слову одного из твоих таинников, лучший есть сподобльшегося увидети Ангелов. Ты пресекаешь беседы с человеками, и тем искреннее вводишь в беседу со Христом. Ты затворяешь дверь внешния храмины и отверзаешь внутреннюю храмину сердца; ты подаешь и научаешь употреблять оружие против страстей; ты собираешь рассеянные помыслы: ты погружаешь ум во глубину писаний и почерпаешь свет; ты совершенствуешь покаяние; ты обретаешь источник слез; ты возводишь к чистой молитве: ты учишь молчанию, которое есть таинство будущего века.»

1844.

I. Бородино

От давно минувшего возвратимся к минувшему недавно; оно еще свежо в нашей памяти, как свежая могила, на коей только что успели поставить крест, и крест действительно поставлен был женскою рукою над прахом сильных: – какая поэтическая противоположность! – Если мне, как бы сквозь сон, слышавшему в детстве о громах Бородинских и отроком посетившему сие иоле смерти, еще усеянное тогда костями, если мне отрадно было молиться в тихой обители игуменьи Марии на умиренном ее слезами поприще брани: что же тому, кто сам бился тут в бою исполинов? – Столкнулись Запад и Восток, и пали тысячами к подножию ратных курганов, над коими поставила она свою убогую церковь! «Краса Израилева пала на высоких! как погибли сильные, и сокрушилось оружие ратных!» (II. Царств 1.)

Осеннее солнце в полном великолепии после сильного ливня спускалось к высотам Бородинским и осветило на них белую обитель инокинь йодле рощи, некогда смертоносной. Багровело поле от яркого заката, как некогда от потоков крови, упоивших его нивы: черные, разорванные тучи носились по небосклону, как бы только что отлетевший дым от адского жерла тысячи гремевших здесь орудий. Казалось, небо хотело повторить над этим роковым полем его страшные картины и увековечить на нем ужас ста тысяч избитых, – и вот, одна горькая жена, все утратившая и все схоронившая на этом поле, прислушалась сердцем к его стону, отголоску собственного, и обратила весь этот необъятный стон смерти, – в тихие воздыхания молящихся дев! – Это был канун Бородина; кроткий благовест, призывавший ко всеобщей, возвещал мирной обители сей заветный канун, сочельник смерти, тридцать шесть лет после великого события, и здесь, действительно, по выражению Державина: «металла звон был глаголом времен.» Я вспомнил и трогательный стих Данте о том звуке дальнего колокола, который слышится печальному труженику в первый тяжкий для него день разлуки, дальний звук, который будто

оплакивает замирающий день. Если какой либо колокол мог оплакивать умирающий день посреди смертного покоя стольких тысяч, сраженных от его восхода до его краткого заката, то это, конечно, Бородинский, и особенно в заветную память его битвы.

Едва успел я взойти в смиренные кельи Игуменьи Марии, как уже началась всенощная в прилегавшей к ним малой церкви праведного Филарета. Все в этом тихом приюте молитвы исполнено было изящного вкуса и вместе благоговейной внимательности: каждая икона напоминала что либо близкое ее сердцу; самое посвящение сего домашнего храма Ангелу того, кто пастырски призрел убогую семью инокинь на пустом поле Бородинском, выражало признательность и любовь. Стройное пение инокинь располагало к молитве, голоса мужеские здесь были бы менее трогательны: слишком много мужественного и жестокого огласило это поле битвы. – Прилично было смягчить тяжкие воспоминания прошедшего более кротким настоящим. Я стал прислушиваться к стихирам вечерним и поражен был их словами, как бы нарочно примененными за четыре, века к событию, которое воспоминалось ныне. Церковь праздновала в день годовщины Бородинской память сретения иконы Владимирския Божия Матери и бегства Тамерланова в самый тот день, когда была принесена чудотворная икона сия в Москву. Столь же страшное нашествие, но только с Запада, а не с Востока, угрожало России в эпоху 1812 года; с переменою имени завоевателя повторились те же события. Икона Смоленской Одигитрии одушевляла ратных в решительный час битвы Бородинской, как и Владимирская икона возбудила надежду отчаянных во дни сына Донского. И Тамерлан, и Наполеон стерлись с лица земли Русской: если же более губительно нашествие последнего, то может быть потому, что нужно было всеожжение первопрестольной столицы для искупления России.

Как знаменательно и отрадно звучали слуху и сердцу такие стихиры: «Богородице, Владычице, державная Помощнице, укрепи славящего Тя Императора на враги, да яко же древле спасла еси царствующий град от нахождения поганых, тако и ныне спаси страну Российскую от нахождения вражия, от

междоусобной рати, от глада же и труса; сего ради Тя славит страна Российская, человеком Помощницу.»

«Ныне страна Российская о Тебе хвалится, имеющи Тя Заступницу непостыдную и стену нерушимую, граду нашему непоколебимое основание: Стража неусыпная земли Российския не престань ныне Твоими молитвами избавлять Твой град и люди от всех бед.»

«Тебе припадают Владычице Святителей сословия и собори в совокуплении всех, Цари же и Князи и весь народ, умильно молящийся Тебе, ныне кланяющееся и целующе Твой образ, и глаголют: чтущий Тя град спаси от всех бед.»

Внимающему сим церковным песням могло казаться, будто они писаны не для давно минувшего, а для более близкого нам события, пророческими чертами обозначая современную, страшно памятную нам годину. Но сердце мое проникнулось особенным чувством умиления, когда, вместо обычной третьей паремии из книги Премудрости Соломоновой, во славу Пречистой Девы прочтена была иная статья из пророчеств Исаии о превозношении и падении Царя Вавилонского: ее положено читать на торжественном молебне в память изгнания Галлов. Ничего приличнее нельзя было применить к воспоминанию битвы Бородинской, и мощный глагол Пророка, вещим оглашался под сводами убогой церкви, сооруженной на исполинском поле смерти: «Такو глаголет Господь на Царя Вавилонска: ты рекл еси во уме твоём: на небо възыду, выше звезд небесных поставлю престол мой, сяду на горе висоце, на горах високих яже к северу, възыду выше облак, буду подобен Вышнему. Ныне же во ад снидеши, и во основания земли: видевший тя удивятся о тебе, и ревут: се человек раздражали землю, потрясая Цари, положивый вселенную всю дусту, и грады ея разсыпа, плененных не разреши. Сия глаголет Господь Саваоф: яко же глаголах, тако будет, и яко же советах, тако пребудет, еже погубити Ассириан на земли моей и на горах моих: и будут в поправление, и отыметя от них ярем их, и слава их от рамен их отыметя. Сей совет, его же совеща Господь на всю вселенную, и сия рука на вся языки вселенные: яже бо Бог святыи совеща, кто разорит? и руку его высокую кто отвратит?»

После всенощной игуменья Мария пригласила меня в свои кельи, пока приготавливали мне ночной приют в том малом домике, который долго стоял один на уединенном поле близ одинокой церкви, сооруженной ею над прахом близких. Там провела она многие годы испытания духовного и сердечного, доколе не решилась на подвиг иночества: там посетил ее и державный Посетитель, совершая славную свою годовщину Бородина. Тем драгоценнее были для меня воспоминания сего первоначального приюта и благоволение той, которая желала как бы духовно сроднить меня со всем, что только было близко ее собственному сердцу. Полный впечатлениями всенощной и памятью наступавшего дня, я переносился мыслью из кельи на поле битвы и с поля опять в келью, столь противоположные друг другу, но их связывала историческим лицом своим основательница всего того, что было перед моими глазами, и к ней невольно устремлялось внимание, ибо она одна могла словом своим разрешить всякое недоумение.

Не случалось ли нам иногда при посещении какой либо древней обители желать расспросить о некоторых подробностях ее основания, которые унесли с собою в могилу современники, оставив по себе одни безмолвные здания? А здесь я имел утешение беседовать с самой основательницею, я мог расспрашивать подробно: что побудило ее собственно избрать это место, а не другое? почему именно сооружена такая церковь? какие чувства и надежды одушевляли ее тогда, и какие слезы проливала она над гробами присных посреди сего поля смерти? ибо и ее обитель основана, как выразился в летописи своей преподобный Нестор: «не даянием бояр или князей, по потом и слезами». Он полагает такие обители прочнее других, приводя в пример лавру Печерскую, орошенную слезами Антония и Феодосия. Мне пришло на мысль спросить игуменью: «почему церковь, основанная ею на Бородинском поде, не посвящена памяти того дня, в которых происходила битва, то есть сретению иконы Владимирской?» и она мне отвечала:

«Все, что совершилось здесь со мною, имело для меня как бы некое тайное указание, которому я должна повиноваться, и

теперь сама с изумлением вижу себя настоятельницею обители, которую никогда не предполагала созидать. Тоже случилось и с храмовым ее праздником Нерукотворного образа Спасова; икона сия была храмовою в Ревельском полку, которым командовал муж мой. Собираясь в поход, в последнюю минуту прощания тот, кого мне уже не суждено было видеть в здешнем мире, вручил мне свою храмовую икону с драгоценными сосудами, прося сохранить их до его возвращения. После его кончины, пламенно желала я удержать себе в память и благословение последний залог, вверенный мне в минуту разлуки, но не предвидела возможности сего исполнить. Провидению угодно было устроить все по моему желанию: однажды утром известили меня о приезде нового начальника Ревельского полка: я поняла, зачем он приехал, и вынесла ему заветную святыню, не без глубокой грусти о родной мне иконе; но сколь велико было мое изумление, когда он, посмотрев на нее, сам предложил мне оставить у себя образ, потому что уже не приходился по мере нового иконостаса полковой церкви. С тех пор икона Спасова всегда неразлучна была со мною, и я посвятила ей церковь над прахом мужа, который вверил нас взаимно друг другу.»

Я заметил игуменье, что и самый храм, великолепно сооружаемый в столице, будет также праздновать Спасу, а не сретению Владимирской иконы, и что таким образом, как будто, одна мысль действовала при созидании обоих.

«Если припоминать все обстоятельства и соображать минувшее с настоящим», продолжала мать Мария, «то много откроется необычайного, чему даже трудно поверить, если бы не существовали еще живые свидетели. Нечто особенное, можно сказать, роковое влекло меня к Бородину, и место сие было мне указано, когда еще никто не слыхал, что есть урочище Бородинское. Я была вполне счастлива мужем и сыном, когда однажды мне приснилось за год до моей горькой потери, будто отец мой приносит ко мне в спальню одного моего младенца и говорит: «вот все, что тебе осталось!» и в тоже время мне слышался тайный голос: «участь твоя решится в Бородине!» Помню, что, проснувшись в большом волнении, я рассказала

мужу то, что виделось во сне, и он приписал это игре пылкого воображения. Нам любопытно было узнать: что это за урочище Бородинское, которым мне угрожал сон? и мы напрасно искали его в окрестностях нашего полка, который тогда был расположен не далеко от западной границы. Кому могло придти на мысль, искать Бородино на Смоленской дороге близ Москвы? – Когда же совершилось страшное событие, я была при отце моем, и он действительно пришел мне объявить потерю мужа, с младенцем на руках, говоря: «вот все, что тебе осталось!» Тогда опять повторилось мне роковое имя Бородина: – как объяснить такое горькое предчувствие?»

Видя пред собою ту, которая рассказывала мне о своем вещем сне, уже в рясе иноческой и на поле Бородинском, я глубоко был поражен ее рассказом, как будто кто либо из другого мира раскрывал мне тайну связи прошедшего с будущим. Я спросил еще игуменью: «что побудило ее основаться на этом месте обширного поля? и как она могла отыскать тело своего мужа посреди стольких избиенных?» – «Ах! я не отыскала его, отвечала мать Мария, но здесь он был убит! Напрасно, несколько недель после сражения, обежала я со старцем Можайского монастыря Иоасафом все побоище, когда еще не зажигались на нем страшные костры для сожжения всех его трупов. Отчаяние мне придавало силы: быстро прошла я все пространство от селения Бородина до Колоцкого монастыря и даже не почувствовала усталости девятиверстного пути. Нельзя было без ужаса смотреть на курган Раевского и Семеновския батареи, где теперь стоит обитель: то были по истине горы человеческих тел, потому что здесь сильнее бились; место сие из всего поля казалось наиболее требовало молитвы за усопших, – и вот они совершаются!»

«Но кто же указал вам самое место убиения вашего мужа?» – «Один из подвижников битвы, генерал Коновницын, близкий мне и по узам семейным, сжалился над моим напрасным скитальчеством. Он прислал ко мне с сыном своим план Бородинского сражения, составленный им самим еще по свежей памяти, указал на нем расположение наших и неприятельских войск и означил батарею близ деревни Семеновской, как то

горькое для меня место, где был убит муж мой. Я перестала искать и основалась на этой батарее: вы увидите, что церковь наша стоит на валу. Вот и письмо, которым он убеждал меня не искать долее ненаходимого, и самый план, составленный им для меня.»

С благоговением прочел я простое, добродушное письмо великого воина, исполненное нежного участия, и развернул план битвы Бородинской, его рукою начертанный. Один из витязей страшной битвы, сам того не ведая, указывал место будущей обители для вдовы одного из положивших жизнь за веру и отечество на этом поле: – и вот она чрез столько лет раскрывает план сей пришельцу в тиши своей кельи уже в сане игумены, как бы межевые планы или писцовые книги на владение сим кровавым урочищем! – Такого землемера достойна была такая обитель! и сколько великого в этой первоначальной простоте! как драгоценна будет хартия сия для потомства! – По ней я мог распознать местность окрестных селений и боевых курганов, которую на другой день поверил сам с высоты уединенного памятника. Мне любопытно было знать, как могла женщина одна преодолеть весь ужас этого поля и мужественно поселиться близ своей одинокой церкви, доколе не устроилась еще обитель?

«Я никогда не думала о том, что со мною здесь будет, а только о том, что уже было, отвечала она. Бывшее же здесь слишком сроднилось со мною, чтобы не приковать меня навсегда к сему месту. Сперва я очень занята была построением церкви, для себя же поставила малый домик, в виде сторожки, куда приезжала только на время, чтобы наблюдать за работами; он и теперь существует, и вы в нем проведете ночь. Со мною жила одна добрая старушка, которая хотя и была нам чужда по вере и племени, однако посвятила себя совершенно семейству нашему и здесь впоследствии при мне скончалась. – Не было ограды около нашего домика, и часто мы видали по ночам как бы огоньки, светящиеся вдаль: это сверкали глаза рыскавших около нас волков, которых вой обличал неприятное соседство. Не понимаю также, как во все то время мы не были ни разу ограблены, потому что при мне не

было почти вовсе прислуги, а место открытое. – Бог сохранял нас. Сын мой разделял со мною уединение над прахом отца своего: когда же Господу было угодно лишить меня и сего единственного утешения, я не хотела более возвращаться в мир и безотчетно предалась тому чувству, которое влекло меня к Бородину. Место сие сделалось для меня целым миром: здесь похоронила я сына, здесь был убит его отец; чего же оставалось мне искать в другом месте? – Не знаю сама, как составила около меня община: добрые люди стали приходить и селиться, а я не имела духа им отказывать; сестры занялись молитвою и рукодельем для своего пропитания, и я разделяла с ними то, что имела от щедрот Монарших, и то, что приобрела от продажи моего малого имения. Когда община сделалась многолюднее, то показалось более приличным для Августейших ее Посетителей, чтобы тут была обитель; но, когда здесь совершалась знаменитая годовщина Бородинская, еще не было ни монастыря, ни ограда; деревья, насажденные руками нашими, служили нам оградой под сенью нашего малого храма, и вот 'теперь уже ограждена обитель доброхотными даяниями усердствовавших и сооружены еще церковь и кельи. Такова начальная история всякой обители! Господь видимо пособил нашей немощи и позволил мне устроить то, чего я никогда не надеялась видеть; никогда я не могла вообразить себе и того, что когда либо буду игуменьей Бородинскою; но в обители святого Сергия удостоилась я принять образ иноческий от руки нашего Владыки. Так благословение Преподобного, которому близко все отечественное, распространилось и на поле Бородинское».

В завлекательной для меня беседе неприметно утекло время? и ударила полночь; мрачно было небо. Когда повели меня с фонарем в назначенный мне ночлег, я должен был подняться по тропинке на вал, и белая церковь мелькнула мне, как призрак; храм на бойнице внутри женской обители, – все это было чрезвычайно торжественно в сумраке ночи. С благоговением вступил я в тихий приют, где прежде столько горького, а потом столько славного, посетило одинокую некогда жилищу сего убогого домика, разросшегося в обитель. Я был

исполнен впечатлениями ее трогательного рассказа, которым для меня окончился сей замечательный день, канун Бородина, начатый мною столь же оригинально в беседе с одним из героев битвы, которого я посетил в его сельском приюте. Утро, проведенное с деятельным подвижником Бородинского поля битвы, каких уже мало остается на поле жизни, а вечер с тою, которая одна из стольких жен, все утративших на этом поле, осталась на нем оплакивать свою потерю: – много ли таких полных дней случается в жизни? – Дума за думою сменялись в моем воображении и долго лишали сна; ранний колокол разбудил к ранней обедне в ожидании крестного хода.

Скоро послышался издали звук колоколов Бородинских; он возвещал начало сего хода, на который собирается все Можайское духовенство, чтобы пройти молитвенно иоле битвы на самом страшном его протяжении от села Бородина и до обители; я поспешил к памятнику, к которому должно было направиться церковное шествие. – Одинок стоял он на высоте, некогда бывшей укрепленным курганом и прославившей батареею Раевского от подвигов вождя, ее защищавшего. Нельзя было избрать приличнее места для сего царственного столба, господствующего над всею окрестностью, места, которое наиболее было орошено кровью храбрых, так как и самая обитель стоит на другой столь же кровавой точке поля битвы. – Как некая таинственная мета, о которую должно разбиваться мимотекущее время, стоит одинок чугунный столб сей, грань вечности, увенчанный крестом, исписанный именами главных вождей наших и двадцати языков, сразившихся здесь со святою Русью: на нем начертано число воинов обоих исполинских полчищ и их громоносных орудий с числом падших в их кровавой сече: какая страшная летопись смерти! – С лицевой стороны образ Спаса осеняет памятник, близ которого совершаются молитвы, и сия икона соответствует той, которой посвятила свою обитель игуменья Мария: позади памятника погребальная плита одного из трех вождей, павшего в сей битве, Князя Багратиона, которого прах перенесен был сюда во время годовщины Бородинской. Это одна только известная могила на целом поле, где пало до ста тысяч!

Два гвардейских инвалида, приставленные для хранения памятника, как участники славной битвы, указывали мне главные ее точки, по мере того как я их спрашивал, и ознакомили меня с местностью. Я увидел влево высокий курган Шевардинский, где еще за день начался кровопролитный бой, и по ту сторону реки Колочи, отделявшей нашу армию от Французской, малое селение Валуево, где стоял Наполеон, и откуда двигались все массы маршала Нея. На самом горизонте мелькала колокольня Кодоцкого монастыря, с которой завоеватель орлиным взором своим обегал поля сражения и еще прежде боя наблюдал за движением наших войск. Место, где я стоял, служило центром для фронта армии: Бородино вправо и Семеновское влево, обозначали края этой железной стены, сквозь которую столько раз искал прорваться неприятель. Еще левее селения обитель притаила в ограде своей кровавый окоп Семеновский, где пало столько храбрых; а вправо от кургана Раевского, позади Бородина, возвышалось на большой дороге Можайской селение Горки, отколе управлял всею битвою наш великий соперник Наполеона. – Таким образом все поле сражения или, лучше сказать, самая историческая его часть открывались моим взорам от памятника. Роковое место сие было как бы предназначено к бою самими названиями своих урочищ: Воина, Огник, Стонец, вот три ручья, которые стеклись в Колочу на этом страшном поле, пророческими звуками имен своих обрекая его на битву. На высоте бывших батарей вспомнил я живой рассказ поседевшего героя Бородинского, слышанный мною накануне: как вытеснил он неприятеля, овладевшего сим курганом.

«Это было дело случая», скромно говорил мне маститый воитель Кавказа, как бы чуждаясь отблеска своей Бородинской славы. – В самом пылу сражения, когда Багратион бросился на штыки со всеми своими силами, чтобы оттеснить неприятеля, к Главнокомандующему прискакал зять его, Князь Кудашев, с известием, что Багратион тяжело ранен, и замешательство в войсках очень велико. – «Голубчик», сказал мне Главнокомандующий (это было обычное его слово), посмотри, нельзя ли там что-нибудь сделать, чтобы ободрить войска.» – Я

поехал в большом раздумьи, потому что не предвидел возможности успеха в войсках, расстроенных потерей любимого их начальника и мне совершенно незнакомых. Увидев храброго полковника Никитина (ныне графа и инспектора всей кавалерии), я подозвал его и сказал: «теска, возьми с собою три конные роты и не теряй меня из виду, чтобы нагнать в поле, а я поеду на левый фланг;» – чрез несколько минут прискакали орудия. Тут встретился мне граф Кутайсов, бывший начальник артиллерии первой армии, и, спросив: куда я еду, объявил свое желание следовать за мной; напрасно старался я его отклонить.»

«Ты всегда бросаешься туда, где тебе не нужно быть, говорил я; давно ли тебе досталось от Главнокомандующего за то, что не мог нигде тебя доискаться, а теперь опять ты просишься на неприятности. Я еду в армию, мне чужую, приказывать там именем Главнокомандующего, а ты что будешь там делать?» но Кутайсов не хотел меня слушать и продолжал ехать со мною рядом, как будто бы его влекла судьба на определенную ему смерть.

«Покамест мы ехали полем, вдруг я вижу вправо большое смятение вокруг батареи Раевского: наши бегут в беспорядке: верх батареи покрыт густым дымом, и уже неприятель ею овладел: вся масса, бегущих стремилась прямо на нас. Я остановился и подумал: вместо того чтобы ехать во вторую армию, где еще не знаю, что могу сделать с чужими войсками, не лучше ли будет восстановить тут сражение и выбить неприятеля из центра нашей позиции? Сейчас же велел я конной артиллерии повернуть вслед за мной вправо к батарее. Тут случился один батальон Уфимского полка, последний с края нашей первой армии; я скомандовал ему к атаке; он было хотел идти колонною, но я велел ему развернуться фронтом, чтобы линия наша казалась длиннее, и в эти тенета захватить больше бегущих, которых я останавливал криком; вокруг меня собралась большая толпа; я бросил вперед несколько Георгиевских лент, которые имел с собою; тогда ударили мы на батарею Раевского, и в четверть часа она опять уже была нашею, потому что Французы не успели даже оборотить на нас

орудий наших, да и не было бы от них пользы, потому что истощились заряды; от того они и могли овладеть батареею. Мы сбросили паши пушки с валу вместе с неприятелем; не было ему пощады; солдаты в ожесточении никого избрали в плен; взяли одного только генерала Бонами. Не было возможности удержать наших от погони, потому что вся масса не могла взойти на курган; остальные с обеих сторон устремились вслед за бегущими к глубокому оврагу, покрытому лесом, который был впереди нашей позиции и занять войсками маршала Нея. Теперь уже не видать этого оврага, он выровнен, и срублен лес. Не будучи в силах остановить своих, я велел кавалерии заскакать вперед и гнать их обратно на батарею. В этой свалке исчез граф Кутайсов, прискакала только одна его лошадь, он не попал на батарею, но был убит подле. Один из офицеров видел его падение и принял его на руки, но не мог вынести тела из свалки; он снял только с него георгиевский крест и взял его золотую саблю, чтобы не достались неприятелю. До вечера отстаивали мы батарею, я сам держался на ней три часа, пока боль от раны не заставила меня удалиться».

Я был еще исполнен живым рассказом сего славного подвига и припоминал себе все его подробности на самом месте события, когда показались под горою недалеко от моста через Колочу хоругви крестного хода, выступившего из селения Бородинского. Медленно подвигался ход, не многочисленный на этот раз, потому что свирепствовавшая здесь холера скосила многих священнослужителей и удержала от богомолья народ: но еще довольно было для торжественного воспоминания великого дня. Веяли хоругви, слышалось пение, священники шли в светлых ризах, как будто вестники иного мира, чуждые кровавому событию, о коем однако напоминали своим шествием, оглашая землю гимнами неземными. На месте, ознаменованном полным разгаром страстей человеческих и падением героев, являлся бесстрастный хор сей в виде таинственного посланника, возвещавшего суд неба в слух земле! – Таково было в сию минуту впечатление поля Бородинского, где разыгралась одна из самых страшных трагедий нашей эпохи. Медленно поднялся к памятнику

крестный ход; священнослужители взошли на его ступени и поставили нагой пред иконою Спаса. Старший из них окропил святою водою кругом памятник, и предстоявших, и одинокую могилу Багратиона, потом осенил крестом на все четыре стороны все обширное поле смерти: – какое торжественное осенение! и опять двинулся крестный ход к обители чрез селение Семеновское.

Как должно быть обязано потомство игуменье Марии за учреждение сего молитвенного шествия, ибо она первая начала приглашать к себе на панихиду окрестное духовенство, и таким образом мало по малу образовался и утвержден был крестный ход сей, заходящий теперь и к памятнику. Во вратах ее Спасской обители архимандрит мужского монастыря из Можайска встретил соборно крестный ход с прочим духовенством и со всеми инокинями, и после краткой литии за оградою все взошли в церковь Спасову, где началась литургия. Она окончилась соборною панихидою за всех избивенных в этот тяжко памятный для России день, и умирительно было слышать молитвы за них на том самом поле, которое оросилось их мученическою кровью: невольно текли слезы у предстоявших. Владельцы окрестных селений, которых имена сделались бессмертными битвою Бородинскою, собрались отовсюду в обитель для сей панихиды, и таким образом ежегодно обновляется память битвы, дабы никогда не стерлась она из памяти грядущих поколений. При столь трогательном воспоминании о былом и о минувших, невольно разогревалось сердце теплым чувством любви к отечеству и благодарности к той, которая частную свою печаль сделала общественною и увековечила молитву на Бородинском побоище.

1848.

II. Память освобождения Москвы от галлов

Какое торжество готовит древний Кремль? О чем гласит медный хор его колоколов? Высоко горят древние хоругви двойным рядом златокованных щитов, подвигаясь от собора Успенского к Спасским воротам; попарно тянется за ним непрерывающаяся цепь священнослужителей в светлых ризах от всех сорока сороков первопрестольной столицы, и весь митроносный сонм настоятелей обителей Московских. Вот и священные иконы, озаменованные неоднократно спасением земли Русской: Корсунская Божия Матерь, времен равноапостольного Владимира, между двух ее кристалловидных крестов; икона Благовещения преподобного Прокопия, отстранившая некогда страшную каменную тучу от Великого Устюга, и Владимирская, кивот спасения всея Руси, удержавшая грозного воителя Тамерлана. Пресвитеры благоговейно несут сию заветную святыню, как некогда жрецы и левиты, во исходе Израилеве из Египта, дому Иаковля от людей варвар, когда по громкому выражению псалма: «море виде и побеже, Иордан возвратися вспять». Тихо и величаво шествует, вслед за ближайшею сердцу Русскому святынею, близкий сердцу своей паствы, Первосвятитель столицы со всеми знаменами своего духовного сана, а позади и вокруг него тысячи народа, унижавшего обе стороны стесненного крестного пути.

Что же знаменует торжественное шествие? – Это память судеб Божиих над нами бывших: ибо, хотя на сей раз не побежало море и не возвратился вспять Иордан, как во дни исхода Израилева из Египта: но и мы видели, видели шествия Твоя, Боже, при изгнании от нас мышцею Твоею людей варвар и нового Фараона; – полчища, его погрязли в снегах северных, как бы в пучине Чермной! Сорок дней тяготела рука его над градом святыни и гробов отцов наших, и вот совершается как бы торжественный сорокоуст от лица всея Церкви Московской в память сорокодневного ее плача. Это и последний отголосок

славной, но вместе горькой битвы Бородинской, здесь отозвавшейся в сердце всея Руси!

Куда же направляется крестный ход с древнею своею святынею? Он идет кругом священного кивота, искони охраняющего в заветных стенах своих все сии сокровища, вокруг Кремля, который, отстоял их и во дни сорокодневного плена, не подвигшись с вековой своей основы. Напрасно желал надменный завоеватель, чтобы взлетел он на воздух со всею его святынею, и чтобы пал вещий столп Ивана Великого, сзывающий к ней на молитву. Пал один только угол стены с вершиною одной лишь башни, и то во свидетельство немощи человеческой и силы Божией: ибо уцелела на сокрушенной башне икона Святителя Николая, давшего ей свое имя, и самое стекло пред иконою не повредилось. Как же не обойти с глубоким благоговением вокруг столь заветной святыни и не воздать на каждом шагу благодарной молитвы Богу отцов наших, показавшему и на нас милости свои древняя! «Обыдите людие и обымите Сиона»! восклицал Давид, исполненный любви к сей матери градов Израилевых; и мы с любовью обходим и как бы объемлем всенародными объятиями Сион Московский, основание коего также на горах святых.

У Спасских ворот Кремля весь сонм инокинь Вознесенских встретил и проводил пением мимоидущего Владыку. На Красной площади Китайгорода священнослужители Покровского и Казанского соборов поднесли ему для благоговейного целования чудотворные иконы своих храмов, сооруженных в память взятия Казани и освобождения Москвы; и так вот еще два великих воспоминания присоединились к третьему, не менее славному. Мимо памятника Минину и Пожарскому протянулся крестный ход, не прерываясь на пространстве всей площади, так что, когда уже хоругви преклонялись под своды Иверския, Святитель только что выходил из-под Спасских. У часовни Иверской Богоматери остановился крестный ход для всенародной литии, чтобы поднять из ее кельи чудотворную Пришедицу Афонских гор и украсить ее присутствием столь светлое торжество. Около ступеней стали прочие священные иконы в ожидании небошественной Спутницы; пред ними

выстроились золотые хоругви, указывая блестящий путь. С возвышения часовни видны были только человеческие головы, покрывавшие живым помостом все пространство вокруг, и они благоговейно преклонились, когда взошедший на ступени Владыка после чтения Евангелия в честь Пресвятой Девы осенил их животворящим крестом. Тогда из глубины ярко освещенной часовни показалась во всем блеске своих драгоценных камней Иверская икона, и молитвенный шепот пробежал от края площади и до края: «Владычица идет с нами»!

Двинулся опять крестный ход при пении ликов: уже не останавливаясь, обогнул он поэтический сад Кремля, зеленью холмов и деревьев, своенравно прильнувший к вековым стенам, как те мшистые травы, что обвивают утесы, о которые с шумом разбиваются валы. Много бурных волн разбилось и о седую грудь старого Кремля, но не морских, а человеческих волн, воздвигаемых бурями Орды и Литвы, и над всеми ими посмеялся зубчатый старец. Вот и последний исполинский натиск целого Запада отхлынул от него с шумом, и с шумом погибла в волнах океана память завоевателя: «мимо ид ох – и се не бе»!

И вдоль живописного берега Москвы реки под южным навесом Кремлевского холма, увенчанного здесь всею красотою своих храмов и палат, идет церковное шествие, объемля таким образом с трех сторон весь священный треугольник летописных стен и башен. Тогда опять подымается крестный ход от реки к Спасским вратам мимо восточной громады Василия Блаженного: но прежде, нежели взойти в заветную святыню Кремля, останавливается у лобного места; золотой ряд хоругвей обозначает опять священный путь от сей Русской Голгофы к царственным вратам Кремля: это второй торжественный отдых уже на конце шествия. Святитель восходит на ступени всенародного амвона, с которого превозгласилось столько летописных речей в слух всея Руси; вокруг Владык и стоит весь митроносный сонм и вся древняя святыня, исшедшая во свидетельство нового чудного спасения земли Русской. Митрополит подымается еще выше на свое

горнее место посреди лобного, и оттоле при гуле колоколов осеняет весь град и мир животворящим крестом на все четыре страны света, дабы во все концы его паствы распространилось пастырское благословение, и во всю вселенную спасительная сила святого креста, из самого сердца Православия. – Вот истинное *urbi et orbi*, которому далеко уступает Римское!

Пасха в Кремле

«Доколе стоит Капитолий, будет стоять Рим; доколе стоит Рим, будет стоять и вселенная!» так выражалась древняя пословица о всемирной державе Римской. – Столь же пламенное, но освященное верою Христовою, чувство любви к земной своей родине невольно наполняет сердце и от избытка сердца изливается устами Русского: «доколе стоит Кремль, будет стоять Москва; доколе стоит Москва, будет стоять святая Русь, а с нею и Православие!» и не напрасно еще древние летописцы наши называли первопрестольную столицу, наследовавшую славу Царьграда, третьим Римом. Стоит только ступить на священную высоту Кремля и окинуть изумленным взором живописную окрестность, дабы не только чувствовать, но и видеть, что здесь во истинну сердце Руси, ибо от сего дивного средоточия разбегаются во все ее оконечности благословенные ее пути из-под соборной сени древних святыниц, и сюда опять стекаются они от всех неизмеримых ее пределов, как обращение крови в теле человеческом жилами сосредоточивается в сердце. Потому так сильно и бьется оно, когда приближается к сему заветному сердцу всея Руси, которое само с нежностью материнскою бьется для каждого из сынов своих и всегда готово отозваться на каждый зов их, принимая живое участие в их сердечной радости и горе.

Этот Кремль, столько раз виденный мною и в красноречивом его безмолвии, и в благолепии духовных его торжеств, теперь в первые случилось мне видеть в священные дни Страстной недели и Пасхи, когда он облекается всем своим заветным величием и еще сильнее говорит душе, потрясенной воспоминаниями о распятом и воскресшем Господе. Еще исполненный сих впечатлений, пишу тебе, любезный друг, чтобы передать их тебе во всей свежести и вместе с тем пожалеть, что до сих пор ты добровольно лишал себя сего наслаждения духовного; и сколько из нас, проводя всю жизнь подле своей родной святыни, так и сойдут в могилу, не любопытствовав даже, что совершается внутри сего дивного Кремля в

священную ночь Пасхи и о чем так торжественно гласит он стоязычным звуком своих колоколов? – А между тем мы стремимся в дальнюю чужбину, в иноверный Рим, посмотреть там на служение папское во всех его подробностях. Там мы не боимся ни толпы в базиликах и в крестных ходах, ни духоты в Сикстовой капелле для слышания *miserere*. Всеми средствами стараются добыть туда билеты, чтобы слушать два и три дня сряду по несколько часов крикливое пение кажеников, и только на конце вечерни нечто более благолепное, но далеко отстоящее от наших церковных хоров. Совершенная драка возникает в ложе Ватиканской в ожидании трапезы нищих, угощаемых папою, и не смотря на то самые почетные дамы, которые так боятся многолюдства в наших соборах, туда теснятся, можно сказать, с опасностью жизни. «Как не посмотреть, говорят они: мы для того и приехали в Рим». – «Как же вы ничего не смотрите здесь? можно отвечать им: неужели обряды чуждые в земле отдаленной ближе для вас своих единовверных в сердце родины?» – «Но мы о них не знали», говорят они себе в оправдание. Сожалею и для того, чтобы не было сей последней, хотя весьма слабой отговорки, постараюсь изложить здесь то, что наиболее поразительно в великолепных службах Страстной и Светлой недели под священной сенью Кремля, так как я уже описал Римские обряды сих великих дней.

Начну с Великого Четверга, потому что богослужение первых трех дней Страстной седмицы, более или менее, можно видеть в других церквах; но в последние дни и на Пасхе совершаются особенные торжества, соответствующие величию времени и места; даже те, которые положены в обыкновенном чине всех церквей, восходят здесь до чрезвычайной степени благолепия, так что при зрелище оных невольно умиляется сердце и чувство благоговения обращается в невыразимый восторг. Весеннее полнолуние, всегда неразлучное с Страстной седмицею по самому времени, определенному для празднования Пасхи, и ранняя весна, теплая, растворенная всеми своими ароматами, благоприятствовали на сей раз наружному величию церковных служб; ибо летняя теплота

заменила обычный сему времени холод в соборах, и сильные грозы с громом и молниею, какие только бывают по середине лета, сделали воздух даже душным: теплые ночи сменяли жаркие дни, как будто пламенный июль внезапно заступил место холодного апреля.

Скажу тебе еще нечто близкое не только моему сердцу, но и сердцу каждого Москвитянина, и ты поймешь, почему радость наша была совершенна в сии торжественные дни: благоприятная погода поддержала слабые силы нашего Владыки и позволила ему совершить почти все возвышенные службы; они получали особенное выражение от духа молитвы, его проникающего и невольно вселяемого им в тех, которые созерцают его благоговейное служение. «Завидую вам, писал ко мне накануне Пасхи благочестивый Экзарх Грузии, что вы проведете праздники в Москве и разделите радость с Ангелом Церкви Московской, которому так легко усугублять радость радующихся о Господе;» и я на самом деле испытал истину сих выражений.

Первое и единственное в целой России зрелище представляет нам в Великий Четверток собор Успенский, ибо в нем совершается в память жены, помазавшей на смерть Господа Иисуса, всенародное елеосвящение пред началом страстей Христовых, как бы во исполнение слов Его: «аминь, глаголю вам, идеже аще проповедано будет Евангелие сие во всем мире, речется и еже сотвори сия, в память ея»². Каким глубоким, истинно Христианским смыслом проникнуто сие таинственное действие елеосвящения! Что сказал Господь о жене? – «Еже име, сия сотвори: предвари помазати тело мое на погребение»³. Верные же, образуя собою духовное тело, которого глава есть Господь, и приемля молитвенное участие в страданиях Его, готовят также к сему высокому подвигу чрез таинство елеосвящения, дабы не оскудели их душевные и телесные силы при многотрудном служении. Торжественное действие сие совершается только в Иерусалиме, Царьграде и Москве, хотя могло бы повторяться и во всех соборных храмах; но, как нечто необычайное, оно положено только при Патриарших кафедрах, и утешительно видеть, как верно

перешел весь священный чин великой Церкви Константинопольской, заимствованный из св. града, в сердце собственной святыни нашей, в первопрестольную Москву.

Архиерей, облачившись в черные ризы внутри алтаря, идет с шестью пресвитерами на средину собора, где приготовлен елей со свечами, и во время чтения канона елейного кадит всю церковь. Потом начинается умилительное чтение семи посланий Апостольских и семи Евангелий, из коих первое и последнее читает на своем амвоне Преосвященный. Так премудро собраны и расположены сии различные чтения, что внимательному слушателю представляется в них и самое учреждение спасительного таинства и духовный плод его; особенно трогательны молитвы, которые после каждой эктении, следующей за чтением Евангелия, возглашают по порядку все священнослужители, начиная с Владыки. Нельзя без глубокого чувства внимать их изречениям, которые мы обыкновенно слышим только при одре болящих, наипаче умирающих, будучи сами проникнуты горем угрожающей нам потери. Здесь же со свечами в руках мы стоим все здоровые, заблаговременно приготавливая себя к исшествию из сего мира, по милости Господа, еще терпящего нас во грехах наших. О если бы мы всегда так готовились к вечности! – После окончательной молитвы над елеем Архиерей разливает его в три сосуда для удобнейшего помазания многочисленного народа и, начав с самого себя, помазывает священнослужителей и весь клир, а потом они в свою черду помазывают всю паству, и трогательно видеть стремление православных к восприятию сего спасительного залога.

Час спустя после елеосвящения, в полдень начинается литургия Великого Четверга, которая напоминает нам, преимущественно пред всеми ежедневными литургиями, божественное установление Вечери Тайной и проникает сердце вместо Херувимской песни умилительною стихирю: «Вечери Твоя тайные днесь, Сыне Божий, причастника мя приими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во царствии Твоем.» – Всякие три или четыре года, судя по необходимости

во святом мире, торжественное его освящение знаменует сию литургию; оно заблаговременно готовится в крестовой палате Патриаршего дома при непрестанном чтении Евангелия в течение первых трех дней Страстной седмицы и перед началом литургии Великого Четверга в двенадцати серебряных сосудах приносится пресвитерами в собор Успенский. Там совершается над ним освящение: на великом входе пред дискосом и чашею несут от жертвенника в царские двери так называемый алавастр, малый сосуд с преждеосвященным миром, а за ним большие серебряные сосуды с миром, приготовленным к освящению. Алавастр поставляется на престоле, а прочие сосуды по обеим сторонам его; по освящении даров открываются сосуды; Архиерей благословляет мир с троекратным крестным знамением и произносит молитву освящения. Часть прежнего мира вливается в каждый сосуд нового, а потом дополняется опять алавастр, чтобы Церковь имела всегда одно непрерывное миро, как непрерывен в Ней дар Святого Духа.

Не без глубокой мысли освящение мира, чрез которое мы все принимаем духовное помазание при самой купели с именем Христианина, положено совершать в тот великий день, когда Апостолы, начальники нашей веры, сделались первыми общипками тела и крови Христовой. Не без высокой цели и самое миро истекает на всю Россию из двух только первопрестольных соборов Киева и Москвы, дабы сим духовным единством содержать се в союзе Православия и чтобы освящение верховных Архиереев распространялось на действия каждого пресвитера, помазывающего св. миром крещаемых младенцев. Мне не случилось видеть ни освящения мира, ни торжественного его приготовления, когда перед началом литургии в Великий понедельник Архиерей благословляет ароматные травы и зажигает огонь, для их варения в устроенной на сие печи посреди крестовой палаты, под наблюдением диаконов; – в этот год не было необходимости в освящении мира. Но вместо того я имел утешение созерцать другой возвышенный обряд, который хотя и совершается повсеместно там, где есть Архиерейския кафедры,

однако производит более впечатления посреди древней святыни Московской; ибо там все уже заблаговременно располагает сердце к умилению самым многообразием священных предметов и воспоминаний: один только Киев может сравниться в этом с Москвою.

Митрополит совершал литургию и потом умовение ног двенадцати архимандритам и пресвитерам на возвышенном амвоне посреди собора при чтении Евангелия от Иоанна, которое громко возглашал протодиакон, так что каждое слово его представлялось в самом действии, и даже слова Господни и Петровы повторялись священнодействующими. При чрезвычайном стечении народа благоговейное молчание водворилось в соборе; некий таинственный страх проникал душу: ждали слов и деяний, как бы от самого Господа, хотя и в лице Его служителя и вот, вместе с возвышенными словами Евангелия: «ведый Иисус, яко вся даде Ему в руце и яко от Бога изыде и к Богу грядет, встав от вечери и положи ризы и, прием лентион, препоясая», тихо поднялся Святитель с кресел, на коих сидел посреди двенадцати учеников: хотя окруженный сонмом своих диаконов, сам он без помощи их начал слагать с себя облачение: митру и палицу, омофор и саккос: но сохранил служебное знамение ига Христова, епитрахиль, поверх подризника и надел опять митру, подобие венца Христова, в знак того, что власть имеющий Господь, хотя и восприял зрак раба, владычественно однако совершил свое служение. Между тем протодиакон непрестанно повторял с амвона: «и положи ризы, и прием лентион препоясая», доколе не исполнил сего Святитель и не опоясался крестообразно лентионом для отирания ног.

Митрополит, следуя во всем возглашаемому Евангелию, «вливая воду во умывальницу и начав умывать ноги учеником и отирати лентием, им же бе препоясан». Он действительно, преклонив колена, омывал и отирал их, и потом целовал руку у омываемого с подобающим смирением, не так как я видел в Риме умовение, которое совершал папа не двенадцати пресвитерам, а тринадцати нищим: ибо все отзывается в Риме своевольным и опровержением древнего чина церковного и

даже слов Евангельских. Едва наклонялся папа к ногам сих мнимых нищих или странников, весьма мало проникнутых важностью обряда, и кардиналы, следовавшие за Первосвященником, гораздо более его служили, вручая им после умовения по медали с букетом цветов. У нас же напротив во всем было строгое исполнение текста Иоаннова, так что кто смотрел на совершение обряда, будто бы читал в лицах Евангелие, а кто читал оное, созерцал самый обряд.

Впечатление слышанного и виденного еще усилилось, когда Владыка, приблизившись к последнему ученику, сидевшему с правой стороны, услышал от него самые слова Петровы, благоговейно произнесенные архимандритом Новоспасским, старшим из всех, как подобало быть и Петру: «Господи, Ты ли мои умоеши нозе?» Едва слышным голосом отвечал ему Владыка: сеже аз творю, ты не веси ныне, уразумеешь же по сих». Вся возвышенная беседа Господа с Апостолом произнесена была представлявшими их лицами, и только возгласы диакона: «глагола ему Петр, отвеща ему Иисус», знаменовали речь каждого и придавали еще более торжественности сей беседе, повторяемой чрез осмнадцать столетий со всею яркою существенностью настоящего. Когда же заключил Владыка в лице Господнем: «и вы чисти есте, но не вси», и объяснил диакон, почему Он это сказал: «ведый бо предающего Его, сего ради рече, яко не вси чисти есте», невольный ужас пробежал по членам; ибо совесть возбуждала в каждом страшный вопрос: «еда аз есмь, Господи?» Совершив таинственное умовение, Святитель по гласу диакона: «прият ризы своя», опять без помощи служителей церковных; он возсел между учеников своих и прочел из книги Евангелия изъяснение высокой цели сего обряда, дабы не только они, но и народ уразумел всю премудрость установления церковного из самых слов Спасителя.⁴ «Весте ли, что сотворих вам? вы глашаете мя учителя и Господа и добре глаголете: семь бо. Аще убо аз умых ваши нозе, Господь и учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе; образ бо дах вам, да, якоже аз сотворих вам, и вы творите. Аминь, аминь глаголю вам: несть раб болий

Господа своего, ни посланник болий пославшего его: аще сия веете, блажен и есте, аще творите я».

Есть и в Великий Пяток, ознаменованный столькими возвышенными священнодействиями, одно, исключительно совершающееся в Успенском соборе на Царских часах и весьма трогательное, хотя мало кому известное: это умовение мощей, которые торжественно для сего приносятся в главный собор из Благовещенского, где наиболее их хранится: ибо в сию домашнюю сокровищницу собирало их из дальнего Востока благочестие Царей наших и в Великий Пяток предлагало их благоговейному лобзанию народа или. можно сказать, отечески с ним делилось своим духовным богатством. И этот возвышенный чин перешел к нам из Византии, исполненный таинственного смысла, каким Православная Восточная Церковь умела проникать и облекать свои возвышенные обряды. Действительно, если вникнуть в сие последнее учреждение, то обнаружится нечто более, нежели одно благоговейное желание сохранить в чистоте священные залогов, вверенные хранению Церкви. – Накануне Архиерей в лице Господа умывал ноги иереям, представлявшим лице Его учеников; не должны лишиться сего молитвенного умовения и ближайшие последователи Христовы, положившие за Него кости свои в основание Церкви, которые прославили Его на земле хотя отчасти тою славою, какою Он прославил их на небесах. Посему и им воздается та же смиренная почеть: – они уже наслаждаются в невечернем свете царствия Божия вечной Пасхи Христа; но доколе еще соблюдают на земле их нетленные остатки, к последнему дню общего воскресения, сами они делаются участниками таинственного омовения, которое предшествовало Вечери Тайной. Здесь, как и во всех священнодействиях наших, является непрестанный союз Церкви видимой и невидимой, воинствующей и торжествующей.

Пред началом царских часов Архиереи, облаченный в черные ризы, с духовенством Успенского собора идет в Благовещенский при звуке колоколов Кремля, и ход сей имеет ту особенность, что он как бы погребальный. Из углообразной паперти Благовещенской, куда вступает церковное шествие,

внезапно открывается во внутрь собора умиленное зрелище: там в черных облачениях стоят двадцать священников вокруг накрытого парчей длинного стола, в виде гроба, на коем лежат двадцать серебряных ковчегов с мощами внутри их и с ликами изваянных на них угодников Божиих. – Явление сие поражает своею неожиданностью. Архиерей, окаяв святыя мощи, подает каждый кивот священникам, которые возлагают его на главу свою; сам он, поддерживаемый двумя архимандритами, подымает с аналая животворящий Крест Царя Константина, и таким образом весь прежний соборный ход, умноженный двадцатью пресвитерами с кивотами на главе, возвращается в собор Успенский, возбуждая невольное умиление своею погребальною торжественностью. Мнится видеть древнее шествие Израиля с кивотом Завета и прочею ветхозаветною святынею, несомую Левитами в землю обетованную; ибо здесь и свещники и Херувимы, осеняющие в виде рипид животворящий Крест, заменивший преобразовательный кивот; но вместо костей Иосифа, сопутствовавших сынам Израиля из Египта, здесь кости пострадавших за Христа мучеников. Кто не видал сего зрелища, по истине лишил себя чрезвычайного утешения.

Кто же сии, в частях токмо несомые угодники Божии? – Здесь и первозванный Апостол и Евангелист Марк, и Архидиакон Стефан, и Богоносец Игнатий, Великомученики Георгий и Феодор с сорока Севастийскими и другими именитыми страдальцами. Пантелеймоном, Варварою и двумя Пересними; здесь и Святитель Василий с Ефремом Сирским, и святыя Безсребренники и богословствовавший Дамаскин, и еще много иных, имена коих не могу перечестъ. Все они полагаются на приготовленный стол промежду двух соборных столбов от Царского к Патриаршему месту. Тогда начинается служение царских часов, в котором участвует сам Архиерей, ибо он читает первое и последнее Евангелие Страсти. Это было впервые, что я мог видеть сию возвышенную службу с подобающею ей торжественностью, так как она знаменует самый час распятия. Обыкновенно ее совершают без особенного благолепия и даже при малом стечении народа, потому что все готовятся к

вечерней службе для целования плащаницы; но плащаница знаменует только положение во гроб, собственно же распятие выражается на часах свидетельством четырех Евангелистов о страшном и спасительном для нас событии. После царских часов освящается вода посреди собора, и Архиерей начинает омыwać сю на аналое животворящий Крест и гвоздь Господни, послужившие к Его распятию, и ризу Его, о коей метали жребий, и ризу Богоматери, взнесенные из алтаря Успенского. И какие еще сокровища там хранятся, едва ли ведомые благоговейно целующим их при посещении храма? – тут и локоть Андрея Первозванного, с частями мощей Предтечи и Великомученика Георгия, главы Григория Богослова и Златоуста, и перст Василия Великого, и ручка всехвальной Евфимии, и челюсть Просветителя Руси, благоверного Князя Владимира. Все сие омывает также Владыка и потом идет в сопровождении диаконов, несущих святую воду, отирать чело Святителей Петра и Филиппа и руку Святителя Ионы открытые целованию народа и потому более требующие омовения. Трогательно видеть чрез столько веков сие братское дело любви над усопшими в Бозе Пастырями и Отцами, совершаемое теми, кто исполняет чреду их пред лицом их Московской паствы. Тем же порядком и столь же торжественно возвращается крестный ход в собор Благовещенский с драгоценными кивотами, которые полагаются там для благоговейного их чествования во весь день Великого Пятка.

Не стану описывать вечерней службы, которая всегда и везде совершается с одинаковою торжественностью. Я присутствовал при служении Митрополита в Заиконоспасском монастыре и сожалел, что не видал оное в Успенском соборе или в Пудове; ибо все такие действия имеют гораздо более торжественности внутри священных стен Кремля. Обычай совершать вечерню сию в Заиконоспасском, вероятно, начался с того времени, когда там учреждена была духовная Академия при Царе Феодоре Алексеевиче, и ректоры ее говорили на сей день назидательное слово, привлекавшее православных своею необычайностью. Но теперь, когда уже духовная Академия перенесена в лавру Троицкую, и самая семинария помещается

в другом здании, не время ли возратить Кремлю торжество сей вечерни, которому не благоприятствует теснота Заиконоспасской обители.

Настала ночь Великой Субботы, ознаменованная погребальною утренею, с которою может сравниться одна только Воскресная. Какое страшное слово: «люди погребают Бога!» – Какой Ангельский лик был бы того достоин? – Но Умаливший Себя ради человеков и зрак раба Приявший мертв зрится и, плащаницею Обвитый, ею знаменуется, предавая Себя в руки человеческие для таинственного погребения! – Здесь Церковь исполнилась всем своим плачем, чтобы выразить на языке смертных тайну, в которую и Ангелы желают проникнуть: «Горе Тя на престоле и доле во гробе, премирная и подземная помышляющие, Спасе мой, зыбляхуся умерщвлением Твоим, паче ума бо виден еси мертв, Живоначалниче».

Уже совершились похвальные песни исходу Богочеловека прерываемые жалобными псалмами, и мертвенный над ними канон, проникнутый ужасом ада и чаянием вечной жизни; Ангельский гимн «слава в вышних Богу», огласивший рождение Вифлеемского Младенца, повторился и над гробом» Голгофского Страдальца. Началось тихое «Святый Боже», сопровождающее каждого мертвеца человеческого к его последнему жилищу, и при этом торжественном пении руками Архиерейскими поднят был с престола соборного Божественный Мертвец. Погребальное шествие северными дверьми алтаря мимо мощей Святителя Петра двинулось внутрь храма к западным вратам со свещниками и кадильницами под сению рипид при веянии хоругвей. Ночь встретила во вратах из ярко освещенного храма как бы тот подземный мрак, который снисшел рассеять Усопший, когда в одно и тоже время был: «во гробе плотски, во аде с душою, яко Бог, в раю же с разбойником, и на престоле со Отцом и Духом, вся исполняя не описаний. Медный рев колоколов Кремлевских потряс воздух, как бы страшный голос неба и земли, слитый вместе, ибо во истину: «ужаснися бояйся небо, и да подвижатся основания

земли, се бо в мертвецах вменяется в вышних Живый, и во гроб мал странно приемлется».

Вместо благообразного Иосифа и Мироносиц погребателем шел народ Московский около плащаницы своего Господа со свечами в руках, с умилением в сердце, чающий воскресения. В величественном сумраке стояли свидетелями таинственного погребения три священных собора, как бы тройной образ храма Иерусалимского, отколе просияло нам единство Божие в новозаветном исповедании трех Божественных Лиц. Грановитая палата, престольная сень всяя Руси, и вещий исполин, прогласивший столько веков Русской славы, выступили из мрака, когда из-за позлащенных глав Благовещенского собора выкатилась полная луна и небесным светом затмила земные погребальные огни. Когда же чудное шествие сие обошло собор и опять возвратилось в его заветную внутренность, – мы поспешили в дальнюю обитель Донскую, чтобы там еще раз слышать повторение той же возвышенной утрени и насладиться Ангельским пением погребальных гимнов, которое там исполнено всю торжественностью великого события.

В домово́й церкви Митрополита слушал я литургию Великой Субботы, полупогребальную, полувоскресную, по изменению черных риз на светлые и возглашению первого Евангелия о восстании Господа еще над плащаницею, где Он видимо покоится пред всею Церковью. Это уже была заря той царственной Субботы, которая, как торжество из торжеств, долженствовала воссиять нам на следующее утро, и в этот день сподобился я быть участником Божественной вечери от руки священнодействовавшего Митрополита. Потом все умолкло по заповеди до радостного утра, как некогда и благочестивые жены, приготавлившие ароматы для Божественного мертвеца; они пошли искать Его рано во гробе и поклонились, радуясь, живому Богу, и Пасху тайную возвестили Его ученикам: – и нас в ту же ночь ожидала радость Мироносиц, и действительно некое таинственное ожидание, но не земного, а небесного, исполняло всех. Невыразимое чувство говорило сердцу, что наступавший день выходил из числа дней человеческих необъятностью самого события, и глубокая

тишина водворилась, не только в сердце каждого, но и в целом городе, чающем вечной Пасхи Господа Своего. Первопрестольная столица готовилась встретить Воскресшего внутри своих храмов; там только видно было некое движение: церковнослужители читали книгу деяний Апостольских над плащаницею; благочестивые стояли вокруг и безмолвно внимали.

Вот приблизилась заветная полночь! – Я желал насладиться ею во всем ее величии, внешнем и духовном, и поспешил в Кремль. Вместе с бывшим владетельным Князем Сербским Михаилом, который посетил древнюю столицу нашу с тою же церковною целью и утешался в ней торжеством Православия, мы взошли на балкон малого дворца, чтобы оттоле окинуть взорами все Замоскворечье. Картина сия была достойна, изумления. – Багровая лупа, только что поднявшаяся из-за небосклона, висела как яблоко на юговосточной башне Кремля, слабо освещая обширную панораму, которая развивалась перед нами: в сумраке нельзя было ясно различить предметов, но темные бойницы обозначали Кремлевскую ограду. На бесчисленных колокольнях Замоскворечья начинали мало по малу загораться огни, знаменовавшие светлое торжество; на каждой из них, даже до дальней колокольни Симонова, сияли сии пасхальные венчики, своенравно рассеянные в воздухе по разнообразной высоте башен. С того возвышения, где мы стояли, глаза наши разбегались во все стороны, и нельзя было определить, какая собственно стихия колебалась пред нами в сумраке, вся проникнутая яркими огнями? – Казалось, еще тысячи звезд зажглись в воздухе, и только багровый огонь отличал их от небесного света настоящих светил: казалось, звездное небо отразилось в некоем море, внезапно подступившем к священной ограде Кремля на место убогой его реки. Исполин Кремлевский уже был увенчан огненным двойным венцем, освещая вокруг себя обступившие его соборы.

Посреди таинственной тишины сей многоглагольной ночи внезапно с высоты Ивана великого, будто из глубины неба, раздался первый звук благовеста, – вещий, как бы зов Архангельской трубы, возглашающей общее воскресение: но

теперь она возвещала только восстание одного Божественного Мертвеца, который поправ смертью смерть. И вот при первом знаке, данном из Кремля, мгновенно послышались тысячи послушных ему колоколов, и медный рев их исполнил воздух, плавая над всею столицей: она была объята сил торжественным звоном, как бы некою ей только свойственной атмосферою, проникнутою священным трепетом потрясаемой меди и радостью благовестуемого торжества. Слышало ухо и не могло насытиться сею дивною гармониею будто бы иного надоблачного мира; смотрело око и не могло наглядеться на зрелище священных огней, горевших в небе, а сердце человека не могло вместить в себя всей духовной радости – примирения неба и земли.

Но время было спешить в Успенский собор для божественной службы. Уже внесена была мертвенная плащаница в алтарь при пении погребального канона Великой Субботы, и вот исходит из алтаря Святитель в светлых ризах с сонмом священнослужителей, ноющих: «воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небесе, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Ангелы уже поют воскресение, земля же еще безмолствует, ибо к нам позже пришла сия радостная весть от Ангелов. Как бы исполненные их видением в алтаре, где положена плащаница вместо нового гроба на престол, исходят в чипе ранних Мироносиц священнослужители; вне храма разрешится устами их великая тайна: ибо теперь еще знаменуется во мраке таинственное сошествие во ад Господа для изведения душ Праотцев. При гласе всех колоколов Кремля, со всею заветною святынею собора и с животворящим крестом в руке Митрополит обошел соборный храм, и вся площадь кругом его, исполненная пародом, обратилась в один храм: как будто расступились вековые стены трех смежных соборов, и они соединились в одно святилище, осененное вместо купола звездным небом. В ту же минуту совершалось шествие вокруг Архангельского и Благовещенского собора на той же площади, горевшей бесчисленными огнями, и не погасла ни одна свеча в руках народа: такая тишина царствовала в воздухе. Нет слов на языке человеческом, чтобы выразить сие

таинственное безмолвие, исполненное чаянием оживающей земли. Когда же в знамение Светлого Воскресения Владыка роздал свечи своим сослужителям у западных врат, и, осенив врата знамением креста, впервые возгласил: «Христос воскрес!» и при громком пении сего торжественного гимна отверзлись заключенные врата: – казалось, Восток свыше осиял всех изнутри ярко освещенного храма: все устремились во внутрь его, как бы в тесные врата небесного царства, уже отверстого для нас на земле; немой восторг проговорил слезами, и два только божественные слова: «Христос воскрес», могли выразить тайну неба и земли.

Кто не видал Пасхальной утрени в Кремлевском соборе, не может представить себе всего величия сей церковной службы, сколь ни возвышенна она сама по себе и при малейшем благолепии: Кремль для нее создан, и она для Кремля, ибо здесь благоприятствует и местность, и святыня, и самый глас Ивана великого, звучащий не земным. Торжественны были каждения Митрополита и после него двенадцати архимандритов и пресвитеров при каждой песни Пасхального канона с непрерывным приветствием: «Христос воскрес»; умилительно целование их с властями и народом, и назидательно слово Златоуста, приглашавшего к общей радости, которое произнес Владыка, вместо самого Иоанна: «аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества: аще кто раб благоразумный, да внидет, радуясь, в радость Господа своего». Где, в какой Церкви, есть что либо подобное торжеству сему, вполне достойному дивного события? – Бледен Рим с его внешнею картинностью папских служений, из числа коих исключена пасхальная утренья! И протестанты, чуждающиеся всего внешнего в Церкви, чувствуют сиротство свое в сию великую ночь Пасхи и притекают в наши храмы искать того утешения, которого сами себя лишили.

Три часа спустя после утрени началась литургия, не менее торжественная по благолепию утвари церковной и числу священнослужителей и усердию народа, исполнявшего храм. При звуке колокола Евангелие возглашалось в алтаре всеми архимандритами и пресвитерами и четырьмя диаконами в

церкви по четырем странам света, как бы во у слышание всея Руси из ее первопрестольного собора; оно читалось на языке Греческом и Славянском в знамение родственного союза Церквей. После божественной службы в скромных покоях настоятеля Чудовского, ибо Митрополит есть вместе и Архимандрит сей кафедральной обители, все духовенство, предстоявшее с ним у алтаря, соединилось, чтобы разговеться вместе с своим Владыкою. К вечерни опять собрались в Успенском храме, и служба была еще торжественнее по числу архимандритов, ибо все, находящиеся в Москве, соединились, чтобы участвовать в общей радости великого дня. Великолепно было зрелище сего митроносного сонма, когда обступил он амвон, с которого Святитель лицом к народу читал Евангелие от Иоанна о явлении воскресшего Господа ученикам Своим. Трогательно было видеть и всенародное его христосование со всею паствою, ибо, не смотря на слабость и утомление от тройной службы, утрени, литургии и вечерни, Владыка не лишил братского целования ни одного из предстоявших в храме, и все стремились лобзать своего Архипастыря. Спрошу опять, где, в какой Церкви, можно найти такой умильный обычай, соединяющий во Христе Пастыря с пасомыми истинным братством, основанным на благоговейной любви? – Может ли с этим сравниться холодное коленопреклонение Римлян пред их Первосвященником, несомом на троне над головами народа, которому он не доступен?

Вот я описал тебе, любезный друг, сколько мог, все торжества Страстной и Светлой седмицы посреди заветной святыни Кремля, где я был столько же поражен величием Богослужения, сколько и благоговением народа к своей древней, родовой святыне. Здесь истинная твердыня Руси, – ее незыблемое Православие, и с ним устоит она против всех внешних бурь, ибо Церковь ее основана на твердом камени веры. Скажу в окончание тоже, чем начал: «доколе стоит Кремль, стоит Москва: доколе стоит Москва, будет стоять Русь, а с нею Православие».

1846 г.

Воспоминание священного коронования

Опять я в мирном Останкине на моей уединенной террасе, окруженный со всех сторон рощами, ничего не видя, кроме зелени и неба, ничего не слыша, кроме сельских звуков; сижу, весь погруженный в созерцание мирной природы, облитой золотом осеннего солнца и посреди сей глубокой тишины еще не могу совместить в душе своей впечатлений вчерашнего всенародного торжества с нынешним безмолвием! – Неужели действительно вчера совершилось священное венчание Царя нашего, и ликовал Кремль во звуке своих колоколов, во гласе своего народа? – Неужели вчера, пред моими глазами во святыне собора Державный принимал венец и скиптр своих предков из старческих рук благословляющего Святителя? – И все это было? и это не игра моего восторженного воображения?

Какая тишина! – вот и знакомые звуки любимого пастушеского рожка, заливающегося в чаще леса, скликающего стадо с вечернего пастбища... Но отколе внезапный гул?.... Это голос Ивана Великого! это отклик всех его медноязычных детей, из трех сот уст вещающих в слух земли: «было! было! свершилось!» – При гласе стольких свидетелей станет всяк глагол; опять раскрывается пред моим взором, но уже мысленно, то же дивное зрелище, которого был вчера свидетелем. – Соберу впечатления: скажу то, что видел, и, если могу, то, что чувствовал: кратки речи, когда горит на сердце; это всплески кипящего котла!

С чего начну? – Мы стояли на возвышении трона, предназначенные для несения порфир, ожидая пришествия царского; собор уже был наполнен послами иноземными; представители всех сословий государства, можно сказать, выборные всей земли Русской занимали места свои позади трона; двенадцать Архиереев в золотых ризах с многочисленным клиром ожидали во вратах южных Грядущего во имя Господне; глубокая тишина царствовала: – вступила Царица Мать, и за нею весь царственный сонм Великих Князей и Княгинь, цветущая отрасль ее благословенного корня; –

величественно поднялась она на ступени трона, ей давно знакомого, поддерживаемая двумя сынами, и сановито возсела у правого столпа под сенью на свое место, в полном смысле свое: в каждом ее движении видна была Царица; тридцатилетний венец на главе ее освящался воспоминаниями минувшего.

Вслед за тем появились одно за другим знамения царской власти, руками сановников возносимые на ступени трона: государственные знамя, меч и печать, две порфиры, скиптр и держава, и два венца: Императорский великий и малый для Императрицы. – И когда все это было расположено по левую сторону царского престола, и все уже стали на местах своих, сделалось внутри храма, изображающего небо, глубокое молчание, Апокалиптическое, если так позволено выразиться, ибо все здесь было таинственно и знаменательно, как бы в книге откровения Иоаннова: «и бысть безмолвие на небеси, яко полчася»⁵.

И после сего молчания слышалось пение ликов, Ангельских по истине более, нежели человеческих, возносивших мысли и сердце от земли на небо. Они пели вдохновенный псалом Царя Пророка: «милость и суд воспою тебе, Господи», изображающий, каким чувством должна быть проникнута душа, водворяющаяся в доме Божиим. – Это было приветственное пение входящему Царю. Его сопровождала Россия, его сретала Церковь молитвою надежды и любви. – Святитель Московский встретил его во вратах собора во имя Первосвятителя Петра чудотворца, который за пять веков предрек на этом месте славу Царей наших: «яко взыдут руки их на плечи врагов их», и сам возлег здесь нетленно во свидетельство имеющего совершиться. – Покамест пели лики, Царственная Чета припадала благоговейно к святым иконам, Спаса Эммануила и Богоматери Владимирской, писанной Евангелистом Лукою. – Это был самый день ее торжества, когда Церковь Российская празднует бегство страшного некогда Тамерлана из ее пределов: это была и годовщина славной битвы Бородинской, в которую Провидение спасло также. Россию от другого грозного

завоевателя; нельзя было лучше избрать дня для Царского венчания!

Царственные Супруги взошли на возвышение трона и сели на своих престолах: Император – на изящно изваянный из слоновой кости Византийский престол Иоанна III-го, который принесла ему в наследие вместе с орлом Империи последняя отрасль Палеологов, Царевна София: Императора – на одном из восточных престолов, которые по временам присылали в дар Царям нашим мощные обладатели Востока, как бы предчувствуя будущую, дальнюю грань расширяющейся к ним России. – Можно было вспомнить здесь слово псаломное: «предста Царица одесную тебе, в ризах позлащенных одеяна и преиспещрена»⁶.

Тогда по бархатным ступеням возвышенного амвона тихо поднялся в золотом саккосе и пурпурном омофоре, удрученный годами, но еще бодрый духом, Святитель Московский, за тридцать лет пред сим уже участвовавший в Царском венчании приснопамятного Родителя Того, кому должен был на сей раз сам поднести венец. Он стал пред лицом Державного, чтобы внять из царских уст православное исповедание его веры, прежде нежели приступить к священному коронованию Царя, ибо таков был искони обычай боголюбивых предков. Кто не подивится здесь прозорливой мудрости Православной Церкви? – Не только от Епископа, пастыря духовного, требует она чистого исповедания Символа, но даже и от Самодержца, чтобы вся Церковь могла слышать, как верует Богом дарованный ей защитник, и чрез сию веру мирно пребывать под его сенью.

«Како веруешю?» спросил Святитель, и громогласно, торжественно, как верный сын и заступник Церкви, произнес в слух ее Символ Православной Кафолической веры Благочестивейший Государь, проникнутый до глубины души тем, что исповедовал устно, и каждое его слово проникало в душу внимавших его искреннему исповеданию. – «Благодать Святого Духа да будет с тобою». сказал Митрополит Царственному Исповеднику и возвратился к сонму своих собратий. – Их было двенадцать по чину Апостольскому; соборно начали они совершать торжественный молебен, предшествующий

венчанию, между троном и алтарем. Умилительные прошения возглашал протодиакон от лица всей Церкви: «чтобы благословением Господа господствующих и Царя царствующих благословилось царское венчание, и десницею Вышнего укрепился скипетр, и помазанием святого мира восприял бы Самодержец силу и премудрость к правлению и правосудию: да услышит его Господь в день печали, и пошлет ему помощь от Святого, и от Сиона заступит его, и даст ему Господь по сердцу его, и весь совет его исполнит: подчиненные ему суды не мздоимны и нелицеприятны сохранит, и да укрепляет Господь сил оружие его на всякого врага и супостата».

Утешительно было для сердца чтение пророчества Исаии: «Рече Сион: остави мя Господь, и Бог забы мя. Еда забудет жена, отроча свое, еже не помиловали исчадия чрева своего? аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь. Се на руках моих написах грады твоя, и предо Мною есп присно». – Действительно, всегда пред лицом Господним верная Ему Россия, и в руке Божией вписаны ее грады, и когда бы и мать забыла детище свое, Господь не позабудет Православной Своей Церкви и земли нашей!

Сколь утешительно было пророчество, столь же назидательны слова Апостола для всех, внимавших ему правым сердцем: «хощеши ли не бояться власти? – благое твори и имети будеши похвалу. Божий бо слуга есть, тебе во благое; аще да злое твориши, бойся, не бо без ума меч носит: тем же потреба повиноватися, не токмо за гнев, но и за совесть». Евангелие запечатлело заповедь Апостольскую изречением самой истины Господа Иисуса: «воздадите убо Кесарева Кесареви и Божия Богови».

После чтения Евангелия три Митрополита поднялись на возвышение трона, Новгородский и Литовский по сторонам Московского, и началось царское облачение во все знамения верховной власти. – Как только облекся своею порфиною Император, благоговейно преклонил Он главу, и Святитель, возложив на нее руки, возгласил во всеуслышание трогательную молитву, которая из всех очей исторгла невольные слезы; старческий голос одушевился на краткий миг

необычайною силою, чтобы вся Церковь приняла участие в столь знаменательной молитве. Он молил Царя царствующих, избравшего некогда чрез Пророка Самуила раба Своего Давида, чтобы помазать его царем во Израиле над людьми Своими, призреть от святого Своего жилища и ныне на верного раба Своего, которого благоволил поставить над Своим народом, искупленным честною кровью Единородного Сына Божия. Молил еще удостоить его помазанием елея радости, одеть его силою свыше, возложить на главу его венец от камне честна, даровать ему долготу дней и скипетр спасения, посадить его на престоле правды, оградить его всеоружием Святого Своего Духа, смирить пред ним все варварские языки, хотящие браней; наипаче же всеять в сердце его страх Божий и сострадание к послушным, соблюсти его в непорочной вере, показать верным хранителем догматов святой кафолической Церкви, да судит в правде и спасет сыны убогих и наследником будет небесного царствия».

Не все ли выражено в сей краткой, вдохновенной молитве? Плакал не один лишь преклонявший освящаемую главу свою под руки Святителя; плакали все предстоявшие, и столько слезных молитв могли ли не проникнуть в небо? – Митрополит поднес Государю Императорскую корону и благоговейно возложил ее на главу свою Самодержец, осеняемый благословением Святителя во имя Отца и Сына и Святого Духа, при таинственном изъяснении знаменования сего венца: «видимое сие и вещественное главы твоя украшение, явный образ есть, яко тебя, Главу Всероссийского народа, венчает невидимо Царь славы Христос, благословением Своим утверждая тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими». – Потом Митрополит вручил Государю скипетр и державу, с таким же высоким и знаменательным словом: «приими скипетр и державу, видимый образ данного тебе от Вышнего над людьми самодержавия к управлению их и к устроению всякого желанного им благополучия».

О мудрая Церковь! – Не только освящает она каждый из вверяемых ею залогов Самодержцу для спасения словесного стада, но и объясняет, таинственное их значение, чтобы

венчанный Властитель христиански уразумел восприемлемый им на земле образ Христа, то есть Помазанника Божия, для достойного течения на столь высоком поприще. Облеченный во всеоружие своей власти, воссел он на престоле Мономахов и Палеологов. Началось другое венчание, хотя и не облеченное торжественностью обрядов церковных, но столь же трогательное, ибо оно было согрето всего нежностью супружеской любви. Император позвал к своему престолу спутницу лучших дней своей жизни, призванную разделить с ним и царский венец. Она стала на колени пред супругом во всей красоте своего смирения: чистая ее душа просиявала в светлых чертах: казалось, белый ангел России слетел к подножию земного ее престола со ступеней небесного! – Царь Русский снял с главы блистательный венец свой и тихо прикоснулся им скромного чела своей супруги; потом возложил на голову ее малую корону. Слезы обоих супругов слились в их взаимном приветствии; Царицею поднялась облекшаяся в порфиру и воссела на свой восточный престол.

Тогда Император восприял опять скипетр и державу, на время им отложенные для венчания супруги, и протодиакон возгласил ему великолепный титул Самодержцев всея Руси, при громе орудий, при гуле всех колоколов Кремлевских, утешительный тем, что каждое его слово есть истина, а не одна лишь память минувшей славы. – Здесь три царства Иоанновы, Казань, Астрахань и Сибирь, встречаются с Польским и Таврическим, и земле Югорской на ледовитом Севере противопоставлена роскошная область Армянская у подножия Арарата. – Сердцу Русскому сладостна сия картина необъятной державы, раскинувшейся на девятую часть мира, со всеми наименованиями разнообразных царств ее, областей и княжений, в окраине Океанов. Во время громкого многолетия происходили трогательные семейные приветствия: Царица-Мать поднялась с своего престола, чтобы воздать почесть любви венчанным Сыну и Дщери. Сколько минувшего выразилось в этом настоящем, сколько взаимной привязанности! Тут не было слов, были только лобзания и слезы посреди громких многолетий; не только верные сыны России, но и самые

иноземцы, поражены были сим зрелищем, вместе царственным и семейным, и не могли удержаться от слез.

Казалось, торжество венчания уже совершилось, приветствия приняты, гул орудий и колоколов умолк; настала опять такая же таинственная тишина, какая была пред вступлением во храм шествовавших для венчания; – но еще не доставало молитвы царской о себе и своем народе, и молитвы всенародной о своем Царе, и обе сии молитвы были свыше всякого слова. Император положил скипетр и державу, сохранив однако венец свой, и один, преклонив колена на возвышении трона, при предстоянии всей Церкви так помолился Богу отцов своих:

«Господи Боже отцов и Царь царствующих, сотворивший все словом Твоим и премудростью Своею устроивший человека, да управляет миром в преподобии и правде! – Ты избрал меня Царем и Судиею людям Твоим: исповедую Твое неизследимое о мне смотрение и, благодаря, поклоняюсь величеству Твоему. Ты же Владыко и Господи мой, наставь меня в деле, на которое послал меня, вразуми и управи меня в великом служении сем; да будет со мною приседящая престолу Твоему Премудрость; пошли ее с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очами Твоими и что есть право в заповедях Твоих. Буди сердце мое в руках твоих, дабы все устроить к пользе вверенных мне людей и к славе Твоей, да и в день суда Твоего, не постыдно воздам Тебе слово: милостью и щедротами Единородного Твоего Сына, с ним же благословен еси, с Пресвятым и благим и животворящим Твоим Духом, во веки, аминь».

Не так же ли, в книге Царств, юный Соломон молит явившегося ему Господа, воцарившего его, вместо Давида, отца его, даровать ему сердце с мысленное, чтобы судить в правде людей Божиих и разумеать посреди добра и зла⁷? Не так ли опять, уже во дни своей славы, когда создал храм Богу отцов своих и слава Господня исполнила сей: храм, простер Соломон руки свои к Богу горе пред лицом всех иереев и всего народа и помолился о вверенных ему людях? – Везде отголосок ветхозаветных преданий в православной Церкви нового Завета,

не отступающей от стези отцов. Твердо, внятно произнес благочестивый Государь сию коленопреклонную молитву; в каждом слове отзывалось чувство, каким был он проникнут, но в голосе его был отголосок слез, которые горели в глазах его светлее алмазов его венца.

Встал он, и в свою очередь вся Церковь преклонила колена при предстоянии одного лишь Державного высоко над своим народом. Митрополит от лица всех произнес умиленную молитву к Господу: «все устрояющему неисповедимым Своим промыслом, воздающему нам не по беззакониям нашим, чтобы умудрил и наставил раба Своего, благочестивейшего Самодержца, которым утешил сердца наши, и даровал бы ему не поползновенно проходить великое свое служение, показав его врагам страшна, к добрым милостива, согревая сердце его к призрению нищих, к приятию странных, заступлению напастуемых, и подчиненные ему правительства направляя на путь правды; все же врученные державе его народы содержа в нелицомерной верности и сотворяя его отцом о чадах своих веселящимся». Кто выскажет все трогательные прошения сей вдохновенной сердцем молитвы к Господу, Который един ведает, то что мы требуем, и подает еще прежде наших прошений, ибо от Него, как от Отца Светов, истекает нам всякое благодеяние и нисходит всякий дар совершенный!

По окончании сей молитвы Святитель Московский, еще весь проникнутый таинственным действием, которое сподобил его Господь совершить над Царем своим, произнес пред лицом его краткую речь, и речь сия была дополнением его молитвы, ибо вместе с благожеланиями Царю заключала в себе и изложение царственного долга.

«Благословен Царь царствующих, сказал он, венчавший тебя венцем от камени честна, и словами псаломными изобразил: как праведно венчал его Господь по закону престолонаследия и потому, что Царь положил сердце свое в руки Божии, желая таинственного осенения Духа Владычного, и как утишил Господь вокруг него бурю браней, чтобы в мире и не без подвига восприял венец предков. Ради сего внушал Святитель новому Царю радоваться о спасении Господнем и

приглашал к той же радости благоверную его супругу и благочестивую мать, ибо уже созрел плод ее чрева и сладок для России. И Церковь православную приглашал он вознести соборную молитву к Господу, полагающему печать Своего избрания на вождя Первенца ее сынов, верного и крепкого ее защитника, по слову пророческому о Царях: «будут Цари кормители ея». – И России предстояла радость в священной славе Царя своего, которому царский венец его был только приятен от руки небесного Царя, и вождя помазание от Святого.

Тогда исповедал в слух Державного: что свыше меры человеческой потребен дар Царю, для того, чтобы от его венца, как от средоточия, проливался на все царство животворный свет мудрости правительственной; чтобы мановением его скипетра указывалось верное направление подчиненным властям ко благу общественному; чтобы рука царева крепко и всецело обнимала его державу; чтобы меч его всегда был готов на защиту правды и одним своим появлением уже поражал неправду, а знамя царское собирало во едино миллионы народа; и наконец чтобы труда и бдения царева доставало для возбуждения их деятельности и обеспечения их покоя. Возвышенно заключил он все свои благожелания о восприятии в помазании видимом невидимой благодати, утешительно напомнив, как древле над Царем Давидом после его царского помазания благодатно носился Дух Господень от того дня и потом».

Торжественный гимн великого Амвросия: «Тебе Бога хвалим» опять при громе орудий и гуле колоколов огласил Церковь. Во всем облачении царском, с венцем, и скипетром, и державою, предстоял Император, внимая молитвенно гимну; утешительно было смотреть на него и видеть, что превознесенный Богом не превознесся духом, по что напротив выпранный венец был ему во смирение, как будто не для него, а для нас совершалось все великое сего радостного утра.

Началась божественная литургия; три Митрополита ее совершали: Новгородский и Литовский при первенстве Московского. Государь сложил с себя венец и смиренно

молился на высоте своего трона; все его внимание и благоверной его супруги обращено было к божественной службе. На малом входе подносили им святое Евангелие для благоговейного целования; Архиереи и весь освященный клир взошли в алтарь, и литургия продолжалась обычным порядком до времени приобщения. Когда пели причастный стих, постлан был багряный бархат от ступеней трона до врат царских для Царского шествия к священному миропомазанию. Открылись святые врата; два Архиепископа, Казанский и Ярославский, вышли и поднялись на ступени трона, чтобы пригласить Венценосных Супругов к сему священному действию и к приобщению божественных тайн.

Отложив оружие, но в венце и порфире со скипетром и державою спустился Император с возвышения трона и приблизился к вратам царским. Пред алтарем отдал он окружающим его сановникам венец и прочие знамения своей власти, сохранив на себе одну лишь порфиру: во вратах царских помазал его Святитель Московский из драгоценного сосуда Мономахова священным миром, на челе и очах, на устах, ноздрях и ушах, на персях и руках, возглашая по чину таинства: «печать дара Духа Святаго». – Так некогда Сам Господь повелел Пророку своему Самуилу помазать первого Царя Израилева и ему же велел повторить сие таинственное действие над юным Давидом, еще пастырем стад Вифлеемских, от коего должен был произойти сам Христос, т. е. Помазанник.

Императрица следовала за Государем и сподобилась также таинственной печати Духа Святого, только на челе. Она стала пред иконою Пречистой Девы, когда Император вошел царскими вратами в алтарь для приобщения божественных тайн по чину Царскому. С теплою верою произнес он у самого престола обычную молитву: «верую Господи и исповедую, яко Ты еси во истину Христос Сын Бога живого». – Святитель Московский, положивший печать помазания духовного на челе царском, сподобил его и божественного приобщения, положив ему, в крестообразно сложенные на престоле руки, святое тело, и дав ему вкусить от святой чаши.

Трогательно было видеть, с какими слезами во все сие время молилась Императрица на коленях у чудотворной иконы Божией Матери, предавая себя вполне ее покрову, и с каким истинно Христианским чувством приступила она к приобщению святых тайн в дверях царских. – Нельзя было не молиться вместе с сими царственными молитвенниками, которые подавали столь назидательный пример благочестия всем своим подданным. После приобщения возвратились они на свой трон, и тут прочел им духовник обычные благодарственные молитвы. По совершении литургии возглашено было торжественное многолетие: «Богом венчанным, превознесенным и святым миром помазанным», и Митрополит поднялся опять на ступени трона, чтобы поднести им животворящий крест.

Тогда Августейшая Мать в сопровождении всего своего царственного Дома возвратилась из собора прямо в царские палаты на Красное крыльцо; но иной путь предлежал Венчанной Чете, и сколько благочестия в этом обычае, освященном веками! В соборе Архангельском ей надлежало поклониться гробам своих предков, прежде нежели вступить в святые сени их Грановитой палаты; но чтобы утешить сердце народа, жаждавшего видеть своего Владыку, не прямо в собор, а вне ограды вокруг Ивана Великого направилось шествие. При выходе из храма в северные его врата, Державные супруги вступили под высокую сень, великолепно украшенную, которую поддерживали старшие воинские чины.

Кто может описать сие чудное зрелище любви народной! надобно было видеть его, чтобы оценить; надобно было слышать этот рев, как бы глас вод многих, взволнованного моря народного, заглушавший и гром орудий и гул всех колоколов Кремля, чтобы постигнуть, как привязано сердце Русского к своему Царю. Многим пришельцам земли и веры чуждой раскрыло глаза то, чему едва могли верить глаза их, ибо так может любить и чувствовать только один народ Русский, еще в полном смысле народ Божий и новый Израиль по чистоте своего сердца и пламенной вере. Но вдруг умолкли клики и настала тишина великая: – это был краткий миг молитвы царской внутри собора под сенью Архангелов над мощами

Святых и пред гробами предков. Весь светлый Дом Властителей Московских тут собран, от первого Калиты и до второго Петра, и между ними два молитвенника, неусыпные стражи сей Царственной усыпальницы, – мученик Князь Михаил и отрок Царевич Димитрий. К их священным ракам припадали, украшенные их земными венцами, смиряясь пред нетлением их небесных венцев, и лишь только появились из собора, опять всенародными кликами потрясся воздух.

Снова все умолкло: уже под сенью третьего собора молились благоговейно Венчаные молитвенники пред иконою Матери Божией, слывающей Донского, потому что Она сопровождала витязю Донскому в день славного побоища Мамаева. В третий раз явились они народу из паперти Благовещенской, и уже неумолкали радостные клики, доколе Царь и Царица не поднялись по ступеням Красного крыльца. С открытой его площадки, у самого входа в святые сени своих чертогов, Царь Русский во всем блеске своего величия, со скипетром и державою в руках, венчанною главою поклонился своему народу и, как один человек, откликнулся ему весь многонародный Кремль.

И все утихло!.... Опять вокруг меня сельская тишина мирного Останкина, где боярин Русский радушно предложил гостеприимные свои палаты Русскому Царю для отдохновения от царственных забот, и где еще недавно оба Державные супруга благочестивым говением в сельском храме готовились к восприятию царского венца: – таково будет отныне летописное значение Останкина в отечественной истории! – Передо мною несутся опять одни лишь светлые образы того чудного видения, которое созерцал я.... Сладкие впечатления оставило оно в моем сердце! – В событии государственном, в торжестве церковном, мне представлялась семейная радость народа, веселящегося об Отце своем, и Отца, веселящегося о своих чадах: столь крепок взаимный союз их, связуемый Церковью чрез единодушное исповедание единой православной веры! – Помазанник Божий! – каким теплым чувством согрето это высокое наименование одного лишь Русского Царя в сердце каждого из верных сынов России, верного и Церкви! – Блаженна

и крепка Россия, доколе будет она так любить и так чувствовать!
«С нами Бог, разумеете языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог»!
Останкино, на другой день Коронования. 1856.

Валаам

Обитель Валаамская на пустынном острове Ладожского озера давно уже привлекала мое внимание, как одна из древнейших в России, и я воспользовался первым благоприятным случаем, чтобы посетить ее, заехав на перепутьях в Выборг и на Иматру. В сей последней ожидал я по описаниям видеть другую Ниагару и удивился, когда под громким именем водопада представились мне один пороги: – со всем тем они живописны.

Река Вокша, довольно широкая в обыкновенном своем течении, втесняется здесь в узкое русло и по отлогой покатости, наполненной камнями, с шумом стремится на расстоянии четверти версты, доколе не находит себе более просторного ложа. Утесистые, зеленые берега его покрыты с одной стороны лесом, с другой английским садом; четыре малые беседки стоят по краям водоската; у его начала виден вдали лесистый остров, внизу же против поворота реки лежит на горе селение; – такова Иматра.

Но дико и отраднo смотреть из нижней беседки на шумное страдание волн: с каким ужасом скачут они, одна над другою, как белое стадо испуганных овец, с каким отчаянием отрываются от пучины длинные плески, как седые локоны, которые рвет на себе терзаемый дух этой бездны, и как наконец его измученные дети, все изрезанные камнями, исторгшись из сего адского русла, одною широкою волною расстилаются по мягкому ложу. Если природа хотела олицетворить здесь чувство скрытого в ее недрах ужаса, – она достигла цели и досказала его глухим ревом бурной стихии. Человек, склоняясь над бездною, жадно прислушивается к дикому говору волн и будто хочет разобрать в порыве отчаяния одной из стихий тот дивный язык, который от него утаила природа под печатью своего безмолвного величия.

Посетив в начале весны Нарвский водопад, я имею ныне случай сравнивать его с Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей северной столицы, но воды Нарвы падают

одним широким уступом, а воды Иматры теснятся по долгому скату. Первое впечатление Нарвы сильнее, как и самое падение, и столько же скоротечно; впечатление Иматры продолжительно, как зрелище долгого страдания. Одинаково слышен издали рев обеих; но в Нарве – это голос гневной реки, встретившей препоны; в Иматре – это вопль казни и мучения: все пусто и уныло окрест ее, как лобное место.

Напротив того в Нарве есть жизнь и посреди бунтующей влаги; рука человеческая воздвигла там мельницу на острове, разделившем водопад, и не вдалеке виден город с его двумя замками. Казалось, самая река так сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебные племени положили на берегах ее. Одинокaя башня рыцарей, вся в развалинах, как их Орден, доселе грозитcя на многобашенный Иван-город, поставленный гранью грозного Царя на рубеже Меченосцев. Промежду них с шумом несется бурный поток, как пронеслись с шумом великие события сих твердынь, когда умолкла кровавая между ними беседа.

Помню еще одни пороги, которые видел за несколько лет близ Умани, в имении Потоцких. Они мне тогда нравились более, нежели теперь Иматра и Нарва, по новизне предмета, быть может и потому, что беспечный юноша более утешался в то время зрелищем бурь, им не испытанных еще на житейском поприще; ныне же с сим воспоминанием сливается память невозвратимых людей и событий. От живописных порогов Антоновки и до Иматры чрез сколько бурных порогов перекипела собственная жизнь моя! Там быстрый поток Ингульца, раздробляясь о камни промежду бесчисленных мельниц, с шумом подбегает под нависшие своды поросших лесом утесов, метая в них свою седую пену, как мечет по ветрам косматую гриву неукротимый конь Запорожца.

Но, увлеченный вновь воображением в зеленые степи Украины, я позабыл, что ныне путь мой по дикой Финляндии! – Унылы места сии; мало жизни в людях и предметах; повсюду лесистые горы и глухие озера, и однообразный гранит выставляет по рубежу дороги пустынные скрижали, на коих пишет свои тайные руны мимотекущее время.

Достигнув северного берега Ладожского озера, я остановился с двумя моими спутниками в городе Сердоболе на Валаамском подворья, где ожидала нас монастырская лодка. Самая обитель лежит на острове за сорок верст, из коих первые пятнадцать плавание совершается по заливам.

Хотя мы довольно рано пустились в путь. – он однако же продолжился за полночь: при самом выходе из губы густой туман пал на озеро, и поднялся свежий, противный ветер. Молва о Ладожских непогодах колебала несколько доверенность нашу к кормчему, долго служившему на море, прежде нежели посвятил себя Церкви, и он начинал уже скучать, что долго не прорезываются из туманов светлые куполы и белая колокольня. Внезапно посреди безмолвия ночи и плывущих духовная песнь его огласила воды; кормчий инок, двигая руль свой по угадываемому им направлению Валаама, призывал себе на помощь его пустынных основателей:

«От мирского жития изшедше, отвержением же мира Христу последовасте, и достигаете великого Нева озера, и в нем на острове Валааме всельшесь, равноангельское житие пожиле есте: от онудуже вселяшесь прешли к небесным чертогам, и ныне со Ангелы Владычню престолу предстояще, поминайте нас чад своих, яже собрали богомудрии. да радостно от души вопием: радуйтеся Сергие и Германе, отцы преблаженнии».

Трогательна и величественна была в сие мгновение песнь его на сумрачном озере. Скоро показалась вдали гряда островов, окружающих Валаам, и на краю одного святой остров, где долго спасался в пещере св. Александр Свирский. – Ветер увлек нас несколько ниже устья внутреннего протока, который разделяет самый Валаам, и мы проникли в проток сей промежду малых островков, наполняющих пространное его устье. На одном из них стоит часовня во имя чудотворца Николая и в ее стеклянном куполе горит ночью лампада, как священный маяк для направления плывущих. Следуя по широкому протоку до его крутого изгиба, мы наконец увидели над собою сквозь зелень деревьев, поросших на гранитных утесах, белую ограду и самый монастырь, 'резко отделяющийся из чащи. Положение его уединенно и живописно и, что весьма

редко, первоначальный взгляд на обитель соответствует ожиданиям. Соборный колокол ударил два часа ночи, и мы спешили отдохнуть в гостиных кельях от бурного плаванья.

Глубокая древность покрывает неизвестностью и сомнением начала Валаамской обители, и летописи не определяют времени преподобных Сергия и Германа, коих житие даже утрачено, вероятно по случаю частых войн Новгорода со Шведами, не раз опустошавшими монастырь. Местные же предания, основываясь на словах Нестора о приходе св. Апостола Андрея к Славянам Новгородским, продолжают путешествие сие далее на север по Волхову и даже Ладожским озером на Валаам, где будто бы благословил он пустынный остров каменным крестом.

Те же темные предания называют Сергия одним из Апостольских учеников, с людьми Новгородскими посетившим сей остров, где крестил язычников и между ними некоего Мунга, которого предполагают быть Германом; но вся сия повесть, извлеченная из древней рукописи «Оноведь», ничем не доказана. С большим вероятно можно отнести житие преподобных ко временам Княгини Ольги, и некоторые думают, что они были Греческие выходцы, искавшие просветить Север: а в рукописном житии св. Авраамия Ростовского видно, что обитель Валаамова имела уже в 960 году игумена Феоктиста, окрестившего из язычников просветителя Ростова, который в свою чреду пошел к югу сокрушать идолов и основал на Ростовском озере свою обитель в 990 году, всех древнейшую по летописям. Таким образом, первая искра Христианства блеснула Северу с Валаама, и остров сей был рассадником пустынножителей в полунощной стране.

По Софийскому летописцу, мощи преподобных обретенны были и перенесены в Новгород при Архиепископе Иоанне I в 1163 году: но тогдашнее состояние края Карельского в подданстве Швеции подало повод новейшим писателям сомневаться в точности летосчисления и относить сие событие ко времени Иоанна II, в исходе XIV века, а житие Сергия к половине оногo: но и этому предположению нет доказательств; самая неизвестность говорит в пользу древности. Обратное же

перенесение св. мощей на Валаам последовало при том же великом Святителе Новгорода но миновании Шведского набега в 1170 году.

Обитель была уже в полном цвете в конце XIV столетия, когда святой игумен Арсений, возвратясь с иконою Божией Матери из Афонской горы, по благословению Новгородского Владыки св. Евенмия. искал уединиться на Ладожском озере и, спасаясь несколько времени на Валааме, при игумене Порфирии по многолюдству его иноков отошел на безмолвие в Конев необитаемый остров, где, истребив требища идольския на так называемом Конь камне, основал свой монастырь.

Другой именитый отшельник заменил его на Валааме: св. Савватий пришел подвизаться от Бела-озера, где был пострижен в Кирилловской обители; но, увлекаемый далее на север жаждою одиночества, сей великий труженик обрел себе мысленный рай на льдах Белого моря, и, одолевая вьюги его, как одолел свои страсти, нашел святых последователей на Соловецких островах.

Еще одним славным подвижником просияла пустыня Валаамская в конце XIV века. Преподобный Александр Свирский, в ранние годы возбужденный к иночеству божественным видением, бежал из дома родительского, чтобы постричься на острове от руки игумена Иоакима, и многие годы спасался в уединении св. острова, смежного Валааму, где доселе показывают его вертеп, иссеченный к скале, доколе не воззвал его вновь горний глас к основанию собственной пустыни в лесах на берегу Свири и не далеко от родственного озера, где Провидение заранее указало ему место.

Столь великими угодниками прославился дикий Валаам, столь дивные обители процвели от сего благословенного корня, как ветви пустившие от себя еще многие отрасли. Но, оплодотворяя окрестные пустыни, сам он подвергся разорениям и даже совершенному запустению. Когда в бедственное время междоусобицы Шведский полководец Де ла Гарди громил северные пределы наши, иноки Валаама и Конева, подняв мощи своих чудотворцев, бежали в Никольский монастырь Старой Ладоги, где основались на долго. Чрез сто

уже лет монахи Белозерские начали мало по малу вновь устроят падшую обитель, и святые угодники приплыли снова родственные им волны, чтобы на веки успокоиться на поприще житейского своего подвига; 11-го сентября празднуют их перенесение. Еще недавно одна только деревянная церковь стояла над их гробом, и одинокий игумен Ефрем с двумя белыми священниками удовлетворял молитвами усердию притекающих, но в 1785 году Митрополит Гавриил, плененный древнею славою Валаама и его уединением, пожелал вновь устроить обитель. По совету келейника своего Феофана, недавно совершившего осьмидесятилетний подвиг святой жизни на Новоозере, вызвал он из Саровской пустыни знаменитого добродетелями Назария, и сей новый игумен евангельскою ревностью воссоздал монастырь наружно и внутренне в прежнем благолепии.

Здания мало замечательны по новизне своей: двойная ограда келий окружает летний собор во имя Спаса преображения, и в нижней его церкви почивают под спудом в богатой серебряной раке мощи преподобных. Зимний собор, празднующий Успению, прилегает к ризнице и библиотеке; позади оного находится больница с приделом Живоначального Источника. Есть еще на святых вратах церковь Апостолов Петра и Павла и малый придел близ собора во имя чудотворца Николая. С колокольни открывается весь лесистый остров с другими, ему прилежащими и пространная пучина озера.

Церковь праздновала на другой день нашего приезда память благоверной Княгини Ольги. Умилительно было на Ладожской пустыне прибегать к молитвам святой жены, обнимая мыслию все огромное царство, обязанное ей первым лучом Христианства. Из собора посетили мы игумена Варлаама, который, как ученик Назария, проведя 30 лет в уединении, против желания был вызван для управления обителью. Он принял нас ласково и благословил осмотреть все любопытное на Валааме в сопровождении благочинного, бывшего на нашей эскадре во время кампании на Греческих водах. Сперва показал он нам усыпальницу или малое кладбище, где погребается одна братия, и только изредка кто либо из поклонников. Там, между

смиренными именами игуменов Иннокентия и Иоанафана, наследовавших Назарию, меня изумила эпитафия, вырезанная на деревянной доске, которую от времени до времени поновляют. Кто бы ожидал встретить имя Шведского Короля Магнуса между иноками Валаама. Такова сия баснословная надпись:

На сем месте тело погребено,
В 1371 году земле оно предано,
Магнуса Шведского Короля,
Который святое крещение восприя,
При крещении Григорием наречен.
В Швеции он в 1336 году рожден.
В 1360-м на престол был возведен,
Велику силу имея и оною ополчен,
Двоекратно на Россию воевал,
И о прекращении войны клятву давал;
Но, преступив клятву, паки вооружился,
Тогда в свирепых волнах погрузился,
В Ладожском озере войско его осталось
И вооруженного слота знаков не оказалось;
Сам он на корабельной доске носился,
Три дни и три ночи Богом хранился,
От потопления был избавлен,
Волнами ко берегу сего монастыря управлен,
Иноками взят и в обитель внесен,
Православным крещением просвещен;
Потом вместо царския диадимы
Облечен в монахи, удостоился схимы,
Пожив три дни, здесь скончался,
Быв в короне, и схимою увенчался.

Стихи сии, судя по слогу, не старых времен, но предание о Магнусе очень давнее, и странно, каким образом могло оно храниться в течении нескольких веков, хотя летописи Шведские ясно говорят, что Король Магнус II, в XIV веке несчастливо воевавший с Новгородцами в Карелии, был впоследствии свергнут с престола и заключен в темницу, отколе, освобожденный сыном своим Гаквином, Королем Норвегии,

утонул на берегах ее в 1372 году. В летописях же Русских вписано даже его мнимое завещание, коим запрещает детям воевать с Россией. Темные предания Валаама особенно замечательны; иноки его, как бы недовольные славою собственных великих угодников, подвизавшихся на острове, хотели иметь основателем самого Апостола, просветившего Россию, а в числе братии царственного врага ее, оружия коего некогда трепетали, и сии два сказания укоренились в их дикой пустыне под мраком средних веков.

На краю усыпальницы зашли мы в келью, иссеченную в полугоре, схимника Феодора, который был келейником игумена Назария и избран для наставления новопостриженных. Он рассказывал о благой жизни своего учителя и по моему приглашению взял свой посох, чтобы вместе обходить прочие пустыни, рассеянные по острову, коих числом до одиннадцати, но в четырех только живут ныне отшельники. Современники Назария, обремененные годами, уже не в силах уединяться далеко от обители; из новых же иноков немногие решаются на столь трудный подвиг. Самые настоятели не всегда и не всем позволяют идти в пустыню, ибо должно иметь много веры и духа, чтобы преодолеть скуку и страх одиночества посреди лесов, и зимние непогоды в убогих хижинах, и скудость пищи, состоящей только из хлеба и корней или плодов. Но еще труднее им побеждать внутренние помыслы и тонкие искушения врага духовного, иногда увлекающего их к гибели уверением в собственной их святости или отчаянием о спасении. Горькие примеры сих двух опасных состояний души являлись между пустынниками Валаама, и некоторые из них заплатили жизнью за свою самонадеянность.

Еще недавно 70-тилетний схимник, многие годы подвизавшийся в пустыне, начал в последнее время избирать странные пути для большего умерщвления плоти: недалеко от кельи устроил он из ветвей на вершине высокой сосны листовенную хижину, куда, не смотря на свою дряхлость, ежедневно лазил для молитвы. Игумен, опасаясь, чтобы он не упал, запретил ему сей род упражнения, но схимник, повинувшись только наружно, не смирился духом и, переменяв пустыню, стал

помышлять о новом каком либо необитаемом приюте. Братия, не видя его в церкви уже несколько праздников, на которые обязаны ходить и самые отшельники, беспокоилась о его участи, ибо он однажды говорил, что хочет устроить нечто дивное; наконец два послушника, закидывая сети на берегу протока, увидели в воде разбитое тело схимника. Стараясь иссечь себе келью на непреступном утесе, он поднялся к его вершине по ветвям соседнего дерева, и начал уже долбить камень, но кружение головы низвергло его в пропасть.

Я спросил схимника Феодора, каким образом спасались отшельники во дни Назария? Он отвечал мне: что игумен, зная всю трудность сего подвига, ибо сам сперва жил вне монастыря в пустыне, строго велел схимникам приходить исповедовать друг другу все малейшие помыслы, какие только возникнут во глубине их сердца, дабы не дать созреть им в одиночестве к гибели душевной. Бывали такие случаи, что из любви к ближнему отшельники иногда силою проникали в заключенные кельи своих братьев, когда они, возносясь умственно, начинали чуждаться всякого сообщения, почитая себя уже на высшей степени созерцания, и заставляли их сознаться в своем обольщении. Из скромных речей престарелого Феодора видна была его опытность в духовной жизни, полагавшая смирение основным камнем пустынной кельи.

После гостеприимной трапезы продолжали мы осматривать пустыни, следуя в лодке по каналу, который разделяет остров на два: Валаамов собственно и Скитский. Оба вместе имеют до тридцати верст окружности и поросли глухим лесом; около них еще несколько островков принадлежит монастырю, доставляя ему обильный сенокос. Домашний скот запрещен на Валааме, и там нет другого зверя кроме оленей, забежавших по льду с Финского берега. Один из них в бедственном положении был прибит бурей на льдине и гостеприимно принят иноками; но игумен, опасаясь слишком развлечь их сею невинною забавою, велел пустить его в лес, где скоро одичал. Отшельники иногда только встречают оленей в чаще леса или с пустынного берега видят, как хитрые лисицы таскают из воды рыбу, принесенную

весенними льдами, и вот единственные жители, разделяющие с ними дикое уединение.

Так живописны утесистые берега протока, поросшие соснами, кленом и березою, так разнообразны их зелень и виды, что нам казалось, мы плывем посреди величественного сада, в коем искусство воспользовалось местными красотами природы и по своей прихоти направило изгибы водяной стези. В роще Скитского острова на возвышенной поляне нашли мы малую церковь всех Святых и около нее несколько хижин, составляющих скит неусыпаемых. Там никогда не прерывается чтение псалмов, и восемь отшельников сменяются каждые два часа. Сия малая пустыня устроена игуменом Назарием для ищущих совершенного покоя при самой строгой жизни, в подражание знаменитой обители Царьградской св. Маркелла. Церковь была отперта и слышался внутри ее томный голос чтеца; бледный, изнуренный, он стоял пред аналоем. Мы вошли тихо, – не заботясь о живых, он продолжал псалтырь за усопших.

За версту от скита, в лесу и болоте, посетили мы еще одного отшельника в кельи, принадлежавшей прежде игумену Варлааму, где он оставил в наследство новому ее жителю гроб, им самим устроенный, для временного отдыха при жизни, для вечного по смерти. В летнее время множество комаров не дают минуты покоя в этом приюте; но пустынный уверял нас, что они ему полезны, высасывая всю лишнюю кровь.

Вечером, возвратясь в монастырь, мы снова посетили игумена. Я говорил ему о новой кельи, которую строит он для себя близ скита, ибо старец, скукая настоятельством, жаждал только безмолвия пустынного. Отклоняя речь о самом себе, игумен завел беседу о душевной пользе уединения. Когда же, рассуждая о различных путях ко спасению, я сказал: как оно трудно! – «согласен, что трудно, отвечал он, но и стыдно, если не спасемся: ибо какой ответ дадим пред язычниками, во мраке жившими до искупления, – мы, столь ярко озаренные светом Евангелия, которое во всяком быту открыло нам пути к царствию». В подтверждение своей беседы игумен предложил мне житие своего Ангела, пустытника Варлаама и обращенного

им Царевича Иоасафа, и я вкратце излагаю здесь сие прекрасное сказание св. Иоанна Дамаскина.

В Индии, где проповедь Апостола Фомы посеяла первые семена Христианства, восстал нечестивый Царь Авенир: жестокими гонениями старался он искоренить в областях своих благие начала веры и принудил Христиан бежать в горы и пустыни. Ему родился прекрасный младенец Иоасаф, и собранные волхвы все обещали новорожденному светлое царство: один только из их числа предвещал, что не земное царство назначено будущему покровителю Христиан. Огорченный Царь велел заключить сына в уединенный дворец, под строгим запрещением не открывать ему о существовании Христиан, и, чтобы не огорчить юной души зрелищем житейских бедствий, он воспитывал его в неведении недугов и смерти, удаляя при малейшем признаке грусти или болезни юношей, избранных для его развлечения.

Но, когда с годами постепенно развивались понятия Царевича, он начал скучать своим заключением и упросил слабого родителя дозволить ему взглянуть на мир. Тщетно Царь велел показать ему во всем блеске и торжестве столицу, при кликах народных, при мусикийском хоре: вопреки мерам человеческой предосторожности Иоасаф нечаянно встретил на стогнах сперва слепого и прокаженного, а потом дряхлого старца, и, любопытствуя о их участи, с ужасом узнал горькую истину, что каждый может подвергнуться подобным бедствиям и что предел старости есть смерть, часто постигающая и юношей. Пораженный сею вестью Царевич, возвратясь в чертоги, стал тосковать о непрочности всего житейского и, невольно переносясь мыслями за пределы сей жизни, испытывал у друзей своих, нет ли какого либо другого мира в вознаграждение за суеты здешнего? Тогда один из них, подвижимый состраданием, открыл ему, что есть люди, проповедующие о блаженствах грядущей жизни, и что страх обращения к их вере был виною столь долгого его заключения. Иоасаф пламенно возжелал беседовать с ними.

В сие время, спасавшийся в Индии пустынный Варлаам, свыше извещенный о благом расположении Царевича,

возложил на себя подвиг просветить его Христианством. В одежде купеческой проникнул он во дворец и просил у ближайшего царедворца дозволения видаться с Иоасафом. Я имею, говорил старец, драгоценный камень для вашего владыки, исцеляющий от всех недугов душевных и телесных, и ему одному только могу показать его, ибо камень сей ослепляет тех, которые нечисты сердцем. Допущенный к юному затворнику, Варлаам втайне открыл ему о бытии Божиим, о создании мира и высокой цели человечества, описал горькое его падение и дивное искупление чрез посредство Богочеловека и обещал грядущую вечную жизнь в замен странствия на земле. Восхищенный сим божественным учением. Царевич уразумел, что драгоценный камень пустытника есть сам Христос, и немедленно просил крещения. Радостный старец совершил сие великое таинство и, исполнив его духовным утешением, удалился в пустыню: «сын небесного отца, сказал он сиротеющему юноше, мы еще свидимся в сей жизни».

Но царедворец, испуганный обращением Иоасафа, который тщетно хотел просветить его Христианством, помышлял только о избежании заслуженной казни и заблаговременно сам во всем признался Авениру. Разгневанный Царь послал избить всех пустытников в своей области, чтобы в их числе погиб и Варлаам, но воины не могли найти его вертепа. Тогда некто из вельмож, видя отчаяние Государя, советовал ему коварством уловить Иоасафа. «Предложи Царевичу, сказал он, собрать для совещания наших жрецов и его единоверцев. Есть между волхвами один, весьма похожий на Варлаама, глубоко знающий все таинства учения Христианского. Мы распустим молву о взятии пустытника; волхв представит лице его на совете и после долгого прения о вере признает истину нашей; пристыженный Иоасаф невольно последует мнимому учителю». С радостью принял Царь коварное предложение вельможи и обещал безопасность всем Христианам, желающим состязаться с волхвами. Совет собрался: сам Авенир, присутствуя на троне, грозил жрецам своим казнью в случае их посрамления. Но хитрость отца не могла утаиться от проницательных взоров Иоасафа: с своей стороны обещал он мнимому Варлааму

тяжкие муки, если не одержит победы; смятенный волхв по страху смерти красноречиво опровергал лжеучение язычников и, убеждая других, сам невольно убедился в истине.

Не видя более никаких средств для совращения сына с избранного им пути ко спасению и, движимый отеческою любовью, Царь решился разделить с ним государство, чтобы не стеснять друг друга в вере. Но когда, в течении трех лет, область сыновняя процвела Христианством, и сам он увидел благие плоды кроткой веры, смягчилось наконец ожесточенное его сердце и проникло в душу спасительное раскаяние; смиренный отец прибегнул к сыну за новою жизнью, и сын был восприемником родителя от святой купели, банею возрождения воздавая ему за собственное земное бытие. Так изменился духовно порядок их плотского родства. Скоро спасенный Авенир скончался в подвигах благочестия.

Тогда блаженный Иоасаф, довольно послужив Богу в мире просвещением своего царства, хотел еще служить ему в пустыне. Тщетно вельможи и народ умоляли его оставаться на престоле. Влекомый жаждою уединения, он избрал им достойного Царя и сам устремился к иным подвигам. Плачущий народ весь день следовал за ним на пути к пустыне, но с солнечным закатом исчез навеки от него Иоасаф. Долго скитаясь по безлюдным местам, открыл он наконец вертеп наставника своего Варлаама, и одною молитвою потекла жизнь обоих, доколе юноша не воздал последнего долга старцу. Одиноким тружеником еще многие годы подвизался после него в пустыне, как некий Ангел, охраняя пределы своего царства, променяв Индийскую корону за венец нетленный.

Достойно внимания, что сия повесть о житии Индийского Царевича много сходствует с Индейскими преданиями о царственном основателе учения Буддийского, и весьма вероятно, что Буддизм заимствовал ее у Христианства, исказив по своему некоторые подробности и самое учение о вере, в которой слышится однако отголосок первобытной истины.

Размышляя о великом отречении Иоасафа, я возвратился от игумена в те самые кельи, где другой царственный искатель уединения приходил на время облегчить душу, обремененную

мирским величием. Здесь в августе 1818 года благочестивый Император Александр два дня удивлял своим смирением самых отшельников Валаама. Оставив в Сердоболе свиту, с одним лишь человеком приплыл он вечером в монастырь. Братия, созванная по звуку колокола, уже нашла Государя на паперти церковной. Не смотря на поздний свой приезд, ранее всех поспешил он к утрени в собор и смиренно стад между иноками, отказавшись от царского места. Исполненный благочестивого любопытства, пожелал он лично видеть пустынные подвиги отшельников, посетил все их кельи, с иными беседовал, с другими молился, и, утешенный духовным состоянием обители, щедро наделил ее своими милостями. Игумен Иоанафан впоследствии имел всегда свободный вход в царские покои. Память кроткого Монарха священна Валааму.

На следующее утро за раннюю обедню увидел я при мощах Преподобных изнуренного инок, который, казалось, с трудом мог стоять. Мне сказали, что он молчальник и уже восемь лет положил на себя обет безмолвия, беседуя только на исповеди с духовником: но неизвестна причина столь тяжкого искуса, превышающего строгий устав, оставленный игуменом Назарием своим инокам. Ныне их числом до шестидесяти, кроме послушников. Я посетил между ними еще двух весьма занимательных: Вениамина, искусного механика, которого хитроустроенные часы едва ли не будут загадкой для опытного художника, и Гавриила, бывшего начальником судна в Американской компании.

Сей последний рассказывал мне много любопытного о духовной миссии нашей в Американских колониях, которая вся состояла из Валаамских монахов; их настоятель Иоасаф в конце прошлого столетия был даже посвящен в Иркутске викарным Епископом для просвещения Христианством сего дикого края. Но, возвращаясь в свою новую епархию, на Кодьяк, он потонул со всем кораблем на берегах неизвестного острова. С его смертью уничтожился викариат и из всех его спутников один только престарелый инок Герман долго жил на малом уединенном островке близ колоний, который назвал он новым Валаамом. Я также слышал от Гавриила повесть об

одном из сих миссионеров Иакове, который, проповедуя Евангелие Американцам, пропал без вести. Несколько матросов занесены были бурей на незнакомый им берег материка, к северу от колонии Кодьяка. Дикие сбежались к их лодке и хотели умертвить: но они, подражая Испанцам Колумба, объявили себя бессмертными. Тогда испуганные Американцы отпустили их с честью, сказав им: «вы верно братья тому странному человеку, которого еще недавно мы никак не могли уморить: он обращал нас к своему Богу, а мы не хотели для него оставить многих жен, и привязали к дереву пришельца, чтобы избить стрелами: но, уже совсем мертвый, он три раза восставал и снова начинал убеждать нас, доколе наконец не отдали мы его на съедение нашим соседям». Некоторые из старших иноков Валаама помнят, что игумен Назарий письменно был о том уведомлен от своих Американских миссионеров.

Я спешил воспользоваться благоприятным ветром для обратного плавания. Некоторые из монашествующих пожелали проводить нас до устья протока, и лодка уже готова была отчалить, когда на горе показался опять почтенный игумен. Он шел на сенокос разделять сельские труды с братиею, ибо никто не уволен из них на Валааме: самые схимники работают в толпе молодых послушников, подавая им благой пример. Картина сия, истинно трогательная, переносит воображение в первобытные времена иночества, когда вслед за великим Пахомием отшельники ходили добывать себе тростник на пустынных островах Нила.

Меня тронуло благосклонное внимание старца, который опираясь на посох, спешил еще раз проститься с нами, и я снова вышел на берег, чтобы принять его благословение. Напутствуемые его молитвою, достигли мы крайнего острова и взошли в часовню св. Николая, где усердные иноки на прощание отслужили для нас молебен Чудотворцу. Все мы были тронуты сим последним знаком их приязни. Расставаясь на той грани, где для них кончается мир, я подумал, как суетны и жалки должны мы были казаться сим отшельникам, которые могли сказать о себе:

Моря житейского шумные волны

Мы протекли;
Пристань надежную утлые полны
Здесь обрели;
Здесь не вечернею радостью полны,
Слышим вдали –
Моря житейского шумные волны.
На сей раз плавание наше было счастливее, хотя
оно продолжалось восемь часов.

Не доезжая Сердобольского залива, мы остановились для отдыха гребцов близ малого острова Маргичь, и увидели на берегу каменный крест с надписью: «здесь отдыхал Император Александр в 1818 году» и несколько ниже: «здесь отдыхал в том же году Митрополит Михаил.» Читая имена Повелителя Европы и благого Пастыря на пустынном утесе Ладожского озера, я горько размышлял об участи всего великого на земли. Сия каменная надпись служит красноречивым эпитафием Валааму, поясняя отречение его иноков от преходящей славы мира.

1833 г.

I. Новгород

После скучных лесов и непрерывных болот Петербургской дороги на рассвете приятно проснулся я в окрестностях Новгорода; поля благоухали весеннею свежестью, жаворонки пели и резвились в небе, стада паслись; два цыганских табора дико оживляли зеленую равнину, по которой широко гулял синий Волхов, сей вольный выходец новгородский, часто нарушающий свои законные пределы. Встающее солнце постепенно начало зажигать купола рассеянных кругом монастырей, словно местные лампы пред святынею новгородской. – Когда приближаешься к какой-либо великой крепости, оплоту царства, встречаешь около нее ряд малых укреплений, а Новгород, кивот святыни русской, опоясан сонмом монастырей, где на вечной страже починут мощи их основателей.

Прежде всех величественно поднимается, влево от дороги, на крутом берегу Волхова, Хутынъ, обитель преподобного Варлаама, даровавшая многих святителей Новгороду, – Хутынъ, отколе в бедственные дни его бежал испуганный великий князь Иоанн и даже оставил там жезл свой, когда выступило пламя из гробницы святого игумена, которую хотел он открыть. С правой стороны мелькает вдали женская обитель Сыркова и чуть видны главы обители Св.Евфимия, со славою правившего Церковью уже незадолго до царя Иоанна. – Ближе к городу, за рекой, монастырь Деревяницкий, а на низменном берегу Волхова упраздненный Колмов. – Далее, опять за рекою, густая роща осенила пристанище Антония Римлянина, и одна за другою появлялись вдоль реки бесчисленные церкви Торговой стороны Новгорода. Белые паруса скользили вниз и вверх по синеве волн и меж зелени садов сей непрерывно двигавшейся картины, доколе не закрыл ее своим высоким зданием, у самых городских ворот, Духов монастырь, прилично открывающий собою вход к Новгороду.

Прямая улица ведет от заставы к дворцовому саду, который окружает своею зеленью половину красных стен Кремля. –

Разительная противоположность: у подошвы развалин распускающийся сад! Молодые деревья во всей красе своей резво спустились во глубину рвов, некогда наполняемых трупами осаждавших, и смело взбирались на расселины ветхих твердынь, страшных именем Св.Софии. На конце сада, недалеко от стен и реки, легкая беседка заменила, как предполагают, узорочный терем Марфы Борецкой, отколе Посадница привыкла смотреть на бури непостоянного Волхова и на вечевые бури народа. Быть может, на сем месте св. игумен Соловецкий Зосима, надменно принятый ею, предрек ей во дни славы день ее падения.

Трезвонили к утрени, когда мы въехали в Кремль; я устремился к Софийскому собору и, с невольною робостью, переступил порог его. – В первом приделе Рождества Богоматери поклонился я мощам первого епископа Никиты и св. князя Мстислава, витязя земли Новгородской. – Руки его, долго владевшие мечом за Св. Софию, упокоились крестообразно на богатырской груди его, бывшей щитом Новгороду. Святитель и витязь, друг против друга, на праге собора, – какая чудная, неодолимая стража! Далее приложился я к раке князя Владимира Ярославича, основавшего Св. Софию и Кремль, и его матери Анны, и князя Феодора, юного брата св. Невского, которого застигла смерть в самый день брака и увенчала иным венцом. Потом я стал против амвона, окинул взором весь собор, от врат Корсунских, сквозь царские, до горнего места, взглянул на чудотворную икону Христа

Божией Премудрости, посмотрел в купол, где написан Господь Вседержитель, держащий в сжатой деснице судьбы Новгорода, от разжатия коей должен он пасть, – вспомнил, что я стою, одинокий, посреди стольких веков, в Св. Софии, и позабыл все прочее!

Время не позволяло медлить. Я поспешил из Кремля на Волховский мост, к часовне Животворящего Креста, который, по вере народной, охранял от бурь Волхова древний мост его. Пред сею часовнею упал конь под грозным Иоанном, торжественно вступавшим в покоренный Новгород, когда для встречи его внезапно ударили в колокол Кремля; царь велел

отбить ему уши, и так висел он долго на колокольне софийской. С моста посмотрел я к Ильменю, и не было видно озера за высотой Волхова; сам он представлялся озером, усеянным островами сел и обителей. – Древний Новгород, казалось, хотел освятить колыбель своего Волхова, который, исторгшись из-под его спасительного покрова, опять дичает в лесах; два монастыря, Юрьев и Сковородский, воспринимают его у самого истока и передают другим обителям и храмам, которые все столпились на берегах реки, умиряя ее течение; от Ильменя и до Хутыня течет он, как бы окованный в священной раке, отражая в каждой волне своей какую-либо святыню, и тихи под ее сенью прибрежные воды. Но в одном только месте неукротим Волхов; с негодованием теснится он под сводами моста и сердито бьет в каменные оплоты, еще исполненный памяти прошедшего, когда поглощал он жертвы народной вражды, свергаемые с моста, как с Капитолийской скалы, когда ненависть обеих сторон его, Торговой и Софийской, разрешалась над ним страшными битвами, а он, как лютый зверь, жаждал падения трупов, – он один знает число принятых им во дни Иоанновы, коих души глухо записаны в числе двух тем в поминаниях Белоозерской обители. Вопли разъяренных граждан, стремившихся друг против друга от соседнего веча и от Св.Софии, слишком долго раздавались здесь над юным Волховом, чтобы не возбудить в волнах его отголоска своим бурям, и здесь он еще бурен и своеволен, как во дни своих тысяцких и посадников и веча.

Но какая мирная, очаровательная картина развивается во все стороны с сего моста, картина, достойная лучших времен Новгорода! Посмотрите к Ильменю: на краю его величественно восстает из вод венец всего Новгорода, белый Юрьев, белее утреннего снега, местами слегка нарумяненный первыми лучами дня. Правее обители живописная дача графини Орловой, окруженная садом, и село Рахово на холме, и далее два бывших монастыря: Аркажский и Благовещенский. Левее Юрьева белеют между синевой неба и волн две другие обители, святых Моисея и Кирилла, и древнее городище Рюрика, гнездо князей Варяжских, господствует на высоте над торговым

предместьем славянской столицы. Почти у самого моста, на дворе Ярослава, девять многоглавых церквей обступили черную, обгорелую башню вечего колокола, долго заглушавшего их благовест, и сошлись в ясном небе своими золотыми бесчисленными крестами наподобие воздушного кладбища. Теперь обратитесь к Хутыню: его не видно вдали, но на пути к нему потянулись вдоль берега иные многие церкви Торговой стороны, и на крутом изгибе реки выбегает из-за Антониевой рощи гостеприимный мыс, принявший усталого Римлянина на его плывущем камне, и опять у самого моста, но с другой лишь стороны, грозитя своими красными башнями весь зубчатый Кремль, кровавая летопись многих веков, а над ним белая Св. София со своею златою главою, как в белой ризе увенчанный святитель, предстательствующий за древний Новгород.

1837.

II. Юрьев монастырь

После многих лет обитель Юрьевская приняла меня опять под гостеприимную сень свою. Это было в осенний вечер, в час воскресной всенощной; она совершалась в подземной церкви Похвалы Богоматери, там, где погребен обновитель Юрьева, который некогда с любовью принимал меня в мирных стенах его. Такое воспоминание располагало к молитве. – Благообразна была и пещерная церковь, устроенная по подобию древних катакомб, но великолепно украшенная! – Мрамором устлан помост ее, по мраморным сводам рассыпаны золотые звезды; бронзовый иконостас исполнен весь славою Божией Матери; ибо Она изображена повсюду в многознаменательных символах – то в виде Неопалимой Купины, какая некогда явилась Моисею в пустыне, но обнесенная звездообразным венцом ангельских сил; то с олицетворенною похвалою неба и земли вокруг Нее, с ликами земных ангелов и небесных человеков; то Радостью всех скорбящих или Одигитриею, путеводительницею странных; то неизреченною на языке человеческом, по благодати, Ее исполняющей, или Живоносным источником исцелений, как проявила Себя в Царьграде, или как на Афонской горе, в необъятном пламени Своей славы, или венчаемою от всея Троицы, как приятелище нестерпимого Божества. Все гласит о Ней внутри сего священного подземелья, где никогда не умолкает в честь Ее чтение акафиста.

Особенно хорошо устройство этой церкви тем, что, по древнему чину, жертвенник находится в стороне и совершенно отделен от алтаря; таким образом и женщины могут свободно приступить к нему для приношений, а между тем святой алтарь огражден от суеты, неизбежной при сближении жертвенника с престолом. Напротив северной двери алтаря открывается с южной стороны тайная дверь в гробовой покой архимандрита Фотия; одна лампада освещает его сумрак. Распятый Господь и по сторонам Его Божия Мать и возлюбленный ученик написаны во весь рост на восточной стене; к подножию

спасительного креста Христова прислонен мраморный гроб, огненный среброкованным покровом с крестным на нем изваянием, и на нем стоит золотая икона Знамения Богоматери, сродная Великому Новгороду, отколе распространилось по всей России празднование сего чуда.

Близость к нам почившего еще налагает печать молчания; но молитвенная с ним и о нем беседа невольно проникает в душу в сей гробовой кельи, где упокоился он после подвигов отшельнической жизни. Свидетельствует о ней и последний приют его, который сообщался во дни его жизни с кельями; сюда часто спускался он тайною стезею к своему гробу, чтобы засветить над ним лампаду или во мраке подземелья углубиться в размышления о вечности, доколе еще не настала. – Я увидел в углублении другой мраморный саркофаг, смиренно прислонившийся к стене, но еще праздный, и угадал его назначение.

Железная решетка и потом еще стена, вся окованная серебром, с тремя на ней позлащенными иконами, отделяет могильный покой от того места, где совершаются панихиды по усопшем. – Великолепный образ Неопалимой Купины, горящий драгоценными камнями, а по сторонам его собор бесплотных Сил и земной ангел Предтеча осеняют своим покровом сию молитвенную храмину и вместе смертное жилище; но для утешительного свидетельства о грядущем воскресении мертвых на боковых стенах есть еще две иконы, бывшие келейными покойного: одна – седми спящих отроков Ефесских, которые, заснув в пещере во дни гонений языческих, пробудились от векового сна уже во дни славы Церкви Христовой; другая икона изображает благоразумного разбойника, с оружием креста в руках входящего в рай пред лицом патриархов Авраама, Исаака, Иакова, охраняющих его преддверие.

На другой день после ранней литургии, в той же пещерной церкви, просил я показать мне верхний Спасский собор с его приделами, сооруженный архимандритом после пожара 1828 года на месте домово́й церкви благоверных князей Феодора и Александра Невского. Страшное, но вместе и назидательное зрелище представил пожар сей: это случилось в праздник

Введения во храм Божией Матери; народ наполнял церковь; сам архимандрит совершал литургию, и все до такой степени заняты были молитвою, что никто не заметил, как искра, вылетевшая в трубу от жаровни кадильной, зажгла деревянные связи и пламя охватило кровлю. Уже вся крыша была в огне, а под нею спокойно возносилась столь же пламенная молитва. Мимошедший священник церкви Перунской, которая еще не была тогда скитом, первый увидел пожар и бросился в храм известить об угрожавшей опасности. Быстро рассеялся народ; но нельзя было оставить начатой литургии. Архимандрит велел одному из сослуживших иеромонахов поднять с жертвенника приготовленные Дары и при пении Херувимской песни нести их на престол холодного собора, чтобы там довершить Божественную службу, и, покамест прочая братия занялась спасением утвари церковной, сам он стал на клирос и уже как простой инок отвечал пением на возгласы священнослужителя. Между тем совершенно сгорела церковь, и в суровую зиму братия принуждена была терпеть стужу в холодном соборе, ибо не имела средств устроить где-либо теплый придел. Тогда послал Господь благотворительницу бедствующей обители, и ее щедрыми даяниями не только соорудился новый великолепный собор на месте сгоревшей убогой церкви, но обновились и храм Великомученика Георгия, и вся обитель, самая древняя из всех новгородских и русских, ибо одна только Печерская Лавра может оспаривать у нее первенство.

С левой стороны алтаря пещерной церкви ведет лестница в верхний собор Всемиловитого Спаса. Бронзовый иконостас его украшен с особенным великолепием; драгоценными камнями сияют местные иконы Спасителя и Божией Матери; одна жемчужина, подобная груше, висит на осыпанном бриллиантами венце ее. Сокровища Чесменские излились щедрою рукою на храм сей и все его принадлежности; но изящный вкус распоряжался роскошью окладов и утвари церковной. Благолепие умножается при возжжении многочисленных лампад огромного серебряного паникадила, которое, как некий венец, спускается из глубокого купола, проливая торжественный свет на полумрак собора.

По обеим сторонам главного алтаря, но не на одной с ним черте, устроены два малых придела, во имя Св. мучеников Фотия и Аникиты и Успения праведные Анны. Первый находится над жертвенником пещерной церкви, и к нему примыкают с левой стороны обширные покои нынешнего настоятеля, которые были приготовлены покойным архимандритом для митрополита Серафима на тот случай, если бы пожелал окончить дни свои в уединении. – Придел Св. Анны сооружен над самою пещерою, где стоит гроб воссоздателя сего храма, и к правой стороне придела прилегали его кельи; они теперь обращены в церковь Всех Святых и братскую библиотеку, дабы молитва и благочестивое размышление всегда наполняли душу посещающих место его жительства. – Там совершается всякую субботу поминовение по усопшим.

Церковь сия также украшена с чрезвычайным великолепием, и вместе с особенною любовью к памяти усопшего обитателя сих некогда уединенных келий. Иконостас составлен из домашних икон его, осыпанных драгоценными камнями; но преимущественно украшен любимый им образ Иверской Божией Матери. Нельзя не дивиться блеску яхонтов, изумрудов и сапфиров, какие встречаются только в утварях царских, и светлой воде огромных алмазов, на которые не обращало внимания око их дателя. Христианское небо изображено изящною кистью на сводах церкви Всех Святых, дабы все они осеняли молитвенников сего знаменательного храма, где так много воспоминаний.

Наместник ввел меня в алтарь и показал в северной стене выложенную из камней молитвенную келью, если только можно дать такое название каменному гробу, в три шага длины и один ширины, с тесным сидением на одном конце и углублением для иконы на другом. Там теплилась неугасимая лампада пред иконою Знамения Богоматери. Это была келья покойного, где проводил он в совершенном безмолвии всю Четыредесятницу, исключая времени Божественной службы, и куда уединялся обыкновенно в часы, свободные от забот и занятий. Келья сия сообщалась узкою лестницею с другою, ей подобною, но еще более потаенною, которая уже теперь заделана, и наконец с

гробовой пещерою, ибо туда наипаче любил он спускаться для размышлений о вечности в виду своего гроба.

Несколько раз бывал я при жизни архимандрита в тех же самых кельях, которые теперь обращены в церковь, и никогда не подозревал сего молитвенного покоя в стене, куда он заживо себя закладывал, как в каменную могилу; невольно изумился я столь нечаянному открытию. Замечательно будет лице его в летописях Новгородских: кроме необычайности собственной его жизни, изнурительного поста при ежедневном служении, сорокадневного безмолвия в течение Четыредесятницы и других подвигов, которые, быть может, время откроет, – он действительно был не только обновителем своей обители, но и настоящим архимандритом всех монастырей новгородских по древнему назначению настоятелей Юрьева. От первых времен Великого Новгорода почитались они старшим духовным лицом после владыки, были благочинными над пятидесятью его обителями, кроме пятнадцати непосредственно от них зависевших, и впоследствии получили права священнослужения, с некоторыми преимуществами архиерейского, у себя в обители.

Такое лицо явил в себе Новгороду недавно усопший. В монастырях Деревяницком и потом Сковородском, основанных святителем Моисеем, началось первое его служение Великому Новгороду, ибо там он был краткое время настоятелем; но мать обителей новгородских ожидала его пламенного усердия. Он собрал ее из развалин, обновил и прославил, и тот же поток щедрых даяний излил на прочие убогие обители древней славянской столицы, от пятидесяти умалившиеся до скромного числа четырнадцати. И Святая София, священный залог славы новгородской, сделалась также предметом его забот. Но величайшею из заслуг его было – восстановление древнего чина иноческой жизни в своей обители и возбуждение чрез то духа молитвы, ибо сердце его стремилось к пустынному житию скитских отцов, и посреди окружавшего его великолепия святыни сам он вел жизнь затворника, умножая строгость ее по мере умножения дней своих. Все, что ни обновляла рука его, принимало на себя характер древности – не только зодчество и

внутреннее устройство храмов, но и самый чин богослужения и церковные напевы отзывались давно минувшим и потому роднились с сердцем; невольно разжигался дух молитвы видением и слышанием древнего церковного быта.

Очевидным свидетельством благочестия, возбужденного в народе, служит праздник Воздвижения Честного Креста, на который собираются в Юрьев бесчисленные толпы богомольцев. Архимандрит Фотий, соорудив недалеко от св. ворот новый обширный храм, хотел посвятить его Преображению Господню, на память древле существовавшей тут церкви; но по совету митрополита Серафима, который сожалел, что столь великое торжество, каково всемирное Воздвижение Креста Господня, ослабевает в памяти христиан, решился обновить праздник сей в Великом Новгороде с особенною торжественностью. Освятив храм в честь Воздвижения Креста, он учредил с благословения архипастырского крестный ход кругом всей обители, а на всенощной, при поклонении Животворящему Кресту, положил на все будущие времена раздавать каждому из приходящих по малому кресту медному или серебряному. Необычайность торжества начала привлекать богомольцев в обитель ко дню Воздвижения, и доселе нигде не празднуется он столь светло.

Чрезвычайное стечение народа на погребение усопшего архимандрита и в продолжение девяти дней, когда тело его лежало открытым в церкви для последнего с ним целования, достаточно засвидетельствовало, каким уважением пользовался он не только в Новгороде, но и в окрестности, ибо отовсюду собрались чины духовные и мирские. Погребение было трогательное и поистине народное, и что весьма замечательно, оно совершилось Великим постом, в неделю Крестопоклонную, как бы в воздаяние усопшему за его ежегодный подвиг безмолвия во дни четырехдесятницы, и наипаче за торжество Воздвижения Креста Господня, которое с таким великолепием обновил он в обители.

Едва успел я осмотреть теплый собор со всеми его приделами, как уже ударили в большой воскресный колокол к поздней литургии. Я поспешил в великолепный храм

Великомученика Георгия, где служил обедню сам настоятель архимандрит Мануил. – Величие Божественной службы по особенному чину, усвоенному обители Юрьевской, стройность и вместе древность столпового пения, которое там можно слышать в совершенстве, – все соответствовало красоте самого храма, достойного зодчества византийского XII века. От дверей паперти уже приятно были поражены взоры блеском бесчисленных лампад вокруг на престольной сени отверстого алтаря, и сиянием драгоценных камней на местных иконах, и пышностью риз священнослужителей во глубине сего разверзшегося неба, отколе исходили они с горящими светильниками как бы на землю в облаках фимиама и во звуке небесных гимнов. – Не так ли отозвались некогда ангельскою песнью лики софийские предкам нашим в доме Премудрости Божией, и дом сей показался им небом, куда ввели они за собою все свое племя славянское?

Уже около ста лет существовала обитель Юрьевская, основанная великим Ярославом во имя ангела своего великомученика Георгия (в 1030 году), когда другой Георгий, великий сын Мономаха, Мстислав, княживший в Новгороде, заложил сию великолепную церковь художеством греческих зодчих в 1119 году, при игумене Кириаке. Но довершение и освящение храма предоставлено было их блаженным преемникам – игумену Исае и святому сыну Мстислава, Всеволоду Гавриилу, который сам нетленно возлег на вечную стражу в соборе охраняемого славным мечом его Пскова. Тогда же устроены были и два придела, во имя Благовещения и благоверных князей Бориса и Глеба, родственных Мстиславу, на высоких горах, по древнему чину церквей греческих; ибо там главный престол никогда не был стесняем боковыми, дабы оставалось место для жертвенника и диаконикона. Обновленный в начале XIV века, при святом владыке Моисее, храм сей подвергся опустошению от нечестивых шведов в смутную годину самозванцев и опять обновлен щедрыми даяниями первого из Романовых и усердием архимандрита Дионисия. Знаменитый современник Петра Великого, Иов, митрополит Новгородский, оставивший по себе столь благую

память, призрел также своими пастырскими заботами храм Великомученика при содействии юрьевского настоятеля Гавриила; но последнее обновление святилища архимандритом Фотием превзошло все, что только можно назвать великолепным.

Не буду говорить о всех украшениях храма и пятиярусного иконостаса, о царских среброкованных дверях, огромных паникадилах, подсвечниках, напрестольной одежде из литого серебра и драгоценной сени с высоким на ней крестом из сибирских камней; сокровища кажутся здесь обыкновенными от самого их множества: стоит только взглянуть на две местные иконы Спасителя и Богоматери и на одну храмовую Великомученика, чтобы уже более не обращать внимания на все прочее; ибо здесь не знаешь, чему дивиться, – богатству ли дара или беспримерному усердию дателя. До полумиллиона ценят золотые оклады местных икон, осыпанные крупными алмазами, яхонтами, изумрудами и сапфирами; венец Спасов и звезды на челе и персях Его Пречистой Матери горят чудными камнями, несравненными по своей массе и чистой воде. Риза Великомученика усеяна сибирскими тяжеловесами по швам и воскрылиям, как будто ими скреплено ее чистое золото; щит и шлем и броню духовного витязя можно поистине назвать адамантовыми; огненным представляется конец копья его, коим поразил чудовище, от алмаза, заменившего лезвие, и необъятной величины жемчужины образуют рукоять и оконечности его воинского меча. Сокровища, излитые на украшение сей древней византийской иконы, современной еще великому Ярославу, основателю обители, восходят до чрезвычайной суммы, и столь же роскошно убрана икона Святителя Феофота при раке мощей его. Можно ли после сего говорить еще о прочих украшениях и богатствах?

Об одном, однако же, не должно умолчать; вкус и изящество новейших времен руководствовали обновителей храма и, несмотря на то, не утрачено ничего древнего, так что даже все новейшее кажется только обновлением старого. Таким образом сохранился величественный иконостас, золотую стеною поднимающийся к высоким сводам, и уцелела стенная

живопись, писанная по древним очеркам, и внутренность алтаря удержала первобытный свой характер; там лики святителей с высоты горнего места содействуют Божественной службе, а назидательные изречения св. отцов о ее таинственном значении возбуждают дух молитвы в сослужащих. Все благолепное здание храма с его знаменательными украшениями образует собой полную идею Восточной Церкви, как выразилась она впервые строителями таинств христианских и как еще долго сохранялась в последующие века.

После великолепия собора можно вообразить, какие сокровища заключает в себе ризница, соответствующая пышностью утвари: бесполезно было бы исчислять драгоценные митры, кресты и панагии и шитые жемчугом облачения, которым едва ли есть подобные по красоте и богатству, разве из числа древних Патриаршей и Троицкой ризниц. Оставя новейшие богатства, следует, однако, упомянуть о предметах, драгоценных по своей древности. В ризнице хранится серебряное позлащенное блюдо с мифологическим на нем изображением Персея и Андромеды, которое пожаловал в обитель св. князь Всеволод Гавриил. На месте древнего баснословного рассказа языческого совершилось новое христианское чудо великомученика Георгия, который близ того же города Верита избавил от морского чудовища сирийскую царевну, ему обреченную в жертву, и потому вместе с блюдом хранится кусок от той скалы, к которой была прикована царевна, недавно принесенный в обитель одним богомольцем.

Другая замечательная вещь есть плащаница горько памятного междоусобною бранью князя Дмитрия Шемяки, который после краткого сидения на престоле ослепленного им Василия Темного принят был мятежным Новгородом и положил вклад сей за себя и детей в обитель Юрьевскую, не подозревая, что и сам упокоит в ней свои скитальческие кости. Кругом плащаницы вышита золотом следующая надпись:

«Лета 6957, индикта 7, как был Князь Великий Дмитрий Юрьевич в великом Новгороде, и повелением его, Великого Князя, наряжен был сей воздух, в храме святого Великомученика Христова Георгия, того же лета, месяца Августа

в 23 день, благоверною его Великою Княгинею Софьею, и при сыне благоверном Князе Иване, и положен бысть в церкви Св. Великомученика Христова Георгия, в великом Новеграде, в Юрьеве монастыре, при Архиепископе великого Новгорода, Владыке Евфимие, при Архимандрите Мисаиле, за оставление грехов и спасения ради душ наших и наших детей, и тем внучатом и правнучатом, в сем веце и будущем, аминь».

Но еще замечательнее сих двух предметов подлинная грамота самого великого князя Мстислава, сына Мономахова, соорудившего храм; она почитается древнейшею из всех, какие только уцелели у нас от всеистребляющего времени, и ее сохранением обязаны археологи обители Юрьевской. Грамота писана на пергаменте и скреплена серебряною печатью с изображением на одной стороне сидящего Спасителя, а на другой – архангела Михаила; дана же была в обитель вместе с блюдом Всеволода, о коем упоминается в ее строках:

«Се аз Мстислав Володимир сын, держа Руску землю в свое княжение, повелел иесмь сыну своему Всеволоду отдати буиц святому Георгиеви, с данию и с вирами и с продажами, даже который князь по моем княжении почнет хотети отъяти у святого Георгия. А Бог буди за тем и Святая Богородица и те святыи Георгий у него то отимают. И ты игумене Исаие и вы братие донилежесе мир се стоит, молитесь Бога за мя и замое дети, кто ся изоостанет в монастыри. То вы тем делжени иесте молитесь за ны Бога я прии животе и в смерти. А яз дал рукою своею и осенение полюдие дарование полтретия десяти гривен Святому же Георгиеви. А се я Всеволод дал иесмь блюдо серебряно в тридцать гривен серебра. Святому же Георгиеви, велел иесмь быти в ние на обеде коли игумен обедает. Даже кто запертит или ту дань и се блюдо, да судит иему ... день пришествия своего и ты святыи Георгий».

Один из древних вкладов благочестивых самодержцев наших еще и доселе украшает храм Великомученика посреди его нового великолепия – это четырехъярусное медное паникадило над амвоном, которое пожертвовал обители царь Михаил Феодорович после разорения шведского, на память изгнания врагов. В сию бедственную эпоху самозванцев, когда

ликовал в Новгороде нечестивый вождь шведов Делагардий, лишена была обитель Юрьевская лучшего своего сокровища – нетленных мощей благоверного князя Феодора Ярославича, брата Невского, который скончался юношей в день брачного своего торжества, променяв венец тленный на нетленный. После четырехвекового упокоения в храме Великомученика мощи его перенесены были в собор Софийский знаменитым митрополитом Новгорода Исидором, дабы предохранить святыню их от ругательства святотатных врагов. Но еще там осталась гробница благочестивой матери св. князей Феодора и Александра, княгини Феодосии, дочери Храброго Мстислава, который столько лет охранял великий Новгород славным мечом своим и сам нетленно отдыхает под сенью Св. Софии.

Другие святые мощи заменили утраченные для обители: это нетленные останки св. архиепископа Феоктиста, избранного Новгородом в 1300 году. Святейший Синод разрешил в исходе минувшего столетия, по ходатайству митрополита Гавриила, перенести мощи его из упраздненного соседнего монастыря Благовещения в Юрьев, и они положены под спудом, в среброкованой раке, по левую сторону алтаря; архимандрит Фотий устроил подле и малый придел, во имя святителя Феоктиста, соответствующий противолежащей ризнице. Память краткого правления Феоктистова не могла когда-либо прийти в забвение в обители Юрьевской, ибо с того времени настоятели ее получили звание архимандритов, и первым из них был Кирилл; а тому владыке, при коем возвеличилась обитель, суждено было впоследствии самому принять от нее достойное воздаяние чести.

Мало сохранилось известий о подвигах сего угодника Божия при его жизни; но многие исцеления прославили его после блаженной кончины. Постриженный в обители Благовещенской, которую основали два святых брата, Иоанн и Григорий, бывшие потом оба владыками Новгорода, он восприял после них игуменство и кафедру софийскую, будучи посвящен митрополитом Киевским Максимом. Но после осмилетнего правления отошел опять на безмолвие в прежнюю свою обитель и там чрез три года окончил святую жизнь в подвигах

иноческих. Первое прославление святителя Феокиста случилось более трехсот лет после его кончины, в царствование Алексея Михайловича. Он явился в сонном видении болящей супруге царского дьяка Ивана Зиновьева и велел помолиться над своею гробницею для желанного исцеления, не сказав ей, однако, своего имени; но по сходству виденного ею лица с одним из ликов святительских, начертанных на стенах Софийского собора, она узнала владыку Феокиста и тогда же велела списать его образ. А муж ее, отыскав в летописях соборных, где был погребен святитель, привел болящую Иулианию на забытую дотоле гробницу в развалинах Благовещенской церкви, и там получила она исцеление. Несколько лет спустя наместник новгородский, князь Василий Ромодановский, имея теплую веру к угоднику Божию Феокисту, очистил от развалин гроб его и соорудил над ним сперва часовню, а потом каменную церковь, которая и доныне существует; между тем продолжались исцеления над мощами святителя, который и доныне не престаёт изливать благодать, ему данную, на бывшую свою паству Великого Новгорода.

После сего блаженного успения и перенесения честных мощей богоугодного мужа в обитель Юрьевскую упоминать ли о неблагословенном мертвеце, для погребения коего в стенах того же храма нужно было соборное разрешение святителя Ионы митрополита и с ним епископов русских? – ибо они связали его анафемою за возмущение против законного государя. Говорить ли о бедственном ослепителе Темного, Шемяке, который, домогаясь престола великокняжеского, долго смущал крамолами всю землю Русскую и наконец окончил в Новгороде скитальческую жизнь. Но милосердая мать Церковь не отказала раскаявшемуся в последнем приюте и дала оный в той обители, которой благодетельствовал во дни краткого своего земного величия. Могилу его указывают в храме Великомученика.

Есть и еще погребенные под сенью его, из сановников мирских и духовных Великого Новгорода и земли Русской. Там гробы двух старейших игуменов Кириака и Исаии, при коих сооружена и освящена церковь; вероятно, подле них положены

были и их преемники, особенно более именитые, как первый архимандрит Кирилл и обновитель Дионисий, но могилы их неизвестны. В паперти почивает и кроткий владыка Новгорода, Макарий II, преемник Никона Патриарха на кафедре софийской, участвовавший во всех его соборах, и Маркелл, епископ Корельский, ибо в первой половине минувшего столетия обитель Юрьевская была местом жительства викариев митрополии Новгородской. – Там же три мраморные плиты всечены в стену, украшенные орлами; над одною из них изображен во весь рост святитель Алексей, держащий в руках своих позлащенную икону Божией Матери, пред кою теплится всегда лампада. Это семейная усыпальница обновившей обитель Великомученика. Приняв ее близко к своему сердцу, она в свою череду вручила ей и то, что всего ближе было ее собственному сердцу, – гробы родителей.

Таков древний храм Великомученика. Внешнее величие его зодчества соответствует строгою византийскою простотой внутреннему благолепию. Три главы в честь Св. Троицы венчают собор, и каждая имеет свой особенный характер; они горят ярким золотом на синеве новгородского неба. Красивая колокольня над св. вратами довершила собою красоту Юрьева, ибо в ней соединилась легкость итальянская с величием византийским, вполне соответствуя характеру всего здания. Серебристым, густым звуком ее колоколов беседует древний Юрьев с современною ему Св. Софиею, и им сладостно внимает Великий Новгород, разумея сердцем многоглагольный язык сей, исполненный минувшего.

Были и еще древние церкви внутри ограды юрьевской, которые теперь заменены новейшими. Почти в одно время с главным собором, в половине XII века, сооружена игуменом Дионисием церковь Преображения Господня около св. ворот и нынешнего Воздвиженского храма; а в XVI веке, к югу от холодного собора, вероятно там, где теперь две больничные церкви – Неопалимой Купины и Архангела Михаила, построена была теплая церковь во имя Св. Алексия, с приделом Св. Гавриила Псковского. Это случилось уже после покорения Новгорода, когда память чудотворцев Московских внесена была

в среду его святыни мощною рукою Иоаннов, но обе сии церкви, весьма убогие, разобраны были ради их ветхости в половине минувшего столетия, когда Юрьев, приходя постепенно в упадок, не в состоянии был поддерживать своих зданий и, как догоравшая лампада, совершенно угасла бы древняя обитель Ярослава, если бы не сохранили ее новейшие любители святыни.

Но где же ключ сего живительного источника, столь обильными струями непрестанно изливающегося на обитель? – Есть подле нее малая усадьба, на том месте, где прежде стоял монастырь Св. Пантелеймона, коего уцелевшая церковь доныне ей принадлежит. Там отрадное уединение избравшей себе место сие последним приютом временной жизни для приготовления к вечной. Там окружает ее со всех сторон величественная святыня древнего Новгорода, ибо, куда только ни обратит взоры свои, отовсюду приветствует и осеняет ее многоглавый, великий бесчисленными своими храмами и обителями. Но самый очаровательный вид с балкона, обращенного к городу, над широким Мячинским озером, особенно во время полноводия, когда волны подступают к самому дому и все окрестные урочища кажутся как бы на островах, посреди коих величаво течет Волхов.

Два упраздненных монастыря со своими слободами – Аркажскою и Благовещенскою стоят на краю сей величественной картины, которая развивается от левой руки к правой, как древняя хартия, вся исписанная церквами и обителями. Бывшая Лисицкая, на Синичьей горе, и нынешняя Десятинная начинают собою Великий Новгород, и между ними в ясную погоду мелькает, как призрак, дальний купол Св. Евфимия Вяжицкого. Слобода Воскресенская, где был также монастырь, стоит на первом плане, у самого озера; а за нею, от Синичьей горы до Волхова и по ту сторону реки до Городища Рюрикова, широкий амфитеатр храмов невольным изумлением поражает взоры. Величавая громада Св. Софии с ее колокольнею и часовою башнею, обнесенная древними бойницами зубчатого Кремля, господствует надо всем, как седой исполин во всеоружии ратном и молитвенном, в броне

и венце поставленный на вечную стражу славянской столицы. Мимо его идет ему лишь покорный Волхов сквозь прозрачные арки легкого моста, державно наброшенного на шумные воды, а за ним вдали укрывается Антоний Римлянин под сень своей рощи. Вот потянулась направо, вверх по Волхову, Торговая сторона Великого Новгорода длинною вереницею храмов от соборного узла их на Ярославлем дворище, где сошлось столько золотых крестов вокруг обгоревшей вечевой башни. Далее другое звено этой священной цепи около собора Знаменского, где хранится чудотворный залог спасения Новгорода, и наконец после нескольких одиноких церквей на пустынных его кладбищах дальний Хутынъ, обитель Варлаамова, осеняет своими благословениями сие зрелище древней славы Великого Новгорода.

III. Рюриково городище

Оставалось не более двух часов до захождения солнца, когда я решился посетить на устьи Волхова ближайшие к Юрьеву обители. – Этот осенний вечер напоминал собою летние; воздух благорастворен был необычайною теплотою, ветер совершенно затих, не подымалось ни одной волны на широком Волхове, не было их и в бурном Ильмене, который, казалось, с отеческою любовью смотрел на свое величавое чадо, сам отходя к покою в последних лучах вечера: – солнце спускалось к нему по золотым ступеням многоглавого Новгорода. Наместник с одним из братьев Юрьева монастыря радушно вызвались мне сопутствовать, и приготовлен был большой катер на краю слободы Юрьевской в виду Перунского скита. Мы причалили сперва к малому островку, не всегда однако окружаемому водою, где около древнейшей церкви Новгорода устроен новый скит, и живут двенадцать отшельников. Там некогда на холме пред лицом бурного Славянского Ильменя стоял Перун, сверженный в Волхов первым Епископом Новгорода Иоакимом, и там равноапостольный Князь Владимир соорудил первую Христианскую церковь на севере нашего отечества. Она цела и доныне во всей своей древней простоте и празднует рождеству Богоматери, Которая Сама послужила храмом Воплощенному.

Благочестивый настоятель обители Юрьевской принял меня с скитскою братиею в мирной оgrade Перуновой и ввел во внутренность святилища; оно огласилось тихим пением праздничного тропаря, и сладко было слышать гимн Сокрушительнице Перуна на самом месте ее победы:

«Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной: из Тебе бо возсия солнце правды Христос Бог наш, и разрушив клятву, даде благословение, и упразднив смерть, дарова нам живот вечный.»

Самое строение церкви свидетельствует о ее непреложной древности, восходящей до времен св. Владимира; – она одноглавая, в виде четверогранного столпа, и более

распространена в ширину, нежели в длину, которая не превосходит 3 1/2 сажень, если не считать низкой трапезы и алтаря, имеющего вид урезанного осьмиугольника. С двух сторон ее по два узких окна, а в алтаре тремя подобными же отверстиями проливается свет в честь святые Троицы. Но, не смотря на тесноту, во внутреннем устройстве строго соблюдены чин древних православных церквей; алтарь разделен на три части для удобства священнослужения, иконостас в пять ярусов, хотя и с обновленными иконами, дабы Праотцы, Пророки и Апостолы предстояли при молитвах церковных. К двум столбам прислонены клиросы, и даже есть хоры, как бы в обширном храме: ибо св. София служила для всех образцом. Церковь холодная, но трапеза теплая, и в ней ежедневно совершается утренняя, часы и вечерня, и читается днем и ночью неумолкаемый псалтирь по усопшим; божественная литургия бывает только в субботние и воскресные дни, по уставу древних скитов Палестинских.

На столбах церкви написано время ее основания в 995 году равноапостольным Князем и время ее обновления священноархимандритом Фотием в 1828 году, с именем первого настоятеля сего нового скита, аввы Сергия; преемником его был незабвенный Князь Аникита Шихматов, который, сделавшись потом паломником в Палестине, благочестиво окончил дни свои при миссии Афинской в назидание всей Греческой Церкви.

Много бедствий испытал первый храм истинного Бога на урочище идольском Новгорода, удержался однако в качестве обители до 1767 года, и тогда только упразднен. Пожар, бывший в 1822 году, возбуждая усердие любителя древности и святыни, послужил к его обновлению из приходской убогой церкви в благоустроенный скит: как, после упразднения первоначальной обители Перунской, все ее принадлежности перенесены были в Юрьев, так из него опять воссияла ее древняя слава, и обновился ветхий храм Богоматери, одиноко стоявший на холме Перуна свидетелем славного события. Другая деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы уже исчезла на пустынном острове; возникли опять кельи отшельников и ограда обители, которая была некогда первым оплотом против

Славянского идолослужения и бурных волн Ильменских. – Опять огласилась над водами мятежного моря Славянского, у самой пристани его сокрушенного кумира, тихая песнь отшельников: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу твоему притек, вопию ти: возведи от тли живот мой, многомилостиве.»

Архимандрит ввел меня в кельи скитских отшельников и в отдельный покой их настоятеля, отколе открывается обширный вид на все озеро, затекающее за дальний небосклон, потом благосклонно проводил до пустынного берега. Мы потекли по быстроте широкого Волхова, который перестает быть младенцем от самой колыбели. К Городищу, древнему жилищу Князя Рюрика, направлен был путь наш. Два протока, Волховец и Жилотуг, начинаясь от двух оконечностей Городища, образуют из него остров и потом, соединяясь опять в один широкий рукав, за могильным холмом Гостомысла, под стенами Хутыня впадают в Волхов.

Там, где стоял на крутом берегу реки городок Варяжского пришельца, который содержал им в повиновении слободы Славянские около Ильменя, – теперь убогое селение, сохранившее однако название Рюрикова Городища. С его времени утвердились там Князья Русские, даже и тогда, как великий Ярослав перенес двор свой ниже по Волхову и за ним потянулся весь Новгород по обеим сторонам реки. Место сие на острове и холме не так мало благоприятствовало первобытному своему назначению, чтобы непрочные властители вольной столицы Славянской решились скоро его оставить. Оттоле княжили они, как и с дворища Ярославля, и там укреплялись иногда против буйного веча; туда изгонял и Новгород своих наместников Князей, когда Вече объявляло им конец тревожного, краткого их владычества. «Ступай к себе на городище» взывала мятежная толпа и там уже не тревожила изгнанника, потому что издавна привыкла почитать место сие чуждым Новгороду, заветным гнездом рода Рюрикова. Горько отозвалось оно Новгороду во дни его падения! Иоанн III, еще однажды угощавший на городище Владыку, посадников и бояр, прежде других мест занял войсками укрепленное жилище

предка, чтобы по его примеру господствовать над городом, а Грозный внук его оросил потоками крови Новгородской роковой холм сей, ибо на нем совершал он жестокий суд свой над древней вольностью Славянской родины.

Городище, всегда принадлежавшее Государям Московским, подарено было Петром Великим любимцу своему, Князю Меншикову, и было свидетелем падения сего славного временщика со всей высоты его. Во дворце Городища объявлен был Князю и его дочери, невесте Императора, строгий указ бывшего ее жениха о утрате ими всех достоинств их высокого сана и о ссылке в Сибирь; ибо дотоле они еще не знали своей горькой участи, полагая только, что лишены милости Царской и будут жить в дальних деревнях. Здесь сорвали с них пышные одежды княжеские и облекли в убогие крестьянские рубища. Невеста Царская, увидя себя в столь неожиданной одежде, бросилась в объятия родителя с горьким словом: «ах я крестьянка!» и мужественно покорилась своей участи. Отселе повлекли их в жестокое изгнание, в пустынный Березов, где им суждено было вскоре встретить и виновников своего изгнания, Долгоруких, и там на чужбине положить свои кости. Дворец Князя Ижорского и сад его поступили опять во владение казны, но теперь нет и следов Княжеской усадьбы. Один только убогий садик с несколькими избами обывателей покрывает часть холма Городищенского.

Еще стоит однако на опустевшем урочище древняя каменная церковь Благовещения, сооруженная вначале Мстиславом, великим сыном Мономаха, который украсил столькими храмами столицу Славянскую. Спустя два столетия, она пришла в ветхость и восстановлена, по воле Великого Князя Симеона Гордого, Архиепископом Василием, одним из знаменитых Владык Новгорода, которого белый клобук перешел ко всем Митрополитам Русским. Церковь сия еще дважды обновлена была, в исходе минувшего столетия и в начале нынешнего, и к ней пристроена трапеза с приделом во имя Сретения Господня. Но внутреннее ее устройство удержало древний характер Византийский по образцу Перунского скита, хотя она гораздо обширнее. Та же четверугольная внешняя

Форма и тройное разделение алтаря, ибо так устроены почти все Новгородские церкви; уцелевший на стене образ Господа Вседержителя и часть мощей мучеников Черниговских, Князя Михаила и боярина его Феодора, составляют ныне главное сокровище сей древнейшей придворной церкви Князей Новгорода. Две другие деревянные церкви Святителя Николая и безсребренных Чудотворцев, которые стояли подле каменной, давно уже уничтожены. Но от ее заросшей травой паперти, не попираемой более княжескими стопами, какой очаровательный вид открывается на их старую отчину, – великий Новгород с его окрестностями!

Багровое солнце уже близко было к земле Новгородской и бросало огненные лучи свои прямо в церковь Мстислава. Белый, величественный Юрьев, другое славное дело рук его, рдеющий вечерними лучами, стоял на рубеже озера и реки, как некий светлый страж, их охраняющий. По сторонам его Перынь и живописная усадьба Орловская, как дети подле своего родителя, отражали также его вечернюю славу. Море Славянское кипело вдали за мысом бывшего громовержца; юноша Волхов, исполненный света и жизни, плавно шел мимо вековых храмов, заходя, как бы на поклонение, во все их пристани и заливы; а храмы все более и более умно жались вдоль берегов его, доколе не срослись все в один великий Новгород и не увенчались державною главою Софийскою. Слобода Воскресенская на противоположном берегу, куда по воле Иоанна переброшен был из Городища мост славным его зодчим Аристотелем, служит преддверием города; далее зубчатый Кремль на холме с своими башнями и куполами догорал последними лучами дня, и отблеском их озарялись новый великолепный мост Волхова и вся Торговая сторона с ее бесчисленными церквями; они все собрались, как бы по звуку вечного колокола, к старому дворищу Князя своего Ярослава, а вдали мелькали обители Антониева и Деревяницкая за рощею, и чуть видимый Хутынъ. Такой обширный вид открывался во все стороны от древней усадьбы Рюрика, где некогда срубил он малый городок свой, и вот он разросся в пять славных концов Новгородских. Не даром держались места сего

потомки Рюриковы! отселе обнимали они взором и повелительным словом всю свою отчину, и на их зов откликались св. София и Вече.

Я просил одного из моих спутников, отца Платона, который посвятил многие годы на изучение древностей Новгородских, назвать мне церкви и обители, раскинутые в пустом поле около Городища или на холмах между протоками, и он сказал:

«Самая ближняя церковь, которую вы видите на холме за протоком Волховца посреди слободы, есть бывший Спасо-Нередицкий монастырь, приписанный теперь к Городищу. Он основан Князем Новгородским Ярославом, сыном Мономаха, в исходе XII века, и соборный храм его, построенный во вкусе Византийском, сохранил на стенах еще некоторые изображения Святых с Греческими подписями. Принадлежавшие к нему церкви и службы, приходя постепенно в ветхость, наконец совершенно истребились, и самый монастырь, сперва приписанный к Юрьеву, был упразднен при составлении штатов в 1764 году. Такой же участи подпал и Ситицкий монастырь, о котором упоминается в XIV веке. От него осталась теперь одна каменная церковь во имя Андрея юродивого; вы ее видите на отдельном холме за версту от Нередиц, и еще большему подверглись запустению бывшие между ними обители: Аргамакова и Шилова, иначе Покровская, которая основана в XIV веке на устье реки Шиловки к югу от Городища. А к северу от него, ближе к Новгороду, одни только развалины двух каменных церквей свидетельствуют о бывшем монастыре Лядском во имя Святителя Николая, которого начало восходит также к XIV веку; первых же двух обителей не осталось даже и следов; их только знают по имени. Так мало по малу время поедает славу Новгородскую.»

«Но какая эта обитель видна вдали, еще во всем своем благолепии с многими храмами, башнями и оградой?»

«Так представляется она только издали, отвечал он, хотя и весьма убога внутри. Это Кирилловская, одна из самых древних, основанная в XII веке двумя благочестивыми братьями Новгородскими, Константином и Андреем, во имя святых Патриархов Александрийских Афанасия и Кирилла, при

Архиепископе Мартирие. Соборная пятиглавая церковь ее была до половины разобрана за ветхостью в минувшем столетии и довершена уже в новейшем вкусе. Несколько лет позже пристроен к ней придел во имя преподобного Арсения, игумена Новгородского, мощи коего перенесены были в сию обитель из часовни от церкви Жен мироносиц, что на Торговой стороне. Там есть и другая теплая церковь во имя Покрова Богоматери; каменного здания много, но все это требует поддержки, а средств мало. От святых ворот открывается великолепный вид на весь Новгород, и такими видами богаты почти все его древние обители.»

Чем более вглядывался я в пустынную окрестность Городища, тем более представлялось мне одиноких церквей на уединенных холмах, которые островами подымались из разлившихся вод. – По их местоположению можно было предполагать, что каждая из сих церквей принадлежала в древности к какой либо обители или пригородной слободе, и не напрасно население Новгорода, широко раскинутое по низменным берегам Волхова, называлось концами.

«Вижу, сказал я, далее Кириллова на том же лугу, который прилегает к Новгородскому валу, еще две отдельные церкви, одну в старом вкусе, другую в новейшем; что это за церкви?»

«Здесь место древних скудельниц, где погребались странные и убогие в бедственные годы Новгорода, в голод или мор, отвечал отец Платон. Та, что по старше, Рождественская XIV века принадлежала обители Рождества Христова; но после опустошения Шведского, которое оставило губительные следы во всем Новгороде, она обращена в церковь кладбищенскую. Другая же во имя святителя Николая построена в половине минувшего столетия Князьями Долгорукими на месте казни их знаменитых родственников, любимцев юного Петра II, которые, низвергнув Меншикова, сами вскоре были сосланы в тоже заточение. Но тем не кончилась бедственная участь; их опять извлекли из дальней Сибири по новым наветам и предали мучительной казни на так называемом Красном поле Новгородском. В сей надгробной церкви покоятся тела Князей Василия и Ивана и двух его

сыновей, Ивана и Сергия, разделивших горькую участь с своим родителем; многие богатые вклады Долгоруких свидетельствуют о прежнем усердии рода их к сему печальному памятнику их семейных бедствий; но теперь церковь Святителя Николая почти забыта ими.»

С того места, где сподвижник великого Петра и самовластный распорядитель царства по его смерти ступил первый шаг в свое дальнейшее изгнание вместе с дочерью, Царскою невестою, облеченною в рубище в замен порфиры, – страшно и назидательно было смотреть на пустынную кладбищенскую церковь, сооруженную над прахом их гонителей, даже на самом месте их казни; страшно было и следовать за ними мысленно в ту глухую Сибирскую дебрь, где обе невесты того же царственного жениха, княжна Меншикова и княжна Долгорукая, встретили друг друга, обе невинно пострадавшие за честолюбие отцов и братьев! – Какое судное слово для искателей земного величия написано на останках древнего великого Новгорода! –

«Вот и еще одинокая церковь недалеко от вала, бывшая прежде монастырем Воскресенским, продолжал мой почтенный собеседник. Построение ее новое, по обитель существовала еще в XIV веке. В ней есть чудотворная икона Божией Матери, Которая по преданию явилась на бурном море двум братьям Новгородским и велела выручить Себя от иноверного священника, ибо он с поруганием употреблял священный лик ее вместо дверей своей светлицы. – Спасенные от бури исполнили данную заповедь.»

«Сколько же, наконец спросил я, было монастырей в великом Новгороде и его окрестностях во дни его славы, когда и теперь, кроме совершенно истребленных обителей и доселе существующих, почти на каждом шагу встречается какая либо одинокая церковь, бывшая монастырем?»

«Их считалось более пятидесяти, отвечал мне отец Платон, и можно себе вообразить, каково было тогда благолепие священнослужения в сей древней столице Славянской, когда со всех концов ее стекались крестными ходами сонмы иночествующих в сердце Новагорода, к св. Софии, во дни

церковных празднеств! – Зрелище поистине достойное православной Руси?»

– «Назовите мне еще одну церковь, которая чуть видна на высоком холме, далее других, и почти на самом горизонте?»

«И это был также монастырь, сказал он; но здесь два воспоминания слиты вместе, христианское с языческим. – Это Волотово, или богатырское иоле, где погребались витязи Новгородские; это холм Князя Славянского Гостомысла, насыпанный по преданию пригоршнями целого народа Новгородского.

Церковь на нем во имя Успения Богоматери сооружена святителем Моисеем и сохранила еще остатки древности, но монастырь вокруг нее упразднен вскоре после разорения Шведского. Стоя здесь на Городище пришельца, призванного Гостомыслом, чтобы княжить над его народом, можно подивиться мудрости, с какою Рюрик избрал место сие для своего городка между двух самых священных воспоминаний Славянских. С одной стороны взор его простирался чрез Волхов на холм Перуна, куда стекались на жертвоприношения не одни Новгородские туземцы, но и все окрестные Славяне: с другой стороны восставал могильный курган последнего любимого вождя их, который послал сказать Рюрику: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет; придите управлять нами.» – Такими двумя великими залогами еще более, нежели стенами, огражден был чуждый властитель от беспокойного племени, призвавшего его на княжение.

Солнце закатилось, покамест мы осматривали с холма Рюрикова летописную окрестность великого Новгорода, Мне хотелось воспользоваться последними минутами света, чтобы посетить близкий монастырь Сковородский за Волховцем и поклониться там нетленным мощам Святителя Моисея. Поднявшись немного по Сиверсову каналу, мы прошли чрез гребень земли, его отделявшей от другого малого залива, и в рыбацкой лодке с трудом достигли отлогой высоты, на которой стоит монастырь, потому что необычайное разлитие Волхова затопило низменную его окрестность. Мертвая тишина царствовала внутри ограды; братия разошлась по кельям ради

позднего часа; послушник открыл нам соборную церковь Архангела Михаила, довольно обширную, с двумя боковыми приделами во имя Рождества Христова и угодника Божия Моисея, который был основателем собора и обители. Сам он открыто в ней почивает под сенью Архангелов, и первое, что поразило взоры во мраке храма, это его возвышенная рака, озаренная слабым мерцанием лампы.

С благоговением приложился я к нетленным останкам сего блаженного отшельника и Святителя, который удостоился принять благословение на свою кафедру от двух величайших наших Святителей и чудотворцев, Петра и Алексия, ибо дважды на расстоянии 18 лет избирало его себе Владыкою вече Новгородское, и дважды оставлял он престол Софийский ради любимого им безмолвия. Постриженный в Твери в Отроче монастыре, св. Моисей уединился сперва на берегах Ильменя на месте, называемом Коломцы, где была обитель, теперь уже не существующая. Колмов, также упраздненный, ниже по Волхову, был в свою чреду свидетелем его подвигов, и оттоле по смерти Архиепископа Давида голос народный избрал его на кафедру святительскую; но чрез пять лет смиренный Моисей умолил народ отпустить его в желанное уединение и, приняв на себя схиму, основал он напротив Колмова, по другую сторону Волхова, обитель Деревяницкую. Схима не спасла его однако от изъявления любви народной, ибо 18 лет спустя, когда скончался знаменитый Владыка Василий от морового поветрия, опустошившего весь Новгород, его бедствующие граждане искали себе спасения только в предстательстве угодника Божия Моисея и принудили его взять опять в старческие руки кормило церковное. Благословения Патриарха Цареградского Филофея и Митрополита Московского Алексия укрепили его на новые подвиги, и еще 12 лет бодро пас он вверенное ему стадо, утверждая благочестие, потрясенное ересью Стригольников, распространяя веру Христову в дальних пределах Новгородских и в самом городе сооружая благолепные храмы и обители.

Болотова над гробом Гостомысла, Колмова и Деревяницкая на Волхове. Свято-Духова у ворот Новгородских, Коломицкая, где начал свой подвиг иночества, и Сковородская, где его

довершил, были памятниками его Христианской ревности, и из числа их три сохранились до наших времен. Собор Знамения Богоматери, прославленный чудом от ее иконы во дни Суздальской осады, и еще пять других церквей близ двора. Ярославов на Торговой и на Софийской стороне сделали незабвенною память его великому Новгороду, а в Москве еще хранятся яшмовые его сосуды, принесенные в дар святителю Петру Митрополиту. Удрученный старостью, св. Моисей умолил опять народ отпустить его на краткий отдых до вечного упокоения в созданную им обитель Сковородскую близ места первых его подвигов, и там еще три года был он зеркалом благочестия для собранной им братии и для всей паствы. Но и после блаженной кончины, многими чудесами и исцелениями явил он свои пастырские о них заботы, спасая от бурь и хищников на морской пучине благочестивых граждан великого Новгорода, а самую обитель от нападения разбойников; они едва не погибли в трясилах, ее окружающих, и в ужасе покаялись представшему им угоднику Божию. Даже первый из Владык Новгорода, Сергей, присланный Иоанном после его покорения не по избранию народному и не из клира Софийского, испытал на себе тяжкую болезнь за то, что не воздал подобающей чести памяти великого Святителя, прежде него восседавшего на Софийской кафедре, и принужден был ее оставить.

Довольно поздно, уже в царствование Государей Иоанна и Петра, при благочестивом Митрополите Новгорода Корнилие, который удостоился погребать и Никона Патриарха, обретены были чудным образом нетленные мощи Святителя Моисея. Однажды настоятель, взошедши с братией в храм для утреннего бдения, увидел всю церковь, освещенную невидимой рукою, и посреди нее мощи угодника, открыто лежащие и проливающие вокруг чрезвычайное благовоние. Обрадованный дивным событием, он поспешил возвестить о том Владыке, и сам Корнилий с благоговением поставил святые останки своего блаженного сопрестольника на то возвышенное место, где почивают доныне, под аркой с правой стороны иконостаса.

Совершенно смерклось, когда мы оставили монастырь и тем же путем достигли опять канала. Быстро понеслась ладья наша в широкий Волхов; молодой месяц выглянул из облаков и полусветом озарил воды и берега. Вдали, как призрак, белел многоглавый Юрьев; у истоков Волхова засверкали огни: мимо нас скользили лодки рыбаков и слышались их заунывные песни. Тих и величествен был этот Новгородский вечер на родных его Славянских водах; морем казался Волхов, все объемлющий, все проникающий своими глубокими заливами и бесчисленными рукавами, как сторукий исполин, содержащий всю громаду великого Новгорода с его отдельными святилищами, которые раскинулись далеко от св. Софии.

«Какие огни мелькают от Ильменя? спросил я отца Платона, будто маяки, зажженные на озере для обозначения его опасного устья.»

«Это огни на судах, стоящих у входа в озеро, отвечал он. Иногда целый огненный флот тянется ночью мимо Юрьева, оставляя по себе багровую полосу на водах, и мы приходим на берег любоваться живописным зрелищем. Любопытно прислушаться и к песням, или лучше сказать, молитвенным воззваниям пловцов, когда, вырвавшись из бурного озера, входят они в безопасный Волхов. В них отзывается быт старого Новгорода и память его святилищ, уже отчасти не существующих. Первое, что представлялось выходящим из Ильменя, был монастырь Троицкий на Коломце против Перыня. Теперь нет и следов его, равно как и Шилова, стоявшего в виду Юрьева; но еще сохранилась между рыбаками и погонщиками тяжелых барок, которые идут с лесом из Старой Руссы, эта народная песнь, где с именами Святых странно перемешаны и названия урочищ.

«Троица Коломица.
Лерынь Богородица,
Шило святое Юрь монастырь
Помогай нам»
1844 г.

IV. Обитель Михаила Клопского

Еще однажды посетил я Новгород и опять под сенью Юрьевской обители. Это было весною, когда полная вода выступила из берегов Волхова и залила все окрестности; казалось, озеро Ильмень приступило к великому Новгороду, и его окрестные обители, рассеянные по холмам, стояли каждая на своем отдельном острове, как будто бы северная Венеция внезапно возникла из Славянских вод: не было другого сообщения, кроме как водою, с дальнею обителью св. Михаила Клопского, отстоящего за 15 верст от Юрьева, которую давно желал я посетить по собственному уважению к почившему в ней угоднику Божию, и я воспользовался полноводием, чтобы отплыть туда на осмивесельном катере. – Но плавание сие, по видимому легкое, оказалось весьма трудным. Из Волхова надобно было въехать в русло малой речки Прости, пересыхающей летом, и отыскивать догадкой ее течение по большим полянам, залитым водою, где часто останавливался на мели катер. Мы ехали мимо Ракомы, бывшего села Ярослава великого, где некогда, в порыве юношеского гнева, избил он старшин Новгородских и где, несколько дней спустя, граждане великого города, услышав что Великий Князь Святополк умертвил своих братьев, Бориса и Глеба, и что Ярослав хочет бежать к Варягам, пришли великодушно предложить ему свою помощь. Совершенно новая церковь св. Феодора Стратилата стоит на старом урочище Ярослава, и не осталось никаких следов жилья Княжеского. Только там, где речка Прость впадает в Веряжь, разширился проток, и катер быстро поплыл к озеру и обители, увлекаемый стремлением воды. Она представилась издали, окруженная также водою со всех сторон, и величествен был ее трехглавый собор с колокольнею посреди широкой равнины вод.

Если смотреть только на церковные здания обители, то они мало заключают в себе примечательного, хотя довольно благолепны и восходят до времен Царя Иоанна Васильевича. Им основан холодный собор Троицкий из уважения к памяти

преподобного Михаила, там почивающего под спудом, с приделом во имя его в южной части алтаря. Но другая придельная церковь Покрова Богоматери и теплый собор во имя чудотворца Николая сооружены после разорения Шведского уже по воле Царя Михаила Федоровича, и обитель обязана нынешним своим благолепием усердию трех игуменов Товии, Паисия и особенно Герасима, которые друг за другом управляли ею в нынешнем столетии. Однако первое и лучшее ее сокровище есть мощи Преподобного; он прославил собою монастырь, неизвестный до него в пределах Российских, и доселе привлекает к нему усердствующих богомольцев.

Весьма замечательна не только для Церкви, но и для истории, жизнь сего отшельника, о которой мало кто знает, хотя она тесно связана с событиями лучшей эпохи Новгорода и касается княжения Московского. На месте, называемом Клопово, уже существовала убогая обитель во имя св. Троицы и там игуменствовал Феодосий, впоследствии избранный на кафедру Софийскую. Однажды (это было 23 Июня 1408 года) священноинок Макарий, имевший келью свою при деревянной тогда церкви св. Троицы, совершая по очереди утреннее служение, хотел покадить и келью, и нашел ее отверстою. Еще более изумился Макарий, когда увидел в ней мужа, облеченного в одежды иноческие, пишущего Деяния св. Апостол при свете горящей пред ним свечи. С ужасом возвратился он в церковь и сказал о том игумену; игумен же с братией по окончании утрени, взяв с собою крест и кадило, пошли в келью, но уже нашли ее крепко затворенною изнутри: никто не отозвался на их голос и стук, так что игумен принужден был выломать двери, и, к общему изумлению, опять обрели в ней того же старца, неподвижно сидящего и продолжающего свое писание. Игумен стал вопрошать его: «поведай мне, кто ты человек или дух?» и услышал в ответ те же самые слова, как бы собственное эхо. Он стал творить молитву, тоже и старец: игумен оградил себя крестом и покадил фимиамом: и старец, уклоняясь от кадила, ограждал себя крестом. Когда же настало время литургии, он явился в церковь, присоединил голос свой к голосу братии и начал вслух читать Апостол стройно и приятно. Игумен велел

ему во время трапезы читать жития Святых, и никто из братьев не мог вкушать пищи, до такой степени сладостно было его чтение. После трапезы игумен ввел нового брата в отдельную келью, и с того дня безвыходно начал он жить в обители, проводя день и ночь в посте и молитве, вкушая пищу только однажды в неделю, не имея у себя ни единой вещи, ибо являл совершенную нестяжательность и изнурял тело свое чрезвычайными трудами. Со дня на день возрастало к нему уважение братии и все почитали его за великого мужа, хотя он, ради большего смирения, представлял из себя юродивого; никому однако не было известно, кто он и отколе пришел в обитель, ни даже какое его имя?

В первый раз, когда сей неведомый миру инок, под видом юродивого, посетил великий Новгород, он уже проявил таящуюся в нем благодать Божию; толпа детей на улицах стала ругаться над его юродством, бросая в него камни и всякую нечистоту; но блаженный, не радя о них, увидел отрока, тихо стоящего около дома церковного: он взял его за власы, поднял выше себя и возгласил: «о Иоанн! учись книгам прилежно, ты имеешь быть Архиепископом великому Новгороду.» и действительно отрок сей, отданный матерью ради сиротства своего в научение некому диакону, был впоследствии знаменитым Святителем Ионою, которого нетленные мощи доныне почивают в обители Отенской, им основанной за 40 верст от Новгорода. Подобало однако прославиться и тому, кто, возвещая славу других, таил собственную. Однажды удельный Князь Константин Дмитриевич, сын витязя Донского и брат державствовавшего тогда Василия, будучи наместником Новгорода, пришел посетить обитель Троицкую, настоятель коей Феодосий был его отцом духовным; после Божественной литургии во время трапезы, которою угощал благочестивый Князь всю братию, игумен велел старцу читать житие многострадального Иова. – Тронутый сладостью голоса, Князь подошел к читавшему и внезапно с глубоким уважением ему поклонился, воскликнув: «Это Михаил, сын Симеонов!» Но праведный отвечал ему: «один Бог, создавший меня, ведает, кто я.» – Игумен стал увещевать его, для чего не хочет открыть

своего имени, и старец сказал ему: «да будет тебе известно, что меня зовут Михаилом.» Но Князь Константин, не довольствуясь столь смиренным отзывом, в свою черду сказал игумену: «да будет тебе известно, что старец сей ближайшими узами родства соединен с нами,» и все с благоговением воззрели на мнимо юродивого.

Кто же был сей Михаил, сын Симеонов? отнюдь не меньше, как сам законный наследник державы Российской по праву старейшинства, если бы только он искал царства земного вместо небесного; ибо Димитрий Донской, отец обличившего его Князя Константина, происходил от Великого Князя Иоанна Калиты только чрез младшего его сына Иоанна, а Михаил был сыном старшего, Великого Князя Симеона Гордого, и так как новое право престолонаследия, сына по отце, началось только со времен Димитрия Донского, то Михаил, как старший в роде, долженствовал бы наследовать престол по кончине дяди своего, Великого Князя Иоанна II. Но не так размышлял о том блаженный труженик. По смерти державного отца своего и двух старших братьев, которые скончались от морового поветрия, опустошившего всю Россию, отрок Михаил с матерью своею Мариєю возрастал в мире под сенью кроткого дяди Иоанна; а когда и сей отошел в вечность, не хотел он вступить в мятежное наследие державы Российской, сокрушаемой тогда Татарами: равнодушно видел Михаил, как овладел им сперва Князь Суздальский Константин Дмитриевич, а потом приобрел оное еще в малолетстве Димитрий, будущий витязь Донской. О другом, более светлом и прочном престоле радел юноша, и когда, после славного Мамаева побоища, иной разоритель, Хан Тохтамыш, пришел опустошить Москву, и все семейство великокняжеское бежало в Кострому, Михаил стал размышлять в себе, что уже преходит образ мира сего и сокрушаются престолы Князей, возводимых и низводимых рукою Господней; ревностно возжелал он не мимоходящего царства, но исполненного вечных благ, и навсегда покинул всякую заботу о временном княжении и даже о доме родительском. Внезапно скрылся юный Князь и никто не мог проведать места его уединения. Нежная мать, долго оплакивая его, как мертвеца,

сама постриглась в одной из обителей и там окончила благочестиво дни свои; о Михаиле же ничего не было известно, доколе не явился уже в Ангельском образе в монастыре Клопском, доколе не обличил его там племянник, Князь Константин.

С того времени Господь ознаменовал угодника своего многими чудесами во свидетельство той небесной державы, которая уже ему была предназначена и в земном его жительстве. Однажды, когда убийственная засуха тяготела над пределами Новгородскими и иссякали все источники, пономарь обители, вышедши искать где либо воды вдоль берега высохшей реки Веряжи, увидел Михаила, пишущего на песке слова писания: «чашу спасения приму и имя Господне призову;» когда же извещенный о том игумен спросил отшельника о таинственном значении слов сих. Михаил обещал ему на этом месте источник воды, не иссякающей, что и совершилось по его молитве. В другой раз во время голода игумен усомнился раздавать оскудевающий хлеб приходившим в обитель, но Михаил успокоил его примером Евангельским о пяти хлебах, насытивших пять тысяч народа, и показал ему, что житницы монастырские не истощаются от взимаемого из них хлеба. Еще однажды, когда разбойники во время божественной литургии собрались ограбить обитель, Михаил, как бы юродствуя, сказал игумену, чтобы он пригласил всю их дружину на трапезу монастырскую, и смело объявил в лице тридцати вооруженным, что не исполнится совет их. Они же, смятенные его словами и внезапною болезнью двух вождей своих, не только не ограбили обители, но даже принесли ей богатые дары; один из заболевших разбойников просил себе пострижения и, исцелившись, пребыл иноком.

Вторично посетил Князь Константин великий Новгород и обитель Троицкую, уже не в качестве наместника Великокняжеского, потому что был в ссоре с братом своим за права престолонаследия и даже лишен удела. Блаженный Михаил, отрекшийся более чем от удела, от целого царства, утешил кроткими словами своего сродника; он внушил ему благую мысль создать каменный храм в обители во имя

Пресвятые Троицы и обещал возвращение ему удела, что и исполнилось немедленно по освящении церкви, ибо Великий Князь опять с ним примирился. Предсказал он и своему игумену Феодосию о его кратковременном превознесении на святительской кафедре без посвящения однако в сан архиерейский, и это совершилось по смерти престарелого Архиепископа Симеона. Вече народное избрало Феодосия, возвело на сени палат архиерейских и уже два года, как самостоятельный Владыка, управлял он делами церковными, не имея случая идти за посвящением в Москву по смутам политическим, и вот опять беспокойное вече, возбужденное против Феодосия посадниками, изгнало его с престола в прежнюю обитель; но бывший Владыка утешился там лицезрением блаженного.

Судьбой царственного отшельника было и в самом добровольном смирении своем обличать и утешать Князей и Владык, и как бы располагать заблаговременно их избрание своими таинственными предсказаниями. Так указал он кафедру Софийскую Феодосию и Ионе, еще отроку; так обличил и первого Евфимия, корыстного нравом, отягощавшего обитель лихоимством. «Повелевают ли священные писания пастырю расхищать стадо?» грозно сказал ему преподобный; «знаешь ли сам, для кого ты собираешь?» при сих словах разболелся внезапно Архиепископ и вскоре скончался. Второй Евфимий, ему наследовавший на кафедре, но не нравом, ибо прославился святостью своей жизни и нетленно почивает в созданной им обители Вяжицкой за 12 верст от Новгорода, был искренним другом святого. Неустройство гражданское смущало тогда великий Новгород; он был в разрыве с Великим Князем Московским, и некоторые из граждан хотели подчиниться Королю Польскому; посему Владыка Евфимий, уже три года избранный, не мог еще быть рукоположен в сан святительский. В смущении духа посетил он обитель Троицкую и просил блаженного Михаила помолиться о нем Богу, дабы мог воспринять законное святительство от Митрополита Московского. Но Михаил, представляя из себя юродивого, исторг платок из рук Евфимия, покрыл им себе голову и воскликнул: «Смоленска

достигнешь и там архиерейство примешь.» Сбылись слова блаженного, ибо спустя несколько времени Евфимий отправился в Смоленск и принял там рукоположение от Митрополита Киевского Герасима. Когда же возвратился в обитель благодарить старца, Михаил велел ему ехать в Москву, утолить гнев Великого Князя Василия Темного против Новгорода и испросить себе благословение у Митрополита Фотия.

Блаженному Михаилу, уступившему свое земное наследие племяннику и внуку, прилично было давать отеческие наставления невольному утратившему престол свой, ибо все Князья Русские приходили к нему, как к старшему из их племени. – Князь Димитрий Шемяка, ослепивший двоюродного брата своего Василия Темного и только на краткое время наследовавший великое княжение после отца своего Юрия, пришел искать себе убежища в Новгороде, который любил величаться покровительством изгнанных Князей. Он посетил смиренного Михаила в его обители и просил умолить о нем Бога, дабы возвращено ему было царство. Но старец отвечал: «Княже, всякая власть даруется от Бога: ты же возбудил на Руси великие междоусобия на радость врагам ее. Если опять на сие дерзнешь, ведай, что не только желаемого не получишь, ни даже отеческого наследия, но со срамом возвратишься сюда, и здесь тебя примет трилокотный гроб.» – Не послушался святого беспокойный Шемяка, опять воздвигнул брань и, снова побежденный, вторично прибежал в обитель просить благословения и прощения у святого. «Я слышал, о Князь, сказал ему Михаил, землю, трикраты вопиющую и тебя воспринять хотящую.» Не умилился и сею горькою речью Шемяка, как бывает всегда обычай у честолюбцев не отступать от своих замыслов до конечной гибели. Сняв с себя свою княжескую одежду, он облек ея труженика, как бы нуждавшегося в великолепных ризах, и, взяв его за главу, стал целовать с любовью, умоляя предстательствовать о нем, дабы хотя возвратилась ему отчина его, удел Галицкий. Но святой опять повторил ему прежнее горькое пророчество, что, не достигнув удела, со стыдом возвратится в Новгород; и во второй раз сбылось предсказание, ибо Шемяка, разбитый

войсками великокняжескими, бежал в Новгород и там отравлен был собственными боярами. Прах его погребен в холодном соборе Юрьевской обители, которой благодетельствовал он при жизни.

Светлый взор Михаила, далеко проникая в будущее, с горестью предвидел и будущее падение Новгорода, который представлялся мирскому глазу еще во всем блеске своего величия. Однажды сошелся он со святым Архиепископом Евфимием в основанной им обители Святителя Николая на Вяжицах и сказал ему: «сегодня радость великая в царствующем граде Москве» (это было 22 января 1440 года). «Какая же вина сей радости?» спросил Архиепископ, и прозорливый отвечивал:

«сегодня родился Великому Князю Василию сын и нарекли имя ему Тимофей. – Иоанном же еще наречется. – Он будет наследник царству и всем странам явится страшен, примет и сей великий Новгород, и все наши обычаи изменит, и вас переведет в свою землю;» и чрез сорок лет исполнилось его пророчество. Великий наш историограф почерпнул также сказание о сем из летописи, внесенной в Степенную книгу; но, называя инок Мисаилом, он не имел случая прочесть житие его и не знал о его высоком роде и достоинстве, не только духовном, но и историческом, а потому сомневался в истине сказания. Но сколько таких примеров дара пророческого открывается в летописях Христианства по слову Господа нашего Иисуса Христа: «веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больше сих сотворит, да вы чудитесь.» Несколько лет спустя, блаженный старец повторил тоже пророчество Новгородскому вельможе Иоанну, прозванием Немиру, пришедшему посетить обитель. Боярин сообщил ему свою заботу, что Великий Князь Василий хочет идти воевать Новгород за то, что граждане приняли себе в наместники одного из Литовских Князей. Но блаженный, устремляя взор свой гораздо далее предстоявшей опасности и видя уже конечное падение Новгорода, как бы наступившее, сказал ему: «почто яко безумные мятутся Новгородцы? Если же не утолите гнева Великого Князя Иоанна (бывшего уже соправителем), то многие

беды примите, ибо за непокорность вашу он придет сюда с воинством и станет на берегах, попленил страну вашу и многих из вельмож ваших посечению предаст, других же отведет в плен; а тот Князь, на которого имеете надежду, ни себе, ни вам помочь не может, и сам, побежденный, вдастся бегству. – Потом вторично придет Великий Князь, возьмет город ваш и всю свою волю над ним сотворит. Вы ли воспротивиться можете тому, что суждено ему было еще при рождении?» – Так в течении 44 лет лично направляя Владык и Князей Новгородских, блаженный Михаил связал память свою и с грядущими событиями великого града.

Приблизилось время блаженной кончины царственного отшельника; предвидевший судьбу людей и народов, предчувствовал и свое близкое отшествие к Богу. Братия стали замечать, что он начал становиться во время богослужения вне храма с правой стороны, и когда игумен спросил его, зачем не входит в церковь? святой отвечал ему словами псалма: «се покой мой во век века, яко zde вселится имам.» В начале декабря 1451 года заболел он тяжким недугом, который продлился до 10 января. Тогда призвал он всю братию и стал просить у всех себе прощения; плакали иноки и сами просили себе благословения его и молитв; он же, утешая их, обещал и по смерти не оставлять обители. Видя крайнее изнеможение старца, игумен хотел немедленно приобщить его святых тайн; но преподобный отложил до другого дня причащение свое и, к общему изумлению, на следующее утро сам взошел в церковь приобщиться. После божественной литургии, как второй пророк Исаия, приявший уголь от Серафима, Михаил, обоженный приятием тела и крови Господней, сам положил угля и фимиам в кадило и с ними возвратился в свою келью. Утешенный его внезапною крепостью, игумен послал ему в келью пищу с трапезы, но братия обрели его отшедшим к Господу, простертым на одре с руками, сложенными на груди крестообразно, и всю его храмину исполненную благоухания. Плачем огласилась вся обитель; по зову игумена Феодосия поспешил в нее св. Архиепископ Евфимий со всем освященным собором и со множеством народа, чтобы проститься с преподобным и воздать

ему должное погребение. Но невозможно было прокопать для его могилы землю, отвердевшую крепче камня от жестокого мороза. Тогда игумен вспомнил место, где любил стоять в последнее время Преподобный; Архиепископ велел копать там могилу, и что же? – земля на этом месте была мягка, как летом. Исполненный священного ужаса, духовный собор со слезами умиления похоронил тут блаженного Михаила, столь явно указавшего избранное им место упокоения; и непрерывные исцеления стали истекать от гроба всем, приходившим к нему с верою; даже издали призывавшие имя его в скорбях своих или на пучинах водных получали видимо его помощь. Так явился он на море купцу, плывшему из Западных стран, и спас его от бури, и Князю Белозерскому Василию, обуреваемому на озере Ильмени, который призвал святого, подал он руку помощи, и Князь по утихшим водам достиг его обители. Самая обитель сия, внезапно объята огнем, спасена была от конечной гибели только предстательством Преподобного. Таков был сей великий угодник Божий, изменивший венец земного царства на неувядаемый венец небесного.

Воздав молитвенное поклонение смиренному Михаилу и осмотрев его убогую ныне обитель, я взошел на колокольню, чтобы оттоле окинуть взором всю окрестность; широкий Ильмень открылся мне вдали за устьем реки Веряжи и множество сел, рассеянных вдоль протока и по берегам озера; из них некоторые именами своими доселе свидетельствуют о древних урочищах или о прежних владельцах, как например, Спас-Пископов, т.е. Епископский, достояние бывших Владык великого Новгорода. На расстоянии семи верст за прибрежною крутизной показались главы другой обители Ефрема Перекомского, но позднее время не позволило мне посетить ее. Какой особенный мир обителей и отшельников проявлялся в лесистых и болотистых окрестностях Новгорода! Это был как бы некий отдельный оазис на пустыре широкой земли Русской, где все дышало своим Софийским воздухом и даже в церковном отношении слабо держалось общего союза, кроме рукоположения одного Владыки. В XIV и XV веке в полном цвете развилась жизнь духовная и гражданская на берегах

Волхова. – Современником царственного Михаила, хотя и гораздо его моложе, был сей преподобный Ефрем, родом из Кашина, поселившийся сперва в обители Колязинской св. Макария. Он пришел искать себе строжайшего начала иноческого у другого великого отшельника Саввы, который из тех же пределов явился раньше его в дебрях Новгородских на берегу реки Вишеры, и, основавшись там с благословения Архиепископа Иоанна III, повторил строгое житие древних столпников на пустынном столпе своем к изумлению всего края. С его молитвою переселился Ефрем на дикий берег Ильменя в место, совершенно безлюдное, и создал себе пустынную келью на устье речки Веренды. Молва привлекла к нему других любителей безмолвия, и святой Архиепископ Евфимий, друг Михаила Клопского, поставил его против воли в настоятели зараждающейся обители, которую прославил своими чудесами при сооруженной им церкви Богоявления. Обитель сия получила впоследствии прозвание Перекопской или Перекомской от малого протока воды, который прокопал блаженный Ефрем для удобнейшего сообщения речки с озером; она сохранила свое название даже и в то время, когда воды озера, часто к ней подступавшие, принудили наконец иноків перейти на другое место, за две версты выше, также на берегу Ильменя. Это случилось уже во дни Царя Грозного и Владыки Новгородского Пимена при ученике преподобного Романа, который перенес обе деревянные церкви и самые мощи своего блаженного учителя во вновь создававшуюся обитель. Она пострадала при общем разорении Шведами и еще раз от жестокого пожара, и в ней уцелела только одна каменная церковь Святителя Николая с приделом преподобного Ефрема, где почивают под спудом его мощи. Наконец от крайнего своего убожества монастырь был упразднен и приписан к Клопскому; но в последних годах минувшего столетия ревностный обновитель запустевшей обители Вишерской, Варлаам, из благородного звания, после воинских трудов принявший на себя иноческий образ, обновил и древнее жительство ученика св. Саввы. Начав с его раки, восстановил он все обветшавшее здание и убедил игумена одного из городских монастырей, Лаврентия, перейти с братией

в сие более свойственное инокам уединение. Таким образом, усердием одного благочестивого мужа восстановились оба монастыря, сродные между собою по своему началу; а Вишерская обитель послужила в свое время рассадником духовной жизни в Новгороде от благоговейного собрания многих благородных иноков, наследовавших усердие и добродетели обновителя Варлаама.

Било уже двенадцать часов ночи на колокольне Юрьевской, когда возвратился я, после трудного моего плавания по заливам и протокам, из обители св. Михаила Клопского.

V. Святая София

Громко имя св. Софии, давно и глубоко вкоренилось оно в землю Русскую: от красных берегов Босфора, где впервые услышали его послы Владимировы, отозвалось оно при великом Ярославе над синим Днепром в матери городов Российских и на истоках Волхова в родовой колыбели Славян. – Именем св. Софии загремело шумное вече Новгородское: под сень сего мощного имени стали стекаться гости иноземные, и страшно раздалось оно в рядах Меченосцев, когда бился с ними Новгород во дни битв своей юности. Но голос брани умолк, умолк и голос торговли; она течет иной рекою вдали от запустевших дворов иноземных, которыми некогда красовался сей древний союзник Ганзы, и звук вечеревого колокола замолк: слышен только обычный благовест, сзывающий на молитву сынов Новгорода. Один Волхов по старому шумит под древнею стеною Кремля; один он не хочет утихнуть, и только в бурных его волнах беспокойным кажется вид обеих сторон. Торговой и Софийской, некогда враждебных друг другу; одна только св. София гласит о прежней славе Новгорода.

Восемь веков протекли над нею и не смели коснуться; они изменили вокруг нее гражданский быт и самую природу и не проникли в заветное святилище; напрасно стучались они старческою рукою в два ее притвора: – их как бы отразили с южной стороны два в ней почившие Князя, храмоздатель Владимир и щит Новгорода, храбрый Мстислав; а с западной укрепил за собою запоры Корсунских врат сонм духовных Владык Новгорода, избравший себе место сие последним приютом. Так пощадила рука времени древнее святилище, иногда только обновляемое рукою человеческой, и вступающий в его средину может еще на время забыть о настоящем в долголетию минувшего.

Еще в глубоком куполе не разжалась рука Вседержителя, столько веков держащая судьбы великого Новгорода; и так не напрасно слышался от иконы таинственный глас иконописцам Царяградским, когда по воле Епископа Луки трижды старались

они начертать благословляющую десницу Господа: «не пишите Мя с благословляющею рукою, но пишите Мя с сжатою; Аз бо, в сей руце Моей, сей великий Новгород держу; когда же сия Моя рука распространится, будет тогда и граду сему скончание.» – Так гласит местное предание, записанное благочестивыми предками. Вот и сама св. София, т. е. воплощенная Премудрость Божия таинственно изображена на храмовой иконе древнего Греческого письма в виде Ангела великого совета, по словам пророческим. Она сидит на престоле, по сторонам коего стоят св. Дева и великий Предтеча, бывший гранью обоих заветов, а над ними разогнутое Евангелие с ликами Архангелов. Икона сия, залог спасения Новгорода, украшена была новою серебряною ризою в царствование Петра Великого Митрополитом Иовом и обновлена недавно усопшим Митрополитом Серафимом; подле нее в таком же окладе другая местная икона Спасителя с Греческим Евангелием в руках. Она называется Корсунскою по древности своего происхождения, и увезена была Царем Грозным при разорении Новгорода вместе с иконою верховных Апостол, которая теперь по правую сторону иконостаса; Иоанн возвратил обе иконы в 1570 году.

По левую сторону царских врат, обложенных серебром во дни Патриарха Никона, как о том гласит надпись на их сени, стоит храмовая икона Успения Богоматери: ей празднует собор св. Софии, ибо Пречистая Дева была сама храмом воплощенной Премудрости; серебряною ризою украшена сия икона, как и не далеко от ней другая, на которой изображены в лицах стихи псалма: «предста Царица одесную Тебе.» – Такими изображениями особенно богат собор Софийский, весь расписанный по сводам и стенам историей Ветхого и Нового завета; на десяти столпах его, кроме обычных .тиков мучеников и Святителей Новгородских, начертаны еще в лицах символ веры и акафист.

Не великолепен убранством четырех ярусный иконостас с ликами Апостолов, Пророков и двадцатью праздниками, но драгоценна его древность, пред кою благоговело столько поколений; сквозь тесные царские врата его, напоминающие

собою Московские Успенского собора, открывается величественный престол с серебряными изваяниями, благочестивый дар царствующего Императора, а на полукружии горнего места древнее кресло Владык Новгородских, на коем восседало столько великих мужей. Спаситель и Господь Саваоф в силах Ангельских изображены над сим горним местом, а вокруг апокалиптическая надпись: «бысть царство мира Господа нашего и Христа Его, и воцарится во веки веков». Лики Ангелов, Святителей, Пророков, Мучеников оживляют стены и столпы древнего алтаря сего, в котором почти от начала христианства Руси не преставала ни одного дня приноситься бескровная жертва о спасении ее сынов; такое обилие молитвы исполняет сию сокровищницу, и Слово Божие устами Своих служителей не престаёт и доныне оглашать молитвенников под сенью св. Софии.

Большое паникадило, или хорос, пред иконостасом устроено в царствование Годунова Митрополитом Варлаамом, как о том свидетельствует надпись, и особенно замечательны два места, царское и святительское, украшенные богатою резьбой. Архиепископ Пимен, бывший судиею св. мученика Филиппа и сам вскоре осужденный Грозным, поставил обе сии кафедры и велел вырезать на них надписи: на царском молитву, которую сложил Император Иустин: «единородный Сыне и Слове Божий бессмертен сый», с титулом царским на конце; а на святительском месте начертана сия молитва: «Небесный Царю! верного Царя нашего укрепи, веру утверди, языки укроти, мир умири и святую обитель сию добре сохрани; прежде отшедшие отцы и братию нашу в селех праведных учини и нас в покаянии и православной вере, Господи, приими и помилуй нас, яко благий и человеколюбец: лета 7068».

Четыре придела умножают собою число престолов Софийских: один по левую сторону алтаря во имя Евангелиста Иоанна, другой во имя Предтечи у входа налево от Корсунских врат, и два с правой стороны алтаря в честь Рождества Богоматери и святых ее родителей Иоакима и Анны. Сим приделом начинается летопись соборная: ибо он устроен на память церкви Богоотец, созданной в 990 г. первым Епископом

Новгорода, св. Иоакимом Корсунским, который низринул Перуна и крестил Славян в волнах Волхова; (каменная церковь сия долго существовала позади нынешнего собора). Он же соорудил и другую деревянную церковь во имя Софии Премудрости Божией в подражание Цареградской на так называемой Епископской улице; она сгорела 60 лет спустя, и на ее месте богатый гражданин Новгородский Судислав поставил иную в честь Князей Бориса и Глеба, но и та разорена была Немцами в XII веке; развалины ее доселе видны позади присутственных мест.

Наконец сын великого Ярослава, юный Владимир, княживший в Новгороде, с благословения второго Епископа Луки начал строить в 1045 г. из дикого камня и кирпича собор Софийский и, совершив его в течение семи лет, обнес каменным Кремлем. На праздник Воздвижения 1051 г. освящен был великолепный храм сей, не уступавший Киевскому, на который истощал богатства свои великий Ярослав: зодчие Византийские строили тот и другой, и остатки мусии в алтарях обоих свидетельствуют о древнем их убранстве; двадцать три сажени высоты в Новгородском соборе до вершины его купола; громада сия была поддержана впоследствии каменными быками с северной и западной стороны, как и образец ее, Цареградская София. – Несколько раз опален был собор страшными пожарами во время волнений народных: однажды при знаменитом Владыке Василии в 1335 г, а в XIV веке при Архиепископе Иоанне Ш трижды в продолжении двенадцати лет, и каждый раз усердие Святителей и граждан обновляло растопившийся свинец на пяти его главах. Архиепископ Мартирий устроил в исходе XII века златую паперть с южной стороны собора, которая сохранила его имя, и вместе с древнею, так называемую Корсунской, служит усыпальницею Владык Новгородских. – Такова краткая летопись собора.

Славны и Корсунские врата, давшие имя западному притвору, которыми входили Святители Новгорода из каменных палат своих. Названием Корсунского освящалась у нас всякая древность, ибо из Корсуни заимствовали мы первую святыню нашу; особенно в Новгороде, где и первый Епископ был родом

Корсунянин, почетное сие название со хранилось всем древним крестам и иконам, и народ православный, казалось, хотел стереть отпечаток средних веков и западного искусства с любимых своих памятников, которыми хвалился, относя их к глубокой древности Византийской. – Так названы Корсунскими и медные врата св. Софии, украшенные изваяниями событий Евангельских на двадцати шести досках, хотя в самом низу смиренно изображены с молотком в руках и в Немецкой одежде три их художника и сам Епископ Магдебургский Вихман. – Один из наших ученых археологов предполагает, что они были привезены из Магдебурга при Владыке Василие, который много украсил собор в XIV веке и, по словам летописи, устроил позлащенные врата св. Софии, купив их в Германии. – Есть и еще другие замечательные врата в соборе при входе в придел Рождества Богоматери; они слывут Шведскими и по преданию взяты были в XII веке Новгородскими дружинами из древней столицы Шведской, Сигтуны, от которой остались теперь одни только развалины близ новой столицы. Но врата Сигтупские, как и Корсунские, доселе остались загадочным, хотя любопытным памятником св. Софии, исполненной древностями стольких столетий.

Два великие подвижника, Князь и Епископ, лежат, как бы на страже, у входа св. Софии, в первой ее придельной церкви Рождества Богоматери. – На расстоянии ста лет друг от друга в сей временной жизни, они соединились на вечный покой под сенью одного храма. Древний Киев был начальным поприщем обоих; но какими различными путями достигли они небесного царствия и встретились в ликах Святых! – Один, строгий затворник Печерский Никита послан был святительствовать в Новгород, где имел утешение успокоить святого труженика Антония Римлянина, приплывшего на своем камне; тринадцать лет он пас свое духовное стадо и дважды силою молитвы охранил его от страшного пожара и убийственной засухи; капли слез его разрешились обилием дождя. – Другой витязь, воитель Мстислав, славнейший из сынов Ростислава Смоленского и всех современных Князей, гроза Суздаля и щит Киева от честолюбивых замыслов Боголюбского, возводивший старших

Князей на великое княжение, а сам, подобно Мономаху, всегда довольный своим уделом. – Имя Храброго запечатлело его устами современников на все веки, ибо, по выражению летописи, «от юности навек быше не уполошится никогда же, но токмо Бога единого блюстися». Даже сыну его Мстиславу, как бы наследственно, сохранилось прозвание Удалого. – Вольный, надменный Новгород, по звуку веча менявший Князей своих, то Ольговичей, то Мономаховичей, смотря по тому, чей род возвышался или падал в Киеве, захотел сам быть отчиною Храброго и умолил его к себе на княжение; с восторгом присягал ему народ у св. Софии и со слезами прощался, когда в течение двадцатилетнего правления временно отходил устроить южные уделы. Страшен был при нем Новгород своим соседям, и горько плакала по нем вся земля Новгородская, когда ранняя кончина постигла Мстислава в 1180 году. С честью положили тело его при гробе храмоздателя Владимира, и неизвестно, когда обретены были мощи. – Нетленные руки его, столь славно владевшие мечем, крестообразно прижаты на мощной груди, бывшей щитом Новгорода; смертный покой его мнится быть кратким отдыхом воина и шестивековой сон легкою дремотой.

И лице спящего подле него Епископа Никиты сохранило в нетленных чертах своих отпечаток духовного подвига и небесного мира, с каким заснул на земле. Четыреста пятьдесят лет сокрыты были св. мощи его и только в царствование Грозного было о них видение некоему благочестивому царедворцу, молившемуся в соборе. По тайному гласу сперва осенил он гробницу Епископа богатым покровом, и, когда после семилетнего запустения Новгорода прислан был Архиепископ Пимен, тот же богобоязливый муж объявил ему о своем видении; тогда открыли гроб древнего Святителя и с духовною радостью обрели его нетленное тело, источавшее много исцелений. С южной стороны собора в первых двух арках почивают открыто поверх земли: храмоздатель Владимир, осмнадцать лет правивший великим Новгородом, которому оставил вечную по себе память построением св. Софии, и благоверная мать его, Княгиня Анна. – Дочь Олава, первого Короля Шведского, в язычестве называвшаяся Ингигердою, она

обручена была другому Олаву, Королю Норвежскому; но, промыслом Божиим, вступила в брак с великим Ярославом и, всегда обитая с возлюбленным сыном своим, только двумя годами предупредила его раннюю кончину в 1050 году. – Быть может, не всем известно, что и два первые Епископа, шестьдесят лет правившие Новгородом, св. Иоаким Корсунянин и строитель Софийского храма Лука положены со входа, недалеко от мощей Князя Владимира. Архиепископ Пимен перенес сюда в 1506 году из-за церкви св. Софии мощи Святителя Луки, пятьсот лет после его кончины, и ту же почесть оказал мощам первого Епископа благочестивый Митрополит Иов в 1698 году.

Еще один благоверный Князь поживает в соборе с левой стороны его противу мощей св. Владимира: это юный брат витязя Невского, который заменил Новгороду храброго Мстислава, Феодор Ярославич, в день земного брака своего преставившийся к небесному жениху душ наших. Нетлением процвел брачный венец его, и радость житейская изменилась в невечернюю славу. – Мощи св. Князя сперва положены были в Юрьевом монастыре, но чetyреста лет спустя, во время Шведского нашествия Де-ла-Гарди, их перенесли для сохранения в собор Софийский, и с тех пор они там остались поведением Царя Михаила и Патриарха, отца его.

В теплой церкви Предтечи на лево от Корсунских врат покоятся, один поверх земли, а другой под спудом, два брата, оба именитые Святители, Архиепископ Илия, в схиме Иоанн, и преемник его Григорий. – Будучи простым иереем, умолен был Илия на кафедру Софийскую по смерти Епископа Аркадия в 1165 году, и Митрополит Киевский Иоанн II нарек его Архиепископом в утешение народу; но смиренный муж не превознесся почестью церковною и продолжал на престоле святительском труженическое житие постника, посему и прославил его Господь великими знаменами. Князь Суздальский Роман пошел ратью на Новгород, и с ним семьдесят Князей грозили истребить до основания древнюю столицу Славян. Три дня молился Святитель Илия пред иконою Спаса, дабы пощадил Он град и людей Своих, и вот в третью

ночь слышится ему глас от иконы, повелевающий идти в церковь Спасову, что на Ильиной улице, поднять икону Богоматери на забрало города противу супостатов. Исполненный ужаса и изумления, на утро собрал он Вече народное, и во время молебного пения в храме Софийском послал клир за иконою: но клир возвратился с вестью, что не мог поднять ее. Тогда сам Святитель подвигся соборно в церковь Спасову и, простершись на землю, возопил к Деве Владычице, упованию и заступнице града, дабы не предала врагам согрешивших, но явила над ними милосердие Божие, как некогда пощажена была раскаявшаяся Ниневия. Еще он молился, когда внезапно заколебалась икона, и при радостном вопле всего народа: «Господи помилуй.» благоговейно поднял ее Святитель и вознес на стены города, там, где наиболее кипела сеча. В полдень посыпалась на икону туча стрел вражиих, и новое чудо ознаменовало горную помощь: сама икона отвратилась от нечестивых врагов, не пощадивших священного лика Богоматери, и слезы потекли из очей ее на фелонь Архиепископа внезапная тьма покрыла врагов; Новгородцы же устремились из града довершить славную победу. С тех пор Владыка Илия учредил праздник знамения Божией Матери 27 ноября, который и доныне празднуется по всей России. Так молитва пастыря оградила его паству не слабее меча храброго Мстислава, который вместе с ним подвизался за св. Софию и был им напутствован в вечную жизнь.

Семь церквей и одна обитель остались в Новгороде памятником благочестия Архиепископа Илии, и еще доныне показывают на архиерейском дворе его келью и крестовую церковь; там находится и сосуд, в коем молитвою заключил он искусителя, а на стенах церковных изображено его ночное странствие в Иерусалим и чудное плавание для обличения клеветы народной. Граждане дерзнули подозревать чистое житие праведника; они бросили его на плоту посреди реки и с ужасом увидели Святителя, плывущего противу течения Волхова к Юрьевской обители; там умолили его опять принять кафедру. Вскоре однако принял он схиму и преставился после

двадцатилетнего правления; благодарный народ избрал на его место брата его Григория, который в течении шести лет добродетелями своими напоминал Новгороду усопшего. Григорий благословил святому отшельнику Варлааму уединиться на берегах Волхова, где молитвами его основалась знаменитая обитель Хутынская.

Нетленные мощи схимника Иоанна обретены были по небесному видению при одном из величайших пастырей Новгорода св. Евфимии уже в последние годы славы Новгородской (1436 г.). Камень, обрушившийся со свода церкви Предтечевой, сделал отверстие над гробом Иоанна, и св. Евфимий с радостным изумлением увидел нетление его схимы, еще не ведая, кто сей блаженный усопший? Он молил Господа открыть ему имя Своего угодника, и в ночном видении представился молящемуся древний Святитель Новгорода, который сказал ему и прежнее свое имя Илии и схимническое Иоанна, и как послужил Новгороду во время бывшего знамения от иконы Богоматери. Он заповедал также, чтобы в день своего явления, т. е. 4 октября, всегда совершать память всех почивших в великой церкви Премудрости Божией Князей Российских и Архиепископов Новгорода. Уже в царствование Грозного устроена была рака великому Святителю с описанием его жития в медных ее кругах; на ней изображено: «Божиею милостию и Пречистые Богоматери состроена бысть сия честная рака и образ, иже во святых отца нашего Иоанна чудотворца, такожде и вход сотворен, идеже лежат честные мощи Святителя Иоанна и брата его Григория, Святителей Новгородских, лета 7603, при благоверном Государе и великом Князе Иоанне Васильевиче всея Руси, повелением преосвященного Пимена, Архиепископа великого Новгорода и великих Лук: их же молитвами святыми оставление грехов получить и жизнь вечную, во веки веков аминь.» –

Святители Никита и Иоанн, как первые ближайшие заступники своей паствы великого Новгорода, всегда изображались вместе на иконах его по сторонам св. Софии, Премудрости Божией, иногда с двумя славными отшельниками, Антонием Римлянином и Варлаамом Хутынским, иногда и без

них; так изображены они и доныне на городской стене над бывшими Литовскими воротами.

Теперь от лика сих избранников Софийских обратимся к сонму Владык Новгорода, устлавших собою обе паперти, Мартириевскую и Корсунскую. Но каменные их гробы, стоявшие поверх земли, сняты были в начале нынешнего столетия; остались только на стенах имена усопших, пред коими благоговели современники и должно еще благоговеть потомство. Первые Епископы Новгорода были почти все постриженники Печерские, которых исторгали из их глубоких пещер Митрополиты Киевские, чтобы чрез них проливать духовное просвещение на дальнем Севере. Только по смерти великого Нифонта, когда произошло несогласие в митрополии Киевской, Аркадий, уже девятый Епископ, избран был из настоятелей обителей Новгородских, и вслед за ним Архиепископ Илия. С тех пор все Владыки Новгорода поставлялись, хотя и в Киеве, но из граждан вольного города, который уклонялся от зависимости Митрополитов и Князей.

Избрание происходило большею частью на Вече при дворце Ярославовом и у св. Софии общим голосом клира и народа, или по жребию; три имени полагались на престол Софийский, и малый отрок брал с престола одно имя; тогда совершалось так называемое возведение на сени: Вече посылало именитых граждан за избранным, и с торжеством возводили его на высокое крыльцо архиерейских палат, где он был встречаем хлебом и солью. С тех пор, по своевольному обычаю Новгородскому, избранный, какой бы он степени ни был, иерей или диакон, или даже простой монах, вступал уже в управление епархией и во все права архиерейские, кроме священнослужения; а между тем отправлялось посольство к Митрополиту с просьбою великого Новгорода о посвящении его Владыки. Таким образом протекало иногда около двух лет или более между избранием и посвящением. Архиепископ Евфимий II управлял даже пять лет без хиротонии; а некоторые, как Арсений и Феодосий, после двух лет, еще не посвященные, сведены были с кафедры по прихоти непостоянного Веча. Но обширна была власть Архиереев, когда они умели действовать

на дух своего народа; им исключительно принадлежал титул Владыки, которым они величались во всех актах церковных и гражданских, как действительные представители великого Новгорода; они стояли выше сменяемых Князей и Посадников и совершенно не зависели от Митрополитов Киевских и Московских до самого покорения Новгорода Иоанном, вступая иногда в прямое сношение с Патриархами Царяграда. Не все однако успокоились под сенью св. Софии, на кафедре коей святительствоваали: одни заплатили изгнанием или заточением за временное свое величие и скончались на чужбине; другие волею или неволею отошли на покой в соседние монастыри Новгородские, и там отдыхают от многмятежной власти; иные же, как основатели обителей, просияли в них нетлением мощей своих и доныне служат им утверждением.

Так великий Нифонт, прозванный от современников поборником земли Русской, поживает в Киевских пещерах. Твердо охраняя союз юной Церкви Российской с ее матерью Церковью Греческою, он не хотел признавать законным Митрополита Климента, поставленного по воле Великого Князя Пяслава без согласия Патриарха, и претерпел даже заточение за слово истины. В течение двадцатипятилетнего святительства он был посредником Новгорода и Князей Великих и удельных, и славно было имя его по всей России (1157 г.) – Так и св. Архиепископ Феоктист, избранный в 1300 г, удалился в прежнюю свою Благовещенскую обитель и ныне покоится под спудом в Юрьевом монастыре.

И св. Моисей, поставленный на кафедру св. Петром Митрополитом из молчальников устроенной им обители, после четырехлетнего правления напрасно опять искал в ней уединиться: двадцать два года спустя, не смотря на принятую им схиму, он еще раз вынужден был мольбами народными вступить на престол св. Софии, и через семь лет еще однажды и навсегда отошел на безмолвие в другую им основанную обитель Сковородскую, где и доныне почивают его нетленные мощи (1359). Преемники его Алексей, принявший имя своего рукоположителя св. Митрополита Алексия, и третий Иоанн искали себе также тихой кончины в монастыре Деревяницком

(1388, 1415). Долгое и славное святительство Иоанна горько было для него по смутам народным и несогласию Новгорода с великим Князем Василием и Митрополитом Киприяном. Ревностный пастырь претерпел даже трехлетнее заключение в Москве за беспокойный дух своего народа. Еще два святых Архиепископа, Евфимий и Иона, святительствовавшие один за другим в самые цветущие и последние годы славы Новгорода, как бы предвидя его падение, избрали себе местом упокоения, первый обитель Вяжицкую, им основанную, а второй Отенскую свою пустынь, отколе был избран на кафедру (1458, 1471).

Наследник их, знаменитый Феофил был уже последним Владыкою вольного города, который тщетно старался примирить его с Великим Князем Иоанном. Марфа посадница волновала Вече, и пастырь скончался в заточении: только мертвым возвратился он под сень св. Софии, и с тех пор, т. е. с 1483 года, прекратилось свободное избрание Владык Новгородских: их стали присылать из Москвы по изволению Великого Князя и соборному избранию Митрополита, и не многие имели утешение скончаться на своей кафедре. Первый из них Сергей, избранный из игуменов Троицкой лавры, сам удалился, испуганный смутами народными (1484). Вторым Геннадий, муж образованный, поставленный из архимандритов Чудовских, обличитель расколов на соборе Московском, сослан был по клевете в Чудов (1504); а преемник его, св. Серапион лишен кафедры по случаю несогласия его с св. Иосифом Волоколамским и нетленно почивает в лавре Троицкой, прежней своей обители (1509). Знаменитый Макарий, просиявший сперва на кафедре Новгорода, прославился потом во дни Грозного на митрополии Московской и там отдыхает в Успенском соборе. Ученик преподобного Иосифа Архиепископ Феодосий и скончался в Москве во время Стоглавого собора (1551); а два последние Архиепископа, Пимен, много украсивший св. Софию и бывший свидетелем разорения Новгородского, и преемник его Леонид, оба пострадали от Грозного Царя и скончались в заточении (1570, 1573). После них начался ряд Митрополитов Новгородских, не прерываемый доныне, из коих три, славный

Никон, Питирим и Иоаким, с кафедры св. Софии вступили на престол Патриарший.

Но, хотя и много отсутствующих между древними Владыками Новгорода, есть еще под сенью св. Софии много великих усопших, неразлучных с нею телесно; в числе их один только Епископ Аркадий, первый из погребенных в соборе (1165), ибо все его предшественники почил в Киеве; он отдыхает в паперти Мартириевской подле давшего ей свое имя Архиепископа Мартирия (1199). Недалеко от них два Святителя, Симеон и Евфимий, жившие двести лет спустя (1415,1430). Прочие Архиепископы Новгорода до учреждения митрополии погребены все в паперти Корсунской, исключая одного только Серапиона, современника Иоанна Грозного. Ему воздали особенную почесть, положив в церкви Предтечевой близ мощей Святителя Иоанна, быть может, потому что давно уже не умирали на своей кафедре Владыки Новгородские (1553).

Митрофан и Антоний, два невольные соперника на кафедре Софийской, которую занимали в течение тридцати лет попеременно от смут народных, смиренно лежат один подле другого в паперти Корсунской: так бурно было для Новгорода начало тринадцатого века, что пастыри сии без всякого личного честолюбия, дважды возведенные и сверженные, принуждены были волею Веча идти в Киев на суд Митрополита. Митрофан возвратился к св. Софии, Антонию же дана была иная епархия; но тем не удовольствовался беспокойный Новгород. Едва смежил очи Святитель Митрофан (1223), граждане вывели нового соперника Антонию из простых монахов Хутынских, и два года держали непосвященного Арсения на кафедре, доколе по новым смутам не заключили опять в монастырь. Тогда только мог возвратиться Антоний к св. Софии; но, уже утомленный, не хотел управлять столь бурною паствой и сам удалился в Хутын, где мирно окончил многомятежное житие. Спиридон заступил его место (1229), и при нем возвратился мир Новгороду в лице Невского витязя Александра, которого мать была дочерью Мстислава Храброго. Спиридон благословил на битву против Шведов крепкого во бранях Александра: он же в день брачного торжества возложил иной венец на смертное

чело юного брата Феодора, и при нем преставился величайший из пустынножителей Новгородских св. Варлаам, основатель обители Хутынской, славный своими чудесами. Семнадцать лет продолжалось святительство Спиридона, которого рукоположил Митрополит Кирилл, собиратель земли Русской, пришедший ее утешить после разорения Монгольского. Кирилл посвящал и двух его преемников, Далмата и Климента (1251, 1276), управлявших Новгородом до конца XIV столетия, которые оба положены подле Спиридона, и в той же паперти Корсунской Архиепископ Давид, посвященный во Владимире св. Митрополитом Петром (1308).

Налево от Корсунских врат почивает Владыка Василий, одно из самых светлых лиц иерархии Новгородской. Он избран был волею Веча из белых священников по удалении св. Моисея и тотчас после своего посвящения на Волыне достался в плен грозному Гедимину Литовскому (1331). Новгород должен был заплатить многими городами за освобождение своего Владыки; но св. София и вся область процвели во время мудрого его правления. Василий ограждал Новгород от притязания Великих Князей Московских и Митрополита Киприяна и состязался с Латинскими богословами, которых насылали Шведы, когда не могли одолеть его оружием. Имя Василия известно было в Царьграде, и Патриарх Фидофей благословил его крещатыми ризами и белым клобуком, который по преданию будто бы дан был некогда Великим Константином Папе Римскому Сильвестру. Клобук сей доныне хранится в ризнице Софийской с другими облачениями прославленных Святителей Новгородских, а право носить его перешло после Василия к его преемникам и к Митрополитам Российским. Бедственный изгнанник Феофил, столько пострадавший за Новгород при Иоанне, последний вольный избранник Веча, заключает собою славный ряд Архиепископов Новгорода в паперти Корсунской, как гранитная скала на обрыве морском.

Отселе на расстоянии ста лет начинается ряд Митрополитов, и первые два, Александр и Варлаам (1589, 1597), оба, посвященные в сан сей первым Патриархом Иовом, почивают рядом в паперти Мартириевской. Бурны были

времена трех их преемников, избравших себе местом отдохновения паперть Корсунскую, Исидора, Макария и Киприяна, и особенно памятна для всякого истинного сына Церкви славные имена Исидора и Киприяна. Первый, поставленный Патриархом Иовом, святительствовал в самую тяжкую годину Самозванцев и разгромов Шведских и Польских: он укрощал крамольников Лжедмитрия, он выдержал осаду Шведскую Де-ла-Гарди и сам ходил по стенам Кремля, возбуждая граждан к защите именем св. Софии: при нем в течение семи лет владели Шведы великим Новгородом. Тогда сей мудрый пастырь был истинным Владыкою и отцом среди всеобщего разорения: но он имел утешение видеть на конце дней освобождение своей паствы и благословенное начало царства Романовых.

Не менее сего пастыря пострадал мужественный Киприян, бывший тогда архимандритом Хутынским. Шведы, думая навсегда отторгнуть Новгород от России, напрасно старались склонить на свою сторону Киприяна; посланный ими в Москву, он действовал против них, испросил помощь угнетенной родине и примирил Новгородцев с Михаилом, засвидетельствовав их верность новому Царю. Патриарх Филарет уважал добродетель св. мужа и послал его основать кафедру святительскую в Тобольск; и там оставил он по себе благуя память, заботясь об очищении нравов завоевателей и крещении диких жителей; для сего устроил обитель на тех местах, где более могли стекаться язычники, и пролил обильный свет Христианства в пустынях Сибири; он собрал также и первую ее летопись о подвигах Ермака из уст оставшихся его сподвижников. Но великий муж Церкви жаждал возвратиться в родственный Новгород и скончался в 1635 году на кафедре Софийской, которую украсил собою не менее Тобольской.

Еще три Митрополита наслаждаются вечным покоем в паперти Мартириевской: добродетельный старец Аффоний, предместник Никона Патриарха, поставленного им в игумены, которому потом по дряхлости лет уступил епархию (1654 г.); Евфимий III, только два года управлявший своею паствою (1699), и знаменитый современник Петра Великого, Митрополит

Иов, столь ревностный к просвещению духовному. Он основал при архиерейском доме первое училище Греко-Латинское, вызвав из заточения двух ученых братьев Лихудиев, пришельцев Греческих, и с ними вместе подвизался против расколов. Его старанием умножена была библиотека Софийская, о коей заботился Патриарх Никон и которая удвоилась в 1785 году присоединением древних рукописей Белозерского монастыря. Она и поныне хранится на хорах, как одно из лучших сокровищ собора. Митрополит Иов много украсил св. Софию и перенес туда мощи первого Епископа Иоакима; он же освящал и собор новой столицы севера во имя верховных Апостолов. Памятно осталось Новгороду двадцатитрехлетнее правление сего друга Петрова, которого уважал Царь не менее, как и Святителя Митрофана. Добродетельный пастырь имел утешение воздать последний долг и благочестивому погребателю Никона Патриарха, Митрополиту Игорнилию, своему предместнику, который за два года до его избрания удалился на свое обещание в Мартириев Зеленецкий монастырь после двадцатилетнего святительства (1695).

Есть и еще, кроме Корнилия и трех Патриархов, не погребенные в св. Софии из числа позднейших ее Святителей; так ближайший преемник Никона, Митрополит Макарий III, который участвовал на всех его соборах, положен в Юрьевом монастыре (в 1663 году), и два Архиепископа, предместник и преемник знаменитого Феофана Прокоповича, один волею, а другой неволею, не нашли себе успокоения вблизи его праха. Несчастный Феодосий, первый архимандрит лавры Невской, заступивший место Митрополита Стефана Яворского в святейшем Синоде, сослан был в Корельский монастырь, где и скончался (1745); Архиепископ же Амвросий избрал себе могилу в Антониевом монастыре. Вот и гробница Феофана, памятного Церкви, славного красноречием и любовью к просвещению, которое старался распространять, хотя иногда и с примесью мудрований: громко было имя его между современниками, но под древнею сенью св. Софии невольно ищешь нечто более, нежели славы.

Последний Архиепископ Стефан положен подле Феофила в паперти Мартириевской (1753), и после него начался ряд Митрополитов, прервавшийся в течение сорока лет. Не утешительна память первого из них Димитрия, которого прах в той же паперти Софийского собора; но за то какими благословениями осыпается доныне имя его преемника Гавриила, украсившего пастырскими своими добродетелями долгое и славное царствование Екатерины. Преосвященный Гавриил и последовавший за ним Митрополит Амвросий погребены отдельно от других в теплой церкви Предтечи, недалеко от мощей Святителя и схимника Иоанна.

Такова замогильная летопись Софийского собора. Я назвал его именитых усопших и тех, которые как бы заживо в нем почивают поверх помоста, утешая нас свидетельством своего нетления. Если же взойти на широкие хоры, которые венчают храм по образцу Византийскому, можно видеть в драгоценной ризнице и посмертные одежды Святителей, чрез столько лет снова явившиеся из их отверстых гробов. Там полное облачение Святителя Никиты, 480 лет облекавшее его нетленно под землею, вериги его, пастырский посох и лампада или свеча, которую поставил великий Новгород пред новым своим чудотворцем. Там и бархатная мантия Архиепископа Иоанна с источниками и скрижалями; омофор св. Владыки Моисея и крещатые ризы, присланные ему в дар от Патриарха Цареградского Фидофея с заглавною буквою его имени у каждого креста, и его тяжкие вериги вместе с веригами другого подвижника, Святителя Евфимия: там же три посоха: пострадавшего при Царе Грозном Архиепископа Пимена Митрополита Иова, покровителя духовного просвещения во дни Петровы, и третий мраморный с десятью яблоками неизвестного Святителя.

Между многими белыми клобуками, которые долго были исключительною принадлежностью одних только Владык Новгородских, хранится и самый первый, вязаный из шелку, унизанный крупным жемчугом, и с яхонтами на позлащенных дробницах, на коих изображены лики святых. Патриарх Константинопольский прислал его в дар знаменитому Владыке

Новгородскому Василию, как возведенному на кафедру Сефийскую из белого духовенства; но местное предание относит гораздо далее древность сего клобука и говорит: будто бы Царь Константин Великий принес его в дар Папе Римскому Сильвестру за свое крещение: предание неверное, но тем не менее любопытное и показывающее, как любили Новгородцы возвеличивать свою священную древность. Есть и драгоценная панагия Архиепископа Пимена с мощами внутри ее и резным образом св. Софии, ибо он более других Святителей Новгорода любил пышность облачений и многое сделал для украшения Софийского собора.

В числе священных утварей замечательна плащаница синего атласа, пожертвованная в 1456 г. Архиепископу Евфимию в дом св. Софии Великим Князем Василием Темным и сыном его Иоанном, будущим покорителем Новгорода, как о том свидетельствует надпись, вышитая вокруг. Два серебряные кратира или сосуда с изваянием Господа, Богородицы и Святых и надписью: «пийте от нее вси,» устроены усердием св. Владыки Евфимия, и два серебряные Сиона, которые употреблялись иногда вместо дарохранительниц или на великом выносе открывали шествие изваянным изображением храма. – И другие драгоценности прежних веков, утвари, печати архиерейские и собственно собора Софийского с многими древними монетами обогащают собою сокровищницу св. Софии; довольно назвать главные, чтобы оценить ее достоинство, вполне соответствующее древнему величию храма.

VI. Кремль

Софийский собор окружен зданиями, которые доньше составляют принадлежность архиерейского дома и, наполняя собою всю северную оконечность Кремля, свидетельствуют о прежнем величии владык Новгородских. Я не буду говорить о новом теплом соборе, празднующем вход Господа в Иерусалим, ни о великолепных палатах, сооруженных с помощью императрицы Елизаветы митрополитом Димитрием в половине минувшего столетия, но скажу о дворе собственно владычном, где обитали древние святители во времена славы великого Новгорода. Здания сии, ныне отчасти пришедшие в ветхость или занимаемые службами и присутственными местами, тянутся позади собора, вдоль кремлевской ограды, и еще носят название своих основателей: святых Никиты, Иоанна и Евфимия. Но те, которым сохранилось имя Никитинских, наиболее пострадали от времени; не существуют и обширные палаты святителя Евфимия и церкви, основанные им на дворе архиерейском; однако еще уцелел один корпус, примыкающий к дому святого владыки Иоанна, с часовой башнею, и самая колокольня софийская, весьма оригинальная по своему зодчеству – двухъярусная, продолговатой формы, с тремя просветами, – принадлежит к зданиям сего великого святителя XIV века.

В рукописном житии его весьма поэтически описано сооружение им храмов на дворе владычном во имя Златоуста и великого Евфимия и украшение Св. Софии, на которую указуя, говорит он: «Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селение славы Твоея»; а Св. София в свою чреду взывает к нему: «Се убо красота моя и похвала Церкви – Евфимий великий».

Далее сказано, что блаженный умыслил создать себе каменные палаты, ибо прежние были деревянные и часто страдали от огня; предпринял же это не ради какого-либо пристрастия, но для успокоения своих преемников, употребив на то некоего мужа духовного и художного, инока Феодора. Он

соорудил палаты пречудные, имевшие там и здесь переходы и врата наподобие града с улицами внутри; так что иное здание было выше, другое ниже, одно впереди, другое внутри двора, и нельзя описать сего, если кто не видел собственными глазами; все это украсил он стенным писанием весьма благолепно, устроил также кельи для иноков и все службы монастырские и воздвиг столп каменный посреди своего сада с часами наверху, которые оглашали весь город.

Описание совершенно соответствует нынешнему неправильному расположению зданий архиерейского дома, хотя многое с тех пор обрушилось или изменено, и должно предполагать, что даже та часть их, которая носит название Святителей Никиты и Иоанна, была построена великим Евфимием. – Самый дом или кельи св. архиепископа Иоанна с грановитою палатою напоминают более XIV век, нежели XII, и так как в житии сказано, что кельи прежде все были деревянные, весьма вероятно, что св. Евфимий отчасти перестроил их на том же месте, в прежнем виде, и начертал на стенах все житие своего святого предместника, ибо только при нем обретены были его нетленные мощи, по таинственному явлению самого Иоанна владыке Евфимию. Так мне кажется, хотя не смею утвердительно предлагать своего мнения.

Весьма замечательны кельи святителя Иоанна по своим воспоминаниям церковным и гражданским. Их знаменитые сени, на которые всенародно возводились владыки Новгородские при своем торжественном избрании, доселе существуют; но они весьма просты и тесны, по духу того времени, и крыльцо их очень скромно. Нельзя было бы думать, что здесь совершались народные собрания и чествования владык Новгорода, если бы прилегающая к сеням грановитая палата не свидетельствовала истину летописного указания. Стены их расписаны одним из славнейших подвигов новгородских, победою над ополчением князей суздальских, которой обязаны они были чудному заступлению Божией Матери и молитве своего великого угодника Иоанна. Тут и та древняя икона Спасова, пред которою он молился во время осады и от которой ему слышался дивный глас, чтобы шел он в церковь Спаса, на конец Ильиной

улицы, поднять оттоле чудотворную икону Знамения; а подле нее написан на стене Спаситель в образе великого Архиеерея с ангелами по сторонам, Материю Своей и Предтечей, и с ликом прославленных святителей новгородских: Никиты, Иоанна, Григория, Феоктиста, Моисея, Серапиона, Евфимия, Ионы, припадающих молитвенно к ногам Его. В последующие времена устроен был на сенях придел во имя Всемилоственного Спаса, но уже он теперь упразднен и заменен недавно более обширным, во имя Святителя Иоанна, в самой грановитой палате, которая напоминает московскую одиноким столбом своим, поддерживающим ее готические своды.

Грановитая палата сия была сборная и судебная комната новгородских владык в самые цветущие и бедственные эпохи их славы. Сколько воспоминаний соединилось в ней от того времени, как святители вольного города угощали в ней великих князей Невского и Донского, – до того дня, когда Иоанн III принял в ней присягу новгородцев и осудил владыку их Феофила, и наконец до страшной минуты, когда в той же самой палате грозный внук его, пируя, велел схватить прежнего своего любимца архиепископа Пимена. С тех пор на многие годы опустела торжественная палата; но она видела опять славные дни Исидора, Киприяна и Никона до его патриаршества. Здесь было сердце Великого Новгорода. Теперь часто оглашается она молитвенным пением Божественной литургии, и один из величайших святителей Новгорода исполнил ее и весь этот дом воспоминанием своей святости; ибо рядом с церковью Св. архиепископа Иоанна указывают две его кельи, которые расписаны подвигами всей его жизни, труженической и святительской.

Тут первое его поставление на степень пресвитерскую, и соборное посвящение в сан владыки Новгородского, и таинственное шествие в Иерусалим, и чудное плавание против течения Волхова в обличие своей невинности, и победа, испрошенная его молитвами. Тут указывают и ближайшие воспоминания келейных его подвигов: тесный застенок, где совершал свое правило, и тот рукомойник, над которым показал власть свою на духах враждебных. Все говорит здесь о великом

святителе, и если бы даже это были не собственно его кельи, но обновленные владыкою Евфимием по образцу старых, то тем не менее драгоценны их воспоминания. Нам неизвестны самые покои сего великого святителя; быть может, Иоанновы также ему принадлежали; но часовая башня, им сооруженная в саду архиерейском, еще гласит о его времени боем часов своих; после разорения шведского новые часы поставлены были Патриархом Иоакимом, когда он еще святительствовал в Новгороде. Есть и другая память сего Патриарха: это так называемый Греческий корпус, где была школа двух ученых братьев, Лихудиев, вызванных им из Греции и заточенных при его преемнике Адриане; они были опять призваны просвещенным митрополитом Новгорода Иовом, который построил на своем дворе это здание для духовного училища Лихудиев.

Можно сказать, что большая часть древнего Кремля принадлежала владыкам Новгородским, ибо кроме их обширных палат, занимающих доныне треть его, даже после разорения шведского, в начале XVII века, еще считалось в Кремле до 26 церквей, и целая улица, от собора до Литовских ворот, во всю длину его, носила название Епископской. Теперь кроме двух соборов, Софийского и теплого, существуют только две убогие церкви, приписанные к Архиерейскому дому. – Одна, во имя Св. Андрея Стратилата, обыденная, т.е. построенная и освященная по обету после моровой язвы, в один день, – была сооружена, как полагают, в XIII веке братом Невского в. князем Андреем; она стоит подле того места, где возвышался в лучшие дни Новгорода на Епископской улице собор Благоверных князей Бориса и Глеба, заменявший иногда для священнослужения Св. Софию, но теперь уже стертый с лица земли Новгородской. – Таких обетных церквей по случаю мора много выстроено было в бедствовавшем городе.

Другая церковь, едва уцелевшая, во имя Покрова Богоматери, с двумя приделами – Св. Иоанна Предтечи и Святителя Николая, пристроена к самой городской стене, и подле нее, как полагают, находился дворец княжеский, или по крайней мере наместников царских, ибо две прилегавшие к ней

башни на стене были жилые, и в одной долго потом находился острог. Она сооружена в 1527 году, также по случаю морового поветрия, и храмовая в ней икона, Покрова Богоматери, почитается чудотворною; замечательна и другая древнейшая икона Св. Благоверных князей Бориса и Глеба, перенесенная, вероятно, из древней их соборной церкви после ее конечного разорения шведами. – Вот все, что осталось от прежнего благолепия церковного в Кремле новгородском, которого все бывшие многочисленные церкви, большею частью малые, утомительно было бы исчислять.

Самая ограда кремлевская, местами угрожающая падением, свидетельствует о пастырских заботах к охранению вверенной им паствы, ибо почти вся сооружена была иждивением владык, и каждые из пяти ее врат ограждены были церковью. – Какая благочестивая мысль – осенять святынею все входы, ведущие в город к главному святилищу Св. Софии! Начало деревянному детинцу, или Кремлю новгородскому, положил храмоздатель собора св. князь Владимир Ярославич в 1097 году, и он был обновлен после пожара в 1113 году другим благочестивым князем Новгородским, Мстиславом, сыном Мономаха; но церкви сей ограды были каменные. Св. архиепископ Мартирий соорудил первую из них в честь Положения пояса Богоматери в исходе XI века, а святитель Спиридон – другую, во имя Св. Феодора, над воротами, бывшими со стороны Неревского конца, позади собора. Владыка Климент поставил церковь Воскресения Христова над воротами Литовскими, ныне закладенными, на южной оконечности Кремля, где кончалась Епископская улица, по случаю взятия Кексгольма у шведов; а в 1211 году архиепископ Давид построил над воротами, бывшими на противоположном конце Кремля, церковь во имя Равноапостольного князя Владимира, замечательную потому, что она была первою во имя сего нового угодника, причтенного к лику заступников земли Русской. Была еще одна церковь – Покрова Богоматери, над южными воротами, уже несуществующими, построенная усердием посадников, которую заменила впоследствии нынешняя Покровская церковь, что близ ограды. Только в 1336

году начал строить каменную ограду знаменитый владыка Василий, от Неревских ворот и церкви Владимирской до нынешней обыденной

Андрея Стратилата, для большего охранения Софийского собора со стороны Торговой и Волхова. Архиепископ Иоанн III продолжил ограду сию в 1410 году до Литовских, или Воскресенских, ворот, а Геннадий довершил ее кругом всего Кремля уже в 1490 году, частью иждивением великого князя Иоанна, частью же на собственное, там где стена окружала архиерейские палаты. Она существует и доныне, – с ее девятью башнями, круглыми и четвероугольными, из коих одна, близ Покровской церкви, трехъярусная, вероятно, служила теремом для дома наместников и заключала в себе также церковь.

Все сии надворотные церкви разрушены во время шведского нашествия Делагардия, когда ревностный пастырь митрополит Исидор сам обходил с крестом в руках по стенам кремлевским, чтобы отразить нападение врагов, но принужден был наконец уступить силе оружия. Царь Михаил Феодорович обновил ограду, и во время Шведской войны Кремль окопан был, по воле Петра Великого, валом, который теперь отчасти обращен в сад. Это была весьма счастливая мысль – окружить старые бойницы Кремля, видевшие столько кровавых приступов, зеленою сенью цветущего сада, как покрывают мертвого богатым покровом, чтобы утаить его горькое тление; но ограда, обновленная еще дважды в исходе минувшего и начале нынешнего столетия, опять пришла в ветхость; старые ворота ее закладены и новые пробиты там, где их не было прежде. Еще видны древние Владимирские, под часовнею Святителя Николая, которая заменила прежнюю церковь, ибо в нее перенесены все ее чудотворные иконы; рядом с ними недавно закладены водяные малые ворота, коими исходили к реке. Но главные Литовские, так названные от пролежавшей чрез них дороги в Псков и Литву, которыми сообщался Кремль с Волховским мостом и с Торговою стороною, представляют доселе из себя величественную развалину. Часовня, прилепленная к стене, как гнездо ласточки, заменила древнюю церковь Воскресения; с обеих сторон ее написаны на стене две

иконы, почитаемые чудотворными. Изнутри города – Спаситель, сидящий на престоле, с двумя по сторонам его молитвенниками Новгорода, святителями Никитой и Иоанном; а снаружи, в самой часовне, – икона Всемиловитого Спаса, привлекающая доныне особенное уважение новгородцев по тем чудным исцелениям, которые от нее истекали и засвидетельствованы преданием.

У входа в Кремль, на Волховском мосту, устроена еще одна часовня Чудного креста, судьба коей всегда была сопряжена с судьбою сего моста, потому что святители новгородские искони хотели осенить святынею и шумные воды Волхова, разбивающиеся у стен Кремля, и шумные волны народные, двигавшиеся непрестанно по сему единственному сообщению обеих сторон, Софийской и Торговой. Здесь всегда встречались или останавливались их обоюдные крестные ходы, и не раз, во время междоусобия, когда враждовала Софийская сторона против Торговой, знамение креста в руках святителя прекращало на мосту кровавую битву. Пред сею часовнею архиепископ Симеон укротил бурю народную в 1418 году, и спустя 90 лет св. владыка Серапион удержал молитвами своими бурю огненную, грозившую опустошить весь город. Предание местное возводит начало сего чудного креста, так названного от бывших при нем чудес, до времен равноапостольного князя Владимира, который, как полагают, во время краткого своего посещения водрузил высокий деревянный крест с распятием Господа на том месте, где предполагал основать собор Софийский. Он был похищен Всеславом, князем Полоцким, во время разгрома новгородского, и потом опять обретен, по свидетельству летописи, в 1069 году при епископе Феодоре, если точно о нем говорит летопись. С того времени сделавшись предметом особенного уважения народного, крест был поставлен на Волхове в утверждение моста, и несколько раз обновляло его усердие граждан. Последнее обновление совершилось при царе Иоанне Васильевиче и архиепископе Пимене, повелением градоправителя Петра Невежина в 1548 году, как видно из надписи, вырезанной у подножия креста. Часто изменялось и направление самого моста, то выше, то ниже нынешнего, от

чрезвычайной быстроты Волхова. Неоднократно смывал он деревянный мост под стенами Кремля, и несколько раз был он истребляем пожарами и смутами народными; горькую по себе память оставил на нем грозный Иоанн потоплением нескольких тысяч новгородцев, сверженных с него в шумный Волхов, как бы для всенародного повторения над ними той казни, которая была в их обычаях, ибо они часто свергали с моста своих преступников, и даже иногда почетные граждане, подпавшие гневу народа, подвергались той же участи.

VII. Дворище Ярослава

Если св. София была и есть сердцем великого Новгорода и за нее мужественно бились и умирали древние сыны его, то дворище Ярослава и смежная ему Вечевая площадь кипели жизнью народною, были душою вольного города. Это был форум Славянской столицы, и хотя имя форума слишком громко по воспоминаниям Римским, сравнение может однако быть отчасти верно, если смотреть не на нынешний убогий Новгород, но на древнего союзника Ганзы, когда еще пять концов разбегались соответствовавшими им пятинами в концы обширной области, до морей Балтийского и Белого и до хребта Уральского. Надобно вспомнить, что каждый из сих пяти концов, Славянский, Плотенский, Неревский, Загородный и Гончарский, называл себя Господином, имел своего Тысяцкого, и особую Думу, и распоряжался самобытно своею пятиною, отдавая только отчет общему собранию народному и Посадникам на Вече, и что таким образом весь Север России, начиная от Твери и Пскова, объят был пятинами Новгородскими.

И в делах торговых Новгород был первым из городов Ганзейских после Любека, которому уступал только в старейшинстве, а не в торговле: ибо двор немецких гостей Новгорода почитался богатейшим из всех подобных, даже и в Германии, и его альдерману подчинены были конторы Ганзы в окрестных Русских городах. Вся Азиатская торговля проходила через руки новгородския в северную Европу, и водяные пути их по Волхову и Нарове ограждены были крепостями, за которые бились они на смерть со Шведами и рыцарями Ливонскими: до ста тысяч войска мог выставить могущественный Новгород против немецких своих соседей и даже против Великих Князей Московских, с которыми долго договаривался, как держава с державой, доколе опять не сделался их отчиною, как в прежние дни Ярослава и Мстислава. Посадники, князья, наместники и Владыки сменялись по воле шумного Веча: послы московские, литовские и немецкие приходили защищать права свои на этом народном торжище, исполненном богатствами востока и запада,

и ратный клич: «кто против Бога и великого Новгорода!» резко выражал дух и самоуверенность вольного города.

И вот, с такими громкими воспоминаниями XIV века мы сходим теперь с Волховского моста на опустевшую площадь древнего Славянского или Великого конца, где около двора Ярославова столпилось столько событий и волновались толпы народные: – форум сделался рынком. Двор Ганзы, который простирался вдоль набережной и по улице Михайловской, заменен новым красивым зданием военного штаба. Новые ряды скудной торговли новгородской стали ближе к двору Ярославову на место прежних, кипевших богатством. Самый дворец, который перенес он сюда с городища Рюрикова, застроен теперь кладовыми и частными домами; но еще видно место его, обозначенное церквами, как приличествовало двору княжескому. Обгорелая башня, лишенная колоколов, прилегающая к двору сему, носит еще загадочное название Вечевой, и надобно верить, что с нее раздавался во все пять концов звук вечевского колокола, двигавший сердца новгородские, решавший события мира и войны. Но посреди сего разгрома быта гражданского и торговли, уцелела святыня и донныне свидетельствует о прежней славе и духе народа множеством церквей: хотя и в убогом положении, однако в течение многих веков неподвижными стражами стоят они на том месте, где их поставило усердие князя и посадников вольного города. Под их сенью должно искать старого Новгорода, который исчез мало по малу вокруг них, но живет еще внутри их в священной летописи икон их и преданий. Восемь церквей, кроме упраздненных, и две часовни, из коих одна на месте бывшей обители, стеснились на месте бывшего торгового двора княжеского, но между ними пять стоят совершенно одна подле другой отпечатком древнего благочестия. Посреди их величественно возвышается собор Никольский, первенствующий и по древности и по красоте здания.

Сын Мономаха, Мстислав Великий, оставивший по себе благую память в Новгороде строением многих храмов и обителей, соорудил по обету собор сей в 1113 году. Страждущий болезнью, призвал он на помощь чудотворца Мир-Ликийского, и

в сонном видении он ему явился и велел послать в Киев за своей иконой, которой определил меру и кругловидное очертание. Посланные князем удержаны были трехдневною бурей на озере Ильмене: на четвертый увидели они плывущую к ним икону чудотворца по водам озера около того места, где был сооружен впоследствии Липенский Никольский монастырь, ныне упраздненный. С радостью возвратились посланные из краткого путешествия, и болящий князь, встретив с верою дарованное ему сокровище, признал в нем обетованную икону и немедленно получил исцеление. Она и доселе храмовою в соборе, и богатый оклад ее украшен паянными вокруг чудесами угодника Божия. Мстислав вызвал из Греции каменщиков для строения собора, который отличается, подобно Юрьевскому, строгим Византийским вкусом, высокими сводами с хорами и пятиярусным иконостасом, доселе благолепным. Но из пяти глав столпообразного собора только одна уцелела; уничтожены придельные церкви Вознесения Господня и праведной Анны, бывшие на хорах, на которые заделан в недавнее время самый восход. Три обширные паперти облегалы с трех сторон церковь, и в них находились приделы, но они были за ветхостью разобраны; теперь только в западной паперти помещаются два новые придела во имя десяти Мучеников и преподобного Варлаама, и еще один весьма тесный во имя св. Евдокии в главном алтаре заменил прежнюю пространную церковь, бывшую в боковом притворе храма. Так часто страдал собор сей от пожаров, ибо до десяти раз упоминается в летописях о его опустошении и обновлении, начиная от 1152 года и до 1709, что даже надобно удивляться, как мог он сохраниться в такой целости поныне. Теперь соборная церковь находится в верхнем ярусе, и под нею есть жилье и подвалы, так как и во всех других храмах, окружающих собор; но неизвестно, был ли он двухъярусным при самом начале, хотя видны следы стенной живописи на нижних сводах, или только впоследствии разделен на двое для избегания сырости? Еще видны следы, круглого крыльца в югозападном столпе от самого основания до закладенных ныне хоров, и обитель Юрьевская, построенная

совершен но по тому же образцу, сохранила первобытную высоту своего собора.

Две древние церкви, Иоанна Предтечи, что на Немецком дворе, и св. Отец Никейских, находились около Никольского собора и уничтожены после Шведского разорения. Теперь приписаны к нему еще две, весьма замечательные по своему старинному зодчеству, также с подцерковьем или нижним жильем: одна с южной стороны сооружена во имя великомученика Прокопия в 1359 году св. Архиепископом Моисеем, который основал и близ лежащую церковь Архангела Михаила. Икона Великомученика древнее основанного в честь его храма, и на престоле тесного придела во имя Александра Свирского прилеплен еще антиминс времен Грозного, данный Архиепископом Серапионом в 1562 г. Другая церковь св. Параскевы с северной стороны собора основана в исходе XII века заморскими купцами и после сильных пожаров вновь была построена в 1345 году. В ней хранится чудотворная икона Параскевы, к которой с особенным усердием притекают Новгородцы, ибо от нее было много исцелений, и здесь совершается торжественное служение в последнюю пятницу перед Ильиным днем. Под иконой начертана краткая летопись бывших чудес и между ними описаны два народные смятения, случившиеся в сей церкви: однажды опустился помост церковный во время богослужения при Архиепископе Макарии, и до ста человек погибло от обрушившихся перил крыльца: в другой раз, через 40 лет в 1561 году, также во время литургии ударили в колокол, и внезапный ужас овладел народом: все бежали из церкви, а купцы бросили давки свои, бывшие окрест нея, и отдавали в смятении товары свои в неведомые руки. Это происходило при Архиепископе Леониде во дни Иоанна Грозного, вскоре после опустошения им Новгорода, что объясняет внезапно нашедший ужас памятью недавно минувшего.

Рядом с Пятницкою церковью стоит Успенская, двухъярусная о трех приделах, бывшая одно время соборною по красоте своей и обширности. Она основана в 1135 году св. князем Всеволодом Гавриилом, сыном великого Мстислава,

после его неудачной битвы с Суздальским князем на Ждановой горе, куда пошел он только для успокоения мятежного Новгорода: граждане в порыве своеволия свергли тысяцкого своего с моста Волховского, и задержали у себя Митрополита Киевского Михаила за то, что предсказывал им неудачу. Славный победитель Немцев и Чуди, сам, оставшись побежденным, быть может, соорудил храм сей для очищения совести народной на той же площади Торговой, где в лучшие времена воздвигнуты им были два другие храма, победоносца Георгия и Предтечи.

Все они обновлены или перестроены после частых пожаров, опустошивших Новгород, и Успенская вновь сооружена в 1509 году усердием граждан. Есть еще одна церковь на дворе княжеском во имя св. жен Мироносиц, основанная около того же времени Московским гостем Иваном Сырковым, что показывает любовь иногородних жителей к земле Новгородской. – Бывшие при ней две придельные церкви, Сретения Господня и Евангелиста Матфея, уничтожены в минувшем веке; она сама приписана была сперва к Юрьеву монастырю, а потом уступлена девичьему Сыркову, как бы по случайному сходству имени основателя с именем обители. По древнему преданию и доныне приходят в сию опустевшую церковь жены Новгородцев для испрошения себе счастливого разрешения от родов и берут песок из-под помоста пред местною иконою жен Мироносиц.

Самое дворище Ярославле, около коего расположены все сии церкви, сохранило еще некоторые остатки древнего каменного здания, обращенного в кладовые, с воротами и башнею, при которой есть старое жилье; она носит громкое название Вечевой. Но нет следов древнего дворца Ярославова, прославленного в сагах Эймунда и простиравшегося вдоль так называемого Княжого берега по Волхову и по улице Михайловке от торгового почти до старого Волховского моста, где теперь часовня св. Арсения. По летописям известно, что дворец существовал до пожаров 1403 и 1406 годов, и нет сомнения, что был возобновляем и после, хотя более о нем не упоминается, как о дворе княжеском; ибо уже не было тогда настоящих князей

в Новгороде, а наместники могли жить в Кремле у церкви Покровской. При покорении Новгорода Великий Князь Иоанн потребовал себе двор Ярославов, чтобы доказать законное свое право на все права великого предка; а Царь Иоанн, после страшного разорения Славянской столицы, по особенному усердию своему к святителю Николаю, выстроил себе дворец против него на месте старого дворища княжеского; вероятно, часть уцелевшего доселе каменного здания принадлежит сему времени. Неизвестно, когда был уничтожен сей последний дворец, но конечно после трех страшных пожаров, опустошивших Новгород в царствование Петра Великого в 1693, 1700 и 1709 годах, когда обгорели все церкви Торговой площади и гостиный двор. Государь уступил под новые ряды и присутственные места остатки дворца Грозного и все дворище, которое опять было перестроено в 1782 году. Таким образом, совершенно изменился вид двора Ярославова и старых рядов Новгородских, между коими около Предтечевской церкви находился двор Немецких гостей или Готских, то есть с острова Готланда. Что касается до конторы и магазинов собственно Ганзы, где вместе со своим управлением имела она и церковь латинскую во имя св. Петра, то она, находилась, как я уже сказал, на берегу для удобнейшей выгрузки товаров, там, где теперь дом военного штаба, предназначенный сперва для дворца Екатерины. Еще в половине минувшего столетия видны были обширные развалины и остатки глубоких подвалов, где хранила свои сокровища Ганза; когда же в порыве негодования купцы ее оставляли Новгород, они только затворяли двери своей церкви и ворота ограды, и честность Новгородская не смела к ним прикасаться по уважению к правам народным. Но Иоанн Грозный их коснулся и положил конец торговли Новгородской, ибо после страшного опустошения никто из гостей иноземных не смел уже доверять свои богатства бедствовавшему городу, а между тем Англичане открыли себе новый путь чрез Белое море в пристань Архангельскую.

Когда Грозный строил новый дворец свой на развалинах дворища Ярослава, ему нашелся докучливый сосед, который поселился прежде него на скромном участке княжеского

пустыря у самого Волхова. Это был пришелец, недавно только основавший тут убогую свою обитель во имя Рождества Богоматери с малым числом иноков, и последний из всех, причтенных к лику святых заступников Новгорода. Преподобный игумен Арсений был точно заступником обуреваемого города: напрасно грозный сосед его после всех своих опустошений просил у него молитв и прощения, думая дарами привлечь к себе святого мужа; Арсений не хотел их принять, как цену крови, и благодушно обличал Царя за его жестокость. «Многие неповинные души послал ты в царство небесное,» строго говорил ему старец, как некогда священномученик Филипп Митрополит, и на сей раз смирился Иоанн. Он собирался идти на Псков и пришел еще однажды испрашивать благословения у святого. «Завтре, Государь, готов я в путь за тобою.» отвечал Арсений, и обрадовался его готовности Царь; но то было только таинственное предсказание о собственной кончине, ибо на утро, приобщившись святых Таин, предал он на молитве блаженную душу свою Богу.

Сколько таких замечательных случаев, таящихся в житиях наших святых, ускользает из гражданской истории, и однако они поясняют многое, что может казаться странным. Летопись говорит, что Иоанн, подступив к Пскову с намерением разорить его, умилился ночью при звуке благовеста. Мудрено ли, что сердце его, потрясенное обличениями и предсказанием святого игумена, которое так скоро сбылось, было уже расположено тайным ужасом к умилению. Арсений, заживо обличавший его в Новгороде, обещал идти вслед за ним во Псков уже мертвым: страшно было с совестью Иоанна иметь при себе такого невидимого укорителя! Обличения его действительно повторились Грозному в самом Пскове из уст другого святого мужа, юродивого Салоса, который стал предлагать Царю, строгому в соблюдении постов при всех своих неистовствах, сырое мясо в великий пост, говоря, что он пьет человеческую кровь. Вот, из каких нечаянных источников послал Господь спасение Пскову, вероятно заслужившему пощаду, более Новгорода, по каким либо тайным, неведомым нам причинам, но взвешенным на весах правосудия небесного!

Обитель преподобного Арсения, едва ли не последняя из основанных в Новгороде, пережила и второе его разорение при Шведах; но, около ста лет спустя, она пришла в упадок и была приписана в 1732 году к Юрьеву монастырю, в замен отобранного у него подворья на княжьем дворе по определению Архиепископа Феофана Прокоповича, а мощи преподобного перенесены были торжественно в Кириллов монастырь, что близ Новгорода в 1785 году. Однако часовня, где они почивали, сохранилась на прежнем месте, равно как и уважение народа к памяти своего мужественного ходатая. Ее обновило в начале нынешнего столетия усердие одного из граждан Новгородских, и даже в ней был устроен тесный алтарь во имя прежней монастырской церкви Рождества Богоматери, но освящения не последовало: там доселе видны иконостас и прежняя гробница св. Арсения, куда приходят поклоняться благочестивые богомольцы.

По другую сторону двора Ярославля на торгу при церкви победоносца Георгия, основанной св. Всеволодом Гавриилом, находится также часовня, недавно обновленная, в которой почивают под спудом мощи другого блаженного мужа, Феодора Христа ради юродивого. Оставив родительский дом и временное богатство, он предпочел суровое по Боге житие и всякие ругательства, которые добровольно принимал от народа ради души своей, ибо кто объяснит все таинственные пути спасения. Однако Феодор пользовался глубоким уважением людей, постигших его горнее звание, ибо часто предсказывал будущее, и голод, и пожары, взывая по улицам: «это место чисто будет!» и пламя его очищало. В одно время с ним и тем же образом юродства, но только на другой стороне Волхова, спасался блаженный Никола, прозванный Качалов, который происходил от благородных родителей и оставил еще большие блага мира сего для вольного обнищания. Разумея духовно один другого, они как будто взаимно преследовали друг друга, обличая, быть может, собою нелепую вражду обеих сторон, Софийской и Торговой, и выражая дух своего времени. Когда случалось Феодору переходить чрез Волховский мост на Софийскую сторону, Никола гнал его оттуда, как овладевшего

его наследием, и метал в него все, что ему попадало в руки; тоже делал Феодор, если заставлял на своей стороне Николу. Но вот что, по словам жития их, было уже вне обыкновенных действий мнимой их неприязни: и тот, и другой, когда спасались от взаимных преследований, переходили обратно Волхов там, где настигал гонящий, не по мосту, а по водам, как бы по суху. Оба скончались в одно время в 1332 году в самую лучшую эпоху славы Новгородской, соединясь на веки в лоне общего их Спаса; но тела их на земле погребены были врознь, каждое на своей стороне.

Над гробом блаженного Николая сооружена была в XIV веке каменная церковь во имя св. Великомученика Пантелеймона, вероятно, наместо существовавшей тут прежде церкви, и в нее перенесены иконы другого, более древнего собора св. Иакова, брата Божия, который был основан в 1172 году; он еще доселе существует, но уже совершенно оставлен, и крыша его угрожает падением; подле него часовня, где погребена Иулияния, мать блаженного Николы. Как больно видеть, что такие древние здания, каков собор сей, мало по малу стираются с лица земли Новгородской, а сколько священных воспоминаний они в себе заключают? Скоро придет в такое же запустение и близ лежащая церковь св. Димитрия Селунского, не та, что основал Донской после битвы Мамаевой, но также весьма древняя и наполненная старинными иконами Византийского письма, если не поддержит ее какая либо благочестивая рука. Вообще весь этот уголок великого Новгорода, ближе к Духову монастырю, сохраняет следы большего населения и людей, прославленных святынею; тут был и дом св. Варлаама Хутынского, на месте коего стоит теперь часовня, и земля сия еще недавно принадлежала его обители: какая постоянная цепь преданий! – Если бы только коснуться всех сказаний и древностей церквей Новгородских, раскинутых и забытых на пространстве опустевшего города, какое богатое поле открылось бы для изыскателя! ибо каждая церковь имела свою легенду или особое предание, связанное с гражданскою историей Новгорода. В некоторых доселе почивают праведники, неведомые миру, иногда рода княжеского, как напр. княжна

Литовская Харитина в кладбищенской церкви Петра и Павла, бывшей обители Лисицкой, что на выезде к Юрьеву. Иногда в них обретается чудотворная икона, или крест в образе райского дерева, изваянный ликами святых, как то в древней церкви св. Флора и Лавра на Торговой стороне, где поживает праведная дева Гликерия. Иногда открывается поверье народное, как например, о двух церквях во имя Ильи Пророка, сухого и мокрого, на Софийской и Торговой стороне, из коих в одну ходили со крестами во время засухи, а при ненастия в другую, доселе существующую с 1200 года на Торговой. Все это проявляет быт и дух народный, и все понемногу теряется, если только кто-либо из старожилов Новгородских, более меня опытных и имеющих более средств для раскрытия сих летописных сокровищ, не решится на этот полезный подвиг во славу великого Новгорода.

Скажу еще несколько слов о соборе Знаменском, потому что после Софийского он привлекает общее внимание в Новгороде по своей чудотворной иконе. Подле него сохранилась старая церковь Преображения Господня на конце Ильиной улицы, где стояла в начале икона и куда пошел крестным ходом св. Архиепископ Иоанн во время осады Суздальской. Не смотря на тесноту сей церкви, там и доселе совершается служение архиерейское и туда идут крестные ходы в храмовой день ее. Собор Знаменский сооружен был в память нудного избавления Новгорода не тотчас после сего события, совершившегося в 1169 году, но около двух сот лет спустя в 1355, и потом опять почти чрез столько же времени перестроен по причине ветхости в 1528 году знаменитым Архиепископом Макарием. Это показывает однако, до какой степени упало в то время искусство зодческое, когда Никольский собор, выстроенный Греческими зодчими в начале XII века, с тех пор сохранился невредимым. Митрополит Корнилий опять обновил церковь в 1688 году, и так она существует поныне, как одна из лучших и самых обширных в Новгороде по красоте готического своего зодчества: высокие столбы поддерживают ее стрельчатые своды и пятиглавую крышу; широкая паперть ее

окружает, и в ней расположены две придельные церкви Казанской Божией Матери и Живописного Источника.

Обширная ограда около собора с прилежащими церковными зданиями дает ему вид обители. Внутренность храма не уступает красотой наружности. Он весь расписан стенным писанием по древнему чину Церкви, и все вселенские и поместные соборы, начиная от первого Апостольского, начертаны в величественной паперти. Стены самой церкви Знамения представляют взорам весь акафист, певаемый в честь Пречистой Девы, а высокий пятиярусный иконостас ликами Праотец, Патриархов и Апостолов соединяет всю торжествующую на небесах Церковь с воинствующею и молящеюся на земле под священною сенью сего храма. Но главное сокровище собора и даже всего великого Новгорода, это чудотворная икона Знамения Богоматери, которая была запрестольною в Спасской церкви, как и доселе видно по приделанной к ней рукояти, и теперь стоит местною в иконостасе соборном. Хотя богата ее риза золотом и драгоценными камнями, которыми в течении многих веков жертвовало ей усердие Новгородцев: однако самая икона, залог спасения города, озаменованная столькими чудесами, частными и всенародными, дороже всех сокровищ сердцу Новгородскому, и доселе не может происходить никакого торжества в стенах древнего города, чтобы не принимала в нем участия и охранительная его икона.

Изображение Знамения, или проявления Господа в лоне Пречистые Девы, есть одно из самых древних в Христианстве, и много таких икон встречается в катакомбах Римских первых веков; но праздник собственно Знамения, бывшего от чудотворной иконы Новгородской, распространился по всей России из сего города. – Достоинно внимания, что празднуется не самый день совершения чуда, ибо оно случилось 22 февраля и часто совпадает с первою неделю великого поста, а память св. мученика Иакова Персиянина 27 ноября, потому что это был Ангел знаменитого посадника Якова или Якуна, при коем Новгород спасся от осады Суздальской: оттого и помещены на богатой ризе иконы Знаменской, которую обложил ее

Митрополит Макарий, лики великих пустынножителей Макария и Онуфрия, и мучеников Иакова Персиянина и Георгия, тезоименитых посаднику и Владыке или празднуемых в день их рождения. Труднее объяснить, по какой причине изображены на другой стороне иконы также в позлащенном окладе св. Апостол Петр и Мученица Наталия, простирающие молитвенно руки к парящему над ними Господу Вседержителю, а по сторонам в меньшем виде Святители Климент и Николай ц Великомученицы Екатерина и Евфимия.

Прямых сведений о том не имеется, но так как Знаменский собор был обновлен и освящен Митрополитом Корнилием в первые годы царствования Петра Великого, то не оп ли поусердствовал изобразить лик Апостола и Мученицы, тезоименитых юному Царю и его благочестивой матери, Царицы Наталии? Но, почему изображены тут же на полях прочие угодники, совершенно неизвестно: должно полагать, что они соответствовали также именам частных почетных лиц, украшавших постепенно икону Знамения драгоценным жемчугом и камнями, рассыпанными по золотой ее ризе и даже на ее богатом кивоте. Под нею с лицевой ее стороны находится и то древнее изображение великого Новгорода, обуреваемого Суздальскою осадой, которое писано на дереве, неизвестно когда, и привлекает внимание археологов по своей древности и самому очерку Славянской столицы XIII столетия. Это тоже один из драгоценных остатков минувшего, который пощадило время под сенью священной иконы. Нельзя однако предполагать, чтобы здесь был верный список Новгорода тех времен, хотя можно перечесть башни Кремля и внешней его ограды со всеми многочисленными церквями внутри их: а кругом кипит Суздальская осада, пешие и конники стремятся ко граду и падают, пораженные собственными стрелами, ибо от чудотворной иконы исходит невидимое поражение на дерзающих против осененного ею великого Новгорода.

VIII. Хутынъ и Антониев монастырь

Если оставить Торговую сторону, которая кипела всею гражданскою жизнью Новгорода, с ее летописными церквами и следовать вниз по течению шумного Волхова вдоль его правого берега: – там откроется начало и развитие иноческой жизни нашего севера в двух обителях Антония и Варлаама, подобно как лавра Печерская была колыбелью оной на юге России. – Уже несколько иноков Печерских, один за другим, восседали на кафедре Софийской и с ними вместе пришли монашествующие в великий Новгород: но это не образовало там решительной эпохи иночества до явления преподобного Антония Римлянина, как равно и в Киеве, не смотря на существовавшие там обители, преподобный Антоний Печерский почитается отцом иночествующих. Таинственно было явление Римлянина в пределах Новгородских; оно облечено всею поэзией юношеской поры Новгорода и может казаться странным, если верующее сердце не оградит себя мыслью о великих знамениях, которыми не раз прославлял Господь Своих угодников, чтобы посредством их утвердить веру в народах.

Старый Рим был отечеством преподобного в бедственную годину для Церкви православной, когда уже последовало отпадение римского Епископа по духу превозношения и возникли вместе с крестовыми походами гонения на державшихся правого исповедания отцов своих. Антоний, сын богатых родителей, с юного возраста пожелал жития иноческого и, раздав все родительское наследство нищим, заключил некоторые священные сосуды и драгоценности в дельву (т. е. бочку) и бросил ее в море по таинственному движению сердца, а сам бежал из Рима в пустыню, в обитель иноческую. Там провел он в строгом посте и молитве более двадцати лет, проходя самый тяжкий искуc; когда же и оттоле изгнало его гонение Латинян, разграбивших обитель, он скрывался некоторое время в горах; наконец, пришедши на берег моря, основался, как некий древний столпник, на камне, обмываемом морскою волною без всякого покрова от непогоды. Образ Божий

всегда был начертан в его сердце и, как отражение сего дивного образа, ему непрестанно виделась на облаках икона Предвечного Младенца на лоне Своей божественной Матери, осеняющая его от бурь житейских и стихий. Невидимо протекло годичное время в таком духовном созерцании, и вот однажды, нечувствительно для святого, волна морская отторгла от берега камень, на котором он стоял, и понесла далеко в пучину без всякой для него туги или боязни, без расчета дней и ночей, ибо во свете небесного лика, исполнявшего веселием его сердце, день единый казался ему, как тысяча лет, и тысяча лет, как день единый; а восторженная молитва с воздеянием рук служила ему пищей во время сего чудного плаванья без ладьи и кормила с единым надежным кормчим Господом Иисусом.

Переплыл он теплое море и взошел в устье реки, и наконец почувствовал, что камень его причалил к берегу: ему слышится дальний утренний благовест, и ужаснувшийся Антоний мнит себя в соседстве враждебного ему Рима: подходят к нему жители неведомой страны и он не понимает языка их; они же с изумлением смотрят на чудного пришельца, который не смеет сойти с своего камня, где дом его и твердыня, уже испытанная среди бурь. И вот после трехдневной молитвы посылает ему Господь гостя Греческого, понимающего язык Латинский: труженик спрашивает его о граде и стране, которых столь чудно достиг, и о их расстоянии от Рима, и с изумлением слышит, что пред ним великий Новгород и св. София, что камень его не на водах Тибра, а на Волхове, который отстоит на полугодишный путь от древней столицы; ему же трехдневным казалось сие таинственное странствование на пучинах. Вслед за гостем входит он в великий Новгород, где обладает сын Мономахов Мстислав, вступает и в св. Софию, где священнодействует Святитель Никита, и душа пришельца, гонимого на своей родине за веру предков, исполняется несказанною радостью при виде благолепия службы православной, столь убогой на оставленном им западе. Но еще Римлянин не смеет предстать Владыке, не ведая языка его, и, возвратясь на свой камень, опять молит Господа даровать ему сие познание, дабы он мог свободно выражаться с своими новыми соотечественниками, и

Господь посылает ему дар языков: когда слух о пришельце достиг до Святителя, уже Антоний, призванный в палаты архиерейские, мог с ним объясняться на собственном его наречии. – Сперва на вопросы Святителя о месте рождения странник отвечал только, что он недостойный инок; но когда Владыка по внушению Духа назвал по имени пришельца и повелел ему ради послушания открыть всю истину, тогда со смирением исповедал пред ним Антоний свою чудную повесть и, падши к ногам его, умолял со слезами сохранить ее в тайне, дабы избежать славы человеческой. Ужаснулся Епископ Никита, внимая пришельцу, который являлся ему как бы некий Ангел, и, воздав хвалу Богу, дивному во святых Своих, простерся сам к ногам преподобного, прося его молитв. Оба лежали друг пред другом на земле, взаимно прося себе благословения, ради обоюдного их смирения, и наконец Святитель по долгу пастырскому благословил инок и, насладившись его беседою, отпустил с миром. Сам он посетил его на избранном им месте и, испросив место сие у посадников, отдал пришельцу, дабы он тут основал сбою обитель. Скоро возникла на берегу Волхова недалеко от города малая деревянная церковь во имя Рождества Богоматери. Которая осенила видимым Своим покровом труженика, ибо накануне ее праздника пристал он к земле Новгородской; несколько келий соорудилось также около церкви, и мало по малу стали в них собираться братья, как пчелы в устроенный для них улей.

Новое чудо ознаменовало начало монастыря. Однажды преподобный Антоний просил рыбаей, трудившихся напрасно целую ночь, закинуть еще раз сети в Волхов и дал им денег с тем, чтобы все, что извлекут они из воды, принадлежало его возникавшей обители. К общему изумлению вместе с множеством рыбы, едва не прорвавшей невод, извлечена была бочка, скованная железными обручами, которую признал своею, тою самою, что некогда бросил он в море, еще будучи в Риме; но рыбаи, обрадовавшись нечаянной добыче, не хотели отдать ее законному обладателю, хотя он уступал им всю пойманную рыбу. – Дело дошло до посадников, и хотя рыбаки уверяли, будто бочка сия издавна им принадлежала, истина обличилась

на суде, когда преподобный объявил, какие именно драгоценности в ней заключены, и ему присуждено было его достояние. Он положил все сии сокровища в ризницу Софийскую и по совету Святителя начал сооружать новую каменную церковь Рождества Богоматери вместо деревянной, употребляя на строение золото, обретенное в бочке, и раздавая убогим добродетельные даяния граждан в пользу обители. В скором времени св. Епископ Никита предал праведную душу свою Богу: столь же богобоязненный муж св. Нифонт занял кафедру Софийскую, сохраняя ту же любовь к преподобному. – Уже четырнадцать лет подвизался Антоний в распространявшейся обители, когда братья стали умолять его, дабы восприял над ними совершенное начальство в сане игумена с степенью пресвитерской, и, не смотря на свое смирение, не мог он отказать пламенной молитве своих иноков. Святой Владыка Нифонт с радостью рукоположил его в пресвитера, и еще 16 лет игуменствовал блаженный пришелец Римский в созданной им обители, доколе не настиг его последний час. Предчувствуя кончину, он собрал вокруг себя плачущую братию, утешил ее словами Писания и дал ей настоятелем некоего инок Андрея, которому открыл свою чудную повесть, заповедав предать ее будущим родам во славу Божию. Месяца августа в 3 день 1147 года преставился он от временной жизни в вечную после 80-летнего на земле подвига, и был погребен в созданной им церкви.

Десять лет спустя после кончины блаженного Римлянина, возник новый светильник иночества в земле Новгородской: родился Варлаам, сын богатых родителей, в мирском звании Алексей; это был второй Феодосий Печерский для обителей своей родины, которые преобразовал строгим примером и учениками, последовавшими по стопам великого аввы. С детского возраста уже он почувствовал отвращение ко всему мирскому и тотчас по кончине родителей, раздав все свое имущество, предал себя под строгое начало некоего инок Порфирия, чтобы пройти первый искус жития монашеского. Можно предполагать, что инок сей был сам из обители Антониевой, и что там поселился вначале юноша Варлаам,

потому что высокий берег Хутыня, предпочтительно им избранный для своего жительства, находился в той же стороне. Там любил он уединяться на малом холме в глубокой чаще леса для созерцания, и там видение небесного света указало ему место будущей славной обители, как некогда великому труженику Палестинскому, Савве освященному. Там основался Варлаам и соорудил в 1192 году малую деревянную церковь во имя Преображения Господня на память того небесного света, который осенил его; около него стали собираться в убогих кельях многочисленные ученики. Первыми из них были Антоний Дымский и Ксенофонт, восприявшие после него обитель Хутынскую и сами основавшие другие монастыри в окрестностях Новгорода. Бывший тогда Архиепископом св. Григорий, брат и преемник святого схимника Иоанна на кафедре Софийской, рукоположил Варлаама во пресвитера и игумена новой обители Хутынской, и отовсюду начали к нему стекаться миряне и духовные всякого звания и возраста, ибо назидательна была беседа опытного аввы.

Он был постоянно другом и советником Владык Новгородских, но всех ближе по сердцу был ему Владыка Антоний, избранный на кафедру Софийскую из числа его иноков и трижды с нее низводимый по своеволию народному. Часто приглашал он на совет бывшего своего игумена в архиерейские палаты. Однажды, проходя Волховский мост, Варлаам увидел человека осужденного, которого по приговору Веча уже готовились сбросить в реку, и умолил народ отдать обреченного на казнь в свою обитель для служения братии. В другой раз на том же мосту готовилась опять подобная казнь, и семейство осужденного со слезами умоляло авву испросить помилование у народа; но старец, не внимая мольбам, прошел мимо; ученики его, изумленные столь нечаянною суровостью, просили его объяснить им причину столь противоречивых друг другу действий: ибо в первый раз он спас произвольно от смерти человека, не просившего его заступления, а во второй жестоко отказал просившим спасения. Старец отвечал: «судьбы Господни бездна многа, Господь же всячески хочет спасения человеков; первый из осужденных был точно достоин казни; но

сердце его тронулось в сию страшную минуту, и я хотел доставить ему время покаяния в обители, что он и успел совершить, приняв на себя ангельский образ. Второй же был совершенно невинен и кончался мученически; я же боялся, чтобы впоследствии злоба не изменила разум его и не прельстилась душа его, и в обоих случаях поступил по тайному откровению, бывшему мне о сих осужденных.» Так ясно видела душа блаженного Варлаама Духом Божиим внутреннее человека. Однажды возвестил он князю Новгородскому, пришедшему посетить его обитель, рождение сына; обрадованный князь просил его быть приемником новорожденного и наделил щедрыми даяниями обитель; в другой раз молитвою своею воскресил отрока простого поселанина, который понес в обитель больное детище еще живым, и, хотя оно скончалось на пути, не усомнился, но с верою продолжал путь, и по вере его дано было ему желаемое: он возвратился домой с воскресшим сыном.

Такими великими чудесами прославил Господь Своего угодника. Одно из них доселе празднуется ежегодно крестным ходом, который совершается торжественно в первую пятницу Петрова поста. Преподобный предрек однажды св. Архиепископу Антонию, что в этот день он приедет к нему в Новгород на санях, и действительно, в ночь накануне того дня выпад глубокий снег и сделался столь жестокий мороз, что преподобный мог исполнить свое обещание. Смутился Антоний, который сперва не хотел верить предречению, а йотом боялся вредных последствий столь необычайного явления: по старец успокоил его, сказав, что снег и мороз были особенною милостью Божией, ибо они истребили множество червей, точивших корень хлеба, а растаявший снег оплодотворит землю, и опять событие оправдало слова старца. По сей причине Владыка Антоний учредил, чтобы ежегодно совершался крестный ход в обитель Хутынскую. и доселе во свидетельство сего чуда возносятся там благодарные молитвы Господу и Его угоднику Варлааму, возвестившему дивное событие.

Уже преподобный достиг маститой старости, когда пожелал соорудить в Хутыни благолепный каменный храм Преображения

вместо обещавшего, но Господь не соизволил ему довершить начатое здание. Чувствуя приближение своей кончины, он собрал вокруг себя братию и назначил им наг настоятелем Антония, который возвратился из Царьграда в ту минуту, когда говорил о нем авва, провидевший его пришествие: а сам водворился в небесные обители к тому невечернему свету, отражение коего созерцал на земле. Год его отшествия к Богу не упомянут в житии, и потому некоторые ошибочно полагают кончину преподобного в 1192 году, когда он только что основался на холме Хутынском; но его постоянное общение с Архиепископом Антонием, взошедшим на кафедру Софийскую не ранее 1212 года из устроенной уже обители Хутынской, и записка в летописи Новгородской, что Архиепископ Спиридон с освященным клиром погребали на Хутыни у св. Спаса раба Божия Варлаама в 1243 году, дают повод относить кончину его к сему времени, хотя есть разность в числах погребения между летописью и житием. Во всяком случае известно, что блаженный авва скончался в глубокой старости и был погребен с величайшим торжеством посреди плача народного, ибо еще заживо был уже почитаем за великого угодника Божия; обильные исцеления ознаменовали святость его при самом погребении, и память его более всех угодников Божиих, коими прославился великий Новгород, близка сердцу народа.

До сих пор на память торжественного погребения идет к нему в обитель весь Новгород 6-го ноября, и каждый получает от него, как бы в замен поминовения, кусок хлеба и полушку, потому что так завещал еще при жизни преподобный угощать странных, и вот уже шесть сот лет исполняется его завещание. Когда же однажды скупой казначей хотел нарушить волю блаженного, авва явился ему не в сонном видении, но чувственно, и строго наказал словами и жезлом. Также поступил он в другой раз с немилостивым келарем, удержавшим раздачу хлеба, и в разные времена с двумя игуменами, недостойными своего звания. Обличив их сперва речью, он приложил им и раны, от которых столь милостиво исцелял всех к нему притекавших, и принудил оставить место настоятельское, ради крайнего их расслабления. — Еще раз, когда свирепствовал

голод в окрестностях Новгорода и власти обители Хутынской вздумали сокроиществовать у себя хлеб вместо того, чтобы раскрыть житницы народу, – внезапное умаление заключенного богатства открыло гнев преподобного и научило невольному нищелюбию. Такое живое участие принимал он по смерти во всем, что касалось до любимого им народа, и так скор был на помощь своим молитвенникам, что казалось будто земная его жизнь продлилась и, как потом Сергей Радонежский чудотворец, еще ревностнее нежели при жизни действовал он за гробом; потому и являются они вместе на иконах.

Однажды пономарь Хутынский, взойдя в соборную церковь Преображения, внезапно увидел, что все ее свечи и лампы зажглись сами собою; и преподобный Варлаам встал из своего гроба и простерся на молитву посреди храма, взывая к Богу, дабы отвратил от великого Новгорода всякий гнев, праведно на него движимый. Объятый ужасом пономарь упал к его ногам; святой же, ободрив его, сказал: «тяжкое хочу открыть тебе, что сотворит Господь великому Новгороду, зане исполнился неправды и глас беззаконий его вошел на небо». Тогда послал его до трех раз на крышу церковную смотреть, что будет с бедствующим городом, и в первый раз явилась ему буря водная восставшего Ильменя, готового затопить город; а во второй сонм Ангелов, стреляющих в него огненными стрелами в предзнаменование страшного мора, в третий же раз туча огненная, идущая на город знамением пожара. Трижды возвращался посланный с крова церковного и находил святого неусыпно молящимся, дабы смягчил Господь гнев Свой, хотя и предрек, что все сие должно сбыться над великим Новгородом: тогда возлег опять на свое ложе, заповедав непрестанную молитву посреди напастей, и все они посетили одна за другою город, заслуживший небесные кары.

Быть может, это чудное явление преподобного пономарю Тарасию было виною впоследствии его избрания в сан игумена, ибо мы видим имя сие между настоятелей Хутыня. Вероятно, сказание о бывшем чуде возбудило и в св. Владыке Новгорода Евфимие благоговейное желание удостовериться лично, почивает ли в раке поверх земли блаженный авва Варлаам,

восставший из своего гроба на молитву? Ради сего наложил он трехнедельный пост на братию монастырскую и на клириков своей палаты с непрестанными молитвами, и тогда только взошел в церковь, где покоились св. мощи с одним игуменом Тарасием и клириком своим Иоанном. Святитель стал у главы преподобного, а у ног его игумен, и с молитвенными слезами сдвинули они раку, стоявшую поверх гроба. Тогда увидели с благоговейным ужасом тело преподобного все цело и нетленно, и лице его, осененное бородою, совершенно сходное с тою иконой, что над гробом, и воздали славу Богу, дивному во святых Своих; а клирик, пораженный сим явлением, постригся в обители Хутыиской.

Поистине чудеса и исцеления обильною рекою текли от гроба блаженного аввы, и обладатели земли Русской были участниками благодати, от него истекавшей. Младший сын Великого Князя Дмитрия Донского, Князь Константин, во время своего наместничества в Новгороде, во дни снятого Владыки Евфимия, принесен был запертво в обитель Хутынскую и положен при раке преподобного уже без всякой надежды на исцеление; но когда братия после долгих о нем молитв удалились из церкви в трапезу, оставшиеся при князе отроки пришли возвестить игумену, что князь их восстал и здоровым ходит по храму. Такое же чудо повторилось несколько лет спустя над юношей Григорием, спальником Великого Князя Василия Темного, во время их пребывания в Новгороде; он уже чувствовал себя при вратах смерти и просил только отвести его живым или мертвым в обитель, потому что ему виделся преподобный в одежде святительской с крестом в руках, который напомнил ему данный обет постричься в обители Хутынской. – Не доезжая оной за несколько верст, юноша испустил дух, но когда уже мертвого ввезли в ограду, он внезапно очнулся; взглянув на икону преподобного, он совершенно ожил, и узнал даже самый крест при мощах, с которым являлся ему угодник Божий. Воскресший рассказал, каким образом в посмертном видении предстал ему преподобный Варлаам вместе с чудотворцем Николаем, и, обличив его в грехах юности зрелищем адских мук, возвратил

опять к жизни. Весть о том достигла Великого Князя; он поспешил в обитель с детьми своими и святым Владыкою Ионою, и торжественный молебен пет был над гробом преподобного; чудо сие случилось 31 января 1425 года.

Но св. Варлаам, скорый помощник притекавших к нему с должным благоговением, смирял иногда и неподобающее превозношение; это испытал над собою сын Темного, великий Иоанн, когда еще в первый раз гостем посетил отчину свою Новгород в 1462 году. Великий Князь остановился на берегах Ильменя в обители св. Троицы: там посетили его Владыка Феофил, посадники, бояре и именитые граждане великого Новгорода. Иоанн объявил им желание свое поклониться мощам великого угодника Варлаама и на другой день уже в Хутыни посреди церкви св. Спаса стал говорить игумену Нафанаилу и братии: «почему не открываете вы, отцы святые, гроба преподобного, как бывает повсюду обычай прикасаться к мощам святым? – И у пас, на Москве, мы лобызаем честные мощи Святителей Алексия и Ионы, и чудотворца Сергия в его лавре?» (Речь Иоанна, показывает, что уже в его время прославлен был Иона; а мощи Петра Митрополита скрыты были под спудом). Игумен с братией ответствовали Государю: «что им неизвестно, где обретаются мощи преподобного отца их Варлаама, поверх земли или под землею? ибо никто не дерзал еще дотолк к ним прикасаться и они не дерзают:» (открытие же оных при Владыке Евфимие было, как видно, тайное). Но Иоанн возразил: «что не должна никогда быть утаена святыня мощей от притекающих к ним богомольцев, как сие существует и на Востоке», и с гневом повелел отвалить каменную доску с гроба преподобного и копать около землю; по внезапно густой дым исшел из-под отваленного камня, вслед за дымом показалось пламя и опалило стены церковные и внешние двери. Ужаснулся Иоанн с своими боярами; бросив жезл, которым сперва гневно ударял в помост, он только подавал знак рукою, чтобы перестали копать землю, и бежал из храма, а жезл его остался во свидетельство чуда.

Уже Новгород покорился Иоанн и лишен был своего народного могущества: властвовал над ним Великий Князь

Василий, сын Иоаннов, посылая туда своих наместников, а кафедра Софийская сиротела, ибо Владыки ее избирались уже не из клира Новгородского, но посылались из Москвы, равно как и архимандриты первостепенных обителей. Кто вступился за бедствующую отчину? – Опять тот же великий угодник: он является Великому Князю, впавшему в легкий сон во время трапезы, и говорит ему: «что три обители Хутынъ, Антониева и Юрьевская без настоятелей и братия в опасности духовной; поспеши послать туда законных пастырей.» – Вслед за явлением аввы пришли к Великому Князю посланные от сих трех обителей, и он по совещанию с Митрополитом Варлаамом поспешил избрать настоятелей; сам же возымел великую веру к угоднику Божию и призывал его во всех скорбях своих, во дни мира и войны, и покров святого не раз осенял рати Московские в битвах с иноверными, а Государь посылал обильную милостыню в его обитель. И вот, когда настал последний час кроткого Василия, опять явился ему преподобный и велел постричься в ангельский образ, что немедленно исполнил отходящий к Богу обладатель земли Русской; с именем Варлаама в рясе иноческой возлег он между своих державных предков.

Таким образом с четырьмя поколениями Великих Князей Российских, начиная от сына Донского и до отца Грозного, вступал в ближайшие сношения уже из мира невидимого блаженный авва, и Василием оканчивается замечательная летопись его посмертных деяний. Она безмолвствует о Иоанне Грозном, хотя, быть может, и ему были от него некие страшные явления во время бедственной эпохи казней Новгородских. Живой обличал грозного Царя вместо усопшего: игумен Арсений заступил место Варлаама, и на том же дворецке Ярославлем, где замер голос вечевоего колокола, раздавался в слух Иоанна обличительный голос смиренного отшельника-, поселившегося на развалинах опустевших палат. Но во время страшных мятежей междоусобия опять пробудилась Хутынъ; дух аввы Варлаама вселился в мужественную душу его преемника по настоятельству обители, Киприяна, почтенного саном архимандрита. Когда в 1611 году полчища Шведския,

согласившись с изменниками Русскими, подступили к Новгороду и вождь их Нонтус Де-ла Гарди осадил древнюю столицу Рюрика, упало мужество ее граждан; только один пресвитер Аммос на Торговой стороне явил остаток древнего духа великого Новгорода, ибо он укрепился в своем доме против врагов и, осеняемый благословениями Митрополита Исидора со стен Кремля, положил живот за веру и отечество: сдался и самый Кремль, и обитель Хутынская сделалась становищем Де-ла Гарди. Тогда посыпались всякие истязания на доблестного архимандрита Киприяна, в котором видел враждебный вождь неодолимую твердость: в течении трех лет подвергался он узам и мукам, ограблена была его обитель, ободраны святые иконы и самая рака преподобного, весившая до 150 фунтов серебра; разорены и ограблены все прочие монастыри и церкви великого Новгорода, так что уже он не возстал никогда в прежнем блеске после сего вторичного опустошения, которое превзошло Иоанново; но Киприян бодрствовал посреди обуревавших зол. – Посланный к юному Царю Михаилу от самых Шведов с опасностью собственной жизни, скрепил он союз между Новгородом и новым Государем, который уже начинал сомневаться в верности покоренного неприятелем города; когда же потом утихли мятежи государства и Киприян, просветив Христианством север Сибири, в которой долго святительствовал, вступил на кафедру Софийскую, новым блеском осиял он сию кафедру: благословение преподобного Варлаама пролилось чрез него из Хутыня на всю паству Новгородскую и на дальние пределы России. Таковы были заслуги великого аввы отечественной Церкви; теперь его древняя обитель, паче других уважаемая в Новгороде, с половины минувшего столетия служит жилищем для викариев митрополии Новгородской, коих кафедрою избрана Старая Русса Рюрика.

С тремя приятными спутниками посетил я опять после десятилетнего отсутствия обитель преподобного Варлаама. Это было в первый майский день, и полуденное солнце ярко освещало величественные его здания и распускавшуюся зелень его рощи. Мы взошли для поклонения угоднику Божию в

древнюю церковь Спасову, не ту однако же, которую он сам заложил, но во вновь созданную на том же основании в начале ХАТ века усердием Митрополита Московского Макария, бывшего Владыкою Новгорода. Братия обители служили для нас соборный молебен при раке преподобного, которую устроил над его гробом Царь Михаил Федорович после разорения Шведского в знак своей признательности за покровительство святого аввы Новгороду и России. Между древними Греческими иконами величественного иконостаса храмовая Преображения Господня, богато украшенная, восходит до времен св. Варлаама. В ризнице показали нам тяжкую власяницу и вериги преподобного, коими смирял он плоть свою в труженических подвигах, и убогие ризы, в которые облачался для священнодействия сей сослужитель Ангелов при трапезе Господней, и подлинную его грамоту, писанную на пергаменте, в силу коей отдавал Варлаам святому Спасу земли свои и рыбные ловли, призывая на суд с собою в будущем веке того, кто их отымет. Там и трость великого Иоанна с хрустальною головкой, брошенная им при виде пламени, исшедшего из гроба святого, и обгоревшие двери церковные во свидетельство бывшего чуда. Обширная паперть соборной церкви позднейшей пристройки, как явствует из надписи ее вокруг стены, сооружена Митрополитом Корнилием уже в 1646 году вместе с обоими приделами Покрова Богоматери и Иоанна Богослова. В сем последнем погребен знаменитый певец Фелицы, которого поместье прилегал к обители Хутынской: много славы отечественной сокрыто под смиренным памятником; в его бессмертных одах отразился весь блестящий век Екатерины, и слово Русское, пробужденное рыбарем Архангельским, огласилось громкою лирою Державина по всем концам необъятной Руси, везде бросая семена звучного языка и одушевляя поэтов. Мир праху твоему великий гений, укрывшийся под сень великого угодника Божия! Теплая церковь во имя преподобного, довольно обширная с трапезою, также времен Митрополита Макария и есть еще одна малая отдельная церковь Всех Святых, кроме домовой во имя святителя Феоктиста, которая устроена в летнем жилище

викариев Новгородских. Прочие церкви и приделы, существовавшие внутри огады и на вратах до разорения Шведского, истреблены пожаром и более не возобновлялись.

Мы взошли в другую внутреннюю огаду монастырскую, где насажена по цветущему лугу малая роща, летняя отрада пустынной братии Хутынской. Там на берегу Волхова одиноко возвышался холм, как бы насыпной курган, и на нем деревянная часовня. Это была собственно келья преподобного, где он спасался в уединенной роще, далеко от молвы житейской. Скит его был отделен от обители, которой дал он от себя общежительный строгий устав, по подобию Печерского. Икона его стоит в часовне между двух ближайших учеников его и преемников, Антония Дымского и Ксенофонта, которые приняли после него настоятельство и сами основали свои обители, продлив еще на многие годы назидательный пример блаженного аввы. Они были также истинными отцами иночествующих в Новгороде. Обитель Дымская далеко, но Ксенофонтова, недавно упраздненная, видна за Волховом с уединенного холма Варлаамова, бывшего колыбелью стольких монастырей и монашествующих. Очаровательный вид открывается из высокой часовни сквозь осенившую ее 29 чащу дерев на Волхов и впадающий в него Волховец, ибо Хутынъ у самого их стечения, и на богатые села и обители, раскинутые на противоположащем берегу; это самое высокое место в окрестностях Новгорода: он виден вдали, увенчанный своими храмами и башнями, и шумно течет от него бурный Волхов мимо той обители, где далеко от бурь градских и житейских устроил себе горнюю келью святой отшельник, имевший столь спасительное влияние на судьбы своей родины.

Солнце уже склонялось к вечеру, когда на обратном пути из Хутыня достигли мы монастыря Антониева. Благосклонно принял нас настоятель его, соименный угоднику, между многими своими добродетелями имеющий и ту, чтобы стараться быть полезным каждому и ревновать о всем, что только касается до святости Новгородской. С ним вместе вступили мы в древний собор Рождества Богоматери, основанный преподобным и удержавший древний свой образ, хотя несколько раз был

опустошаем пожарами. Большая часть зданий времен Мстислава, т. е. XII века, уцелела в Новгороде, вероятно, по причине прочности кладки Византийской, когда напротив того строенные позже сего века мало выдерживали разрушительное действие времени, и должно было вновь пересозидать их; это случилось и с церквами Хутынскими. В обширной паперти первый представляется взорам круглый камень преподобного, до половины заслоненный его ликом, – чудный корабль, на котором совершил он свое еще более чудное плавание, и пред ним паникадило и малый колокол, принесенные также из Рима. – Самая церковь, светлая и высокая по образцу зданий того века, отличается красотой своего иконостаса и Византийскою живописью; там мы поклонились нетленным мощам блаженного Римлянина, открыто почивающим в кипарисной позлащенной раке на мраморных ступенях.

450 лет таились они под землею до времени царствования благочестивого Царя Феодора, последнего из рода Рюрикова. Инок обители Антониевой, по имени Нифонт, имевший теплую веру к преподобному, видел однажды во сне угодника Божия, лежащего в открытой раке поверх помоста, и подле него святителя Никиту. Ему пришло на мысль, не есть ли это тайное указание, что и преподобный должен быть прославлен по примеру святителя, уже просиявшего и почивавшего открыто в соборе Софийском? Втайне дерзнул он приподнять верхнюю доску раки, стоявшей над гробом преподобного Антония, и с радостью увидел глубоко в земле тело святого совершенно нетленным. Он сообщил о том игумену Кириллу, который сам испытал на себе целебную помощь блаженного Антония, ибо отравленный однажды по ненависти братии получил исцеление при раке мощей его; с тех пор благоговел ко всему, что только близко было святому: обновил икону Богоматери на его чудном камне и отыскал в ризнице трости морские, с которыми он приплыл. Но Митрополит Новгорода Александр, приявший от игумена радостную весть сию, скоро скончался, и сам Кирилл переведен был настоятелем в лавру Троицкую, место же его заступил архимандрит Трифон. Не остался однако спокоен ревностный Нифонт; случилось ему быть в лавре и видеть там

любовь, которую пользовался бывший их настоятель при Государе; инок опять напомнил ему свое видение, и Кирилл в присутствии боярина Годунова стал умолять Царя и Патриарха Иова об освидетельствовании мощей угодника Божия. Святое дело сие поручено было Патриархом новому Митрополиту Новгорода Варлааму; наложены пост и молитва, и братьям несколько раз слышался несвоевременный звон, предвозвещавший торжество церковное. Настоятель приступил к открытию раки, но не смел коснуться мощей, которые лежали глубоко в земле на большом камне, как бы в память того, на коем совершил преподобный свое плавание: ужасом объяло всех зрелище нетленного тела, и многие исцеления потекли от него верующим. Тогда Владыка Новгорода со всем освященным собором, совершив молебное пение, поднял мощи преподобного с камня, от которого не благоволил он отделиться при первом открытии гроба настоятелем, и положил их в новую кипарисную раку, окованную позлащенною медью. Торжественное событие совершилось 1 июля 1597 года; – и с тех пор велено было крестному ходу, идущему в первый пяток Петрова поста в обитель Хутынскую, заходить в Антониеву для большего торжества, и до сорока чудес, засвидетельствованных в записях монастыря, одно за другим ознаменовали благую деятельность преподобного, который как бы снова явился великому Новгороду.

На самой раке начертаны вместе с кратким описанием жития и молитвою к преподобному две его грамоты, свидетельствующие ревность его к устройству своей обители. С какою простотой говорит о себе Антоний: «се труды мои, Госпоже моя, Пречистая Богородице, ими же трудихся на месте сем: купих сию землю Пречистые в дом, у С ... да у ... у Ивановых детей у посадничих, а дал есми сто рублей: а обвод оной земли от рек Волхова, Витковою ручьем вверх и проч, – а кто на сию землю наступит, а то управит Мати Божия.» Другая грамота уже писана иным слогом: «Се яз Антоний, хужший во мнисех, изыдох на место се: не приях ни имения от князя, ни от епископа, но токмо благословение от Никиты епископа, и наша по чюжей земле ни вдвое, ни воедино, ни себе покоя не дах, и

братии, и сиротам, и зде крестьянам досажая, да то все управит Мати Божия, что есмь беды принял о месте сем: и поручаю Богу и святой Богородице и крестьяном, и даю в свободу и поручаю место се на игуменство и проч.»

Шесть мусийных древних икон, современных преподобному, висят на стене алтаря у его раки: три из них изображают распятого Господа и три Седящего на престоле с символами Евангелистов: они как будто сняты с окладов напрестольных евангелий, которых много хранится в ризнице, и собраны воедино около раки; а над нею хранится и та морская ветвь, с которою переплыл он море, и висит еще одно древнее паникадило. Над северными дверьми придельного алтаря во имя святого привешен шестиконечный крест, весьма древний, и все стены сей церкви расписаны чудными подвигами блаженного Римлянина.

В другом приделе, празднующем св. Иоанну Богослову, покоятся под спудом в обширной каменной раке пять братьев, посадников Новгородских, Алфановых: Никита, Кирилл, Никифор? Климент и Исаакий; они перенесены были сюда в 1775 году при Митрополите Гаврииле, по случаю совершенного истребления пожаром обители Сокольницкой за валом, где до тех пор находились. Предание гласит, что во дни св. Архиепископа Иоанна в 1162 году владеющим Новгородцам по своей воли и по своему хотению при князе Романе Мстиславиче, которого им Бог поручил, св. мощи внезапно открылись за алтарем девичьего монастыря чудотворца Николая благочестивому старцу, строителю близ лежавшей Рождественской обители; в продолжении трех дней трижды предавал он их земле, и три раза они опять являлись поверх нее: старец возвестил о том Владыке Иоанну, который не велел более погребать их, но приказал устроить около них каменную раку. Вскоре явились святые братья в Москве некоему расслабленному боярину и, восставив его с одра болезни, внушили соорудить часовню над их ракой, что с благодарностью исполнил исцеленный, а между тем и в самом Новгороде многие чудеса ознаменовали прославление сих угодников Божиих, неведомых миру.

Мало древней утвари хранится в ризнице за главным алтарем по случаю многих разорений обители пожарами и неприятелями; даже довольно долгое время она находилась в совершенном запустении. В 1387 году выжгли ее сами Новгородцы в числе прочих 28 монастырей, когда готовились к обороне против Великого Князя Дмитрия Донского; в 1570 году во время казней Новгородских игумен Антониевой обители Геласий с двадцатью иноками погибли под мечем Грозного Иоанна, и расхищена была вся ее казна, а драгоценные яшмовые сосуды, которые привез с собою из Рима преподобный Антоний, взяты в Москву и доселе хранятся в ризнице Успенской. В Антониевой однако уцелели ризы святого основателя, белые, шелковые, и орарь, шитый золотом. Игумен Кирилл был обновителем запустевшей обители после нашествия Грозного, и она процвела в царствование Феодора Иоанновича, но потом опять подверглась общему разорению Шведскому, так что в ней оставались одни только каменные церкви, соборная и Сретенская; последняя заложена также преподобным Антонием, но совершенно перестроена Владыкою Новгородским Алексием в 1537 году и существует доныне. Все же прочее, ограда и кельи, большею частью деревянные, были совершенно истреблены.

С основанием семинарии в монастыре Антониевом, в 1740 году, начал он восставать из развалин усердием Архиепископа Новгородского Амвросия, который избрал себе место упокоения в паперти соборной против самого камня св. Антония. Духовное училище существовало прежде в палатах архиерейских, где учредили оное ученые братья Греческие Лихудии под покровительством Митрополита Иова, и оно процветало во время управления знаменитого витии церковного, Архиепископа Феофана; но преосвященный Амвросий был собственно основателем семинарии Новгородской, и после кратковременного ее упадка она просияла новым блеском в начале нынешнего столетия.

Замечательна древность икон Греческого письма в иконостасе соборном, который был обновлен в царствование Петра Великого; особенно изящны: храмовая Рождества

Богоматери. Благовещения и Софии Премудрости Божией и две на столбах с ликами и чудесами чудотворца Николая и преподобного Антония. Но в самом храме есть еще одна священная память блаженного Римлянина: это его молитвенная келья и над нею тесная церковь подобных ему подвижников, Онуфрия и Петра Афонского; туда ведет крутая лестница в столпе, пристроенном к собору. Там по примеру древних столпников спасался чудный пришелец Римский и приносил ежедневно бескровную жертву. Привыкший к тесноте своего камня, на коем провел целый год и совершил таинственное плавание, он как бы боялся простора новой своей обители в земле Новгородской и добровольно заточил себя в каменном столпе в ожидании еще теснейшего жилища, чрез которое взошел в небесные обители, и там ходатайствует всем нам спасение своими молитвами.

IX. Торжество Софийское

Какое торжество готовит древний великий, ныне же умаленный Новгород, но тем не менее близкий Русскому сердцу? – Чьи священные кости хочет он поднять из их векового покоя? – Какая рака, слитая вся из серебра, стоит под сенью св. Софии во глубине одного из придельных ее алтарей? – Кто сей нетленный усопший, чрез столько веков снова делающийся виновником торжества? – Это ты, святитель Никита, отшельник и выходец Печерский, седьмой из епископов, восседавших на кафедре Софийской, и первый из семи светильников, горящих доныне внутри храма нетлением мощей своих!... Открой же нам чудные дела твои и труженическое житие, добрый пастырь, мирно почивший посреди нас, как бы живой, дабы, когда воздвигнутся мощи твои с их священного ложа и ты станешь опять председательствовать нам в час литургии с высоты твоего горнего места, – мы бы с умилением и духовною радостью поминали тебя, наставника нашего, который проповедовал нам слово Божие, и, взирая на кончину твоей жизни, подражали бы вере твоей! – «Иисус Христос вчера и днесъ, той же и во веки»⁸, по словам Его божественного Апостола, и какое утешительное видение! – не токмо Господь, но и ученик Его таков же пред нами днесъ, каковым положен во гробе вчера, т. е. за семь столетий. – Такова его невечерняя слава!

Жизнь святителя Никиты сокровенна была со Христом в Боге, по выражению того же Апостола: он был из числа тех воинов, которые более заслуживают уважение, потому что не в полках исходят на брань, но подвизаются на единоборство, и хотя Господь позволяет им иногда пасть, как и верховному Своему Апостолу Петру, дабы не превозносились над другими, но потом опять их восставляет и творит непобедимыми. При самом начале Печерской обители одним из первых ее постриженников был сей преподобный Никита и, распаляемый чрезмерною ревностью, преждевременно пожелал затвора вопреки опытного совета великого игумена Никона, преемника

Феодосиева. Испытание, постигшее затворника Исаакия, постигло и юношу Никиту; дух лести, по словам Апостольским принимающий на себя иногда образ Ангела светлого, обольстил неопытного в его затворе. Сперва послышался ему глас тайной молитвы некоего, невидимо с ним молящегося, потом же и запах благовонного кадила, как бы небесного фимиама. Возрадовался юноша и стал молить невидимого явиться ему разумно. «Не явлюсь тебе ради твоей юности, дабы ты не превознесся,» отвечал таинственный голос сими хитрыми словами, утверждая еще более затворника в его прелести; когда же дал он обещание исполнять во всем волю искусителя, тогда явился он пред ним в виде Ангела, и поклонился ему обольщенный. «Теперь уже тебе не для чего молиться, ибо я стану за тебя возносить мольбы Богу, сказал ему враг человеческий, ты же только читай книги и подавай полезные советы приходящим к тебе.» Поверил затворник, превознесшийся гордостью духовною и успокоенный тем, что за него молится Ангел, стал беседовать с приходящими из книг св. Писания о пользе душевной, иногда и предсказывая будущее, ибо тот же дух лести предварял его о некоторых событиях, дабы укрепить его в своей неволе.

Горький пример того состояния, до которого может довести нас гордость духовная! И однако сколь многие из зараженных ею с улыбкой прочтут сии строки и с надменным состраданием к простоте писавшего. Ничто не льстит столько самолюбию человека, как внутреннее сознание его усовершенствования и духовного общения с миром невидимым, которое превозносит его над неудовлетворенными желаниями здешнего. Не так судили святые Божии человеки, достигавшие поистине откровений небесных. «Я земля и пепел,» говорит Авраам Богу. «Я недостойн нарещись Апостолом и первый из грешников!» восклицает Апостол Павел, и когда у одного Палестинского аввы спрашивали: «почему наиболее смиряются святые по мере своего усовершенствования?» он отвечал: «потому что они не смотрят на то, что оставляют позади себя, но на то лишь, что впереди их, и мелкая их правда кажется им ничтожною пред величию открывающейся им правды Божией.»

Однажды затворник послал сказать Великому Князю Изяславу: «сегодня убит племянник твой Глеб Святославич в Заволочьи; пошли скорее сына твоего Святополка на престол Новгорода.» и чрез несколько дней точно пришла весть о убиении князя Глеба; посему и возросла слава затворника, и все с большою верою притекали к нему за советами. Но вот что обличило наконец оболыщенного пророка: – Никита, зная наизусть все книги ветхозаветные и непрестанно состязаясь о них, не мог ничего привести во свидетельство из книг нового завета, Евангельских и Апостольских, в которых то, что было только образом в ветхом завете, сделалось самою истинною ко спасению нашему. Смутилась братия Печерская о такой злой прелести и собрались к затворнику все, просиявшие тогда в пещерах и на кафедрах святительских: игумен Никон и будущий его преемник Иоанн, довершитель собора лавры, Исаия, Николай и Феоктист, бывшие потом епископами Ростова, Тмутаракани и Чернигова, прозорливые Матфий и Описифор, два Григория, чудотворец и творец канонов, Пимен постник, и Агапит врач, и летописец Нестор, и сам испытывший ту же прелесть затворник Исаакий. – Все они, почиющие ныне нетленными телесами в пещерах Киевских, тогда же еще живой собор праведников, осиявших своими добродетелями едва возникшую лавру, соединились молитвенно в келью затворника и отогнали от него темного духа. И что же? – когда вывели его из затвора и стали расспрашивать о священном Писании, исцеленный ими не умел отвечать ни слова, ибо все его мнимое знание было в нем действие прелести.

Опять страшный и назидательный пример, который по несчастию и доныне часто повторяется пред нами! Сколько таких людей, которые, по внешности ведя жизнь неукоризненную и по внутреннему убеждению следуя учению отцов своих, приемлют с уважением все книги св. Писания ветхого и нового завета и вместе с тем нерассудительно отвергают предания св. Отцов, сохранивших нам невредимо сие сокровище. Если же вникнуть глубже в мудрования человеческие сего мнимо очищенного верования, то в них откроется явное отступление и от истин, заключающихся в

священных книгах обоих заветов. Не молился ли Никита? не имел ли и он видения, не предсказывал ли будущее? – И все сие не от чрезвычайной ли ревности, и даже как будто бы с видимым смирением, ибо он думал предостеречь себя от лести дьявольской, и сам говорил назидательные слова проходящим! Одной лишь добродетели не доставало затворнику – послушания: он не послушался своего игумена и впал в сети вражеские. Вот как важно послушание заповедям церковным и как далеко может увлечь нарушение оных! Послушание паче поста и молитвы, говорили богодухновенные Отцы, преемники Апостолов, а Господь сказал Апостолам: «слушающий вас Меня слушает и отвергающий вас отвергается Меня и Отца, Меня пославшего». Но прозревший затворник раскаялся и горькими слезами омыл свое заблуждение, как некогда Апостол Петр! – Так ли изглаживают оное и те, которые подобно им падают, но не хотят восстать? ибо нет ничего тоньше и увлекательнее прелести духовной.

Очищенный молитвою, Никита сам был предназначен орудием спасения для других и по смерти Германа, епископа Новгородского, избран был на кафедру Софийскую, потому что в то время иноки Печерские по святости своей жизни преимущественно поставлялись на все святительские престолы просветившейся Христианством Руси, и целый ряд таковых отшельников один за другим со славою правил делами церковными Новгорода. Святитель Никита имел утешение успокоить в своих пределах чудного пришельца Римского Антония, приплывшего к древней Славянской столице, и сам прославился чудесами в тринадцатилетнее свое правление, оставив по себе благую память. Его молитвами испрошен был однажды дождь в губительную засуху, и в другой раз молитвенные слезы пастыря угасили страшный пожар, свирепствовавший в Новгороде. В последний день января 1108 года отошел он из временной жизни в вечную, но оставил пастве сокровище мощей своих, которое открылось ей не ранее как чрез 450 лет, и, что весьма замечательно, в самую смутную и тяжкую годину для Новгорода, когда после покорения Иоаннова все ужасы грозного его внука уже висели над городом,

обреченным его гневу, и должны были пострадать сами пастыри вместе с народом.

Тогда явился опять, как бы живой, посреди смятений паствы древний ее блюститель в утешение скорбящих, дабы видели они, что не отступает от них благословение Божие. Некто Царев муж благочестивый, которому поручено было строение дел церковных великого Новгорода, внимая накануне Пасхи чтению деяний Апостольских в храме св. Софии, поскорбел духом о небрежении, в каком находилась гробница святителя Никиты, по таинственному внушению поусердствовал сделать на нее богатый покров. Это возбудило в нем и другое ревностное желание дознать, сохранились ли внутри гроба кости святителя? Но скор велико было его утешение, когда, провертев скважину в каменной раке и опустив в нее свечу, он увидел все тело его, ни в одном из членов не подвергшееся тлению. Это случилось в 1551 году еще во дни правления Архиепископа Феодосия, и в таком положении оставалась каменная рака и при его преемнике Серапионе; а между тем православные, движимые тем же усердием, приходили ежедневно смотреть сквозь отверстие на нетленные останки их древнего пастыря и пламенно желали их открытия.

Наконец новый Архиепископ Новгорода, Пимен, подвигнутый усердием граждан, донес о чудном явлении мощей святителя Никиты Царю Иоанну и Митрополиту Макарию, который сам долгое время занимал кафедру Софийскую, и с их разрешения приступлено было к открытию раки. Пимен приготовил прежде новое полное облачение на нетленное тело своего древнего предместника и, подняв каменную крышу, в присутствии всего собора духовного обрел усопшего совершенно целым. Все черты лица сохранились под воздухом, их покрывавшим: правая рука лежала на персях и персты ее были сложены для благословения, а левая была простерта. Самая одежда святительская, фелонь и омофор не только не истлели, но могли служить чрез столько столетий опять для священнодействия преемников усопшего в Бозе пастыря. Молитвенно облекли его в новые ризы, чтобы сохранить как святыню те, в коих был обретен, и, подняв священное тело,

поставили на одре посреди храма, где во все время всенощного бдения народ притекал к целебным мощам: они же сейчас явили силу свою, ибо до десяти человек, жен и мужей, сухих, слепых и расслабленных, получили здравие от прикосновения к нетленным останкам. Архиепископ поставил их потом с правой стороны главного алтаря Софийского, доколе не расширил придельной церкви св. Богоотец Иоакима и Анны, где они прежде почивали, и тогда с честью перенес их на прежнее место. Впоследствии подвергся он гневу царскому посреди страшного разорения всего великого Новгорода и не более счастлив был его преемник Леонид, избранный и сокрушенный тем же грозным Иоанном. Можно сказать, что в сию бурную эпоху святитель Никита как будто бы сам на себя принял радование о своей пастве, когда живые его преемники бедствовали на кафедре Софийской, и только замогильное пасение стада было действительно и неприкосновенно.

Какой чудный для Новгорода был этот век. Антониев, Варлаамов и святителей, подобных Никите, которым он положил начало. Исключая ближайшего его преемника, Иоанна, первого Архиепископа, мужа впрочем весьма знаменитого и памятного для Церкви, целый ряд прославленных угодников Божиих восседал один за другим на кафедре Софийской во все течение двенадцатого столетия. Св. Нифонт наследовал Иоанну и 26 лет был примирителем князей Русских в их междоусобных бранях и защитником прав церковных. Преемник его Аркадий, также святой, был первый из Новгородских, а не Печерских иноков, удостоенный родной кафедры Софийской. Место его заступил другой Иоанн, величайший из святителей Новгородских, который всегда пишется на иконах вместе с Никитою по сторонам Спаса, как ближайшие охранители Новгорода. По его молитве совершилось знамение от иконы Богоматери и спасен был город от осады Суздальской; чудное житие его более других напечатлелось в сердцах Новгородских, а нетленное его тело почивает в соборе Софийском столь же твердым ему оплотом, как и святителя Никиты. Когда же после двадцатилетнего правления отошел в вечность, он оставил достойного по себе преемника, брата Григория, причтенного

также к лику святых, который почивает в соборе под мощами своего великого брата Иоанна. Столь яркими чертами просиял весь XII век в церковной летописи великого Новгорода.

Накануне дня, посвященного памяти обретения мощей святительских (30 апреля), уже началось предпразднество торжественною всенощною в соборе Софийском. Сколько раз ни проезжал я до того времени чрез Новгород, никогда не случилось мне присутствовать на каком-либо богослужении в св. Софии, и потому с особенным желанием поспешил я в осмивековой храм сей для праздничной всенощной. Вслед за ходом Архиерейским вошел я в Корсунские врата, которые затворились за нами, и с невыразимою радостью увидел себя внезапно посреди величия наших церковных обрядов и древнейшей святыни нашей. Пастырь с жезлом в руках, окруженный своим клиром, идущий от Корсунских врат во глубину алтаря Софийского и потом опять исходящий из него уже во славе церковной на литию в паперть Корсунскую, – все это сильно действовало на воображение и располагало к молитве. Утешительно было слышать между именами Апостолов и Вселенских учителей, призываемых в предстательство Церкви, имена собственно Новгородских угодников, почивших в самом соборе или в окрестных обителях: Святителей Никиты, Нифонта, Иоанна, Феоктиста, Моисея, Евфимия, Ионы, Серапиона и благоверных князей Владимира и матери его Анны, Мстислава, нареченного Георгием, двух братьев Феодора и Александра Невского, и преподобных отец: Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Александра Свирского, Михаила Клопского, Саввы Вишерского, Ефрема Перскомского, Арсения Новгородского, Иакова Боровицкого и прочих Новгородских чудотворцев, которые, казалось, были так близки и доступны к призывающим их. Чувство благоговения умножалось пением божественных гимнов при той мысли, что уже восемь столетий оглашают они священные своды сего храма, устоявшего сквозь бурю стольких переворотов человеческих. Самое освещение его древних хоросов и паникадил, возженных пред местными иконами Спаса, Успения и св. Софии, возбуждало в сердце неизъяснимое чувство; кое-

где из-за мрачных столбов таинственно мелькала какая-либо одинокая лампада от дальней иконы или от открытой раки мощей, которые друг против друга с обеих сторон поражали взоры стоявшего на середине храма. Насквозь широких скважин медных Корсунских врат, уже не плотно смыкающихся от ветхости, веял ветер во всю длину собора, колебля огни лампад, и вечерний свет угасающего дня сливался с внутренним освещением векового храма.

Еще умильнее было то время священнодействия, когда епископ со всем своим клиром для величания усопшего Святителя вышел уже не на средину великой церкви, но в малый придел св. Иоакима и Анны к самому его гробу и, окадив кругом все святилище, прочел над его нетленным ликом слова евангельские о благе пастыре. Из алтаря Софийского можно было в глубокой тишине наслаждаться сим великолепным зрелищем и слышать каждое слово гимнов и молитв. Когда же пред окончанием всенощной певчие возгласили с высоты хоров: «славу в вышних Богу», это Ангельское славословие глубоко потрясло душу под сенью св. Софии; а другой победный гимн взбранной Воеводе напомнил времена Оскольда и Дира, отселе исшедших во мраке язычества и возвратившихся на родину уже со светом веры Христовой.

На следующее утро раздался звук не вечевого, но Софийского колокола, и дрогнули сердца Новгородские, по выражению нашего славного историографа. – Народ устремился с Торговой и Софийской стороны на площадь кремлевскую и наполнил ее, как бы во дни славы великого Новгорода. Многочисленное духовенство сорока городских церквей и четырнадцати окрестных обителей, одно уцелевшее от прежнего величия древней столицы Славянской, стеклось в св. Софию, как некогда по зову великих Святителей, Иоаннов и Евфимиев. И действительно здесь звал его мощным гласом своей святыни старейший из всех Владык Новгородских, Святитель Никита, готовый опять возстать посреди своей паствы. Встрепенул, ожил опять старый Новгород в лице своего духовного собора, просиял золотом его облачений, прикрывших обычное его убожество. Он, который всегда представляется мимоидущему

но его пустырям мертвым полем с рассеянными на нем белыми остовами храмов, он проявил в себе новую жизнь: – что казалось остовом, закипело жизнью, как будто сбылось над ним чудное видение Пророка Иезекииля, и глас Господа Адонаи пробудил давно усопших, и собор многих, великий, стал на ногах своих, устремился к св. Софии и исполнил ее прежнюю славою!

О как трогательна и высока была эта минута, когда перед началом литургии епископ со всем своим клиром, облаченный сам в семисотлетние ризы Святителя Никиты, в которых был он обретен, подошел к его раке и, склонившись к св. мощам, чтобы поднять их, соборно возгласил в лице усопшему: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробах живот даровав». Все прослезилось, и вот перед глазами всех по сему мощному зову, проникающему гробы, совершилось нечто, напоминавшее возстание Лазаря: «и изыде умерый, обвитый по рукам и по ногам пеленами, и лице его обвязано было платком»⁹. Из глубины раки руками архимандритов стал подниматься усопший Святитель, облеченный в священные ризы, с лицом, покрытым пеленою, и так был он положен на верхнюю крышу своей древней раки для хода кругом церкви. Молитвенники, стекшиеся отовсюду для сего зрелища, в священном ужасе пали на колени, когда при пении гимнов и свете светильников в дыме фимиама понесли над их головами из придела Богоотцов чрез весь собор во врата Корсунские нетленно почившего, воздвигшегося опять между ними, чтобы осенить собою паству и свой великий Новгород!

Много высокого видел я на священных торжествах православной родины, но ничего подобного не видел. Это шествие семисотлетнего усопшего кругом собора и стремление к нему живых было чрезвычайно поразительно. – Самое поприще благоприятствовало величию зрелища: св. София и зубчатый Кремль вокруг с своими обвалившимися башнями. Я вышел южными воротами собора на Софийскую площадь, исполненную народом, при гуле всех колоколов Новгорода, и вот, из под арки архиепископских палат стало показываться шествие. Вслед за хоругвями потянулся бесконечный ряд

клириков со свечами в руках, потом диаконы и священники с кадилами и древними иконами собора; наконец под багряною сенью и богатым покровом священное тело св. Никиты, высоко поддерживаемое десятью архимандритами, игуменами и строителями обителей Новгородских; во главе шел викарный епископ Новгорода и убогая его одежда привлекала общее внимание посреди роскоши облачений; ибо сия одежда принадлежала Святителю Никите, 450 лет была с ним под землею и уже 300 лет сохраняется в ризнице Софийской, ничем не поврежденная: самый покрой ее свидетельствовал о ее древности, ибо это не нынешний саккос архиерейский, царская утварь, которая от Патриархов Цареградских перешла постепенно ко всем епископам: но простая священническая фелонь коричневого штофа с зелеными окраинами и поверх нее белый омофор, собственно отличие епископского сана, с темными крестами.

Против южных дверей собора остановилось шествие для краткой литии; толпы народа, пользуясь сим мгновением, устремились к мощам, чтобы по древнему православному обычаю пройти под ними, как бы под благословение самого Святителя. Движение было так сильно, что заколебалась верхняя сень, и настоятели обителей, державшие доску раки, на коей лежали св. мощи, с трудом могли удержать свою священную ношу. Хотели остановить стремление народа к святыне, но благочестивый епископ Леонид, хотя сам более других страдал от напора толпы, приказал всех допускать, чтобы никто не лишился утешения духовного. Это был Новгород XIV века во всей своей славе и многолюдстве, и пять его концов как будто сошлись еще раз к своему Софийскому центру. Тронулось шествие и опять остановилось во главе храма против алтаря и еще однажды у северных дверей, где прочтено было Евангелие о благом пастыре, олицетворенном в лице усопшего, ибо во все время хода совершался молебен Святителю Никите. При чтении Евангелия могла наконец подойти под сень мощей сама виновница торжества Графиня Анна Чесменская, которая устроила для них великолепную раку и доставила всему Новгороду утешение видеть опять Святителя вне гроба и

участвовать в торжестве. С уважением расступился народ, чтобы дать ей место, и приятно было видеть такое изъятие благодарности народной

Корсунскими вратами внесли в собор сокровище мощей и поставили их в алтаре на горнем месте, где столько раз председательствовал епископ Никита; сквозь тройное окно солнце яркими лучами осветило почившего под драгоценными покрывами Святителя. Шесть священников, диаконов и клириков стали по сторонам его на священной страже. Началось Богослужение, и когда священнодействовавший вступил торжественно со всем своим клиром в алтарь и стал для слушания Апостола и Евангелия на горнем месте подле своего усопшего предместника, умирительно было смотреть на это зрелище и в сию высокую минуту окинуть взорами сверху до низу весь алтарь Софийский. – В самом верху Господь славы, носимый на Херувимах и поклоняемый небесными Силами; несколько пониже Господь Иисус Христос в образе вечного Архиерея с Пречистою Своею Материю и Предтечей по сторонам Его. и с ликами Праотец, Пророков, Апостолов и Святителей, Ему молящихся. Еще ниже, позади престола, нетленный Святитель Никита на своем горнем месте, и вокруг него освященный собор служителей Церкви, начиная с епископа и архимандритов до диаконов и клириков в тех же самых облачениях, в каких написаны были над ними уже прославленные члены торжествующей Церкви; – и кто же первенствует между них, как бы еще сам принадлежащий воинствующей Церкви? – Это ты Святитель Никита, в одно и тоже время присутствующий в обеих видимо и соединяющий их нетленными своими мощами! О какая утешительная близость мира горнего к дольнему!

По окончании литургии, мощи Святителя подняты были с таким же торжеством с горнего места, и сквозь царские врата отнесены в придельную церковь Богоотец Иоакима и Анны, где уже на место прежней убогой раки стояла новая, вся изваянная искусным художником, с ликом усопшего на ее крыше и с изображением его подвигов по обеим сторонам. В нее опустили нетленное тело, и епископ возгласил особенную молитву

угоднику Божию, призывая покровительство его и благословение на всю паству Новгородскую, вверенную его заступлению. Так окончилось торжество духовное. Гостеприимная трапеза ожидала всех священнослужителей высших и низших, все духовенство Новгорода и окрестных обитателей, и всех почетных гостей в обширных палатах Архиепископских, где уже давно не бывало такого многолюдного собрания.

На следующее утро другое торжество представилось взорам в том же соборе Софийском и вокруг древнего Кремля Новгородского по случаю праздника преполовления. Опять епископ совершил литургию в соборе и вышел крестным ходом на Иордань к Волхову, предшествуемый хоругвями и крестами и всею древнею святынею Новгорода. Подвиглась и чудотворная икона Знамения, неотступная от осеняемого ею народа во всех празднествах церковных. – Менее торжествен был ход, нежели предыдущий, но также много говорил сердцу, особенно когда мимо моста, усеянного пародом, под навесом разбитых стен Кремля стал спускаться к бурному Волхову, покрытому судами, и все духовенство при веянии хоругвей обступило Иордань. Она была устроена против древних водяных ворот, которыми обыкновенно выходили на воду, ныне закладенных; над ними еще сохранилась древняя, весьма замечательная икона: происхождение честных древ и всемилостивого Спаса с изображением Евангелия, которое читается обыкновенно при освящении вод. Внизу представлена весьма хорошою Византийскою кистью купель Овчая в Иерусалиме с чающими вокруг нее движения воды при явлении Ангела, а над купелью самый Ангел, высоко воздвигающий крест для возмущения воды; какая глубокая и вместе богословская мысль, что таинственною причиною целебности сей купели было тоже животворящее знамение креста, которое долженствовало спасти мир! Святители Новгородские стоят по обеим сторонам Ангела, как имеющие повторять над водами его предобразовательное действие, а поверх их сам виновник исцелений, Всемиловитый Спас, окруженный молитвенными ликами Своей Пречистой Матери, Предтечи и святых, содействующих на небесах молитвам, воссылаемым от земли.

И эта чудная икона не только совершенно забыта и неизвестна, но даже вскоре сотрется, если не обратят на нее внимания, потому что она писана на стене, которой камни уже осыпаются. Так постепенно исчезают у нас священные памятники древности церковной!

Утешительно было слышать при погружении честного креста в воды Волхова и при гуле всех колоколов Софийских праздничный тропарь: «спаси Господи люди Твоя и благослови достояние Твое». Еще умильнее был тропарь преполовения, который так много говорит сердцу: «преполовившуся празднику жаждущую мою душу благочестия напой водами, яко всем, Спасе, возопил еси: жаждай да грядет ко Мне и да пиет, источниче жизни нашея, Христе Боже, слава Тебе».

Воздвизальный крест, которым осенял епископ, был один из древнейших собора Софийского с частицами животворящего древа и многих мощей; Владыки Новгородские всегда употребляли его во дни своего служения. – От Иордани крестный ход потянулся к северу кругом кремлевской стены, огибающей собор, и остановился для литии против часовни Святителя Николая, сооруженной над древними воротами Владимирскими. Далее он взошел в новый сад, насаженный по крепостному валу и рву. Живописно для глаз было видеть его движение промеж деревьев по излучистым дорожкам и все пространство сада кругом стены, наполненное толпами усердствующего народа. Нельзя было идти кругом всего Кремля, ибо стены местами угрожают падением, и нет вокруг них дороги, но там, где кончился сад около большой дороги, крестный ход взошел опять во врата кремлевские, противоположные тем, из коих выходят к Волхову, и на площади против собора совершилась опять лития. Народ с усердием бросался под икону Знамения, и Святитель торжественно проводил ее опять до часовни чудотворного креста на Волховской мост, который был искони свидетелем событий церковных и гражданских великого Новгорода. Так окончилось для меня торжество Софийское, в течении трех дней потрясавшее душу мою величием своих воспоминаний!

1846.

I. Киев

Черная туча преследовала меня по густому лесу от селения Броваров до самого Киева; шире и шире расходились ее тяжелые крыла, доколе не охватили весь небосклон: – в полночь она разразилась: глухие раскаты грома и дальние молнии сосредоточились наконец в одну страшную грозу, какой давно я не видал на севере. По несколько минут небо казалось отверстым, и стрелами сыпались из него молнии, дико озаряя окрестность. – Я вспомнил последний день Помпеи и поверял природою дивную кисть вдохновенного художника: он разгадал бурю и одною из ее молний написал свою картину. – Далеко впереди блеснула внезапно золотая глава колокольни Печерской, как некое светило этой чудной ночи; от времени до времени зажигался предо мною ее путеводительный фарос, увенчанный спасительным знаменем креста. – Не так ли внезапно воссияет он и в день пришествия Сына человеческого, которое будет, по словам Евангельским, также как молния, исходящая от востока и блистающая до запада?

При выезде из чащи леса мгновенно озарилась вся обширная лавра с своими белыми церквами и оградой, раскинутыми по горам; вдруг запылали все кресты ее семиглавого собора и других отдельных куполов, и над ними встал из мрака в огненном венце своем белый столп колокольни, как некий царственный призрак, повелевающий стихиями: ибо, казалось, с его чела струились повсюду молнии, и от глухого стога его колоколов, вторивших ветрам, истекали страшные раскаты грома по всему небу. – Шумел и широкий Днепр, тяжким колебанием отзываясь на знакомый голос бури. Сердитые волны с ревом набегали на длинный мост его, ходивший, как бесприютный путник, по влажной стихии; они грызли его утлое дерево, белую пеною обозначая непрочную стезю сию на темноте вод. Но идущему по ней в промежутке молний, когда все погружалось опять из ослепительного света в столь же ослепительный мрак и ни одной путеводительной звезды не блистало на целом небе, – одна лишь, более

отрадная, приветливо сияла от горы Киевской: – это была мирная лампада, теплившаяся над самым Днепром при входе дальних пещер Феодосиевых, и взор, утомленный блеском молний, искал отдохнуть при тихом мерцании сей лампы, которую молитвенно возжгли святые отшельники в их безмятежной пристани за много веков и еще на много столетий.

На правом берегу Днепра южная природадохнула мне сквозь бурю роскошным запахом своих тополей и лип, разросшихся по оврагам в их дикой свободе; а с горной вершины, как белые волны широкого потока, устремилось ко мне на встречу огромное стадо тучных питомцев Украины; их конный вожатый с трудом прочищал дорогу длинным своим шестом, и живописна была в глубоком ущелье и в бурную ночь сия дикая картина. Я подвигался медленно по скользким оврагам, и вот зашумел ливень, повсюду заструились воды, и буря разыгралась во всей ее силе: едва, едва можно было достигнуть в темноте до высокой площади Печерской. Било два часа по полуночи; – при шуме непогоды внезапно раздался из лавры тихий, утренний благовест, призывающий к молитве обуреваемых.

Утомленный ночью дорогою, не мог я воспользоваться молитвенным зовом: но еще до поздней литургии я стоял уже у гроба преподобного основателя лавры, и при чтении акафиста спустилась предо мною чудотворная икона Богоматери, дивный дар ее св. отшельникам Антонию и Феодосию. Благосклонно принял меня наместник лавры в отсутствие Владыки Киевского, который любит посвящать безмолвию пустынному часы, свободные от пастырских забот; но я отложил посещение святыни Печерской до его возвращения и воспользовался сим временем, чтобы устроить себе малый приют в остатках сгоревшего дворца Императрицы Елисаветы, который обращен теперь в заведение искусственных вод. Роскошный сад столетних тополей и лип, раскинутый по глубоким оврагам к старому Киеву и над крутым берегом Днепра, примыкает к убогому зданию, заменившему царские палаты дочери Петровой; и в отрадной тени сего сада посреди очаровательных

видов и живописной природы Киева мало заботился я о недостатках своего помещения.

Поздний вечер и раннее утро одинаково влекли меня на крутой обрыв реки, где устроена легкая сень для утомленных народным гульбищем или для сладкого забвения ищущих уединиться в мыслях о былом. Оттоле во всем великолепии святыни открывался старый Киев на горах своих, и у ног его кипящий жизнью Подол и все Заднепровье. Вставала ль багровая луна, как древний щит Олега и Святослава, из-за лесистых дебрей, столько раз оглашавшихся звуком их ловлей, – я уже был тут и любовался, как огненным столпом отражался месяц в темных водах и как боевой Днепр, будто почуя зов древних своих витязей, весь облекался серебристою броней, ждал опять ладий Варяжских, чтобы нести их к Царьграду: – но вместо их боевых ладий, одни только убогие челноки рыбаков мелькали там и здесь по широкому пространству вод! – Подымался ли золотой круг солнца, как светлый венец Владимира, снимая с гор Киевских румяную пелену туманов, – опять я тут в прохладе утра, и взор мой жадно обнимал всю очаровательную окрестность от могилы Оскольдовой до могилы Олеговой и дальнего села Ольги, доколе ранний благовест всех церквей и обителей старого Киева и Подола не вызывал меня из созерцания минувшего. – Еще мало было жизни в сей безмятежной природе: кое где только по зеленому обрыву утесов несколько коз и овец щипали росистую траву, и высоко реяли надо мной быстрые птицы в прозрачной синеве неба: а глубоко подо мною на столь же ясной лазури Днепра чернелись, как птицы, легкие челноки рыбаков.

Но жаждущему былого часы вечера отраднее часов утра. – Он спит тогда, древний Киев, облаченный месяцем в призрак своего минувшего величия! – Ярko сияют кресты на златоверхих главах Михайловских и на обновленной церкви Десятинной: храм Первозванного высоко стоит на отдельном холме своем, издали, как бы светлый образ самого Апостола, благословляющего начало Руси на горах Киевских. – Огни горят на дальнем Подоле, расширяя его в полусвете месяца: огни горят и на пустынных островах Днепра, связуя все в одно

обширное целое. – Так он спит, древний Киев, доколе не разоблачит его утреннее солнце. – Но подле него не дремлет другой старец, давний друг его Днепр. Как некий вещий баян при дворе великокняжеском, напевает он в слух князя Киева упоительную песнь о славных днях его юности: как цвели в теремах его девы красные, княжны Русские, как бились в битвах доблестные сыны его, князья всея Руси, и как молились за них его дивные иноки в своих дремучих лесах и вертепах! Много волн на Днепре, – что волна, то струна серебристая: вся река, как орган Русской славы! Но вот иная песнь несется по водам: – о чем поешь ты, мирный рыбак, на утлом своем челноке? – про буйные дни Гетманщины, как резались Ляхи с ватагой казаков и с Крымцами билась Сеча, а там по степям Гайдамаки ходили! – Как две, раздвинутые веками, эпохи сливаются здесь в один голос рыбака и реки! – какой хаос событий и воспоминаний под одним серебристым покровом лунной ночи, в виду твоих древних святилищ, о Киев!

II. Ближние и дальние пещеры

Как только узнал я о возвращении Владыки Киевского из его любимой пустыни, я поспешил в лавру и застал его там во время всенощной. «Мы увиделись с тобою в час молитвы, сказал он мне, с обычным своим радушием, Бог да благословит приход твой: дослушай однако конец божественной службы. – Посмотри, у нас есть где помолиться,» и, отворив малую дверь в алтарь домово́й церкви, а с другой стороны окно своей молитвенной храмины, он указал мне на ближние и дальние пещеры. – Я взглянул в окно и уже не мог отвести взоров от очаровательной картины, которая раскрылась предо мною: – позлащенные главы двух отдельных обителей над ближними и дальними пещерами живописно возникали из густой зелени плодоносных деревьев, разросшихся по глубокой дебри, которая лежит между обеих пещер Антония и Феодосия; а за нею – широко расстился синий Днепр с своим зыблющимся мостом и дремучими лесами противоположного берега, ярко освещенный лучами вечеряющего дня. – Казалось, Митрополит утешался моим восхищением, и, когда чрез несколько минут окончилась всенощная, он опять подошел к окну и сказал:

«Сколько бы ты ни смотрел на это чудное зрелище, нельзя довольно насытить им своих глаз, потому что святые угодники, почивающие под сею горою в недрах пещерных, невольно влекут к себе око внешнее и духовное. – Если же так тебе нравится Киев с его святынею, подумай, каково должно быть царство небесное! – и, помолчав немного при сей благоговейной мысли, он продолжал: «я слышал, что ты хочешь сделать описание Киева; но испросил ли ты на это благословение преподобных Печерских? – а без него не думай и начинать; завтра пойдем вместе в пещеры; я сам хочу ввести тебя в жилище сих земных Ангелов и небесных человек. – С ними отраднее жить, нежели с нами, бедными людьми! После всякой молитвенной беседы с ликом сих праведников невольно водворяется мир душевный. Меж ними, кажется, провел бы всю

жизнь и не заметил бы, как переступишь в вечность.» – Владыка отпустил меня с благословением.

На другой день рано утром я уже был опять в его кельях и последовал за ним в ближние пещеры уединенною стезею через плодовые сады лавры. «Какая тишина и вместе какая природа! говорил мне дорогою Владыка: есть ли что-либо подобное на севере? – Здесь я часто хожу в пещеры и никто не ведает моего жительствова в лавре: меня редко видят на дворе монастырском, разве кто встретится на пути к преподобным.» – Когда мы вышли из южных ворот лавры и, минуя обычный крытый ход в пещеры, стали к ним спускаться через другой, нижний сад обители, Преосвященный остановил меня и сказал: «с благоговением ступай на сию священную землю! ты идешь по тому холму, под которым почивают столько угодников Божиих в ископанных ими кельях. Это молитвенный холм самого преподобного Антония: он там и поныне с своими духовными чадами!» Невольным трепетом проникнуто было сердце при таком напоминании Святителя. – У алтарного входа в церковь Воздвижения честного креста, устроенную над пещерами, игумен с братией сих ближних пещер ожидали Владыку и подали нам возженные свечи. – В благоговейном молчании стали мы спускаться в тесное устье подземелья, так что каждый наш шаг отзывался под его низкими сводами. Путеводительная свеча игумена впереди нас озаряла извилистые переходы пещер, и при первом их крутом повороте издали блеснула лампада, отраженная серебряною ризою иконы и гробовой доски. – «Это гроб преподобного Литония! место его подвигов при жизни и покоя по смерти,» сказал мне Владыка, и продолжал идти к сему безбурному пристанищу великого подвижника. С умилением простерся он пред его гробом, и трогательно было видеть во глубине пещеры набожное поклонение, воздаваемое через восемь столетий отцу иночествующих блюстителем ископанной им обители.

В тоже мгновение раздалось из прилежащей подземной церкви славословие Пресвятой Троицы благословением царства Отца и Сына и св. Духа, которое проповедал Антоний даже в недрах земли; божественная литургия началась в малом храме,

ископанном во имя его подражателями его подвигов: двое из них лежат в открытых раках по обеим сторонам, как бы на страже подземного [святилища: постник Иоанн и Прохор, прозванный Лебедником от травы, которой единственно питался и прокормил народ в голодную годину. С такими двумя блаженными молитвенниками внутри храма, имея блюстителем самого великого отца их в преддверии, удостоился я слышать сию первую божественную службу в пещерах Антониевых, и она глубоко впечатлелась в мое сердце. Я переносился мысленно в первые века Христианства в усыпальницы мучеников, в подземные их приюты, где свечи и ладон были точно необходимостью богослужения. Под спудом общей матери земли при нетлении тел преподобных исчезало расстояние веков; ибо усопшие казались современниками тех, которые в свою черду воспевали хвалы Господу, как бы недавно излетавшие здесь из их собственных уст.

Когда окончилась литургия, Митрополит при выходе из церкви поклонился опять гробу преподобного Антония и, указав мне его тесную келью с каменным ложем, сказал: «много было великих подвижников в сих пещерах, которые внезапно из вертепа Варяжского сделались мысленным небом стольких земных Ангелов: но из сонма всех их – вот величайший! ибо от него пролилось благословение св. горы Афонской по всей России. Долго созревало в ней спасительное семя, посеянное еще Апостолом Андреем на горах Киевских, но за то вдруг и процвело: особенно обильны были плоды его здесь, потому что из сих пещер просияли Святители, проповедники и мученики за веру, и наипаче теплые молитвенники; они и доныне здесь лежат, как неколебимое основание земного отечества нашего и наши вожатые к небесному. – Началом же всему послужил сей преподобный Антоний; – такая чрезвычайная благодать дана была ему от Господа! Он же по смирению своему не хотел даже я священства: в любви своей к безмолвию поревновал он соименному отцу иноков Египетских и, подобно ему, уединялся все более и более, избегая всякой молвы. – И что же называл он молвой? – тихое общество первых двенадцати отшельников, собравшихся в его дальние пещеры! Ради них оставил однако

любитель безмолвия первый приют свой, где провел сорок лет на молитве, чтобы не нарушалась беседа его с единым Богом; здесь, в этом холме, ископал он себе новую келью и довершил в ней чрез двенадцать лет подвиг ангельской жизни. Тоже неизменное удаление от мира обнаружил преподобный Антоний и после блаженной кончины сокрытием святых мощей своих. – Ты увидишь в ближних и дальних пещерах почти всех учеников, собравшихся под крыло своего блаженного учителя: его только нетленных мощей не видно между столькими угодниками, открыто почиющими в ископанных ими вертепах, и, когда однажды благочестие некоторых ревнителей его памяти хотело коснуться гроба Антониева, – внезапно исшедшее от него пламя удержало их от нарушения таинственной воли усопшего. – Посмотри, каким небесным спокойствием сияет лик его!»

С благоговением приблизился я ко гробу преподобного: на серебряной раке изображен был почивающий угодник; над нею стояла его икона, точно с выражением ангельским в кротких чертах: одинокая лампада освещала по сторонам еще две иконы, где уже Антоний один, или с своим блаженным сотрудником Феодосием, молитвенно стоял пред лицом Пречистой Девы, Заступницы их лавры. Темная, тесная келья преподобного украшена была такими же иконами над его каменным ложем, которое не отличалось ничем от его гроба, ибо всякую ночь готовился он уснуть на нем последним сном. «Здесь отдых его временный, а здесь вечный!» сказал Владыка, показывая сквозь растворенные двери кельи на каменное ложе и на стоявшую пред нами гробницу. – Из глубины кельи слышалось церковное пение, как бы неумолкаемая молитва святых: – я стал прислушиваться к таинственным голосам: Владыка разрешил мое недоумение:

«Еще продолжается литургия в другой подземной церкви преподобного Варлаама, которая примыкает к кельи святого. Там почивают и мощи сего первого игумена дальних пещер, постриженного Антонием из именитых бояр Киевских. Много принял он гонений от Великого Князя Изяслава за него и за другого инок Ефрема, скопца княжеского, но все устроилось на пользу душевную обоим. Взятые отселе, один на игуменство

обители св. Димитрия, а другой на кафедру святительскую в Переяславль, они не хотели однако нигде успокоиться, кроме как в пещерах, где начался их подвиг иночества. – Мы поклонимся святым мощам их в двух иных церквах сего подземелья: теперь пойдем далее.»

Митрополит взял опять свечу из рук игумена ближних пещер, который пошел впереди нас с пуком зажженных свеч, озаряя темные изгибы низких сводов. Он останавливался пред каждою ракою, молитвенно называя почившего в ней угодника, и с благоговением преклонялся Владыка, целуя нетленные останки. При гробе некоторых, более известных, преосвященный говорил мне несколько назидательных слов о их житии. Идущим от гроба преподобного Антония первая представилась Иулиания, княжна Ольшанская, уже в позднейшие века обретенная под великою церковью лавры и поставленная в пещерах на место Святителя Михаила, первого Митрополита Киевского, когда он был перенесен в соборную церковь Успения. Потом два мученика, Василий и Феодор, связанные союзом духовной дружбы во время жизни и на веки соединенные смертью в одном гробе. Корыстолюбие жестокого князя Мстислава, сына Святополка, было виною их страдальческой кончины. Обольщенный лукавым, который не терпел добродетели святых, Мстислав стал требовать от них сокровищ Варяжских, будто бы открытых ими в пещерах, и даже своеручно поразил стрелою Василия; стрела сия была впоследствии орудием собственной его смерти: оба мученика скончались в темнице от многих истязаний.

«Читал ли ты Патерик Печерский? спросил меня Владыка, остановившись у последующей раки. – А если и читал, то советую тебе вновь перечитать, чтобы изучить жития великих угодников, мимо коих проходим скоро, хотя каждый мог бы нас многому научить. Вот один из трех писателей назидательного Патерика сего, Поликарп, первый священноархимандрит Печерской лавры, который соревновал преподобному Нестору в столь благословенном труде. Через него узнало и позднее потомство великие подвиги смиренно почивающих с ним отшельников. – Подле священноархимандрита покоится

пресвитер Дамиан, целебник, постриженник преподобного Феодосия, которому он был столько предан, что единого только просил от Господа: – не разлучаться с ним и в будущей жизни, и в час смертный. Ангел в образе преподобного уверил умирающего, что исполнится его пламенное желание.»

Опять послышалось пение: небесные звуки раздавались под землею: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молимся Боже наш.» – Страшные, животворящие тайны Христовы совершались во мраке алтаря пещерного. Мы стояли в устье малого вертепа, иссеченного для церкви преподобного Варлаама. Она была наполнена народом, так что с трудом мог я проникнуть сквозь толпу до мощей преподобного. – Тускло горели лампы и свечи пред позлащенным иконостасом от спертых дыханий; но усердна была молитва богомольцев, от всех краев широкой Руси сошедшихся в сей подземный приют отшельников, которые просветили ее верою. Хотелось бы дослушать и сию вторую литургию в недрах земли, но надобно было продолжать подземное странствие, чтобы избежать толпы народной.

Мы поворотили сперва на лево в тесный переход, чтобы поклониться четверем угодникам: Никодиму, просфорнику Печерскому, тридцать лет подвизавшемуся в сем благочестивом труде: затворникам Лаврентию и Афанасию, который воскрес после двухдневной смерти и, поучив братию трем вещам: послушанию, покаянию и молитве, сам заключился еще на двенадцать лет, и Еразму, искупившему себе спасение душевное вольным пожертвованием всего своего имущества храму Божией Матери. Потом мы пошли обратно, мимо того же устья церковного, ко гробу Луки, эконома Печерского, и снова послышалось нам дальнейшее пение из церкви. – Уже тайны божественные совершились и воспевалась похвальная песнь, ублажавшая Пречистую Матерь закланного на престоле Агнца: «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим.» Звуки сии, едва слышимые вдали, следовали за нами в пещерах, как отголосок райской песни, достигавший в слух земли.

Недалеко от церкви, в малом углублении почивают четыре отшельника: Агапит, врач безмездный, всех исцелявший молитвою, который начал свой христолюбивый подвиг еще при Антоние и восставил заочным словом с смертного одра самого великого Мономаха; два брата Иоанн и Феофил, из коих первый по гласу святого гробокопателя Марка подвигся уже мертвый на своем могильном одре, чтобы уступить почетное место старшему брату, а тронутый сим послушанием Феофил провел остаток дней своих в неиссякаемых слезах; здесь и священномученик Кукша, просветивший словом Евангельским всю Вятскую страну и там умерщвленный стрелами диких. – Кто исчислит имена ваши и деяния, святые Печерские, открыто или в затворе почившие по сторонам тесного перехода? Здесь Нектарий и Алексей затворник, Григорий иконописец, Сергей послушливый и Савва. – И св. Меркурий, епископ Смоленский, прославленный чудесами на своей родине, пришел упокоиться в мирный вертеп ваш: святительская мантия над каменной плитой свидетельствует о месте его погребения.

«Что изображает икона сия над ракой одного из преподобных?» спросил я Владыку, и он отвечал мне: «это Ангельское пострижение Пимена многоболезненного. – Больным родился он на свет, больным и вырос; но за то болезнь телесная не дала в нем места душевной. Пламенно желал он иночества; но родители ему долго в том препятствовали, доколе сами не были вынуждены принести его в обитель, дабы там исцелился молитвами; но вместо исцеления, которого не желал сам болящий, Ангелы пришли к нему ночью в виде игумена с братией и постригли его в иноческий образ. Они нарекли его Пименом и предсказали долгую болезнь до смертного часа. Игумен, уразумев таинственное пострижение, не смел повторять оно. Пимен, исцеляя других, сам еще двадцать лет пролежал на одре болезни и только тогда, как пришли за душой его постригавшие Ангелы, встал исцеленный и обошел все кельи, чтобы проститься с братией. – Будешь ли теперь помнить, что изображает сия святая икона? – Вот недалеко от Пимена многоболезненного преподобный Нестор, которого вы особенно чтите в мире, как именитого летописца;

мы же здесь еще ублажаем его и как великого подвижника нашей лавры, сотрудника Антониева и Феодосиева, ибо он с юного возраста посвятил себя Богу в сих пещерах, и сперва сохранил заповеди Христовы на самом деле, а потом соблюдал дела святых своих сожителей словом истины. – Общество любителей истории оковало серебром его раку.»

Рядом с летописцем мученик Евстратий, не им однако описанный. Он взят был в плен Половцами при разорении лавры Ханом Боняком и продан с другими пятидесятью иноками Печерскими Корсунскому Еврею. Евстратий поддержал их всех в истинной вере и сам сподобился крестной смерти в самый день Пасхи за исповедание имени Господа Иисуса Христа перед своим жестоким мучителем. – Образ его страдания поставлен над его ракой. Далее два затворника, закладенные в своих кельях, которые послужили им и гробом: Элладий и Иеремия прозорливый, обличавший сокровенные помыслы братии. Еще далее два мученика, вольный и невольный, друг против друга: Моисей, родом Угрин, любимый отрок святого страстотерпца князя Бориса, избежал мученической смерти господина своего, но, отведенный в плен королем Болеславом, подвергся там жесточайшим истязаниям от некоей именитой жены Польской за любовь свою к целомудрию. Подобно Иосифу, преодолел он все искушения и после пятилетней муки укрылся в пещеры к преподобному Антонию, где довершил подвиг святой жизни, сохранив до смерти благодатный дар укреплять в целомудрии притекающих к его нетленным мощам. – Против него вкопал себя в землю по самые перси иной ревнитель той же добродетели, Иоанн многострадальный. Палимый нечистою страстью, услышал он над гробом преподобного Антония тайный голос, что обретет себе избавление при мощах неведомого ему Угрины, и, движимый верою, ископал себе глубокую яму перед его ракой; там засыпал себя землею, сперва на дни великого поста, а потом и на всю жизнь, и, уже опаляемый не страстью, но страшным призраком диавольским, пребыл тверд в своем ужасном подвиге и даже исцелил от той же страсти притекшего к нему брата костью от преподобного Моисея. Честная глава его и крестообразно сложенные руки,

повитые пеленами, доселе выходят из-под земли, к акт, некий таинственный столп во утверждение веры и чистоты.

Владыка с благоговением остановился пред сим изумительным страдальцем, которого подвиг невольно поразит и остановит каждого, идущего мимо путем гробового покоя стольких святых Божиих. – Он снял с главы Иоанна малую шапочку и надел ее на меня, говоря мне с теплым чувством искренней веры: «скажи мне, видел ли ты где-либо что-либо сему подобное?– Вот подвиг, которому чуждо должно быть пытливые: како и почто, внушаемые сознанием человеческой немощи пред сим образцем силы Божией. – Молись только и прославляй Бога за Его угодников!»

Я наклонился в малую пещеру, где стоял преподобный, чтобы целовать многострадальную главу его, и едва поднялся от земли, как опять услышал голос Владыки: «вот еще два великих подвижника, разные по рождению, соединенные здесь смертью: Марку Пещернику повиновались мертвые, ибо для них трудился преподобный всю свою жизнь, искапывая гробы усопшей братии: а Никола Святоша был сын князя Черниговского и правнук великого Ярослава. Видишь ли, как в каждом состоянии вестъ Господь избранных Своих, ибо всем хочет спастися и в познание истины приити. Князь Никола чуждался своего высокого сана, принимал на себя самые трудные послушания монастырские, был долго вратарем святой лавры и после тридцатилетних подвигов переселился в вечное царствие в сих пещерах; но и Господь прославил его чудесами.»

Подле князя инока покоился другой инок Печерский, утопленный в Днепре его родственником князем Ростиславом за то, что предсказал ему поражение от Половцев. Но чудотворец Григорий, так названный по своим знамениям, явил чудо и по смерти, ибо связанное тело его обретено было не под водою, но в собственной его кельи, а пророчество святого сбылось над убийцею. Мы шли далее по длинному переходу, где только два затворника представились нам на пути, заключенные в своих кельях: Онисим и Матфий прозорливый, и уже мы почти окончили обширный круг подземелья, когда опять круто поворотили на право, чтобы поклониться еще несколькими

угодникам, почивающим около и в самой трапезе преподобного Антония.

В узком переходе, к ней ведущем, первый отдыхает от многих трудов своих св. Алипий, иконописец Печерский, прославленный многими исцелениями, которому Ангелы дописывали его иконы. Он научился своему искусству от иконописцев Греческих, дивно присланных из Царьграда преподобными Антонием и Феодосием чрез десять лет после их кончины для расписания соборной церкви. Рядом с Алипием Спиридон просфорник Печерский, угасивший мантией своею пламя в загоревшейся храмине, которому огонь пещный напоминал всегда о вечном огне осужденных. Владыка велел игумену снять перчатку с нетленной руки, и она мне открылась с православным изображением знамения крестного, коим осенил себя преподобный в час блаженного своего отшествия к Богу. – Игумен засвидетельствовал Владыке, что многие старообрядцы обратились к истине при столь явном ее извещении. Напротив сих двух блаженных почивают: черноризец Арефа, коему вменено было в милостыню утраченное им имущество. ибо возблагодарил за то Господа, и два затворника. Феофил и Сисой, в своих кельях. Далее опять открыто Анастасий, известный только по имени; и в самой трапезе, где братия собирались по субботам, есть еще несколько отшельников Печерских: чудотворец Исаия, Авраамий трудолюбивый, Сильвестр, Пимен постник, духовным оком прозревший страдальческую кончину священномученика Кукши, и Онуфрий молчаливый. Нет их жизнеописания в Патерике Печерском: но память их местно чтимая, совершается в пещерах.

Между ними обрел себе место упокоения и великий труженик Нифонт, епископ Новгородский, прозванный от современников поборником земли Русской: ибо он был примирителем князей и народа и непрестанно странствовал с словом правды или мира по обширному отечеству. – Св. Нифонт сильно воспротивился своевольному избранию Митрополита Киевского Климента без согласия Патриарха Цареградского и даже временно претерпел заточение; но ему не удалось встретить нового Святителя Русского, шедшего из

Греции, и его святое тело положено было в пещерах, где начались его иноческие подвиги.

Митрополит остановился на минуту посреди трапезной кельи и, обратясь ко мне, сказал: «вообрази себе, как торжественна долженствовала быть та минута, когда однажды уже в позднейшие века, близкие к нашему, все сии мертвые во Христе откликнулись на голос одного живого! – Некто Дионисий, настоятель сих пещер, движимый любовью к преподобным, сошел в день Пасхи покадить усопшую братию, дабы и самому иметь общение их духовной радости. Здесь, посреди этой самой трапезы, он сказал им с простою верою от избытка сердца: «святые отцы и братья, сего дня великий день, Христос воскрес!» – и внезапно все они громогласно ему ответствовали: «воистинну воскрес!» ибо смиренные кости их возрадовались ц по смерти, о Бозе живе, и явили в себе Его жизнь.»

После сего утешительного слова мы возвратились опять, мимо тех же телес преподобных, на прежний путь наш по направлению третьей подземной церкви и достигли сперва гроба св. епископа Суздальского Симона, взошедшего на кафедру из сих же пещер, который вместе с Нестором летописцем потрудился в составлении житий Печерских. Почти против него, подле исповедника Оннсифора, почивает в серебряной раке Никон, третий игумен Печерский, преемник блаженного Феодосия, которого он сам постригал, ибо прежде него разделял подвиги иноческие с великим Антонием; временно удалившись в свою Тмутараканскую обитель, он опять был вызван по гласу братии в настоятели лавры. За преподобным Никоном, ближе к церкви, Феофан постник, Макарий, Анастасий диакон и Авраамий затворник, коих известны только одни имена. Там же, в отдельном покое, почивают и двенадцать братьев каменосечцев, трудившихся над зданием соборной церкви. Предание гласит, что все они, кроме последнего, отошли к Господу в один день; когда же двенадцатый увидел братию свою уже во блаженном успении и хотел возлечь вместе с нею на вечный покой, – он не нашел

себе достаточного места, и одна нога его осталась согбенною под мертвенным покровом.

Мы взошли в преддверие третьей подземной церкви, которая подле Варлаамовой, ибо здесь оканчивается пещерный круг. Она древнее двух первых и восходит к началу ближних пещер; там поклонились мы мощам четырех преподобных: Псаакию, столько испытанному в затворе страшными искушениями демонскими; Никону сухому, чудно избежавшему Половецкого плена во спасение тому, кто его пленил; черноризцу Илии, прозванному Муромцем по месту своего рождения, и младенцу Иоанну, сыну Варяга, убиенного идольскими жрецами еще до времен Христианства Руси. – Внутри же самой церкви, празднующей Введению во храм Божией Матери, покоятся два угодника из числа иноков Печерских: Ефрем, епископ Переяславский, и Тит пресвитер, дивно исцеленный, ради милосердия своего к оскорбившему его брату. Сим назидательным образцом заключается ряд преподобных в ближних пещерах великого отца их Антония.

Когда мы взошли в церковь, там служили молебен всем преподобным Печерским, и особенно младенцу Иоанну; к его ходатайству прибегали скорбные родители, лишившиеся чад своих, умоляя о благословенном чадорождении: ибо такое предание искони сохранилось в пещерах. Утешительно было слышать красноречивые стихиры и канон преподобным на самом месте их гробового покоя, с призыванием каждого по имени и при напоминании их подвигов, то в частной, то в общей к ним молитве.

«Постницы богомудрии, вас не потаила есть земля: Бог бо изъяви вас во всех концах вселенные, чудеса изливающих: – Тому помолитесь даровати душам нашим мир и велию милость.»

«Радуйся тучнейшая Божия горо Печерская, усыренная Духом! радуйся раю насаждений бессмертных! в тебе бо благоволи водворятся всегда Бог наш, обогащающий тя чудес излиянии, яже источавши преподобными Его.»

«Христоролюбивый граде Киев, в Бозе ликуй веселяйся, содержащ яко многоценное сокровище, Граждане твоя в недрах

твоих, святые постники же и мученики.»

«Пещеру разбойников святилище сотвори Израиль: постницы же разбойников обитания храмы Божия соделаша.»

«Криле голубине от Бога приемше, возлетесте в Божия упокоения, преподобнии духом.»

«Егда снисдете во гробы и самех себе заключисте, тогда страсти умертвивше плотския, спогребостесь Христу, Богоноснии, и диавольския в подземных разрушите ограды; сего ради Ангели венцы с небес вам подадут.»

«Молите Бога о нас, преподобнии отцы наши, Антоние и Феодосие, и вси преподобнии Печерский, яко мы усердно к вам прибегаем, скорым помощником и молитвенником о душах наших.»

При выходе из церкви, Владыка, зачерпнув святой воды в медный крест Марка пещерника, вкусил сам и дал мне ее пить, говоря: «подивись воздержанию преподобных; они умеряли себя не только в пище, но и в питии, принося в жертву Господу даже самые невинные свои хотения и до конца сокрушая плоть свою, воистинну как земные Ангелы и небесные человеки.»

Тогда мы вышли из спасительных пещер, но не тем устьем, которым в них спустились; прямо из подземелья открылась пред нами верхняя церковь Воздвижения честного креста, наполненная народом во время поздней литургии, и первое, что поразило слух наш после безмолвия пещерного, была Херувимская песнь, оглашавшая своды храма сими назидательными словами: «всякое ныне, ныне житейское, отложим попечение, отложим попечение!» Невозможно было более во время внять сему предостережению Церкви после всего, что открылось нам в недрах земли. Народ столпился около своего Архипастыря: но он приложился только к чудотворной иконе Казанской Божией Матери и поспешил из церкви, чтобы не отвлечь к себе внимания паствы, которая жадно стремилась за его благословением.

«Мы посетили ближние пещеры Антониевы, сказал он мне на паперти храма, теперь спустимся и в дальние преподобного Феодосия, дабы и там поклониться святым угодникам, нетленно почивающим в сем первоначальном жилище подвижников

Печерских; ибо оттоле возникла вся сия великолепная лавра, которую теперь видишь пред собою».

Пройдя малое пространство на дворе монастырском. взошли мы в длинную крытую галерею, простирающуюся почти на сто сажен между ближними и дальними пещерами, которая в виде моста смело перекинута чрез глубокий овраг, их разделяющий. Вся она усеяна была нищею братией, сею внешнею стражею священного подземелья, которая невольно, хотя и неприятно, напоминала о всех бедствиях, каким может подвергнуться человечество, и чрез то возбуждала к смирению. Некоторые между ними точно докучливы и искушают терпение мимоходящих, но другие поистине назидательны, особенно слепцы; именем Иисуса Христа живо напоминают они о том слепце, которого вопли к Сыну Давидову напрасно старалась заглушить толпа, доколе не призвал и не исцелил его Господь. Есть между сими убогими старцы, которые в течение целого дня сидят на пути богомольцев и не просят милостыни, а только читают в слух Псалтирь или акафист, не обращая внимания на мимоходящих, ни на подавание, которое им бросают. Как сильны в устах их сии трогательные слова акафиста сладчайшему Иисусу: «Иисусе, судия живых и мертвых, Иисусе, надежда ненадежных, Иисусе, утешение плачущих, Иисусе, нищих одеяние, Иисусе, всех защищение, Иисусе, вдов заступление, Иисусе, сырых защитниче, Иисусе, труждающихся помощи, Иисусе, странных наставниче, Иисусе, славо нищих, Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя». Вся сия длинная вереница нищих и увечных по обеим сторонам деревянной галереи есть как бы одна живая строка Евангелия, начертанная человеческими буквами: «блажени мплостивии, яко тии помиловали будут!»¹⁰ и счастлив тот, кто без ропота и с терпением, проходя мимо, будет вспоминать сии кроткия слова Судии небесного: «аминь, глаголю вам, понеже единому братий сих Моих меньших сотвористе, Мне сотвористе»¹¹.

При окончании галереи, настоятель дальних пещер с двумя монашествующими встретили Владыку. чтобы облегчить ему восход к церкви, стоящей на вершине холма над самыми пещерами. Она устроена уже в позднейшие времена во имя

зачатия св. Анны на том месте, где стояла прежде первая деревянная церковь Успения Богоматери, которую соорудил преподобный Феодосий с благословения святого аввы Антония, когда уже подземная не могла вмещать в себе многочисленной братии. Из нее есть крутой сход в пещеры, но он до такой степени тесен и неудобен, что принуждены были сделать иной вход с восточной стороны; от церкви устроена к нему внешняя галерея, которая многими ступенями спускается с вершины холма в малый покой, служащий преддверием пещере. Оттоле со свечами в руках, предшествуемые игуменом, спустились мы опять в недра земли, и здесь уже ощутительнее была сырость по близости Днепровских вод.

После довольно долгого хода в подземелья, ничем не ознаменованного, мы достигли до трех затворов преподобных Порфирия, Афанасия и Дионисия, жития коих, так как и всех прочих угодников Печерских, почивающих в сих дальних пещерах, не записаны в Патерике, а только имена их соблюдаются священным преданием. – Но сколь велико было мое изумление, когда после сих затворников первый, открыто почивший угодник, представился мне Феофил, знаменитый Архиепископ Новгородский, заточенный в Чудове монастыре при покорении Новгорода Иоанном III, и которого могилу указывают доньше в Софийском соборе. Мое недоумение вскоре разрешилось, ибо я узнал, что на одной старинной иконе, находившейся при мощах Феофила, записано было следующее предание: «Великий Нифонт, епископ Новгородский, почивающий в ближних пещерах, явился собрату своему Феофилу во время его болезни и напомнил данный обет: поклониться преподобным Печерским. Уже он приближался по Днепру к Киеву, когда болезнь усилилась, и Святитель Новгорода имел при последнем издыхании откровение от Господа, что сам он не доплывет живым до желанных пещер, но тело его упокоится там вместе с преподобными, и так исполнилось над ним сие пророчество.»

Четыре преподобных Печерских: Зинов постник, Григорий чудотворец, Ипатий целебник и священномученик Лукиян, почивают между ракой последнего Архиепископа великого

Новгорода, избранного на Вече, и современным ему князем Феодором Острожским, который не менее своего славного внука, князя Константина, подвизался за православие в тяжкую годину гонений Латинских и окончил в схиме подвиг, начатый в мантии княжеской. – Несколько далее, пройдя мощи диакона Мартирия и схимника Илариона, около затвора преподобного Лаврентия, закладен вход в древние Варяжские пещеры, ибо опасно проникать глубже в сии неведомые подземелья, простирающиеся, как полагают, даже под самый Днепр и частью обвалившиеся. Поклонившись еще св. мощам чудотворца Моисея, болезненного Иосифа и схимника Сисоя, Митрополит остановился пред одною ракой и сказал: «вот и преподобный Нестор некнижный, отличенный сим смиренным названием от летописца, И так есть у нас Нестор книжный, есть и некнижный, дабы и простые люди утешились тою мыслью, что не многим учением, а многими трудами, верою и любовью достигнем небесного царствия».

Преподобный Нестор почивает у входа в малую подземную церковь Благовещения, которая едва ли не была древнейшею из всех пещерных; ее ископали еще святые отцы сих подземелий, ибо к ней направлен крутой спуск из верхней церкви Зачатия, заменившей подземную, и недалеко от нее древние Варяжские пещеры; да и вокруг оной в большом количестве стеснились преподобные посмертные жители сих вертепов, начиная от затворника Пафнутия и до воина Тита: от его гроба открывается иной переход в другую часть подземелья. Здесь же, недалеко от церкви Благовещения, положена и святая игуменья Евфросиния, дочь князя Полоцкого, которая скончалась во время своего странствования в Иерусалиме и перенесена была в Киев братьями, ей сопутствовавшими. Пимен постник и святой младенец Леонтий, канонарх Печерский, почивают открыто в обширном преддверии церкви преподобного Феодосия, которая устроена уже в начале XVII века, по описанию Кальнофойского, и соединяется длинным переходом с церковью Благовещения: галерея сия также освящена телесами преподобных.

«Посмотри, сказал мне Владыка, какие отроки, невинные по самому возрасту, достигали трудными подвигами до небесного царствия в нашей святой лавре». Так говоря, он ввел меня в келью, подобную Антониевой, какую видел я в ближних пещерах, с каменным ложем в углублении, над коим теплилась лампада. «Это келья преподобного Феодосия, сказал с умилением Владыка, простершись пред его ложем; это место освящено подвигами его долголетней иноческой жизни; здесь сердце лавры» – Помолчав немного от избытка чувств, преисполнивших сердце, он продолжал: «скажи Преосвященному Московскому, когда его увидишь, что медлит он посетить святыню Печерскую? При освящении храма, что над гробом преподобного Михея, не он ли жаждал видеть, хотя на минуту, убогую келью Сергиеву в том виде, как она была во дни преподобного, подышать ее воздухом, еще трепетавшим молитвами святых!... но в лавре Сергиевой уже нет и следов его кельи: указывают одно лишь место ее, великолепно украшенное. А здесь, здесь все еще дышит простотой времен Феодосия: посмотри, это собственные стены его кельи; нельзя было изменить их, они ископаны им в земле! – Это его, его ложе; на этом помосте он молился, здесь он плакал, и этот праг точно истерт ногами святых. Скажи ему, что же медлит посетить нас? – Здесь утолилась бы его благочестивая жажда! здесь, вместе с сладкою памятью уже усопших во Христе преподобных, обретет он и искреннюю любовь еще живой своей собратии ».

Глубоко тронутый, молча, следовал я за Владыкою из кельи преподобного Феодосия вдоль тесного перехода, идущего кругом его церкви. Несколько праздных углублений, изготовленных для св. мощей, видны были по сторонам в стенах пещерных. «Места есть еще, но по грехам нашим ныне уже не кем их исполнить, сказал со вздохом Владыка, проходя мимо, и этот отрок нас обличает!» Он указал на мощи Геронтия, другого канонарха Печерского. – Захарий постник, схимник Силуан, Агафон чудотворец и Игнатий, архимандрит Печерский, почивают еще в том же переходе, на конце коего достигли мы до бывшего гроба преподобного Феодосия против входа в

церковь Рождества Христова. – Гроб сей устроен в углублении, совершенно по образцу Антониева: лик преподобного изображен на доске, и богатое паникадило освещает по сторонам три иконы: Богоматери и святых основателей лавры в серебряных ризах. – В темноте подземелья, в полусвете лампы невольно вспомнил я над гробом преподобного живой и пространный рассказ Нестора летописца об открытии святых мощей Феодосия, восемнадцать лет после его блаженной кончины.

«Истинно и верно расскажу вам, говорит Нестор, ибо не от других о том слышал, но сам был начальник делу сему. Пришел ко мне игумен (Иоанн) и сказал: пойдем чадо к преподобному Феодосию, и мы пришли в пещеру тайно от всех: рассмотрев же место, назнаменовали, где раскопать, и удалились. Тогда игумен сказал мне: возьми с собою, кого хочешь, чтобы помог тебе, но кроме тех никому не говори, чтобы никто из братии не узнал, доколе не вынесем св. мощи из пещеры. Я устроил в тот же день орудия для копания: это был вторник, и в глубокий вечер взял я с собою двух из братьев, мужей чудных в добродетели; тайно ото всех мы пришли в пещеру, где, сотворив молитвы с поклонением и воспев псаломное пение, устремились на дело. Я начал копать и, много потрудившись, вручил лопату другому: но, копая до самой полуночи, мы не могли обрести честных мощей святого и стали много скорбеть, испуская слезы из очей, ибо помышляли, что святой не благоволит себя нам явить; и вот пришла нам иная мысль: не копать ли нам с другой стороны? – Тогда я опять взял орудие и стал прилежнее копать; один из бывших со мною братьев стоял пред пещерою и, услышав било церковное, ударяющее к утрени, возгласил ко мне, что уже ударили в церковное било. Я же прокопал тогда над честными мощами святого и отвечал ему: прокопал и я уже, брате! Когда же прокопал, внезапно объял меня страх великий, и я начал взывать: преподобного ради Феодосия, Господи, помилуй мя! – Потом послал к игумену сказать: прииди, отче, да изнесем честные мощи преподобного, и пришел игумен с двумя из братьев: я же прокопал более и, наклонившись, увидел мощи святолепно лежащая: ибо составы

были все целы и непричастны тлению, лице светло, очи сомкнуты и уста, власы же присохли ко главе; и так, возложивше на одр честные мощи святого, мы вынесли их из пещеры.»

Церковь Рождества Христова весьма древняя, ибо она ископана была руками преподобных Печерских, смежна с церковью святого Феодосия; но мы не взошли в сию последнюю, потому что она была наполнена народом, который в ней оставался после литургии для слушания панихиды; ибо благочестивые поклонники особенно любят совершать их в пещерах, там, где столько нетленных угодников свидетельствуют о грядущем воскресении. У входа в церковь Владыка помазал меня миром, истекавшим из одной мироточивой главы, пред коей горела свеча в углублении пещеры. Потом в преддверии церкви Рождественской мы поклонились благоговейно части мощей одного из младенцев, убиенных Иродом в Вифлееме, которую Патриарх Иерусалимский Феофан принес в благословение лавре; наконец приблизились к последней раке Лонгина, вратаря Печерского.

«Вот и вратарь блюдет врата пещерные, сказал мне Владыка; им заключается ряд стольких преподобных. – Ты видел пред собою целый подземный мир христианский и все степени церковные: святителей, пресвитеров, диаконов схимников, затворников, мучеников, благочестивых жен и дев, отроков и даже воинов: от князя до последнего вратаря, все здесь обретается, иногда же князь и вратарь в одном смиренном лице, как преподобный Никола, Святоша Черниговский. Всех призывает ко спасению Господь, всем хочет спастися и в разум истины приити, лишь бы только шли на спасительный зов сей. Памятуй виденное тобою и молитвами преподобных Печерских да обрешь и ты спасение.» При сих назидательных словах вышли мы из подземной церкви Рождества Христова, как бы из вертепа Вифлеемского, и, поднявшись несколькими ступенями к восточному устью дальних пещер, вступили опять в малое их преддверие, а оттоле на открытый балкон, висящий над Днепром.

Как выразить все, что поразило взоры, что взволновало душу при столь внезапном переходе из мрака пещерного на Божий свет? – Первое чувство была безотчетная радость, первым действием свободный вздох! – расширилась грудь и жаждала напитаться этим чистым ароматическим воздухом, который стал отогревать ее после сырости подземной; глубокие внутренние помыслы на минуту уступили впечатлениям внешним; но они были невинные, детские: все утешало в природе, и на ее приветливую улыбку невольно улыбалось сердце: человек делался ребенком! – Никогда краше не представлялась мне Божия вселенная: ярче сияло солнце и прозрачнее струился синий Днепр; как некое море, расстилался он пред глазами, которые только что освободились от тесноты пещерной и весело разбегались вниз и вверх по его привольному простору; беспредельным казалось лесистое Заднепровье под легким полуденным паром яркого небосклона. – Это было далеко, далеко, как бы в другом мире, на который я смотрел из своего пещерного устья. А под самым навесом, где я стоял, какая пышная зелень по диким обрывам, бегущим к реке, какие белые хижины живописно раскинуты по утесам! – Глубоким Днепром резко отделяется Киевский мир, проникнутый своею святыней, и полуденный край, дышащий своим роскошным воздухом, от противоположной, как бы чуждой стороны. Я стоял неподвижно под легким шелестом листьев нависших надо мной тополей; я вглядывался все глубже и глубже, в эту очаровательную картину, которая как будто меня оковала, когда услышал за собою голос: «а царствие небесное лучше!» – Невольно вздрогнул я и оглянулся: позади меня стоял Владыка и с кроткою отеческою улыбкой смотрел, как я любовался внешними красотами природы. «Так ли скоро забыты пещеры? сказал он; все это оставили отшельники, чтобы заключиться в недра земли; теперь ты лучше поймешь их подвиг. – Но время уже нам возвратиться.» и мы медленно пошли по крутому восходу тех же длинных галерей в св. лавру.

Так совершилось первое мое хождение в подземные обители преподобных Печерских; следующие дни я посвятил осмотру храмов и обителей старого Киева, отложив посещение

самой лавры до того времени, когда переселился сам в ее стены.

III. Храм Первозванного

Станем на горах Киевских, там, отколе, по выражению преподобного Нестора, пошла Русская земля: ибо свет истины, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, есть и духовное начало всякого царства! – Поклонимся тому месту, на коем стояли священные стопы Апостола, просветителя Руси! воскликнем ему от полноты сердца вместе с Пророком: «коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая!» ибо, действительно, «во всю землю изыде вещение их и в концы вселенные глаголы их»! – О как драгоценно для сердца каждого Русского сие отечественное предание! – Первозванный из Апостолов идет во мрак Скифии, в край ему неведомый, но ведомый Богу, предъизбравшему Себе и в нем верных служителей, как между прочих языков. Вверх пустынной реки Ворисфена идет он не по дикому ее берегу, а по самым волнам, которые стелются влажною стезею пред учеником Того, Кому дана всякая власть на небеси и на земли. На вершине одного из холмов Киевских водружает Андрей победную хоругвь, крест искупления, с пророческим словом: «что на сих горах воссияет благодать Божия, и град великий возникнет, и церкви многие воздвигнет в нем Бог.» – И вот тысяча лет, которые пред Богом, как день вчерашний, уже протекший, или как одна стража ночная, – миновались, и предки наши увидели событие слов Апостольских, которому доселе дивимся мы, их позднейшие потомки. – Так не упадает тощим на землю ни один глагол Божий, и крест, насажденный Апостолом, разросся спасительным древом, осенившим собою целую Русь!

На старом Киеве ударяли ко всенощной, у св. Софии и в обители Архангела, по случаю праздника Всемилоственного Спаса: но, минуя древние святилища, предпочел я идти в храм Первозванного, чтобы там присутствовать при торжественном изнесении честного креста, которое совершается на сей всенощной; я хотел поклониться кресту на том месте, где впервые водрузил его Апостол в отечестве нашем. Хотя великолепна самая церковь по чрезвычайной красоте и

смелости своего зодчества: но убогое священнослужение, по бедности причта, не могло бы, казалось, произвести того впечатления, какое невольно проникает душу при внешнем благолепии; ибо и оно необходимо для возвышенных обрядов православной Церкви. Когда же однако при тихом пении: «Святый Боже,» священник поднял с престола крест, увенчанный цветами, и вынес его из алтаря на средину церкви: когда потом простерся он пред сим залогом нашего спасения, приглашая к тому же всю Церковь: «кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим!» – невольное умиление проникло в сердце. Все отечества языков призывались к поклонению спасительного древа, на коем распят был за нас Царь славы, и наше Славянское племя в числе прочих языков: здесь же, на горах Киевских, было первое ему поклонение обновленных верою предков наших! Не этот ли холм Русская Голгофа? – не из расселины ли этих гор воскресли мертвые читатели Перуна, чтобы радостно поклониться живому Богу, когда раздралась и для них завеса мрака языческого, и благодать Божия воссияла на их горах, по слову Апостола!

Отрадно слышать и родственные имена святых угодников, к заступлению коих притекает Церковь в своих молитвах на самом том месте, где они подвизались при жизни или упокоились после блаженной кончины. – Невольно вздохнешь при имени равноапостольных Владимира и Ольги, которые почивают за несколько шагов под сводами Десятинной церкви, и двух первых страстотерпцев из числа князей Русских, здесь же воспитанных в тереме отца их Владимира, и св. князя Игоря, который наследовал ту же участь и тот же венец. – Не в соседней ли обители Михайловской девственные мощи Великомученицы Варвары? не у святой ли Софии священномученик Макарий, Митрополит Киевский? А первый святитель всея Руси Михаил и великие труженики Антоний и Феодосий с ликом всех преподобных Печерских не охраняют ли доселе своими молитвами и священную лавру и богоспасаемый град? – Все здесь так близко, что готовы, кажется, откликнуться на первый молитвенный зов; ибо сии небесные граждане и в

гробах своих еще остались гражданами земной своей отчизны. Они были первыми поселенцами Киева, они и последними: к ним, а не к современникам, стекаются доныне усердные поклонники.

По окончании всенощной, священник пригласил меня в алтарь, чтобы посмотреть на горнем месте прекрасную икону Вечери Тайной, которую, как говорят, писал знаменитый Леонардо да Винчи, а пожертвовала храму Первозванного Императрица Екатерина. Время и сырость уже много испортили сей замечательный образ. Я спросил о времени построения самой церкви, вполне достойной зодческого гения графа Растрелли и благочестия Императрицы Елисаветы.

«На будущий год должны праздновать юбилей сего храма, отвечал мне отец Иаков, если только считать от его заложения, потому что это здание совершилось не менее как в двадцать три года от чрезвычайной глубины фундамента, превосходящей высоту церкви. Императрица Елисавета Петровна присутствовала сама при заложении храма, которое совершал знаменитый Митрополит Киева Рафаил.» Мне любопытно было узнать также: «что стояло прежде 1744 года на этом священном холме, отколе пролилось Христианство на Русь?» и он сказал: «сперва деревянная церковь во имя Воздвижения честного креста сооружена была неподалеку от нынешней, если не ошибаюсь, в начале XIII века Великим Князем Мстиславом Романовичем, а в XVI веке ее заменила каменная. – Впрочем, я сам здесь недавно, скромно прибавил собеседник, и не могу всего объяснить вам с тою подробностью, какой бы вы желали.»

Однако я просил его выйти вместе со мною на широкую паперть, окружающую церковь, чтобы с этой возвышенной кафедры разъяснить мне всю окрестность: ибо живописная паперть, поднятая на пятьдесят ступеней от вершины старого Киева, господствует над всеми окрестными холмами, и действительно подобна горней кафедре, отколе Апостол, как бы и поныне, проповедует Руси Евангелие царствия. – Несколько овец и ягнят, пробравшись сквозь разломанные перила с прилежащего вала, спокойно щипали траву, проросшую из-под камней помоста; церковные служители хотели согнать их, но я

просил оставить. Пусть эти мирные животные пасутся на своем горнем пастбище; они даже приличны тому месту, где первозванный Апостол проповедал Агнца Божия, вземлющего грех мира.

«Начнем с старого Киева, который открывается нам прямо против дверей церкви, сказал я, и потом мы пойдем, по чину церковному против солнца, кругом всего собора; здесь каждый шаг как бы отрывок летописи по священным воспоминаниям древности.» – Здание Десятинной церкви заслонило от нас великолепную громаду св. Софии, которая так украшает весь старый Киев; но, радуясь благолепию нового храма, я вспоминал однако с любовью о бывшей здесь убогой церкви над гробом равноапостольного Князя. – «Скажите мне, какие церкви видны вдали на право от Десятинной?»

«Одна Сретенская, где к чудотворной иконе Богородицы, радости всех скорбящих, собираются каждую субботу благочестивые жители Киева для слушания акафиста; а другая во имя Вознесения Господня стоит в предместьях Киева: обе недалеко от древних Львовских ворот, которые уже теперь не существуют.»

Мне пришло на мысль, что память их весьма соответствует титулу Галицкого, которое сохранили и доныне Митрополиты Киевские: оно свидетельствует, что в их кафедральном городе еще не забыта их древняя церковная область, некогда православный Львов.

«Может быть, вам неизвестно предание наше, продолжал отец Иаков, что палаты равноапостольного князя Владимира стояли на том месте, где теперь дом обновителя Десятинной церкви. Вот перед самою оградой Михайловской обители и первая церковь, основанная просветителем Руси во имя Ангела своего великого Василия на том холме, где стоял Перун. Здесь был и прежний спуск на Подол, известный под именем Боричева взвоза, по летописи Несторовой. Церковь сия после разорения Татарского была также обновлена Митрополитом Петром Могилою, который оставил по себе благую память во всех священных зданиях Киева.»

Я стоял и смотрел и безмолвствовал: вокруг меня носились призраки минувшего, и старый Киев восставал предо мною в полном смысле сего громкого имени: в понятиях моих смешалось различие дней и веков, и давнее было мне ближе недавнего: но языческий Киев Олега и Святослава невольно уступал в моем воображении благодатному Киеву Ольги и Владимира. – Терем, где еще отроком внимал он учению мудрой бабки и где в зрелом возрасте избрал себе ее веру: требище идольское, некогда обагренное кровью мучеников и сокрушенное им вместе с кумиром; первый храм, воздвигнутый князем уже не богу языческих отцов, но Богу Христианского своего потомства; самая гробница просветителя Руси, двигнувшего ее на стезю вечности, – все это под рукою, все можно почти осязать с того холма, где я стоял и где впервые водружен был крест Апостолом. Вот и величественный образ Ярослава подымается вдали над многоглавым собором, знаменуя место своего покоя и поприще славных подвигов долголетнего княжения. – Св. София, светлый венец Ярослава, уцелевший при распадении его столицы: она же и каменный щит, осенивший прах его! – И первый Митрополит Михаил, основатель златоверхой обители Архангельской, и великий ее довершитель Мономах, отделяясь от прочаго сонма Святителей и князей, как бы видимо стоят здесь на страже своих деяний в недоступном для нас величии: – так ожила внезапно древняя их столица своими бессмертными усопшими! – Я стоял и смотрел и безмолвствовал.

«Обратимся к востоку, сказал я наконец стоящему подле меня священнику, но прежде скажите мне: между малыми усадьбами старого Киева, окружающими Андреевскую гору, есть ли еще какое-либо праздное место?»

«О! я бы нашел место, если только угадал вашу мысль, радушно отвечал он; вот направо свободный участок, несколько пониже вала: есть и еще такой же по ту сторону церкви на самом спуске, и еще ниже в полугоре, где находится и вода; потому что родники, бывшие на вершине холма, проведены для безопасности здания в ископанный нарочно водоем. Он и доныне слывет Андреевским по местному преданию, которое

говорит, что ключ живой воды заструился впервые из-под животворящего креста, водруженного Апостолом. Вы его теперь видите под деревянным навесом, и над ним склонились густые ракиты. – Но все эти места слишком открыты для зимней непогоды: древняя усадьба св. Владимира на старом Киеве против крыльца церковного более бы удовлетворила вашему желанию.»

«Не хочу таить, что мирное пристанище под сенью моего Ангела посреди воспоминаний отечественных и церковных было часто мечтою юношеского воображения; так люблю я мечтать и теперь в виду древних святилищ; – но мы опять отклонились от нашей цели. Как величествен этот широкий Днепр с своими пустынными островами и, как живописен этот дольний город, кипящий жизнью у ног наших.»

В самом деле, трудно вообразить себе картину, более очаровательную той, какая открывается во все стороны и особенно к востоку с паперти Андреевской церкви. Зеленый обрывистый скат горы усеян белыми хижинами и огородами, между коих пасутся на свободе легкие козы. У подошвы горы красивый город Подол, наполненный обителями и церквами, широким мысом вдается в мимотекущий Днепр. С высоты паперти можно видеть, как на развернутом плане, направление всех его улиц и даже следовать за идущими по их изгибам. Вправо, по ту сторону величественной реки, необъятная лесистая дебрь теряется за дальним небосклоном; влево, по сю сторону вод, цветущая долина тянется вдоль берега у подножия лесистых холмов, расположенных амфитеатром и разрезанных глубокими оврагами. Подгородные слободы Киева и веселые дачи с колоннадами итальянских тополей оживляют сию роскошную долину, но которой струится малая речка. Гора Щековица, место погребения Олегова, увенчанная церковью всех святых, и несколько далее белая обитель Кирилловская, вся в рощах, образуют ближний край долины; а на дальнем конце ее подымается из-за лесов над самым Днепром другая летописная гора Хоревица с Вышгородом, бывшим некогда селом Ольги. Заходящее солнце довершало очарование, последними лучами позлащая бесчисленные купола и кресты и

своенравными красками расписывая беспокойные воды Днепра. Но уже легкая пелена туманов выпарилась из глубоких оврагов, как розовая завеса, готовая задернуться над дивною картиной природы.

«Эта речка, которая так извивается по долине, есть знаменитая Почайна, или, лучше сказать, только ее вершина, сказал мне священник. Во времена благоверного Князя Владимира она текла под самою горою и впадала в Днепр около того места, где теперь воздвигнут памятник Крещатика; узкая коса отделяла ее от реки, но место это, затопляемое в полную воду, мало по малу смывалось; не более однако ста лет, как прокопали канал из Днепра прямо в Почайну на вершине косы, и нахлынувшая вода совершенно уничтожила бывшее между ними расстояние. Самый Днепр часто меняет глубокое русло свое, и даже на моей памяти еще главный проток его шел гораздо далее за этими островами. Видите ли вдали малое озеро или, лучше сказать, пруд в долине? – Он называется Иорданским по имени обители, уже не существующей; а монастырь так назван был оттого, что в древние времена сосуд, брошенный одним поклонником в Иордане Палестинском, чудным образом обрелся в монастырском кладезе.»

Я попросил радушного моего собеседника назвать мне самые замечательные обители и церкви Подола, чтобы по крайней мере иметь общее о них понятие: мне хотелось одушевить в моем воображении эту каменную массу безымянных зданий воспоминаниями летописными или присными именами святых!

«Первое и лучшее здание, возвышающееся на середине Подола, сказал он, есть академия духовная или монастырь Братский, устроенный, как вам известно, с благословения Патриарха Цареградского Иеремии для просвещения южной Руси и охранения ее от латинства. Вот и старая бурса, сооруженная благодетелем обители, Митрополитом Петром Могилою, ближе к Днепру между двух церквей набережного Николая и Илии Пророка. Предполагают, что сия последняя стоит на месте древней, о коей упоминает Нестор в своей

летописи, над ручаем, где присягала Христианская Русь во времена Игоря. – После Братского монастыря замечателен Петропавловский, переходивший из рук в руки: он был выстроен латинскими монахами и отдан православным, когда Малороссия присоединилась при Царе Алексее Михайловиче; потом некоторое время принадлежал братии горы Синайской и наконец обращен в семинарию. Вы его видите влево от академии, и подле него примыкает к самой горе своими позлащенными куполами женская Флоровская обитель, которая была переведена сюда из крепости Печерской. Вся гора Киселевка, достояние обители, обращена в плодоносный сад, куда отшельницы приходят подышать чистым воздухом из душного города и полюбоваться с вершины горной прекрасными видами Днепра, Между обоими монастырями стоит довольно обширная церковь, которая пользуется особенным уважением Николы Притиска; она так названа потому, что однажды вор, хотевший ее ограбить, был притиснут сводом упавшего окна. – Есть и еще одна церковь на Подоле во имя Святителя Николая, под названием Доброго; ибо к сему великому угоднику, как к доброму пастырю, притекают молитвенно граждане Киевские, и его святая память преимущественно чтится в нашем благочестивом городе. Вот она совершенно под нами, рядом с другою церковью, довольно нарядного зодчества, во имя Покрова Божией Матери, на основании древней Армянской церкви; а позади них малое подворье Екатерининское, принадлежащее ныне горе Синайской. Взгляните на городскую площадь, окруженную многочисленными лавками: там стоит кафедральный собор Успения; судя по клади своих камней, едва ли не самый древний из храмов Подола, и близ него колодезь, на который совершаются крестные ходы; а несколько далее церкви: Воскресения, князей Бориса и Глеба и Введения Богоматери, бывшая св. Власия, на месте капища Велесова. Посмотрите теперь на обе оконечности Подола от Крещатика к Оболонью, которое тянется вдоль горы Щековицы: – они обозначены также церквами Рождества Христова и равноапостольных Царей Константина и Елены; по соседству первой к месту крещения Руси всякий год в день памяти ее

просветителя совершается из сей церкви крестный ход на Крещатик. – Теперь я назвал вам все храмы Подола, который, как вы сами можете видеть, не уступает в благочестии старому Киеву, судя по множеству своих святилищ. – Нужно ли еще называть вам дальние в предместьях: едва заметную церковь Иорданскую некогда обитель, и отдаленный монастырь Кирилловский, теперь обращенный в богоугодное заведение? – Мы уже обошли с вами всю паперть; посмотрите, до какой степени крут самый спуск горы Андреевской к Подолу, и как живописно раскинута слобода Кожемяки по расселинам утесов и на дне глубоких ущелий. – Вот и любимое кладбище жителей Киева на вершине горы Олеговой у церкви Всех Святых, которая господствует над всею окрестностью.»

Я взглянул к западу: солнце совсем багровое, лишенное всех своих лучей, закатывалось, как некий щит, за горный горизонт и обливало своим румянцем белую церковь на вершине Олеговой могилы. – Не такой же ли светлый щит повесил некогда витязь Русский на золотых вратах Царьграда?

IV. Святая София

Вечернее солнце, искавшее себе ночного покоища за могилою Олега, ярко озарило на следующее утро картину времен Владимировых: торжественное освящение вод Днепровских, как бы во дни первого крещения Руси. Митрополит со всем духовенством совершал торжество сие, отслужив прежде литургию в обители Братской. При веянии хоругвей под сенью древних священных икон на Иордани Днепровской, окруженной множеством лодок и толпами народа, отрадно было слышать церковные гимны, когда погружалось в воды знамение нашего спасения; отрадно было молиться и думать, что над Киевом и всею Русью сбылись и прорицание Первозванного Апостола, и сия молитва равноапостольного Князя: «Боже великий, сотворивший небо и землю, призри на новых Своих людей; дай им, Господи, уведать Тебя, истинного Бога, как уведали страны Христианския, и утверди в них веру правую и несовратимую.»

После гостеприимного обеда, который граждане Киевские давали от себя духовенству и властям в зале собраний, Владыка пригласил меня с собою в Софийский дом свой на старом Киеве. – Здесь мне представилось трогательное свидетельство любви народной к пастырю. Едва только услышали колокол Софийский, возвещавший о его приближении, как толпа богомольцев всякого звания и возраста устремилась в ограду; старики и старухи, задыхаясь, бежали вслед за каретою, чтобы только принять его благословение. «Откуда вы? спросил их с отеческою улыбкой Преосвященный, и в ответ ему раздались дальние и разноместные имена необъятной России: целуя руку святительскую, они крестились с радостью, что удостоились принять его благословение. «Батюшка, вели нам отпереть собор, еще до вечерни долго ждать», сказала одна старушка, и радушно отвечал Владыка: «велю открыть для вас, дети мои.» Он послал немедленно за ключарем, а между тем вошел со мною в прекрасный сад, прилегавший к дому.

«Утешительно видеть такое усердие в нашем народе, говорил мне Владыка: можно ли отказать в чем-либо людям, которые именем Христовым прошли такие пространства, чтобы только удовлетворить своей благочестивой жажде и поклониться святыне Киевской! – дай Бог, чтобы никогда не оскудела вера сия!» – Из сада вошли мы в архиерейские палаты, недавно обновленные после долгого запустения. Тогда явился ключарь, и Преосвященный поручил ему показать мне все достойное внимания в соборе Софийском, потому что сам он утомился долгим служением.

Прямо против дверей митрополии медные врата св. Софии. Древнее здание Ярославово, расширенное с обеих сторон двухъярусными притворами средних времен, величественно восстает в пятнадцатиглавом венце своем, как царственная мать всех святилищ Российских. Над нею и мимо нее протекли все бури, опустошавшие ее родную землю: внешняя своенравная масса ее зодчества свидетельствует о сонме веков, против натиска коих она устояла, как неодолимый утес посреди морских волн! – Но из ее таинственной глубины, из-под трепетного мрака ее уцелевших сводов доселе дышит святая, родная старина времен Ярославлих! – Переступи порог идохнешь иною жизнью; пусть замкнутся за тобою медные врата западные и за ними мир: иди все к востоку, к той Нерушимой Стене, которая осенила Собою Церковь и Русь от их начального востока и до нынешнего яркого полудня; и когда в алтаре соборном на сводах горнего места встретит тебя с воздетыми к небу руками Молитвенница земли Русской, Которой еще молился великий Ярослав, – тогда пади пред Нею в безмолвном восторге и выскажи Ей свое сердце, если есть еще слова в такие минуты!

Рост ее исполинский, как и все дела ее на святой Руси; Она стоит на золотом камне в незыблемое основание всех притекающих к ее защите: небесного цвета ее хитон, червлённый пояс, и на нем висит лентион, которым отирает Она столько слез; лазуревые поручи на воздетых к небу руках; золотое покрывало спускается с ее главы и перевешено в виде омофора на левое плечо, как знамение ее покрова, ширшего

облак, по гласу церковных песней; светлая звезда горит на челе Богоматери и две звезды на раменах, ибо Она Сама, Матерь Незаходимого Света, была для нас зарею таинственного дня! – Нерушимую Стеною слывет дивная сия икона в устах народа, ибо в течение восьми веков невредимо прошла она сквозь все бурные эпохи Киева; с нею вместе сохранилась и вся драгоценная мусия восточной стены алтаря Софийского от сводов и до горнего места: и доселе притекают верные к сему священному залогу первых времен спасения нашего «яко к нерушимой стене и предстательству.»

Белая полоса арабесков отделяет верхнее изображение Богоматери от среднего, Вечери Тайной, также из мусии и столько же уцелевшего. Под белою сенью на трех столбах стоит божественная трапеза, покрытая багряною пеленою с золотыми по ней цветами; на середине ее четвероконечный крест между золотого диска с раздробленным на нем Агнцем и серебристой звезды с копием; с обеих сторон трапезы два Ангела в белых одеждах осеняют ее золотыми рипидами. Художник, желая изобразить святое причащение под обоими видами по чину Восточной Церкви, представил на двух углах трапезы не один, но два лика Спасителя, совершенно сходные, в золотом хитоне и голубой хламиде, подающие с одной стороны части божественного хлеба, а с другой божественную чашу двенадцати Апостолам; они подходят один за другим по шести с каждой стороны, преклонив благоговейно главы и простирая руки для принятия таинственной пищи. Над ними начертаны черною мозаикою по-гречески слова Евхаристии: «приимите, идите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое, во оставление грехов, и пейте от нее вси, сия есть кровь Моя нового завета, яже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов.» Так в одно время и взоры и сердце наслаждаются таинственным созерцанием божественной вечери, и по словам писания: «не может око насытиться зрением, ни ухо слышанием.»

Третий нижний ярус мозаических икон отделен также широкою полосою арабесков от среднего. Здесь уже представлены по сторонам древнего горнего места, как бы в

помощь и сослужение восседающих на нем Святителей, ближайшие преемники Апостолов, служители и страстотерпцы проповеданного ими слова Божия: с правой стороны архидиакон и первомученик Стефан в облачении своего сана, держа в одной руке кадило, а левою прижимая к сердцу камень, его соединивший со Христом; подле него ряд Святителей: чудотворец Николай, Григорий Богослов, Климент папа Римский, глава коего принесена была из Корсуни просветителем России, и обличитель ересей Епифаний. По левую же сторону архидиакон Римский Лаврентий, принесший себя во всесожжение Господу, с кадильницею в руках, и рядом с ним великие учителя Церкви: Василий, Златоуст, Григорий Нисский и соименный ему чудотворец Кесарийский, от коего сохранился нам первый символ веры. – Имена их начертаны по гречески отвесно подле каждого лика: все Святители в облачениях епископских держат в руках евангелия различного вида. Нижняя часть мозаиков уже отпала и они дописаны красками по стене; но несколько ниже еще сохранился мраморный карниз, под коим набраны более грубою мусиею разноцветные кресты в пестрых дугах. Своды алтаря расписаны новыми изображениями блаженств и добродетелей евангельских, ветхозаветных Царей и Пророков и ликами Архангелов.

Сладостное чувство наполняет душу внутри алтаря Софийского: и благоговение к святыне и любовь к родине. Самая близость минувшего, которое вместе так свежо и так старо, производит утешительное впечатление на сердце, ибо век Ярослава пред очами, как бы современный, и слава древней Византии, завещавшей нам залог веры, отразилась в нашей св. Софии. Не напрасно послы Владимировы говорили князю: «когда привели нас Греки в то место, где служат они Богу своему, мы не знали где мы: на небе или на земле? ибо, поистине, нет на земле ничего подобного, и мы не можем забыть виденной нами красоты; всякий человек, вкусив однажды сладкое, уже не приемлет более горького!» – Слова сии конечно запали в душу отрока Ярослава, когда пожелал перенести в землю Русскую это Софийское небо и, вступив на престол отеческий, соорудил он на поприще своей победы над

Печенегами подобие величественного святилища Цареградского.

Самый престол алтаря Софийского устроен из кипариса, по размеру гроба Господня, и обложен позлащенными досками. Сохранились еще остатки мусии на арке, ближайшей к иконостасу, с наружной ее стороны: обычная икона, Деисус, изображающая Господа посреди Своей божественной Матери и Предтечи с Греческою надписью вокруг: «Бог посреде Ее, и не подвядет, поможет Ей утро и заутра:» а на столпах, поддерживающих сию арку, образ Божией Матери с веретеном в руках и благовествующий Архангел со скипетром. Но, во время обновления храма Софийского, в новейшие века мало заботились о его драгоценной мусии: ибо высокий, раззолоченный иконостас, устроенный Митрополитом Рафаилом, совершенно закрывает Деисус и боковые иконы и даже то дивное изображение Пречистой Девы над горним местом, которое доселе составляет лучшее украшение всего собора. Должно предполагать, что во времена Ярославовы иконостас был гораздо ниже и не препятствовал стоявшим внутри храма наслаждаться зрелищем не только сей иконы, но и вечери тайной, написанной мусиею на восточной стене алтаря. Свыше иконостаса еще виден однако в дуге на золотом поле мозаический древний лик Спасителя и под куполом уцелели также образа: Евангелиста Марка и до половины Евангелиста Иоанна, и пятнадцать ликов мученических из числа сорока пострадавших в Севастии, которые все были изображены мусиею на боковых арках, поддерживающих купол. До сего лишь места доходило истребление и далее не коснулась рука времени и врагов; ибо Татары при разорении Киева в 1240 году, сломив до основания церковь Десятинную и соборную церковь лавры Печерской по самые окна, повредили только купол св. Софии; здание сохранилось, но пострадало от действия непогоды и долгого запустения.

Соборный алтарь еще сохранил отдельный жертвенник, по древнему обычаю Церкви православной, необходимому для порядка богослужения; но другое соответствующее отделение алтаря, называемое диаконикон, обращено было в позднейшие

времена в особый придел св. Богоотец Иоакима и Анны, где невозможно почти служить литургию по тесноте. Рядом с ним, с южной стороны еще три придела: в память чуда Архангела Михаила, Преподобных Печерских и Успения Богоматери. Недавно открыты на внутренних стенах боковых приделов и на западной стене соборной фрески XI века, хорошо сохранившиеся под пятью слоями клеевой краски. Они изображают девять ликов Святительских и Мученических во весь рост и одиннадцать поясных икон, совершенно сходных по одежде с теми мозаиками, какие доселе видны в соборном алтаре; это драгоценное открытие есть единственный остаток священной живописи первых времен Христианства в нашем отечестве. – По левую сторону алтаря Софийского также три новейшие придела в ряд один подле другого: трех Святителей Московских, бывший прежде во имя Григория Богослова, равноапостольного князя Владимира и Благовещения. Оба крайние придела, как с северной так и с южной стороны, устроены не ранее XVII века Митрополитом Петром Могилою, который поставил верхние галереи на двух нижних боковых присенках, чтобы предохранить внешние стены храма.

В одном из приделов северного притвора, посвященном памяти равноапостольного князя, почивает под сенью отеческою благоверный сын его, храмоздатель. Древняя Византийская гробница прислонена к стене алтарной: на мраморных илитах ее изображены пальмы и кресты, то отдельно друг от друга, то переплетенные вместе или смешанные с листьями дуба и винограда; в одном из пяти квадратов, на которые разбита лицевая доска памятника, две рыбы изваяны в верхних углах креста; вероятно, все сии надгробные украшения имеют какое-либо символическое значение, ныне утраченное. На остроконечном фронте изваян лабарум, чудотворное знамя великого Константина, с которым победил он языческий мир. Греческие буквы «ΙС. ΧС. ни ка» отпечатаны вокруг каждого из крестов в знамение новой победы, одержанной именем Господа Иисуса в языческой дотоле Руси, которой уже второй Самодержец отходил к

вечному покою под сенью спасительного креста и сооруженного им святилища.

Таков могильный памятник великого Ярослава, уцелевший чрез столько разорений его храма и столицы. Самое время не смело его коснуться, как бы уважая память славного мужа, упрочившего Церковь и царство. Огромно лице его в летописях наших: оно одно может стоять рядом с святым его родителем из всего потомства княжеского в Киеве, не исключая быть может и Мономаха. Если Церковь приняла в лик своих заступников равноапостольного отца, то она местно чтит в Киеве память благоверного сына, который оказал ей столько услуг, ибо он распространил просвещение духовное до дальних пределов расширенной им державы, воздвигая повсюду храмы, украшал их не только драгоценною утварью, но и переводами божественных книг и вместе с Русскою правдою заботился о соборных правилах для управления церковного. Твердые начала, положенные великим Ярославом, устояли против бури средних веков, даже когда временно распалась держава, собранная им во едино, и из-под величественной сени св. Софии светлое лице его доселе радуется исполнению его благочестивых предприятия.

Но где же прочие князья Киевские, о коих упоминает летопись, как о погребенных друг подле друга в мраморных раках у св. Софии? где сыны и внуки великого Ярослава? – Всеволод, более всех им любимый, которому часто говорил отец: «сын мой, благо тебе будет, ибо слышу о твоей кротости и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если даст тебе Бог воспрять престол мой с правдою после братьев твоих, а не насилием, то, когда отведет тебя Бог от жития сего, ты ляжешь, где Я лягу, у гроба моего, ибо я люблю тебя более братьев твоих.» Сбылось завещание отеческое, и Всеволод возлег подле славного родителя в один год с своим несчастным сыном Ростиславом, который бедственно утонул в реке Стигне, в час кровавой битвы с Половцами, пред глазами нежно его любившего брата Мономаха. – Но где они? где сам великий Мономах с добрым, но слабым сыном Вечеславом, именем коего прикрывались только честолюбивые племянники, чтобы

достигнуть великого княжения? – Все они должны быть тут в основаниях храма: но место гробов их неизвестно, хотя можно с большею вероятностью предполагать оное по соседству Ярослава в северном присенке, обращенном теперь в алтарь равноапостольного их предка, или под ближайшим приделом трехсвятительским. О сколь драгоценным сокровищем для Киева и всей Руси был бы гроб великого Мономаха, умиротворителя князей, собирателя царства, который сокрушил орды Половецкия и едва ли не превзошел Христианскими добродетелями царственные свои доблести! Кто не прослезится, читая его духовное завещание, которым он научал детей своих, как жить и царствовать, и которое они так дурно соблюли? С миром отошел к покою Мономах, и с ним закатилось солнце отечества; ибо после него Киев был только яблоком раздора и поприщем междоусобий до нашествия Монголов. Самая св. София, место упокоения Мономахова, была не раз ограблена собственными князьями Ольговичами, оспаривавшими наследие у его потомства.

И еще многих гробов недостает у св. Софии, но уже не княжеских, а святительских, ибо в течение ста тридцати лет служила она усыпальницею Митрополитов всея Руси, начиная от четвертого из них Феопемпта, который освятил храм при великом Ярославе, и до двадцать третьего Кирилла, собравшего Церковь Русскую после ее разорения Монголами. Бдительный пастырь в продолжение тридцатилетнего святительства странствовал из города в город по всей Руси, как голубица Ноева ковчега с масличною ветвью, необретшая места стояния ногам своим: но, умирая в дальнем Переяславле Залесском, завещал он погребсти себя под родственною сенью св. Софии, и свято была исполнена его воля. Последний из Митрополитов всея Руси положился он в древней их митрополии; преемник его Максим уже погребен во Владимире на Клязьме, а предшественник Иосифа без вести исчез в разорении Монгольском. – Предание местное не указывает гробов их, если только они положены были не в том же юго-западном углу собора, где полагаются теперь Митрополиты Киева.

Один однако из первосвятителей уже не всяя Руси, а только западной ее половины, заменяет собою стольких отсутствующих; ибо его нетленные мощи открыто почивают посреди храма, напротив придельного алтаря Архистратига Михаила. Это священномученик Макарий, возведенный из архимандритов Виленских в сан Митрополита уже после разделения иерархии Российской на Московскую и Литовскую. Два года продолжалось его святительство в Вильне, и когда, движимый благочестивою ревностью, предпринял трудное в те дни странствование по своей обширной епархии, он был мученически убит Татарами на пути к первопрестольному городу при реке Припети. Святые мощи его перенесли в собор Софийский, который жаждала посетить душа его, и с тех пор всякое первое число мая, в день его страдальческой кончины, при совершении крестного хода обносят их кругом всего храма, доныне им ограждаемого. – На противоположной стороне собора, против придела трех Святителей, кипарисная рака заключает с себе части св. мощей первых веков Христианства и св. угодников Русской земли, наипаче преподобных Печерских.

Но кому же празднует главный алтарь св. Софии, имя коей, присное Царьграду, сделалось присным и у нас: в Киеве и Новгороде, в древнем Полоцке, Вологде и даже в дальнем Тобольске, как бы освящая собою края необъятной империи? По сказанию летописи Византийской, первое наименование св. Софии внушено было Ангелом Императору Иустиниану, когда он строил великолепный храм свой, и сие таинственное имя знаменует Слово и Премудрость Божию, Самого едиnorodного Сына Божия! – Но другие объясняют оное изречением Соломоновых притчей: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь.» относя слова притчи к Церкви Христовой, утвержденной на семи таинствах, и к божественной Матери воплощенного Слова, Которому Она послужила домом. Посему и празднуется у нас св. София во дни, посвященные памяти Пречистой Девы, с тою только разницею, что в Киеве избран день Рождества Богоматери, когда устроился на земле дивный дом Премудрости Божией, а в Новгороде и в прочих городах день Успения, когда взят был на небо таинственный кивот,

вместивший в себе невместимого небесами. Различны и храмовые иконы Киева и Новгорода: в последнем Премудрость изображена в виде огнезрачного Ангела великого Совета на престоле с ликом Спасителя, знаменуемого сим Ангелом поверх его, имея по сторонам Богоматерь и Предтечу, а на облаках книга Евангелия посреди Ангельских ликов. В Киеве же икона св. Софии представляет Божию Матерь, стоящую на облаке и луне под сенью, которая утверждена на семи столпах и ступенях. На персях Пречистой Девы божественный ее младенец с державою, благословляющий сверху Бог Отец в сонме Ангелов и Дух Святой, от Него исходящий и осеняющий Пречистую Деву, а на вершине сени надпись Соломоновых притчей: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов семь.» – Пред Материю Божию стоят на ступенях Праотцы и Пророки: по правую сторону Моисей, указуя перстом на скрижали, где начертано: «радуйся скрижаль Божия, в ней же перстом Отчим написана Слово Божие» ниже его Ларон в ризе святительской с прозябшим жезлом своим, знаменовавшим Деву: еще ниже Царь Давид в порфире с кивотом завета в руках, который был образом нового таинственного кивота воплощенного Бога. На левой стороне Исаия Пророк с хартией своих пророчеств, указуя на слова: «се Дева приимет во чреве и родит Сына и нарекут имя Ему Еммануил.» – Ниже его еще три Пророка: Иеремия со свитком и Иезекииль с затворенными дверями храма в руках: ибо он пророчествовал, что пройдет ими Господь, и они останутся затворенными в знамение таинственного девства и рождения: и Даниил с камнем, который по словам его сам собою отсекся от горы и возрос в гору великую, исполнившую всю землю. Облако и ступени знаменуют добродетели евангельские, имена коих на них написаны, а на столпах названия семи различных дарований Духа Святого. Такова сия символическая икона св. Софии в древнейшем ее соборе Киевском, хотя едва ли не с большею вероятностью предполагать должно, что утраченный подлинник ее был написан по образцу Новгородского.

Есть и еще несколько приделов в храме Софийском, как в нижнем, так и в верхнем ярусе, которые все устроены в

позднейшие времена, потому что при Ярославе был один только главный алтарь соборный, по обычаю первенствующей Церкви. – В юго-западном углу нижнего яруса находится придел во имя двенадцати Апостол, а в северо-западном тот, что был устроен Митрополитом Гедеоном в 1689 году в честь Иоанна Предтечи, обращен теперь в теплую церковь Рождества Христова. В верхнем ярусе Софийских галерей есть восемь престолов, по четыре на каждой стороне: с южной во имя Страстей, Воскресения, и Вознесения Христовых, и первого их проповедника в России, Апостола Андрея: с северной же Богоявления и Преображения Господних, Иоанна Богослова и чудотворца Николая; стены сего последнего исписаны ликами храмоздателей Киевских: равноапостольного Владимира и великого Ярослава, Святослава сына его, строителя церкви Печерской, внука Всеволода, устроившего обитель Кирилловскую, и другого внука Святополка, соорудившего златоверхую, и еще двух князей, первых страстотерпцев Русских. На стенах же главной церкви Софийской изображены, по древнему церковному обычаю, семь вселенских соборов.

Нельзя однако по нынешнему состоянию собора Софийского судить о древней его славе времен Ярославовых, когда стены были великолепно украшены мусиею и фресками, а пол устлан мрамором, остатки коего еще кое-где видны на порогах. По двум мраморным столпам, которые стоят в западном притворе, и столбикам из порфира на хорах, равно как по их перилам с лилиями и орлами можно предполагать, что благочестивый храмоздатель ничего не щадил, дабы сделать подобие Киевское достойным образца Цареградского, хотя и не воскликнул, как Император Иустиниан: «я победил тебя, Соломон!» В малом виде старался он подражать Византийской Софии: и его церковь была крестообразною внутри, с двойными галереями по сторонам и одною со входа, так что можно было торжественно совершать крестные ходы из алтаря вокруг всего храма, не выходя из-под его крова. – Но не даром место основания собора было некогда полем битвы, ибо Киевская св. София пострадала более Цареградской; если же одолела все свои опустошения, как и Ярослав одолел Печенегов там, где

заложил храм свой, однако много терпела в течение стольких бурных веков и мало сохранила от прежнего своего великолепия: не только внешние враги, но и единокровные, дерзали подымать на нее руку.

Сто тридцать лет после сооружения св. Софии, в 1169 году Мстислав, сын Андрея Боголюбского, княжившего во Владимире, подступил с дружинами отца к Киеву и не пощадил святыни первопрестольного города: он ограбил сокровища собора и прочих церквей; тридцать лет спустя, страшный пожар опустошил митрополию. Протекло не более двадцати четырех лет, и явился новый разоритель, Великий Князь Рюрик Ростиславич с одиннадцатью Ольговичами, которые поставили его на престол отеческий, но расхитили за то церковные сокровища выданной им столицы. – Не успел еще Киев отдохнуть от сего бедствия, как нахлынули орды Монгольские в 1240 году и обратили его в пустыню. Варвары искали сокровищ не только в кладовых, но и в стенах церкви и во гробах. Софийский собор получил длинную трещину в своде алтарном. – Митрополиты Киевские уже не находили при нем себе пристанища: Кирилл завещал ему только прах свой; Киприан стал опять восстанавливать древнее здание, более полутора века после разорения, во время владычества Литовского, когда провел несколько лет на кафедре Киевской, в ожидании Московской. Следующие Митрополиты, поставленные Витовтом в отдельность от Москвы, обитали в Вильне при Великих Князьях Литовских и не заботились о древней столице. В 1482 году Менгли-гкрей, Хан Крымский, разорив Киев, нашел опять добычу в св. Софии и послал золотые сосуды ее в дар союзнику своему Иоанну III. – Унияты, овладевшие собором в последние годы XVI века, привели его в совершенный упадок в течение тридцати семи летнего обладания, ибо они заботились только о приписанных к нему вотчинах. Сын Господаря Молдавского, ревностный Митрополит Петр Могила, исхитил собор из рук Униатских и должен был много издержать на его обновление, ибо он угрожал падением. – Тогда надстроен был верхний ярус на древних широких папертях и еще две двухъярусные галереи, и подведены каменные наружные опоры, обезобразившие

здание; тогда же расширены окна и сделаны щиты и куполы, совершенно изменившие древний вид Ярославова храма.

Вся летопись главных эпох Софийского собора заключается в надписи, которая сохранилась доселе под его куполом вокруг сводов: «изволением Божиим нача здатися сей Премудрости Божия храм, в лето 1037, благочестивым князем и Самодержцем всея Руси, Ярославом Владимировичем; совершися же в лето 1039 и освящен Феонемнтом, Митрополитом Киевским, и даже до лета 1596 православными Митрополитами от Востока содержим бысть. В лето же то отступником Михаилом Рагозою в запустение и разорение преиде, и даже до лета 1631 в том пребысть. Благодатию же Божиею, егда царствовати нача Владислав четвертый, великий Король Польский, благочестивые Церкви Восточные сынам возврати и отдаде. В лето же 1634 тщанием и иждивением преосвященного Архиепископа, Митрополита Киевского, Галицкого и всея России, Экзарха фрону Константинопольского, архимандрита Печерского, Петра Могилы, обновлятися начат во славу Бога, в Троице славимого, аминь».

Со времен Петра Могилы собор обращен был в монастырь кафедральный; но братия его, хотя и довольно многочисленная, убого вокруг него помещалась в развалинах древних каменных зданий и в деревянных, часто страдавших от пожара. Новое устройство монастыря Софийского началось уже в исходе XVII века при князе Гедоне Четверти иском, избранном в Митрополиты Киеву после многих смутных переворотов южного края, когда древняя сия кафедра, с согласия Патриархов Вселенских, подчинилась навсегда Патриархии Московской. С помощью Самодержцев Российских, Иоанна и Петра, ревностный Гедон совершенно обновил собор Софийский и все прилегавшее к нему здание; он же перенес из Любеча две чудотворные иконы, Спасителя и Божией Матери, которым и теперь поклоняются благочестивые посетители на двух столпах южного притвора. Преемники его постепенно распространили и украсили окрестное здание монастырское. Варлаам основал новый дом митрополии против западных дверей Софийских, который окончил Рафаил, и, соорудив колокольню, обнес

оградой весь монастырь. Рафаил устроил также и богатый иконостас Софийский в нынешнем его виде, а Митрополит Тимофей, переведенный впоследствии на кафедру Московскую, довершил внутреннее украшение св. Софии.

Давно уже Митрополиты Киевские не погребались под сводами св. Софии; Гedeон, первый после Кирилла на расстоянии трех столетий, завещал опять положить себя в своей кафедральной церкви, и даже в том приделе, где покоился предок его великий Ярослав; ибо от племени храмоздателя происходит древний род князей Святополков Четвертинских. Замечательно, что оба обновители собора Софийского, Петр Могила и Гedeон Четвертинский, происходили от рода княжеского, и, казалось, были возбуждены чувством своего достоинства к поддержанию славного творения одного из величайших властителей Русских; но Петр Могила, как потомок чуждой династии Господарей Молдавских, не желал покоиться подле родоначальника Русских князей и завещал прах свой любимой им лавре Печерской; Гedeон же предпочел соседство славного предка.

Ближайшие преемники Гedeона, два Варлаама и Иоасаф, не нашли себе успокоения под сенью собора Софийского; но со времен знаменитого Рафаила Митрополиты Киевские стали опять постоянно погребаться при своей кафедре. Под ризничную палатой, в юго-западном углу собора, находится усыпальница, где почивают благочестивые Иерархи, коими особенно прославился Киев в исходе минувшего столетия: имена Арсения, Гавриила и Самуила, навсегда останутся памятны Церкви Киевской. Подле них отдыхают и Святители нынешнего столетия, Иерофей и Серапион, а последний Евгений, неутомимый по своим трудам, который сохранил нам подвиги своих предшественников и древности своей многовековой епархии, завещал погребсти себя в обновленном им приделе Сретения. Под левым крылом того же собора покоится и знаменитый проповедник, протоиерей Иоанн Леванда, тридцать лет оглашавший своды храма красноречивым словом своим, которое доселе еще памятно благочестивым жителям первопрестольного Киева.

Я поднялся на хоры, чтобы там поклониться двум чудотворным иконам, к коим искони обращено благоговение православных. Одна, в северной галерее Святителя Николая, именуемого мокрым, прославлена спасением из воды утопавшего младенца: другая, в южной галерее, Купятинской Божией Матери не менее знаменита своими чудесами и перенесена была в собор Софийский православными иноками из Пинского монастыря, когда им овладели Унияты в половине XVII века. – Прикладываясь к сей иконе, с удивлением услышал я из-за нее молитвенные вздохи и увидел на самом краю хор благочестивую поклонницу; она прилепила свечу свою к порфировым перилам и на коленях усердно молилась чудному изображению Богоматери, что в алтаре, которое представляется издали во всем своем великолепии, с этой части хор. – Пречистая Дева точно парит на золотом Своем подножии, как бы во глубине неба: ее поднятые к небу руки и молят вместе и осеняют; ярко горят три звезды на челе и раменах, и выражение молитвы в отрадных чертах ее достойно величия Честнейшей Херувим. Ублажаемая всеми родами, Она как бы идет из глубокого неба на встречу Ее призывающих и все кажется ближе и ближе, чем более на Нее смотришь во внутрь алтаря: невольно исторгается из уст сия утренняя песнь: «во храме стояще славы Твоя на небеси стояти мним; Богородице, дверь небесная, отверзи нам двери милости Твоя».

При выходе из собора Софийского, благосклонно предложил мне отец ключарь осмотреть еще, по соседству ограды, место древних обителей Ярославовых, св. Георгия и Ирины, которые устроил он в честь своего Ангела и Ангела своей супруги, а несколько далее Златые врата. Небольшая церковь Великомученика, сооруженная Императрицею Елисаветой, указывает только место того знаменитого храма св. Георгия, где, по словам летописи Несторовой, столовались, т. е. возводимы были на кафедру все епископы Русские; Ярослав установил праздновать освящение его по всей Российской Церкви в память своего Христианского имени. – Место сие должно быть священо для каждого воина Русского, ибо доселе кавалерственный праздник Победоносца, одушевляющего

дружины к подвигам ратным, совершается в день, избранный великим Ярославом: рукою Великомученика он указал победные пути сынам своим во все концы вселенной. – В обители Георгиевой был пострижен и погребен несчастный сын св. Владимира, Судислав, который провел в темнице все долголетнее царствование Ярослава и освобожден был племянниками только для того, чтобы свободно вздохнуть перед смертью. Теперь же мраморный памятник Господаря Молдавского Ипсидантия, бедственно скончавшего свое княжение, составляет украшение церкви, где некогда покоился прах развенчанного князя. Еще недавно несколько развесистых лип живописно осеняли сей новый памятник благочестия Елисаветы; но срублены столетние стражи урочища Ярослава, и обнаженная церковь лишена их прохладной тени.

Против южных ворот Софийской ограды открыты были в 1832 году усердием одного из антиквариев Киевских остатки древней обители св. Ирины, засыпанные вместе с Золотыми воротами Ярослава земляным валом в исходе XVI века, когда еще старый Киев едва был исторгнут из-под владычества Польши. Открыта одна алтарная часть с полукружием горнего места и каменными палатками по обеим сторонам, где еще видны места древних гробов; остальное здание доселе под крепостным валом; но несколько древних крестов и окладов, найденных в развалинах церкви, и остаток стенной живописи, изображающий Святителя на коленях с благословляющею рукою, свидетельствуют о благолепии древнего храма. – Ярослав, подражая во всем образцам Византийским, соорудив у себя св. Софию, конечно, пожелал иметь и церковь св. Ирины, бывшую близ Софийской; она доселе существует в Царьграде, но обращена в хранилище оружия вопреки своему мирному назначению; ибо самое имя Ирины означает по Гречески мир.

И Златые врата были устроены великим Ярославом на память тех златых врат Цареградских, к которым пригвоздил ратный шит свой предок его Олег. Чрез них совершались торжественные въезды князей наших, когда возвращались они с поля битв, часто междоусобных, или вступали при кликах народных в престольный град свой, чтобы возсесть на престол

отеческий. Об них ударился некогда победный меч храброго Короля Болеслава, и даже навсегда сохранил следы сего удара. Хан Половецкий, Воняв дерзнул сорвать с них позлащенную медь в память своих приступов к столице Русской, и много мечей, Русских и Польских, и копий Половецких, разразились об медные запоры сих знаменитых врат, доколе не сокрушили их Орды Монгольские. Вместе со славою Киева прошла и их слава: от золотых украшений, давших им громкое имя, от громадного зодчества, следы коего еще доселе видны в камнях обрушенного свода, ныне уцелели только две боковые стены: памятник достойный сохранения! – С обеих сторон подымается высокая насыпь вала, в котором зарыты были летописные врата сии вместе с церковью св. Ирины и где были обретены тем же ревнителем священной древности. – Образ Казанской Божией Матери, стоявший на остатках врат до 1695 года, перенесен в убогую Троицкую церковь, которая и доныне существует на старом Киеве; икона сия Пречистой Девы была единственным воспоминанием церкви Благовещения, которую соорудил великий Ярослав на вершине Золотых врат своих; он хотел, чтобы забрала Киевские тверды были заступлением Той, чей образ начертан мусиею на нерушимой стене Софийской.

Одинокими теперь стоят на пустоте старого Киева Золотые врата сии, возвышавшиеся некогда на самой торжественной из стога столицы! – Кто взглянет чрез них к северу на старый Киев, увидит часть храма Георгиева и высокую колокольню Софийскую; кто взглянет к югу, увидит обширное поле, разрытый вал и овраги, где расселяется новый город, а вдали великолепное здание, рассадник просвещения, украшенный именем равноапостольного просветителя Руси и вполне достойный того Царственного мановения, по коему внезапно исторгся из окрестной пустыни. Золотые врата, бывшие некогда гранью древней столицы, теперь станут на распутий старого и нового Киева, между святилищем наук и сокровищницею просвещения духовного, между св. Софиею, которая есть Слово и Премудрость Божия, и Софиею земной, освящаемую свыше лучами небесной. – Господь да благословит опять входы и исходы Золотых врат, которых самые остатки, уваженные

посреди обновления Киева, будут свидетельствовать потомству, что новый путь гражданского просвещения Руси под сенью св. Владимира пролегает по древней стезе духовного, указанного еще рукою великого Ярослава из глубины св. Софии.

V. Михайловский монастырь

День спустя, во вторник, определенный еженедельно со времен Митрополита Киевского Иоасафа для чтения сложенного им акафиста над мощами Великомученицы Варвары, посетил я златоверхую обитель Михайловскую. Толпа народа уже наполняла преддверие придельной церкви, где почивает нетленно святая дева Илиопольская, и с трудом мог я проникнуть на хоры; с их вершины открылось мне трогательное и величественное зрелище. – Посреди церкви, исполненной усердными богомольцами, возвышался, как бы некий благодатный остров из шумного моря человеческих волн, среброкованный стол под раззолоченною сенью, и на нем в драгоценной раке сокровище мощей Великомученицы. Открыта была рака, и под богатейшим покровом покоилось нетленное тело, но вместо девственной главы, отсеченной жестоким родителем, приставлена была к изголовью великолепная икона, вся в алмазах, обыкновенно висящая над царскими дверьми сего придела, на коей изображен небесный лик пострадавшей. Взирая на сию прекрасную икону, думаешь видеть Великомученицу, которая как будто приподняла из раки Ангельскую главу свою и сквозь смертный сон улыбается ликом, воспевающим на земле ее страдания, воспетые Ангелами в небесах. Святитель в облачении стоял, окруженный своим клиром, на ступенях пред ракой, и в руках диаконов горели светильники, коими от времени до времени осенял он народ; облака фимиама подымались из кадильниц и вились около столпов великолепной сени, как бы готовые унести на небо все сие духовное зрелище: а между тем внятно оглашалось из уст Святителя все житие Великомученицы в словах и песнях ее акафиста, и на каждое земное ее страдание откликались лики, как бы из глубины неба: «радуйся Варвара, невеста Христова прекрасная!»

Трогательна повесть краткого жития и долгих мучений сей юной, но доблестной невесты небесного Жениха, и не напрасно Церковь влагает ей в уста пламенные слова ее божественной

любви: «Агница Твоя, Христе, Варвара зовет велиим гласом: Тебе женише мой люблю, и Тебя ищущи страдальчеству, и сраспинаюся, и спогребаюся крещению Твоему, и стражду Тебе ради, яко да царствую в Тебе, и умираю за Тя, да и живу с Тобою: но, яко жертву непорочную, приими мя с любовию спожершую Тебе.»

Единственная дочь именитого язычника Диоскора, рожденная во граде солнца и наученная поклоняться светилам, она, как некогда волхвы, звездою научилась поклоняться солнцу правды, и над нею сбылись слова Апостола Павла: «что невидимая Божия, Его присносушная сила и Божество, видимы нам бывают чрез рассматривание тварей»¹². – Заключение отцом своим на высокий столп, дабы никто не взирает на ее земную красоту, сама она возвела очи на красоту небесной тверди и, расспрашивая окружавших ее: кто столь дивно устроил весь чин вселенной? не могла поверить, чтобы бездушные идолы были ее творцами. Тогда коснулась чистого сердца ее благодать Божия: ибо созерцание Бога есть одно из блаженств, обещанных чистым сердцем. С тех пор уже мысль о Боге ее не оставляла, доколе небесный Учитель, Дух Святой, не дал ей земного наставника в Христианском пресвитере, который открыл ей все таинства нашего спасения и втайне возродил водою крещения. Это случилось во время отсутствия ее отца; напрасно предлагая дочери, уже достигшей полного возраста, самых именитых женихов, он предоставил ей наконец полную свободу в образе жизни, но не мог предполагать, какого жениха изберет себе св. Варвара.

Безумною яростью разгорелось сердце Диоскора, когда узнал он о нечаянном обращении своей дочери от тьмы язычества к свету Христову: умножение света в устрояемой им купальне обличило ему духовное просвещение девы; ибо она, исполненная благоговения к таинству Пресвятыя Троицы, велела сооружавшим здание устроить три окна вместо двух назначенных отцом, и сама изобразила перстом своим крест на мраморном водоеме. Спрошенная Диоскором о тройственном свете, святая Варвара исповедала пред ним Троицу единосущную, Отца, Сына и св. Духа, и осудила немощь его

идолов, которых сокрушил крест распятого Господа славы. Раздраженный, но она укрылась от него в расселинах камней; Господь хотел спасти многих зрелищем ее страданий и потому допустил жестокому отцу обрести ее в пещере. Истомив дочь свою биением, голодом и жаждою в душной темнице, он предал ее наконец в руки столь же суровых судей и требовал, чтобы ее судили, как отступницу веры отеческой. Игемон думал совратить ее сперва кроткими советами, потом угрозами; но, видя непреклонность исповедницы Христовой, велел терзать ее воловьими жилами, доколе вся земля вокруг не упоилась ее невинною кровью; тем мужественнее становилась дева, чем более умножались ее муки. Брошенная в темницу, вся в ранах, она вышла из нее исцеленною на другое утро, как бы из брачного чертога, для новых ран; ожесточенные мучители требовали от нее опять жертвоприношения своим идолам и опять услышали доблестное исповедание того же великого имени Христова, пред коим преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних: ибо нет другого имени под небесами, чрез которое бы можно было спастись. Разъяренный игемон велел повесить на древе обнаженную мученицу, строгать тело ее железными когтями, опалать истерзанные ребра горящими свечами и бить в нежную главу молотом: все одолела укрепляемая свыше Варвара, и даже некая робкая жена, именем Иулияния, одушеваясь тем же мужеством при зрелище ее страданий, дерзнула в лице укорить жестокого игемона и поделила участь Великомученицы. Обоих для большего поругания послал он обнаженными по стогам города; но Господь, покрывающий облаками небо, осенил и их невидимым покровом от наглых взоров; наконец, когда нечестивый судья осудил их на смертную казнь, сам неистовый отец вызвался быть исполнителем приговора и не пощадил собственного рождения. Она же, великодушная дочь, преклонив колена, молила небесного Жениха своего, сияющего солнцем Своим на злых и на добрых, сотворить милость каждому человеку, который с верою воспомянет ее страдания, да не приблизится к нему лютая болезнь и не восхитит его внезапная смерть, и, под

мечем отвергшего ее родителя, предала дух свой восприявшему ее небесному Отцу.

Странная судьба священных мощей Великомученицы! – Из родственного Илиополиса, от подошвы гор Ливанских, приплыла она в Царьград и оттоле последовала за соименною ей Царевною Греческою, супругою Великого Князя Святополка, в новопросвещенный верою Киев, где устроилась для нее златоверхая обитель. Настала гроза Монгольская, и скрыты были мощи под ступенями столпа церковного; миновалась гроза, и вот они опять возсияли из-под спуда и проливают благодать исцелений на притекающих к ним с верою и любовью. По окончании акафиста, Варлаам, викарий митрополии Киевской, совершил божественную литургию и говорил назидательное слово. Народ устремился к св. мощам, и я также обменял золотое кольцо с нетленного перста сей небесной невесты, обручившейся на вечное царство с божественным своим Женихом. Потом посетил я преосвященного в его кельях и, после приятной беседы, испросил у него дозволение осмотреть древнюю его обитель, которая служила одно время и кафедрою Митрополитам Киевским, когда унияты похитили у них собор Софийский; теперь же назначена местопребыванием их викариев, епископов Чигиринских.

Еще первый Митрополит Киевский Михаил, в исходе X века, поселил иноков на горе, дотоле называвшейся Чертовым Беремищем, по соседству идола Перунова и по тем языческим требищам, какие на ней совершались. Он построил там деревянную церковь во имя своего Ангела, ибо Архистратиг небесных Сил представляется сокрушителем преисподних: престол во имя его свидетельствовал о победе, одержанной над царством тьмы на самом месте ее владычества. – Внук великого Ярослава, Святополк Изяславич, названный во святом крещении Михаилом, воздвигнул во имя своего Ангела великолепную каменную церковь на место деревянной, и она прозвана, равно как и вся обитель, Златоверхою, от пятнадцати златокованных глав своих. – Подражая славному деду в устройстве внутреннем нового храма, Святополк украсил мусиею стены алтаря: и остатки Тайной вечери, совершенно

сходной с Софийскою, с такими же Греческими надписями над горним местом свидетельствуют о древнем великолепии храма; но это одно лишь уцелело от священной старины, ибо обитель Михайловская много пострадала при разорении Монгольском.

По обе стороны переднего притвора главной церкви еще видны в стенах признаки гробниц, и полагают, что здесь погребены храмоздатель Великий Князь Святополк, а напротив его супруга, Греческая Царевна Варвара, дочь Комнинов, принесшая с собою сокровище мощей Великомученицы в новое свое отечество. Три боковые придела: с северной стороны во имя св. Варвары, где почивают ее мощи, и два с южной, празднующие Введению во храм Божией Матери и Великомученице Екатерине, устроены не ранее XVII века. И в этом приделе есть частицы святых мощей: мучеников Пантелеймона и Харалампия, и епископа Тримифийского Спиридония. В соборной церкви за правым клиросом благоговейно притекают граждане Киевские к чудотворной иконе Божией Матери, именуемой Новодворскою. Богато раззолочен иконостас главного алтаря: но лучшее его украшение есть храмовая икона Архистратига Михаила, великолепно украшенная драгоценными камнями; ею ознаменовалось благочестие Императора Александра в залог благодарности к Господу, спасшему его державу от нашествия иноплеменных. Возвратясь победителем из умиренной им Европы, он принес в колыбель веры отеческой, в древнюю обитель Архистратига небесных Сил, сию драгоценную икону того невидимого вождя, который руководил путем побед полки Русские от зарева родной столицы до пощаженной им столицы врагов.

По правую сторону Михайловского собора находится на монастырском дворе каменная трапезная церковь Иоанна Богослова, заменившая женскую обитель того же имени. Она основана была в 1621 г. Митрополитом Иовом Борецким, которого, после долгого запустения митрополии Киевской, посвятил Патриарх Иерусалимский Феофан: в Златоверхой обители на время основалась тогда кафедра Киевская, по гонениям униятским. Престарелая супруга Иова была первою игуменью девичьего монастыря, существовавшего целое

столетие в такой смежности с Златоверхим по древнему обычаю, когда мужские и женские обители находились под одним настоятельством. – Недавно, при строении ограды Михайловской, открыто было на возвышенном месте к юго-востоку каменное основание нескольких церквей; полагают, что это остатки мужеского Дмитриевского монастыря, от которого и самая дорога с Крещатика на Подол называлась Дмитриевским взвозом. – Смежность сих развалин с Златоверхою обителью доказывает еще, в какой тесноте воздвигались в древности священные здания одно близ другого. Сын великого Ярослава, Изяслав, в св. крещении Димитрий, столь мало достойный знаменитого отца своего, соорудил в 1081 году обитель Дмитриевскую, надеясь богатствами ее привлечь многих иноков из лавры Печерской от гонимого им Антония; но, как говорит преподобный Нестор: «многие монастыри от князей и бояр и богатства поставлены, но не таковы они как те, которые поставлены слезами и лощением, молитвою и бдением.» Сын Изяслава, Ярополк, убитый изменнически одним из своих оруженосцев, после междоусобной брани с дядей Всеволодом, погребен был в обители, созданной его отцом. Митрополит Иоанн и Великий Князь с сыном своим Мономахом встретили с плачем тело убиенного и положили при церкви верховных Апостол, которую сам он начал сооружать, но не успел окончить.

Крайний холм горы, по соседству Дмитриева монастыря, на котором, вероятно, в древности стоял также кумир, назывался Крещатицким беремищем и впоследствии Кучинскою горою от имени владетеля; – место сие слыло околдованным в народе. Страшные рассказы о ночных явлениях злых духов сохранились в преданиях народных, которые свидетельствуют истину событий летописных о низвержении идола, здесь некогда стоявшего: ибо, по словам летописи, не даром плакал Перун, когда влекли его с Чертова беремища в глубокий Днепр.

Осмотрев таким образом все, что доселе существует примечательного на старом Киеве, искал я и следы давно минувшего, еще взывающего из недр земли гласом своих развалин, или уже только сохраненного одною памятью

славных событий. Судное слово: «земля еси и в землю отыдеши»¹³ глубоко сбылось над поколениями и зданиями старого Киева: слоем камней и костей обозначены в недрах земных лета их и мимопротекшие над ними века: где бы ни коснулся заступ – везде могилы! каких бы новых оснований ни хотели ископать на летописной земле сей: дома ли молитвы или частного жилища, или охранной бойницы, – везде проглянут остатки бывших, давно уже стертых с лица земли, и поглотившая их смерть оскалит свои каменные зубы, как бы в горькую насмешку новому поколению, ищущему себе основы на такой бездне минувшего. – Осыпется ли вал, которым столько раз обносили старый Киев, и вот выглянут из-под него Златые врата Ярослава, памятник его могущества и величия Киева, или врата Батыевы, горькая память разорения Монгольского. То мирный храм Ирины с своими усыпальницами, обретенный чрез столько лет забвения, начинает опять отогревать на родном солнце Киева прах своих усопших: то древняя Десятинная церковь на время раскроет тайны своих подземных сводов, чтобы опять укрыться под щит нового храма, хотя не достигшего до ее широких размеров, однако осенившего благоговейно ее священные останки; или из-под горы Перуновой вымываются живыми ключами украшения мертвых кумиров, которые еще блюдет Киев, как в тайнике, вместе с костями их сокрушителей в материнской утробе своих гор. – Киев, колыбель нашей веры, новый Сион наш, подобно древнему, есть град великого Царя, и к нему может также относиться псаломный стих сей: «горы окрест его и Господь окрест людей Своих»¹⁴.

На четыре неравные части разделен старый Киев с своими отдельными холмами и зданиями. Вся обрывистая гора, на которой стоит он, возвышается, как крутоберегой остров из глубины окружающих его долин, неприступный только со стороны Днепра, более отлогий с других сторон. На самой вершине его теснились в малом городке древние князья там, где ныне церковь Первозванного, это есть первое отделение старого Киева, искони обнесенное валом, и к нему принадлежала также верхняя часть Михайловского, а нижняя его половина укреплена только в позднейшие времена. Ярослав

много распространил к западу столицу свою, соорудив митрополию и две обители на поле битвы с Печенегами; но еще долго находилась вне огады старого Киева глубокая долина, живописно врезавшаяся в недра горы Киевской; она слыла в древности Перевесищем, потому что лежит на скате старого Киева. Из огады Михайловской вступил я опять на летописную почву древнейшего населения старого Киева.

Здесь, между монастырем и церковью трех Святителей, еще сохранилась отлогость бывшего Борицева взвоза, где основался Кий, князь Полянский, давший свое истинное или баснословное имя вместе с братьями и сестрою месту их жительства и окрестным урочищам. Здесь начало Киева, и современных ему названий, Щековицы, горы Олеговой, и Хоревицы, горы Ольгиной, и реки Лыбеди доселе сохранивших те имена, какими искони огласила их Русь. Еще тогда речка Почайна, ныне поглощенная Днепром, протекала у подошвы горы Киевской, и на устье ее, где теперь Крешатик, были пристань и перевоз чрез Днепр. – Вверх сего Борицева взвоза Киевляне несли в ладьях надменных послов Древлянских, приходивших сватать за своего князя языческую Ольгу после убиения ее супруга, и вниз по той же дороге влачим был, по слову Владимирову, кумир Перунов, гордо возвышавшийся на соседнем холме. Вот и церковь Трехсвятительская, сооруженная св. князем в честь Ангела своего великого Василия на том месте, где некогда князь тьмы в лице Перуна требовал от него идольских жертв и даже крови мученической.

Божественная кровь приносилась в ней за спасение уверовавших в Бога Владимирова, когда в первый раз удостоился я взойти в ее священную внутренность. Царские врата были отверсты и с ними небо; священник стоял во вратах с чашею в руках и возглашал: «со страхом Божиим и верою приступите.» Немного молитвенников было в храме, все они поверглись ниц у дверей царских, и с ними я, пораженный зрелищем святыни; служитель алтаря, благословив паству, по древнему благочестивому обычаю Малороссии прикоснулся священою чашею ко главам нашим, когда опять возгласил: «всегда, ныне и присно и во веки веков.» Такая необъятная

вечность, такая дивная Пасха, которой будем еще искреннее приобщаться в невечернем дне царствия Христова, сретила меня на том месте, где совершал свою первую Пасху равноапостольный князь, очищенный от грехов язычества, и сердце мое исполнилось радостным чувством благодарности к сему великому просветителю нашего отечества.

Первобытная церковь Владимирова была, вероятно, деревянная по скорости устройства; но впоследствии ее заменили каменною благочестивые князья Киева, ибо после разорения Батыева остались каменные ее развалины. В бедственном запустении оставалась она до XVII века, когда восстановил ее Митрополит Петр Могила, движимый ревностью к святости места и памяти основателя. В последний раз еще обновлена она в исходе того же века и по желанию усердствовавших переименована Трехсвятительскою, ибо в числе сих Иерархов и великий Василий. В северовосточной стене сей церкви доселе сохранились кирпичи древней работы, свидетельствующие, что эта часть здания уцелела от разорения Монгольского.

Около сей древнейшей церкви старого Киева предполагают и первобытное жилище Великого Князя, которое уже во времена Нестора перенесено было на иное место; ибо он говорит в летописи своей, что двор княжеский был прежде в городе там, где при нем стоял двор Вротиславль и Чудин. – Место, противолежащее церквам Десятинной и Трехсвятительской, как находящееся посредине древнейшего населения старого Киева, по всей вероятности, было занято палатами его возвеличившихся властителей: но, судя по описанию Нестора, нет сомнения, что каменный терем Ольги стоял на месте нынешней Андреевской церкви; он указывает его позади Десятинной над самою горою; и оттоле точно могла видеть княгиня, как несли послов Древлянских с Почайны по Боричеву взвозу, и любоваться живописною долиною, которая расстилается вверх по Днепру до любимого села ее Вышгорода на горе Хоревппе.

Около бывших княжих палат на старом Киеве, где и теперь находят много щебня и костей, должно искать двух обитателей

княжеских, женской и мужеской, основанных властителями Киева по соседству дворца их, дабы присные их сыны и дочери могли постригаться близко дома родительского, и сами они обретали бы себе последний приют недалеко от своего жилища под сенью неумолкаемых молитв иноческих. Это Андреевский или Янчин монастырь и Феодоровский или Вотчь, т. е. Отчий. Всеволод, сын Ярослава, заложил на старом Киеве в 1086 году первую церковь во имя Первозванного и при ней устроил обитель для дочери своей Анны или Янки, которая подала пример пострижения княжеским инокиням и, собрав около себя девиц, сама обучала их пению, чтению св. Писания и полезным искусствам. Там погребена была и супруга Всеволода, княжна Половецкая, Анна, и, вероятно, погребались прочие особы княжеского дома, о коих однако молчат летописи; но из мужеской отрасли Ярослава они упоминают только о погребении в Янкиной обители сына Мономахова, второго Великого Князя Ярополка, и сына Боголюбского, Владимира, удельного князя Дорогобужского.

Напротив того, мужеский монастырь прославился погребением князей, великих и удельных, и доселе открываются в частных домах, к югу от Десятинной церкви, погребные провалы и склепы, вероятно, ему принадлежавшие. Сын Мономаха, Великий Князь Мстислав, прозванный Великим, заложил в 1122 году каменную церковь во имя Великомученика Феодора Тирона и около нее устроил впоследствии монастырь мужеский, который дети его привыкли называть отеческим или Вотчим. Сам основатель Мстислав, лучший из сыновей Мономаха, обновил собою княжескую усыпальницу своего племени, и 35 лет спустя рядом с ним возлег доблестный, но многомятежный сын его Нзяслав, княжение коего ознаменовало столькими бурями воинскими бедствующую столицу; ибо это было время самого сильного разгара междоусобий Ольговичей с Мономаховичами. Братья его, Великие Князья Ростислав и Мстислав, и удельный Владимир, и сын Ярополка, другой Нзяслав, князь Луцкий: один за другим после многих браней спустились под мирные своды Отчей обители, где смерть примирила и уравнила всех.

Но сия тихая обитель, усыпальница ратных князей, была однажды свидетельницею горького зрелища их междоусобий. Самый несчастный из всех Ольговичей, Игорь, кроткий и праведный, после шестинедельного княжения на престоле Киевском, был свергнут племянником своим Изяславом, внуком Мономаха, и, переходя из темницы в темницу, испросил себе наконец мирный приют в кельях Отчего монастыря. Игорь постригся и, казалось, ангельский образ, отрешивший его от суеты мирской и всякого земного величия, должен был оградить и от сопряженной с ними опасности; – совершилось противное, и пролилась невинная кровь его! Братья Ольговичи вступились за невольного инок, которому стены монастыря служили вместе и оградой темничною. Великий Князь Изяслав, вызванный ими как бы на совещание в Чернигов, заблаговременно узнал о готовившейся измене и послал известить о том в Киев брата Владимира, Митрополита Климента и народное вече. – Возмутился народ: «Ольговичи готовят гибель нашему князю! воскликнула буйная толпа, убьем Игоря!» и в слепом порыве ярости устремилась в монастырь его. Напрасно возбранял Владыка, напрасно князь Владимир на борзом коне хотел обскákat разъяренных, чтобы спасти единокровного: толпа заградила ему дорогу. Игорь, ничего не подозревая, стоял в церкви пред иконою Богоматери и слушал божественную литургию. Буйная чернь, не уважая святости места и сана, извлекла инок из храма и ограды; смятенный Владимир встретил мучителей и жертву уже во вратах. «Брат мой, куда?» воскликнул к нему болезненно Игорь; Владимир, соскочив с коня, покрыл его иноческую рясу своею княжеской мантией, взывая к народу: «братья, не можете делать зла, не убивайте Игоря! – Сам, осыпaeмый ударами вместе с мучеником, он с трудом довел его до двора матери своей и ринулся в ворота, надеясь, что уважат хотя жилище Великой Княгини; но ничего не пощадила неистовая чернь, разбила ворота дома княжеского и в сенях на самых ступенях умертвила Игоря: и князь, и инок, все было забыто в убиенном, виделся один Ольгович; обнаженного повлекли за ноги сквозь торжище до Десятинной церкви, а оттоле, бросив его на случившуюся

праздную телегу, свезли на Подол: – тогда только остыла безумная ярость. Князь Владимир послал сказать народу: «вот вы уже убили Игоря, дайте хоть похоронить тело его!» народ же, опамятавшись, слагал вину на Ольговичей, умысливших злое на их князя. – Невинный страдалец пролежал ночь в Новгородской часовне: утром Митрополит послал игумена той обители, где провел Игорь остаток горьких дней своих, предать с честью священные останки в церкви св. Симеона, что была на скате старого Киева к Подолу. Церковь причла его к лику святых своих заступников вместе с первыми страстотерпцами Русскими, Борисом и Глебом, столь же несправедливо убиенными, и доселе призывается молитвенно имя Игоря в храмах древней столицы близ самого места его убиения.

Позади бывшей обители Отчей должно искать и древних ворот Батыевых, которые находились во внутренности города на пути от Десятинной церкви к св. Софии, и так названы, быть может, от того, что башни их разорены завоевателем Монгольским: остатки сих башен еще видны были до исхода прошедшего столетия.

V. Десятинная церковь

Вот наконец и славная Десятинная церковь св. Владимира, начало и венец всех священных зданий старого Киева, прежде всех сооруженная благоверным князем и ныне после всех обновленная из малого уцелевшего придела и обширных развалин. Просветитель Руси не пощадил трудов и сокровищ для сооружения достойного храма Господу, просветившему его духовную и телесную тьму; в самый год своего крещения, в исходе X века, рукою опытных художников Греческих начал он сооружение первой соборной церкви в своей столице. Владимир посвятил ее Пречистой Деве, празднуя честный собор ее на другой день спасительного Рождества Сына ее и Бога, и определил десятую часть своих доходов на поддержание нового храма, отчего и сохранилось ему название Десятинного. Туда перенес он блаженные останки своей бабки, Великой Княгини Ольги, от которой почерпнул первые начатки Христианства там похоронил и благоверную супругу Анну, Греческую Царевну, утверждавшую его на пути спасения, и сам успокоился наконец под сенью той же церкви. Сын его Ярослав, движимый благочестием к памяти усопших, вырыл кости дядей своих, Прополка и Олега, убиенных еще в язычестве, и, окрестив торжественно, положил в церкви Десятинной, где опочил и великий отец, а сам отошел на смертный покой под сень собственного храма Софийского. Но внук его Изяслав, столько раз обуреваемый врагами и единокровными на мятежном престоле Киевском, и правнук Ростислав, в юности умерший, последние из князей положены в основаниях Десятинной церкви, которая с тех пор перестала быть усыпальницею племени Владимiroва.

Место, избранное св. князем для сооружения храма, было ему горько памятно мученической смертью двух Христианских Варягов, Феодора и Иоанна, из коих сын, прекрасный лицом юноша, был назначен по жребию в жертву Перуна, а нежный отец, не хотевший его выдать, вместе с ним погиб от ярости народной. Это были единственные жертвы, пострадавшие на

Руси до водворения Христианства, и на их костях соорудил раскаянный князь соборное святилище, которое великолепно украсил мусиею и иконами Корсунскими: но лучшим его сокровищем были св. мощи Климента, епископа Римского, и в честь его находился придел в Десятинной церкви. – Все сии сокровища, дважды расхищенные Ольговичами и при Великом Князе Рюрике, исчезли при разорении Монгольском вместе с храмом; ибо к нему примыкала городская стена старого Киева и около него кипел самый жестокий бой. От всего храма остался только один южный придел Святителя Николая с частью церковной стены. В таком ужасном запустении брошены были священные развалины в течение четырех веков, тяжких для Киева игом Татарским и Литовским, доколе не явился наконец обновитель, сам рода княжеского, в митре святительской. Ревностный Митрополит Петр Могила не вынес зрелища развалин престольнаго соего города, и все, что только могла восстановить рука его в краткое его правление, – восстановила. Он пристроил к остаткам Десятинным малую церковь, частью каменную, частью деревянную, во имя Рождества Богоматери, с приделом верховных Апостол в верхнем ярусе. Несколько неизвестных Греческих писем, иссеченных на диком камне, вставлены были между кирпичами новой церкви над южным окном, во свидетельство ее древности, как тайные руны, которые обретает путник на пустынных скалах Скандинавских. Там стало опять совершаться Богослужение, прерванное четырьмя веками запустения, прочая же часть обширных развалин оставалась под землею до наших времен. – Еще прежде сооружения церкви, Митрополит, имевший обычай посещать каждую субботу разные храмы своей паствы, пришел помолиться и над остатками Десятинной церкви в убогом ее приделе Святителя Николая. Когда же, по выходе из храма, обозревал его окружность, он нечаянно увидел в близком расстоянии небольшую яму и приказал глубже ее разрыть: но сколь велико было утешение благочестивого пастыря, когда он открыл два мраморные гроба и узнал по их надписям, что в них покоились св. Владимир и его супруга. С благоговением перенес он нетленную главу просветителя Руси в древнюю его церковь

на Берестове, где был некогда княжеский дворец, а наконец и в самую лавру, ибо не безопасен был Киев от набегов Крымских.

Протекло еще два столетия после убогого, хотя и благоговейного обновления церкви Десятинной, и вот уже в наше время одному из жителей Киева пришла благочестивая мысль восстановить совершенно древнюю церковь св. Владимира из вековых ее развалин: в 1823 году раскрыто под землею обширное основание и опять явился на свет древний чертеж внутренних и внешних стен храма с тремя полукружиями алтаря, из которых средний резко выдавался вперед, и с двумя приделами в трапезе, где выложены были диким камнем места для гробниц. Весь помост под алтарем еще сохранил свою мозаику разноцветного мрамора, и грудю на нем лежало множество мусии, обвалившейся с купола и стен; 26 сажен в длину и 16 в ширину составляли размер древнего здания. Между многими обломками мраморов найдена была надгробная доска без надписи, разбитая на три куска, а при вторичном исследовании развалин открыли еще две гробницы из каменных фиолетовых плит: одна без всяких украшений, а другая с богатою резьбой на подобие Ярославовой. Она находится теперь в земле, вне нового здания, с юго-западной стороны: но первая, которую должно предполагать Владимировую, ибо открыта в том же самом месте, где и Митрополит Петр обрел честную главу равноапостольного князя, возшла под алтарную часть храма, и над нею устроена с правой стороны иконостаса великолепная гробница просветителя Руси с серебряными изваяниями. Мозаики и древности, найденные в основании Десятинной церкви, хранятся в главном алтаре, и в стены храма вкладены камни с письменами Греческими, уцелевшие от давних времен. Новое здание сооружено в Византийском вкусе с двумя приделами во имя св. Владимира и Чудотворца Николая, и хотя оно несходно с прежним чертежом Десятинной церкви, однако должно быть драгоценно для каждого Русского, как воспоминание древнего святилища, воскресшего из развалин.

И так, вот все, что осталось нам от старого Киева, где некогда с такою славою княжили князья Русские! – Но кто

подымет предо мною пелену минувшего? кто вызовет из тьмы времен события, давно былые, и лица, давно безличные, чтобы хотя их памятью оживить мертвое урочище! – Первые восстают из мрака три брата и сестра, давшие имена своим местам, дотоле безымянным: это начало Киева, Вот Кий сидит на горе своей, взимая дани с переходящих Днепр, и все опять погружается во мрак на несколько столетий. – Плынут с севера вниз по Днепру ладии Варяжския, и покоряется Киев Оскольду; плывут они с юга вверх по Днепру, искушенные бурей под Царьградом, и приносят с собою начатки веры Христовой. – Опять ладии с севера: в них завоеватель Олег с младенцем Игорем, и падает Оскольд на берегу Днепра там, где доселе место слывет его могилою; почесть громкой могилы ожидает и победоносного Олега в новой его столице: брат Кия уступает ему целую гору свою Скавицу в надгробный курган, как бы некую пирамиду Фараонов. Вот и языческая Ольга, полная славных деяний того, чье носит имя, женской рукою крепко держит бразды правления, мстит соседям за малодушие и смерть супруга; но вот и та же Христианская Ольга, достойная блаженной Царицы, которой восприяла имя во св. купели, внушает первые начатки Христианства юному внуку и готовит просвещение Руси.

Ратно княжение Святослава: земля ему ложе, седло изголовье, звездное небо покров: костью хочет он лечь, дабы не посрамить землю Русскую, но не на синем Днепре, а на красном берегу Дуная; а между тем Печенеги облегают его столицу, мать и дети в осаде; юноша Русский обманывает врагов, с уздою в руках ищет коня чрез весь стан их и, переплыв Днепр, кличет на помощь воеводу Святослава; еще немного, и князь Печенежский пьет из черепа Русского князя' – Опять три брата хотят княжить в Киеве: но уже нет меж ними мира, как между тремя первыми: другой Олег и Ярополк падают в единокровной брани; Владимир сквернит идольскими требищами горы Киевские, на коих скоро должна воссиять благодать Божия, по слову Апостола, и он же сам очистит их от кумиров, ибо на него указал Первозванный. – Совет в княжеском тереме: послы иноверные предлагают каждый свою

веру, послы Владимировы избирают Греческую; сердце его уже давно к ней расположено, имя Ольги решает бояр. Опять и в последний раз закипел судами Русскими Греческий путь, и тою же стезею возвращается из покоренной Корсунь уже просвещенный верою князь: с ним св. иконы и мощи, с ним епископ и пресвитеры, и Греческая Царевна, его супруга. Изменяет лице свое Киев: – Перун, алкавший жертв, влечется вниз по Боричеву взвозу в глубокий Днепр и плывет до Выдубичей при последних кликах языческих; первая церковь встает на холме его, первая обитель подле холма, храм Десятинный великолепно сооружается на горах Киевских и десятинна всея Руси ему обречена; в тихих водах Почайны крестит благоверный князь двенадцать сыновей своих, в широких волнах Днепра крестит весь народ, и Днепр уносит с собою древнее язычество Руси: новое благодатное племя восходит из животочной купели, и равноапостольный просветитель молит Господа утвердить православие в его царстве.

Славно княжение Владимира, осененное крестом по всей Руси; по едва лишь смежились очи его в уединении села Берестова, как пролилась от руки братней кровь двух сыновей его, первых страстотерпцев Русских Бориса и Глеба. – Киев впервые видит в стенах своих дружины надменных Ляхов: меч Болеслава иззубрился на Златых вратах; но является великий мститель за честь Русскую и кровь братьев с полками Славянскими Новгорода, и падает с престола братоубийца Святополк; с ним удаляются Ляхи; опять в одну мощную десницу собралась вся обширная Русь. Ярослав благовластный высоко сидит на престоле Киевском, и ему покоряются народы от моря Балтийского до моря Черного. – Величественно восстает и св. София Цареградская на горах Киевских, а между тем в пещерах Варяжских затеплилась уже священная лампада Антония, и из его убогого вертепа расширяется великая лавра Печерская.

Опять три брата, роковое число для Киева, и опять междоусобие. – Малодушествует Изяслав и бежит в Ляхи; Святослав содержит престол братний до ранней своей кончины,

упрекаемый от тельниками Антонием и Феодосием за похищение достояния братнего, а кроткий Всеволод терпит, доколе не возвратился с чужбины законный князь и не пал в междоусобной битве; между тем Половцы грабят землю Русскую: Хан их Боняк срывает листы с Золотых ворот Ярославлих и грабит лавру; но вот обрелся на полвека крепкий подвижник в земле Русской, примиритель князей и бич Половцев. Сын Всеволода, Мономах, господствует над всею Русью, сперва из Переяславского своего удела, а потом из Киева; он прикрывает мужеством своим малодушие Великого Князя Святополка и укрощает князей под стенами столицы, жаждущих отмстить ему за жестокое ослепление Василька. Он же созывает дружественные их сеймы в Любече и хочет вновь собрать разъединившуюся державу; но только одно могущественное лице его может одолевать столько браней, готовых возникнуть. Мономах со славою отходит к предкам в путь всея земли, завещая мир – и возгорается брань; рано следует за ним храбрый сын Мстислав; сильное племя князей Черниговских ищет старейшинства на престоле Киевском, и вот на полтора ста лет запылала междоусобная кровавая война между родом Ольговичей и родом Мономаховичей.

Исполинское лице сей единокровной рати-, ярко освещенное ее заревом, – Изяслав, внук Мономаха, дважды свергаемый с престола, то силою Ольговичей, то рукою собственного дяди, Долгорукого, и его крепкого сына Боголюбского. Он заслоняет себя призраком другого слабого дяди, Вечеслава, и в силе мужества умирает внезапно на горько добытом престоле; кровь схимника Игоря подмыла престол сей, хотя и невинен в ее пролитии Изяслав; но уже Олеговичи не могут простить ее потомству Мономаха. С его младшим сыном, Долгоруким, падает слава, великого княжения, и Суздаль господствует над Киевом в лице Боголюбского; но еще князья оспаривают друг у друга древнюю столицу и грабят ее богатства. Изяслав Черниговский, на краткое время бывший Великим Князем, хочет опять добыть престол и движет к Киеву орды Половецкие; перейдя под Вышгородом Днепр, он стремится вдоль Оболонья к укрепленному Подолу; жестокие

наемники врываются в нижний город, жители верхнего едва отсиделись за своими стенами от напора вражьего. Протекло девять лет и старый Киев испытал ту же участь; одиннадцать Ольговичей по зову Боголюбского идут мстить за его личную обиду брату великого Нзяслава, Мстиславу Киевскому, и, к стыду имени Русского, три дня расхищают древнюю столицу дружины княжеские. – Это первое ее разорение; близко второе и третье, уже последнее, ибо ничего не останется после Монголов. Безрассудный Рюрик, невольно постриженный зятем своим Романом Галицким, сам выдает столицу жестоким союзникам и диким Половцам, чтобы только опять изменить мантию иноческую на великокняжескую; расхищены все храмы и обители и даже гробы мертвых, на улицах течет кровь старцев и младенцев, юноши и девы в оковах влекутся на чужбину; пламя свирепствует по всему городу и более месяца длится страшное опустошение: – это князь инок дико празднует свое воцарение; плач во всей Руси по престольному граду: еще немного, и уже некому будет плакать посреди всеобщих развалин!

Вот подвигается туча Монгольская! – Долго ходит она по небосклону бедствующей отчизны и наконец страшно разражается над Киевом. Есть еще князья, алчущие его престола, но уже нет меж ними защитников в час гибели. Михаил Черниговский, будущий исповедник и мученик, оставляет Киев, чтобы искать помощи в Венгрии: новый властитель, из рода Смоленских, Ростислав изгоняется Даниилом Галицким, и сам Даниил, видя страшное нашествие Монголов, бежит также в Венгрию, вверив столицу свою храброму боярину Димитрию: – так в роковую минуту нет ни одного князя в престольном городе, и сиротствует мать городов Русских. Уже грозный завоеватель Батый слышал о великих сокровищах Киева и посылал заблаговременно внука Чингис-Ханова, Мангу, издали осмотреть его. – Дикий Ордынец с противоположного берега Днепра окинул жадным взором древнюю столицу и изумился крепким стенам ее на неприступных горах: он подивился множеству златоверхих храмов и обителей и послал требовать добровольной сдачи. – С гордостью отвергли малодушное предложение старшие сыны

Руси и даже обагрили себя кровью послов Ордынских: отселе не осталось уже никакой надежды на мир или пощаду: предстояла одна неминуемая гибель, и она постигла. Батый приблизился с своими несметными полчищами со стороны дебрей.

Над Киевом носилась смерть, ужас без малодушие в стенах его: от дикого вопля Татар, от рева волов и верблюдов, от ратного ржания коней, от скрипа огромного обоза, едва могли слышать друг друга граждане Киева; они уже сказали себе последнее слово: умрем за св. Софию! Напрасно пленный Ордынец страшит их именами всех богатырей, прославленных разорением царств дальнего Востока, и всею грозною семьей Чингис Хана: – народ Киевский смотрит на боярина Дмитрия, Дмитрий на св. Софию и Десятинную церковь, и возгорается сеча, и отражаются приступы. От ворот Лядских со стороны дебри главная опасность; там день и ночь стенобитные орудия сокрушают твердыни: падает наконец ограда: весь город Ярослава с его св. Софией и Златыми вратами уже в руках диких врагов; но еще остается древний город Владимира; на самых стогнах кипит жестокая сеча, камни летят из домов, стрелы влетают в окна, и о врата ломаются копья, кровь льется рекою: мужественный Дмитрий отступает с дружиною в старый город и ограждается тыном около Десятинной церкви: там главная святыня, там все сокровища, туда стеклись и граждане Киева с женами и детьми, которые только могли спастись. – Это последняя ночь Киева: еще будет для него утро, но не будет вечера; солнце осветит Русь, но уже не зайдет для древней ее столицы.

Наступило 9 мая, день столь торжественный для Киева памятью великого Святителя; – он озарит одни развалины и трупы. Боярин Дмитрий, сам исходя кровью от ран, еще вымышлял способы защиты, но уже их нет; опять возобновляется приступ, и под бурею вражеских волн сокрушается последний оплот; самые палаты Десятинной церкви рушатся под тяжестью нахлынувшей толпы, искавшей на них спасения. Дмитрий еще бьется в самых стенах храма, и до его плена длится битва, потом уже одно убийство. Грозный

завоеватель щадит доблесть боярина Русского, но не щадит остатков его дружины и бедствующего народа, ни древних святыниц столицы: над Десятинною церковью особенно изливается ярость Монголов: она скрыта до основания, кроме одного лишь придела, под коим почит равенноапостольный князь, окрест же него пустыня: обезглавлены св. София и златоверхая обитель Архангела; сокрушена по окны лавра Печерская, и долго никто не смеет селиться на дымных развалинах: робкие путники приходят только взглянуть на опустевшую столицу, и более смелые иноки собираются в пещерах по звуку тайного благовеста молиться о усопших. – Такое видение поднялось предо мною с развалин Десятинной церкви!

VII. Крещатик

В знойный полдень сидел я под навесом любимой моей беседки в очаровательном саду минеральных вод; я наслаждался зрением холодного, волнующегося Днепра и дольного города на берегу, осененного, как горним шитом, святынею старого Киева. Мимо меня почти непрерывно тянулась вереница людей, не праздно гулявших в прохладе сада, но озабоченных заботою дня. Одни, появлявшиеся со стороны дворца, проходили бодро еще со свежими силами; но шедшие к ним на встречу казались истомленными трудным восходом, и отирали с лица своего обильный пот. «Откуда?» спросил я одного из них, присевшего отдохнуть подле меня: «с Крещатика», отвечал он; «но разве здесь дорога?» – «На самом конце сада, возразил мой собеседник, есть малая тропинка по обрыву горы, которая прямо сводит к Крещатику, а оттоле на Подол.» – Близость Крещатика к тому отрадному приюту, где ежедневно проводил я многие часы, возбудила во мне тайный укор, что доселе еще не посетил я места, столь священного для каждого сына Церкви и, не смотря на томительный зной, решился я немедленно спуститься указанною мне стезею до самого Крещатика.

На краю сада начинается узкая тропинка, сперва довольно отлогая, а потом до такой степени обрывистая, что иногда надобно искать места, где бы удобнее поставить ногу, дабы перешагнуть чрез глубокие рытвины, промываемые дождями и весенним стоком вод. Но с каждой ступени сей исполинской лестницы, иссеченной стопами стольких тысяч, в вековых горах Киева, какая очаровательная картина города, реки и нависших гор, и привольной долины, от них бегущей до самого Вышгорода! По мере схождения стесняется ее живописная рама, доколе наконец две противолежащие горы и синяя пучина Днепра не обрежут кругом горизонта. – И вот устремляющему взор свой к низу внезапно мелькнет из-под утеса, на который ступила йога его, позлащенный крест: еще шаг, и встала целая колонна, а там открылось и широкое ее основание, четыре арки,

ограждающие водоем: это Крещатик. это Почайна! здесь совершилось крещение Руси! – Я устремился к священному кладезю, я утолил его прохладною струей и жажду благочестия, и естественную жажду, возбужденную палящим солнцем. Около водоема висели по стенам иконы Пречистой Девы, живописного источника нашего спасения, и равноапостольных Владимира и Ольги, бывших виновниками одного для нашей отчизны, и первых ее страстотерпцев Бориса и Глеба. С умилением поклонился я ликам сих избранников земли Русской, двигнувших ее на путь жизни, и молитвенно воспоминал великое дело, ими совершенное.

Здесь на самом Крещатике крестились сыновья великого Владимира, не много далее граждане Киева на устье Почайны, ныне поглощенной Днепром, где была некогда пристань Киевская. Что может быть трогательнее слов самой летописи блаженного Нестора? – «Владимир послал по всему городу, говоря: если кто не обретется завтра на реке, богатый или убогий, тот будет мне противник. Люди же все, услышав сие, с радостью пошли и радостно говорили друг ко другу; если бы не добро сие было, не прияли бы сего князя и бояре! – (Какая младенческая простота нравов, достойная новорождаемых в царствие Божие!) На утро вышел на Днепр сам Владимир с пресвитерами Царевны и Корсунскими, и собралось бесчисленное множество людей; все взошли в воду и стояли иные по шею, другие до персей, младенцы же ближе к берегу, а иных младенцев держали взрослые на руках. Священники, стоя на берегу, творили молитвы, и видима была радость великая. Владимир же, радуясь, что познали Бога сам он и люди его, воззрел на небо и воскликнул: Боже великий, сотворивший небо и землю! призри на новых людей Своих, дай им, Господи, уведать Тебя истинного Бога, как уведали страны Христианския, и утверди в них веру правую и несовратимую, и мне помоги, Господи, на сопротивного врага, да, надеясь на Тебя и на Твою державу, побеждаю козни его.»

Каменный памятник Крещатика воздвигнут в начале нынешнего столетия благочестием Императора Александра, и на сей священный водоем два раза в год совершаются

крестные ходы: один, более торжественный, в день преполовления из собора Софийского Митрополитом со всем духовенством: другой же, более смиренный, бывает в день памяти равноапостольного князя из приходской соседней церкви Рождества Христова, которая стояла в древности на самом устье Почайны.

Под сенью Крещатика долго стоял я, опираясь на края священного водоема: взор мой безотчетно блуждал по юдоли, ухо прислушивалось к ее звукам. Ниже к реке несколько белых хижин мелькало из-за развесистых раkit, и в них слышался как будто говор, а вдаль на Днепре протяжная песнь. – На скате противолежащей горы, где был некогда Боричев взвоз, отдыхал народ, трудившийся над новою дорогою с Подола, и мимо проходили путники. С верховья долины Малороссийский отрок, ловко управляя конем, гнал еще несколько других к водопою, и две Киевлянки с кувшином в руках в своих живописных одеждах пришли зачерпнуть воды из священного источника. Впрочем, все вокруг было тихо: ветер не шевелил листьями раkit, не журчала вода; безмолвие уединенной юдоли умножалось еще всею тяжестью знойно налегшего полудня; но свежо было над устьем кладезя. – Мне казалось, я сижу опять под знойным небом Палестины над купелью Силоамскою или над кладезем Неемии, там, где у подошвы Сиона юдоль Иоса Фатова сходится с долиною Геенны, и вот отроки и девы Арабские в длинных своих покрывалах приходят черпать предо мною заветную воду. – И точно, купель сия была Силоамскою для прозревшей Руси; и точно, надо мною возвышался отечественный Сион, старый Киев, мать городов наших, о коем и мы можем воскликнуть стихами псалмов: «мати Сион, речет человек!»¹⁵ – Ах! я был опять на несколько мгновений в Иерусалиме, и град Владимиров казался мне градом Давида.

Тогда же с умилением благодарного сердца вспомнил я и то, как однажды на самой заре моей жизни долина Крещатика послужила мне пристанью спасения, когда разлившийся Днепр бил меня сердитою волной в утлом челноке, меня, юного и неопытного путника, доверившегося его бурной пучине со всею беспечностью своего возраста. Уже я отчаивался одолеть сие

весеннее море разлившихся вод, когда одна благодетельная волна двинула наконец чолн мой к крутому берегу, и я ступил на землю несколько ниже Крещатика, там, где его долина впадает в Днепр. Столько долгих протекших лет мелькнуло предо мною, как бы несколько вчерашних дней; я стоял опять на том же месте, хотя сам уже иным, – и вот, воспоминания ранней юности невольно уступили впечатлениям позднейшим; опять Киев казался мне Сионом, а долина Крещатика юдолью Иосафатовой, которая именем своим напоминает последний суд! – Когда же по звуку одной страшной трубы соберутся все, почивающие по вселенной, – блажен, кто, услышав глас сей, воспрянет в той одежде нетления, которую облекся от святой купели, бывшей для него Крещатиком или Иорданом!

VIII. Оскольдова могила

Посещая ежедневно церкви и обители Киева, ознаменованные особенною святынею или событиями историческими, вошел я на улице Печерской в монастырь, так называемый Малого Николая, который прославлен чудотворною иконой Святителя. Икона сия, но обычаю Киевскому, высоко висит над царскими дверьми и спускается для благоговейного чествования богомольцев; в том же храме еще два древние образа чудотворца Мирликийского, письма Греческого: один местный, а другой со входа привлекают к себе молитвенников, «сии три и едино суть», по выражению бывшего настоятеля обители. – Оригинально зодчество самой церкви, весьма тесной внутри, которая слывет слупом или столпом; она вся столпообразно вырастает в один высокий купол и, вероятно, была так устроена еще с самых древних времен, если судить по ее давнему прозванию. После обители Малого Николая возвышается другая более обширная, Пустынно-Николаевская обитель, недавно обращенная в военный собор; она была сооружена с чрезвычайным великолепием Гетманом Мазепою и еще владеет всеми лавками Печерской улицы. – Даже монастырь Малого Николая теперь только получил опять прежнюю свою самостоятельность, а до сего времени считался приписным к обители.

Но ни тот, ни другой не стоят на месте древнейшей женской обители во имя чудотворца Николая, которая, по преданию, основана была блаженною Ольгою недалеко от могилы Оскольдовой; там приняла иноческий образ мать преподобного Феодосия. Сын Мономаха, Мстислав довершил окончательное устройство деревянной ее церкви, которая исчезла в общем разорении Монгольском; но, когда стали обновлять древнюю святыню Киева, возникла опять из пепла и столпообразная церковь Святителя, уже с обителью мужескою. Бывший наместник в Киеве, князь Голицын соорудил в начале протекшего столетия новую каменную церковь во вкусе древней.

В священной колыбели нашей веры, где предания древности свежее воспоминаний позднейших, сохранилась и память того места, где погиб рукою Олега первый Христианский князь Киева. – Глубокими чертами врезалась в одно из древнейших его урочищ сия живая страница летописи Несторовой: «и пришел Олег с Варягами и многими воями к горам Киевским и увидел, что там княжат Оскольд и Дир. Он скрыл воинов своих в ладьях, а других оставил позади, сам же приплыл под место Угорское, неся с собою Игоря младенца, и послал сказать Оскольду и Диру: мы гости, идем в Греческую землю от Олега и от Игоря княжича, придите к нам, родичам вашим. Пришли Оскольд и Дир, и внезапно выскочили все прочие из ладий; Олег же сказал им: вы не князья и не рода княжого, а вот сын Рюриков! и, показав Игоря, убил Оскольда и Диру. Их понесли на гору и погребли на месте, что ныне зовется Угорским, где теперь Ольмин двор; на той могиле поставили церковь святого Николая, а Дирова могила за святою Ириною, и сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: сей будет матерью городов Русских». – Угорским же прозвалось место от воинского стана Венгров, ополчившихся на берегу Днепра во дни Олеговы, когда шли завоевать свою землю.

Место сие, прославленное мученической смертью первого Христианского князя и погребением первой Христианской княгини, доселе слывет в предании Оскольдовою могилою и глубоко уважается народом. – Здесь еще во дни язычества благочестивый вельможа Ольга соорудил убогую церковь во имя Святителя Николая, тезоименитого убиенному Оскольду. и здесь повелела Ольга пресвитеру Григорию втайне погребсти себя во избежание языческой тризны сына своего; отселе благочестивый внук перенес торжественно нетленные мощи сей первой денницы земли Русской в великолепную церковь Десятинную, куда отошел на вечный покой и сам он, солнце России. На живописном скате Днепровского берега на отдельном холме, как бы отшатнувшемся от первобытной горы для подножия священному памятнику, доселе стоит церковь во имя Чудотворца; недавно сооружена каменная вместо малой деревянной, которая непрестанно обновлялась со дня смерти

Оскольдовой, не смотря на все бурные перевороты многострадального Киева. Там и доселе любимое кладбище почетных его граждан. Жители Подола возносятся мертвыми на высокую гору Олегову, где неизвестна могила славного воителя; жители Печерские спускаются в гробах на могилу убиенного им Оскольда; они ищут последнего упокоения близ первой Христианской гробницы Русской под сенью молитв блаженной княгини, которая прежде всех причтена была к лику заступников земной своей родины, и великого Чудотворца, который дал свое имя первому из просветившихся верою князей наших; – с тех пор сроднился он на веки с их землею, ибо к нему прибегает Россия, как к величайшему своему заступнику, от первых времен и донине.

IX. Выдубицкий монастырь

Ниже могилы Оскольдовой по течению реки посетил я на красных берегах ее и древнюю обитель Выдубицкую, которую основал еще первый Святитель Киевский Михаил на том месте, где в последний раз низринут в волны Перун. Слепая толпа язычников, бежавшая вслед за плывущим кумиром с дикими воплями: «выдыбай наш боже», здесь убедилась в суеде свой веры, когда увидела конечное потопление истукана. – Внук св. Владимира, Всеволод, полюбивший место сие, соорудил новую каменную церковь во имя Архангела в 1071 году, и монастырь долго носил название Всеволожа; ибо по его соседству на высокой горе нынешнего зверинца поставил Великий Князь красный дворец свой, где собирались сеймы княжеские при Великом Мономахе. – Князь иннок Рюрик, допустивший разорение Киева в свое слабое княжение, обновил церковь и обнес ее каменною оградю, чтобы защитить от набегов Половецких, но не на долго: – нашествие Монголов обратило ее в пустыню. Когда же лавра Печерская начала восставать из своих развалин, оживился под ее сенью и соседний монастырь Выдубицкий, временно отторгнутый униатами и возвращенный православию ревнителем его Петром Могилою. Настоятели лавры обновили церковь, обрушенную отчасти подмывшим ее Днепром; другой же великолепный храм во имя Великомученика Георгия сооружен в исходе минувшего столетия Стародубовским полковником Миклашевским: живописное место сие избрано также для погребения некоторых почетных семейств Киевских.

В тихий благовонный вечер, какими часто дышит влажное небо Киева, спустился я верхом с одним из давних моих знакомцев мимо зверинца в глубокое ущелье Выдубицкое. Роскошная зелень садов, широко разросшихся по всей долине, обвеяла нас своими ароматами: на самом дне юдоли живописно раскинулась белая обитель, мирный приют, который устроили люди в этом отрадном Эдеме, насажденном рукою природы; у врат ее, казалось, кончался мир. – Мы взошли в

ограду на зеленый луг монастырский; беспечно паслось малое стадо промеж поросших травой гробниц; нам отворили подле церкви Архангельской беседку на краю утеса: у наших ног зашумел синий поглотитель Перуна, плеском волн своих заглушивший здесь дикие вопли: «выдыбай, выдыбай наш боже!» – Жадно смотрел я на это Русское море, полное жизнью предков: везде, где только встречался я с Днепром, что-то невыразимо близкое сердцу влекло меня к нему; ибо каждая из долин Киевских, спускающаяся в его хладные объятия, запечатлена при своем устье каким-либо воспоминанием. Везде встречается он, наш славный Тибр, как некий давний друг, или пестун первых дней юности: то в образе мирного гостя Варяжского, тиходвигающего суда Греческим путем своим; то в виде бурного воителя, стремящего Славянские ладии к Царьграду; то весь, одеянный голубою ризой, как восприемник целого народа Русского из освященных вод своих.

Много столь же приятных прогулок совершал я по живописным окрестностям Киева, одинокий или в сопровождении присных, которые напоминали мне мое ничтожное минувшее посреди необъятного минувшего окружавших меня развалин. Иногда, следуя по Оболонью вдоль великолепной колоннады тополей, достигал я сквозь рассеянные слободы и дачи до очаровательной усадьбы Кинь-грусть, вполне соответствующей сему поэтическому названию; ибо точно можно откинуть всякую грусть в прохладе ее отрадного сада на берегу ее мирного пруда, где так мало помогло искусство природе. – Там угощал некогда великую Екатерину великолепный князь Тавриды, когда посетила она Киев на пути в покоренный им Крым. Есть где и помечтать в этом отрадном приюте, когда взойдешь на высокую гору Кинь-грусть, и оттоле через вершины дерев увидишь вдали, как некое видение иных времен, златоверхий Киев, плавающий в ясном эфире, выше всего земного и без всякого отголоска человеческой жизни.

Иногда, подымаясь вверх по долине Крещатика мимо великолепного здания нового университета, посещал я на истоках летописной речки Лыбеди березовую рощу Шулявчи, где

находится малое подворье Софийское и где жители Киева встречают обыкновенно весну майским гуляньем. Иногда же, обогнув старый Киев по горам его обнесенным валом средних и новых времен, спускался я от бывших Львовских ворот крутою тропинкой в живописный овраг, по которому раскинута слобода Кожемяки; оттоле, следуя все вверх по руслу, даже по самой струе извивистого ручья Глубочицы, выезжал я к вершине оврагов по направлению древней обители Кирилловской. Дочь Великого Князя Всеволода, Мария, бывшая в супружестве за королем польским Казимиром, основала монастырь сей в 1160 году, и после разорения Монгольского он опять был обновлен одним благочестивым ревнителем Церкви, Кириллом, от которого сохранилось ему имя: в стенах его был пострижен Святитель Димитрий Ростовский и там погребены его родители в приделе древней соборной церкви, празднующей Сошествию св. Духа. Монастырь был упразднен в исходе минувшего столетия; теперь в нем помещаются Богоугодные заведения. Живописное положение на обрыве горы и вокруг тополевая роща дают особенную прелесть сей замечательной обители.

Часто по широкой улице Софийской мимо собора и развалин св. Ирины въезжал я в пустоту бывших Златых врат, сквозь которые как будто утекло все славное минувшее Киева, когда распахнулись они под мечем Татарским и уже не могли сомкнуть медных уст своих! Однажды поднялся я на высокую гору Олегову, где одна его могила разрослась целым кладбищем; странно видеть оное на такой высоте, осеняющим дольний город своими надгробными крестами. Оттоле также один из самых очаровательных видов на Днепр к лавре и по всему Оболонью вдоль прибрежных утесов. – Эта воздушная усыпальница достойна живописного Киева! его мертвые не могли избрать себе лучшего приюта под сенью храма всех святых, Ангелов своих, которые наблюдали за их дольною жизнью и собрали их наконец под свои горные крила.

Престарелый священник, украшенный сединами, стоял над свежюю могилою, только что совершив панихиду. «Где здесь Олегова могила?» спросил я: «здесь столько могил, отвечал старец, где ясе найти ее!» – «Я спрашиваю о князе Олеге!» –

«Разве о княгине Ольге.» возразил он, «спросите об ней на старом Киеве.» – «Но летопись и любители древности указывают могилу Олегову на горе Скавице.» сказал я опять почтенному старцу. «И так пусть же справятся они лучше с летописями и придут сами указать ее на этом обширном кладбище, где об Олеге нет и помину!» – Мне хотелось расспросить о некоторых соседних урочищах, которые впрочем мало известны летописными своими именами жителям Киева.

«Позвольте мне еще обеспокоить вас одним вопросом, сказал я, где здесь гора Уздыхальница?» – «Вы, верно, из столицы, отвечал он, с радушною улыбкой: все приезжие обыкновенно пытливы и доискиваются таких мест и имен, о которых мы, природные жители, никогда не слышим. Что за вздыхальница? – всякая гора покажется такою, когда взберешься на нее по крутизне, и не раз вздохнешь от усталости, как на нашу Скавицу.» – Мне очень понравились слова доброго старца, приправленные Малороссийскою солью, и я спустился с горы Олеговой с приятным впечатлением, хотя и с неудовлетворенным любопытством. Но все мои прогулки обыкновенно кончал я на своем любимом месте, которое наиболее мне нравилось из всего древнего и нового Киева, – на паперти Андреевской церкви. Там, при закате солнца, уже всегда ожидал меня добрый отец Иаков, чтобы дать мне еще какое-либо новое сведение об окрестностях, и мы долго с ним беседовали в прохладе роскошного вечера, доколе багровое солнце, закатившись за гору Олегову, и багровая луна, поднявшись из-за дебрей Днепровских, не напоминали нам, что уже настало время покоя человеку, исшедшему на делание свое до вечера.

Х. Вышгород и Межигоры

Одну из самых приятных поездок по окрестностям Киева совершил я в отдаленный Вышгород и Межигоры, оба замечательные своею древностью и живописными видами. Почтенное семейство, с которым познакомился еще при первом моем посещении Киева, вызвалось мне сопутствовать и приятным обществом сократило путь. Рано утром спустились мы с крутой горы Андреевской и мимо веселых слобод и дач ехали, как бы одною тополевою рощею, до самой Кинь-грусти. Широкая поляна отделяет сию прелестную усадьбу от густого соснового бора, который на несколько верст простирается к Вышгороду по сыпучим пескам, далее возделанные поля; и вправо Вышгород, бывшее село Ольги, на горе Хоревице господствует над Днепром и всею окрестностью: – это также одно из самых очаровательных мест Киева, хотя ими так богата его природа. Широкое течение реки, усеянной островами, открывается во всем ее великолепии, от Вышгорода и за Киев, вдоль низменной долины, которая ограждена мрачным бором и амфитеатром гор. Вдали старый Киев, как бы на престоле, царственно возседит на горах своих, увенчанный многоглавым венцем всех своих обителей, и держит в руках, как некий скипетр, колокольню Печорскую; дольний город служит ему подножием на подобие белых мраморных ступеней, облегающих его горний престол; а вечный Днепр, его обтекающий и весь кипящий полуденным солнцем, – зеркалом его великокняжеской славы. Таков Мономахович Киев! Так им некогда любовалась отселе блаженная Ольга из своего любимого села, которое обратилось в город удельный при ее правнуке Ярославе. Нет следов древнего жилья княжеского, кроме земляных насыпей, около деревянной церкви Бориса и Глеба, отколе самый лучший вид.

Церковь сия, где некогда хранились нетленные останки мучеников-князей, ныне убогая, уже в седьмой раз восстает из своих развалин. Первую соорудил великий Просветитель Руси во имя своего Ангела Василия в 989 году, не подозревая, что

она сделается сокровищницею двух нежно любимых его сыновей, мученически убиенных их братом. Пожар истребил здание сорок лет спустя, и опять соорудил ее из пепла великий Ярослав – Еще через сорок лет воздвигнута была третья, тоже деревянная церковь, по обветшании прежней, при сыне его Изяславе; с торжеством перенесли туда мощи Страстотерпцев, и многими чудесами ознаменовалось сие событие. Князья Черниговские, Святослав и Олег, соорудили великолепный каменный храм на место деревянного; он был освящен при великом Мономахе, но буря Монгольская чрез сто двадцать пять лет разметала до основания святилище, и с тех пор безвестны святые мощи Бориса и Глеба, сокрытые, как гласит местное предание, под сводами храма. Тогда же разрушены были две обители Вышгорода, мужеская и женская: одна, так называемая Белого Спаса, которой и теперь видны остатки, устроенная Боголюбским, а другая женская; – оттоле увез он во Владимир чудотворную икону Божией Матери, которая теперь хранится в Московском соборе: ибо Вышгород, до своего разорения, был всегда любимым жилищем Великих Князей; там скончались великий Ярослав и сын его Всеволод.

Не скоро после разорения Монгольского воздвиглась новая убогая церковь на развалинах древней каменной! но и ее разрушили до основания Татары, во время владычества Литовского: ибо переправа чрез Днепр была против самого Вышгорода. Они употребили для моста все дерево храма и даже иконостас: а местная икона Богоматери, с помощью которой нечестивый Ордынец переправился чрез Днепр, принесена была волнами к берегу Подола и там с честью поставлена в Братскую обитель. Другая местная икона Спасителя, оставшаяся в Вышгороде, доселе носит следы нечестия Татарского: на лице ее глубокая язва, нанесенная копьем, и в ней запеклась кровь, как на живом теле. – Это случилось в 1662 году: семь лет спустя, благочестивый полковник Киевский, Мокиевский, восстановил церковь, которую чрез тридцать лет в седьмой раз перестроил, по ветхости ся, местный священник Василий Лукьянович иждивением усердствовавших к памяти святых Страстотерпцев; но сия

церковь уже пришла в ветхость и ожидает обновления, более прочного, от благочестивых ревнителей; память же святых князей доселе совершается, при большом стечении народа, в древнем Вышгороде 25 Июля, в день перенесения мощей их. С незапамятных времен сохранился подле алтаря священный студенец, бывший прежде под основанием великолепного храма; оттоле черпают благочестивые богомольцы освященную воду и с верою приемлют исцеление. – О если бы кто-либо из тезоименитых восстановил храм Бориса и Глеба в прежнем его величии!

Оставив Вышгород, мы стали спускаться в глубокое ущелье, поросшее лесом: круто извивалась трудная дорога, доколе внезапно не открылась нам в раздвинувшейся долине белая ограда обители с двумя ее церквами и обширными кельями, а позади нее вечный украситель всех урочищ Киевских – Днепр. Отрадно появление обители в столь диком, но живописном уединении. Иноки Греческие, скитавшиеся без приюта по окрестностям Киева в начале XV века, не могли избрать себе ничего лучше сего места между гор, от чего и обитель их получила название Межигорской; они обновили ею память монастыря Боголюбского, Белого Спаса, который был разорен Татарами. Еще на одной из соседних гор ископанные пещеры с надписями, частью обвалившиеся, свидетельствуют о давнем населении места: некоторые возводят даже их древность до времен Антониевых, как будто все пещерное ему принадлежит.

Запорожская сеча, защищавшая кран сей от ярости Крымцев и насилия Поляков в течении двух столетий, приняла обитель Межигорскую под свое особенное покровительство и сносила туда свои сокровища, Кошевой Атаман, Кальношевский, соорудил в ней церковь во имя верховных Апостол Петра и Павла; другая же церковь, более древняя, празднует Преображение Господне, как храмовый день прежней обители Белого Спаса; она воздвигнута усердием Патриарха Иоакима в последние годы его жизни: ибо Святитель был сам пострижен ником сей обители, и там доселе хранится портрет его. Но странному и жалкому стечению обстоятельств, в

бытность Императрицы Екатерины в Киеве, даже накануне того самого дня, когда хотела она посетить Межигорскую обитель, внезапный пожар истребил ночью обе церкви, и Государыня, которая столько слышала о красоте места, не захотела уже видеть пепелища. Горестное последствие имел пожар сей для Межигорского монастыря; – его упразднили по представлению князя Таврического, который в то же время упразднил в своих владениях и другую столь же древнюю и знаменитую обитель, Святогорскую, ныне восстановленную благочестием его наследников. О если бы восстановилась и Межигорская, и это очаровательное место, созданное для жилища иноков, возвратилось опять безмолвию пустынному! Тогда бы горы огласились вновь ликами иноческими, и старый Днепр, вострепнувшись при столь отрадном звуке после полувекового безмолвия, на быстрых волнах своих донес бы гул сей в обрадованную мать городов Русских: тогда бы опять лавра, как средоточие молитвы, на десять поприщ вверх по реке до Межигорья и на десять вниз до Китаевой пустыни, ограждена была возникшими из нее обителями, которые, как передовая стража, охраняли сию древнейшую духовную твердыню всея Руси. – Может быть, и сбудется когда-нибудь благоговейное желание! Было время, когда незабвенный наш историограф грустил о запустении и древней обители Симоновской! – «Часто прихожу, писал он, на то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Симонова монастыря, и почти всегда встречал там весну: туда же прихожу и в мрачные дни осенние горевать вместе с природою: страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалины гробовых камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет; иногда вхожу в кельи и представляю себе тех, которые в них жили, – печальная картина!» – И вот обитель Симоновская опять во всем ее блеске! А в Межигорской нет такого запустения, как было некогда в Симоновской; все еще цело, и даже обновлены обе

церкви, кельи и часть ограды; – недостает только иноков для богослужения.

Но какая очаровательная Фиваида в лесистых удожьях Межигория! как уединенно и отрадно звучит прозрачный горный ключ, прозванный Звонками, ибо во дни благосостояния обители чистые струи его, падая на металлические полосы, издавали гармонические звуки. Малая беседка его осеняет любимое отдохновение отшельников Межигорских; там любили они погружаться в созерцание, под тенью развесистых раkit и тополей, в живописной долине, по которой струится между дерев светлый ручей. Какое обилие виноградников, вишен, яблонь и груш на обеих горах, как бы нарочно раздвинувшихся, чтобы дать место обители! – Это были плодовые сады ее, которыми издавна она славилась, и как хорош этот синий Днепр с своим диким Заднепровьем в каменистой раме утесов! На обрыве его стоит монастырь; вокруг него одни только горы, леса и воды, лишь изредка оживляемые белым ветрилом, но уже не Запорожским, и не причаливают более легкие челноки Сечи, ходившие добывать за море в дальний Требизонд сокровища Анатолии для украшения любимой своей обители.

XI. Братский монастырь

Прежде, нежели переселиться для говенья в лавру, я желал еще посетить на Подоле духовную академию Братского монастыря, первый рассадник наук в отечестве нашем, который устоял и прошел сквозь все бури и неурейства южного края в течение двух с половиною столетий. – Чрезвычайно замечательна судьба сего знаменитого училища, которого все перемены недавно описаны со всевозможною подробностью одним из благочестивых его питомцев. Чувство необходимости образования духовного при жестоких гонениях унии и иезуитов внушило гражданам Киевским завести ученое братство при Богоявленской церкви на Подоле, по примеру иных духовных училищ, которые в то же время возникли в Остроге, Львове и Вильне по манию воеводы князя Острожского и епископов православных. Первосвятитель Восточной Церкви, Патриарх Иеремия Цареградский, учредив патриаршество в Москве, благословил братство сие при самом его начале в 1589 году, и тридцать лет спустя другой Святитель Востока. Патриарх Иерусалимский Феофан, утвердил оное своею грамотою, объявив ставропигиальным в то самое время, когда Церковь Малороссийская, лишенная своих пастырей, страдала совершенным безначалием. Ревностный Патриарх дал и покровителей рождающемуся святилищу паук в лице рукоположенных им Митрополита и епископов. Благочестивая жена Маршалка, Анна Гугулевич, уступила Братскому училищу двор свой и несколько зданий на Подоле: Гетман Петр Сагайдачный, столько лет страшный своим оружием Полякам, пожертвовал собственным имуществом обители Братской; сам он, заключившись в стенах ее, написал целую книгу в защиту православной веры. С тех пор ученое братство, под покровительством Гетманов Малороссии, хотя несколько раз упало во дни жестоких битв с Поляками, но опять возникало. Богдан Хмельницкий был его воспитанник и член со всеми почетными людьми мирскими и духовными того времени. Отселе и благочестивый Царь Алексей вызвал ученых иноков

для исправления книг церковных, Епифания Славенецкого и Арсения Сатановского, которые в свою чреду сделались начальниками просвещения в Москве.

Настала блестящая эпоха для училища Братского: сын воеводы Молдавского. Петр Могила, постригается в лавре и, сделавшись ее архимандритом и Митрополитом Киевским, соединяет устроенную им школу Печерскую с Богоявленскою: он украшает ее людьми, посланными им для образования на Запад, и, оградив грамотами королей Польских, снабжает средствами для содержания убогих учеников и самих учителей. Отселе школа принимает название Киево-Могилянской коллегии в память своего благодетеля и старшего брата, Митрополита Петра, но после того скоро рушится ее благосостояние. Преемник его, Сильвестр Коссов, еще несколько времени поддерживает коллегию; Патриарх Иерусалимский, Паисий, посетив Киев, опять подтверждает ее своею грамотою; но вслед за присоединением Малороссии к царству Русскому начинаются жестокие войны с Поляками и крамолы самих Гетманов; долго нет и законных пастырей на кафедре Киевской: здание коллегии опустошается пожаром, и вотчины ее расхищаются врагами; убогое братство должно ходить в свободные часы и месяцы собирать подаяние по Киеву и окрестным городам; не смотря на то, страсть и нужда просвещения все одолевает и не расторгается союз братства. Так протек для училища XVII век, доколе наконец Государи Московские не взяли его под свое покровительство. Тогда украсилось оно более громким титулом академии, и подарило Церковь такими светильниками, каковы были: ректор его Иоанникий, Архиепископы Лазарь Баранович и Иоанн Максимович, Варлаам Ясинский Митрополит Киевский: знаменитый своею ученостью Феофан Прокопович, поборники православия Феофилакт Лопатинский и Георгий Конисский, Стефан Яворский, местоблюститель патриаршего престола, и Святители Димитрий Ростовский и св. Иннокентии, первый епископ Иркутский.

Миром ознаменовался XVIII век для академии Киевской; под сенью православных Государей уже она не подвергалась беспрестанным разорениям и смутам; но еще скудны были

средства к содержанию многочисленных учеников, иногда питавшихся Христовым именем для его проповедования впоследствии. Гетман Мазепа старался поддержать академию утвердительными грамотами на ее вотчины и денежными пособиями. В 1703 году великий Петр приветствован был красноречивым ректором ее Феофаном при посещении Киева.

Митрополит Иоасаф Кроковский и гетман Скоропадский покровительствовали также новой академии и жертвовали ей деньгами и селами. Но величайшим благодетелем ее был знаменитейший из Митрополитов Киевских, Рафаил Заборовский, который оказал ей пастырскую любовь свою не менее Петра Могилы и, подобно ему, завещал ей свое имя, ибо с тех пор она стала называться Киево-Могило-Заборовскою. Он надстроил великолепную залу с церковью над каменным зданием, сооруженным Мазепою, исходатайствовал звание архимандрита ректору академии и воспользовался посещением Императрицы Елисаветы, чтобы снова утвердить все права, которыми искони пользовалось училище. Митрополит Арсений Могилянский подражал его благочестивому примеру и послужил к усовершенствованию академии, сделавшись третьим ее благодетелем после Петра и Рафаила. Его преемники, Гавриил, перешедший из Киева на кафедру новой столицы, и Самуил, исполнивший Киев памятью своих духовных добродетелей, были искренними сынами и отцами сей колыбели наук. Самуил испросил у Императрицы Екатерины во время ее посещения Киева, чтобы академия, которую предназначали перенести в лавру Печерскую, оставалась на древнем своем урочище, где процвела, она с такою славой в бурную годину Малороссии, и с тех пор умножились ее оклады от щедрот Монарших. Последующие Святители шли по стопам Рафаила, Арсения и Самуила, как кокоши собирая под крылья свои духовных птенцов, которые из сего выпренного гнезда разлетелись по всей Руси согревать ее лучами просвещения духовного. Кроме великих Иерархов, нами названных, много еще других поступили отселе на все почти кафедры Российские, как некогда из глубины лавры Печерской иноки ее избирались во вновь учреждавшиеся епархии: едва ли не можно сказать, что -все

училища духовные по дальним краям беспредельного отечества нашего восприяли свое начало от сего источника просвещения чрез его образованных питомцев. Таким образом дважды из Киева истекло духовное просвещение Руси!

Достойный блюститель святыни наук, нынешний ректор, архимандрит Димитрий благосклонно принял меня в стенах своей ученой обители и показал все, что заслуживало внимания по воспоминаниям святыни и великих мужей, из нее возникших. – Прежде всего он ввел меня в соборную церковь Богоявления Господня, благолепно сооруженную гетманом Мазепою на место той убогой церкви, при которой соединилось впервые Богоявленское братство. Там приложились мы к чудотворной иконе Братской Божией Матери, принесенной волною Днепровскою из разоренного Вышгорода. Всякую субботу при многочисленном стечении народа читается пред нею акафист Пречистой Деве, осенившей покровом Своим обитель Братскую, чрез столько бурь и бед ее постигших. Над царскими вратами в златом сиянии спускается для благоговейного чествования животворящий крест Святителя Иерусалимского Феофана, которым утвердил он ставропигию Братской обители, и, как некогда Апостол Андрей на горах Киевских, так опять у их подошвы водрузил сей спасительный крест залогом просвещения Руси. Другая, теплая церковь Сошествия Св. Духа с приделом Святителя Михаила устроена на место древней Зачатейской, которая называлась конгрегационною. т. е. сборною, ибо в ней производились ученые собрания прежней академии.

Нынешняя конгрегационная церковь во имя Благовещения устроена Митрополитом Рафаилом на краю обширной великолепной залы, которая украшена портретами благодетелей и старших братьев Богоявленского братства. Первое место занимает между ними великий муж Церкви, Митрополит Петр Могила, которого светлое лицо с огненным взором вполне выражает всю силу и благородство пламенной души его; потом следует весь ряд Митрополитов, облагодетельствовавших академию, и между ними особенно святою сияют лица Рафаила, Арсения и Самуила, оставивших по себе столь

отрадную память своей пастве и училищу. – Там и Святитель Димитрий, коего одно имя есть уже слава, не только академии, но и всей Церкви Российской, и мужественный ее блюститель Стефан, ц ученый вития Феофан, хотя и затемняемый нравственною высотой двух своих современников. – Такой совет Святителей, живых и по смерти по своим великим деяниям и писаниям, собран донине в академической зале, их духовной колыбели, осеняя молитвами идущих по их следам на пути наук и благочестия.

Жестокий пожар 1811 года, истребивший весь нижний город и самую обитель, но счастью не коснулся ее обширной библиотеки, собранной в течение полутора столетия старанием ректоров и пожертвованиями Митрополитов Киевских. Она находится в обширном здании, противолежащем конгрегационной церкви, там же хранится и ученый кабинет. Краткость времени не позволила мне с большим вниманием остановиться на каждом из замечательных предметов; но глубокое впечатление оставило к душе моей зрелище сего священного памятника образования нравственного и духовного в нашем отечестве. Я уже хотел проститься с почтенным отцом ректором, который столь благосклонно руководил меня по всем зданиям академии; но он, движимый добротой своего сердца и чувством утонченной внимательности, остановил меня и сказал:

«есть еще один предмет, достойный особенно вашего внимания, который мне желательно вам показать: выйдем опять на двор монастырский.» – С возбужденным любопытством последовал я за архимандритом, и глубоко было тронуто мое сердце, когда он, подведя меня к одной каменной гробнице, уже вросшей в землю за стеною алтаря, сказал:

«гробница сия должна быть близка вашему сердцу, потому что и вы сами ходили по следам того, кто в ней лежит. Здесь отдыхает от многих трудов своих и странствования по Европе, Азии и Африке воспитанник сего училища, пешеход Василий Барский, оставивший нам описание св. мест, которые посетил с такою любовью.»

Слезы невольно навернулись на моих глазах: я стоял безмолвно над могилою, чтобы успокоить то волнение духа,

какое произвело во мне нечаянное напоминание собственного моего странствия над прахом сего труженика, и добродушная черта характера того, кто мне его указал. Уже почти стерлась надпись, иссеченная дружескою рукою на гробовой плите путешественника, но на стене алтарной она начертана, и с благоговением прочел я надгробные стихи, в которых изображена вся жизнь усопшего.

«Того Василия сей покрывает камень,
В душе которого возжегшись веры пламень
И луч премудрости, снизшед к его уму,
Святые посетить места влил мысль ему.
Он, вдохновениям Божественным внимая,
Чрез двадцать слишком лет ходя во край из края,
На суше и морях зла много претерпел
И все то замечал подробно, что ни зрел.
За свято имуть что и Римляне и Греки,
Чем древни славились и нынешние веки,
Церквей, монастырей и градов красоту,
Удолий глубину, гор знатных высоту,
Ступанием своим и пядию измерил
И чрез перо свое отечество уверил
О маловедомых в подсолнечной вещах,
И по бесчисленных, окончив жизнь, трудах,
Оставил бранные составы здесь телесны,
А дух его прешел в селения небесны
Читатель, ты его слезами прах почти
И труд путей его с вниманием прочти.»

XII. Пустыни Китаева и Голосеевская

За неделю до праздника Успения Богоматери, которое так светло торжествуется в Киеве в древнейшей из обителей нашего отечества, переселился я для говения в лавру и милостиво был принят под ее гостеприимный кров. Владыка велел мне отвести прекрасные кельи в нижнем жилье своего дома, обращенные окнами в сад: при первом шаге из них я уже мог опять наслаждаться благословенною природою Киева и тенью роскошных деревьев, обремененных плодами, и очаровательным видом на мой любимый Днепр, с которым так сроднился во время пребывания в Киеве. Из сего сада мог я спускаться кратчайшею стезею и в ближние пещеры для ранней литургии; а в крестовой церкви владыки ежедневно служил обедню схимник, духовник его, умиротворитель сердечный посещающих св. места Печерские, где он посвятил себя в тесной кельи на служение Богу с совершенным отречением от всего мирского. – На следующее утро я был свидетелем в ближних пещерах, в подземной церкви Антониевой, пострижения иноческого, которое совершал сам Митрополит в качестве его преемника. Никогда не казались мне более трогательными священные обеты отречения от мира, как во глубине сего подземелья при тусклом свете лампад над гробом отца иночествующих Русских, воспринимавшего повое чадое пещеры из бури житейской в свое безбурное пристанище. – Невыразимо горько и сладко оглашалась под мрачными сводами тихая покаянная песнь братий, вводивших в пещерную церковь под своими мантиями нового собрата: «объятия отча отверзсти ми потщися: блудно иждих мое житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо, Господи во умилении зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою.»

После литургии и посещения ближних и дальних пещер, Митрополит милостиво предложил мне сопровождать его в две соседние пустыни, Китаеву и Голосеевскую, где устроил себе уединенное жилище. – Мы спустились с гор Киевских на берег

Днепра ниже монастыря Выдубицкого, на устье Лыбеди, а оттуда вдоль самой реки под навесом утесов продолжали живописное путешествие до пустыни Китаевской. – Пустыня сия, любимое место отдохновения князя Андрея Боголюбского, где был и загородный дом его, получила от него свое название, ибо он прозывался в простонародии Китаем, и доселе еще показывают на вершине горы место дворца княжеского. Разоренная татарами обитель обновлена в начале XVIII века Киевским наместником, князем Голицыным, во имя преподобного Сергия, и новая ее каменная церковь и Кивоначалной Троицы с приделами сего великого угодника и Святителей Московских заменила прежнюю деревянную. – Там отдохновение престарелых братий лавры в последние годы их труженического жития, там и братская их усыпальница, огражденная густым лесом и неприступными горами от мира, ими заживо оставленного. – По звуку колокола, возвестившего приезд Владыки, собралась вся братия принять благословение своего Архипастыря; ибо общая к нему любовь подчиненных есть отличительная черта его начальства, и она повсюду выражается в духовенстве и народе. Всех радушно благословил Владыка, помолился в храме и посетил работы вновь строившегося дома для келий: потом же сказал мне с приветливою улыбкой:

«хочешь ли, я покажу тебе Русский Афон с его глубокими лесами и маленькими скитами? Я приведу тебя в такие горы и леса, каких ты верно не видал. Есть где нобезмолствовать игумену лавры и всей братии; схимник наш успевает всегда прочесть наизусть целый псалтирь, покамест он обходит по сим дебрям от пустыни Китаевской до Голосеевской.»

Во время сей беседы, мы уже подымались медленно и с большим трудом по узкой дороге, промытой дождями в крутой горе, как бы в глубоком русле, которое было мрачно от густой зелени нависших деревьев, переплетававшихся ветвями в виде свода. Ветви их, с усилием разделяемые движением кареты, с треском ударяли в окно ее, и какое-то странное чувство наполняло сердце при этом путешествии под сводами древесными, которые напоминали подземелья Киева. В

полугоре мы остановились, и лай собак огласил жилье; несколько братьев отворили замкнутые ворота их малой усадьбы и радостно встретили своего Владыку: он приветствовал каждого по имени с простотою патриархальных времен, столь отрадною посреди зрелища сей девственной природы, к которой почти не касалась рука человеческая. – Тут на малой поляне были виноградники и фруктовые сады лавры: Владыка велел собрать плодов и сам бодро повел меня на вершину горы до креста, где стояли некогда палаты Китаевы Боголюбского; оттоле сквозь чащу леса прорывался местами очаровательный вид на синюю струю Днепровскую и необъятный горизонт Черниговской дебри. Насладившись чудным зрелищем, мы спустились опять мимо виноградников к вратам усадьбы; добрые иноки уже приготовили для нас целые корзины плодов, и мы продолжали путь все в гору по такому же тесному ущелью до другой усадьбы: там богатейший пчельник, снабжающий воском лавру на все течение года.

Опять несколько человек братьев, приставленных к пчелам, встретили своего Архипастыря с тем же взаимным благодушием, которое весьма трогательно при расстоянии степеней мирских и духовных. «Отец диакон, сказал Владыка одному из братьев, принеси нам хлеба и сота, я хочу угостить ими этого пришельца, который никогда не видал, как роятся наши пчелы.» – Покамest обязательный инок устремился исполнить волю своего настоятеля, я с любопытством смотрел на это обширное царство мудрых насекомых, которые, как некий отдельный мир, часто назидательный для нашего, под руководством одной матери-царицы деятельно трудились не столько для себя, сколько для чужого услаждения; ибо все отнимает у них человек, не всегда пользуясь их примером труда, единства и послушания. Бесчисленный ряд ульев тянется от самой беседки, где мы сидели, в глубину леса, и целое облако пчел роилось около каждого улья, наполняя все сие пространство шумом своей деятельности. – Странно было слышать такое громкое жужжание, слитое вместе в тишине леса, как бы отдаленный гул толпы народной, вобравшейся на какой-либо подвиг. Не столь же ли малыми представляются и

все величайшие деяния смертных из иного лучшего мира, если только они не обращены к тому, что есть единое на потребу, по словам Спасителя многозаботливой Марфе!

С вершины уединенной горы мы стали спускаться к пустыне Голосеевской, не выходя однако из дремучего леса, то глубоким оврагом, то узкою тропинкой, где невозможно было разъехаться; экононом пустыни, встретившийся нам на дороге, должен был осаживать свою малую повозку, доколе небольшое пространство между дерев не позволило ему вытащить ее из глубокой колеи. Но какие деревья нас осеняли! – серебристые тополи, яворы и клен, и развесистые дубы, и душистые липы, с дикими яблонями и грушами на полянах; южная природа щедро наделяет ими свои глухие дебри, когда северная едва видит их в ограде искусственных садов.

Наконец при довольно крутом спуске нам открылась на тесной поляне между двух оврагов, поросших лесом, церковь и усадьба из нескольких домиков с малым садом внутри ограды. «Вот моя пустыня!» сказал мне Владыка, с любовью указывая на свое отрадное жилище, где отдыхает он в безмолвии от трудов пастырских. Еще Митрополит Петр Могила положил основание сей пустыни, соорудив в ней церковь во имя одного из святых угодников родственной ему Молдавии, Иоанна Сочавского; нынешний же Владыка полюбил уединенное место сие, имеющее точно нечто привлекательное, потому что оно выглянуло из среды густого леса, как яркий луч солнца из-за туч. Там устроил он себе малый скит с домовою церковью Иоанна многострадального, чьи святые мощи вкопаны по иереи в пещерах, и там он бывает точно, как отец с детьми, посреди окружающей его братии большею частью из заслуженных иноков лавры, пришедших искать успокоения под сенью той же пустыни. – После трапезы я воспользовался кратким отдыхом Владыки до всенощной, чтобы идти с одним из монашествующих во глубину леса, к обрыву горы, отколе открывается дальний Киев. Он нам мелькнул вдали над глубоким провалом между раздвинувшихся деревьев, как некое видение, плавающее в вечернем тумане с румяными призраками своих куполов и колоколен. – Казалось, еще

мгновение, и видение сие сольется с облаками, останется одна лишь ясная лазурь неба; но вот оно все пред глазами, как Апокалиптический образ нового Иерусалима, исполняющий душу сладким восторгом: – это просвет иного мира из оконца здешнего. Место сие служит ежедневною прогулкой преосвященного, утром и вечером; на самом краю утеса поставлена скамья под навесом деревьев; оттоле, созерцая паству свою не только мысленным, но и чувственным оком, он осеняет ее своими благословениями и пастырскими молитвами, как бы с горнего места лавры Печерской или Софийского собора.

XIII. Печерская лавра

Я возвратился опять в лавру, чтобы уже более не оставлять ее до самого отъезда, и часы, свободные от богослужения, посвящал внимательному ее осмотру. По истине, на ней и доселе пребывает обетованное преподобному ее основателю благословение святыя горы Афонския, и, как выразился блаженный ее летописец, так и сбылось: «что многие монастыри от князей и от богатства поставлены; по не таковы они, каковы поставленные слезами и лощением, молитвою и бдением. Антоний не имел ни злата, ни сребра, но все стяжал слезами и лощением.» И так, вот в какую великолепную обитель обратилась двухсаженная пещера, где спасался на Берестове благочестивый пресвитер Иларион, будущий Митрополит всея Руси, и вот, что произвел преемник его убогой пещеры, когда с простою верою он в иен помолился: «Господи! утверди меня в месте сем, и да будет на нем благословение святыя горы и моего игумена, меня постригшего.» Прошло несколько лет, и прославился Антоний в Русской земле; он начал принимать и приходившую к нему братию, совокупил их двенадцать в пещере, ископанной с церковью и кельями, и, передав им благословение, первое от Бога, второе же от святыя горы, поставил им игумена, а сам жил особо. Еще немного, и уже тесны стали подземная церковь и горняя; Антоний посылает сказать Великому Князю: «Княже мой, се Бог умножил братию, а место сие мало: если бы ты нам дал гору, что над пещерою,» и радостно уступает гору сию Нзяслав: воздвигается церковь великая с кельями и оградю вокруг, оттоле прозвался Печерским монастырь, а прежде сего жили чернецы в пещере.

С такою евангельскою простотою описывает начало лавры один из первых ее постриженников: невольное благоговение проникает в сердце, когда вспомнишь, что возникло из сего убогого, но святого начала! Какой обильный свет пролился на всю Россию из мрака пещерного сей обители, которая, по словам Патерика, как море, не могла держать в себе ничего гнилого, и уже в течение первых двух веков поставила до

пятидесяти епископов из среды своих смиренных братьев на святительские кафедры! Так велика была святость места, что самые епископы готовы были изменить славу своего высокого сана на смиренное послушание игумену лавры, предпочитая день единый в доме Божия Матери тысячам на своих кафедрах: они даже завидовали участи нищих, валявшихся во прахе пред воротами обители: князья же, великие и удельные, ничего не предпринимали без благословения ее игумена и без молитвы над мощами основателя и пред чудотворною иконою Богоматери.

Как трогательно избрание блаженного Феодосия в настоятели умножившемуся братству! «Поставь нам игумена», говорят иноки великому старцу своему. – «Кого хотите»? спросил Антоний: они же отвечали: «кого хочет Бог и ты» и старец сказал: «кто между вами больше Феодосия послушлив, кроток и смиренен? он да будет вам игумен»: и братия, с радостью поклонившись старцу, поставили игуменом Феодосия. Их было только двадцать, но вскоре совокупилось сто молитвенным рачением нового настоятеля, который искал для них правила иноческого и списал самый строгий устав Студийский, по случаю перенесенный из Царьграда одним Греческим иноком. Феодосий уставил в монастыре своем: как петь пения и совершать чтения, и поклоны, и стояния в церкви, и сидения на трапезе, и весь чин церковный: отселе восприяли все монастыри устав Печерский, говорит Нестор.

Таково было начало обители. Не менее чудно самое основание ее соборной церкви Успения, небесиподобной, но словам современников. Небесным светом указано было место ее жителям пещеры, и над ним повторилось ветхозаветное чудо руна Гедеонова; по таинственному гласу от иконы распятого Господа к Варяжскому князю Симону определена была долгота, широта и высота будущего храма златым поясом, украшавшим сие распятие, который вместе с венцем его принес Симон преподобному Антонию. Сам Великий Князь Киевский, Святослав, стал копать основание церкви, виденной Варяжским князем на облаках, и четыре искусные строители внезапно пришли из Царьграда с платою за труды свои на три года

вперед; они были дивно посланы двумя неизвестными старцами и благолепною царицею из Влахерн, которая вручила им Свою икону для залога ее вечного покрова будущему храму и мощи семи мучеников в его утверждение; образ же храма виделся им также на облаках. И вот сими старцами оказались Антоний и Феодосий, к общему изумлению их самих и пришельцев, и эта Царица была сама Владычица небесных сил, окружавших престол ее во Влахернах: а чудная икона, изображающая Успение ее на Сионе, чрез восемь столетий доселе висит над царскими дверями Успенского собора, источая исцеления притекающим. Десять лет спустя, уже по кончине блаженных основателей, столь же чудно посланы были ими, как и при жизни, искусные иконописцы из Царьграда; они узнали лики преподобных, и, по данному ими обету, расписали благолепно храм Печерский.

Но ни первоначальным аввам и копателям пещер, ни даже ближайшим их сотрудникам и преемникам, не суждено было видеть, как процвела поверх земли та лавра, которой глубокие корни подвека поливали они потом своим и слезами в недрах родной земли. Антоний испросил только гору, а Феодосий успел лишь заложить первое основание великолепного храма в 1073 году. Стефан, его преемник, достроил каменное здание, обнес оградой и перевел братию из древней пещерной обители в новую; но и он оставил лавру прежде ее совершения. Великий игумен Никон, один из первых, спасавшихся с преподобным Антонием, и постригший самого Феодосия, будучи призван после него в настоятели лавры, имел только утешение видеть ее расписанную пришельцами Цареградскими. Собор Успенский освящен был наконец при игумене Иоанне, 36 лет после его основания, уже при Великом Князе Всеволоде митрополитом Иоанном с четырьмя епископами, которые чудно соединились на торжество сие из дальних своих епархий, как некогда лик Апостолов к Успению Пречистой Девы: и день освящения 14 Августа, доселе празднуемый, ознаменовался еще год спустя торжественным перенесением нетленных мощей Феодосия из пещеры в основанный им храм.

Сия небесиподобная церковь, по сказанию современников, послужившая образцом для других благолепных храмов, была вся украшена с чрезвычайною пышностью внутри и снаружи: золотая мусия сияла вокруг на всех стенах и наипаче в алтаре, где дивно изобразилась сама собою чудная икона Богоматери над горним местом пред глазами иконописцев Царьградских: разноцветными мраморами был устлан помост, драгоценными камнями горели иконы, золотой крест водружен был на главе: каменная обширная ограда охраняла обитель, и двойными воротами в нее входили, одними князья и чины духовные, другими же народ и выносились мертвые. «Чудно было поистине, говорит летописец Нестор, постриженный еще во дни блаженного Феодосия, видеть черноризцев, коих совокупил Господь в обители Своей Матери, как некия светила, из всех пределов Русской земли. Одни предавались бдению, другие проводили время в коленопреклонениях и постились чрез день и два; кто питался только хлебом и водою, кто зелием вареным или суровым, и все пребывали в любви; меньшие покорялись старейшим, не смея говорить пред ними, разве с великим послушанием: также и старейшие с любовью назидали младших, как возлюбленных детей своих; если кто впадал в некое согрешение, два и три других брата, добродетельные, разделяли с ним наложенную на него эпитимию ради утешения и великой любви: если же кто удалялся из обители, все о нем печаль имели и убеждали возвратиться; убедив же, умоляли за него игумена и с радостью опять воспринимали. – Таковы были божественная любовь, смирение и воздержание в тех святых братиях, которые доныне сияют и по смерти различными чудесами, как неугасаемые светильники, и молят Бога за оставшихся и всех работающих в обители Божией Матери.»

Недолго однако же лавра Печерская наслаждалась первым своим благолепием. – Еще во дни Нестора летописца» свирепый Боняк Хан Половецкий», опустошая окрестности Киева при междоусобиях его князей, сжег в 1096 году близ лежавший дворец св. Владимира на Берестове и вторгся в самую обитель. Это случилось 20 июля на рассвете, во время отдыха иноков, утомленных всеобщим бдением: некоторые из

них погибли, другие успели спастись в пещеры; дикие враги ограбили кельи и церкви и сожгли весь монастырь, но у соборного храма зажгли только одни св. врата: более десяти лет не могла оправиться лавра от сего страшного набега. Спустя полвека, другие варвары, Торки и Берендеи, участвуя во вражде Ольговичей с Мономаховичами, ограбили также обитель Печерскую, и еще чрез восемнадцать лет сын Боголюбского с теми же дикими наемниками приступил к Киеву и расхитил сокровища лавры; она сделалась опять жертвою пламени и скудно обновилась до совершенного ее разорения при общем разгроме Монгольском. Свирепый Батый не пощадил ее святыни и разломал по окна небесиподобную церковь Успения: иноки спасли только чудотворную икону, укрывшись с нею в пещеры, отколе выходили по звуку тайного благовеста совершать литургию в одном уцелевшем приделе.

Девяносто лет продолжалось такое насильственное состояние древней столицы под властью баскаков ханских, которые сами не хотели жить в ее развалинах, доколе наконец другой язычник Гедимин, князь Литовский, не пересилил Ордынцев и не исторг у них наследия ослабевших князей Галицких. Властитель западный, хотя и не просвещенный Христианством, не питал к нему однако враждебного чувства; он понял, что вера есть лучшее сокровище новых его подданных, крепко приверженных к древней своей святыне, и дал им наместником князя православного, племянника своего Миндовга, хотя и не из племени Рюрикова. Таким образом род князей Ольшанских в течение полутора века мирно управлял Киевом. Только в последний год четырнадцатого столетия и еще однажды в первых годах пятнадцатого подвергся опять сей древний труженик опустошениям Татарским, последним порывам двухвековой бури, которая едва не стерла его с лица земли. Ордынский Хан, Тимур Кутлук излил на беззащитный Киев всю свою ненависть против мощного Витовта, князя Литовского, и чрез семнадцать лет другой Хан Эдигей подступил к городу; отраженный от его замка, он опустошил посады и лавру, истребив последнее ее достояние; ибо такова была ее

бедность, что она не более тридцати рублей могла внести за себя выкупа Тимуру.

Уже парод Киевский привык к своим новым властителям, как к родовым князьям, и полюбил их за благочестие. Последний из Ольшанских, Симеон Олелькович, как бы предчувствуя конец мирного правления своего дома, пожелал оставить вечную по себе память и залог будущего благосостояния своей области восстановлением церкви Печерской из двухсотлетних ее развалин.

Господь продлил жизнь благочестивого князя до того времени, пока не совершил он начатого дела, и к общему утешению всех граждан Киевских собор Успения вновь освящен был 3 декабря 1470 года при архимандрите Иоанне, а на следующий год уже погребли в нем самого храмоздателя. Здесь открывается Промысл Божий о вере православной, ибо лавра Печерская послужила рассадником и утверждением Православия в смутные времена гонений латинских; она одна устояла молитвами преподобных своих основателей, когда все вокруг рушилось, и благосостояние гражданское, и порядок церковный. Надменный Казимир, король Польский, не хотел более дать никого из рода Ольшанских возлюбившему их Киеву и, лишив древнюю столицу княжеского достоинства, назначил туда первым воеводою гонителя Гастольда исповедания латинского. Уже некому было вступаться за Православие: новые Митрополиты Киева, отделившись от Московских, жили в Литве, и к довершению бедствия в 1482 году Менгли-Гирей, Хан Крымский, внезапным набегом выжег опять лавру Печерскую; по она не совсем опустела, потому что сохранилась ее церковь.

Сеча Запорожская стала на пути набегов Татарских и оградила святыню Русскую. Король Сигизмунд утвердил опять грамотою своею существование лавры в 1592 году, и с тех пор под мудрым управлением ревностных своих архимандритов, Никифора Тура, Петра Могилы, Иннокентия Гизеля и других, она росла и крепилась, смело отражая от себя и от всего православия все нападения унии, доколе не осенил ее своим широкии крылом двухглавый орел Российский, который малым птенцом излетел из гнезда Киевского и уже оперился в вековых

битвах. В начале XIII века лавра Печерская испытала последнее свое бедствие, будучи вся истреблена страшным пожаром в 1716 году; но великий обновитель своего царства спросил только: «цела ли чудотворная икона Богоматери?» и, услышав, что спасена, сказал: «и так все сохранилось!» Он сдержал свое царское слово, и, как бессмертная птица Востока, непрестанно возраждающаяся из пламени собственного костра, так лавра Печерская в новой славе возникла из пепла и доныне радуется собою православных. По исчислению стольких бедствий можно судить, сколько изменился внешний и внутренний вид древней небесиподобной церкви Успения Богоматери, хотя и доныне чрезвычайно благолепный.

Величественно представляется она от св. врат лавры в семиглавом златом венце своем, как светлая Царица, утвердившая вечный престол свой на горах Киевских; на всех вратах ее лики преподобных и небесные лики, которые окружали престол Царицы Влахернской, некогда пославшей зодчих для созидания Себе дома сего. Углубление западных дверей, все исписанное ликами святых, как бы невольно вовлекает внутрь святилища молитвенною силою, его исполняющею, которая проникает сердце всякого, кто только приближается к сей древней сокровищнице молитвы. Первое, что поражает взоры входящего в храм, это божественный дар небесной Царицы святым угодникам Антонию и Феодосию: – икона ее Успения! Горящая вся драгоценными камнями, в златых дучах над царскими вратами, она сияет в полумраке святилища, как некое светило сего духовного неба, где видимо почивают лики святых: с правой стороны равноапостольный князь, начало и главизна просвещения нашего: с левой первый Святитель, крепкий именем Архистратига небесных Сил, совершивший благочестивое желание просветителя Руси в водах крещения, и после него первый архидиакон и великомученик Стефан: а со входа в церковь положены многие части преподобных Печерских и наконец сам великий основатель лавры Феодосий.

Припадем с благоговением к раке сего второго светила твердости Печерской, который, по выражению Нестора, как луна

совершенная, восприяв ангельский свет жизни от солнца Антониева, внезапно просиял с бесчисленными звездами учеников своих. Вся его жизнь была одним молитвенным подвигом; ибо еще отроком много страдал он от матери за свои непрестанные бдения и, пламенно возжелав достигнуть земного Иерусалима, обрел небесный в пещере преподобного Антония. «О чадо, сказал ему в духе пророческом блаженный отшельник, скорбна и тесна пещера сия, ты же не стерпишь тесноты ея:» и вот она расширилась его заботами в целую лавру. Великий Никон, постригавший юношу Феодосия, сам сделался одним из его подначальных. «Виждь смирение мое и труд мой,» взывал псаломски юный молитвенник, проводя все ночи в славословии, и так протекла иноческая жизнь его. Напрасно мать искала возмутить мир его душевный и возвратить в дом отеческий: едва умоленный Антонием на свидание с нею. он сам ее убедил оставить все красное мира для вольной нищеты. Феодосий в сане пресвитера и игумена не изменил своего подвига, утвердившись в оставленных ему Антонием пещерах, где и над землею воссияло его благочестие сооружением церкви; но прежде всего искал он царствия Божия и правды Его, и прочее все ему приложилось. Князья и бояре притекали к нему за словом назидания и умножившаяся вокруг него братия питалась духовным сотом его наставлений; для всех он был все, по глаголу Апостола, подавая пример строгого послушания и непрестанных трудов; ибо его начальство состояло в служении меньшей братии Христовой; но уста его вооружены были правдою пред лицом сильных и смирение не обращалось в потворство греху. Когда младшие братья свергли Великого Князя Изяслава с престола отеческого, мужественно обличал их блаженный старец словами писания: «глас крови брата твоего вопиет к Богу, яко Аведевой на Каина,» говорил он Святославу, и не хотел идти на зов его. Смирился властитель пред убогим отшельником и сам едва испросил себе дозволение взойти в обитель; когда же впоследствии Феодосий стал опять посещать палаты, он не преставаля внушать князю покорность старшему брату. Утешенный его приходом, Святослав воскликнул: «если бы и отец мой воскрес из мертвых, истинно я бы столько же

обрадовался его пришествию и не боялся бы его больше преподобной души твоей!» – «Если ты меня так боишься, отвечал Феодосий, то сотвори волю мою и возврати брату твоему старейшему престол, данный ему отцом твоим.» – Не только в палатах, но и в церкви изъявлял он такую же приверженность к законному князю, ибо велел у себя в лавре поминать в богослужении сперва Изяслава, а потом Святослава; и, не смотря на то, благоговел к нему державный и сам трудился при созидании его лавры. Однажды Феодосий нашел князя посреди играющих на органах и гусях и, молча воссев подле, опустил взоры, потом же сказал: «будет ли все сие так и в ином веке?» Умилился Святослав, велел умолкнуть органам, и уже с тех пор никогда не было слышно гласа мусикийского в присутствии святого. Обильна и трогательна повесть о милостыне и чудесах преподобного, которыми прославил его Господь еще при жизни и память коих доселе жива в его обители. Когда же возлюбивший его Бог открыл ему благовременно час блаженной кончины, святой старец призвал князя и всю братию и, поручив его покровительству свою лавру, назначил по себе преемником Стефана; он наставил иноков последним поучительным словом и обещал духом всегда пребывать с ними, тело же молил погребсти в пещере, где протекла большая часть его труженической жизни. Тогда, оставшись на едине, болящий пал на колена и в пламенной молитве предал Богу чистую свою душу.

Когда освящена была соборная церковь, братия Печерская единодушно молили игумена Иоанна не лишать их присутствия блаженного отца своего Феодосия; вопреки его завета, нетленное тело ископано было из пещеры и с чрезвычайным торжеством перенесено всеми епископами, бывшими в Киеве, во внутренность храма, которому только одно основание успел положить преподобный. Церковь и доселе празднует память сего события накануне храмового праздника лавры; но чрез полтора века исполнилось смиренное желание отца иночествующих: святые мощи его опять были сокрыты под спуд во время нашествия Монгольского; мы поклоняемся только месту их вторичного погребения в храме, как и гробнице

великого Антония в пещерах посреди такого богатства нетленных телес их учеников и последователей. Лики их изображены вокруг гробницы Феодосиевой и по стенам соборным в звездах; ибо преподобный Нестор сравнивает лавру Печерскую с твердью Российского неба, которое просияло столькими духовными созвездиями. С ними вместе изображены на западной стене и благодетели лавры Печерской, Великие Князья и удельные, начиная от трех сыновей Ярослава.

Каменная гробница одного из позднейших ее благодетелей находится в левом углу собора позади раки с частицами преподобных. – Столетний князь и воевода Константин Острожский, самый ревностный поборник Православия в горькую эпоху гонений униатских, который защитил Киев и всю южную Русь славою громкого своего имени и возбудил угасшее просвещение учреждением училищ и типографии, изваян весь из камня в броне воинской поверх своей гробницы; – конечно, велико было к нему уважение современников, если лавра Печерская приняла его в соборный храм на столь почетное место. – Еще три великие мужа погребены во внутренности церкви около левого ее клироса, хотя и не с таким великолепием; два из них со славою послужили Церкви и отечеству: это знаменитый Митрополит Петр Могила, памятью коего исполнен весь Киев, ибо живительная рука его напечатлелась на каждом из священных останков древней столицы Православия, и достойный его преемник по духу и учености, архимандрит лавры Иннокентий Гизель; третий из погребенных – гроза Оттоманов Задунайский.

По древнему обычаю церковному, семь Вселенских соборов, напоминающих молящимся пастырям и пасомым о незыблемом православию Церкви, изображены ближе к алтарю на боковых окнах и столпах, поддерживающих хоры; великолепен пятиярусный иконостас, устроенный хотя и после пожара, но в древнем вкусе с ликами Праотцов, Пророков, Апостолов и дванадцатью праздниками, которые постепенно восстают над нижним рядом местных, богато украшенных икон. Царские двери под чудотворным образом Успения вылиты из серебра: это благочестивый дар боярина Шереметева,

сподвижника Петрова на поле битв и в украшении храмов. Когда же отверзаются великолепные врата, открывается все благолепие дивного алтаря Печерского: обширный престол его окован серебряными досками с священными изваяниями усердием дщери Петровой, которая благоговела к древней святыне Киева; кругом его по стенам лики молящихся иерархов, а над горним местом, которое устроено в древнем вкусе глубоким полукружием с кафедрою святительскою и седалищами у ног его для сослужащих пресвитеров, великолепно изображена Вечеря Тайная. – Господь Иисус Христос с двенадцатью Апостолами во весь рост в позлащенных окладах восседает за божественною Вечерею, повторение коей совершается ежедневно на противостоянии престоле: внутри сей новой горницы Сионской невольно исторгается из уст божественная песнь великого четвертка: «приидите верные, на горнем месте насладимся Владычным угощением и бессмертною трапезою, возвышенными умами, из слова научаясь познанию возшедшего паки ко Отцу Богу Слова, которого величаем.»

Кроме алтаря соборного, есть еще девять приделов внизу и на хорах великолепного храма. С южной стороны примыкают к алтарю два придела во имя Архангела Михаила и Иоанна Богослова, в котором хранится древняя икона Феодоровской Божией Матери; пред нею молился святой мученик князь Игорь, когда повлекли его на страдальческую кончину, и сия свидетельница невинной кончины уцелела после самого разрушения обители отчей, где он спасался, как бы в обличие убийц его и для прославления его памяти. С северной стороны один только придел, устроенный князьями Борецкими во имя архидиакона Стефана; там положена была и часть мощей его, принесенная в 1717 году из обители Нямецкой Архиепископом Романским Пахомием; под нею усыпальница многих именитых родов княжеских, Ольшанских и Острожских, гетманов Малороссийских и православных воевод Киевских, епископов и архимандритов лавры. Придел св. Иоанна Предтечи находится в северо-западном углу собора, а противоположный ему, Трехсвятительский, занят ныне ризницею лавры. На

пространных хорах четыре престола: во имя просветителя Руси, Апостола Андрея Первозванного, коего память особенно почитается в Киеве, и преподобного отца иночествующих Печерских Антония с правой стороны: а с левой: блаженного его сотрудника Феодосия и Преображения Господня: ибо вся прославленная гора Печерская сделалась святым Фавором земли Русской, где просияла слава Единородного в бесчисленном лике учеников Его, по гласу благоволившего о Нем Отца.

К югу от великой церкви братская трапеза, построенная в начале прошедшего столетия на развалинах древней, составляет довольно обширное здание с примыкающими к ней службами, и в ней отдельная церковь во имя верховных Апостол; а в близ лежащих настоятельских кельях еще две церкви: одна, весьма обширная, во имя Святителя Михаила, где совершается в зимнее время богослужение, другая же крестовая во имя чудотворца Митрофана; обе недавно устроены благочестием нынешнего настоятеля лавры Печерской. Здание типографии к востоку от собора, а к северу и западу два и три ряда келий соборных и братских расположены правильными улицами по направлению святых и северных ворот лавры, с малыми впереди их цветниками и длинными аллеями орехов; кельи сии дают ей подобие целого города духовных граждан, который обнесен твердынею видимых стен и невидимой молитвы преподобных его основателей.

В обширной ограде, сооруженной Гетманом Мазепою на пространстве более версты вокруг всей лавры, трое врат открывают в нее благоговейный вход. – К востоку от соборной церкви, в полугоре, пещерные врата, чрез которые теснится непрестанная вереница богомольцев в ближние и дальние подземелья Антония и Феодосия. К западу, прямо против собора, святые врата, богато украшенные ликами преподобных, которые встречают соборно другой лик благоверных князей Русских, к ним притекавших на земле и с ними обитающих на небесах. Здесь все заступники земли Русской, прославившиеся духовно в южных ее пределах и наипаче в Киеве. – Над вратами церковь Пресвятые Троицы, которую православно

исповедал сонм сих праведников, чина мирского и духовного. Первые св. врата лавры с тем же храмом устроены были еще в 1106 году блаженным вратарем их, правнуком великого Ярослава, князем Черниговским Николою, прозванным Святошей за свое благочестие, мощи коего нетленно почивают в ближних пещерах.

«Преходит образ мира сего, и Господь многажды низлагал престолы князей!» так помышлял благочестивый потомок св. Владимира и предъизбрал лучшую часть оставленного им наследия, – царство небесное вместо земного. Он постригся в раннем возрасте в лавре Печерской и смиренно исполнял самые тяжкие послушания, не смотря на убеждения братьев своих, Изяслава и Давида, князей Черниговских, дабы возвратился в дом отчий: три года служил иной братии своей духовной в поварне, и столько же при трапезе, и три года, как ревностный вратарь охранял святые врата. Тогда только уединился в келью, где провел еще тридцать лет в строжайшем посте, возделывая малый сад и с помощью врача своего призирая болящих, для коих устроил богадельню подле святых ворот с церковью во имя своего Ангела. Часто убеждал князя искренно приверженный к нему врач воздержаться от непомерных подвигов для сохранения жизни и не работать черноризцам, как бы купленный ими раб: он представлял ему в пример благочестивых предков, спасавшихся иным путем, но блаженный Святоша отвечал: «брат мой, довольно рассуждал я о здравии души и убедился, что неблагоприятно щадить плоть, дабы она не возстала на дух; если же изнеможет, то и тогда в немощи моей совершится сила Божия, ибо, по слову Апостола, нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая в нас откроется¹⁶. Благодарю Бога, что Он сделал меня рабом Своим рабам черноризцам: ибо я, будучи князем, в лице их работаю Царю царей. Братия мои по плоти пусть довольствуются землею моею областью, которую им оставил, обнищав Христа ради для иного царства; для меня же – жизнь Христос, а смерть приобретение¹⁷. Если же и никто из князей Российских до меня так не действовал, пусть буду я

предводителем их по следам Царя небесного, дабы хотя отселе кто-либо поревновал моему примеру».

Слова блаженного Николы подтверждались знамениями; он исцелил молитвою самого врача, когда сей, испытав бессилие земных лекарств, доверился наконец целебной силе князя: по его убеждению постригся иноком врач, умолив преподобного, который уже имел предчувствие о своей кончине, испросить ему у Господа милость умереть вместо него, дабы сам Никола ангельскою жизнью послужил на спасение многим. Исполнилась благочестивая молитва: князь-инок еще тридцать лет сиял своими добродетелями в лавре; после же блаженной кончины власяница его исцеляла болящих и служила броней воинскою единокровным князьям.

На месте его богадельни доселе существует монастырь больничный с церковью чудотворца Николая. Таким образом три отдельные обители, ближних и дальних пещер и больничная, обретаются внутри обширного иноческого мира лавры: каждая из них имеет по несколько церквей и приделов, особенно же в дальних пещерах, где, кроме тех подземных, две внешние большие церкви Зачатия и Рождества Богоматери вместе с кельями братскими составляют сами по себе пространный монастырь. Над северными или Экономскими воротами лавры есть еще церковь во имя Всех Святых, дабы никто из тайных угодников Божиих, спасавшихся в безмолвии пещер, не лишился по своему смирению подобающей ему славы и от воинствующей Церкви, подобно как все ликуют с небесною своею братией в сонме торжествующей Церкви.

Недалеко от сих ворот, вне огады, находится древняя церковь Преображения Господня, сооруженная еще равноапостольным князем Владимиром в любимом селе своем Берестове, где и скончался; там же погребены были правнук его Долгорукий, столько возмущивший родную землю междоусобиями, который достиг наконец престола великокняжеского, чтобы только успокоить прах свой в уединении Берестовском. Там и сын его Глеб, недолго княживший, и сестра София, королева Венгерская, и кроткая его мать Евфимия. супруга великого Мономаха: – кто знает место

гробов их после стольких разорений? – Недалеко от сего храма находилась другая церковь верховных Апостолов, воздвигнутая также равноапостольным князем, где был пресвитером блаженный Кларион до своего избрания на митрополию Киевскую; оттоле ходил он для безмолвной молитвы на дикий берег Днепра в малую ископанную им пещерку, в которой поселился потом преподобный Антоний; это было началом дальних пещер лавры. – И так вот священный родник, отколе брызнул сей первый ключ живой воды, спасительно оросивший гору Печерскую и разлившийся многими реками по всей России! – но теперь неизвестно и самое место бывшей Петропавловской церкви.

Спасская, уцелевшая по своему каменному зданию от разорения Монгольского, принадлежит к древнейшим памятникам Киева и доселе свидетельствует о вкусе тогдашних художников. Живопись некоторых икон показывает следы Византийского искусства, и, вероятно, они были обновлены по древним чертам. Великий обновитель всего разоренного в Киеве, Митрополит Петр Могила поднял и ее из развалин, как видно из существующей доселе на стенах Греческой надписи, и украсил священною утварью: туда перенес он на время честную главу почившего в ее соседстве князя Владимира, но потом для большей безопасности в самую лавру; а великий Петр оградил священный памятник древности от набегов неприятельских, включив его внутрь крепостной ограды. Но, созидая крепость, он уничтожил монастырь женский во имя Вознесения Господня, ставший против самых св. ворот лавры, где теперь арсенал, и перевел инокинь его в нижний город, в обитель Флоровскую. Подле св. врат доселе существует церковь преподобного Феодосия, некогда деревянная, ныне же каменная, которая сооружена была в память перенесения мощей его из пещеры в лавру: ибо на этом месте остановились с честною ракой иноки для отдохновения и поставили ее на обрубок дерева, хранящийся под престолом храма.

Я взошел на величественную колокольню лавры, начатую при Императрице Анне и оконченную при Елисавете: в ней четыре яруса разнородных колонн, Дорического, Ионического и

Коринфского ордена высота ее 47 сажен с крестом; она почитается высочайшею из всех колоколен Российских и по своему нагорному положению видна более, нежели за тридцать верст по Московской дороге; с ее же вершины взор достигает до города Козельца на расстоянии семидесяти верст. Вся панорама Киева, Днепра и живописных окрестностей открывается стоящему на последнем ярусе столпа сего, вполне достойного лавры, в которую зовет он на молитву мирным гласом своих колоколов. Жадно разбегаются взоры по сему очаровательному и разнообразному чертежу вод и гор, лесов и полей, повсюду украшенных каким-либо священным зданием; потом опять сосредоточиваются они на одной живописной массе Киева, двухъярусного, горного и дольного, разделенного садами и оврагами, и сияющего Божиими храмами: наконец утомленные падают прямо на св. лавру и ее пещеры, как на единый мирный приют посреди сей тревожной картины.

С племянником Владыки, отцом Антонием, приятным и радушным спутником многих моих хождений внутри лавры и по ее окрестностям, совершил я сей последний восход и уже полагал, что успел в короткое время видеть все достойное внимания в стенах обители; но Митрополит озаботил меня вопросом: «видел ли ты юдоль преподобных Антония и Феодосия и был ли на их кладезях?» – Я же не знал и о их существовании. Тогда кроткий пастырь, обратясь с улыбкой к своему племяннику, сказал ему: «поди же и отведи его в сию долину, и пусть почерпнет там воды из струи, освященной руками преподобных; ибо место сие еще дико и отрадно, как во дни святых отшельников.» Немедленно вышли мы через пещерные врата из стен лавры и, минуя крытый ход ближних и дальних пещер, несколько повыше их достигли до каменной церкви Зачатия Богоматери, что над самым холмом дальних пещер Феодосиевых. Там, насладившись зрелищем лавры, которая величественно восставала пред нами, по уступам гор мы стали спускаться крутою стезею в глубокую дебрь, поросшую вековыми тополями и яворами, доколе не обрели на дне оврага малый кладезь, – это был Феодосиев.

По другую сторону оврага, под сенью развесистых деревьев, находился иной кладезь, более обделанный, с скамьями вокруг него, – это был Антониев. Сюда с противоположных холмов сходились, каждый к своему роднику, преподобные основатели лавры из мрака пещерного на Божий свет, нося на старческих раменах тяжелые водоносы для утоления не одной лишь своей жажды, но и подначальной своей братии; ибо они первые подавали во всем пример смирения и послушания. Здесь, быть может, во глубине дебри встречали они друг друга ангельским приветом и менялись назидательным словом: и Феодосий припадал к стопам отца иночествующих, и Антоний взаимно воздавал ему честь пресвитерского сана, которого чуждался сам по смирению! – О безмолвная дебрь! зачем так глубоко хранишь ты тайны их уединенной беседы в своих недрах? что же ни одно ее ангельское слово не отзовется жадному слуху? – Кто бы не пожелал, как некогда Самаряныня, напоить жаждущую свою душу благочестия водами я зачерпнуть струю живую, текущую в вечность из кладезя сих двух блаженных последователей. Долго сидели мы при кладезе Антониевом и безмолвствовали, как бы ожидая чего-то таинственного из его священного устья; – безмолвствовала вокруг и вся природа, разделяя священное молчание юдоли преподобных: слышался только тихий шелест листьев густой дубравы и голос птиц, которые пели свои воздушные песни в недоступной для нас высоте, как райские гости, залетевшие в сей новый Эдем преподобных.

На другой день удостоился я вкусить в раю пещерном, возделанном их руками, божественные плоды древа жизни, вновь для нас процветшего: приобщиться животворящего тела и крови Господа Иисуса Христа в подземной церкви преподобного Феодосия. Сам Владыка совершал божественную литургию с настоятелем дальних пещер и схимником, отцом своим духовным, который мысленно живет уже за пределами гроба; чудно было видеть служение святительское и слышать пение ликов во мраке и тесноте пещеры. Когда узкими воротами, как бы воротами небесного царствия, исходил он из глубины темного алтаря в светящейся ризе и митре и осенял церковь, –

внезапный свет осиявал пещеру; нечто неземное представлялось в лице Святителя, воздевшего руки свои горе; а два иподиакона по сторонам его, также в светлых одеждах и в вертепе, напоминали радостных вестников воскресения Христова из упраздненного гроба. Когда же опять с удалением Святителя во глубину алтаря водворялся мрак при слабом мерцании лампад иконостаса, – в боковых отверстиях пещеры появлялись огни из дальних ее переходов и потом опять исчезали; люди мелькали, как призраки, каждый минутно озаренный свечью, которую держал в руках: это были мимоходящие богомольцы, совершавшие набожное поклонение кругом всех пещер. Страшно и утешительно было слышать призывный глас диакона: «со страхом Божиим и верою приступите;» ибо малое число молящихся в тесноте подземелья казалось умноженным давними жителями сих пещер, которые искреннее нас уже приобщаются Христу в невечернем дне царствия Божия!

XIV. Праздник Успения

Настало время светлых торжеств для первопрестольного Киева и день предпразднества Успения Пречистой Девы, Которая искони утвердила дом Свой на горах Киевских. ее честному Собору по Рождестве Бога Спаса праздновала древнейшая Десятинная церковь, а в св. Софии величается самое рождество Пречистой Матери; наконец и в лавре Печерской с великою радостью духовною чествуется день ее Успения; ибо сохранившая девство в рождестве. и в успении не оставила мира, молитвами Своими спасая от смерти души наши. – «Людие предъиграйте, воспевают Церковь, руками плещуще верно, и любовью соберитесь, днесь радующеся и светло восклицающе вси веселием: Божия бо Мати имать от земных к вышним приити славно, Юже песньми присно, яко Богородицу славим.» Но в тот же день и другое воспоминание церковное, близкое сердцу лавры: перенесение честных мощей преподобного отца ее Феодосия Печерского, и ему поет собранная им паства: «наследник отцев быв, преподобие, тех же последовал еси житию, учению, нраву и воздержанию, молитве же и предстоянию; тем, яко имея дерзновение к Господу, прощение прегрешений и спасение испроси вопиющим ти: радуйся отче Феодосие.»

Митрополит, неутомимый на молитву, совершив накануне божественную литургию в дальних пещерах, где были обретены нетленные мощи св. Феодосия, как бы следуя духовно за их перенесением, опять священнодействовал в том храме, куда внес их некогда с великим торжеством собор епископов Русских; утешительно было слышать над самою ракою преподобного молебный глас к нему о заступлении собранного им стада и Церкви, которая прежде всех своих праведников его первого причла к лику святых. Вечером того же дня другое, более торжественное служение совершилось в соборной церкви: погребальная всенощная Успения Богоматери, частью своих молитв и обрядов напоминавшая глубокую утреню великой субботы.

«О дивное чудо! восклицает изумленная Церковь, духовно созерцая с ликами ангельскими, како Дева восходит от земли на небо, – источник жизни во гробе полагается и лестница к небеси гроб бывает: веселися Гефсимание, Богородичен святой доме: возопием верные, Гавриила имуще чиновачальника: благодатная радуйся, с Тобою Господь, подай миру Тобою велию милость.»

«Дивны Твои тайны, Богородице! Вышнего престол явилася еси, Владычице, и от земли к небеси преставилася еси днесь: слава Твоя боголепная, богоподобными сияет чудесы: девы с Материю Царевою на высоту вознеситесь; благодатная радуйся, с Тобою Господь, подай миру велию милость.»

«Твое славят успение Власти и Престоли, Начала и Господствия, Силы и Херувими и страшнии Серафими, радуются земнородные, о божественной Твоей славе красящиеся; припадают Царие со Архангелы и Ангелы и воспевают: благодатная радуйся с Тобою Господь, подай миру Тобою велию милость. »

Вся пространная церковь лавры наполнена была народом, стекшимся из дальних краев России на сие священное торжество: открылись царские врата для полуелея: Митрополит с двумя епископами, шестью архимандритами и всем клиром, в полном великолепии своего сана, вышел на средину церкви величать Честнейшую Херувим. Началось стихословие семнадцатой кафисмы: «блажени непорочны, в путь ходящий в законе Господнем», подобно, как то бывает над плащаницею Божественного Сына Пречистой Девы в день Его гробового покоя, и Святители трижды обходили церковь с кадилом в руках, по чину великой субботы. Спустилась пред царские врата и чудотворная икона Богоматери после шестой песни ее трогательного канона; Владыка, окруженный духовным собором, подобно Апостолам, сошедшимся на Сион для погребения Матери Слова, читал в слух всей церкви торжественный акафист ее Успения, как бы пред лицом самой Царицы небесной, и во всех сердцах отзывалось ангельское приветствие: «радуйся Обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая!»

В глубокую полночь окончилась всенощная, и величественно было видеть обратное шествие Митрополита из собора в свои кельи в сопровождении клира, который освещал путь его во мраке при густом реве всех колоколов лавры. На следующее утро, в самый праздник Успения, после водоосвящения, преосвященный викарий со всем духовенством, предшествуемый хоругвями и иконами, совершил крестный ход вокруг лавры, начиная от северных врат ее, мимо святых, и до пещерных; он останавливался перед каждым вратами для литии и окроплял древние стены и толпу богомольцев. Митрополит священнодействовал сам божественную литургию, с таким же духовным торжеством, как и всенощную, при том же числе сослужащих епископов и архимандритов, и сказал назидательное слово, приличное торжеству дня. С большим утешением всегда внимал я его проповеди, потому что он говорил без приготовления, большею частью на текст дневного Евангелия, которое диаконы держали перед ним отверстым у амвона, а он, опираясь на свой посох, изливал в простой речи свое сердце, проникнутое любовью к Господу Иисусу. Его святое имя беспрестанно слышалось в устах святительских, и сие невольное повторение, проистекавшее от пламенной веры, производило сладкое впечатление на душу. Я видел людей всякого звания и возраста, глубоко тронутых проповедью, которая не заключала в себе изысканной витиеватости, но ее красноречие вытекало из сердца, и потому находила она себе отголосок.

Многочисленные столы для нищей Христовой братии накрыты были кругом всего собора: Митрополит, возвращаясь в кельи, благословил их на вкушение пищи; но набожная толпа более жаждала пастырского благословения, нежели трапезы, и теснилась около него больше, чем вокруг столов. Всеми уважаемый начальник того края, с властями светскими и духовными, собрались в кельи преосвященного приветствовать его с общим торжеством лавры и Киева: он пригласил желающих на братскую трапезу в церковь Петра и Павла, и патриархальный обед сей, при обычном чтении и возношении

хлеба в память Пресвятой Девы, напоминал древние времена Церкви. – Так окончилось торжество.

Я воспользовался остатком вечера, чтобы проститься с моими Киевскими знакомцами, которые столь радушно меня приняли, потому что на другой день уже готовился в обратный путь. Хотя собирались тучи и полился дождь, не хотел я однако оставить Киева, не посетив еще однажды любимой моей церкви первозванного Апостола. Я обошел в последний раз кругом ее живописной паперти, быстро обегая взорами окрестность, омраченную непогодой, взшел и во внутренность храма во глубину алтаря: там все было тихо и мрачно; в уединении помолился я моему Ангелу, просветителю пашей отчизны: когда же опять вышел на паперть и стал спускаться с ее высоких ступеней, багровый свет проглянул из-за черных туч над горою Олега; – там садилось солнце!

Праздник нерукотворенного образа Спасова встретил я на молитве в ближних пещерах и, отслушав там последнюю литургию в церкви преподобного Антония, простился с ликом праведников, почивающих под его сенью. Уже все было готово к моему отъезду: добрый Владыка удержал меня еще на трапезу, потом привел в свою прекрасную молельню и, благословив иконою Успения и преподобных, сказал: «мы простимся там, где и свиделись; сядь и посмотри еще однажды на духовные сокровища ближних и дальних пещер: насладись в последний раз сим великолепным зрелищем, чтобы оно глубже впечатлелось в твоей душе, и потом мы помолимся.» – Молча, сели мы друг против друга, я смотрел в окно, по все казалось мне в тумане, потому что невольная слеза застилала предо мною очаровательные виды. «Теперь время», сказал, поднявшись, Владыка и осенил меня крестом: «Бог да благословит жизненный путь твой!» Внутреннее смущение лишило меня слов; так мы расстались. Радушный мой спутник, отец Антоний, и отец наместник, благосклонно меня принявший в лавру, провожали меня до св. ворот. Там пред ликами преподобных ее основателей наместник окропил меня святою водою и молитвенно вывел за ограду. С сердцем, исполненным грусти, оставил я святую обитель, и стал спускаться к Днепру по

горам Киевским в сопровождении одного из сослуживцев прежней военной жизни, который накануне приехал в Киев, чтобы увидаться со мною после долгой разлуки. Мы вспоминали о лучших днях молодости, и настоящее казалось для нас бледно пред минувшим: в дружеской беседе нам не заметно было, как перешли мы длинный Днепровский мост; я простился с ним по ту сторону реки, уже в пределах Черниговских. – Так много впечатлений нечаянно стеснилось в душе моей в последнюю минуту расставания с древнею столицю.

Медленно подвигался я по глубокому песку вдоль берега до новой дороги, имея пред собою великолепное зрелище Киева. Вечернее солнце, беспрестанно выглядывая из-за дождевых облаков, бросало яркие лучи на его бесчисленные храмы и на окрестные горы и долины с чудными переживаниями света и мрака, как искусный художник, последними резкими чертами гениальной кисти довершающий главные предметы своей картины. Вся священная лавра облеклась в одну белую ризу, которой пышные воскрылия широко расстилались по зеленым коврам Печерским. Она увенчала золотыми митрами многоглавное чело свое, и, как фимиам кадильный, поднялся от нее легкий туман; – казалось, сонм святительский на молитве; открылись и медные уста ея... голос их, считая время, вещал о вечности! – Не мог я оторвать взоров от сего очаровательного вида, хотя уже быстро мчался по большой дороге, доколе все не исчезло в чаще леса; но с каждого пригорка через верхи деревьев мне опять являлась та же великолепная картина в умаленных размерах; долго еще подымался на горизонте царственный скипетр державного Киева, колокольня Печерская; наконец и она скрылась, осенив меня золотым крестом своим.

1843.

I. Усадьба в Киеве

*«Не ¹⁸умамы бо пребывающем града, но грядущего
взыскуем»*.

Помню, преосвященнейший Владыко, что сими словами Апостола Вы мне возразили, когда прошлую осенью, возвратясь из Киева, в первый раз я сообщил Вам о моем намерении приобрести себе усадьбу на старом Киеве близ церкви Ангела моего Первозванного. И однако, хотя я вполне чувствую всю силу и истину Апостольского слова, я уже обрел себе место стояния ногам моим на близкой моему сердцу вершине горы Андреевской. Осудите ли мою настойчивость? Нет, имейте снисхождение к тем причинам, которые побудили меня искать себе успокоения, если только оно может существовать на земле, здесь собственно на месте, для меня отрадном и священном. Я это пишу Вам в день торжества Вашей лавры из пустыни Межигорской, где мы также совершали память преподобного Сергия, который заменил Вам здешних первоначальников Антония и Феодосия: он разделил с ними отечество иноков Русских, усвоив себе весь север, как имя и благословение Печерских преимущественно на юге.

Но живописная сия пустыня в лесистом ущелии на крутом берегу Днепра, созданная самою природою для безмолвия иноческого, обращена теперь из обители в фаянсовую фабрику. До такого прозаического назначения низошло сие поэтическое место, где искони процветала обитель! – Она заменила Боголюбскую в Вышгороде, Белого Спаса, отколе перенесена была в первопрестольный собор чудотворная икона Богоматери, писанная Евангелистом. Соборная благолепная церковь, сооруженная знаменитым постриженником бывшей обители, Патриархом Иоакимом, и до ныне празднует Преображению. Но таких священных воспоминаний не пощадила властная рука князя Таврического, опустошившая в одно время с Межигорьем на Днепре и Святые горы на Донце. Внезапно выгорела обитель и была упразднена по нелюбви князя к Запорожцам, коих почитала она своими ктиторами. Слава Богу, что обновились

Святые горы после их семидесятилетнего запустения благочестием владельцев, тезоименитых опустошителю. Но Межигоры еще ждут обновления и едва ли дождутся, потому что с возвращением их к первобытному назначению сопряжено слишком много материальных интересов, и со стороны казны, и со стороны частных владельцев, взявших весьма недавно на аренду сие богатое фаянсовое заведение, хотя и без успеха; ибо, как сами они выражаются: «нет благословения на этом священном месте для чего-либо иного, кроме обители».

Так, по крайней мере, говорил мне нынешний владелец Межигорья, Барский, происходящий от того знаменитого поклонника Палестинского, Плаки Григоровича Барского, который оставил нам столь любопытные записки своего многолетнего странствия. (К сожалению, в недавнем пожаре Киевском сгорели все неизданные еще планы и рисунки его путешествия, долго тлевшие на чердаке ветхого его дома, а некоторые рукописи розданы были для чтения, и надобно полагать, что пропали). Барский дал мне у себя приют для летнего купанья, и я наслаждаюсь всею тишиной пустыни за 20 верст от Киева, в отжившей обители, не обращая внимания на то, что теперь в ней делается позади меня. Взор мой обращен только на Днепр, над которым висит мой скромный домик, построенный на крайней террасе монастырской, где были настоятельские кельи.

Вправо и влево горы поросли лесом там, где прежде были фруктовые сады и виноградники. Обитель втеснилась со всеми своими зданиями и с двумя благолепными храмами в живописное у долине, давшее ей название Межигорья. Предомногу необозримые луга и пески Заднепровья, поросшие кустарником; вдали синют леса, окаймляющие весь этот необъятный горизонт. Широкий и величествен Днепр под Межигорьем, с одной стороны образуя глубокие заливы, с другой огибая крутой мыс Вышгорода. Днем и ночью оживлена сия великолепная картина. Вверх быстрой реки тяжело поднимаются или вниз ее легко несутся на веслах и парусах разнообразные барки и тянутся длинные плоты с лесом; легкие челноки рыбаков скользят по водам, пересекая путь тяжелых

судов; иногда дымятся и пароходы, и слышится на них песня. Ночью же, когда все вокруг замолкнет и утихает Днепровская жизнь, она еще искрится в легких огоньках, которые загораются во всех направлениях реки на причаливших к берегу плотам, или у рыбаков, ожидающих ранней зари для своего промысла где либо на лугу Заднепровья.

Вчера я долго любовался, пока из-за ближнего мыса от Вышгорода поднялась багровая луна и потом заструился ее серебристый столп во всю длину изгибающегося тут Днепра. Картина, достойная кисти Айвазовского! Я сидел на своей террасе и размышлял о минувшем Межигорья, мечтал и о его будущем: восстановится ли тут когда-либо обитель? или навсегда ей суждено оставаться тем, что есть? Не ужели память Боголюбского и той святыни, которая отселе истекла в первопрестольный град, не подвигнет ни чье сердце к обновлению святого места, и материальные выгоды или издержки остановят благонамеренных? А как бы тут можно основать ученое братство для духовного просвещения!

Но, увлеченный мечтами, я совершенно отклонился от своего предмета, чтобы только объяснить, где я теперь, и в каком расположении духа пишу сии строки себе в оправдание. Итак, скажу Вам, что не в прошлом лишь году родилось у меня желание водвориться в Киеве, но более, нежели за 30 лет пред сим, когда, отправляясь на военную службу, впервые посетил я Киев в самом разгаре юного воображения, на которое сильно подействовали и древность и святыня матери городов наших. Случилось и необыкновенное обстоятельство. Как теперь помню, это было весною 3-го мая, на память преподобного Феодосия; мне хотелось непременно поспеть в лавру к обедни, не смотря на сильную бурю и разлив Днепра. Молодость предприимчива: не слушая никаких советов, я доверился отваге двух рыбаков на малом челноке, который едва не опрокинула буря, так что мы должны были причалить к пустому острову и переждать погоду: но. не дождавшись, опять пустились по бурным волнам, и нас принесло к Крещатику. Тут, против того места, где крестил детей своих равноапостольный князь, вышел я на берег и поспешил к памятнику благодарить

Господа и Его угодника за свое спасение. Тогда еще мелькнула у меня мысль водвориться в Киеве, который поразил меня своим великолепием с противоположного берега и, во время бурного плаванья, меня будто манила к себе воздушная церковь моего Ангела, Первозванного Апостола на своем утесе, как бы на облаках.

С тех пор все более и более развивалась во мне мысль о водворении в Киеве всякий раз, когда я его проезжал, а это бывало часто в первые годы военной службы до возвращения из Иерусалима в 1830 году. И вот теперь лишь, чрез столько лет, суждено было исполниться давнему желанию, и мне выпало на жребий место у самой паперти церкви Апостола. Тринадцать лет я не был в Киеве после первого Палестинского странствия, и, когда я опять посетил его в 1843 году, протоиерей Андреевской церкви указывал мне с паперти окрестность, приглашая избрать где-либо место подле храма для усадьбы. Это было напечатано в моем описании Киева, и многим стало известно мое намерение, так что Киевляне из числа духовных уже почитали меня своим согражданином. Когда я вторично посетил Восток в 1849 и 1850 году, со мною была неразлучна мысль о храме Первозванного: я испросил на Святой горе, в ските Пророка Илии, у Русского игумена Паисия, частицу мощей Апостольских, мизинец от левой его стопы, стоявшей на горах Киевских в ту минуту, как водружал он здесь первый крест, предрекая будущую славу сего места. Во все время моего странствия по святым местам носил я на груди заветную сию святыню, чтобы доставить сохранно в Киев и, принеся, устроил для нее малый серебряный ковчег, предназначая оный в храм Первозванного. Но, но возникшему недоумению, святыня сия удержана была в лавре в течении восьми лет покойным Митрополитом, и только в минувшем году на праздник Апостольский исполнил мое желание его преемник. — Это еще более привязало меня к храму Первозванного.

Спустя восемь лет, я посетил опять Киев в прошлом году, на обратном пути из Крыма, с тою мыслью, чтобы напоследок решить: водвориться ли мне в нем или нет? ибо уже сокращаются годы. Приехав в день воскресный, накануне

праздника Софийского, Рождества Богоматери, я поспешил к обедни в собор и, входя в оный во время чтения Евангелия, помышлял сам в себе: что скажет мне слово евангельское? – Утешительно было услышать слова сии: «велия вера твоя, буди тебе якоже хочеши». День спустя, отслушав акафист Великомученице и литургию в Михайловской обители, пошел я в храм Первозванного и, возвращаясь оттоле уже утомленным, не намеревался взойти в Десятинную церковь, но, увидя растворенные двери, взошел, чтобы поклониться гробу святого князя. Там совершенно нечаянно встретил меня местный священник вопросом: «почему не исполняю давнего своего желания поселиться в Киеве»? и на мой ответ: «что все лучшие места уже разобраны», он вывел меня с погоста церковного в задние врата на обнесенный древним валом пустырь, о котором я не имел ни малейшего понятия, как часто ни проезжал Киев: да и для его старожилов место сие было совершенно terra incognita, потому что с главной улицы заграждал его погост церковный, а от Андреевского спуска заслоняли безобразные кузницы, хотя оно в середине города, недалеко от присутственных мест, и господствует над Подолом. Лучше нельзя было приобрести места для городской усадьбы и вместе для уединенной виллы, которые может занять весь обширный холм Десятинный. Когда взошел я на древний вал, меня поразила чудная картина, открывшаяся во все стороны, и я подумал сам в себе: «здесь или нигде».

«Место это вас ожидало», сказал мне священник, видя мое радостное изумление, и действительно, это так было; оно, как будто, мне предназначалось, потому что теперь только начали им любоваться, когда стало чрез меня известно: а до меня никто не обращал внимания на этот забытый, хотя и самый живописный участок старого Киева, до такой степени, что когда за два года пред сим место продавалось с аукциона за 2600 руб., не явилось покупателей. И каких трудов стоило мне, в продолжении 9 месяцев, приобрести его из рук владельца Анненкова, сына строителя Десятинной церкви, которому принадлежали все лучшие места старого Киева: продавая их постепенно, он упорно держался за этот последний участок, и

не легко было освободить его от лежавших на нем запретений: да и сам владелец не хотел продать его никому иному, как мне.

Не странно ли и то, что после стольких ожиданий я приобрел окончательно желаемое место в день дванадесяти Апостол (30 Июня), как бы в утешительное свидетельство, что оба Апостола – и Андрей и Иаков, мне присные, приняли меня под свое покровительство: (именем Первозванного запечатлен я во святом крещении, Иакову же празднуется в день моего рождения). Право, нельзя принимать сего за простой случай. Накануне просил я совершить торжественную всенощную, а в этот день была литургия с молебном дванадесяти Апостолам в церкви Первозванного, которая совершенно напротив обновляемого мною дома. В нижнем ее ярусе устроена недавно теплая церковь праведных Захарии и Елисаветы, что будет большим удобством для зимы. Десятинную же церковь, стоящую на приобретенном мною холме, предположено было обратить в теплый собор для служения Митрополита, пока не будет сооружена великолепная церковь Равноапостольного на новых местах близ университета. Десятинная празднует Рождеству Богородицы, как и св. София Киевская, и в ней есть два придела равноапостольного князя, где его гробница, и Святителя Николая, коего священную базилику стараюсь я теперь во восстановить из развалин в Мирах Ливийских, бывшей его кафедре. И вот он также принимает меня под свою сень и поможет мне основаться здесь на старом городе, где с такую любовью призывается его имя.

В то самое время, как совершалась купчая в гражданской палате, посетили меня два архиерея: викарий Киевский Антоний и Болгарский Стефан, по титулу Лаодикийский, который приезжал со мною прощаться, возвращаясь на свою родину в Сербию. Преосвященный Антоний предложил мне ехать взглянуть на приобретенное мною место, которое ему никогда не случалось видеть; того же пожелал и Стефан, чтобы, как он говорил, проститься со мною на моей собственной земле. Я привел их на то место, где будет у меня усадьба, и просил благословить: оба епископа молитвенно осенили место. Не замечательно ли такое благословение в самую минуту

приобретения, и часто ли повторяется такой случай? Когда я возвел их на древний вал времен Владимировых, обновленный Минихом, объемлющий всю вершину горы, и который будет теперь служить виноградником, оба остановились от изумления при виде чудной панорамы, внезапно им открывшейся. – Действительно, было чем полюбоваться, в какую сторону ни обращали свои взоры, и все это обнесено святынею храмов и запечатлено именами историческими: – весь старый Киев с одной стороны, и весь Подол с другой, простертый у ног Андреевской горы, и широкая Днепровская долина. Ближе всего, пред самыми глазами, храм Первозванного – это чудное произведение зодчества Растрелли – на своем отдельном утесе, как бы на пьедестале, на который восходят пятидесятью ступенями, подобно как на Капитолий Римский; он господствует над всею окрестностью и, можно сказать, над всею Русью, ибо здесь был водружен первый ее крест. Не напрасно священное предание предполагает здесь место стояния Апостольского: каждый Киевлянин укажет вам на эту горную кафедру, отколе истекла первая проповедь Христианства на родную землю. Нельзя было изобрести для заветного утеса ничего свойственнее той легкой архитектуры, которая вознесла на нем изящный храм сей: – он как бы парит к небу стрельчатыми своими башнями, и едва касается земли.

Если принять храм сей за основную точку для обозрения панорамы Киевской и постепенно обращаться от него к полудню, то в тесном промежутке церковей Первозванного и Десятинной (которая стоит также на первом плане картины) откроется несколько в отдалении церковь Трех-Святительская, старшая из Киевских, основанная первоначально равноапостольным князем в честь своего Ангела Василия Великого на холме низверженного Перуна. Рядом с нею златоверхая масса Михайловской обители сияет множеством своих куполов: крестовый ее храм Святителя Николая отдельно стоит от соборного во имя Архистратига, и опять отдельно величаява колоколья. Вправо от Десятинной проглядывает, сквозь зелень садов, здание присутственных мест, которое служит украшением старому Киеву, с высокою сторожевою

башнею, и тут же видна убогая деревянная церковь Златоуста, предназначенная на новые места расширяющегося города. Далее, во всей своей красоте подымается священная митрополия св. Софии, мать церквей всея Руси, златоглавая, широко обнесенная белою оградой и зеленью своих садов. Величественный столп ее колокольни, как бы царственный скипетр, господствует над древним городом, соперничая с лаврского. Шестнадцать золотых куполов сияют своими венцами вокруг высокой соборной главы, как бы сонм митроносных священнослужителей, благоговейно обступивших старейшего Святителя пред Божиим престолом в час приношения бескровной жертвы.

Правее от св. Софии к западу начинаются сельские уже виды. Предмесье Киевское тянется по горе от бывшей Львовской заставы к старой Житомирской дороге, усаженной липами, и дальше за ними расстилаются поля и леса. Еще две церкви видны в нагорном предместий: Сретенская, или всех Скорбящих, вновь сооружаемая из камня, и Вознесенская над ущелием Кожемяк. Тут оканчиваются горные виды юго-западной стороны, и вы обращаетесь от старого Киева к его подножию на север. Нельзя вообразить себе ничего живописнее тех ущелий и долин, которые открываются вашему взору. Пять обителей и более двадцати церквей пред вами, запечатленные летописными воспоминаниями, как и на старом Киеве. Зеленое ущелье Кожемяк и так называемой Глубочицы, достойной своего названия, вниз по течению ручья глубоко врезалось в сердце Киевских гор, все усеянное садами и белыми хижинами. В одном углу ущелья выглядывает из за горы новая колокольня Воздвиженской церкви. Над живописным удољем красуется на одном из отрогов Андреевской горы златоглавая церковь св. Троицы, обнесенная вниз по круче оградой. Это недавний отпрыск девичьей обители Флоровской, которая смиренно приникла к самому подножию горы, как стая робких голубиц под сень утеса. Рядом с горнею церковью высится в глазах ваших еще одна всех Святых на другой горе, отделенной глубоким оврагом; два сии гребня, увенчанные храмами, разделяют на двое ту глубокую долину, которая расстилается пред вами.

Кладбище на темени горы, под сенью всех Святых, запечатлено именем Щекавицы в память одного из трех братьев, баснословных основателей Киева: Кия, Щека и Хорива. Вдали, по направлению Щекавицы, на лесистых высотах, объемлющих Днепровскую долину, виднеются главы древней обители Кирилловской, ныне обращенной в богадельню; там некогда игуменствовал св. Димитрий Ростовский и погребены его родители: у ската отдаленных высот еще две церкви крайних предместий Киевских – Приорки и Куренёвки и отрадная Кинь-грусть, любимое место прогулок для Киевлян, а за нею дремучий бор, который тянется до Вышгорода.

Если, оставив на время отдаленные виды, опустите взоры на Подол, лежащий у подножия той горы, на которой стоите, вы подивитесь множеству и благолепию храмов и обителей, собранных на одном тесном пространстве нижнего города: это свидетельствует о благочестии его жителей, которые не хотели уступить в оном старому городу. Ближе всех девичья Флоровская обитель со многими ее церквями, а рядом с нею Петропавловская, бывшая прежде Доминиканским клястором, где ныне семинария, величая по своему храму. Около них группа каменных церквей, достойных столицы, коих имена утомительно было бы исчислять. Между ними есть две: Святителя Николая Доброго и Притиски, так названной от того, что обрушившимися камнями притиснут был хищник, который покусился влезть в ее окно. Имя Святителя особенно чувствуется в Киеве, и есть еще третий храм его – Набережный на Подоле. В центре его, посреди обширной площади, величественно поднимается златоглавая Братская обитель с высокою колокольнею и благолепными зданиями своей академии, освежаемая древними липами, которые разрослись в ее заветной ограде и призывали под сень свою в течении многих лет все, что только было славного и мудрого в духовном мире южной Руси. Братская обитель господствует здесь надо всем, и видно, что к ней, как жизненной сердцевине, обращены все пути города; ибо она послужила ему и всей Руси твердого оградою Православия против лести Униатской и сохранила единство его с Востоком и, как бы во свидетельство сего

единства, под сенью Братской обители смиренно приникло Синайское подворье св. Екатерины. Около Братского монастыря сосредоточились и все лучшие здания Подола, его биржа и зала собраний. Далее опять раскинулись церкви по направлению набережной, которая украшается новыми зданиями и обставлена судами и пароходами, ибо тут вся торговая жизнь Киева.

Теперь от всего шума и суеты житейской, которая кипит у ваших ног, дайте опять отдохнуть вашему взору на отрадном приволье Днепровской долины, на зеленых лугах, которые так роскошно растилаются к Вышгороду в объеме лесистых гор. Еще струится по сим лугам летописная Почайна, кое-где образуя малые заводья: сюда и доселе приходят купаться жители города, для коих некогда послужила она спасительною купелью. Что ни шаг, то воспоминание! и вот, на самом краю заповедных лугов и дальнего небосклона – Вышгород, село Ольги, на одинокой горе своей, древний оплот великокняжеский, увенчанный церковью ныне, весьма убогою, но где некогда стояла богатая обитель св. страстотерпцев Бориса и Глеба и почивали их нетленные тела, утаенные опять в недра земные, когда возшумела над Русью буря Монгольская.

Но лучшее украшение для этой чудной картины – самый Днепр, величаво стремящийся со всеми своими протоками по необъятной равнине Черниговской, где только что поглотил он широкую Десну в свою бурную пучину. Это непрерывное движение вод, сверкающих лучами солнца по всему простору привольных лугов, придает необычайную жизнь всей картине, которую одушевляет собою могучий странник, старец Днепр, один лишь идущий синими своими валами, когда все вокруг него неподвижно. С той выпренной точки, на которой вы стоите, взор ваш забегает далеко, далеко, как бы за синеву моря, к самой окраине небосклона, окаймленного темною полосой лесов, и вы будто парите полетом орлиным в этом воздушном пространстве, где реют одни лишь быстрые птицы; а между тем вы у себя, только за шаг от своего жилища, не где-либо в отдаленной пустыне или на высях горных. Взирая на сию

очаровательную панораму, делается понятным, почему собственно это место избрали древние князья наши для Акрополиса или Детинца и тут поставили свои терема и первоначальные храмы.

Не подумайте, чтобы я увлекался пристрастием собственности. Когда пригласил я Митрополита посетить мою будущую усадьбу, и взошел он на древний вал, где некогда стояла угольная башня, – точно также поразила взор его необычайная красота местности. Живописное ущелье Глубочицы с отрогами выдающихся вершин и Днепровская долина напомнила ему виды Кахетии и горный Сигнах, ее столицу, над лесистыми ущельями Алазанской долины, – Сигнах, где покоится в древней своей церкви просветительница Грузии св. Нина. И здесь, за несколько тагов от старого вала, почивают в Десятинной церкви равноапостольные просветители наши Владимир и Ольга.

Вы скажете, быть может, что слишком дорого было заплатить семь тысяч за одну пустую землю с полуразвалившимся домом, где еще много надобно тратить на постройку. Но есть ли цена Римскому Форуму, или нашему родному Кремлю, если бы кто хотел приобрести себе его участок? – А эта вершина горы Андреевской для меня священнее Форума, хотя в нынешнем ее положении приличествует ей новейшее Итальянское название древнего Римского торжища *Campo Vaccino* (поле коровье); теперь это любимое пастбище для соседнего стада, и во всякое время дня вы увидите на вершине старого вала пасущихся лошадей или коров. они доселе были единственными посетителями пустынного места, где предполагаю теперь посадить виноград и оплотом оградить его, по слову евангельской притчи, хотя и не смею назвать себя человеком домовитым. Поверьте, что я бы не решился взять себе под усадьбу никакого иного места во всем Киеве, где их раздают даром, лишь бы строились.

Может ли быть что либо утешительнее той мысли, что на этом холме стоял дом первых двух мучеников Варяжских: Феодора и Иоанна, где теперь Десятинная церковь: что сюда же перенесена была с Оскольдовой могилы и святая Ольга и без

сомнения доселе покоится в древних основаниях храма, и что тут же в святилище гроб равноапостольного князя? Хотя и взята была честная его глава в лавру Киевскую, но сохранилась под спудом часть его мощей. Тут же погребены были и греческая Царевна Анна, и внук его первый Изяслав, и правнук Ростислав. Место, мне принадлежащее, вероятно, было занимаемо до сооружения митрополии Софийской усадьбами клириков Десятинной церкви и самих Святителей, так как это был соборный храм при начале нашего просвещения близ княжеских теремов. Тут надобно искать и остатки монастыря Отча, откуда извлекла разъяренная чернь страстотерпца князя Игоря. И так это место ознаменовано было мученичеством не только первых Варягов, но и схимника князя. Сколько раз молились тут и два страстотерпца – князья Борис и Глеб! Все это совершилось на Десятинном холме, коего большую часть я имел особенное счастье приобрести. Вся сия священная местность усеяна костями и облита драгоценною кровью, ибо тут кипел самый жестокий бой во время страшной осады Монгольской: самые врата, которыми здесь ворвались варвары, прослыли Батыевыми.

В Десятинной церкви заперлись последние, отчаянные защитники древнего Киева, оставленного своими князьями, и тут пали тысячами, задыхаясь от дыма под мечами одолевающей Орды. Детинец еще держался, как последний оплот с своим собором, когда уже св. София была в руках варваров; потому и обрушилось все их неистовство на Десятинную, и она разрушена была до основания, между тем как св. София уцелела по куполы. Можно ли какими-либо деньгами заплатить за все сии воспоминания, за этот летописный участок града гробов наших отцов по трогательному выражению Неемии, когда в час веселого пиршества плакал он, подавая чашу Царю Ассирийскому, и просил отпустить его в Иерусалим! Нет, я не могу довольно возблагодарить Бога за то, что сподобил меня приобрести такой священный участок родной земли посреди матери наших градов, чтобы мне тут успокоиться на преклонные годы и даже обрести себе последнее пристанище в ее недрах, в ограде Десятинной церкви.

Но и самый этот участок, хотя и приобретенный мною чрез куплю, не могу однако я иначе почитать, как за Высочайше пожалованную мне землю, и тем она мне драгоценнее, как Царский дар. Государю благоугодно было пожаловать мне 5000 р. на покупку избранного мною места; остальную же сумму, как вам известно, дополнил добрый старец, недавно усопший, который унес с собою в могилу, при незабвенной памяти его благодеяний, усвоенное ему издавна имя: последнего боярина Русского. С какою отеческою любовью принял он участие в моем деле, за месяц до своей кончины, и уже почти на одре смертном трогательно писал ко мне, прося как бы себе в одолжение: «в знак давнишней нашей дружбы не отказать принять от него недостающие деньги для осуществления моего предположения, ибо в его болезненном положении для него будет сердечным утешением знать, что еще при жизни своей он мог содействовать к успокоению моей будущности». И хотя смиренный старец убедительно просил, чтобы это обстоятельство совершенно осталось между нами, но чувство благодарности заставляет меня на сей раз послушаться его скромности: ибо часто подобные заветы, внушаемые крайним смирением благочестивых людей, не были исполняемы после их кончины. Славу Богу, что я еще успел приехать в Москву с ним проститься и принять от него последнее благословение, – родительские складни с иконою Утоления печали, и, что весьма замечательно, – в самый день празднования сей Богородичной иконе. Здесь, в пустынной церкви Межигорской, я совершил по нем память в день его любимого праздника Влахернской Божией Матери, который я всегда имел обычай встречать у него в подмосковной. Итак, Вы изволите видеть, что первоначальное основание моему водворению в Киеве положено не мною самим, а есть дар свыше, и только теперь собственно начнутся мои расходы на устройство моего жительства и для разведения сада, по мере сил; отрадно и то, что здесь будет у меня не столько городская усадьба, сколько вилла посреди города.

Вот еще замечательный для меня случай, оправдывающий Русскую пословицу: «кинь хлеб-соль назад, будет впереди». Знаете ли кто мне здесь помощником? Диакон Андреевской

церкви, которого я призрел в Петербурге на Вашем подворье: я выхлопотал ему дозволение от Митрополита Григория и от Вас собирать в обеих столицах на церковь Первозванного, величественную по зодчеству, но весьма убогую по средствам, хотя с нею связано столь высокое воспоминание. По счастью этот диакон весьма опытен в постройках и печется о моей усадьбе, как бы о собственной, да и весь клир Андреевский желает скорейшего обновления развалин пред их храмом. Видите ли, как мне все здесь благоприятствует, и не указывает ли это на особенный Промысл Божий для моего водворения в Киеве? Нельзя же не иметь себе под старость хотя малого уголка, где можно бы было успокоиться без опасения быть изгоняемым, как из наемных домов. Вы знаете, что я провел четыре лета в Останкине и надеялся всегда находить себе летний приют в этой прелестной подмосковной на пути в лавру: но и с сею мечтою пришлось расстаться.

Слышал я также мнение многих из моих присных: можно ли, не на половине жизненной дороги, как начинает Дант свою великолепную поэму:

Nel mezzo del cammin di nostra vita, но уже на скате горы решаться оставить все свои связи и, бросив тот круг, в котором всегда обращался, переселиться, как бы на чужбину, в далекий край, полурусский по обществу, где невольно почувствуешь свое одиночество? – Это отчасти справедливо, но я переселяюсь в Киев из шумной столицы не для общества, хотя и здесь можно найти его, разумеется, гораздо в меньших размерах, между светскими и духовными. Меня привлекают сюда святыня, воспоминания старины, красота природы и климат; прибавьте к этому и приятное чувство собственности: каждое дерево, мною посаженное у себя в саду, будет уже для меня дорого. Но прочны ли и те связи, которые начинаются с юношеских лет и стареются вместе с нами? Не сохраняются ли они более в одном воспоминании, когда буря житейская рассеет давних друзей по дальним краям беспредельной России, а обстоятельства служебные и узы семейные по неволе разрознят самых коротких приятелей? К тому же я не все вдруг брошу, ибо меня никто не гонит, но постепенно буду водворяться в Киеве

по мере устройства своей усадьбы: только надобно это сделать вовремя, еще при силах.

Никогда не забуду замечательных слов почтенного старца, Канцлера, князя Александра Николаевича Голицына в минуту нашего прощанья, когда он уже в глубокой старости переселялся в Крым: «Если вы когда-либо вздумаете также расстаться с столицею, чтобы где-либо успокоиться, сделайте это пораньше, пока вы еще в силах, и не следуйте моему примеру. Подумайте, каково для меня прощаться за живо с каждым уже на веки, ибо все подходят ко мне, как к лежащему на столе покойнику, зная, что никогда более со мною не увидятся: подумайте, каково такое чувство для меня!» Действительно, прощанье сие расстроило князя до такой степени, что зрение его совершенно ослабело. Памятуя сии слова, и я начинаю заблаговременно устроить себе тихое пристанище в Киеве, где надеюсь, что не расстроит его какая-либо житейская буря: действую постепенно, чтобы не вдруг расстаться со всем тем, что было близким моему сердцу в обеих столицах. Вот, преосвященнейший Владыко, мое оправдание пред Вами. Политического поприща, как Вам известно, я никогда не искал, а духовно литературное могу продолжать и здесь, если Бог поможет, и когда совсем устроюсь, быть может, предприму историю Патриарха Никона, для которой давно собираю материалы. И так прошу святых молитв Ваших и благословения на создаваемое мною жилище в Киеве, под сенью Ангела моего Первозванного и равноапостольного князя Владимира и преподобных Печерских, чтобы и сюда распространилось на меня из великой Вашей Лавры благословение преподобного Сергия и Святителей Московских, бывших вместе и Киевскими.

Так пространно письмо мое, что, начав писать его в день Вашего лаврского праздника, оканчиваю после дня памяти равноапостольного князя. В течении сего времени здешняя Лавра торжествовала память своего первоначальника Антония, и я имел утешение молиться в его пещере во время всенощной и литургии. Умилительно было каждое слово церковных песней о жительстве его в пещере; слова сии отражались и в своды той

подземной кельи, где он обитал, и в сердце молящегося внутри пещеры. За праздником преподобного Печерского последовали в Десятинной церкви три, уже присных мне по близости моего жилища: св. Ольги, мучеников Варяжских на другой день, и Равноапостольного Владимира. Светло праздновали Ольгу и Владимира в храме, где они почивают, хотя и под спудом, на высоте матери градов богоспасаемого Киева, и я пожелал в день святого Владимира положить основание моему скромному дому у подножия его храма. Случилось вовсе для меня неожиданно, что на молебне для освящения места и дома участвовали приглашенные на праздник представители древнейшей святыни Киевской с местным иереем Десятинной: наместник Михайловской обители, протоиерей от трех Святителей, самой первой церкви, сооруженной на Перуновом требище – и благочинный от Андрея Первозванного. После ранней обедни в приделе св. Владимира, от самого его гроба мы пошли крестным ходом чрез мою землю во всю ее длину на то место, где обновляется для меня дом в удолии между двух церквей: Первозванного и Десятинной, и тут совершились водосвятие и закладка. Священнослужители были во Владимирских ризах с орденскими на них крестами, что было весьма благолепно; мы несли три иконы трех-придельного Десятинного храма, и таким образом Святитель Мир-Ликийский присутствовал при благословении моего нового жительства древним своим ликом. Я молился ему, чтобы устроил оное здесь, как я стараюсь восстановить созданную им митрополию Сион в бывшей его кафедре. Не слитком ли дерзновенна такая молитва? – Мне кажется, однако, что если молиться с теплою верою в простоте сердца, обращаясь к человеку Божию, как бы к присному нам по вере и любви, то и такая молитва доступна, хотя и от недостойных уст.

Межогорье. 5 Июля 1859 года.

II. Символика Софийского собора

Вам угодно было поручить мне, при моем отъезде в Киев, составить для В. С. объяснение символики Софийского собора, разумея только мозаику и древние Фрески времен Ярославовых, ибо новейшие не заключают в себе особого символического смысла. Хотя довольно трудно после обновления собора отличить старое от нового, и много древних фреск перемешано с новейшими чрез произвольное наименование неизвестных ликов: однако я постараюсь, сколько могу, изложить пред Вами мои мысли по сему предмету, которые не смею выдавать за что-либо положительное. Скажу вообще, какое впечатление производит на сердце мое древний чудный собор сей по сравнению с Цареградским, который также я имел случай видеть.

Отраднo молиться в родном святилище Киева; утешительно думать, что оно есть единственное на Руси, в котором от самого начала нашего Христианства молилось все, что только было святого и великого в отечестве нашем, начиная от Святителей и князей. Чудотворцы Московские: Петр, Алексий, Иона, Феогност, Киприан и Фотий совершали священнодействие в Софийском соборе Киевском. коего стены уцелели и после запустения Татарского, тогда как Успенский собор первопрестольной столицы, куда перенесена была первосвятительская кафедра, и где донныне почивут нетленно мощи Святителей, сооружен был вновь уже после их блаженного преставления. Если только вспомнить, что под сими священными сводами, устоявшими против бури времен, почивут великий основатель собора Ярослав и величайший из его преемников Мономах, и что несокрушимый храм сей был свидетелем славнейших событий земли Русской до Монгольской эпохи, то невольный восторг овладевает сердцем при первом шаге внутрь заветного святилища, которое напоминает нам начало нашего просвещения в Царьграде.

Если однако говорить беспристрастно, то, кроме имени и значения первенствующей кафедры, нет никакого сходства

между Киевскою и Цареградскою Софиею: до такой степени они разнствуют по своим размерам, по внутреннему расположению и по самому зодчеству; стоит только взглянуть на их размеры, чтобы убедиться в этой истине. – Наша митрополия слишком мала в сравнении с Византийскою патриархией и так мало носит на себе ее отпечаток, что нельзя даже уподоблять одну другой. Но, не смотря на такое несходство, они невольно роднятся в нашем воображении, ибо св. София стояла у нас во главе Церкви всея Руси, как и София Царьграда во главе вселенской, и нам утешительно думать, что Церковь восточная отразилась, как бы в чистом зеркале, в матери церквей наших. Вот почему так близко нашему сердцу имя св. Софии, которое встречаем в древнейших городах Русских: мы привыкли с детства при этом родственном названии соборных храмов наших искать в них и самый образ того первобытного святилища, из коего пролилась благодатным потоком на всю Россию вера Христова.

Св. София имеет для нас тоже значение, какое имеет для Грузии св. Сион, ибо там Сионами преимущественно назывались соборные храмы, по воспоминанию матери всех церквей Сиона, как писано в псалмах: «мати Сион, глаголет человек».

Так как архитектура церковная значительно изменилась на Востоке в течении пяти веков, от основания Цареградской Софии в VI столетии до построения Киевской в XI, то должно предполагать, что образцом для нее послужила еще какая-либо из позднейших церквей Греческой столицы, менее огромная по своим размерам, хотя и усвоилось ей имя древней патриархии. Чрезвычайную между ними разность составляет уже самый купол, который, как обширный щит, осеняет всю середину квадратного здания Софии Цареградской, тогда как в Киевской главный купол тесен и возвышен, а четыре малых по сторонам его дают новому храму позднейший вид Византийских пятиглавых соборов. Устройство верхних галерей, необходимых в древности для помещения женщин, имело бы довольно сходства с образцом; но в Киеве хоры сии выступают крестообразно внутрь храма, тогда как в Царьграде они

образуют правильный четырехугольник. Одно только углубление горного места совершенно сходно в обоих храмах; но весь алтарь Киевский стеснен между двумя первыми столбами, поддерживающими купол, тогда как в Византийской Софии алтарь широко выдавался вперед, ибо там четыре основных столба, осеняемых куполом, стоят посреди храма.

Иконостас в Цареградском соборе состоял из двенадцати серебряных столбов с богатыми завесами, которые закрывали святилище от взора мирян. В Киевском соборе едва ли можно предполагать подобное устройство иконостаса, ибо в IX веке их стали значительно возвышать, вследствие гонений иконоборства: сперва иконоборцы стали приподымать иконы для недопущения к ним людей благоговейных, а потом и сами православные, восстановив первый ряд местных, чествуемых ими икон, пожелали сохранить и верхние ярусы, к которым уже привыкли взоры, со временем им усвоилось символическое значение трех различных периодов Церкви: патриархальной до закона, ветхозаветной и благодатной Нового Завета. Но во всяком случае, если иконостас Киевской Софии и не состоял первоначально из одних колонн и завес, по образцу Византийскому, с расставленными по столбам иконами: то, без сомнения, был гораздо ниже для того, чтобы не закрывать великолепных мозаик над горним местом и на боковых арках, так как изображения сия заменяли нынешние образа иконостаса.

Есть еще одна особенность св. Софии Византийской в сравнении с Киевскою: в Византийской был один престол для целого собора, вероятно, по строгой мысли о единстве и неповторяемости литургии в одном и том же храме, как и доселе она не повторяется на одном престоле во всей восточной церкви, тогда как это единство божественной службы утрачено на Западе. Только на хорах в самой их оконечности, как бы вне собора, в юго-западном его углу, отделенном стеною от верхней галереи, существовал малый придел для приобщения женщин, не имевших обычая входить в самый храм, и, без сомнения, придел этот был устроен уже в позднейшие времена для царственных особ. Напротив того, в

Киеве, кроме главного престола, существовали еще со времени основания храма два придела на ряду с соборным алтарем, от которого отделялись они жертвенником и диакоником. Один из них был посвящен великомученику Георгию, ангелу Великого Князя, ктитора Софийского, а другой Архистратигу Михаилу, как начальнику небесных Сил и особенному покровителю Киева, в ознаменование чего изображение его находится и в гербе города. Были, вероятно, и другие приделы на сенях (во имя Первозванного Апостола и Святителя Николая), хотя и не в таком множестве, как ныне, ибо их считают до семнадцати. В Цареградской Софии устроены были с западной стороны два притвора для оглашенных и кающихся: в Киевской же от самого начала не существовало сих притворов: потому, быть может, что уже не столь строго выполнялись канонические правила относительно кающихся и менее было оглашаемых. Но кругом всего собора с трех сторон, кроме алтарной, доселе сохранились крытые галереи между столбов, где, вероятно, совершались крестные ходы, как это и доселе постоянно бывает в Иерусалиме. В позднейшее время пристроены Митрополитом Петром Могилою, обновителем храма Софийского, еще два притвора с северной и южной стороны, уже для прочности обветшавших стен, и в сих притворах внизу и наверху устроены также престолы.

Если Вам угодно обнять одним взглядом всю внутреннюю красоту родной нашей Софии и разгадать всю ее символику, взойдите на западные хоры и оттуда погрузите взор ваш во глубину храма до самой окраины горнего места: – тогда еще более пожалеете о высоте иконостаса, несоответствующей ныне первоначальному его устройству, хотя он и был понижен на один ярус при обновлении собора, но все еще закрывает отчасти мозаики. Полюбуйтесь оттуда крестообразною формою церкви, очертанной с трех сторон, кроме алтарной, двойными и тройными арками в два яруса с остатками мраморных колонн. Углубите взоры и мысли внутрь святилища, горнее место которого служит как бы кормою церковного корабля сего, и Вы будете поражены величием восточной нерушимой его стены, еще украшенной древними мозаиками: Вы подивитесь

устройству тройных арк, углубляющихся одна за другою над горным местом; они образуют как бы мозаические рамы, которые окаймляют колоссальную икону Матери Божией в самом углублении алтарного полусвода. Все это в высшей степени изящно и премудро расположено; по истине здесь «Премудрость создала Себе дом», по выражению Книги Притчей. Теперь вникнем в таинственный смысл самих мозаик и фресок, исполненных глубокой символики, при всей строгости священных преданий.

Что прежде всего представляется Вашему взору из-под венца главного купола, наполненного ангельскими ликами? – Это мозаический образ Господа Эммануила в самом ключе основной арки над иконостасом. Эммануил, т. е. с нами Бог, означает снисхождение к нам Сына Божия в образе сына человеческого. В обоих углах сей восточной арки Вы еще видите остатки мозаики, изображавшей двух евангелистов: Иоанна и Матфея, которые возвещают, один небесное, а другой земное происхождение Эммануила, и в их раскрытых книгах начало их благовестия. Один пишет: *«в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. Сей бе искони к Богу»*; а другой *«книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля»*. На противоположной арке два других евангелиста, из коих Марк совершенно сохранился мозаикой. В Цареградской Софии шестокрылатые серафимы заменяют евангелистов, но и сие не без высокого значения: пророк Иезекииль созерцал во дни пленения таинственные образы животных шестокрылатых, многоочитых, с четырьмя лицами, орла, тельца, льва и человека, которые даны символами евангелистам. Он видел их на пламенных колесах, возвышающихся от земли и идущих во все страны, куда были обращены их лики, что знаменовало вселенскую проповедь, и потому, быть может, символические серафимы заменили евангелистов в Цареградском храме Премудрости Божией.

Далее внутрь алтаря на второй арке, образующей полусвод горного места, под самым ликом Эммануила Вы видите другую икону мозаическую Спасителя, называемую *Деисус*, с двумя предстоящими: Богоматерью и Предтечею; все три лика в трех

кругах. Это уже более присное человечеству изображение Господа славы, не только как Эммануила, с нами сущего Бога, но и окруженного родственными ему ликами Божией Матери и великого Предтечи, в наклонном пред ним молитвенном положении, что выражается самым названием Деисуса от Греческого слова θεῖσις молитва. Тут уже небесная слава Эммануила представляется доступною нам, за коих пострадал Он, во всем уподобившись братии своей, по словам Апостола: *Сам искушен быв, может и искушаемым помощи*¹⁹. Под сею второю аркою, в полусводе горнего места, представляется взорам сама Предстательница рода Христианского. Она стоит на твердом камени заповедей Господних с воздетыми к Нему руками, осеняя мир Своим покровом, на коем сияют три звезды.

Почему же сей образ Богоматери, отовсюду видимый по самой своей колоссальности, господствует над всеми прочими, тогда как название св. Софии относится не к Матери Божией, а к самому Господу Иисусу, воплощенному Слову и Премудрости Божией? Потому, что здесь хотели соорудить дом Премудрости Божией, а Мать Божия послужила сим домом, в который вселилось Слово. Она была, по выражению церковному, «освященным градом Божиим и селением Вышнего» и оттого к ней относится здесь Греческая надпись вокруг арки горнего места: «Бог посреде Ея и не подвижится, поможет Ей Бог утро за утра»²⁰. В Цареградском храме Мать Божия представлена с предвечным Младенцем на лоне, и с двумя архангелами по сторонам, как Мать воплотившегося Слова и Премудрости Божией; здесь же держались одного лишь таинственного дома Премудрости, выражаемого чрез лице Пресвятой Девы, и храмовым праздником служит рождество Ея. т. е. самое созидание на земле дома Божия, тогда как в Новгородской Софии празднуется ее Успение, т. е. преложение земной сей храмини в небесную. Вероятно, так было в Царьграде, если только не совершалась там, по древнему обычаю, одна лишь память обновления вместо храмового праздника, как мы это видим в Иерусалиме в храме Воскресения. Есть предание в Киеве, что и Десятинная церковь, ныне празднующая также Рождество Богоматери, праздновала первоначально ее Собору

на другой день Рождества Христова, так как существует обычай в православной Церкви совершать на другой день главного праздника память виновника сего торжества: так например Святому Духу собственно празднуется на другой день Его сошествия на апостолов в пятидесятницу, и Предтечи на другой день Богоявления, и Архангелу после Благовещения.

Замечательны символические изображения иконы Премудрости в Киеве и Новгороде, но едва ли не древнее Новгородская: ибо там никогда не прекращалось богослужение в храме со времени его создания, тогда как Киевский собор оставался многие годы в совершенном запустении, и в это время утрачена была древняя подлинная икона; она заменена новейшею более в духе богословском, нежели символическом. Матерь Божия с Божественным младенцем на руках представлена в храме на семи ступенях, из коих каждая выражает какую-либо богословскую добродетель: веру, надежду, любовь и проч.; Она в лучах солнца и стоит на луне. По сторонам ее на ступенях стоят с правой стороны четыре великих пророка: Исаия, Иеремия, Иезекииль с храмом в руках и Даниил, а с левой: Моисей со скрижалями, Аарон с жезлом расцветшим и Давид Богоотец с псалтырью: над семью столбами храма сияет лик Господа Саваофа с семью архангелами, и надпись Греческая: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь». И так здесь название св. Софии относится как бы прямо к лицу Богоматери, хотя и есть знамение Божественного младенца на лоне Ея. В Новгороде, напротив, символика гораздо более соответствует Византийскому типу, и самый смысл ее изобличает подлинник. Сам Господь, Слово и Премудрость Отчая, по слову Пророка Исаии, представлен в образе Ангела великого совета, восседающим на престоле, который утвержден на семи столпах и на камне; а для того, чтобы не усомнились, что это действительно сам Господь ангелов, а не ангел, то над главою Сидящего виден малый лик Эммануила, и еще выше евангелие, раскрытое на алтаре, как истое слово Божие, пред коим преклоняются ангелы. У Исаии сказано²¹: Отроча родися нам, Сын и дадеся нам, и нарицается имя Его: велика Совета Ангел,

Чуден, Советник, Бог крепкий, Властелин, Князь мира, Отец будущего века. Посему и олицетворена таким образом Премудрость, а по сторонам ее стоят послужившие ей ближайшими на земле орудиями: Матерь Божия с знамением Предвечного младенца в лоне Своем, и Предтеча, стоявший на грани обоих заветов.

Ниже мозаического изображения Матери Божией, также мозаикой представляется во всю широту горнего места символическое изображение совершения божественной литургии, (а не икона Тайной вечери, как предполагают некоторые). По середине стоит трапеза, украшенная богатым покровом, с сенью на трех столбах; на трапезе четвероконечный крест (какое обличие для суемудрствующих!), дискос, звездица и копие, т. е. все принадлежности, необходимые для совершения литургии. С обеих сторон сени стоят два ангела в белых хитонах, держащие золотые рипиды, представляя собою служение диаконов при святой трапезе. У передних ее углов, и слева и справа, два изображения Господа Иисуса Христа в золотом хитоне и голубой хламиде, совершенно сходные между собою. Господь подает с левой стороны обеими руками святой хлеб, – пречистое тело Свое, подходящим к нему благоговейно шести апостолам в белых хитонах с согбенными или простертыми руками, по мере их приближения к трапезе: так и священное действие преподавания тела Христова пресвитерам из рук епископа происходить с левой стороны престола. А с правой – Господь преподает Божественную чашу другим шести апостолам, столь же благоговейно подходящим: так с правой же стороны, по чину церковному, преподается чаша священнослужителям. Ио. быть может, спросят, почему же два лика Спасителя, а не один? Изображения сии свидетельствуют, как должно совершаться по древнему чину божественное приобщение под двумя видами хлеба и вина, неизменное у нас и доселе, тогда как у Римлян нарушено священное предание; у них не только все миряне лишены святой чаши, но даже при соборном служении нескольких иереев пользуется ею один лишь совершитель таинства: прочие же остаются только зрителями, хотя и предстоят алтарю. Это повторяется и при

торжественном служении папском! Таким образом утрачено самое значение обедни, как общественного приобщения вечери Христовой. У нас же утешительно видеть во время архиерейского служения самое точное повторение мозаической картины Софийского алтаря в чине приобщения священнослужителей от руки Святителя. Мозаика сия служит доселе поучительным напоминовением для приобщающихся внутри алтаря (а прежде, когда иконостас был ниже, служила тем же и для приобщавшихся вне алтаря мирян). Как видно, такие изображения были необходимым условием всякого соборного храма, ибо мы видим доселе такую же мозаику и на горнем месте Михайловской обители. Весьма вероятно, что от сего произошел позднее, когда высокие иконостасы начали закрывать горнее место, обычай ставить над царскими вратами икону Тайной вечери.

Греческая надпись во всю ширину горнего места над символическою картиною повторяет нам подлинные слова самого Господа о необходимом приобщении не только Божественного Его тела, но и честной крови, и обличает отступивших от сего священного предания: *приимите, ядите, сие, есть тело мое, еже за вы ломимое во оставление грехов. Пийте от нее вси, сия есть кровь моя нового завета, лже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов.* Взирая на сие мозаическое изображение, невольно возблагодаришь Господа, даровавшего нам счастье принадлежать к православной Церкви, столь свято соблюдавшей все священные уставы Христианской древности. Когда великий Ярослав вызывал, в XI веке, в Киев иконописцев Греческих для украшения мозаикой создаваемой им св. Софии, еще не существовало в латинской Церкви сего нововведения, т. е. отнятия чаши у мирян и даже у священнослужителей, кроме старшего, при совершении таинства. Начинался только спор между Востоком и Западом об опресноках, и один из первых Митрополитов наших, Иоанн, обличил обычай латинский, которому могла бы служить обличением и сия мозаическая икона: ибо хлеб, а не опресноки, держит в руках Господь, и не только слова Его, но и самое действие повторяется на иконе

чрез приобщение под двумя видами. Вот сколько исторической истины и догматики в мозаиках Софийских!

Изящная полоса мозаических арабесков отделяет сию картину литургии, которая занимает весь второй ярус над горним местом, от нижнего яруса, наполненного ликами святительскими, которые уцелели в мозаике только до пояса и дописаны с низу. И здесь опять кроется глубокая мысль: сонм Святителей торжествующей на небесах Церкви, как бы видимо, сослуживает воинствующей на земле Церкви при совершении божественной литургии. В расположении сих ликов столь же строгое соблюдение древнего чина, который может служить для нас утверждением в истине предания Православной Церкви и вместе с тем обличением для Рима. Три продолговатых окна, (несколько расширенных впоследствии), над горним местом знаменуют свет Богопознания, от Пресвятыя Троицы исходящий и с высоты святительской кафедры проливаемый. Не сохранились мозаические изображения между сих окон, и весьма странно были написаны тут при обновлении собора два Святителя Киевские Петр и Алексий, как предстоятели своей паствы, на том основании, что тут уцелела одна мозаическая надпись: Петр, которая несомненно относилась к Апостолу, ибо только верховные Апостолы могли предстоять лику верховных Святителей, изображенных по сторонам их около горнего места. По правую сторону среднего окна, если смотреть к западу, стоял над кафедрою святительскою Апостол Петр, сохраняя свое неотъемлемое первенство: по левую же от него сторону другой Апостол, вероятно, верховный Павел, или, может быть, первозванный Андрей, как потому, что он водрузил первый крест на горах Киевских, так и потому, что был основателем Византийской Церкви и первоначальником ее патриархов. Таким образом, при соблюдении первенства Петрова, соблюдалось и равенство с ним прочих апостолов; ибо они оба предстояли над горним местом, подобно как и теперь при служении двух епископов оба становятся рядом на горней кафедре, и старший только имеет почесть правой руки пред младшим.

По сторонам апостолов, отделенные от них промежутком боковых окон, уцелели мозаические изображения двух архидиаконов: Стефана и Лаврентия; – это опять по чину церковному, потому что и теперь, при служении архиерея, когда восходит он на горнее место для слушания апостола и евангелия, становятся по бокам его два диакона. Без сего объяснения могло бы показаться странным, почему в Софийском алтаре архидиаконы начертаны выше Святителей? Оба они с кадильницами: первомученик в левой руке держит камень, знамение своего страдания, который прижимает он к персям; а у Лаврентия ладоница для фимиама. Но почему же здесь именно Лаврентий, а не кто-либо другой из первых семи диаконов? – Потому что он был из архидиаконов знаменитый мученик, а, может быть, еще и потому, что мощи Стефановы, перенесенные из Палестины в Рим, почивают там в одной гробнице с Лаврентиевыми в его знаменитой базилике. Везде господствует какая-либо мысль, а не произвол художника, как иногда теперь бывает это у нас при украшении новых храмов; а между тем Вы видите здесь и взаимное сближение двух Церквей, восточной и западной, в лице их первенствующих архидиаконов.

Обратим также особенное внимание на выбор и расположение первостепенных Святителей, изображенных мозаикою в алтаре Софийском по сторонам Апостолов: ибо и это было не действие произвола, а благоговейного рассуждения, так как все было премудро устроено к назиданию и утверждению верных в доме Премудрости Божией. Имя каждого святого при нем сохранилось, написанное мозаическими златовидными буквами сверху вниз, по древнему чину; одно только имя Златоуста монограммой, по частому его употреблению в служебниках Греческих. С правой стороны, подле архидиакона Стефана, стоит Святитель Николай; рядом с ним Григорий Богослов, Климент, папа римский, и наконец Епифаний Кипрский: а с левой стороны, подле Лаврентия, Святители Василий Великий и Златоуст, далее два Григория: Нисский и чудотворец Неокессарийский. – Не служат ли и сии нерушимо сохраненные лики в течении восьми веков явным

обличением новой теории Римлян о мнимом главенстве их епископа, хотя они уверяют, что до разделения Церкви при патриархе Михаиле Керулларие, т. е. до 1051 г, Церковь Русская зависела также от Рима. Да послужит им обличением нерушимая стена Киевской Митрополии, созданная в 1037 году, следовательно за 14 лет до разделения, и если люди умолкнут, камни возопиют, по слову евангельскому²². Никто не отъемлет первенства у Петра, но да не лишатся подобающей чести и прочие Апостолы и Святители, унижаемые кафедрою римскою.

Кто же ближайший Святитель стоит, по первенству чести, с правой стороны верховного Петра? – Кажется, место сие, по всем правам теории римской, должно бы принадлежать папе Клименту, как ближайшему преемнику Апостола Петра, пм самим рукоположенному на свою кафедру, тем паче, что Римляне хотят ставить его даже выше возлюбленного Апостола Иоанна Богослова, как видимую главу Церкви Вселенской еще при жизни его. Близок Климент и для Руси, ибо его мощи принесены были в Киев из Корсуни равноапостольным просветителем нашим и даже его Святительскою главою рукоположен был соборно первый епископ родом из Русских, чтобы тем заменить посвящение патриаршее. Сколько казалось важных причин, чтобы ему стоять на первом месте. Не смотря на то, ближе всех к Петру поставлен чудотворец Мирликийский Николай, епископ хотя и древней, знаменитой кафедры, но не из старейших, прославленный чудесами и крепкий поборник Православия на первом вселенском соборе, который он представляет здесь своим лицом, свидетельствуя о Никейском символе. и так напрасно думают ревнители Рима: будто лишь после перенесения мощей Святителя из Мир-Ликийских в Вары и бывшего там частного собора, папа указал нам особое чествование сего великого Святителя. Нет, он занимал уже первое место в Софийском соборе более нежели за полвека до перенесения его мощей.

Кто же занимает второе место с левой стороны Апостолов? – Опять не Климент, но святой Василий великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской, величайший поборник Православия в своем веке и составитель литургии, доньне совершаемой в

православной Церкви. После него стоят, друг против друга, с правой и с левой стороны на третьем и четвертом местах два великих Архиепископа Цареградских: Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, составляющие вместе с Василием тройственный лик Иерархов, предпочтительно чествуемых вселенскою Церковью: Григорий, глубочайший богослов, как свидетельствует самое его название, Златоуст, красноречивейший вития и также составитель литургии, употребляемой в наших храмах. Потом уже, в пятом только месте, поставлен подле Григория Богослова св. папа Климент; (какое смирение для превозношения Римского!) здесь и самая его кафедра уступает Цареградской, коей два Иерарха стоят выше. Напротив его, рядом с Златоустом, начертан св. Григорий Нисский, брат Василия великого, известный по своим духовным творениям и присутствовавший на втором вселенском соборе, на котором окончательно утвержден и дополнен Никейский символ веры, с тех пор неизменно сохраняемый в Церкви православной. И так лик его служит свидетельством нерушимости ее догматов и обличением нововведений Римских в символе. Наконец последними начертаны, друг против друга, на стенах алтаря св. Епифаний Кипрский, написавший обличительную книгу против всех ересей, бывших до него и при нем, и потому глубоко уважаемый восточною Церковью, и св. Григорий, чудотворец Неокесарийский, прославленный чудесами и составлением первого символа веры еще до Никейского. Вот какие великие поборники Православия собраны в святилище Софийском, во свидетельство векам грядущим, дабы и позднейшие совершители таинств в священных стенах сего храма не отступали никогда от завещанного им Православия.

Все они изображены в белых крещатых фелонях с Евангелием в руке, как истинные проповедники дома Премудрости Божией, по слову книги Притчей: *Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь, посла своя рабы созывающи с высоким проповеданием, приглашая всех на чашу: иже есть безумен да уклонится ко мне, и требующим ума рече: приидите и вкусите от трапезы*²³. Трапеза и чаша

уготованы горе пред глазами всех; проповедники ссылают к ней проповедию, и потому у каждого в руке священная книга; другая рука или благоговейно прижата к сердцу или благословляет, и здесь мы можем видеть всю суету мудрствования мнимых старообрядцев; ибо в уцелевших мозаиках знамение крестное употребляется безразлично, судя по тому, как с большею или меньшею точностью изобразил благословляющую десницу мозаист, не всегда искусный: у Святителя Николая оно ближе к двуперстному, а у Златоуста, и еще явственнее у св. Григория Нисского оно прямо именованное; все же кресты на стенах без изъятия четвероконечные, в обличие суемудрых. Такие же кресты, в большем виде, занимают нижнюю часть алтарной стены вокруг сопрестолія горнего места, потому что тут изображения лиц были бы заслоняемы епископами, восходившими на первую ступень и восседавшими на сопрестоліи, когда они служили с Митрополитом всея Руси, а пресвитеры садились на нижней ступени у ног их, где и теперь они садятся при служении архиерейском. Как это все было мудро устроено для благолепия иерархического служения, и как жаль, что это сохранилось только в древних соборах; ибо в новейших, даже в самых великолепных, не существует ни горнего места в настоящем его виде, ни сопрестолія около него, и сидящий архиерей совершенно закрыт от народа высотой запрестольного креста или колоссальною дарохранительницею; а вместо сопрестолія ставят стулья для пресвитеров, что совсем не в порядке, потому что им подобает сидеть не вокруг престола, а позади его.

В Киеве кафедра Митрополичья о семи ступенях и господствует над всею церковью, так что виден за престолом восседающий Святитель; а семь ступеней горнего места, кроме символического значения богословских добродетелей, изображенных и на Софийской иконе Премудрости Божией, знаменовали также степень чести Русского первосвятителя в иерархии вселенской Церкви, как самостоятельного архиерея, первенствующего над многими подведомственными ему епископами. Престол горний патриарха был о двенадцати ступенях, равно как и облачальный амвон, и это преимущество

чести сохранилось доселе за Фессалоникийским архиепископом, который соблюдает его даже в убогой церкви своей, где едва может поместиться столь высокий амвон, ибо драгоценно такое предание бедствующему Востоку.

Если теперь столь величественным представляется внутри алтаря сидение и стояние Святителя на горнем месте Софийском с двенадцатью сослужащими ему архимандритами и пресвитерами во время чтения Апостола и Евангелия, что же было прежде, когда с первенствующим Митрополитом служили еще, кроме двенадцати пресвитеров, и епископы всея Руси, занимавшие верхнюю ступень горнего сопрестолия над иереями? Все это было открыто взору мирян, и с высоты хор и из середины храма, потому что иконостас не был первоначально так высок и шире были царские двери. Зрелище сие представлялось еще в большем величии, когда целы и свежи были мозаические изображения Апостолов и Святителей вокруг горнего места, так что от низу и до верху все собрание живых и начертанных ликов сливалось в одно целое, и торжествующая на небесах Церковь являлась сослужащею воинствующей на земле, соединяясь с нею в один священный сонм. Знаете ли, откуда заимствована сия великолепная картина? – Св. Иоанн Богослов изобразил нам Церковь небесную, которую созерцал в духе. – Раскройте четвертую главу его Апокалипсиса: «по сих видех и се дверь отверста на небеси.» – Вот сквозь какие двери смотрел тайновидец. «Я был в духе, – и се престол стоял на небеси и на престоле Седящий... и окрест престола престолов двадцать четыре, и на престолах видел я двадцать четыре старца, сидящих, облеченных в белые ризы, и имели венцы златые на главах своих; и от престолов исходили молнии, громы и гласы, и семь светильников огненных горели пред престолом, которые суть семь Духов Божиих; и вокруг престола четыре животных, исполненных очами отовсюду: первое животное, подобно льву, и второе, подобно тельцу, и третье имело лицо как человека, и четвертое, подобно орлу летящему; каждое из четырех животных имело по шести крыл, изнутри исполненных очами; ни днем, ни ночью не имеют они покоя, взывая: свят, свят, свят, Господь Бог Вседержитель, который

был, есть и будет.» Это символы, данные Церковью четырем Евангелистам, и заметьте, что сидение и стояние священнослужителей на горнем месте бывает собственно во время чтения Апостола и Евангелия. Видите ли, как знаменательно действие сие в чине Божественной литургии, которое есть образ небесной и отражение оной на земле. Не без глубокой мысли предметами мозаических изображений на алтарной стене избраны были два великие момента Божественной службы: – возгласение слова Божия и приобщение вечери Христовой.

Извините, что я несколько как бы отвлекся от своего предмета, но едва ли и отступил от него, потому что Вы от меня требовали символики Софийской, а значение горнего места весьма важно в храме, и я бы желал, чтобы Софийский послужил образцом для вновь сооружаемых храмов, и были бы в них исправляемы погрешности, вносимые западными архитекторами в зодчество Византийское. Не разумея символики и потребности нашего Богослужения, они обыкновенно нарушают необходимое для порядка и чина церковного разделение алтаря на три части; а горнее место думают заменить большою запрестольною картиною, потому что на Западе новейшие престолы приставлены к стене, хотя в самом Риме древние базилики служат для них явным обличием своими горними кафедрами. У нас же все устроено по древнему, а древнее по горнему образцу, как некогда было сказано Моисею при сооружении скинии в пустыне, послужившей начальным образцом не только ветхозаветному храму, но и новозаветной Церкви: «виждь, да вся устроиши по образцу показанному тебе на горе»²⁴. – Это свидетельствует, как должны мы свято соблюдать все священные предания, преемственно к нам дошедшие, и не позволять себе при сооружении наших храмов никаких нововведений, нарушающих древнейшее чиноположение.

Достойно внимания, что на четырех основных арках, поддерживающих главный купол, изображены мозаикою в кругах, еще отчасти сохранившиеся, сорок мучеников Севастийских, которых особенно чтит Церковь, празднуя им

даже и в скорбные дни великого поста, ибо велик по истине был их подвиг. Они предпочли замерзнуть в ледяном озере ради исповедания имени Христова, хотя мучители для большего их искушения затопили на берегу баню, и когда не устоял один из числа их против такого искушения, то место его заступил один из совершителей казни, будучи поражен твердостью духа мучеников, и вместе с ними удостоился нетленного венца. Какая же была мысль изобразить лик сих мучеников на основных арках! – На костях мученических основалась Церковь Божия в первые три века гонений, бывших против нее на земле. Посему предпочтительно изображаются лики мучеников и исповедников на основных столбах ее и арках, и здесь Севастийские, как более именитые, разделены по десяти на каждую арку под главным куполом.

Там, где арки сии опираются на столбы, начертаны были мозаикой лики пророков, возвестивших будущую славу Церкви Христовой, как можно судить по одному сохранившемуся изображению с левой стороны на алтарной арке, хотя и без имени. Вероятно, таким образом расположены были четыре великих пророка: Исаия, Иеремия, Иезекииль и Даниил. Однако с лицевой стороны двух боковых арк, если смотреть к алтарю, сохранились два мозаических изображения не самих пророков, но Той, о Которой они предрекли: се Дева во чреве зачнет и родит Сина, и наречеши имя ему Эммануил²⁵, и благовестившего ей Архангела. Пречистая Дева изображена с веретеном в руках, прядущею, как говорит предание, виссон на завесу Иерусалимского храма пред Святой Святынь, которого таинственным образом была сама. На противоположной стороне Архангел с лилиею в руках, – знамением девственной чистоты Божией Матери. Оба сии лика, на расстоянии всего пространства алтарного, представляют одну полную икону Благовещения, которая, по существующему установлению, необходимо должна быть изображаема в каждой церкви на царских вратах, так как и Тайная вечеря над ними.

Вот все, что осталось от мозаик в Софийском соборе. Остальное лишь фрески; но в их разборе надобно быть осторожным и не смешивать древнего с позднейшим. Весьма

замечательно то обстоятельство, что все одинокие лики Святителей, мучеников и преподобных, в строгом величии расположенные по столбам и тесным простенкам, изображают только святых пяти первых столетий, и нет между ними ни одного из числа позднейших, хотя собор Софийский сооружен в XI веке. Трудно разгадать причину такого исключительного выбора одних древнейших ликов. Не оттого ли, что в Киевской Софии хотели повторить только те иконные писания, какие находились в Цареградской, сооруженной не позже начала IX столетия. Там не было однако фресков, а только одни мозаики, и более на сводах, нежели на стенах, которые покрыты мрамором, как это теперь можно видеть после ее обновления. Может быть, у нас хотели изобразить в лицах одну лишь славнейшую эпоху первобытной Церкви, когда вся она была облита кровью своих мучеников и прославлена исповеданием веры своих Святителей.

При строгом соблюдении единоличности изображений в алтаре и в самой церкви, довольно странно видеть многочисленные картины в жертвеннике и диакониконе, изображающие в первом деяния Петровы, а во втором деяния святых Иоакима и Анны и Матери Божией; едва можно верить, чтобы они были современны мозаике. Гораздо позже времен Ярослава был устроен в отделении диаконикона особый придел св. Богоотец, и можно думать, что в это время расписаны были таким образом его стены. Хотя нет сомнения, что и это древняя фрески, уцелевшие под слоями штукатурки: но едва ли не позднее они разорения Монгольского, ибо тогда выгорела известь по стенам. В отделении жертвенника следовало бы, кажется, искать какие-либо символы приуготовляемой жертвы, а не деяния Апостола: однако тут изображены: изведение Петра из темницы, обращение Корнилия сотника и крещение Апостолом в купели Матери Божией, как предполагает местное предание.

В двух боковых приделах св. Георгия и Архангела Михаила, прилегающих к жертвеннику и диаконикону и современных началу храма, нет сомнения в древности Фрески на горнем месте: ибо тут предпочтительно изображены в колоссальном

размере те лица, коим посвящены сии приделы: Великомученик и Архангел, подобно тому, как и лик Божией Матери в главном алтаре. По сторонам еще видны древние лики первостепенных Святителей, имена коих уже стерты, по три с каждой стороны. Но мне опять кажутся сомнительными деяния Великомученика на стенах алтаря и фигуры волхва и языческого кесаря Диоклитиана там, где древняя, строгая символика допускала только лики тех, кои имели право священнодействовать внутри святилища, т. е. Апостолов и Святителей. Довольно странно и в приделе Архангела изображение низвергаемого дьявола под мечем Архистратига, хотя явления из мира Ангельского скорее могли быть допущены, нежели Фигуры языческие в святыне алтаря. Между фресками, обновленными на хорах собора, опять являются многочисленные картины: предательство Иуды в саду Гефсиманском, жертвоприношение Исаака, как образ жертвы Христовой, посещение Авраама тремя Ангелами, трапеза у него трех Ангелов и три отрока в пещи Халдейской, как символ Троицы: тут еще изображения брака в Кане Галилейской и Господа, возлежащего на вечери. В описании Митрополита Евгения упоминается о портретах некоторых из Великих Князей наших, которые были начертаны стенною живописью на хорах, и теперь уже не существуют. Это соответствовало подлиннику Византийскому, где также на хорах сохранены мозаикою портреты Царей и Цариц различных династий с их детьми, преклоняющихся пред ликом Божией Матери, ибо хоры сии собственно предназначены были для почетных лиц женского пола.

Что касается до уцелевшего изображения различных зверей и ловли, всадников и пеших, которыми украшены были кругообразные всходы, ведущие на хоры, то это во вкусе Византийском и удовлетворяло вкусу наших князей. Четыре бронзовых коня поставлены были, как известно, на фронте Цареградской Софии, и доселе мы видим в древнейших храмах Грузии на их наружных стенах изваянные фигуры различных зверей, преимущественно львов и леопардов, и птиц с плетеницами цветов. – Во Владимирском соборе св. Димитрия на фронте изображен Господь Саваоф на престоле, и вокруг

него лики Ангелов и разнообразные фигуры зверей: тут есть своя мысль: это олицетворение псаломского стиха: «всякое дыхание да хвалит Господа». – Здесь же, в Софийском храме, как и в древних Византийских и Грузинских, это не что иное, как произведение игривой фантазии строителей, допустивших и события из внешней жизни для внешнего украшения своих храмов.

Но за то, как все отчетливо во внутренних частях храма Софийского! Там можно объяснить причину и значение почти каждой иконы, и весьма жаль, что при обновлении собора не держались строго его древней, знаменательной символики. Я уже объяснял Вам, как таинственно раскрывается она с высоты хор до самой глубины алтаря. Достоинно внимания и то, как обдуманы были все фрески и в трапезной части храма: Вы можете опять это заметить на хорах. Так как они предназначены были для женского пола и западная их часть против самого алтаря, преимущественно для великокняжеского семейства: то внизу, на трех ближайших столбах с правой и с левой стороны, изображены только женские лица мучениц и преподобных, которые своим примером должны были возбуждать державных молитвенниц; но дальше трапезной части Вы уже не встречаете на столбах женских лиц.

Говоря о хорах, не могу не пожалеть, что западное окно, теперь крестообразное, слишком тесно; а прежде оно было почти во всю стену, и так оно доселе сохранилось в Цареградской Софии; оттого там проливается чрез это окно в вечерние часы обильный свет заходящего солнца на все золотые мозаики сводов, и вся она как бы горит золотом.

При хорах на столбах продолжаютя отчасти женские лики мучениц с крестами в руках и преподобных с воздетыми горе руками; но их более с правой стороны, нежели с левой. Есть между ними лики и мучеников, и пустынножителей, и царственные лики. Ближе к церковным аркам – святители и пророки; но имена их не всегда удачно подобраны, хотя и старались соображаться с подлинником. Так напр. Моисей у правого клироса представлен с Евангелием в руках, а пророк Иона в одежде, опушенной мехом. Константином назван

Греческий Император в царской одежде с малолетними Царем и Царицею в малом виде по сторонам. Судя по одежде, это не может быть Константин великий, ибо он иначе изображается на фресках Афонских, современных нашим, и в другой короне; это должен быть кто-либо из позднейших Палеологов, и если разгадать, кто сии царственные особы, то по ним можно бы определить время самих фресков. На главной арке три отрока Вавилонские, один над другим, по странной своей одежде, полу-Греческой и полу-Персидской, с звездами на хламиде, так названы оттого, что сходны одеждою с тремя отроками в пещи Халдейской, которые изображены на хорах. На столбах с левой стороны, против жертвенника, написаны фресками два верховных Апостола, Предтеча и Богослов. Меня уверяли, что так найдены были сии фрески, хотя в этой части храма обыкновенно не пишут Апостолов, но в лицах Петра и Павла нельзя сомневаться. Имен сохранилось только 26, из них три женских, прочие все дописаны. Вокруг храма в галереях большею частью мученики во всеоружии, как бы охраняющие святилище. Вообще все сии лики святых на хорах представляют сонм угодников Божиих, как бы видимо участвующих в молитве вместе с православным народом.

На простенках под хорами, ближе к алтарю, обновлены по старым рисункам четыре фрески: явление воскресшего Господа мироносицам, уверение Фомы, вознесение и сошествие Господа во ад или воскресение, которое иначе никогда не изображалось в древней иконописи. Прочие фрески на сих простенках кругом хор утратились и заменены вселенскими соборами, которые тут были написаны со времен Митрополита Петра Могилы. Можно предполагать, что и до него были тут картины семи соборов, по глубокому к ним уважению православной Церкви, ибо и в Вифлеемском соборе, обновленном мозаикою при крестоносцах в XII в. усердием Императора Греческого Мануила, на тех же местах под хорами изображены все семь вселенских и девять поместных соборов, не только в лицах, но и с мозаическим начертанием главных догматов, которые были на оных провозглашены.

Утомительно было бы исчислять все фрески, и даже бесполезно после их обновления; древнейшие более сохранились на арках. Скажу в заключение, что, несмотря на предполагаемую их древность, относимую ко временам Ярославовым, я не могу согласиться, чтобы они были современны мозаикам, потому что нет в них той же строгости в расположении ликов. Странно и то, почему храмоздатель ограничился бы одним алтарем и четырьмя основными арками купола для мозаики? Не позже ли явились фрески? Некоторые из них действительно уцелели в совершенной свежести, как напр. лики мучеников: Стратона и Харитона, в алтаре преподобных Печерских, и носят характер Афонской живописи времен Панселина; но другие оказались с красками, стертыми, а у иных надобно было угадывать самые очерки. Почему же это могло бы так случиться, если все они одинаково были покрыты несколькими слоями штукатурки?

Но вот что меня изумило: опытный в живописи священник, который сам участвовал в иконописном обновлении собора, указал мне на сводах алтарных Успенского придела остатки полустертой фрески: фигуру мученика, говоря, что в таком виде находили большею частью фрески на стенах храма; тут одни лишь очерки: а между тем этот придел не существовал во дни Ярослава, ибо он устроен в наружной пристройке, которую соорудил Петр Могила для укрепления стен Софийских. Как же тут могли явиться фрески, если в его время уже утрачено было искусство писать на теплой извести? – Впрочем, школа фресков еще сохраняется на горе Афонской, хотя и в большем упадке. Не смею говорить утвердительно, но мне кажется, что фрески Киевского собора можно отнести к иному времени, не столь давнему, как эпоха Ярослава, но к XIV столетию, когда первосвятители наши, хотя и водворившиеся уже в Москве, еще посещали Киев и оставались там даже иногда по году, а Митрополит Киприан прожил несколько лет по временном удалении с кафедры Московской. Может ли быть, чтобы столь просвещенный Святитель, видевший благолепие храмов святой горы, мог оставаться равнодушным к запустению своего кафедрального собора и не украсил его вновь стенною

живописью, когда мог пригласит с Афона, ему знакомого, опытных художников для расписывания фресков? – Таково мое мнение; не смею, однако разрешить сего вопроса, предоставляя оный людям, более меня опытным. – Здесь останавливаюсь; – не знаю, удовлетворил ли я Вашему желанию, хотя и старался оное исполнить. Примите слабый труд сей за изъявление моего глубочайшего уважения к той благородной ревности, которой Вы исполнены к нашей древности и святыне.

Киев 14 Августа 1859 года.

III. Значение Киева для России

«Видите ли горы сии?» – невольно восклицает каждый путник, когда внезапно пред ним откроется вся златоверхая святыня киевская на заветных ее высотах. Убогий ли богомолец, едва достигающий на клюках благочестивой цели своего странствия, или роскошный барич, со всеми дорожными удобствами несущийся по гладкому шоссе, одинаково воскликнут при этом чудном зрелище: «Видите ли горы сии?» – Они бессознательно повторяют слова апостола, водрузившего на сих горах первый крест, но едва ли кто из них в сию радостную минуту повторит мысленно в своем сердце и последующие слова Первозванного: «яко на сих горах воссияет благодать Божия».

А это самое и есть та основная черта Киева, которая доселе его делает сердцем всея Руси и к нему влечет из дальних краев всех православных чад ее. Только они одни в состоянии понять и оценить, что такое Киев для русского человека, и здесь, в нашем родном Иерусалиме, находят себе отголосок дальнего, не всегда им доступного на чужбине. – Как же думают усвоить себе Киев в своих несбыточных мечтах люди совершенно ему чуждые, не связанные с ним никакими воспоминаниями отечественными, у коих сердце никогда не билось при звуке лаврского колокола, зовущего во глубину пещер, у которых рука никогда не поднималась для крестного знамения, когда издали проглядывала из чащи леса сторожевая башня Православия – колокольная печерская!

«Видите ли горы сии?» – на них водрузил Первозванный знамение нашего спасения, но хотя по всей Скифии проповедал апостол, он почитается только апостолом Руси, и одни лишь православные племена славян благоговеют к его памяти. – «Видите ли горы сии?» – с их вершины низвергнул Перуна равноапостольный князь, но он был просветителем только земли Русской; кровь его доселе течет в жилах древних княжеских родов наших; гробница его доселе стоит в сооруженной им Десятинной церкви, а честная глава его – в

Лавре Печерской; крещальня двенадцати его сыновей видна еще в долине Крещатика, который напоминает своим именем Крещение всея Руси. – Это все чрез столько веков неразрывною цепью связывает с ним все истинно русское – православное, которое видит в св. князе Владимире начаток нашего спасения. Но его имя и память чужды тем, кто не носит имени русского; едва-едва, как бы чуждые пришельцы, включены оба наши равноапостольные Владимир и Ольга в святцы западные, хотя для нас были они денницею христианства.

А дети Владимировы, наши князья-страстотерпцы Борис и Глеб, здесь подвизавшиеся! – А лики преподобных, воссиявшие нам из мрака пещерного по манию великих отцов иночества, Антония и Феодосия, и доселе как бы заживо почившие на ложах своих во свидетельство векам минувшим! – Сия сокровищница мощей в недрах земли драгоценнее всех сокровищ, сзывающая к себе тысячи богомольцев от Дуная и до Амура, – разве она возбуждает малейшее сочувствие нынешних мнимых родичей Киева, на него посягающих как бы по праву местных землевладельцев, хотя они искони были ему чужды и в новейшие времена не могут с ним сродниться ни сердцем, ни душою.

Но как отличил премудрый Соломон на своем судилище истинную мать от мнимой? – не по материнским ли ее чувствам к своему младенцу, когда возвратил ей лукаво усвоенного чуждою? – Не надобно спрашивать и о Киеве: чей он или чьим будет? – стоит только выйти весною на чудный мост его или окинуть взором окрестные пути с какой-либо из его высот, и вы без всякого слова поймете, кому единственно может принадлежать Киев. Невольно повторится вашему сердцу сия радостная пасхальная песнь: «Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь, се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада и севера и моря и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки».

И на каком прочном основании утвердили православие в Киеве Просветитель наш и сын его великий Ярослав, так что и чрез восемь столетий никакая неприязненная сила не может поколебать его на сих заветных горах! – Если рушилась от

разгрома монгольского Десятинная церковь равноапостольного князя, то его уцелевшая гробница послужила основным камнем для обновленного храма; а Св. София, древнейшая митрополия всея Руси, где в начале утвердилась кафедра первосвятителей наших, устояла сквозь все бури времен и народов во свидетельство тому, что никогда не будет сдвинут с места своего сей начальный наш светильник и нерушима горняя стена его под молитвенною сенью Матери Божией.

Не поколебался краеугольный камень Св. Софии и тогда, когда уже, казалось, самая кафедра ее перенесена была на север, вместе со столицей князей и владык в престольную Москву. Киевскими, а не Московскими возглашались в соборе Успенском митрополиты всея Руси; три ее церковных столпа, Петр, Алексей, Иона, так записаны в святцах русских, и все три священнодействователи на престоле софийском. – Когда же разделилась митрополия на северную и южную, во главе стал опять Киев, несмотря на жительство его владык в пределах литовских; еще теснее сделалась связь его с Царьградом, ибо митрополиты Киевские приняли на себя титул экзархов Вселенского Патриарха, и этот период юго-западной нашей Церкви запечатлен мученической кончиною митрополита Макария, которого нетленные мощи почивают в храме Св. Софии, как бы для нового утверждения ее кафедры.

Отпадение в унию почти всей иерархии юго-западной, начиная с самой главы, временно угрожало совершенным запустением Церкви, но не могло, однако, здесь поколебать Православия. Напрасно стучалась неприязненная уния в двери софийские; они оставались заключенными на все время преобладания западного, и замолк глас молитвы внутри святилища, доступного только православному богослужению, которым впервые оно огласилось. «Господь утвердит селение Свое утро заутра» – начертано греческими письменами поверх нерушимого образа Пречистой Девы, стоящей на камени, воздевшей к небу руки о Своем доме и людях, и дом Премудрости Божией с древней его кафедрою остался навсегда краеугольным камнем Православия на юге нашего Отечества.

Патриархи восточные подвиглись со своих престолов, чтобы не дать его сдвинуть иноверным, и святитель Иерусалимский обновил опять митрополию Киевскую и всю иерархию Юго-Западной Руси, а ряд великих мужей Церкви на кафедре софийской укрепил навсегда Православие в Малой России, связав ее сперва гражданскими узами с Великою, а потом и церковными с патриаршим престолом Москвы, но Киев остался навсегда первенствующей кафедрой Русской Церкви.

Знаете ли, какую силу имеют слезы преподобных? – течением их и глубиною своих воздыханий возделывают они бесплодие пустыни, и потом из мрака ее светят вселенной. – Если в том сомневаетесь, взгляните на Лавру Печерскую: что был Антоний, безвестный отшельник? что Феодосий! – отцы иночества на Руси? – Не в духе ли прозорливости предсказал современный им летописец Нестор, как прочно полагаемое ими основание: «Многие обители, – писал он, – основаны были от князей и бояр, но не таковы они, как те, которые созидаются молитвой и слезами!» – Так соорудили свою обитель Антоний и Феодосий, и вот она не только пустила бесчисленные ветви во всю Русскую землю, но и в самом Киеве сделалась корнем Православия.

Благодетельное влияние Лавры Печерской соображалось с нуждами времени и было столь же разнообразно, как и самые обстоятельства, его вызывавшие на помощь обуреваемым. Во времена домонгольские она рассылала своих подвижников проповедовать имя Христово между язычниками, и многие из новых епископских кафедр украсились ее иноками. Когда опустел Киев после бури монгольской, то в пещерах бывшей Лавры появились опять подвижники, возбудившие духовную жизнь на пепелище древней столицы, доколе не поднялась она вновь из своих развалин. Обновилась и самая Лавра уже под владычеством Литвы, еще тогда не зараженной фанатизмом римским, и стала центром Православия на всем юге, когда начались гонения римские с присоединением Литвы к Польше и особенно при появлении унии.

Ратовали за Православие сильные тогда князья Острожские; но двигателем их был именитый архимандрит

Лавры, Никифор Тур, ревнитель Православия на соборе Брестском. Его преемники сделались единственными воителями за Церковь Русскую, доколе не обновилась ее иерархия благословением Патриарха Иерусалимского. Но и тогда Лавра Печерская оставалась сердцем и средоточием, одна отразившая на юге весь неприязненный напор унии: туда стекались все молитвенники, оттуда истекала помощь духовная и даже вещественная, по обилию ее средств.

Когда же настало время действовать просвещением духовным, чтобы преодолеть козни иезуитов, которые повсюду домогались распространить свое учение, то не из Лавры ли опять возник сильнейший им отпор? Братское училище было поистине чадом Лавры, ибо ее великий архимандрит Петр Могила, восшедши на кафедру Св. Софии, сделался не только благодетелем, но и обновителем сего братства, которое пролило столько просвещения духовного на всю Русскую землю и доселе процветает, как старшая Академия наша. И так смиренные отшельники Антоний и Феодосий более сделали для Киева, нежели самые князья его, и даже до сих пор Лаврою их дышит Киев, привлекая толпы богомольцев к заветной ее святыне.

Отнимите Лавру – и изменится весь религиозный характер Киева; заключите врата Св. Софии, как было во дни унии, и утратится предание древнейшей иерархии нашей; если только опустеет златоверхая обитель, куда зовет Великомученица одних лишь православных богомольцев, хотя она пострадала за Христа в то время, когда еще не было разделения Церквей, – и опустеет старый Киев, ибо на сих трех священных местах: в Лавре, в Св. Софии и в обители Михайловской сосредоточена вся его жизненная сила; там его душа, его сердце. Без них останется один лишь торговый город, каких много на Руси, но утратится его церковное значение, а чрез это оскудеет и самый город. – Не то же ли будет и с Римом, когда он перестанет быть столицей западного христианства?

Тогда только могут усвоить себе Киев иноверцы, если нарушится жизненная его связь с Россией, т.е. Православие, которое издревле пропитало собою весь его внутренний

церковный быт. Но доколе теплится тихая лампада над гробом преподобного Антония в Ближних пещерах, доколе спускается при торжественных гимнах чудная икона Успения в царских вратах Великой церкви, доколе стоит нерушимая стена софийская с ликом Богоматери, осеняющей престол, на котором уже восемь веков приносится Безкровная Жертва православных, – до тех пор не поколеблется древний град Владимира и Ольги на его заветных горах, благословенных Первозванным апостолом. «Горы окрест его, и Господь окрест людей Своих», по выражению псаломному о Сионе, граде царя великого, – а Киев наш родной Сион!

1861 г.

IV. Крестный ход на Крещатик в день Св. Владимира.

Гадостное событие ознаменовало в древнем граде св. Владимира день его памяти и место крещения его двенадцати сыновей: – обновился временно оставленный, но незабытый сердцем Киевлян крестный ход к их купели, которая была начатком духовного просвещения всея Руси! Воды Почайны, оттесненные Днепром, как бы вновь хлынули к своему устью, где присоединился к ним ручей Крещатика: и древняя мать градов Русских созерцала чрез восемь столетий то умирительное зрелище, какое поразило некогда наших предков в сей священной юдоли.

Не будем говорить, как и почему прекратился торжественный ход, исполненный стольких воспоминаний отечественных и церковных. Будем радоваться и благодарить Бога, что опять восстановлен еще в большем блеске. Тогда одна лишь крутая стезя спускалась к уединенному кладезю и не были обделаны окрестные горы; теперь уже все пути стропотные сделались правыми, по выражению евангельскому, и царский путь из обеих столиц пролегает вдоль берега Днепра, привлекая благоговейное внимание мимоидущих к соседнему памятнику Крещатика. Одинокий столп его, увенчанный крестом, возвышается из зелени холмов уже более не в пустыне, которая процвела окрест него: собор Софийский, отколе бывали ежегодно крестные ходы на источник Владимиров, храм Десятинный, бывший соборным во дни св. князя и где сам он почиет в древней своей усыпальнице, уже обновлены после многих лет ожидания; – они готовы опять выпустить из священных врат своих толпы богомольцев, вслед за победными хоругвями Царя славы, туда, куда шествовал некогда сам равноапостольный князь для крещения чад своих и всенародной семьи. И так устремимся опять вслед за ним к спасительной купели в день его памяти и в день преполовления Пасхальных торжеств и почерпнем там духовную радость и

благодатные исцеления: ослепший в язычестве прозрел в минуту крещения; его источник врачует также болезни глаз.

Давно уже благочестивые Киевляне жаждали восстановления памятника, который пришел в совершенную ветхость; была мысль построить над кладезем и небольшую церковь; но прежде, нежели соорудить вещественное здание в честь Равноапостольного, надлежало обновить духовное торжество, напоминавшее нам крещение Руси, у подножия святых гор Киевских, на коих водрузил крест перевозванный Апостол: и вот, по взаимному усердию духовных и светских властей богоспасаемого Киева, восстановлен ход! Достаточно было не многих слов, чтобы как от искры вспыхнуло пламя: – до такой степени было возбуждено общее внимание к святому месту и делу. Ревностный архипастырь благословил, усердный начальник края оказал необходимое содействие, и все мгновенно исполнилось: так всегда бывает, когда благое предприятие уже достигло своей духовной зрелости.

Умилительное зрелище представлял Киев в день памяти своего просветителя; казалось, сам он, по слову церковной песни, восседал опять на высоте престола богоспасаемой матери градов! Так все было исполнено его именем, и, свыше всякого слова, свидетельствовало на самом деле, что здесь во истину сердце Руси всегда было, есть и будет: – Киев псаломный град Царя великого: горы окрест его и Господь окрест гор!

В Десятинной церкви, усыпальнице св. Владимира и Ольги, совершал божественную литургию Митрополит Арсений, ознаменовавший первый год своего святительства в Киеве столь утешительным событием для своей паствы. Во время литургии выступил из соборного храма Ярославова крестный ход со святынею Софийскою: с ковчегом, где хранятся части мощей великомученицы Варвары и равноапостольных просветителей всея Руси и вселенной, князя Владимира и царя Константина, и с древнею чудотворною иконою Святителя Николая, заступника земли Русской. Икона всех скорбящих Радости присоединилась к ним у церкви Златоустовой на пути к Десятинной: в ее ограде ожидали они владычного хода, к

которому должна была постепенно присоединяться святыня прочих церквей, стоявших на его торжественном пути; и вот вышел Владыка из храма Десятинного со всем своим клиром, неся честный крест над главою для освящения вод. Хоругвям церковным предшествовали разноцветные значки всех цехов Киевских, а знамена воинские следовали за духовным шествием для их окропления над возобновленным источником св. Владимира; бесчисленные толпы народа двигались по сторонам, замедляя шествие, но вместе с тем и придавая ему чрезвычайную торжественность.

Не по широким улицам обновленного Киева, старого только по имени, потянулось шествие; нет, оно последовало той стези, которую шествовал сам равноапостольный князь, из соборного храма Десятинного, мимо своих теремов и упраздненного им холма Перунова, к златоверхой обители Михайловской. знаменовавшей победу Архистратига над древним врагом человеческим. И вот с того холма, где водрузил Апостол первый крест, возвестив будущую славу Киева, спустился по высокому крыльцу клир церковный с частицею мощей Первозванного, которая была принесена с горы Афонской, как будто сам Апостол нисходил видеть исполнение своих пророчеств. Ковчежец мощей его понесли рядом с ковчегом Софийским равноапостольного просветителя нашего, который водворил на Руси Христианство, предсказанное Апостолом. – Какой отголосок на расстоянии стольких веков и вместе с тем какой предмет для благоговейных дум! – Это была первая торжественная встреча, вторая же у бывшего холма Перунова, где из первоначальной церкви Владимировой вынес икону его Ангела протоиерей Трехсвятительский, как бы приветствуя св. князя.

На каждом шагу историческое воспоминание! Далее из врат златоверхой обители, основанной первым Митрополитом Киевским во имя Ангела своего, вышел со всею братией настоятель ее, епископ Серафим, с иконою великомученицы при пении хвалебных гимнов. Опять остановилось торжественное шествие и опять опустил с главы своей Владыка крест осеняльный, чтобы окадить святую икону и осенить на все

страны стеснившиеся толпы народа. Отселе уже не летописною стезею старого Киева, где сходили к Почайне во дни Владимировы, ибо давно засыпан Боричев взвоз, но по крутому спуску мимо римского костела тронулось шествие на Крешатик.

В эту минуту, на встречу главного владычного хода, должен был спускаться мимо зелени царского сада другой крестный ход из лавры Печерской, и чрезвычайно великолепно было бы соединение обоих у фонтана на улице Крещатика; по, к сожалению, лаврский несколько опоздал и настиг только у самого схода в глубокую юдоль к источнику во время чтения молебного Евангелия. Крестное шествие из лавры было уже само по себе чрезвычайно величественно, потому что в нем участвовали, под предводительством наместника, архимандрита Иоанна, двенадцать иеромонахов и весь клир великой церкви со списком чудотворной иконы Божией Матери и драгоценным образом равноапостольного князя, который принесло в дар усердие царское. Сюда же присоединилось духовенство всех Печерских церквей с своею святынею и ректор семинарии, как настоятель обители малого Николая, со всею братией, неся чудотворную икону Святителя. Толпы богомольцев устремились в след за святынею из лавры, так что с большим трудом могли соединиться оба крестные хода в тесноте долины, наводненной народом. С обеих сторон были им унижены все горы снизу и доверху, как будто роскошный цветник внезапно испестрил их зелень своенравными узорами самых ярких и непрестанно движущихся плетениц.

Это было чудное зрелище, какого не может себе представить самое пылкое воображение. Промежду сих живых стен отрадно веяли хоругви и знамена, спускавшиеся к источнику, а вдали, в зеленой раме расступившихся гор, как бы рассеченных одинокою колонною Крещатика, открывался синий Днепр с белыми парусами мимо плывущих судов и дальние темные леса Черниговские. Давно минувшим дышало это настоящее; можно было перенестись духом в первые времена возникающей Руси, к колыбели ее веры, когда, по слову своего князя, стремилась Русь с тех же высот, такими же несметными толпами, сюда на Почайну, ко всенародной своей купели. Тогда,

как и теперь, единое чувство одушевляло всех; здесь можно было убедиться каждому, до какой степени природна нам сия священная почва Киевская, и как несвойственно ей все чуждое, непропитанное родным ей православием, которое закреплено у нас целыми веками священных преданий.

Но тем не ограничилось церковное торжество: третий крестный ход из всех церквей Подола, предводительствуемый ректором академии, архимандритом Филаретом, с иноками Братской обители и с чудотворною иконою Богоматери, ожидал уже пришествия двух первых, из старого Киева и лавры. Таким образом тройственное их соединение совокупило единодушною молитвою все части горного и дольного города у того священного источника, где, в числе двенадцати сынов Владимировых, крестились и св. страстотерпцы Борис и Глеб. В обновленной красе являлся памятник Крещатика над кладезем, где опять заструились живые воды целебного источника и пробивались фонтаном из водоема, как бы радуясь, что вновь исторглись на Божий свет из недр земли после долгого запустения.

Прежде, нежели приступить к освящению вод, Митрополит произнес над самым кладезем умиленное слово, в коем изобразил многовековую летопись престольного Киева и, начав от проповеди Первозванного, возвестившего благодать Божию на сих горах, обратил внимание слушателей на событие сего пророчества. Владыка указывал постепенно на величественные храмы, коими украсился Киев древний и новый, на святыню Софийскую и Златоверхую, на преподобие лавры с ее почившими подвижниками во глубине пещерной, и на выпсренний храм Апостола, где водружен был первый крест. Тогда совершил освящение и, что весьма замечательно, нечаянно опустил на дно кладезя крест Десятинный, как бы для более прочного основания, так что должен был заимствовать для освящения другой крест, принесенный из лавры.

Освятив источник, окропил Митрополит знамена воинские около памятника, и крестный ход стал обратно подыматься по крутой стезе к старому Киеву. На каждом шагу было замедляемо шествие усердием народа, который стремился

принять благословение своего Архипастыря. Слышны были из толпы благодарные возгласы за обновление священного источника и давно желанного крестного хода. Как только отступило духовенство от кладезя, хлынули к нему толпы богомольцев, чтобы зачерпнуть его живой струи, ибо, по давнему преданию, целительны для глаз воды сего источника, – быть может, в память прозрения самого равноапостольного князя при своем крещении. Весь этот день, от утра и до вечера, теснился парод с водоносами около кладезя, и доселе каждое утро до зари стекаются туда богомольцы, ибо предание гласит, что целебная сила вод сих действеннее до восхождения солнца.

Таково усердие Киевлян к святому месту, возвращенному молитве и чрез то сделавшемуся опять достоянием верующих. Граждане собрали уже несколько денег, чтобы устроить часовню при кладезе для охранения его святыни, чему благоприятствует близость его к большой дороге и купальням, где в летние дни стекается все лучшее и богатое народонаселение города. Омывающиеся ради прохлады в водах Днепра пусть вспомнят о том духовном омовении грехов, которое истекло некогда на всю Русь из сей первоначальной купели их предков, и пусть каждый, мимоходя, принесет сюда свою лепту. Со временем устроится над кладезем и небольшая церковь во имя равноапостольного князя, на память крещения всея Руси: ибо отселе собственно можно считать не только церковное, но и гражданское начало ее существования, так как она вся переродилась чрез духовное свое просвещение. – Господь да благословит благое начинание!

1861 г

V. Обновление крещальни Св. Владимира

Повторилось и в нынешнем году торжество прошлогоднее, и еще с большим блеском: крестный ход к крещальному памятнику св. Владимира, на сей раз обновленному в первобытной красоте своей общественным усердием граждан Киевских и некоторых доброхотных дателей. – Величественное зрелище сие было достойно Киева и древней его святыни, и здесь во всей полноте представилось церковное значение матери наших градов, обилие духовного ее богатства в предносимых чудотворных иконах и многочисленности священного клира при веянии бесчисленных хоругвей, сих победных знамен воинствующей Церкви Господа Сил. Горы Киевские, которым некогда предсказал Апостол благодать Божию, покрыты были народом, уже восприявшим сию благодать; густые толпы его благоговейно спускались в глубокую юдоль к источнику, и все окраины оврагов унижены были живою плетеницей самых ярких красок: все это стремилось к водам, как бы на зов Равноапостольного. И, при этом всенародном стремлении, глубокая царствовала тишина, так что ясно слышны были гимны, воспеваемые в честь просветителей Руси. Здесь, в этом церковном торжестве, вернее и чище всяких политических возгласов, выразилось истинное Русское православие Киева и невольно вырывалось из уст неодолимое сознание: что Киев может быть только сердцем Руси и ничем иным.

Много воспоминаний отечественных и церковных соединилось в один этот радостный день, который вместе с тем был и днем воскресным. Церковь совершала память шести вселенских соборов, утвердивших ее православие на незыблемом основании; праздник св. Ольги, случившийся в течение недели, отнесен был, по-новому порядку, к тому же воскресному дню, – и таким образом вместе совершалась память равноапостольных бабки и внука. Было сверх того и отечественное торжество, по случаю рождения Великого Князя Вячеслава Константиновича, который присовокупил именем

своего Ангела, просветителя Славян западных, к именам наших родных просветителей. Повсеместный звон колоколов в продолжение целого дня придавал ему особенное торжество.

Митрополиту угодно было ознаменовать этот день заложением храма в честь св. Владимира, который давно уже предполагалось соорудить на новых местах близ университета. Место сие было избрано еще праведным старцем, Митрополитом Филаретом, оставившим по себе столь благую память в Киеве. Но он не успел положить первый камень величественного собора, который хотел воздвигнуть по обновленному образцу древней св. Софии. Обстоятельства изменились, и доброе намерение отлагалось с года на год; изменены были самые размеры громадного здания по недостатку средств; и вот нынешнему Митрополиту Арсению, возобновившему крестный ход на крещальню св. Владимира после долголетнего ее запустения, суждено было привести в исполнение давнее желание двух своих предместников и всех Киевлян православных.

После Божественной литургии в Десятинной церкви, обновленной недавно усердием царским, двинулся крестный ход от гроба равноапостольного князя сперва на крещальный кладезь. Митрополит шел со крестом во главе всех священнослужителей старого Киева, которые несли святыню Софийскую и чудотворные иконы ближайших церквей. Пред вратами златоверхой обители встретил его викарный епископ Серафим со всею братией Михайловскою. Умноженный ею ход спустился к фонтану у Царского сада, и там соединился с ним еще один крестный ход, предводимый наместником лавры с многочисленным ликом ее иноков и клиром церквей Печерских. Когда же они спустились в долину к источнику св. Владимира, там на обширной террасе, вновь устроенной около памятника, ожидал еще один крестный ход всех Подольских церквей с чудотворною иконою Братския Божия Матери: таким образом три величественные хода тройственными гимнами слились во едино у священного источника.

Самый памятник, как феникс, возродившийся из своего пепла, в обновленной красе утешительно представился взорам

идущих к нему со всею святынею Киева; ярко сиял в лучах солнца на темной синеве Днепра белый одинокий столп, увенчанный золотым крестом над легким куполом, который имеет вид крещальной чаши. Резко отличается белизна колонны от темной, как бы гранитной, арки, на которой она так легко поставлена, а под аркой самая часовня, и внутри ее источник, где крестил св. Владимир двенадцать своих сыновей и знатнейших бояр Киевских; чистая вода струится из ветвей креста в чашу над устьем крещального кладезя. Две великолепные иконы Равноапостольных, которые пожертвовала лавра, уже поставлены на двух столбах часовни, и вся она постепенно украсится подобными иконами столь же дорогого письма.

Замечателен лик св. Ольги: по преданию, это есть верное ее изображение с древнего списка, подлинник которого писан в Цареграде после ее крещения живописцем Императора Константина Багрянородного и хранится в роде князей Белосельских. Греческими письменами начертано на иконе: ἡ τοῦ γένους ρώς δεσπῆνα, ἐπδῆσε Γρηγορῶς ὁ ζωγράφος Κωνσταντίνου τοῦ πρῶτου βασιλέως (сия есть Владычица племени Руссов, писал Григорий, живописец Константина Багрянородного). Тут будут и лики родственных ей святых: страстотерпцев Русских Бориса и Глеба, Игоря, Михаила Черниговского, княжившего в Киеве при разорении Монгольском; тут и Святители Киева: Михаил и священномученик Макарий, и преподобные Печерские Антоний и Феодосий, и Сергей, отец иночества на севере России, – и великий Арсений, держава безмолвия, как ангел нынешнего Владыки, при коем обновился священный памятник. Святитель Николай, избранный воевода и покровитель земли Русской, великомученица Варвара, украсившая Киев своими мощами, – первозванный Апостол, предвозвестивший благодатную его славу, и великий Предтеча Господень станут также в ликах святых, расположенные крестообразно на стенах часовни. Небо ангельское и земное небо преподобных украсят ее своды вместе с четырьмя изображениями чудотворных икон Божией Матери: нерушимой стены Софийской, Успения, что над

царскими вратами лавры, и двух образов св. Софии, Киевского и Новгородского. В самом куполе Господь Вседержитель в сонме Ангелов; в руке его евангелие, отверстое над самым устьем крещального кладезя с такими словами св. Ев. Марка: «иже аще веру иметь и крестится, спасен будет». Так одна мысль о благодатном крещении и память всех угодников Божиих, прославленных в Киеве, наполнят собою священную часовню, и дадут ей символическое значение о духовном обновлении земли Русской.

Пусть красуется некогда великий Новгород новым своим памятником тысячелетия Руси, который мысленно возводит нас еще к языческим ее временам, по слову летописца Нестора, «откуда пошла земля Русская». Древняя мать городов наших, стряхнув с себя прах своих развалин, утешительнее напомним нам эпоху духовного возрождения нашего, и этот скромный, крещальный памятник Равноапостольного послужит свидетельством девятисотлетнего Христианства Руси, которая с того только времени и получила свою самобытность. В Новгороде будут с изумлением смотреть на благолепные изваяния роскошного памятника, где вся наша история представлена в лицах, и великие ее деятели обозначают собою различные грани сей тысячелетней славной летописи, которой начальный свиток в руках мудрого Нестора. Здесь же в смиренном Киеве иной Нестор, глаголемый некнижный, почивший также в пещерах, не словом летописи, но духом молитвы повлечет благоговейных читателей священной старины к бывшему устью Почайны, откуда действительно пошла земля Русская, возрожденная в этом Иордане. Мимо всех событий минувшего, каждый чувствует тут духовное родство свое с просветителем Руси, по внутреннему сознанию своего Христианства, – ибо это все духовные его дети, которых ему дал Бог, по слову псаломному, как и те двенадцать сыновей, которых он крестил в этой купели. Собственное его исцеление от слепоты не только духовной, но и телесной, в водах крещения освятило давним преданием и сию купель, что здесь болящие глазами получают прозрение, если только умоются в водах источника до восхождения солнца. Благоговейное

чувство к сему кладезю, переходящее безотчетно от отцов к детям, бесчисленными стопами богомольцев пробило девятисотлетнюю стезю в горах Киевских на источник Владимирова; – сюда текут волны народные, не считая годов и столетий, мимо протекших со всеми их бурями и многое стерших с лица земли: – ибо у Господа день един, как тысяча лет, и тысяча лет, как единый день, символ же Христианства – вечность, без различия времен.

От источника поднялись все три крестные хода: Старокиевский, Печерский и Подольский на возвышенную террасу, где стоит иной гражданский памятник св. Владимиру – громадное бронзовое его изваяние на высоком пьедестале, господствующее над долиною Крещатика, бывшим устьем Почайны и привольным течением Днепра. Большой крест в руках Равноапостольного, а у подножия изображена картина крещения Руси. Толпа народа обступила памятник, как бы приютившись под сень его креста: около него торжественно двигались по окраине горы победные хоругви многочисленного клира. Митрополит поднялся на чугунные ступени, окропил памятник и с высоты их осенил крестом во все стороны, как бы от лица Равноапостольного, исполняя то, что и сам он готов бы был сделать в сию радостную минуту. И воды, и горы Киевские – все будто бы отозвалось осеняющему их пастырю. Это было самое торжественное благословение, какое можно себе вообразить в столь великолепной раме, вполне достойное того именитого *urbī et orbī*, которым хвалится Рим.

Оттуда двинулся общий ход по зеленой террасе под сепию тополей на вершину горы; к обители Михайловской по новой дороге, для него прокопанной в углублении горы, и направился мимо собора Софийского прямо к тому месту, где должна была совершиться закладка храма. Проходя мимо памятника св. Ирины, который поставлен над развалинами ее церкви, Митрополит остановился, обошел кругом колонну и окропил ее святою водою; потом в виду древних Златых ворот Ярослава осенил издали сей торжественный вход Великих Князей Русских, Ольговичей и Мономаховичей, в их столицу, которую оспаривали друг у друга. Златыми вратами окончилась

летописная местность старого Киева, и начались так называемые новые места, над коими господствует университет св. Владимира. Не доходя его, на обширной площади избрано место для нового храма Равноапостольному, и тут совершилась торжественная закладка в присутствии всех светских и духовных властей Киева. Митрополит заключил священный обряд назидательным словом, напомнив нам, новому Израилю, судьбы старого, чтобы мы не превозносились посреди нашего величия, а смиренно сознавали свое недостойнство, усердием к Церкви выражая любовь свою к Богу.

День спустя, еще одно церковное торжество совершилось в близлежащем Вышгороде, бывшем селе Ольгином, которое всегда было уделом наследника великокняжеского престола, и где до разорения Монгольского открыто почивали мощи св. князей Бориса и Глеба. Там усердие местного священника в весьма скорое время, хотя и с весьма скудными средствами, соорудило каменную церковь во имя св. Страстотерпцев вместо убогой деревянной, приходившей в ветхость. Новое здание поставлено отчасти на старом фундаменте великолепного храма Мономахова, который стерла с лица земли буря Монгольская; но утешительно было видеть хотя и небольшую церковь каменную на этом священном месте, которое господствует над всею долиною Днепровскою и далеко видно из Киева. Неутомимый Архипастырь, как бы забыв трудный свой подвиг в день св. Владимира, с обновленными силами явился на освящение храма сыновей Равноапостольного, которых купель только что обновил в долине Крещатнка.

И на следующий день продолжал он святительский свой подвиг, спустившись с Вышгорода в Межигорье, где совершил св. литургию в храме Преображения, бывшей знаменитой обители, которой запустения нельзя видеть равнодушно. Уже обновилась Святогорская, опустошенная тою же рукою Таврического князя; неужели же не обновится и Межигорская, которая создана для безмолвия иноческого в своих глубоких удолиях и роскошных садах, ныне уже загложших, на красных берегах Днепра? Отрадно было видеть благолепное служение Митрополита в величественном храме, который сооружал

Патриарх наш Иоаким, бывший послушником Межигорским. Оно мысленно переносило нас к лучшим временам сей древней обители, которой имя было так громко во всех пределах южной России.

1862 г.

Примечания

- 1 - Рим. 1, 20
- 2 - Мф. 26–13
- 3 - Мк. 14–8
- 4 - Иоан. 13:12–17
- 5 - Апокал. 8
- 6 -
- 7 - 3 Царств 3–9
- 8 - Евр. 13. 7–8
- 9 - Иоан. XI. 44
- 10 - Матф. V. 7
- 11 - Матф. XXV. 40
- 12 - Рим. I, 20
- 13 - Быт. III
- 14 - Пс. 124, 2.
- 15 - Пс. 86.
- 16 - Рим. VIII. 18
- 17 - Филип. I. 21
- 18 - Евр. ХШ, 14
- 19 - Евр. 2, 17, 18.
- 20 - псалом 45
- 21 - гл. 9, 6.
- 22 - Лук. 19, 40
- 23 - IX, 1. 3.
- 24 - Исхода XXV, 40
- 25 - Ис. VII, 14